

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022

№ 76

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джезефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Сайдов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeny F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Драч О.А. «Всем обязана лишь себе самой»: Роксандра Стурдза – обретение идентичности в эпоху трансформаций конца XVIII – начала XIX в.	5
Исаев А.А., Федирко О.П. Реакция военнослужащих ОКДВА и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг.	12
Кикнадзе В.Г. Государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма с использованием информационных технологий	25
Мельник В.М. Между Бессарабией и Подольем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций (взгляд антрополога)	31

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Ватикан в современной Африке (к 50-летию визита в Уганду папы римского Павла VI)	38
Пакулин В.С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «большого евразийского партнерства»	47
Погорельская А.М. Эволюция регулирования трудовой миграции на евразийском пространстве в XX – начале XXI в.	56
Симоненко Е.С. Роберт Борден и политика консервативного правительства Канады в годы Первой мировой войны	63
Соков И.А., Шульц О.Е. Со времен лорда Пальмерстона до президента Б. Обамы: возрождение крымской квазисистемы международных отношений в XXI в.	74
Шестакова С.С., Юматов К.В. Трансформация подходов стран ЕС по заключению и реализации СВПД по иранской ядерной программе	79
Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны	89

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Балтабаева К.Н., Кабулдинов З.Е., Рыскулов Т.А. «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.» как источник по изучению политических репрессий казахов за пределами советского Казахстана	100
Бирюков С.В., Андреев А.В., Барсуков А.М., Карпов Д.С. Закономерности и парадоксы Октябрьской революции 1917 года	111
Тиникова Е.Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке	120

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Drach O.A. «I owe everything to myself only»: Roxandra Sturdza – acquisition of identity in the era of transformations of the late 18th – early 19th centuries	5
Isaev A.A., Fedirko O.I. The reaction of the military personnel of the Special Red Banner Far Eastern Army (SRBFEA) and their relatives to collectivization and dekulakization in the USSR in the early 1930s	12
Kiknadze V.G. The state policy of the Russian Federation on countering the spread extremist and terrorist ideology through information technologies	25
Melnyk V.M. Between Bessarabia and Podolia: Ladawa monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and a center of political traditions (anthropologist's view)	31

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Vatican in modern Africa (on the 50th anniversary of the pope Paul VI's pilgrimage to Uganda)	38
Pakulin V.S. The processes of integration of the Eurasian Economic Union and Chinese «Belt and road» initiative within the framework of the "greater Eurasian partnership" concept	47
Pogorelskaya A.M. The evolution of labour migration regulation in Eurasia in the XX–XXI centuries	56
Simonenko E.S. Robert Borden and the policy of the conservative government of Canada during the First World War	63
Sokov I.A., Shults O.E. Since the times of the lord Palmerston to the president B. Obama: the revival of the Crimean quasi-subsystem of international relations in the XXI century	74
Shestakova S.S., Yumatov K.V. Transformation of EU countries' approaches to the agreement on and implementation of the JCPOA on the Iranian nuclear program	79
Yungblyud V.T., Zorin A.V. Czech and Slovak organizations in the United States during the World War II	89

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Baltabayeva K.N., Kabuldinov Z.E., Ryskulov T.A. «The book of victims of political repression in Kyrgyzstan in the 1920s–1950s» as a source for the study of political repression against Kazakhs outside soviet Kazakhstan	100
Biryukov S.V., Andreev A.V., Barsukov A.M., Karpov D.S. Patterns and paradoxes of the October revolution of 1917	111
Tinikova E.E. Approaches to the study of the Russian model of urbanization in the view of modern historical science	120

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Берман Е.А., Генина Е.С., Орехова Н.А. Еврейская община Иркутска в конце XIX – начале XX в.: проявление российского феномена «двойного раввината»	128
Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г.	137
Мальцева О.В. Образы-понятия в восприятии водного пространства нанайского рыбака	142
Садырин А.А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии	151
Шерстова Л.И. Трансформация восприятия народов Сибири в историческом контексте русской колонизации XVII – начала XX в.	157

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Анкушева П.С., Алаева И.П., Анкушев М.Н., Батанина Н.С., Блинов И.А., Рассомахин М.А., Чикунова И.Ю., Юминин А.М. Доисторические технологии горного дела: рудник Новотемирский в Южном Зауралье	166
Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья	180
Грушин С.П., Фролов Я.В. Могилище Калистратиха-III в системе Сейминско-турбинских памятников Обь-Иртышья	192
Мартынов А.И. О влиянии естественно-исторических законов в степной Евразии в археологические периоды	203

РЕЦЕНЗИИ

Лозбенева Т.Б., Лозбенев И.Н. Филолого-исторический анализ малоизученных проблем российских регионов начала XX века. Рецензия на книгу: Воронин Д.В., Мартыненко Ю.А. Первая мировая война в судьбах томичей. Томск: Графика, 2019. 128 с.	209
Мауль В.Я. О книге А.Н. Минха «Разбой и клады Низового Поволжья»	213

PROBLEMS OF ETHNOLOGY, ANTROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Berman E.A., Genina E.S., Orekhova N.A. The Jewish community of Irkutsk in the late 19th – early 20th century: a case of the Russian phenomenon of “dual rabbinat”	128
Zinoviev V.P. Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the census of 1897	137
Maltseva O.V. Images-concepts in the perception of the Nanay fisherman's water space	142
Sadyrin A.A. From “home” to “migrant home”: the development of the category of dwelling in sociocultural anthropology	151
Sherstova L.I. Transformation of the Siberian peoples perception in historical context of Russian colonization from XVII Century to the beginning of XX century	157

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Ankusheva P.S., Alaeva I.P., Ankushev M.N., Batanina N.S., Blinov I.A., Rassomakhin M.A., Chikunova I.Yu., Yuminov A.M. Prehistoric technologies of mining: Novotemirsky mine in the Southern Trans-Urals	166
Bychkov D.A. Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk-Naryn Ob region	180
Grushin S.P., Frolov Y.V. The Kalistraticha III burial site in the system of Ob'-Yrtysh Seima-turbino phenomenon sites	192
Martynov A.I. The effects of natural laws in steppe Eurasia during various archaeological periods	203

SCIENTIFIC LIFE

Lozbenova T.B., Lozbenov I.N. Philological and historical analysis of the little-studied problems of the Russian regions of the early twentieth century. Review of the book by Voronin D.V. and Martynenko Yu. A. “The First World War in the fate of the tomichi”. Tomsk: Grafika, 2019. 128 p.	209
Viktor Ya. Maul, About the book by A.N. Minkh “Robbery and treasures of the Lower Volga region”	213

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 929: [94(470-057:159.923-055.2) «175/181»(045)

doi: 10.17223/19988613/76/1

«Всем обязана лишь себе самой»: Роксандра Стурдза – обретение идентичности в эпоху трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Оксана Александровна Драч

Киевский университет им. Бориса Гринченко, Киев, Украина, o.drach@kubg.edu.ua

Аннотация. Интерес к гендерной проблематике в современном мире стимулирует изучение ретроспективы женского жизненного опыта через деконструкцию имеющихся эго-документов. В статье рассматривается обретение идентичности юной Роксандрой Стурдзой, наследницей влиятельных родов господарей Молдавии и Валахии. Раскрываются факторы становления ее личности, модели поведения и способы действия в условиях эмиграции семьи в Российскую империю на фоне геополитических трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: Роксандра Стурдза, молдавская княжна, семья, светское общество, фрейлина

Для цитирования: Драч О.А. «Всем обязана лишь себе самой»: Роксандра Стурдза – обретение идентичности в эпоху трансформаций конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/76/1

Original article

«I owe everything to myself only»: Roxandra Sturdza – acquisition of identity in the era of transformations of the late 18th – early 19th centuries

Oksana A. Drach

Boris Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine, o.drach@kubg.edu.ua

Abstract The article studies the acquisition of identity by the young Roxandra Sturdza, offspring of the influential families of Moldavian and Wallachian lords. The study is based on the socio-symbolic approach that focuses on the level of sense and meanings conveyed by the individual in the story of own life. The events described are the stages of life experience through which the subject develops the dialectic of identity and difference, exclusion and inclusion, proximity and distance. The source base of the study is personal documents: memoirs written by Roxandra Edling (Sturdza), published in Russian and French, as well as correspondence with Joseph de Maistre.

Having obtained a proper home education in a provincial estate, Roxandra started mastering the wisdom of social life in St. Petersburg when she was 15. The ultimate goal of determining the girl's destiny was marriage, and contributing factors were wealth, attractiveness, or the highest patronage. The Sturdzas decided to secure the future of their daughter and procured her appointment as a maid of honor. Taking that as a chance, Roxandra concentrated her communication efforts on the influential princess Charlotte von Lieven and the house of naval commander Pavel Chichagov. The key moment for the maid of honor became the meeting with the ideologist of political conservatism Joseph de Maistre. Roxandra was a welcome companion for his "philosophical meals": the femininity of her manners and appearance was combined with her male mind and will. The attention of the European philosopher and diplomat expanded her social contacts in the capital. Countess Varvara Golovina helped Roxandra Sturdza in her appointment as the maid of honor for the wife of Tsar Alexander I. Since 1809 Roxandra became the maid of honor for the Empress Elizabeth Alexeievna. As a result of the investigation, the author came to the conclusion that the study of the subjective parameters of female experience contributes to a rethinking of the historical process, both contradictory and ambiguous. Difficult external circumstances of M. Sturdza's growing up - emigration to the Russian Empire, deterioration in the financial situation of the family, living in a provincial estate in the Mogilev Governorate surrounded by the northern nature – did not deter the living principles of the heiress of the Moldavian rulers. Implanted range of virtues, devotion to the Orthodox religion, cultural potential of the "woman of the world" and the solid "educational capital" were factors that allowed the young

Roxandra to gain identity. These factors were subject to her ambitious plans, devoted to restoring of the former greatness of the Sturdza family. The circumstances of the Roxandra Sturdza's destiny show how the historical events can change the life trajectory of a certain family, as well as how the "surprising ability of communication" of inconspicuous maid of honor contributed to her rise to the entourage of Alexander I.

Keywords: Roxandra Sturdza, Moldavian princess, family, secular society, maid of honor

For citation: Drach O.A. (2022) «I owe everything to myself only»: Roxandra Sturdza – acquisition of identity in the era of transformations of the late 18th – early 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/76/1

Имя Роксандры Стурдзы у современного читателя, даже любителя исторической литературы, вряд ли вызывает определенные ассоциации в памяти. Но более двух веков, что отделяют нас от событийной канвы ее «истории жизни», открывают новые возможности как изучения субъективных параметров женского опыта, так и переосмысления исторического процесса во всей его противоречивости и неоднозначности. Реконструкция жизненного мира Роксандры Стурдзы (1786–1844) позволяет ухватить индивидуальное, человеческое измерение ключевых событий российской и европейской истории конца XVIII – начала XIX в., что были составляющими ее «рисунка жизни». Она – непосредственный свидетель правления Александра I в Российской империи, работы Венского конгресса европейских государств 1814–1815 гг., более того – идейная вдохновительница «Акта о Священном союзе», который обязывал монархов защищать христианские ценности. В историографии имя Роксандры Стурдзы эпизодически упоминается в контексте изучения персоналий, с которыми наша героиня тесно общалась, или событий, где ее сопричастность общеизвестна.

Наиболее основательной работой в персональном аспекте до сих пор является исследование переписки Роксандры с французским религиозным философом Жозефом де Местром и французским литературоведом Ш. де Сент-Бёвом, опубликованное А. Марковичем в 1939 г. в рамках издательского проекта «Литературное наследство» [1]. Публикацию исследователь сопровождал детальным освещением ключевых жизненных этапов героини, он попытался воссоздать ее мыслительный склад, вписать ее индивидуальность в общую духовную атмосферу петербургского высшего света, выявить побудительные мотивы деятельности.

В современной научной литературе имя Роксандры Стурдзы всплывает в очерках о жизни императрицы Елизаветы Алексеевны, чьей фрейлиной она служила [2]. Упоминают о Роксандре и в работах, посвященных ее младшему брату Александру Стурдзе, – писателю, государственному деятелю, дипломату [3. С. 5; 4. С. 158; 5. С. 178]. В аспекте событийной фамилия Стурдза (сестра и брат) становится объектом изучения в контексте выявления их ролей в истории создания Священного союза, а также обоснования персональной значимости Роксандры в формировании его идейного пространства [6].

Отметим, что в Украине интерес к семье Стурдза актуализируется в контексте историко-региональных исследований одесских краеведов и журналистов, чье внимание привлекает филантропическая и меценатская деятельность ее представителей в регионе [7].

Гордятся именитой землячкой («девушкой с амбициями») и молдавские коллеги, не преминувшие поместить очерк о Роксандре Стурдзе в краеведческий сборник «Бессарабские истории» [8].

Резюмируя вышеизложенное, имеем все основания констатировать отсутствие на сегодняшний день специальных научных исследований, посвященных жизни и деятельности Роксандры Стурдзы. Подготовленная статья открывает цикл исследований ее личности, задача которого – выявить факторы обретения идентичности, формирования «ментального мира» женской личности, модели поведения и способы действия в условиях трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Источниковую базу изучения жизнедеятельности Роксандры Стурдзы составляют мемуары («Записки»), написанные ею на французском языке в 1829 г. На время составления «Записок» она уже носила фамилию мужа – графиня Едлинг, под которой они были опубликованы на русском [9] и французском языках [10]. Методический арсенал изучения источников неразрывно связан с подходами, продиктованными постмодерной гуманитаристикой. Исходя из статуса «первоисторичности личности», автобиографический анализ, содержащийся в «Записках» Р.С. Едлинг (Стурдзы) приобретает самоценный и в определенной степени самодостаточный характер, а ее «история жизни» превращается в акт смыслоконструирования и придания целостности во многом спонтанному женскому жизненному опыту.

Роксанда Стурдза, появившаяся на свет в Константинополе 12 октября 1786 г., по рождению принадлежала к знатнейшей и богатейшей фамилии Османской империи. Ее дед Константин Мурузи (грек по происхождению) был Молдавским господарем (1777–1782) и полиглотом. Влиятельность княжеского рода Мурузи обязывала найти подходящую партию для старшей дочери Султаны Константиновны (1762–1836) – матери Роксандры. Честолюбивый отец остановил свой выбор на представителе молдавского боярского семейства Стурдза – Скарлате Дмитриевиче (1750–1816). Таким образом, в семье С.Д. Стурдзы объединились ветви двух влиятельных родов – Стурдза и Мурузи, представители которых были господами Молдавии и Валахии.

Отец нашей героини – Скарлат Дмитриевич Стурдза – получил обязательное для наследственного аристократа блестящее образование: окончил Лейпцигский университет, – и начал служебную карьеру в Османской империи. Но его жизненные обстоятельства оказались непосредственно вовлеченными в событийную канву российско-турецкого противостояния за влияние в Черноморском регионе и на Балканах,

основой чего на протяжении веков выступал религиозный фактор.

Как обмечают исследователи, активизация продвижения российских интересов обусловлена «греческим проектом» Екатерины II, предполагавшим создание новой Греческой империи на Востоке [11. С. 34]. Апеллируя все той же религиозной преемственностью, Россия выступала теперь в качестве естественной изгавительницы греков от ига неверных. Это обстоятельство вносило в возникавшие между россиянами и греками отношения новый оттенок, ибо Россия оказывалась не только покровительницей Греции, но и ее наследницей [Там же. С. 36].

В условиях геополитического противостояния двух империй православный С.Д. Стурдза, наследник одного из древнейших родов молдавского боярства, известного поддержкой борьбы христиан за освобождение от турецкого гнета [12. С. 181], оказался в ситуации личного выбора: сохранить верность служебной присяге османскому султану или встать под знамена освободителей малой родины от неверных, т.е. принять сторону России. Он выбрал последнее и во время российско-турецкой войны 1787–1791 гг. был членом дивана Молдавского княжества, который возглавляла российская администрация, подчинявшаяся главнокомандующему.

Условия Ясского мирного договора (29 декабря 1791 г.) предусматривали возврат Молдавии и Валахии под турецкое господство. Подтверждались привилегии, предоставленные населению Молдавии и Валахии договором 1774 г. [13. С. 287–288]. Однако, опасаясь преследований со стороны турецких властей, значительное число жителей покинули Молдавское княжество, большинство из них переселились за Днестр. Логично предположить, что подписание Ясского мира усложнило положение Скарлата Дмитриевича при султанском дворе, и потому биографы Стурдзы считают политическую подоплеку основанием решения семьи эмигрировать в Россию.

Не довольствуясь традиционными объяснениями, осмеливаемся предположить, что сменить подданство и покинуть родину (Молдавское княжество) семью Стурдза-Мурузи вынудило что-то более значимое. До конца прояснить ситуацию помогают эго-документы, где дочь отмечает: «Мне было пять лет, когда родители мои решились покинуть страну свою и поселиться в России» [9. С. 194]. Анализ материалов «Записок» приоткрывает завесу семейных распри между матерью Султаной Константиновной и ее старшим братом Александром Константиновичем Мурузи (1750–1816), спровоцированных смертью их отца. Несомненно, дочь была хорошо информирована о семейном конфликте, и ее взгляд на ситуацию изнутри восполняет лакуны официальных биографов. Предполагаем, что предметом раздоров между родными братом и сестрой Мурузи стало богатое отцовское наследство. Именно фамильные раздоры, по мнению дочери, склонили семью С.Д. Стурдзы принять приглашение российской стороны. Через сорок лет после этого судьбоносного решения родителей Роксандра Скарлатовна откровенно отметила, что в дальнейшем они нередко сожалели об этом [Там же].

Жизнь в новой северной стране, как свидетельствует семейная история, была нелегкой. Управлять молдавскими имениями из Санкт-Петербурга, где отныне проживала семья Стурдза, было невозможно, а длительные поездки через всю страну изматывали Скарлата Дмитриевича. Кроме того, обнаружились и довольно меркантильные причины – расстройство огромного состояния, оставленного в управление чужим людям. Проживать в Санкт-Петербурге большой семьей, где подрастало пятеро детей, было довольно накладно. Выходом стало переселение в провинцию. Дочь отмечает, что отец купил в Могилевской губернии имение (Устье) – «убежище для молдавских эмигрантов» [Там же. С. 195].

Бремя повседневных хлопот об устройстве имения, воспитании и образовании детей на новом месте с достоинством несла мать нашей героини. Целеустремленная и настойчивая дочь молдавского господаря преобразовывала жизненное пространство семьи в соответствии со статусными установками, немалое влияние на которые, несомненно, оказывала ностальгия по родным южным местам. Очень скоро белорусское имение Стурдзы могло похвалиться прекрасными садами, палисадниками и невиданными в северном климате растениями [Там же].

Приоритетом женской миссии традиционного общества, конечно же, была роль матери, функционально несущей ответственность за здоровье, уход, воспитание и подготовку детей к будущей жизни. Султане Константиновне необходимо было взрастить наследников в вере предков, светских понятиях и принципах, неотъемлемой составляющей чего было хорошее образование.

Появившаяся на свет в православной семье поданных Османской империи, Роксандра принадлежала к родовой аристократии (молдавское боярство). Няня-гречанка знакомила девочку с бытовой культурой, основанной на общечеловеческих и этнических ценностях, неотъемлемой составляющей которой было и «наслоение» религиозной аксиологии. Именно этой «на редкость верующей женщине», опекавшей Роксандру и ее младшего брата Александра, приписывают значительное влияние на формирование их религиозного мировоззрения [12. С. 181]. Уважение к религии внушал детям с ранних лет также «истинно благочестивый христианин отец» [9. С. 195].

Немаловажным аспектом становления личности ребенка было формирование гендерной идентичности, что предполагало четкие воспитательные установки для каждого пола. Без сомнения, дочь растили в соответствии с традициями семейного окружения Стурдза-Мурузи, но уже с поправкой на новое подданство родителей (Российская империя). Семья всерьез занималась воспитанием детей, не просто повторяя опыт своих родителей, а внося новое, требуемое временем. Это создавало благоприятные возможности для диалога педагогических традиций и культур. Таким образом, в процессе целенаправленного обучения ценностям культуры в домашней обстановке маленькая Роксандра испытывала влияние взаимоотношения идентичностей [14. С. 214].

Эпоха «просвещенного» XVIII в. выдвинула и новые социальные задачи, где образцом был европейски образованный человек, предъявив при этом серьезные требования к формированию личности не только мальчиков, но и девочек. Образцом женского стиля бытового поведения в исследуемый нами период была «образованная женщина – особа, владевшая одним-двумя иностранными языками, умеющая прекрасно излагать свои мысли и в разговоре, и на бумаге; она следит за новинками литературы и искусства, занимается самообразованием. Такая женщина умеет поддержать разговор на любую тему; она играет на музыкальных инструментах, танцует; всегда модно и уместно одета; ее манеры безупречны» [15. С. 214]. Соответственно, дворянских дочерей обучали «наукам и искусствам», которые помогали реализовать господствовавший идеал.

Отметим, что в глухой белорусской провинции начала XIX в. семья Стурдза имела наставников для домашнего обучения детей. Способствовал этому иноземный опыт проживания, поскольку, как отмечают исследователи, учителей и гувернанток в дворянские семьи Российской империи выписывали из-за границы [14. С. 99]. Усадьба Стурдзы напоминала академию: в ней постоянно жили несколько преподавателей, среди которых своей образованностью выделялся Jean Joseph Doragne, прибывший вместе с ними из Турции. Именно учителя, по воспоминаниям Роксандры, скрашивали долгие зимние вечера в родительском доме [9. С. 195]. Результатом немалых педагогических усилий стала основательная образованность детей, включая девочек, свободно владевших французским, новогреческим и молдавским языками, сведущих в истории, философии и риторике. В последующем этот «образовательный капитал» Роксандры станет ключевым фактором ее социальной реализации.

Не менее важной составляющей был воспитательный потенциал наследников, включавший знание норм этикета, утонченных форм поведения, внешнего изящества. Повседневная жизнь дворян подчинялась правилам приличия (распорядок дня, одежда, еда, «убранство интерьера», прием гостей, застолье), и эти многочисленные правила усваивали с ранних лет, в процессе социализации под руководством опытных наставников [16. С. 4]. Главным достоинством светского человека было умение соблюдать нормы этикета легко и естественно, с чем Роксандра в дальнейшем отменно справлялась и в петербургских гостиных, и в качестве хозяйки в родительском доме.

Кроме того, девушкам внушались христианские идеи любви и всепрощения, верности старинным устоям, благочестия, идеалы жертвенности и служения. Но, как отметила Роксандра в мемуарах, «чтение многих философских сочинений потрясло в нас веру» [9. С. 195]. По сути, ребяческую набожность сменило молодое вольнодумство. К тому же воспитание на примерах античных героев сформировало у юной Роксандры не только обязательный спектр добродетелей. Рассказы педагогов посеяли и зерно честолюбия в благодатной душе наследницы молдавских господарей, которое со временем прорастет.

Взросление детей определило очередной этап в жизни семьи Стурдза, целью которого было совершенствование их образования и знакомство со светской жизнью столичной знати. В 1801 г. Роксандра с родными покидает провинциальную усадьбу в Могилевской губернии и переселяется в Санкт-Петербург. Судьбоносность этого события в мемуарах она связывает с «дней Александровых началом».

Долгое затворничество семейства Стурдза в провинции не способствовало сохранению прежних связей в Санкт-Петербурге, а потому многообещающие контакты надо было создавать заново. Однако это происходило плохо, со значительными усилиями и скромными итогами, среди служебных обид и семейных несчасть [1. С. 380].

Роксандра начала осваивать светскую жизнь столицы в скромном кружке («кружок греческих патриотов») [17. С. 593]. Провинциалка откровенно скучала в непривычной обстановке, но безропотно исполняла условия салонной среды. Отсутствия привычной девичьей восторженности и просто внутренней удовлетворенности от двухлетнего петербургского однообразия наша героиня выказывает в «Записках», отмечая собственный энтузиазм от кратковременного возвращения семьи в белорусское имение [9. С. 197]. Но радость длилась недолго. Смерть сестры вследствие внезапной и скоротечной болезни стала тяжелой утратой для семьи, и особенно для Роксандры, которая лишилась друга детства. Очень скоро семью постигнет еще одно испытание – смерть старшего сына.

Чтобы отвлечь дочь от тяжелого уныния, родители выхлопотали ей место фрейлины при дворе, что обязывало Роксандру вернуться к светской жизни (осень 1805 – первая половина 1806 г.). Постигшие семью испытания определенно стали фактором взросления девушки и переосмысления ничем не примечательного предыдущего опыта светской коммуникации. Отныне она – старший ребенок в семье; на нее возлагали надежды, и это ко многому обязывало.

В свою очередь, со стороны родителей дополнительным фактором усиленных забот о Роксандре было желание «пристроить дочь», внешне непримечательную и без богатого приданного. Так как основой социальной жизни женщины являлось замужество, то семейное сообщество прилагало к этому значительные усилия. Те, кто не был замужем, в большинстве жили хуже, к ним относились с жалостью или даже подозрением [18. С. 84]. И в этом контексте служба фрейлиной при дворе расширяла для 19-летней Роксандры возможности устройства ее дальнейшей судьбы.

Начав службу на положении фрейлины без специального назначения («их императорских величеств»), «не имея ни покровительства, ни богатства, ни замечательной наружности», Роксандра осознала, что ей уготована более чем скромная роль [9. С. 198]. Но наделенная природным интеллектом, воспитанная в духе классических греко-византийских образовательных традиций, она выказала врожденную сметливость.

Приоритетом личных усилий девушки было возобновление благополучия семьи Стурдза, где на подходе вступления в столичное общество были еще младшие

дети – брат Александр и сестра Елена. Основами ее поведенческой линии и коммуникации в светском обществе были откровенность, благожелательность и простота поведения. Без показного выпячивания Стурдза пыталась снискать уважение и дружбу нужных людей метким словом, движением, взглядом, предоставляя возможность сторонним оценивать ее [9. С. 199].

Апробацию избранной жизненной тактики она начала в двух местах: в окружении вдовствующей императрицы и в доме морского министра П.В. Чичагова. При дворе Марии Федоровны она сосредоточила внимание на старой графине Ш.К. Ливен, воспитательнице великих княжон. Потраченные усилия были вознаграждены: она была замечена и допущена к частому общению с княжнами. Благоприятные отзывы влиятельной графини Ливен о новой подопечной в обществе императрицы-матери обеспечили Роксандре расположение последней. Более того, вскоре Стурдзе стало известно, что она уже накануне фрейлинства у «вдовствующей» [1. С. 380]. Подчеркнем, что именно графиня Ливен была центром всех интриг при Александре I; и от нее зависела дальнейшая судьба служащих людей [19. С. 192].

Вторым центром обретения Роксандрой знакомств стал дом морского министра Чичагова, чему способствовало давнишнее (на правах соседей по белорусскому имению) знакомство с хозяином. При этом быть вхожим в дом адмирала непросто, его характеризуют «как, быть может, самый закрытый во всем Санкт-Петербурге» [20. С. 58]. На приемах, устраиваемых министром Чичаговым, бывало много иностранцев, и судьба свела Стурдзу с влиятельными личностями эпохи, среди которых ревностный католик, идеолог политического консерватизма Жозеф де Местр и его брат, посол Наполеона в России, маркиз Арман де Коленкур.

Плеяда замечательных личностей среди знакомых Роксандры дополнилась и ее соплеменниками. В родительском доме она сблизилась с князем Ипсиланти, сыном Валахского господаря, их родственником, который нашел прибежище в России. Но наиболее примечательным в своей жизни через призму десятилетий Роксандра Стурдза считает знакомство с графом И.А. Каподистрия, греческим патриотом, посвятившим жизнь идее освобождению родины и перешедшим на дипломатическую службу к Александру I после Тильзитского мира (1807).

Общую атмосферу столичного высшего света начала XIX в. влиятельная современница характеризовала как «офрануженное общество, где эмигранты и иезуиты были своими людьми» [21. С. VI]. Роксандра не преминула извлечь из него все, что могло питать ее мечты и помогать ее стремлениям. Особо подчеркнем влияние на наследницу молдавских господарей Жозефа де Местра, который неординарностью положения в петербургском свете, своими идеями и личными особенностями воплощал искомое ею. Основой их сближения стало родственно-общее ощущение жизни. Она, как и он, чувствовала себя «родов униженных обломком» [1. С. 384]. Они оба были изгнанниками, желающими укорениться на новой стране, что так и не стала родиной. Для обоих прошлое – это блестящее

положение их семей на родовой земле; настоящее – постоянное осознание своей жизненной второстепенности (полунужда / полудостаток, полуунижение / полупочет) при избытке гордости и сил; будущее – прежде всего восстановление прошлого, борьба за реставрацию, за возвращение того, что было, при помощи того, что есть.

Публичными оппонентами мыслителю и апологету католицизма в салоне Чичагова отваживались быть немногие. Но наделенная умом Роксандра осмеливалась. Жозеф де Местр оценил и поддержал такое дарование начинающей собеседницы, что она отметила в своих «Записках»; особая склонность, выражаемая ей Местром, подтверждается его письмами [1. С. 392–394; 9. С. 200]. Ее беседы с авторитетным интеллектуалом выстраивались по модели учитель–ученица, подчас она осмысливала предлагаемые опытным метром принципы применительно к своей судьбе – к родовым утратам в прошлом, к двойственному положению в настоящем, к большим притязаниям на будущее.

В лице Роксандры, которая выражала склонность к мистике, великий оратор масонской ложи Жозеф де Местр, казалось, нашел благодатную почву для распространения своих идей. Анализ их переписки дает возможность определить «духовную пищу», рекомендованную ей наставником для прочтения, а именно три капитальных сочинения, посвященных католицизму, мистике и политике: речи проповедника Ж.-Б. Масийона, труды известного мистика и духовного отца мартинистов Л.-К. де Сен-Мартена, а также собственную работу де Местра «Размышления о Франции» [1. С. 396]. Перечень книг, необходимых для ознакомления Mademoiselle, как именует ее философ в своей корреспонденции, дает основания предположить, что, кроме явного интереса к ее уму, были и скрытые намерения «благодетельного педагога»: сделать из внимательной ученицы последовательницу католической веры.

Но неприметная Роксандра, чей генотип выбрал многопоколенный византизм, прекрасно понимала важность сохранения своей наследственной православности для нынешнего момента и особенно будущего. В словесных баталиях на религиозную тематику, где со стороны Местра, близкого к иезуитам, главенствовала целевая установка к унии Русской православной церкви с Римом, невозмутимая оппонентка, ясно видя это, не утруждала себя поиском контраргументов. Молдавская княжна сразу дала понять своему метру, что «сознательно предана своей церкви», возведя неприступную стену в этом аспекте их общения [9. С. 200].

Роксандра – желанная собеседница для Местра, поскольку в ее существовании имелось то, чего требовала «философская трапеза»: женственность ее манер и облика сочеталась с мужским складом ума и воли. В свою очередь, и для начинающей свои шаги в петербургском свете Р. Стурдзы дружба с влиятельным мыслителем была полезной. «Все знали об удовольствии, которое он находил в разговорах со мною, и это обращало на меня общее внимание», – так через два десятилетия Роксандра воздаст должное своему проводнику в светском восхождении [Там же]. К тому же

Местру было уже за шестьдесят, а Роксандре только за двадцать. Эта почти сорокалетняя разница в возрасте помогает оценить моральное удовлетворение, какое должна была испытывать Стурдза.

В суете светского общения Роксандра всегда помнила о главном: продвижении интересов семьи Стурдза. Политический романтизм сочетался в ней с житейской трезвостью. Роксандра была со «старой партией»; старики представлялись ей надежнее в том аспекте, что покровительство статс-дамы графини Ливен и фрейлины графини В.Н. Головиной скорее и ближе вело к цели. Действительно, таланты и красноречие последней, а также ее близкая дружба с императрицей Елизаветой Алексеевной делали ее салон приятным, а потому Роксандра сочла целесообразным поддерживать контакты с хозяйкой. При этом Стурдза «не дала себя совратить в католичество» проживавшей в доме Головиной эмигрантке принцессе Тарентской, статс-даме казенной королевы Марии-Антуанетты [10. С. 45; 21. С. XVI].

Как отмечает очевидец, «при дворе, где красота всегда предпочиталась уму, в Роксандре Скарлатовне Стурдзе видели только безобразнейшую из фрейлин, и все от нее отдалялись» [22. С. 567]. Но долгожданный «случай» сблизил ее с молодой императрицей Елизаветой Алексеевной. Роксандра дала себя заметить одной из влиятельнейших женщин «молодого двора» — графине В.Н. Головиной, чье содействие обеспечило назначение Р.С. Стурдзы фрейлиной к жене царя Александра I.

Впоследствии оказалось, что это было частью продуманного плана «старой партии» постепенного окружения молодой императрицы иными людьми, нежели она сама себе выбрала [1. С. 380]. Впрочем, для Роксандры такая комбинация обусловлена в первую очередь семейными обстоятельствами, а именно ее настойчивым желанием «определиваться жить во дворце, чтобы не оставлять брата в столице без руководства и присмот-

ра в связи с отъездом родителей в имение» [9. С. 199]. При этом императрице «казалось невероятным, чтобы мать согласилась разлучиться со мною» [Там же. С. 208].

Новая патронесса Роксандры — императрица Елизавета Алексеевна (урожденная принцесса Баденская) — выделялась интеллектуальностью, склонностью к уединению, отстраненностью от политики и жизни двора, бездетностью и неудачной семейной жизнью. Многие современники видели в ней фигуру романтическую, страдающую и исполненную нравственных достоинств [2. С. 188]. Роксандра разделяла бытующее мнение и «почитала ее несчастною, воображала, что она нуждается в женщине-друге, и готова была посвятить себя ей» [9. С. 208].

«Фрейлиной ее величества императрицы», т.е. уже состоящей при Елизавете Алексеевне, Роксандра именуются с 1809 г. [1. С. 394]. Именно эту дату можно считать рубежной в новом периоде жизни фрейлины Стурдзы: «...тогда ее распознали и невольно стали благодетель перед необыкновенным превосходством ее ума» [22. С. 596]. Но за показным преклонением угодников новоназначенная служащая, воспитанная проницательной матерью, сумела разглядеть простую человеческую зависть [9. С. 209].

Хронология влиятельности (1807–1812) Жозефа де Местра в среде «старой партии» высшего общества Санкт-Петербурга, основывавшаяся на его неофициальной, но общеизвестной роли секретаря Александра I, коррелирует с пятилетием, ставшим для Роксандры решающим в завоевании положения при дворе, сближении с императором. Если графиня Головина сыграла главную роль в том, что Стурдза получила фрейлинство, то, в свою очередь, именно Местр сблизил Роксандру с самой Головиной. Взлелеянный в девичьих мечтах случай представился: с 1809 г. фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны Роксандра Стурдза отмечена современниками в своем возрастающем влиянии.

Список источников

1. Маркович А. Жозеф де Местр и Сент-Бев в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг // Литературное наследство. М. : Ин-т мировой лит., 1939. Т. 33. С. 379–456.
2. Лямина Е., Эдельман О. «Не стану я жалеть о розах»: интеллектуальный гардероб императрицы // Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII – начало XX века. М. : Кучково поле, 2013. С. 188–201.
3. Романюк В.П., Ершов Л.А. Быть, а не казаться: Александр Стурдза и его время. Киев : Автограф, 2004. 295 с.
4. Лямина Е. Несостоявшийся вкладчик «Современника». О бытовании устных мемуаров в пушкинском кругу // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи : в 2 ч. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. С. 151–169. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/541993.html> (дата обращения: 13.11.2018).
5. Минаков А.Ю. А.С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 176–194.
6. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 44–66.
7. Губарь О. Эдлинг Роксандра Скарлатовна (1786–1844) // Они оставили след в истории Одессы : одесский биографический справочник. URL: <http://odessa-memory.info/index.php?id=454> (дата обращения: 12.11.2018).
8. Тарнакин В., Соловьева Т. Девушка с амбициями // Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории : историко-краеведческие журналистские расследования. Киев : Pontos, 2011. С. 151–154.
9. Еще из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы : с неизданной французской рукописи (писано в 1829 г.) // Русский архив. 1887. Вып. 2. С. 194–228; Вып. 3. С. 289–304; Вып. 4. С. 405–440.
10. Edling R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth Alexeevna. Moscou : Imprimerie du S-t Synode, 1888. 284 p. URL: <https://archive.org/details/mmoiresdelacomt00edlignoog/> (accéder: 10.11.2018).
11. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит/ обозрение, 2001. 416 с.
12. Фурсенко В. Эдлинг, графиня Роксандра Скарлатовна // Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб/ : Тип. Главного упр. уделов, 1912. Т. 24. С. 181–184.
13. Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах 29.12.1791 // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 33. С. 287–293. URL: <http://doc.histrf.ru/18/yasskiy-mimnyy-dogovor/> (дата обращения: 15.11.2018).

14. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2007. 512 с.
15. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери // Мир истории. 2000. № 6. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
16. Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М. : Молодая гвардия, 2007. 166 с.
17. Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М. : Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 29/30: Русская культура и Франция. С. 577–726.
18. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1879–1918. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 408 с.
19. Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1900. Вып. 1. С. 187–194.
20. Де Местр Ж. Петербургские письма. 1803–1817 / сост. Д.В. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 336 с.
21. Записки Варвары Николаевны Головиной (1766–1819) / под ред. Е.С. Шумигорского. СПб. : Тип. Суворина, 1900. Разд. паг.
22. Вигель Ф.Ф. Записки : в 2 кн. М. : Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.

References

1. Markovich, A. (1939) Zhofez de Mestr i Sent-Bev v pis'makh k R. Sturdze-Edling [Joseph de Maistre and Sainte-Beuve in letters addressed to Roxandra Edling-Sturdza]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 33. Moscow: Institute of World Literature. pp. 379–456.
2. Lyamina, E. & Edelman, O. (2013) “Ne stanu ya zhalet' o rozakh”: intellektual'nyy garderob imperatritsy [“I won't regret about the roses”: intellectual wardrobe of the Empress]. In: Balan, S. & Shakirova, T. (eds) *Rossiyskie imperatritsy. Moda i stil'. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian empresses. Fashion and Style. The late 18th – early 20th century]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 188–201.
3. Romanyuk, V.P. & Ershov, L.A. (2004) *Byt', a ne kazat'sya: Aleksandr Sturdza i ego vremya* [To be, rather than to seem (Alexandru Sturdza and his times)]. Kiev: Avtograf.
4. Lyamina, E. (2006) Nesostoyavshiysya vkladchik “Sovremennika”. O bytovanii ustnykh memuarov v pushkinskom krugu [A frustrated contributor to “Sovremennik”. On the oral memoirs in the Pushkin circle]. In: Kiseleva, L. et al. (eds) *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: “Vek nyneshniy i vek minuvshiy”: kul'turnaya refleksiya proshedshey epokhi* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: “The current century and the past century”: cultural reflection of a past era]. Vol. 1. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 151–169.
5. Minakov, A.Yu. (2016) A.S. Sturdza: Intellektual'naya biografiya pravoslavnogo myslitelya [A. Sturdza: Intellectual Biography of the Orthodox thinker]. *Khristianskoe chtenie – Christian Reading*. 1. pp. 176–194.
6. Parsamov, V.S. (2003). “Apokalipsis diplomatii” (“Akt o Svyashchennom soyuze” v interpretatsii K.-V. Metternikha, baronessy Kryudener, Zhofefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy) [“Diplomacy apocalypse” (“Act of the Holy Alliance” in the interpretation of Klemens von Metternich, baroness Krüdener, Joseph de Maistre and Alexandru Sturdza)]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii*. 20. pp. 44–66.
7. Gubar, O. (2016) Edling Roksandra Skarlatovna (1786–1844). In: *Oni ostavili sled v istorii Odessy: Odesskiy biograficheskiy spravochnik* [They left a mark on the history of Odessa: Odessa biographical guide]. [Online] Available from: <http://odessa-memory.info/index.php?id=454>
8. Tarnakin, V. & Solovieva, T. (2011) *Bessarabskie istorii: ist.-kraevedcheskie zhurnalistskie rassledovaniya* [Bessarabian stories: historical and local history journalistic investigations]. Chisinau: Pontos. pp. 151–154.
9. Edling, R.S. (1887) Eshche iz zapisok grafini Edeling, urozhdennoy Sturdzy. S neizdannoy frantsuzskoy rukopisi (pisano v 1829 g.) [More from the memoirs of Princess Edling, nee Sturdza. From the unpublished French manuscript (written in 1829)]. *Russkiy Arkhiv*. 2. pp. 194–228.
10. Edling, R. (1888) *Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth Alexeievna*. Moscow: Imprimerie du S-t Synode. [Online] Available from: <https://archive.org/details/mmoiresdelacomt00edligoog/>
11. Zorin, A. (2001) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Fursenko, V. (1912) Edling, grafinya Roksandra Skarlatovna [Edling, Princess Roksandra Skarlatovna]. In: Polovtsov, A.A. *Russkiy biograficheskiy slovar'* A.A. Polovtsova [Russian Biographical Dictionary by A.A. Polovtsov]. Vol. 24. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upr. udelov. pp. 181–184.
13. Russia. (1830) Traktat vechnogo mira i druzhby, zaklyuchenny mezhdu Imperieyu Vserossiyskoyu i Ottomanskoyu Portoyu v Yassakh 29.12.1791 [Treatise of eternal peace and friendship concluded between the All-Russian Empire and the Ottoman Porte in Iasi on December 29, 1791]. In: *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 287–293. [Online] Available from: <http://doc.histrf.ru/18/yasskiy-mimny-dogovor/>
14. Solodyankina, O.Yu. (2007). *Inostrannye guvernantki v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Foreign governess in Russia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Moscow: Academia.
15. Ponomareva, V.V. & Khoroshilova, L.B. (2000). Russkoe zhenskoe obrazovanie v XVIII – nachale XX vv.: priobreteniya i poteri [Russian female education in 18th – early 20th centuries: gains and losses]. *Mir istorii*. 6. [Online] Available from: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm>
16. Lavrentieva, E.V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva pushkinskoy pory. Etiket* [Daily life of the nobility in the Pushkin times. Etiquette]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Stepanov, M. (1937) Zhofez de Mestr v Rossii [Joseph de Maistre in Russia]. In: Zilberstein, I.S. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 29/30. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 577–726.
18. Abrams, L. (2011) *Formirovanie evropeyskoy zhenshchiny novoy epokhi. 1879–1918* [Formation of a European woman of the new era. 1879–1918]. Moscow: HSE.
19. Divov, P.G. (1900) Iz dnevnika P.G. Divova [From P.G. Divov's diary]. *Russkaya starina*. 1. pp. 187–194.
20. De Maistre, J. (1995) *Peterburgskie pis'ma. 1803–1817* [The St. Petersburg letters. 1803–1817]. St. Petersburg: INAPRESS.
21. Shumigorskiy, E.S. (ed.) (1900) *Zapiski Varvary Nikolaevny Golovinoy (1766–1819)* [Memoirs of Varvara Golovina (1766–1819)]. St. Petersburg: Typography Suvorina.
22. Vigel, F.F. (2003). *Zapiski: v 2 kn.* [Memoirs: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Zakharov.

Сведения об авторе:

Драч Оксана Александровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета имени Бориса Гринченко (Киев, Украина). E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Information about the author:

Drach Oksana A. – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of World History, Borys Grinchenko Kyiv University (Kyiv, Ukraine). E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Статья поступила в редакцию 19.12.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.12.2019; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 947.084.6(571.6)
doi: 10.17223/19988613/76/2

Реакция военнослужащих ОКДВА и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг.

Александр Александрович Исаев¹, Оксана Петровна Федирко²

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, isaev.aa@dvfu.ru

² Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, fedirko@ihafe.ru

Аннотация. На основе архивных документов и материалов рассматриваются и анализируются смысловые составляющие реагирования военнослужащих ОКДВА – выходцев из сельской местности – на проводимые властями структурами СССР процессы коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. Отмечается, что реакция военнослужащих была неоднозначной и зависела от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов жизни, региона проживания и принадлежности к определенному социальному слою.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, ОКДВА, военнослужащие, крестьянские настроения, сводки, политический отдел, коллективизация, раскулачивание, крестьяне, беднота, середняки, кулаки, колхоз

Для цитирования: Исаев А.А., Федирко О.П. Реакция военнослужащих ОКДВА и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 12–24. doi: 10.17223/19988613/76/2

Original article

The reaction of the military personnel of the Special Red Banner Far Eastern Army (SRBFEA) and their relatives to collectivization and dekulakization in the USSR in the early 1930s

Aleksandr A. Isaev¹, Oksana I. Fedirko²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, isaev.aa@dvfu.ru

² Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far-east Far-eastern branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, fedirko@ihafe.ru

Abstract. Active and thorough study of the collectivization of the agriculture and the dekulakization in the USSR started only two decades ago. But social and psychological factor, which is connected with the reaction of the country's population to the government policy in agriculture in early 1930s, has not been described in historical literature yet. Many SRBFEA officers and soldiers descended from peasant families, and their reaction was ambiguous and depended on different political and ideological and social and economic aspects of country life. The purpose of the article is to examine and analyze quotations as one of the most important forms of reactions of the military staff and their relatives to the Soviet government's policy in collectivization of agriculture and dekulakization in the USSR in early 1930s. The quotations can be found in archives most of which are introduced into the science for the first time. To this end it is especially important to reveal the reasons why these or those reactions emerged and developed, to analyze their character and constituents, as they influenced the all-Union judgements of the population regarding the state policy.

Soldiers of the Red Army who served in the Far East of the USSR came from villages and were of different social and economic levels of peasantry. Some of them were positive about the government actions because they were motivated by the expectations of the future socially fair society with equal rights for every citizen, and by the hope on significant material aid of the state in development of collective farms. Approval shown by some of the peasants was determined by the fact that in spite of the hard conditions of agricultural production in most of the regions collective labour was more productive, especially in the conditions of decreased male population after the First World War and the Civil War. The part of the peasantry who for some reasons could not or would not improve their social and economic situation hoped to limit the influence of the rural bourgeoisie in the country.

Critical and negative reaction came from the SRBFEA soldiers and their relatives who had economically strong and prosperous peasant farms and were able to adapt to the new conditions of life during the Soviet years. As a rule, they relied only on themselves in increasing of labour productivity. Since late 1920s the collectivization policy damaged individual farms and caused natural negative reaction of the kulaks and the economically strong middle peasants. Under-

standing the threat of such reaction the government of the country treated these people as politically unreliable and made them change their places of residence while their property was passed on to the collective farms. This information was transferred to the SRBFEA divisions by mail and orally where it became the subject of many discussions and the reason of different reactions.

Keywords: Far East of the USSR, SRBFEA, military personnel, peasant moods, summaries, the political department, collectivization, dekulakization, peasants, the poor, middle peasants, the kulaks, collective farm

For citation: Isaev A.A., Fedirko O.I. (2022) The reaction of the military personnel of the Special Red Banner Far Eastern Army (SRBFEA) and their relatives to collectivization and dekulakization in the USSR in the early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 12–24. doi: 10.17223/19988613/76/2

Армейская среда всегда является прямым отражением процессов, происходящих в стране. Приходя на военную службу, призывник приносит определенную информацию из своей социальной среды бытования. Взгляды, мысли, настроения и чувства, вносимые призывником, имеют значительное влияние на атмосферу общих настроений военнослужащих. В период кардинальных социально-экономических и политических трансформаций в стране настроения армейской среды в немалой степени формируются за счет информации, получаемой из писем от родных, близких и друзей, которая характеризуется высокой степенью эмоциональности и радикализма.

Исследования реакции военнослужащих и их родных на процессы коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг. появились в историографии лишь в последнее десятилетие. В советский период необходимость в подобных исследованиях отсутствовала, так как общепринятым было представление, что создание коллективных хозяйств и борьба с кулачеством, проводимые под руководством партии и правительства, поддерживались всем советским народом, а частичные критические суждения исходили от классово враждебных элементов.

В постсоветский период в связи с открытием архивных фондов, а также с активизацией междисциплинарного подхода в исторической науке началось исследование реагирования населения страны, включая военнослужащих, на события в Советском Союзе и за рубежом. Как правило, основной упор делался на выявлении и анализе реагирования на значимые политические, военные, экономические, социальные и другие события 1930-х гг. как в стране в целом [1–6], так и в отдельных регионах [7–12]. Значительную помощь в этом оказали опубликованные сборники документов и материалов советского партийно-политического руководства, а также специальных служб, в которых нашло отражение отношение населения различных регионов страны к мероприятиям в области сельского хозяйства [13, 14]. Реагирование военнослужащих РККА – выходцев из села – и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в исследованиях получило лишь фрагментарное отражение [15]. Первым и, пожалуй, единственным на данный момент полноценным исследованием, затрагивающим реагирование военнослужащих РККА на коллективизацию и связанные с ней процессы, является монография Н.С. Тарховой [16]. Однако анализ реагирования на процесс коллективизации и раскулачивания военнослужащих,

проходящих службу на Дальнем Востоке СССР в начале 1930-х гг., и их родных, проживавших в сельской местности, до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей [17, 18]. Исходя из этого, целью данной работы является анализ архивных материалов, посвященных реагированию военнослужащих ОКДВА и их родных, жителей сельской местности регионов СССР, на процесс коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг.

Армия в СССР, начиная с 1925 г., формировалась за счет призыва гражданского населения на основе квот Генерального штаба по родам войск и службам. Призывались на службу из всех слоев населения, кроме представителей так называемых «эксплуататорских классов» – детей купцов, промышленников, священнослужителей, дворян, казаков, кулаков, участников белого движения и др. Классовый принцип призыва был отменен только в 1939 г. Как правило, основой Рабоче-Крестьянской Красной Армии становились выходцы из семей рабочих, служащих, интеллигенции и крестьян. Именно крестьяне составляли большинство постоянного и переменного армейского контингента. Поэтому их настроения, взгляды и мысли рассматривались властями наиболее пристально, особенно в период социалистических преобразований деревни.

В 1928 г., в связи с начавшимися коренными преобразованиями в сельской местности СССР, «крестьянские настроения» в армейской среде значительно усилились, что заставило армейские политические органы заняться анализом таких настроений. Под «крестьянскими настроениями» политические органы РККА понимали всю совокупность психологического состояния крестьянина-красноармейца, связанного не только с пребыванием в армии, но и с особой ментальностью сельского человека. Усматривая в крестьянстве источник потенциального политического протеста, властные структуры тщательно осуществляли политический контроль над ним. Органы Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ОГПУ), политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) и политические отделы пограничной охраны Управления пограничной охраны и войск ОГПУ обязаны были периодически направлять в ЦК РКП(б), местные партийные органы соответствующие политические информационные сводки, основу которых, так же как и обзоров армейских политорганов, составляли выдержки из писем, полученных красноармейцами из дерев-

ни, а также цитирование их высказываний на различных собраниях и в разговорах. В письмах к красноармейцам деревня выражала свои чувства открыто, без оглядки на власть и цензуру. В них настроения крестьянства определялись, прежде всего, острым критическим отношением к различным аспектам политики советской власти в деревне [15. С. 181].

Дальневосточный регион значительно позже вступил в полосу кардинальных социально-экономических изменений в деревне, однако на его территории проходили службу жители других регионов страны, большинство из которых были призваны из сельской местности. Являясь носителями «крестьянских настроений», они способствовали возникновению опасений о предстоящих далеко не позитивных изменениях, которые в скором времени охватят самый восточный регион страны. Так, в призыве 1928 г. в Сибирском военном округе (СибВО) доля крестьян составляла 63%, в призыве 1929 г. Особой Дальневосточной Армии (ОДВА) – 60,7%. При этом значительная часть сибирского и дальневосточного крестьянства принадлежала к зажиточным, Сибирь и Дальний Восток по этому показателю превосходили все остальные регионы РСФСР: 6,7% – в Сибири, 7% – в Дальневосточном крае (для сравнения, в Центрально-Черноземном регионе – 2,3%, в среднем по РСФСР – 3,7%, УССР – 4%) [18. С. 104].

При характеристике сельского населения Дальнего Востока необходимо учитывать высокий уровень религиозности и широкое распространение в регионе в 1910–1920-е гг. идей протестантизма. Для молодежи – представителей протестантских групп (баптистов, адвентистов, пятидесятников и др.) – служба в армии была запрещена. Ф.М. Путинцевым были проанализированы причины этих запретов: «...боязнь войны, страхи родных, нежелание расстаться с ценным работником и кормильцем, запугивание тяжелой службой в армии, нашептывания пресвитеров и кулачества. Пожилые сектанты боятся отпускать молодежь в Красную армию еще потому, что оттуда многие возвращаются безбожниками» [19. С. 31]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. государство приступило к борьбе за установление безрелигиозного общества, и в этих условиях лидеры баптистов, адвентистов, евангельских христиан на съезде в Хабаровске приняли резолюцию по безоговорочному служению в Красной Армии [20. С. 106]; служба в армии была признана «оброком» [21. Ф. Р-481. Оп. 3. Д. 91. Л. 25]. Молодежь потянулась в армию поучиться, понабратся новых впечатлений после тяжелой нужды крестьянской жизни, дабы не отстать от товарищей. В свою очередь, в Красной Армии ставили задачи по перевоспитанию «сектантской» молодежи, многие из которых были успешно реализованы.

Значительная часть сводок о «крестьянских настроениях» в армейской среде приходилась на начало 1930-х гг., что было связано с вовлечением в орбиту сельских преобразований территории Дальнего Востока. Первая реакция деревни на мероприятия властей, согласно письмам, – шок и неприятие происходящего. Крестьяне не понимали, зачем власть осуществляет хлебозаготовки в «таком грабительском масштабе».

«Крестьянам совсем житья не стало от этих хлебозаготовок, раньше не было хлебозаготовок, а хлеба много было, а теперь все выметают и на посев не оставляют. По-моему, никаких хлебозаготовок не надо, пусть каждый крестьянин будет волен в своем хлебе, а если государству нужен хлеб, пусть берет на рынке и покупает у купцов», – указывалось в письме, направленном красноармейцу 56 пограничного отряда (ПО) Бурлакову, середняку [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 20].

Анализ содержания специальных политических докладных, сводок и сведений, исходящих от армейских политических и специальных органов ОДВА–ОКДВА, свидетельствует о значительном росте в красноармейской среде с начала 1930-х г. настроений, связанных с мероприятиями, проводимыми в деревне. Данные настроения быстро охватили весь контингент военнослужащих, прежде всего – выходцев из деревни. В зависимости от принадлежности к определенной крестьянской прослойке настроения вирировали от положительных до крайне отрицательных. Согласно информации политотделов, так называемая кулацко-зажиточная часть, как правило, выступала против коллективизации и раскулачивания, заявляя, что «лучше пойти в ссылку, чем быть в коллективе лодырей». Красноармеец 1-й дивизии Шестаков, из семьи кулака, в ходе обсуждения раскулачивания заявлял: «Раз кулак будет хорошо работать, почему бы его не оставить в колхозе». «Эта чертова власть разоряет крестьян. Пусть попробуют, поживут с беднотой. Сейчас в деревнях начинается смута, и если так же будет продолжаться дальше, то факт, что начнутся восстания», – заявлял красноармеец 36-й дивизии Кречетов, кулак. «Крестьян кругом жмут, теперь выдумали ликвидацию кулака. Пусть лучше пропадет все хозяйство, но в коллектив никогда не пойду», – говорил красноармеец 26-й дивизии Вольф, зажиточный [Там же. Д. 244. Л. 61].

Выходцы из семей середняков высказывали сомнения в правильности государственных мероприятий. Те же, кто зависел от кулака, выступали против коллективизации. Средняки часто говорили: «И без колхозов можно прожить, и так хорошо поодиночке»; «На колхозы надеяться нельзя, ибо их самих еще надо два года кормить». «Наши не хотели войти в коллектив, но их насильно заставили, угрожая, что если не войдут в колхоз, то лишим права голоса и уволим вашего сына из Армии. А нам говорят здесь, что коллективизация добровольная», – говорил красноармеец 2-й дивизии Сафонов, середняк. «В деревне поголовное раскулачивание, жить стало невозможно... Для крестьянина спасение одно – перейти в колхоз, хотя бы это и было против его желания», – заявлял красноармеец 1-й дивизии Лукин, середняк [Там же. Л. 61].

Бедняки, несмотря на общую поддержку коллективизации, в отдельных случаях сочувственно недоумевали: «Почему так сразу сильно взялись загонять в колхозы, надо было бы постепенно, а городского нэпмана не трогают»; «Почему партия решила ликвидировать кулака, когда на нем держится соввласть». Подобное поведение объяснялось тем, что кулаки в стремлении получить поддержку со стороны середняцко-бедняцкой группы прибегали к помощи такти-

ческого маневра, который заключался в утверждении о том, что в деревне идет не процесс ликвидации кулака, а «волна истребления всего крестьянства как класса». В результате подобной обработки некоторая часть бедняков и батраков высказывала сомнения в необходимости вступать в коллективные хозяйства. «Я сам, когда приеду домой, все равно не пойду в коммуну. Если и пойду, то только в коллектив, а то в коммуне такая же дисциплина, как и в Армии», – заявлял красноармеец 5-й бригады Плащинский, из бедняков [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 61].

Из анализа содержания писем, поступавших от различных социальных групп деревни в адрес военнослужащих, видно, что середняцкая и бедняцкая группы крестьян писали преимущественно о практике и методах коллективизации. Они жаловались на принудительное втягивание в коллективы (колхозы и коммуны), на безвыходные и невыносимые условия для индивидуального крестьянского хозяйства и в отдельных случаях оправдывали свое вступление в колхоз именно этим обстоятельством. Зажиточные крестьяне писали о раскулачивании, сообщали о катастрофическом положении деревни, арестах, высылках, о массовом бегстве кулачества и крепких середняков, о повстанческом движении и т.д. Вместе с тем значительный процент писем содержал апелляцию деревни к армии, призыв к защите крестьян от поборов и притеснений властей всех рангов. «Товарищи красноармейцы, вы должны усматривать, что над вашими отцами, матерями, братьями, сестрами делают... Неужели вы не видите, что кругом делается, как издеваются над народом? Красная Армия, как мертвая, ничего не делает. Куда гонят народ? За какие преступления сажают в тюрьму...» – слова из письма красноармейцу 26-й дивизии, бедняку, члену ВЛКСМ Денисову из Барабинского округа Сибирского края от брата, женатого на дочери кулака. Данное письмо Денисов сдал политруку [Там же. Л. 60]. «Прошу обратиться ко всем красноармейцам, что вы служите в армии, а тут народ грабят, идет безобразие, самосуд, нет правил и законов, идет убийство... Если можно, то помогите, дорогие красноармейцы, и пропишите, как там, тоже так грабят или нет», – говорилось в письме от дяди из Рубцовского округа Сибирского края, адресованном красноармейцу 36-й дивизии [Там же. Л. 36].

Наряду с воззваниями о помощи к армии имела место и обратная реакция – обвинения красноармейцев в проблемах деревни. Мол, весь изъятый у крестьян хлеб идет на поддержание и обеспечение Красной Армии. «Теперь в деревне нигде куска хлеба не достанешь. Крестьяне говорят – вы у нас хлеб забрали, там и получайте, прямо беда; на красноармейца смотрят, как на зверя, а причем мы здесь, если хлеб берут для государства», – говорилось в письме военнослужащему 58-го ПО, члену ВЛКСМ Куликову [Там же. Д. 242. Л. 21].

Помимо писем негативного характера, отмечалось значительное количество писем с положительной оценкой происходящих изменений в сельской местности. Как правило, это письма от бедняцкой и батрацкой частей деревни. Отчасти это также являлось след-

ствием воздействия красноармейцев на родных и близких при помощи писем домой. «И все мы убедились на ваше мнение и думаем вступить в коллектив и поднять его так, чтобы была польза государству», – говорилось в письме красноармейцу Саперного батальона Никитину из Иркутского округа. «Валя, ты должен поддержать советскую власть, так как она создает законы правильно. Ты писал, чтобы мы вступили в колхоз, и это писал правильно и пиши еще, что колхоз самое правильное мнение. Скоро заработаем по-новому, по-колхозному», – говорилось в письме красноармейцу 4-го полка 2-й дивизии Волкину [Там же. Д. 244. Л. 35].

Политические отделы армии, флота и пограничной охраны ОГПУ, а также партийные организации частей и подразделений, понимая угрозу, которую подобные письма несут в армейскую среду, проводили соответствующие политико-идеологические разъяснительные мероприятия с целью изменения «крестьянских настроений» в сторону глубокого понимания проводимых властью мероприятий на селе. С их помощью руководство оказывало существенное влияние и активное воздействие на личный состав. Целью являлось не столько воспитание, сколько поддержка и восхваление мероприятий, проводимых руководством страны (решений партии и правительства, успехов советского народа в строительстве социализма и др.). В результате подобной работы красноармейцы писали коллективные письма на родину, агитируя за сдачу хлеба государству и вступление в колхозы и коммуны. В некоторых воинских частях деревни и села по месту жительства красноармейцев вызывались на социалистическое соревнование по наискорейшей сдаче хлеба государству. Имелось много случаев, когда красноармейцы в индивидуальных письмах призывали своих родителей к сдаче хлеба государству и оказанию содействия по хлебозаготовкам. «Примите самое горячее участие в хлебозаготовительной кампании. Этим самым вы будете участвовать в проведении в жизнь пятилетки, и не слушайте тех, кто сейчас старается идти против этой кампании, потому что с ними вам как семье красноармейца не по пути. Это кулацкие выдумки, которыми они стараются подорвать пятилетку. Я прошу вас все имеющиеся излишки хлеба сдать государству», – писал домой красноармеец 55-го ПО, из бедняков. «Подымайте трудовое крестьянство на выполнение государственного задания по хлебозаготовкам, этим мы шевельнем наш тыл для активной помощи советскому государству в борьбе с врагом», – писал в свою деревню красноармеец 59-го ПО Божутин [Там же. Д. 242. Л. 19–20].

Политаппараты ряда воинских частей и подразделений умело использовали как положительные письма, идущие из деревни (через многотиражки, в разъяснительной работе), так и ответы местных органов по запросам. Так, в донесении 55-го пограничного отряда, в частности, говорилось, что «описываемые в письмах факты о перегибах местных властей в процессе коллективизации по запросу специальной комиссии связи не соответствуют действительности. На 40–50 жалоб только 4 случая подтверждались» [Там же. Л. 20].

В связи с этим имели место случаи, когда даже сами «недовольные» высказывали «недоверие к тому, что им пишут». Однако работа вокруг красноармейских писем в целом велась чрезвычайно слабо, прежде всего в деле расследования фактов, приведенных в письмах, и привлечения к ответственности их авторов. Так, политотдел 8-й кавалеристской дивизии, имея поток писем с Северного Кавказа, не послал туда своего представителя для выяснения реального положения дел на месте, чтобы затем полученный конкретный материал использовать в политико-идеологической работе с красноармейцами. Ответы же местных партийных и советских организаций на запросы, делаемые по письмам и докладным, поступающим от красноармейцев, или совсем не подавались, или подавались с большим опозданием [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 485. Л. 185].

Понимая важное значение работы с письмами, влияющими на настроения и тем самым на отношения красноармейцев к партии и государству, политотдел управления пограничной охраны (УПО) в ряде своих указаний заострил внимание частей на вопросах усиления работы среди партийцев, комсомольцев и беспартийного актива на местах. В ее основу было положено четкое и ясное разъяснение задач партии по социалистическому строительству в городе и деревне. Это, в свою очередь, способствовало пониманию начсоставом, партийцами, комсомольцами, беспартийным активом (рабочие, батраки, бедняки, часть середняков) необходимости и важности проведения линии партии и правительства по вовлечению их как активных помощников в регулирование политических настроений, которые имели решающее значение. В этом отношении политаппараты частей добивались значительных результатов, опираясь в своей работе по регулированию настроений на указанные прослойки [Там же. Д. 242. Л. 20].

Вследствие проводимой политико-идеологической разъяснительной работы в частях и подразделениях ОКДВА настроения основной массы красноармейцев рассматривались как вполне здоровые. Официальная отчетная документация демонстрировала, что личный состав правильно уяснял и расценивал мероприятия партии по колхозному строительству и ликвидации кулачества как класса. Об этом свидетельствовали волна массового колхозного движения, вступление красноармейцев в коллективы целыми подразделениями. Ярким подтверждением этого являлись многочисленные советы родным и близким в письмах – вступать в колхозы, в отдельных случаях даже под угрозой разрыва. «Если не вступите, то я вам больше писать не буду, я не хочу вас знать»; «Ты, Ульяна, должна во что бы то ни стало вступить в коллектив, иначе я с тобой порываю всякую связь. Ты должна в этом убедить отца, и чтобы я уже приехал в коллектив». Наконец, это подтверждалось фактами резкого отпора и открытого массового осуждения красноармейцами кулацких проявлений, советами в письмах родным «принять на селе кулаку решительный отпор, довольно быть рабами кулаков и т.д.» [Там же. Д. 244. Л. 38].

Несмотря на усиление политико-идеологических массовых разъяснительных мероприятий, ряд полити-

ческих органов частей и подразделений ОКДВА в начале 1930-х гг. констатировал увеличение ярко выраженных отрицательных настроений среди военнослужащих. Это было вызвано проведением сплошной (форсированной) коллективизации на всей территории страны. Из общей массы выделялись отдельные красноармейцы, настойчиво ведущие так называемую кулацкую агитацию. В разговоре с красноармейцами они демонстрировали свое активное несогласие с политикой партии и советской власти по вопросам хлебозаготовок, колхозного строительства и нажима на кулака, выражая подчас явно антисоветские взгляды. Они клеймили коммунистов и комсомольцев, обвиняя их во всех проблемах страны и невежественном отношении к населению. «Коммунисты – это те, кто раньше был вором и мошенником»; «Коммунистов и комсомольцев надо перестрелять, тогда легче жить будет». Социалистическое соревнование опопшлялось и дискредитировалось. Имели место случаи, когда красноармейцы из зажиточных семей устраивали социалистическое соревнование по мату (употреблению нецензурной лексики)! Политическая же работа вокруг данных фактов не проводилась [Там же. Л. 26–37].

Порой слабая и часто запоздалая ответная реакция политических органов частей и подразделений ОКДВА являлась большим тормозом в развитии политико-идеологической работы вокруг информации, приходящей из деревни. Косность и отсутствие инициативы военно-политических работников низшего звена, которые обязаны были оперативно реагировать на поступающую информацию, не позволяли своевременно пресекать отрицательные настроения в армейской среде. В ожидании соответствующих директив из центра упускалось время, которым носители и распространители отрицательной и критической информации (и тем самым и настроений) активно пользовались, вовлекая в свою орбиту все новых военнослужащих.

Имели место случаи, когда красноармейцы, получив информацию от сослуживцев о бесчинствах, творимых в коллективных хозяйствах, голоде и других ужасах, происходящих в деревне, становились яркими противниками всех социалистических процессов. «У меня жена входит в коллектив, а я не хочу, и придется мне с ней расходиться. Я лучше пойду в город, чем в колхоз, а крестьянством теперь заниматься невозможно», – высказывался стажер 2-й дивизии в Хабаровске. «Я получил из дома письмо, просят совета – вступать или нет в коллектив. Я ответил, чтобы не вступали. Лучше уеду на Украину и там буду работать, чем на кого-то работать и гнуть спину», – говорил командир отделения 2-й дивизии Тежек. «Насильно загоняют в колхоз, но я не пойду и своему семейству не советую. Пусть что хотят делают, для меня все равно, а за разных лодырей в этих колхозах, пожалуй, никто работать не будет», – говорил красноармеец 9-й бригады Релков. «До сплошной коллективизации надо подождать, этот вопрос не обдуман, только выброшенный необдуманный лозунг – механизация сельского хозяйства. Она слабо поставлена и не сумеет обслужить новые колхозы... В селе не коллективизируют, как мы выражаемся, а насильно загоняют кре-

стьян в колхозы...» — высказывался на политзанятии красноармеец 5 бригады Подворков, служащий. «Нам, наверное, не придется свободно просуществовать, не удержится наша власть, все равно весь мир скоро всколыхнется, и, наверно, будет кровопролитие. Если сказать прямо, то все недовольны соввластью... хотя крестьяне и идут в колхоз, но у них на сердце совсем другое», — слова из выступления красноармейца 9-й бригады Карпенко, середняка [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 40].

Доверие к информации от родных и близких было гораздо выше, чем к партийно-политическим органам власти и управления. Многочисленные сообщения о фактах искривления и перегибов в практике колхозного строительства (принудительное втягивание в колхозы) и ликвидации кулака (извращение линии партии в отношении середняка), получаемые из дома, оказывали существенное влияние на формирование недовольства и усиливали агитацию кулаков. Они иногда умело преувеличивали случаи искривления партийной линии на местах. Так, капрер 106-го полка 36-й дивизии Полишкевич, из семьи зажиточных крестьян, подойдя к группе красноармейцев рабочих по кухне, говорил: «Разве это власть, когда всех обобрали да ограбили. Теперь никакого житья не стало, только и знают — гнать... Кто пойдет в коллектив, тот совсем пропащий человек, там жизнь еще хуже будет». «Эти коммуны — сущая чепуха, разве мало в них входило крестьян, и оттуда бежали. Потому что там сплошной обман, затянут туда, возьмут все хозяйство, оставят голодным и выбросят. Я вам [красноармейцы] советую подумать об этом и не кричать, что давай запишемся». «Вы дураки [обращение к сослуживцам после политзанятий], вам говорят, а вы верите. Я никогда в эти коммуны не пойду... Если бы я попал в строй и в моих руках была бы винтовка, я бы этих гадов, которые агитируют за колхозы, беспощадно перебил», — утверждал красноармеец 9-й кавалеристской бригады, хлебопекарь Максимчук из семьи кулака [Там же. Л. 39]. «Я никогда не пойду против кулака, я всегда жил у кулаков и не согласен, чтобы их ликвидировали, так как нам, батракам, не на что будет существовать, а в коллективах нас не прокормят — сами голодом сядут», — говорил курсант политшколы 25-й дивизии Варфоломеев, из семьи батрака. «Кулак не враг, он помогает батракам прожить, не будь кулака, негде будет батраку прожить, не будет, где работать, а в колхоз и совхоз я ни за какие деньги не пойду», — утверждал курсант политшколы 2-й дивизии Паленчина, из семьи батрака [Там же. Л. 40].

Ненормальное положение, связанное с политически нездоровой информацией, поступающей с письмами от родных и близких, помимо объективных причин (влияние деревни, агитация кулацкого элемента в армии), является также результатом отсутствия достаточной воспитательной работы с комсомольцами в частях армии. Комсомол, выступая, по мнению властей, одним из основных проводников линии партии и правительства, в том числе и в армейской среде, порой занимал совершенно противоположную позицию. Можно предположить, что призванные в армию комсомольцы, как и несоюзная молодежь, в основном бы-

ли деревенскими, тем самым являясь неотъемлемой частью крестьянского мира, и сохранили приверженность традиционному устройству деревни, разделяя чаянья и заботы сельских жителей. «Устроили какие-то колхозы, дурманят нашему брату голову. Я 20 лет не был в колхозе и еще 20 лет проживу без него, а в комсомоле я состою от нечего делать. Я не дорожу им, пусть хоть сегодня выгоняют», — высказывался красноармеец 26-й дивизии Шушарин, член ВЛКСМ, из семьи батрака. Красноармеец 9-й бригады Макаров, кандидат в члены ВЛКСМ, для курения разорвал газету, взятую в ленинском уголке. На замечание красноармейца по этому поводу, он заявил: «...ну их [цензурное ругательство], они половину врут, а если все будут грамотными, то работать некому будет. Вот вы говорите, что рост промышленности есть, крестьянство растет, но это все неверно, крестьянство разорается сейчас все» [Там же. Л. 40–41].

Вместе с тем заслуживают внимания настроения молодых призывников, которые еще застали дома начинающиеся коренные изменения на селе. Так, в учебных пунктах красноармейцев, где проводился курс молодого бойца, отмечались отдельные отрицательные политические настроения и рассуждения по вопросам хлебозаготовок. «Хлеб берут насильно, ходят по крестьянским дворам и выгребают хлеб», — высказывался красноармеец учебного полка в поселке Славянка Мирошенко, из семьи середняка, беспартийный. «Зачем я должен служить, когда меня дома грабят?» — спрашивал красноармеец 57-го ПО Роташенок, из семьи середняка, беспартийный. «На крестьян нажимают, даже беднота, помогавшая государству проводить хлебозаготовки, осталась на бобах, и их посадили на скудный паек», — говорил красноармеец 56-го ПО Цвелев, из семьи бедняка, беспартийный. «Зачем у кулаков отбирают хлеб, кому какое дело, что у них этот хлеб имеется», — высказывался красноармеец 58-го ПО Красилов, член ВЛКСМ, из семьи бывших крестьян, уехавших в город, — рабочий [Там же. Д. 242. Л. 34].

Отрицательные настроения, исходившие от середняцкой и бедняцкой части деревни, судя по содержанию писем, базировались главным образом на фактах искривления партийной линии в отношении колхозного строительства (принудительное вовлечение в колхозы), а также в отношении ликвидации кулака (распродажа середняцких хозяйств, лишение права голоса середняка, угрозы со стороны уполномоченных по коллективизации и т.д.). «Здесь сейчас большой бунт, народ, который не идет в коллективы, гонят из деревни, собирают свои манатки (личные вещи. — А.И., О.Ф.) и идут. 22 февраля (1930 г. — А.И., О.Ф.) под конвоем провожали 30 семей. Не знаю, кто только не плакал, каждый досыта наревелся. Тестя твоего угнали с детьми... Эх, Ваня, не слушай там, что поют, не слушай! Жизнь пошла не жизнь, а смерть», — из письма красноармейцу 36-й дивизии из Новосибирского округа. «Забрали все и выгнали всех, тут же при них мать упала в обморок и в 6 часов вечера пожертвовала свою жизнь коммунистам за их правду и грабежи. Половину села уже выгнали из домов и нигде на квартиру не пускают, издали приказ: если кто пустит, то сейчас

выгоняют. Тысячи крестьянских сынов в армии служат, а в деревнях родителей выгоняют из их домов, все отбирают... С начальством, я думаю... надо... поговорить», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Хоменко из Никольск-Уссурийска. «В коллектив тащат насильно, не пойдешь – лишают голоса, дома распродают. Бедняку никакой льготы нет, а середняк, какой бы он ни был – кулак... Пока ничего не говорите, не показывайте письма начальнику, а то могут добраться и до меня», – из письма красноармейцу 2-й дивизии от Куркова из Новосибирского округа [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 35-36].

В сводках особого отдела ОГПУ по ОКДВА отмечалось, что иногда кулацкая (антиколхозная) агитация облекалась в форму контрреволюционной поэзии, присылки в письмах «классических» стихотворений. Так, в письмо на имя красноармейца 2-й дивизии Протопопова от брата из Томского округа было вложено стихотворение следующего содержания:

«Свобода

Рабами темными в тайге,

Живем мы все крестьяне.

Страдаем, мучаемся мы все,

Ведь видите вы сами,

Живем, страдаем, терпим муки,

За что? За собственное свое.

Болит рука и ломит руки,

Ох, наше ... (не цензурно. – *А.И., О.Ф.*) житье,

Когда же будем мы свободны,

Когда не будем мы тужить

А будем, мы так всенародно,

Чтобы нам жить и не тужить.

А жить тут, самое в Советской власти,

Она дала в тайге нам счастье,

Работать бревна и дрова» [Там же. Л. 36].

В отдельных случаях протестные настроения выступали в форме написания и распространения воззваний, листовок и т.д., причем такая работа глубоко конспирировалась. Так, 23 февраля 1930 г. в уборной 76-го полка 26-й дивизии появилась надпись такого содержания: «Власть коммунистам, земля коллективистам, деньги политрукам, а крестьянам... (нецензурно. – *А.И., О.Ф.*)». Автор надписи выявлен не был. Отдельные, наиболее передовые, элементы пытались теоретически обосновать кулацкое движение в форме сочинения «ученых» листовок. 9 марта 1930 г. в тумбочке курсанта Владивостокской пехотной школы, члена ВЛКСМ Гнильницкого было обнаружено написанное в тетради его рукой воззвание:

«Воззвание к русскому народу от 2 марта 1930 г.

На смену свалившегося с плеч рабоче-крестьянского класса помещичье-царского гнета возросла новая волна, волна истребления крестьянства как класса. В настоящий момент, когда Россия стонет от новой, т.е. поставленной в другой форме эксплуатации, когда всему русскому народу в ближайший срок угрожает не описанный еще в нашей истории голод, русский народ, которого в период столь тяжелой войны смогли пустыми, ничем не оправдываемыми в настоящий момент обещаниями увести под свою крышу коммунисты и еврейское племя, которое в данный момент является

одним из лютейших врагов рабочего класса, – нужно положить конец. Необходимо обдумать и решиться еще на одну столь важную операцию, которая должна выжечь все корни того, на кого русский народ смотрит с ненавистью. Если не так давно в достижении свободы, равенства и братства пролито много крови, то в настоящий момент начатое нужно довести до конца. Для яркости возьмем наше крестьянство, и если мы углубимся в него, то увидим, что его хозяйство несет полный развал, который чувствительно отражается на городском населении.

Граждане! Ведь позорно и думать, чтоб страна, в которой две трети населения занимается земледелием, страна, имеющая лучшие плодородные земли всей Европы, – перешла на паек. Для русского народа недопустимо, чтобы его лучшую землю обрабатывали жидовские машины, племя которых и торгует хлебом с другими странами, тем самым и ведет наш народ к полной гибели. Нашего темного мужика одурманивают еще не видимой до сих пор в истории бессмыслицей. Если для внезапного налета саранчи мы роем ямы и, наполненные последней, зарываем ее, то и под наше крестьянство ямы уже вырыты, и нам нужно приложить все усилия, чтобы не дать засыпать его. Возьмем политику коммунистов в объединение в колхозы. Эта такая хитрая политика, которую как можно, но скорее нужно понять.

Идти в колхозы нужно лишиться всего своего хозяйства, а крестьянин без хозяйства – это все равно, что судно без руля, которое в зависимости от погоды идет в любую сторону. В этом и заключается их жидовская политика. Обезоружить крестьянство, отобрать все хозяйство в свои руки, и тогда оно будет иметь полную возможность русское крестьянство сделать своими рабами» [Там же. Л. 61–62]. В этот же день Гнильницкий был арестован.

Отметим, что листовки, воззвания и надписи антисоветского характера в общественных местах являлись одной из самых распространенных форм проявления протеста и антисоветских настроений. Усиливавшийся на протяжении 1930-х гг. страх расправы со стороны органов ОГПУ (позже НКВД) заставлял недовольных и несогласных с курсом власти прибегать к подобного рода протестным проявлениям. Только за 5 месяцев 1932 г. в частях ОКДВА было обнаружено 10 листовок, воззваний и надписей. Так, в 34-м полку 12-й дивизии при отправке из Омска была обнаружена листовка следующего содержания: «Внимание!!! Товарищи красноармейцы! Ко всем сознательным, посмотрите, кто нами руководит и кто нас загоняет в кабалу, для того чтобы мы дрались между собой – товарищ с товарищем. Один ударник – почет ему делают, а другой – не ударник, ему нет почету. Для того, чтобы обострить между собой, посмотрите какую дисциплину они держат военную» [Там же. Д. 378. Л. 280].

В 62-м полку 21-й дивизии было обнаружено два анонимных письма. Приводим содержание второго из них:

«Еду в армию с весельем,

Говорил Максим Петру,

И за родину Советов не иначе как умру.

Проживя в кошмарной жизни,
парень стал совсем другой.
Нету родины свободной, превратили нас в рабов.
Нет доверья, голодуха и не смей сказать,
А иначе ты вредитель и на суд отдать.
Целый день с утра до ночи, точно вол везешь.
Где бы нужно отдохнуть, так нам пихают ложь.
И Максиму стало страшно, что за черт – кошмарно,
От ржанухи и бульона – в голове угарно».

В процессе следствия было установлено, что авторство принадлежало красноармейцу Монакову, из семьи крестьян-бедняков, беспартийному, исключительно из ВКП(б) [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303].

Вместе с этим заслуживает внимания, согласно сводкам ОГПУ, на начало 1930-х гг. совершенно новый метод антиколхозной агитации через письма – «метод присылки в армию коллективных кулацких писем, в которых явно провокационные сведения для большей убедительности подтверждаются несколькими подписями односельчан или родственниками». Так, в адрес красноармейца 36-й дивизии поступило от свата из Омского округа письмо, переполненное гневными обвинениями в адрес советской власти. В нем сообщались сведения о зверствах власти в деревне и т.д. В заключение автор указывал: «Вы писали, что вам не верится, что у нас так проделывают (раскулачивания и насильственная запись в колхозы), но я даю слово и голову на отсечение, что у нас так и есть. А если не верите, подпишутся еще люди на этом письме... Про нашу жизнь подписываются: Гриценко Дмитрий, Сидоренко Яков, Сидоренко Максим, Малюнка Павел» [Там же. Д. 244. Л. 37].

Имели место и оригинальные письма-инструкции на случай экстренной ситуации, связанной с раскулачиванием, лишением права голоса или выселением родных из деревни. Понимая, что при этом могут пострадать родственники, проходящие службу в армии или на флоте, родители пытались отвлечь от них возможные неприятности: «Дорогой сынок, если меня станут притеснять или лишать права голоса, то тебе пришлют справку, тогда ты говори так: “Мне отец не нужен, пусть его лишают, а я буду служить, пока не кончу службу”, говори, что “я только здесь увидел свет”. Лишнего ничего не пиши», – указывалось в письме красноармейцу 36-й дивизии из Семипалатинского округа [Там же].

Родители или родственники военнослужащих не только посредством писем влияли на их настроение, но и личным общением. Члены семей красноармейцев приезжали в части для беседы, узнавали, как проходит служба, и рассказывали о домашних делах. В связи с расширением коллективизации количество приезжих родственников из сельской местности (так называемые ходоки) увеличилось, а вместе с ними увеличился приток информации о реальных (по мнению ходоков) процессах, происходящих в деревне. Данная информация, поступающая из первых рук, далеко не всегда была положительной. Так, только на начало марта 1930 г. по 2-й дивизии и 5-й кавалеристской бригаде было отмечено 7 случаев приезда деревенских ходоков. К красноармейцу 36-го артиллерийского полка

Руденко, беспартийному, середняку, приезжал отец, проживающий в Спасском районе Владивостокского округа, за советом относительно вступления в колхоз. Он был настроен положительно и советовал красноармейцам вступать в колхозы. К красноармейцу того же полка Тимощенко (зажиточный) из Гродековского района Владивостокского округа приезжал отец, подвергнутый бойкоту за неспадчу хлеба. Приехал с целью добиться через сына снятия бойкота. При свидании с сыном Тимощенко жаловался на тяжелую жизнь деревни. Сын советовал отцу вступить в колхоз, но тот категорически отказался: «Я ведь все наживал своим горбом, а сейчас отдать все имущество бедноте, да я лучше его все проезжу, и когда ничего не останется, тогда войду». После отъезда отца Тимощенко просил политрука ходатайствовать о снятии бойкота с его жены: «Я не виноват, что отец зажиточный и ему объявили бойкот, я с удовольствием бы вступил в коллектив, но отец не хочет». К красноармейцу того же полка Кравчуку приезжала жена для получения совета – вступать или нет в колхоз? Она рассказала мужу о том, что у «крестьян все отбирают, и поневоле приходится идти в колхоз». Кравчук дал жене совет вступать в колхоз [Там же. Л. 37–38].

Помимо коллективных писем, в частях и соединениях ОКДВА получили распространение анонимные письма, в которых рисовалась печальная картина бесчинств властей, происходящих в деревне. Вместе с тем они подстрекали военнослужащих к дезертирству из армии и саботажу. Красноармеец 21-й стрелковой дивизии Шабуров получил анонимное письмо следующего содержания: «У нас все забрали, а вы что смотрите и молчите, разве не знаете, что советская власть до кисок (т.е. кошек) доходит». В Ленинский уголок 9-й роты 120-го стрелкового полка была подброшена анонимная записка такого содержания: «Единоличники, за что мы боремся... у наших отцов и матерей последнее зерно выгребают, последнюю корову забирают. Давайте, братцы, подумаем, к чему нас социализм довел. Товарищи крестьяне, все силы в наших руках. Долой комсомольцев и коммунистов». Весьма нередки и такого рода заявления: «Хлеба не дают, что делать – спроси командира, – за что ты служишь в Красной Армии? Вы защищаете, а мы здесь помираем» и т.д. [Там же. Д. 380. Л. 133].

Таким образом, информация, поступающая в армию в начале 1930-х гг., рисовала безрадостную картину жизни советской деревни, она свидетельствовала об отсутствии законности и добровольности в проведении коллективизации на селе. «Нашему крестьянству в деревне приходит конец жизни. За что ты в Армии проливаешь кровь, защищаешь границы, а нам житья нет. У нас в деревне много крестьян ушло неизвестно куда. Возможно, когда ты приедешь, фамилия Шабановых от такой жизни сведется на нет», – из письма красноармейцу 1-й дивизии Шабанову, из семьи середняка. «Мы вошли в колхоз потому, что жизнь очень тяжелая пошла, которая нам не под силу. Если бы зайти в колхоз, то надо проститься со всем своим хозяйством. Если кто не идет в колхоз, то идет к распродаже имущества», – из письма красноармейцу 1-й дивизии

Шитникову от родных из Иркутского округа. «Если кто не идет в коллектив, то его сразу причисляют к кулакам, делают опись имущества, которое тут же распродают. Каждое хозяйство подводят под кулацкое», – из письма красноармейцу 2-й дивизии из Кузнецкого округа. «Теперь у нас бедняков нет и середняков тоже, все кулаки, идет сплошная коллективизация. Кто не хочет в колхоз, то приходят, выставляют окна и говорят, иди, ночуй на снегу, все разъезжаются, кто куда знает», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Артюхову из Новосибирска. «В деревне народ разъезжается, куда попало, мужиков не осталось, одни бабы. Собираются ночами и разъезжаются. Утром встанешь, и никого нет, а огонь горит. Бросают все свое имущество и бегут. Щербаков Дмитрий уехал ночью и бросил все свое имущество. Заплакал и поехал. Мы его провожали», – говорилось в тексте письма красноармейцу 2-й дивизии Моничеву из Никольск-Уссурийского. «Посмотрел бы ты, что творится в деревне и действительно страшный суд, там слышно застрелился, там ума лишился, за границу убегают. Беднота боится нормы и работы и упорно не вступает в колхоз», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Сидорчуку от родителей со станции Уссури [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 59–60]. «...Мы живем плохо... Дядю Омельку сослали в тюрьму на 1 год и на высылку на 5 лет... Тетю Федосу выгнали из хаты... живет у нас... Аленкову бабушку тоже выгнали и деда, вообще все их семейство выгнали из хаты... Тятя ездил на хутор исправлять долг к Никифору... отдать долг нечем, осталась одна кобыла... Ты, Матвей постарайся и приезжай в отпуск исправлять долги...», – говорилось в письме красноармейцу саперного батальона М.П. Колыхану [Там же. Д. 378. Л. 168].

В письмах отмечалась «неправильность» построения социализма в деревне. Иногда письма «кричали» о несправедливости, внося смятение в душу красноармейца. Под влиянием негатива военнослужащие открыто выступали против политики властей. «Советская власть довела крестьян до бешенства, посадили на пайки, излишки отобрали. Это не соввласть, а какое-то недоразумение... С этой пятилеткой ждали всех в кулак, и пикнуть не дают. В коллектив крестьян загоняют насильно...» – из высказываний красноармейца 2-й дивизии Долженко, из семьи зажиточных крестьян. «Это не советская власть, а грабилька. Умышленно разоряют крестьянство и этим хотят заставить войти в колхоз и в коммуны, а там тебя будут эксплуатировать так, как им захочется», – из выступления красноармейца 2-й дивизии Скрыка, из семьи кулака. «Власть неправильно строит колхозы, нужно было бы строить колхозы из бедняков и отдельно из зажиточных, а затем посмотреть, кто лучше будет жить и работать», – говорил красноармеец 2-й дивизии Дубровский, из зажиточных крестьян. «Зачем сейчас жмут на кулака и в колхоз не пускают, разве он не такой же человек, он в колхозе больше прибыли принесет, у него хозяйство больше», – заявлял красноармеец 2-й дивизии Селезнев, из семьи кулака-лишенца [Там же. Д. 242. Л. 38–39].

Активный напор деревни в основном и определял характер кулацких настроений красноармейской массы.

Как в количественном, так и в качественном отношении эти настроения обнаруживали тенденцию постоянного роста. Так, в сводке № 2, подготовленной особыми отделами ОГПУ и ОКДВА, в частности, отмечалось, что с 5 по 10 марта 1930 г. общая сумма фактов так называемых кулацких выступлений по 1-й и 26-й дивизиям, вместе взятым, возросла на 42,7%. Аналогичный рост констатировали и политические отделы других воинских частей и подразделений. Весьма важно подчеркнуть, что этот рост происходил главным образом за счет середняцкой крестьянской группы, отрицательные настроения в среде которой увеличились за данный период в среднем на 70%. Некоторое повышение процента давала и бедняцко-батрацкая прослойка – 26,6% [Там же. Д. 244. Л. 60].

Информация из родного дома порой приводила к проявлению у военнослужащих стрессов и выработке эмоциональной злобы и агрессивного отношения к представителям властных структур любого ранга. Осознание гибельного положения родных и близких способствовало ярким эмоциональным антисоветским проявлениям. «Хотя бы скорее со всех сторон вспыхнула война на Союз, чтобы свергнуть это правительство. Может быть, тогда бедному крестьянину станет лучше жить», – высказывался красноармеец 5-й кавалеристской бригады Сапрунюк, из семьи середняка. «Вы все, коммунисты, подпевали соввласти, только и защищайте свои шкуры, да чтобы как можно больше набить карманы, а как на фронт, то свои партбилеты суете в карманы убитых. Вы всегда роете могилу другому, но скоро сами в нее попадете, немного осталось потерпеть, а потом будет наш век», – слова из выступления курсанта политшколы 5-й бригады 74-го полка Кузнецова. «На что мне нужна партия, без нее я лучше проживу. Только морочат голову кругом, забили народ, запутали, разорили вконец», – говорил красноармеец 5-й бригады Путилиц Ким, из семьи бедняка. «Ни черта нет правильности в этой власти, не действует она, так как нужно. Если крестьянин имеет две лошади, так его считают кулаком. Какой вот мой дядя кулак, а его продали. Насильно тянут в коллектив... Поэтому я не хочу быть в комсомоле, ну его к ... (нецензурно. – А.И., О.Ф.) и весь комсомол и всю партию», – слова из выступления командира отделения 36-й дивизии Копылова, члена ВЛКСМ, из семьи середняка. «Мы боимся только того, как бы куда не попасть, а то бы я сказал этому политруку... Врешь ты, что крестьяне сами идут в коллективы, их жмут, давят, и деваться им некуда, вот и идут», – высказывался командир отделения полковой школы 108-го полка 36-й дивизии Дулин, член ВЛКСМ [Там же. Л. 62–63].

Демобилизованные военнослужащие, еще сомневающиеся в истинности информации из получаемых писем, возвращаясь домой, убеждались в реальной ситуации в деревне. Чтобы поделиться переживаемым, они писали письма своим сослуживцам, где подтверждали правдивость критических рассуждений. «Коллективизация идет прямо-таки дурным манером. Тесный союз рабочих и крестьян держится уже на многом. С этой коллективизацией власть советов будет проиграна, как только капиталистические страны нападут на

СССР. Крестьяне и часть рабочих будут помогать буржуазии... Сейчас на заводе только тот рабочий молчит, который получает 150–200 рублей, остальные рабочие бузят... Если это письмо будет читать командование, они скажут, что я стал кулацким подпевалой, но я кулака и в глаза не вижу, но сама жизнь заставляет об этом говорить... Передай привет всем ребятам второй батареи... пусть это письмо читает командование, а адреса не давай», – из письма демобилизованного красноармейца Антонова из Новосибирского округа красноармейцу 2-й дивизии Романовскому [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 36–37].

Помимо крестьянских настроений красноармейцев рядового состава, подобными настроениями был охвачен и начальствующий состав частей и подразделений. Указанные настроения, согласно официальной информации политических органов ОКДВА, были наиболее развиты в частях, расквартированных в населенных пунктах, насыщенных кулацким и другим так называемым антисоветским элементом. Так, в Нерчинске это был 73-й полк, в Спасске – 26-я дивизия. За период с 5 по 10 марта 1930 г. по 5-й бригаде было отмечено 9 фактов антисоветских и антиколхозных настроений, по 73-му полку – 6, из которых 4 – выступления партийцев [Там же. Л. 63].

Сталкиваясь с потоком информации, поступающей из сельской местности, и прорабатывая ее с подчиненными, командиры и политические работники частей и подразделений порой понимали несоответствие политико-идеологических установок, спускаемых сверху, и реального социально-экономического положения на селе. Зачастую реальность брала вверх и приводила к открытым высказываниям критического характера, которые вышестоящим начальством и органами ОГПУ рассматривались как антисоветская агитация. Так, в результате подобных высказываний, а именно за «систематическую контрреволюционную агитацию», был привлечен к ответственности по ст. 58 УК РСФСР бывший политрук артполка Даурской кавалеристской дивизии Михайлов Иван. Свои антисоветские взгляды и суждения Михайлов особенно активно высказывал в период ликвидации кулачества как класса. Конкретно это выражалось в разговорах среди групп начальствующего состава о неправомерной политике партии и соввласти. Дело Михайлова рассматривалось тройкой ПП ОГПУ ДВК. Дальнейшая судьба Михайлова неизвестна. 6 мая 1933 г. в 3-й кавалеристской дивизии поступило заявление о выходе из партии политрука Кульчитского. В заявлении он писал: «Ввиду того, что в дальнейшем я не имею никакой возможности бороться за генеральную линию партии, по многим ее вопросам я не согласен, чувствую, что тяжелое положение для крестьянства и части рабочих и что в скором будущем откроется мое скрытое, а посему прошу исключить меня из рядов ВКП(б), чтобы я не мешал в чистоте партии». Кульчицкий был вызван для объяснения, во время которого он заявил: «Когда я вступал в партию, я был согласен с линией партии, но потом я увидел, что темпы, взятые партией, не под силу трудящимся. Я видел, что колхозам дают непосильные задания и ничем не обеспечивают, колхозники голо-

дают. Я видел, как голодают строительные рабочие во Владивостоке, я видел, как прибывающие из центра не находят работу и умирают с голоду, а тут еще тиф. Я не согласен с ликвидацией кулака, много ликвидируют не кулаков, они могли бы еще работать в колхозах и приносить пользу. Я получаю 200 руб. в месяц, но я мог бы жить на 100 руб., а остальное можно было бы отдать нуждающимся, а ведь другие получают большие оклады. Я видел получаемые письма красноармейцами и слышал, как голодают их семьи, я не могу ничего в разъяснение этого сказать. Я имел за подобные настроения предупреждение и выговор, но его скрывал, и вот я боялся, что сккрытие будет обнаружено» [Там же. Д. 486. Л. 154–155].

Большой поток негативной информации в армию со стороны сельского населения значительно влиял на настроения и мнения военнослужащих, что не могло не вызвать реакции воинского начальства. Понимая, что подобного рода информация может в корне изменить психологический климат в войсках, причем на одном из самых сложных участков соприкосновения с опасным потенциальным противником, армейское руководство совместно с органами ОГПУ осуществляло мероприятия по определению и изъятию из армейской среды так называемого «социально чуждого элемента». Так, только за период с 1 по 10 марта 1930 г. органами ОГПУ были арестованы 54 красноармейца из состава кулаков и социально чуждых, все арестованные были привлечены к ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР. Из указанного количества было заслушано тройкой полномочных представителей ОГПУ 6 законченных дел из которых: 2 обвиняемых были осуждены на 5 лет концлагерей, 1 – на 4 года, 3 – на 3 года каждый [Там же. Д. 244. Л. 41]. Всего за период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. из ОКДВА были изъяты 228 человек младшего командного и рядового составов, что составляло 0,47% от всей численности армии [16. С. 211]. За первые 5 месяцев 1932 г. в частях ОКДВА было выявлено 20 антисоветских группировок с количеством участников – 78, из них 15 было ликвидировано в результате оперативной работы. 20 человек – главарей и наиболее активных участников – было оперативно изъято [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 302]. В дальнейшем «чистка» армейских рядов на Дальнем Востоке только усиливалась. Армейское политическое руководство видело в этом реальную возможность раз и навсегда покончить с «чуждым элементом» в армии. В марте 1931 г. начальник Политического управления ОКДВА А.И. Мезис в своем информационном письме выдвинул следующие директивные указания: «...форсировать изъятие из частей классово враждебных лиц и элементов, проявляющих антисоветскую деятельность... социально-чуждых элементов, случайно просочившихся в армию и скрывших свое социальное прошлое. Немедленно по обнаружении предавать суду», – а также усиливать воздействие на нарушителей дисциплины и улучшать работу парторганизаций. Таким образом, за период с декабря 1930 г. по май 1931 г. из армейской среды были изъяты 238 чел., т.е. не более 0,5% от численности ОКДВА [18. С. 107].

Даже после ареста и изъятия из армии бывшие красноармейцы продолжали открыто выступать с критикой курса партии и правительства. Так, одноклассник 1-го стрелкового полка Пулевский во время дачи показаний по своему делу сообщал следующее: «...я не согласен с политикой партии и советской власти по вопросам раскулачивания и коллективизации и вел поэтому антисоветские разговоры в казарме. В случае если бы меня из армии не изъяли, то я решил бы дезертировать...» [23. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 19].

Карательные меры не были единственным способом успокоения красноармейской массы. Они гармонично накладывались на политико-идеологическую воспитательно-разъяснительную работу. Только вместе эти две составляющие советской системы работы с человеком могли дать должный результат. Основную роль в работе по изменению настроений и мнений военнослужащих осуществляли политические отделы путем разъяснения правильности и необходимости мероприятий, проводимых партией и правительством. Они способствовали выработке у бойцов и командиров идейности, приверженности общим социалистическим ценностям и ненависти к общему врагу, как внешнему, так и, прежде всего, внутреннему, которым мог оказаться их друг или родственник, чье мнение, взгляды и суждения шли вразрез с мнением большинства.

Несмотря на проводимую в армейской среде активную политико-идеологическую работу с военнослужащими, количество отрицательных политических настроений, главное место среди которых занимало реагирование на политику и мероприятия партии в деревне и их последствия, возрастало. Только за период с 1 января по 1 мая 1932 г. по ОКДВА количество общих фактов так называемых «кулацких настроений» увеличилось на с 2 492 в январе до 3 303 в апреле, в том числе антиколхозные настроения увеличились с 409 в январе до 618 в апреле [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 278].

Преобразовательные процессы в дальневосточной деревне происходили позже, чем в европейской части СССР, однако армейскую службу в регионе проходили выходцы из разных регионов страны, в том числе из

тех, где уже полным ходом проходили коренные преобразования деревни. Именно эти люди стали первыми носителями настроений различных групп крестьянства. Несмотря на то что в отчетах и сводках политические органы ОГПУ и ОДВА–ОКДВА утверждали, что основное содержание писем и настроения, формируемые ими, в целом здоровые, фактический материал, приводимый в них, говорил об обратном. Наиболее ярко были отмечены слова недовольства и сомнения в необходимости мероприятий, проводимых государством. Но так продолжалось недолго. Политическое и военное руководство, понимая, что от настроения солдат и офицеров во многом зависит боеспособность армии, стремилось путем проведения политико-идеологической массово-разъяснительной работы изменить настрой красноармейцев. Одновременно «карательные» кампании в армии и деревне, нацеленные на изъятие социально чуждого элемента, значительно сократили приток негативной информации в армию. Призывники проходили через соответствующие комиссии, которые были своеобразным фильтром при зачислении в армию, и социально чуждый элемент не мог попасть в армейские ряды. Отсев по классовому принципу постепенно усиливался, что привело к значительному сокращению антисоветских настроений в армии.

В целом критические настроения в армии к середине 1930-х гг. стали проявляться все меньше. Классовая борьба внутри крестьянского мира при содействии государственного механизма постепенно приводила к желательному для власти результату. При этом перегибы, репрессии и другие побочные эффекты данного процесса, как правило, учитывались только формально, уже как данность. Наиболее радикальные отрицательные и критические высказывания по отношению к власти и проводимым ею мероприятиям по коллективизации и раскулачиванию исчезали вместе с их носителями. Настроения крестьянского населения как негативного, так и позитивного характера, проявляющиеся первоначально активно, по мере расширения давления государства переходили в разряд латентных (скрытых) и проявлялись лишь в особые, важные для населения периоды.

Примечания

¹ ОДВА – Особая Дальневосточная Армия (с августа 1929 г. по 1 января 1930 г.) – объединение уровня военного округа непосредственного подчинения центральным органам командования РККА. За боевые заслуги во время советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г. (конфликт на КВЖД) ОДВА награждена орденом Красного Знамени (1 января 1930 г.) и переименована в ОКДВА (Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия). В мае 1935 г. на базе ОКДВА создан Дальневосточный военный округ (2 июня 1935 г. вновь преобразован в ОКДВА). 28 июня 1938 г. на базе ОКДВА создан Краснознаменный Дальневосточный фронт.

² Мат – бранные слова и выражения, употребление которых не допускается общественной моралью, предназначенные преимущественно для оскорбления адресата или отрицательных оценок людей и явлений.

³ Ходок – простой человек, чаще крестьянин, направляющийся в город, в армию, в администрацию, в центр страны и так далее для встречи с родственником, администрацией, руководством или для подачи прошения (от слова «ходатайствовать»).

⁴ Статья 58 (58-1–58-14) Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (и в последующих редакциях) устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность против государства (измена Родине, шпионаж, доноительство на врага, подрыв государства или нанесение ему ущерба, терроризм, пропаганда и агитация для свержения власти, саботаж и т.д.). Данная статья была отменена в 1961 г.

⁵ Пункт 10 ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (и в последующих редакциях): «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».

Список источников

1. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.

2. Лейбович О.Л. «Война на западе уже началась...»: разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги-Steps. 2016. Т. 2, № 1. С. 14–27.
3. Лившин А.Я. Власть в настроениях и политических эмоциях в период становления сталинизма // Историки размышляют. М. : Перо, 2011. С. 126–174.
4. Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 15. С. 31–36.
5. Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.
6. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 422 с.
7. Астанина Е.А. Отношение Дальневосточного крестьянства к политике коллективизации (начало 1930-х гг.) // Региональные проблемы. 2011. Т. 14, № 2. С. 117–122.
8. Азаренко А.А. О политической психологии крестьян. Дальневосточная деревня в 1920-х годах // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 26–34.
9. Ивашченко В.А. Антисоветские настроения населения (по материалам оперативных данных ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 30–37.
10. Билим Н.Н. Политические настроения дальневосточников в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. 2. С. 32–34.
11. Ченская Т.В. Общественные настроения советского крестьянства в российской деревне в 1926–1932 гг. на примере орловского округа и источники их изучения (по материалам окротдела ОГПУ) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 40–44.
12. Токарев С.В. Политические настроения населения советской провинции во второй половине 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземного региона) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 23 с.
13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934 : в 2 кн. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. Кн. 1: 1930–1931. 864 с.; 2005. Кн. 2: 1932–1934. 840 с.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. 880 с.; 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.; 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. 1008 с.
15. Чуркин В.Ф. К вопросу о политических настроениях российского крестьянства в 20-е – начале 30-х годов XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2013. Т. 26, № 8 (151). С. 180–186.
16. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 375 с.
17. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2000. 348 с.
18. Кулаков П.П. Антисоветские настроения и их преодоление в ОКДВА в начале 1930-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 1 (66). С. 103–110.
19. Путинцев Ф.М. Сектанство и антирелигиозная пропаганда : метод. пособие / под ред. К.А. Попова. М. : Безбожник, 1929. 52 с.
20. Федирко О.П. Общесоюзные и дальневосточные съезды протестантских церквей как элемент религиозной жизни СССР в 20–30-х годах XX в. // Вестник академии. 2012. № 1. С. 97–110.
21. Государственный архив Амурской области.
22. Государственный архив Хабаровского края.
23. Государственный архив Приморского края.

References

1. Davis, S. (2011) *Mnenie naroda v stalinskoy Rossii: Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Boris Yeltsin Presidential Center”.
2. Leybovich, O.L. (2016) “Voyna na zapade uzhe nachalas’...”: Razgovory 1939 g. v barakakh, tyur'makh i ocheredyakh [“The war in the West has already begun...”: Conversations in 1939 in barracks, prisons, and queues]. *Shagi – Steps*. 2(1). pp. 14–27.
3. Livshin, A.Ya. (2011) *Vlast' v nastroyeniakh i politicheskikh emotsiyakh v period stanovleniya stalinizma* [Power in moods and political emotions during the formation of Stalinism]. In: Semennikova, L.I. et al. (eds) *Istoriki razmyshlyayut* [Historians reflect]. Moscow: Pero. pp. 126–174.
4. Darenkaya, I.V. (2013) “Pis'ma vo vlast'” kak istochnik analiza otnosheniy vlasti i obshchestva v 1920–30-e gg. [“Letters to Power” as a source for analyzing relations between power and society in the 1920s–30s]. *Voprosy vseobshchey istorii*. 15. pp. 31–36.
5. Savin, A.I. (2016) Letters to authorities as specific form of soviet citizens' political adaptation in 1930s. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15(8). pp. 133–145. (In Russian).
6. Fitzpatrick, S. (2001) *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
7. Astanina, E.A. (2011) Attitude of the Far-Eastern peasantry to the policy of collectivization (the beginning of the 1930s). *Regional'nye problemy – Regional Problems*. 14(2). pp. 117–122. (In Russian).
8. Azarenko, A.A. (2006) O politicheskoy psikhologii krest'yan. Dal'nevostochnaya derevnya v 1920-kh godakh [On the political psychology of the peasants. Far Eastern Village in the 1920s]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 26–34.
9. Ivashchenko, V.A. (2007) Antisovetskie nastroyeniya naseleniya (po materialam operativnykh dannyykh OGPU DVK) [Anti-Soviet moods of the population (based on operational data from the OGPU DVK)]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 30–37.
10. Bilim, N.N. (20015) Political sentiments of the Far Easterners at the end of the 1920s – the beginning of the 1930s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7-2(57). pp. 32–34. (In Russian).
11. Chenskaya, T.V. (2014) Obshchestvennye nastroyeniya sovetского krest'yanstva v rossiyskoy derevne v 1926–1932 gg. na primere orlovskogo okruga i istochniki ikh izucheniya (po materialam okrotдела OGPU) [Public sentiments of the Soviet peasantry in the Russian countryside in 1926–1932. on the example of the Orel district and the sources of their study (based on the materials of the okrotdel of the OGPU)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(60). pp. 40–44.
12. Tokarev, S.V. (2004) *Politicheskie nastroyeniya naseleniya sovetской provintsii vo vtoroy polovine 1930-kh gg. (Na materialakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona)* [Political sentiments of the population of the Soviet province in the second half of the 1930s (based on the materials of the Central Black Earth region)]. Abstract of History Cand. Diss. Kursk.
13. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2003–2005) *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD, 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD, 1918–1939: documents and materials: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
14. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) (1999–2001) *Tragediya sovetской derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy. V 5-ti t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: documents and materials: in 5 vols]. Moscow: ROSSPEN.

15. Churkin, V.F. (2013) K voprosu o politicheskikh nastroyaniyakh rossiyskogo krest'yanstva v 20-e – nachalo 30-kh godov XX v. [On the political sentiment of the Russian peasantry in the 1920s – early 30s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 26(8). pp. 180–186.
16. Tarkhova, N.S. (2010) *Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg.* [Red Army and Stalinist collectivization. 1928–1933]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Boris Yeltsin Presidential Center”.
17. Peskov, V.M. (2000) *Voennaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 30-e gody XX veka* [Military policy of the USSR in the Far East in the 1930s]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
18. Kulakov, P.P. (2014) Anti-Soviet moods – negative attitude overcoming in OKDVA at the beginning of 1930-ies. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 1(66). pp. 103–110. (In Russian).
19. Putintsev, F.M. (1928) *Sektantstvo i antireligioznaya propaganda* [Sectarianism and anti-religious propaganda]. Moscow: Bezbozhnik.
20. Fedirko, O.P. (2012) Obshchesoyuznye i dal'nevostochnye s"ezdy protestantskikh tserkvey kak element religioznoy zhizni SSSR v 20-30-kh godakh XX v. [All-Union and Far Eastern Congresses of Protestant Churches as an Element of the Religious Life of the USSR in the 1920s and 1930s]. *Vestnik akademii*. 1. pp. 97–110.
21. The State Archive of Amur Region.
22. The State Archive of the Khabarovsk Territory.
23. The State Archive of Primorsky Territory.

Сведения об авторах:

Исаев Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Федирко Оксана Петровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Isaev Aleksandr A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of history and archaeology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Fedirko Oksana I. – D. Phil. in Historical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 07.11.2018; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/76/3

Государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма с использованием информационных технологий

Владимир Георгиевич Кикнадзе

Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Москва, Россия, KiknadzeVG@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ управленческой и законотворческой деятельности, нормативно-правовой базы и ее имплементации в области обеспечения федеральной, общественной и информационной безопасности Российской Федерации, связанных с профилактикой экстремизма и противодействия терроризму, за 2012–2017 гг., в том числе алгоритм взаимодействия государственных органов и граждан России при проведении проверок средств массовой информации на предмет публикации информации экстремистского характера.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, терроризм, средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, эффективность блокировок информационных ресурсов, федеральный закон

Для цитирования: Кикнадзе В.Г. Государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма с использованием информационных технологий // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 25–30. doi: 10.17223/19988613/76/3

Original article

The state policy of the Russian Federation on countering the spread extremist and terrorist ideology through information technologies

Vladimir G. Kiknadze

Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Moscow, Russian Federation, KiknadzeVG@mail.ru

Abstract. As part of the extended board of the Prosecutor General, February 15, 2018, the President of Russia V.V. Putin pointed out that the most serious attention should be paid to countering extremism. The authority received by the Prosecutor General's Office to block the websites containing information of an extremist nature allowed to block over 3,000 web pages during the period of 2015–2018. Direct calls for extremist activity have been removed from over 70 thousand web-sites. At the same time, as V. Putin noted, radical ideology still poses a serious threat to our society and the country.

The assessment made by the President confirms, refines and expands the analysis of the statistical reporting data of the Internal Affairs Ministry of Russia (dynamics of crimes of an extremist orientation for 2012–2017; dynamics of crimes against the foundations of the constitutional system and public calls for extremist activity in 2016–2017; crime dynamics of pupils and students of educational organizations in 2012–2017), the Prosecutor General of Russia on the dynamics of extremist crimes in the regions (according to the federal districts and subjects of the Federation) for 2010–2014.

An important result of the analysis of the statistical reporting data of the Internal Affairs Ministry is the conclusions about the main category of people committing crimes in Russia – those who do not have a constant source of income and are unemployed – the share of whom in 2016 and 2017 amounted to 66–67%.

The analysis of managerial and legislative activities, the regulatory framework and its implementation in the field of ensuring the federal, public and information security of the Russian Federation related to the prevention of extremism and the fight against terrorism for 2012 - 2017 is presented.

By identifying and summarizing the practical work experience of government bodies, the article provides an algorithm for the interaction of government bodies and citizens of Russia during media audits for the publication of extremist information. The existing approach, according to the author, does not meet the requirements of ensuring national security.

The problem of discrimination of the Russian media abroad (the resolution of the European Parliament of November 23, 2016 on countering the Russian media) and the countermeasures of Russia are considered as well.

In conclusion, the author formulated some proposals which can help to reduce risks and threats to information security, increase the efficiency of state and public activities and preserve the cohesion of Russian society. It is also proposed to reduce the time for consideration of a written application of citizens on the prevention of extremism from 30 to 10 days

(to amend Article 11 (paragraph 1) and Article 12 (paragraph 1) of the Federal Law "On the Procedure for Considering Applications of Citizens of the Russian Federation" dated 02.05.2006 No. 59-FZ) and make appropriate amendments to the regulations of federal authorities (Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Office, Roskomnadzor, Courts, Ministry of Justice).

Keywords: extremist crimes, terrorism, the media, information and telecommunications networks, the Internet, the effectiveness of information resources blocking, federal law

For citation: Kiknadze V.G. (2022) The state policy of the Russian Federation on countering the spread extremist and terrorist ideology through information technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 25–30. doi: 10.17223/19988613/76/3

Экстремизм и терроризм являются одними из наиболее сложных проблем международной безопасности современности. В полной мере они проявляются и как социально-политические проблемы, угрозы национальной безопасности современного российского государства и общества.

Связано это в первую очередь с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в России. Поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 43) деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе, отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности.

В рамках расширенной коллегии Генеральной прокуратуры 15 февраля 2018 г. Президент России В.В. Путин в своем выступлении не только подвел итоги деятельности ведомства за 2017 г., но и отметил, что, как и прежде, самое серьезное внимание следует уделить противодействию экстремизму. «В прошлом году число подобных преступлений выросло почти на 5% по сравнению с 2016 г. Отмечу, что четыре года назад Генеральная прокуратура получила полномочия по блокировке сайтов, содержащих информацию экстремистского характера. За эти годы по требованию прокуроров заблокировано свыше 3 тыс. интернет-страниц. С более чем 70 тыс. сайтов удалены прямые призывы к экстремистской деятельности. Нужно продолжать такую системную работу по противодействию распространению радикальной идеологии, которая представляет серьезную угрозу для нашего общества и страны» [1].

Вместе с тем анализ данных статистической отчетности позволил выявить ежегодную (5–10%) негативную тенденцию роста преступлений экстремистской направленности (ПЭН) в России на протяжении пяти лет, с 2012 по 2017 г.: с 58 до 140 преступлений в месяц.

Данная тенденция свойственна, исходя из анализа сведений Генпрокуратуры России за 2010–2014 гг., большинству субъектов Российской Федерации (84%). Например, устойчивая тенденция роста количества ПЭН с 2010 по 2014 г. отмечалась в Калининградской области (300%), Краснодарском крае (300%), Ханты-Мансийском АО (300%) и Свердловской области (500%). Стабильно высокий показатель ПЭН сохранялся в 2012–

2014 гг. в Курской области (2,68 преступлений на 100 тыс. населения), Республике Карелия (2,83), Ненецком АО (2,34), Новгородской области (3,2), Республике Ингушетия (2,26), Курганской области (2,15), Республике Алтай (2,38).

Помимо Камчатского края и Магаданской области, еще лишь в трех регионах России отмечается стабильно невысокий уровень ПЭН: в Калужской области (0,6), Санкт-Петербурге (0,2) и Республике Тыва (0,64). Снижение показателя наблюдалось в Брянской, Костромской, Псковской областях, Адыгее, Волгоградской, Ростовской областях, Башкортостане, Иркутской и Новосибирской областях.

Следует обратить внимание на обстановку в Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Так, в ДФО наряду с регионами со стабильно невысоким количеством ПЭН (Камчатский край, Магаданская область – 0,6 на 100 тыс. населения) «лидирующие» позиции по стране на 2014 г. занимала Сахалинская обл. (3,85); при отсутствии в 2010–2013 гг. ПЭН в Еврейской АО и Чукотском АО, в 2014 г. отмечается всплеск проявлений экстремизма (1,16 и 1,97 соответственно). На Урале все субъекты имеют стабильно высокий уровень ПЭН или демонстрируют высокие темпы роста ПЭН.

При этом в 2016 и 2017 гг. наблюдается рост преступлений против основ конституционного строя (50,4 и 57,3 в месяц соответственно) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (25,4 и 28,0 соответственно), чему в немалой степени способствует современный уровень развития информационных и коммуникационных технологий. Следовательно, информационная безопасность остается одним из приоритетных направлений в системе обеспечения национальной безопасности.

В масштабах государства еще одной негативной тенденцией является ежегодный рост (с 275 до 480) количества зарегистрированных ПЭН, которые находились в производстве с предыдущего отчетного периода. Во-первых, это явный признак низкой эффективности работы по раскрытию данного вида преступлений; во-вторых, с учетом тенденции роста ПЭН, – основание для утверждения, что риски повышения конфликтности в России в ближайшее время могут перерасти в угрозу национальной безопасности.

Анализ данных по регионам показал, что за исключением Приволжского федерального округа, где отмечается снижение количества ПЭН в Республике Башкортостан, всем федеральным округам свойственна отрицательная статистика ПЭН.

Изучение данных статистической отчетности МВД России позволяет прогнозировать дальнейшее снижение количества и доли преступности учащихся и студентов в общей преступности, что в настоящее время отмечается как положительная тенденция: количество учащихся и студентов, совершивших преступления, сократилось с 4,9 тыс. в месяц в 2012 г. до 3,6 тыс. в 2017 г.; доля учащихся и студентов среди лиц, совершивших преступления, за этот же период – с 5,9% до 4%.

Вместе с тем следует обратить внимание на неснижаемый значительный вес совершивших преступления несовершеннолетних лиц (73–79%). Это тревожный сигнал сохранения высокого протестного потенциала российской молодежи. В этой связи полагаем актуальным для регионов России опыт Ростовской области, где в результате реализации региональной долгосрочной целевой программы «Профилактика экстремизма и терроризма на 2012–2014 гг.» удалось снизить уровень преступности среди несовершеннолетних обучающихся на 4,5–15%.

Важным результатом анализа данных статистической отчетности МВД являются выводы об основной категории лиц, совершающих преступления в России – лица, не имеющие постоянного источника дохода (ПИД) и безработные, доля которых в 2016 и 2017 гг. составляет 66–67%, и значительном отрицательном потенциале групповой преступности (лица, совершившие преступления в составе группы или группы лиц по предварительному сговору), доля которой составляет 12–14%.

В 2014 г. в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегии национальной безопасности до 2020 года была разработана Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом России 28 ноября 2014 г., ПР-2753). В документе стратегического планирования отмечается, что за последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз. Наиболее опасные виды экстремизма проявляются путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети (ИТС), включая сеть Интернет (п. 11).

Более того, в Стратегии отмечено, что ИТС, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций (п. 12). Поэтому среди основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму были определены совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики (п. 26 «б») и реализация эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма (п. 26 «в»). Основные направления в сфере государственной информационной политики предусматривали, в частности, создание единого реестра запрещенных сайтов и единой базы экстремистских материалов, повышение эффективности работы уполномоченных органов государственной власти по выявлению и пресечению изго-

товления, хранения и распространения в СМИ и ИТС экстремистских материалов, координацию осуществления мер информационного противодействия распространению экстремистской идеологии в ИТС Интернет (п. 27 «д»).

6 июля 2016 г., на втором этапе реализации Стратегии противодействия экстремизму, Президент России подписал два федеральных закона: «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (федеральный закон № 374-ФЗ) и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (федеральный закон № 375-ФЗ). Оба федеральных закона приняты Государственной Думой 24 июня 2016 г. и одобрены Советом Федерации 29 июня 2016 г. Законопроекты были подготовлены и внесены в Государственную Думу депутатом И.А. Яровой и сенатором В.А. Озеровым, получив неофициальное название «пакет Яровой», или «антитеррористический пакет».

Данные федеральные законы направлены на совершенствование правового регулирования в сфере противодействия терроризму. Например, Федеральный закон № 375-ФЗ расширяет перечень преступлений террористической направленности, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста. Кроме того, предусматривается усиление уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности, а также уточняется понятие «финансирование терроризма». Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) дополнился ст. 205.6 «Несообщение о преступлении», устанавливающей ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности.

Предусмотрена возможность проводить по решению суда осмотр и выемку электронных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, при наличии достаточных оснований полагать, что они могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела.

В российском обществе наибольший резонанс получили положения «проекта Яровой», реализованные в Федеральном законе № 374-ФЗ: требования к операторам связи и организаторам распространения информации в сети Интернет хранить переписку и переговоры пользователей в течение полугода [2]. В целом негативные оценки пакета законопроектов сводились к формуле: дорогой и опасный для общества, неэффективный для государства, нарушающий права граждан.

Подписав 6 июля 2016 г. соответствующий указ, В.В. Путин в этот же день поручил правительству и ФСБ подготовить документы, связанные с нововведе-

ниями. В частности, до 1 сентября 2016 г. необходимо было решить, можно ли в России наладить выпуск оборудования для исполнения закона [3], до 1 ноября 2016 г. – уточнить график введения норм, требующих затрат от участников рынка. Кабинету министров поручалось мониторить ход имплементации закона.

Особое внимание Президент России поручил обратить на уточнение этапов применения норм, требующих существенных финансовых ресурсов и модернизации технических средств хозяйствующих субъектов, с учетом необходимости использования отечественного оборудования. Также он поручил уточнить полномочия правительства и федеральных органов власти в связи с применением пакета законов, Минпромторгу и Минкомсвязи – проанализировать и сформулировать предложения по возможности, срокам и объемам финансовых затрат, ФСБ было поручено утвердить порядок сертификации средств кодирования при передаче сообщений в Интернете, определить перечень средств, подлежащих сертификации, а также порядок передачи ключей шифрования [4].

В начале 2017 г. необходимость коррекции пакета принятых законов также признали в Минэкономразвития и ФАС. В официальном отзыве ФАС к экспертному совету было указано, что ведомство намерено обсудить механизм реализации закона, «чтобы не допустить ущемления интересов потребителей и поддержания условий конкуренции на рынке связи» [5].

Вместе с тем, несмотря на наличие многочисленных недостатков, уже сегодня принятые федеральные законы заставляют террористов и их пособников задуматься, что они будут преданы суду и понесут справедливое наказание. Так, 16 января 2017 г. в Чечне возбудили первое уголовное дело по статье из «пакета Яровой» (ст. 205.6 УК РФ – «Несообщение о преступлении») в отношении Асхаба Хизриева, который не сообщил в правоохранительные органы о планах Фариды Сафина уехать в Сирию для участия в деятельности террористической организации [6]. 6 февраля 2017 г. по этой статье вынесли первый приговор: Улукбек Гафуров был признан виновным в том, что, достоверно зная об обучении гражданина Киргизии Равшана Акбарова в лагере боевиков ИГ, он не заявил о данной деятельности своего знакомого [7].

Для определения основных проблем взаимодействия власти с институтами гражданского общества при выявлении признаков и профилактике экстремизма нами изучен алгоритм деятельности государственных органов Северо-Западного ФО и проведен эксперимент на базе Центрального ФО.

В результате определены три алгоритма взаимодействия при выявлении экстремистских материалов на первом (досудебном) этапе взаимодействия. Данные алгоритмы (механизмы взаимодействия) зависят от наличия признаков СМИ (зарегистрировано или не зарегистрировано в порядке, установленном ст. 8 Закона РФ от 27 декабря 1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ)). В совокупности в процессе принятия решения о наличии в информации признаков экстремизма и его доведения до общества участвует восемь субъектов отношений:

органы государственной власти пяти министерств и ведомств (МВД, прокуратура, Роскомнадзор, суды, Минюст); граждане и институты гражданского общества; профессиональные сообщества (лингвисты, психологи); коммерческие организации (операторы связи, СМИ).

Проблему большого количества звеньев в управленческой цепи проверки информации (от трех до пяти органов власти) усугубляет положение, согласно которому рассмотрение обращений по вопросу наличия в информации признаков экстремизма происходит на тех же условиях, что и других обращений граждан России, т.е. до 30 суток. Безусловно, с учетом современного уровня развития информационных и коммуникационных технологий, за 100 дней проверки информации экстремистского характера последняя может распространиться в неконтролируемом масштабе и достигнуть своей цели. Такой подход не соответствует требованиям обеспечения национальной безопасности.

В конце 2016 г. Россия получила новое оружие для сопротивления в информационной войне: Президент РФ Указом от 5 декабря 2016 г. № 646 утвердил Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. Одним из главных направлений в документе обозначено предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий. Стратегическими целями доктрины определены: защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности России, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры. В документе также идет речь и о дискриминации российских СМИ за рубежом (напомним, что Европарламент принял 23 ноября 2016 г. резолюцию о противодействии российским СМИ).

Сложившаяся с 2012 г. практика применения меры по ограничению доступа к информационным ресурсам, сайтам, страницам сайтов в сети Интернет к 2017 г. выявила недостаточную эффективность блокировок: полностью достичь целей не удавалось. Этому, в частности, препятствовали возможности обнаруживать ссылки на заблокированные ресурсы в результатах поисковых выдач поисковых систем и использовать технологии, позволяющие получить доступ к заблокированным информационным ресурсам (технология «обхода блокировки»). С целью повышения эффективности воздействия на поведение субъектов информационных правоотношений 29 июля 2017 г. Президент России подписал федеральный закон № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», который вступил в силу с 1 ноября 2017 г. и установил механизм ограничения доступа к информационным ресурсам на основании решений Роскомнадзора, а также отменил положения, регулирующие распространение блогерами общедоступной информации в сети Интернет.

Кроме того, также в 2017 г. с целью регламентации работы библиотек с документами, включенными в фе-

деральный список экстремистских материалов (ФСЭМ), опубликованный на сайте Минюста России, были разработаны Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в ФСЭМ (утверждены первым заместителем министра культуры РФ 12 сентября 2017 г.). Документом, в частности, определен порядок выявления интернет-ресурсов и ограничение доступа с компьютеров библиотеки.

Принятие в 2017 г. федерального закона № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статью 6 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (от 25 ноября 2017 г.) стало ответной мерой на притеснение российских СМИ в США и, в частности, признание RT America иностранным агентом. Теперь СМИ, получающие иностранное финансирование, могут быть признаны в РФ «иностранным агентом», а значит – ежеквартально отчитываться Минюсту России о своей деятельности, доходах и расходах, сопровождать свои публикации пометкой «иностранный агент». Принятый закон также вводит процедуру внесудебной блокировки сайтов нежелательных организаций.

При этом еще в 2014 г. в целях повышения открытости деятельности СМИ, получающих финансовую и иную поддержку из иностранных источников, был разработан проект федерального закона № 535071-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” в части введения статуса средства массовой информации – иностранного агента». Проектом ФЗ предлагалось создать дополнительный реестр СМИ – иностранных агентов, установить для таких СМИ обязанность указывать принадлежность к иностранным агентам на всей производимой и распространяемой продукции, ввести контроль посредством отчета перед уполномоченным Правительством РФ органом исполнительной власти о расходовании иностранных средств, использовании иностранного имущества и т.д. За нарушение порядка деятельности СМИ, выполняющего функции иностранного агента, предполагалось ввести штрафные санкции, для чего предлагалось дополнить главу 19 КОАП РФ. Однако 10 декабря 2014 г. Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи принял заключение на проект федерального закона № 3.27-6/572,

в котором отметил расхождение с существующими нормами права (Закон о СМИ, ГК РФ), отсутствие в законодательстве РФ ключевых терминов проекта, другие недостатки его понятийно-категориального аппарата. В итоге Комитет не поддержал принятие проекта федерального закона и рекомендовал его отклонить. Вероятно, принятие закона в 2014 г. могло бы не только способствовать повышению эффективности защиты национальных интересов России, но и укреплению международной безопасности в целом.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно рекомендовать следующие меры повышения эффективности воздействия на поведение субъектов информационных правоотношений по превентивизации рисков использования информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды экстремизма, терроризма и сепаратизма:

1. В целях повышения оперативности сократить сроки рассмотрения письменного обращения граждан по вопросам профилактики экстремизма с 30 до 10 дней (внести изменения в ст. 11 (п. 1) и ст. 12 (п. 1) федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 № 59-ФЗ) и внести соответствующие изменения в регламенты федеральных органов власти (МВД, прокуратура, Роскомнадзор, суды, Минюст).

2. В целях распространения положительного опыта профилактики экстремизма в регионах Российской Федерации рекомендовать к изучению, адаптации и применению региональные долгосрочные целевые программы, такие как «Профилактика экстремизма и терроризма» (успешно реализована в Ростовской области), программа адресной профилактики терроризма и экстремизма на муниципальном уровне (Ставропольский край). Экономический эффект от проведения подобных программ достигается за счет уменьшения количества преступлений (в том числе среди несовершеннолетних) и увеличения количества учреждений социальной сферы с наличием системы технической охраны.

Полагаем, что данные предложения, при условии их учета и реализации, могут способствовать снижению рисков и угроз информационной безопасности, сохранению сплоченности российского общества, повышению эффективности государственной и общественной деятельности.

Список источников

1. Заседание коллегии Генпрокуратуры России. 2018. 15 фев. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863>
2. Реализация законопроекта Яровой обойдется Mail.ru Group почти в \$2 млрд. Это в 3 раза больше годовой выручки компании // Ведомости : электронное периодическое издание. 2016. 23 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/06/24/646582-zakonoproekta-yarovoi-mailru>
3. Кантышев П. ФСБ предлагает доработать систему прослушки для исполнения закона Яровой // Mail.ru. 2016. 9 авг. URL: <https://news.mail.ru/politics/26719834/?frommail=1>
4. Путин подписал пакет Яровой. Котировки российских операторов связи снизились // Ведомости : электронное периодическое издание. 2016. 7 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/07/07/648335-putin-yarvoi>
5. Серьгина Е. Закон Яровой нужно корректировать, считают Минэкономразвития и ФАС // Ведомости : электронное периодическое издание. 2017. 19 янв. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/01/19/673589-zakon-yarovoi-korrektilrovat>
6. Савельева М. В Чечне возбудили первое дело по статье о недонесении из «пакета Яровой» // Mail.ru. 2017. 16 янв. URL: <https://news.mail.ru/incident/28446526/?frommail=1>
7. В России впервые вынесен приговор по статье о недонесительстве «пакета Яровой» // Деловой Петербург. 2017. 6 фев. URL: https://www.dp.ru/a/2017/02/06/V_Rossii_vpervie_vinesli

References

1. President of Russia. (n.d.) *Zasedanie kollegii Genprokuratury Rossii, 15 fevralya 2018 g.* [Meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of Russia. February 15, 2018]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863>
2. *Vedomosti*. (2016a) Realizatsiya zakonoproekta Yarovoy oboydetsya Mail.ru Group pochti v \$2 mlrd. Eto v 3 raza bol'she godovoy vyruchki kompanii [The implementation of the Yarovaya bill will cost Mail.ru Group almost \$2 billion. This is 3 times more than the company's annual revenue]. 23rd June. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/06/24/646582-zakonoproekta-yarovoi-mailru>
3. Kantyshev, P. (2016) *FSB predlagaet dorabotat' sistemu proslushki dlya ispolneniya zakona Yarovoy* [FSB proposes to finalize the wiretapping system for the enforcement of the Yarovaya Law]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/politics/26719834/?frommail=1>.
4. *Vedomosti*. (2016b) *Putin podpisal paket Yarovoy. Kotirovki rossiyskikh operatorov svyazi snizilis'* [Putin signed the Yarovaya package. Quotes of Russian telecom operators have decreased]. 7th July. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/07/07/648335-putin-yarovoi>
5. Sergina, E. (2017) *Zakon Yarovoy nuzhno korrektirovat', schitayut Minekonomrazvitiya i FAS* [The Yarovaya law needs to be corrected, according to the Ministry of Economic Development and the Federal Antimonopoly Service]. *Vedomosti*. 19th January. [Online] Available from: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/01/19/673589-zakon-yarovoi-korrektirovat>
6. Savlieva, M. (2017) *V Chechne vzbudili pervoe delo po stat'e o nedonesenii iz "paketa Yarovoy"* [In Chechnya, the first case was initiated under the article on failure to report from the "Yarovaya package"]. 16th January. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/incident/28446526/?frommail=1>
7. *Delovoy Peterburg*. (2017) *V Rossii vperve vnesen prigovor po stat'e o nedonositel'stve "paketa Yarovoy"* [In Russia, for the first time, a verdict was passed under the article on failure to report from the "Yarovaya package"]. 6th February. [Online] Available from: https://www.dp.ru/a/2017/02/06/V_Rossii_vperve_vnesli

Сведения об авторе:

Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Россия). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

Information about the author:

Kiknadze Vladimir G. – Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Corresponding member Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 24.06.2018; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 94(47).084.8:365
doi: 10.17223/19988613/76/4

Между Бессарабией и Подолем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций (взгляд антрополога)

Виктор Мирославович Мельник^{1, 2}

¹ Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

² Винницкий национальный медицинский университет им. Николая Пирогова, Винница, Украина

^{1, 2} melnyk1996ethnology@gmail.com

Аннотация. Проводится политико-антропологическое исследование локального культурного ландшафта – Лядовского мужского монастыря, расположенного в центре Днестровского каньона, на стыке Винницкой области Украины и Молдовы. Пользуясь стандартной историко-географической методикой, автор характеризует этническую и социально-политическую эволюцию местности, выделяет узловые моменты лядовской истории. Особенное внимание уделено «византийскому духу» и «Лядовской ярмарке» как социальным рудиментам современности. Классифицируется три типа локального сознания и культурной идентичности, базирующихся на соответствующих идейно-политических традициях: 1) украинское национальное сознание; 2) православно-византийское сознание; 3) бессарабское молдавское сознание.

Ключевые слова: Лядовский мужской монастырь, политическая антропология, культурный ландшафт, Византия, политико-антропологическая характеристика местности

Для цитирования: Мельник В.М. Между Бессарабией и Подолем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций (взгляд антрополога) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 31–37. doi: 10.17223/19988613/76/4

Original article

Between Bessarabia and Podolia: Ladawa monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and a center of political traditions (anthropologist's view)

Viktor M. Melnyk¹

¹ Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine

² Ukraine National Pirogov Memorial Medical University, Vinnytsya, Ukraine

^{1, 2} melnyk1996ethnology@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the key issues of political and anthropological characteristics of the local cultural landscape. Historiographical basis of article consists of works of great Ukrainian and Russian historian Volodymyr Antonovych and the entire list of modern Ukrainian works about the Ladawa monastery. Most of the facts described in folklore legends were verified by the author personally during his trips along the Dniester canyon and during his interaction with the monks in Ladawa. The matter of the work is to establish a correlation between geographical location and socio-psychological perception of a separate historically significant locality in the context of political anthropology. Political anthropology is considered as the study of the ideological forms of traditional political structure of society in the historical process. The concept of «political and anthropological approach» is used by the author in the connotation proposed by sociologist Georges Balandier. Also, the main term of this discipline (political anthropology) is «political tradition». The article explores transformation and existence of various forms of political traditions of the monastic community, based on the materials of the historical relationship between the location of the monastery and the perception of this location by citizens of the surrounding area. For the first time it was proposed to integrate the historical-geographical and political-anthropological approaches to obtain complete information on the symbolic meaning and cultural-psychological status of the area. The center of attention is Lyadawa male Orthodox monastery on the Dniester River. This fortification complex is located in a unique rocky gorge, on the contemporary border of Ukraine and the Republic of Moldova. The first written reference to the monastery dates back to 1159 and connected with the ethno-cultural contacts between Kievan Rus', Byzantine Empire and the Turkic-speaking Kumanian-Polovtsian tribes. During the Middle Ages, the Dniester played the role of civilization's border, which makes the history of the monastery in Ladawa an illustrative example for the study of interstate and international contacts. The first written reference to the village Ladawa dates back to 1388. It is associated with the transition of Dniester under the political power of the Grand

Duchy of Lithuania. Subsequently, the territory of the monastery became a shelter for runaway peasants and Cossack regiments. During the period of Turkish rule in Podolia (1672-1699), the monastery was saved from desecration only because of its advantageous geographical location. This fact is reflected in folklore and Ukrainian folk legends. In the 19th century there was a big fair. Within Ladawa fair framework, active cultural contacts were established between Russian Old Believers, Bessarabian Moldovans and Podolian Ukrainians. The author identifies three traditional forms of the Ladawa monastic consciousness: 1) Orthodox-Byzantine; 2) Ukrainian national; 3) Bessarabian Moldavian.

Keywords: Ladawa Monastery, Political Anthropology, Cultural Landscape, Byzantine Empire, Political and Anthropological Characteristics of the Cultural Landscape

For citation: Melnyk V.M. (2022) Between Bessarabia and Podolia: Ladawa monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and as a center of political traditions (anthropologist's view). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 31–37. doi: 10.17223/19988613/76/4

Усекновенский скальный Иоанно-Предтеченский мужской монастырь расположен на живописном берегу реки Днестр – в эпицентре глубокого каньона. Он находится на украинской территории, в 300 м от государственной границы с Республикой Молдовой, на вершине 90-метровой скалы (под юрисдикцией близлежащего Яршевского сельского совета Могилев-Подольского района Винницкой области) [1. С. 130–135]. Днестровский каньон протяженностью 250 км охватывает границы шести этногеографических регионов – Подолии, Бессарабии, Буковины, Западной (Галицкой) Подолии и Галиции.

В предлагаемой статье мы попробуем сконцентрироваться вокруг *политико-антропологической характеристики* этого замечательного *объекта культурного наследия*. Предлагаем использовать всего три подхода для анализа: 1) частота сменяемости социально-культурных групп на одном культурном ландшафте в прошлом и настоящем; 2) наличие социально-культурной символики минувших времен в современном географическом описании и психологическом восприятии ландшафта; 3) доминантные политические традиции локального региона, их генезис. Эти три стандарта, взятые из распространенной методики *Human Geography*, приведут нас к описанию одной отдельно взятой сакральной местности с точки зрения политической антропологии.

Политическая антропология исследует идейные и идеологические особенности развития традиционных форм политического устройства в историческом процессе [2]. Приспосабливая научный аппарат и подход политантропологии к историко-культурной характеристике Лядовского монастыря (отдельного культурного ландшафта с позиций современной географии человека), мы следуем теоретическому указанию французского социолога и основателя политической антропологии Жоржа Баланье (1920–2016): «...политическая антропология ищет качества, общие для всего исторического и географического многообразия политических типов организации» [3. С. 13].

1-й аспект методики: *Какие исторические социальные группы участвовали в формировании облика ландшафта? Как они сменяли друг друга?*

Древний период. Исследования истории Лядовского монастыря не выходят за рамки его монашеской жизни [4. С. 10–30]. Учитывая, что монастырь расположен в исключительно удобном месте для обороны, на 90-метровой скалистой террасе над рекой, можно

предположить, что история месторасположения имеет гораздо более древние корни [5. С. 1]. Река всегда притягивала людей. Большинство неолитических поселений, расположенных в рамках Днестровского каньона (преимущественно принадлежащих культуре Кукутени–Триполье), являются именно скоплениями жилищ у берега реки [6]; их присутствие обнаружено археологами [7]. Охотники и энеолитические земледельцы использовали выгоды географического расположения: вода обеспечивала организацию ведения хозяйства, а скалистая местность не подпускала близко вражеские племена и опасных животных [8. С. 76–77]. Допускается, что пещеры, ставшие позже монастырскими кельями, вначале использовались первобытными земледельцами в оборонительных целях [9. С. 86–90].

Позже Днестровский каньон окружили племена ираноязычных кочевников (скифов, сарматов), чьи активные контакты с древними греками [10. С. 13–15] позволили античным авторам обозначить условное течение Днестра – реки Тирас [11. С. 28–40].

Днестр попал в самую гущу Великого переселения народов (III–VII вв.). Первоначально для Днестровского бассейна большую роль играла близость Римской империи. Однако когда в 271 г. н.э. римляне оставили провинцию Дакия на милость германцам-готам, Днестр стал зоной межэтнических контактов гетто-дакийцев и германцев [12. С. 24].

Средние века. Предание относит создание Лядовского монастыря к 1013 г. и называет его основателем Св. Антония Печерского (983–1073) [7. С. 101]. Монахи до сих пор рассказывают, что будущий основатель Киево-Печерской лавры обустроил первые кельи, возвращаясь из Константинополя и Афона. Существуют «Антониевы» келья и источник – их принято связывать с именем святого [13. С. 343–345]. Согласно исследованиям А.В. Сварчевского, монашеские поселения на землях Днестровского каньона (в широком смысле) должны были появиться еще в 500–600-х гг. [14]. Тогда эту территорию контролировало славянское племя уличей [15. С. 9].

В эпоху налаживания *русско-византийских политических контактов* (860–989) лядовское нагорье замечательно подходило для таможенного контроля и посольского отдыха. Окружающую степь контролировали тюрки-кочевники, а Подунавье слишком часто поддавалось грабежам и военному разорению. Для дипломатических миссий наилучшим образом подходило Среднее Поднестровье [16. С. 126–128]. Впрочем,

первое летописное упоминание о монастыре относится к 1159 г. и связано с галицким князем Иваном Берладником (ок. 1112–1162). В 1158–1159 гг. Иван Берладник правил собственным княжеством в Подунавье. Его поддерживали половцы и так называемые «берладники» (возможно, беглецы с киевских земель или наследники поднестровских, в том числе «каньонных», уличей). Упомянутый князь, действуя в бассейнах Дуная и Днестра, установил отношения с Константинополем. К слову, смерть застала князя в древнейшем греко-византийском городе Фессалоники [17, 18].

Первое упоминание о близлежащей Лядовой (в польских документах *Ladawa*) относится к 1388 г. [19. С. 97–101]. Тогда земли Среднего Поднестровья (со стороны современной Винницкой области) были контролируемы литовцами [20. С. 51–52]. Следуя федеративным тенденциям литовского устройства, великие князья действовали по принципу «разделяй и властвуй». Благодаря ему они и дошли к устью Дуная и Черному морю. На территории современных Винницкой, Черкасской, Кропивницкой и отчасти Хмельницкой областей было создано «Подольское княжество», возглавленное Кориатовичами (представителями старинного киевско-русского рода) [15. С. 23–25].

Функционирование торгового пути «из варяг в греки» продолжалось. Позднесредневековый Днестр вновь получил ряд преимуществ. Его среднее течение находилось в меньшей доступности для хищной татарской конницы. Общие исторические процессы в Восточной Европе привели к умиротворению кочевников, контролировавших валашские и болгарские земли, а также к временному возрождению *византийских культурно-исторических* сил во времена династии Палеологов (1258–1453). Археологические находки (особенно монеты) ясно говорят о мощном византийском экономическом влиянии: сначала на общность «берладников», а потом и на Подольское княжество. В эпоху монетизации экономической жизни XII–XVI вв. главной валюты среднего Поднестровья оставался византийский *сольд* (нумисма) [21. С. 16].

Падение Константинополя 29 мая 1453 г. явилось фактором обнищания бассейнов Дуная и Днестра. Впрочем, турецкая экспансия открыла путь к политической институционализации валашских княжеств. Смешанное славяно-валашско-тюркское население (потомки дакийских ромеев и киевских «берладников?»), оказавшееся к югу и юго-западу от Днестра, оказалось заложником геополитического противостояния между католической Польшей и султанской Портой [Там же. С. 16–19]. В 1387 г. Молдославия (литовско-польское название Молдавского княжества) признала польского короля сюзереном.

Лядовский монастырь после ликвидации Подольского княжества в 1394 г. оставался частью Литвы и только в 1569 г. перешел под польскую юрисдикцию [14].

Новое время. В 1648 г. Подолия была охвачена казаческим восстанием [15. С. 52–55]. Монахи монастыря активно помогали так называемым «резунам» (*rizuny*), уничтожавшим отступающих поляков и евреев. Предок великого писателя Николая Гоголя Остафий Гоголь

(ум. в 1679 г.) возглавил Могилев-Подольский полк. В 1649 г. игумен Лядовского монастыря Павел и иеромонах Никифор возглавили первое посольство Богдана Хмельницкого к московскому царю Алексею Михайловичу.

Впрочем, конец Хмельниччины ознаменовался началом длительной Руины. В феврале 1660 г. краковский воевода Станислав Ревера Потоцкий (1579–1667) атаковал полк Остафия Гоголя. Несколько недель длилась осада Могилева-Подольского, в ходе которой казаками Гоголя использовались окрестные каньонные местности для налаживания связи с промосковскими силами правобережного гетмана Михаила Ханенка (1669–1674). В итоге именно днестровский каньон стал местом дислокации московского полка боярина Григория Козловского (1647–1701), нанесшего полякам поражение.

Между 1672 и 1699 гг., по соглашению с Польшей, Подолье оккупировала Османская империя [22. С. 256–257]. В числе других христианских храмов турки закрыли Лядовский монастырь. Однако, в отличие от главных каменных культовых сооружений региона (церквей и костелов), османы не обратили монастырь в мечеть из-за малой доступности. Таким образом, географические условия расположения спасли монастырь православных христиан от «осквернения». Это простое утверждение, по нашему мнению, – яркая иллюстрация роли географического фактора в культурной истории общества.

В 1702–1703 гг. Лядовский монастырь вновь оказался на польской территории, но теперь уже как духовный греко-католический (униатский) центр василиан. В 1745 г. монастырь закрылся на фоне общего религиозного накала в Речи Посполитой, спровоцировавшего активизацию вооруженной антипольской борьбы крестьян и гайдамаков. В 1768 г. Днестровский каньон станет местом дислокации казачьих отрядов гайдамаков. Территория скального монастыря использовалась ими в качестве базы для налетов. Опять же, выгодным преимуществом Лядовского монастыря следует считать возможность конспиративного сообщения с запорожцами посредством длинных ходов днестровского каньона [19].

Время модерна. Могилевщина была передана Польшей Российской империи в 1795 г. С этого момента начинается возрождение православной культуры и соответствующей символики в Лядове. Расцвет монастыря приходится на 1830–1917 гг.

С 1845 г. Лядово усилиями монахов Григория Янковского и Владимира Стефановского начинает обретать образовательную и экономическую инфраструктуру. Организовывались ежегодные монастырские ярмарки, во многом способствовавшие единству между бессарабскими славянами и подольскими украинцами. Ярмарка выполняла важную роль в транспортировке частнособственнической продукции бессарабских крестьян на украинские рынки [4].

К 1900 г. монастырь состоял из четырех церквей – трех пещерных (Иоанна Предтечи, Параскевы Пятницы, Антония Печерского) и одной приходской (св. Николай). Кроме культурно-религиозной функции, руковод-

ство монастыря уделяло значительное внимание транспортному значению деревни. Могилевщина воспринималась многими украинцами как «ворота в Бессарабию» (место заработка для безземельных крестьян).

Война 1914–1918 гг. и революционные события активизировали контрабандистскую деятельность. После того как Румыния захватила Бессарабию в 1918 г., новая граница стала «золотым дном» для местных крестьян. Именно под предлогом борьбы с «контрабандой» в 1938 г. церкви были уничтожены большевиками. Большая часть неизученной библиотеки и редких икон исчезла. Под монастырем была возведена линия обороны. Интересно, что руководил подрывом монастыря Дмитрий Карбышев (1880–1945). По словам монахов, от взрыва колокол церкви Иоанна Предтечи оказался в Днестре. В 1941–1944 гг. Лядова находилась в составе так называемого *Губернаторства Транснистрии* (румынского оккупационного региона). Этим были обусловлены менее низкая интенсивность ведения боевых действий и выживание старообрядческих общин. Еще в середине XVIII в. на территории Среднего Поднестровья активно расселялись группы старообрядцев-липован. Их миграция длилась более века и окончилась компактным расселением в украинской этнической среде Подолии, Бессарабии и Буковины (1760–1780-е гг.) [4].

Археологические исследования выдающегося украинского историка Владимира Антоновича (1834–1908) [9] позволяют установить некоторую преемственность социально-исторического развития монастыря: буго-днестровская общность, трипольцы, даки, германцы-готы (сегодня таковыми считаются черняховцы) и, наконец, славяне. Особый вклад в историческую географию местности внесен скифами и сарматами, готами и гуннами, угрозязычными мадьярами и латиноязычными валахами, печенегам и половцами. Но все же определяющими для зарождения, развития и выживания Лядовского монастыря всегда оставались русско-византийская дипломатия и взаимные экономические контакты. Стиль и дух древних построек Лядовского монастыря отчетливо выдает здесь византийский культурный форпост.

2-й аспект методики: *Определение социальных рудиментов прошлого в современном культурном ландшафте.*

Лядовский монастырь был восстановлен в 1998 г. группой почаевских монахов. Его воссоздание получило мощную поддержку со стороны Украинской Православной Церкви [1. С. 137–139].

Культурный ландшафт Лядовского монастыря состоит из нескольких важных элементов. Во-первых, монастырь построен по византийскому образцу, что создает ощущение византийского духа. Во-вторых, для локального культурного ландшафта важно паломничество. Во взаимодействии монахов и паломников рождается современная социальная структура монастыря [5].

Духовное влияние Византии чувствуется до сих пор благодаря культу иконы Божьей Матери «Отрада и Утеха», подаренной игуменом Святой обители Ватопедской на Афоне. Легенда, связанная с иконой, относится к 807 г., когда Святая гора подверглась болгарскому штурму [23]. Сегодня этот образ является

самым значительным в лядовском иконостасе. Он служит неразрывной точкой интеракции «монастырь–паломник» [13].

В смысле «социального рудимента», активно поддающегося реставрации, может рассматриваться *Лядовская ярмарка*, восстановленная в селе после возрождения монастыря. Она прямо объявляется преемницей ярмарки XIX в. и призвана «улучшить» общение между жителями молдавского и украинского Поднестровья.

3-й аспект методики: *Ландшафт как смысл и символ: какие три политико-традиционные мировосприятия доминируют в социальном сознании монастырского округа?*

Мировосприятие первое – православно-византийское. Современный ландшафт Лядовского монастыря – строительный ландшафт. Начиная с 1998 г. монахами много сделано для обустройства территории. Один журналист написал: «Неудивительно, что действующий монастырь напоминает, скорее, строительную площадку, где легче встретить рабочих, а не монахов» [5. С. 1]. Построен новый корпус, восстановлены некоторые помещения и древние пещеры, открыт паломнический отель, возведены смотровая площадка и колокольня. Для монахов очень важно, что новый колокол привезен в Лядову именно из Москвы.

Для мировоззрения монахов-строителей и паломников большое значение имеют артефакты, связанные со Святым Антонием. В частности, монахам «удалось» локализовать «келью» Антония, местоположение которой действительно носит признаки глубокой древности. Насельники обители рассказывают, что келья сохраняет неизменный внутренний вид с византийских времен. Таким образом, для монашеского мировоззрения и пространственной мифологии первоочередную роль играет «**Византия**» как источник древнерусского православия. *Агиографическое путешествие Святого Антония в Константинополь, на Афон и обратно в Киев является основой всех легенд и преданий, связанных с началами Лядовского монастыря. Все вещи, несущие отпечаток древности, принято почтительно называть Антониевыми.* Касается это и такого важного географического образа местности, как «Антониев источник». По преданию, бытующему и в самом селе Лядова, на монастырской горе расположен целебный ключ. Стараниями монахов здесь воссоздана купальня, собирающая ключевую воду [13. С. 343–347; 24].

Мировосприятие второе – украинское национальное. «Антониев источник» очень важен для народного воображения, поскольку вопрос воды исторически главенствующий. Все и всегда поселялись возле рек, озер, источников, независимо от доминирующей формы ведения хозяйства (взять хотя бы соотношение земледельцев и кочевников). Расположение Лядовского монастыря позволяет выдвигать гипотезы о существовании здесь городища. Археология демонстрирует следы компактного обитания различных исторических племен даже в условиях полного земледельческого запустения степи, окружающей Поднестровье [25. С. 114]. Следовательно, «Антониев источник» является символом исторических условий, способствовавших устройству и демографическому развитию окружающей местности.

Присутствие трипольцев значительно расширяет временные рамки лядовской локальной истории, что явилось поводом для разнообразного историографического мифотворчества [6]. Если православное мировоззрение предполагает «*культурно-психологическую*» (!) *преемственность* между христианскими общинами готов или византийцев, Св. Антонием Печерским и современной Иоанно-Предтеченской монашеской общиной, то украинское национальное мировоззрение базируется на «*генетической*» (!) *преемственности* «трипольцев, скифов, антов, украинцев» [15. С. 10–11].

Лядовский монастырь с окружающими его археологическими находками представляется одним из важных центров формирования украинской локальной / региональной идентичности, поскольку здесь находилось древнее славянское городище. Соответствующие образы Поднестровья, важные для украинской национальной мифологии, красочно изложены в замечательной исторической трилогии Д. Мищенко.

Мировосприятие третье – бессарабское – экономическое. Для поднестровских жителей река является историческим кормильцем [26]. В этнической молдавской среде даже сегодня наблюдается сакрализации Днестровской торговли и регулирования границ.

Количество молдаван на украинской территории в последние годы заметно снижается. К примеру, численность молдаван в Винницкой области снизилась между переписями 1989 и 2001 гг. на 12,8%. Сегодня молдаване Винничины составляют лишь 1% всех молдаван Украины. Сосредоточены они преимущественно в сельской местности вдоль границы по Днестру (включая Могилев-Подольский район). Впрочем, с точки зрения политической антропологии группы сельских молдаван настроены очень *инструментально*. Их *идентичность изменяется в зависимости от политической конъюнктуры и местопребывания, что делает четкую характеристику невозможной*. Многие украинские молдаване на один и тот же вопрос о национальной принадлежности могут называть себя и молдаванами, и румынами, и русскими, и украинцами. С другой стороны, велик процент романизированных в прошлом славян среди так называемых украинских молдаван.

Лядовский монастырь для бессарабского мировоззрения интересен не столько своими древними артефактами, сколько социально-экономическими возможностями. В связи с этим возлагались надежды на Лядовскую ярмарку – вновь возрожденный символ XIX в. Однако не менее интересны радикальные «румынствующие» взгляды в молдавской среде на прошлое и настоящее Поднестровья. Во многом они ассоциируются с необходимостью румынской экспансии в Молдавии и апеллируют ко времени «Великой Румынии» 1941–1944 гг., оккупировавшей «Транснистрию».

Выводы. Избранный междисциплинарный путь, по нашему твердому убеждению, обогащает теоретическую политологию широким историческим и географическим полотном фактов. В то же время он позволяет исторической науке присмотреться к проблеме взаимодействия политического и климато-географического факторов в процессе эволюции различных форм социального сознания и коллективной идентичности.

Обобщая современные социально-психологические доминанты, подчеркнем: *для православного мировоззрения характерно уважительное отношение к византийской исторической роли, тогда как в украинском национальном мировоззрении выделяются «воспоминания» (мифологизированные) о конфронтации с греками («славные походы на Царьград» и т.д.)*. В то же время украинский национальный дискурс (распространенный преимущественно в среде *школьной интеллигенции* Могилев-Подольского района) трепетно относится к православной вере. Заметно, что и православное, и украинское национальное мировоззрение больше обращено к Средневековью, что, возможно, не только подтверждает их генетическую самобытность, но и сглаживает искусственно навязываемые некоторыми средствами массовой информации противоречия. Бессарабское мировоззрение фиксируется исключительно на подсознательном уровне, и это делает его гибким и лабильным для инструментальной смены идентичности. Впрочем, с точки зрения исторической этнологии, базируясь на собственном опыте эмпирического наблюдения, предполагаем дальнейшее широкое распространение похожего инструментализма в украинской национальной среде. Православно-византийское мировоззрение устойчивее и консервативнее.

Список источников

1. Кокряцкий С. Твердия духу подільського: з історії Лядовського скельного монастиря – до його 1000-ліття // Вінницький край. 2012. № 4. С. 130–139.
2. Мельник В.М. Теоретична конструкція політичної антропології // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. 2016. Вип. 113 (10). С. 348–360.
3. Баландьє Ж. Політична антропология. Київ : Альтерпрес, 2002. 252 с.
4. Давиденко В.В. Монастир. Вінниця : О. Власюк, 2005. 254 с.
5. Мельник В.І. Ті, що у скалі сидять // Україна Молода. 2009. 13 сер. № 147.
6. Паламарчук С., Андрієвський І. Зорі Трипілья. Вінниця : Теза, 2007. 142 с.
7. Давиденко В.В. Вибір преподобного Антонія Печерського // Вінницький край. 2004. № 2. С. 101–112.
8. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М. : Мысль, 1987. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1. 430 с.
9. Антонович В.Б. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе: (1884 г.) Одесса : Тип. А. Шульце, 1886. Т. 1. С. 86–102.
10. Мельник В.М. Политико-антропологическое обоснование евразийской социальной интеграции: историографический скифо-сарматизм и географический детерминизм // Гипотеза / Hypothesis : научно-практический журнал. 2018. № 2 (3). С. 13–19.
11. Мозолевський Б.М. Етнічна географія Скіфії. Київ : Стародавній Світ, 2013. 168 с.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. : Айрис-пресс, 2011. 736 с.
13. Гнатишина Л. Легенди і перекази про історію заснування Лядівського скельного монастиря // Вісник студентського наукового товариства інституту історії, етнології і права: до 100-річчя заснування ВДПУ ім. М. Коцюбинського. Вінниця : ВДПУ, 2011. Вип. X. С. 343–348.

14. Сварчевский А.В. Православное монашество Подолии IV – 30-е гг. XX века (исторические очерки – попытка анализа). Винница : ВЦИК, 2009. 56 с.
15. Мельник В.М. Оборонні укріплення міста Вінниці. Вінниця : Вінницька міська друкарня, 2015. 96 с.
16. Мельник В.М. Историко-юридический нарис Аскольдової доби (860–882 рр.): торговельні шляхи і візантійський сюзеренітет // Вісник НТУУ «КПІ». Політологія. Соціологія. Право. 2018. Вип. 3 (39). С. 126–132.
17. Вернадский Г. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2008. 336 с.
18. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. СПб. : Азбука, 2014. 480 с.
19. Стефановский В. Историко-статистическое описание с. Лядавы Могилёвского уезда // Подольские епархиальные ведомости. 1862. № 3. С. 97–108.
20. Келлер О.Б. Магдебургское право и другие формы городского права в крупных населенных пунктах Центрально-Восточной Европы: сравнительный налоговый анализ // Анналы юридичної історії. 2018. Т. 2, № 1-2. С. 38–62.
21. Петрушенко О.Ф., Мельник В.М. Міжнародні фактори української історії: геополітичний контекст та спроба використання візантійської спадщини наприкінці XVI ст. // Феномен Європи: проблеми державотворення : збірник матеріалів наукової конференції молодих вчених з міжнародною участю у Львівському національному університеті ім. І. Франка. Львів : Анналы юридичної історії, 2018. С. 16–20.
22. Антонович В.Б. Последние времена козачества на правой стороне Днепра // Антонович В.Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ : Либідь, 1995. С. 252–372.
23. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М. : Русский фонд содействия науке и образованию, 2016. 664 с.
24. Антонык Д. Чотирнадцять мандрівок Вінниччиною. Київ : Грані-Т, 2009. 104 с.
25. Терлюк І.Я. Український націогенез і козацтво в контексті формування української державної ідеї як національної (остання третина XVI – перша половина XVII ст.) // Анналы юридичної історії. 2018. Т. 2, № 1-2. С. 109–123.
26. Чайковский М.П. Днестровский каньон. Природоведческий очерк. Львов : Каменяр, 1981. 64 с.

References

1. Kokryatskiy, S. (2012) Tverdinya dukhu podil's'kogo: z istorii Lyadov's'kogo skel'nogo monastirya – do yogo 1000-littya [Strength of the spirit of Podolia]. *Vinnits'kiy kray*. 4. pp. 130–139.
2. Melnyk, V.M. (2016) Teoretichna konstruktsiya politichnoi antropologii [Theoretical Construction of the Political Anthropology]. *Gileya: naukoviy visnik*. 113(10). pp. 348–360.
3. Balandier, G. (2002) *Politichna antropologiya* [Political Anthropology]. Translated from French. Kyiv: Alterpres.
4. Davidenko, V.V. (2005) *Monastir* [The Monastery]. Vinnitsya: O. Vlasjuk.
5. Melnyk, V.I. (2009) Ti, shcho u skali sidyat' [Those that sit in the rock...]. *Ukraina Moloda*. 147. 13th August.
6. Palamarchuk, E. & Andrievskiy, I. (2007) *Zori Tripillya* [The Dawn of Trypillia]. Vinnitsya: Teza.
7. Davidenko, V.V. (2004) Vibir prepodobnogo Antoniia Pechers'kogo [The choice of St. Anthony Pecherskiy]. *Vinnits'kiy kray*. 2. pp. 101–112.
8. Klyuchevskiy, V.O. (1887) *Sochineniya: v 9-ti tomakh* [Works: in 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
9. Antonovych, V.B. (1886) O skal'nykh peshcherakh na beregu Dnestra v' Podol'skoy gubernii [About the rock caves on the banks of the Dniester in the Podolsk province]. In: *Trudy VI Arkheologicheskago s'ezda v Odesse: (1884 g.)* [Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa: (1884)]. Vol. 1. Odessa: Tip. A. Shul'tse. T. 1. pp. 86–102.
10. Melnyk, V.M. (2018) Politiko-antropologicheskoe obosnovanie evraziyskoy sotsial'noy integratsii: istoriograficheskii skifo-sarmatism i geograficheskii determinizm [Political and anthropological justification of Eurasian social integration: Historiographic Skythian-Sarmatism and geographic determinism]. *Gipoteza – Hypothesis*. 2(3). pp. 13–19.
11. Mozolevskiy, B.M. (2013) *Etnichna geografiya Skifii* [The Ethnical Geography of Scythia]. Kyiv: Starodavnyi Svit.
12. Gumilev, L.N. (2011) *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow: Ayris-press.
13. Gnatchishina, L. (2011) Legendy i perekazy pro istoriyu zasnuvannya Lyadiv's'kogo skel'nogo monastirya [Legends about the History of the Foundation of the Ladawa Monastery]. *Visnik students'kogo naukovoogo tovaristva institutu istorii, etnologii i prava: do 100-richchya zasnuvannya VDPV im. M. Kotsyubyn's'kogo*. 10. pp. 343–348.
14. Svarchevskiy, A.V. (2009) *Pravoslavnoe monashestvo Podolii IV – 30-e gg. XX veka (istoricheskie ocherki – popytka analiza)* [Orthodox monasticism of Podolia in the the 4th – 20th centuries]. Vinnitsya: VTsIK.
15. Melnyk, V.M. (2015) *Oboronni ukriplennya mista Vinnitsi* [The Fortifications of Vinnitsya]. Vinnitsya: Vinnits'ka mis'ka drukarnya.
16. Melnyk, V.M. (2018) Istoriko-yuridichnyi naris Askol'dovoї dobi (860–882 rr.): torgovel'ni shlyakhi i vizantiys'kiy syuzerenitet [The Legal History of the Askold Time (860–882): Trade and Byzantine suzerainty]. *Visnyk NTUU "KPI". Politologiya. Sotsiologiya. Pravo*. 3(39). pp. 126–132.
17. Vernadskiy, G. (2008) *Nachertanie russkoy istorii* [The History of Russia]. Moscow: Algoritm.
18. Gumilev, L.N. (2014) *V poiskakh vymyshlennogo tsarstva* [Searches for an Imaginary Kingdom]. St. Petersburg: Azbuka.
19. Stefanovskiy, V. (1862) Istoriko-statisticheskoe opisanie s. Lyadavy Mogilevskogo uезда [The historical and statistical description of the Ladawa village in Mogilev Uezd]. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 97–108.
20. Keller, O.B. (2018) Magdeburgskoe pravo i drugie formy gorodskogo prava v krupnykh naselennykh punktakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: sravnitel'nyy nalogovyy analiz [Magdeburg Law and Other Forms of Urban Law in Large Settlements in Central and Eastern Europe: A Comparative Tax Analysis]. *Annali yuridichnoi istorii – The Annals of Legal History*. 2(1-2). pp. 38–62.
21. Petrusenko, O.F. & Melnyk, V.M. (2018) Mizhnarodni faktori ukrains'koi istorii: geopolitichnyi kontekst ta spoba vikoristannya vizantiys'koi spadshchiny naprikintsi XVI st. [International factors of Ukrainian history: the geopolitical context and the attempt to use the Byzantine heritage at the end of the 16th century]. In: Tarnavsky, R.B. & Melnyk, V.M. (eds) *Fenomen Evropy: problemi derzhavotvorenniya. Zbirnik materialiv naukovoї konferentsii molodikh vchenikh z mizhnarodnoyu uchastyu u L'viv's'komu natsional'nomu universiteti im. I. Franka*. Lviv: Annali yuridichnoi istorii. pp. 16–20.
22. Antonovich, V.B. (1995) Poslednie vremena kozachestva na pravoy storone Dnepra [The Last Period of the Cossack's on the Right Bank of the Dniipro]. In: Antonovich, V.B. *Moya spovid'. Vybriani istorichni ta publitsistichni tvori*. Kyiv: Lybid. pp. 252–372.
23. Luttvak, E.N. (2016) *Strategiya Vizantiyskoy imperii* [The Global Strategy of Byzantine Empire]. Moscow: Russian Fund for Assistance to Science and Education.
24. Antonyuk, D. (2009) *Chotirnadtsyat' mandrivok Vinnichchinoyu* [Fourteen Routes in the Vinnitsia region]. Kyiv: [s.n.].
25. Terlyuk I.Ya. (2018) Ukrains'kiy natsiogenez i kozatstvo v konteksti formuvannya ukrains'koi derzhavnoi ideї yak natsional'noi (ostannya tretina XVI – persha polovina XVII st.) [Ukrainian National Genesis and the Cossack's in the Context of the Ukrainian State-National Idea (the 16th – 17th centuries)]. *Annali yuridichnoi istorii – The Annals of Legal History*. 2(1-2). pp. 109–123.
26. Chaykovskiy, M.P. (1981) *Dnestrovskiy kan'on. Prirodovedcheskiy ocherk* [The Dniester Canyon. Natural Science Essay]. Lviv: Kamenyar.

Сведения об авторе:

Мельник Виктор Мирославович – кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина); преподаватель кафедры философии и обще-

ственных наук Винницкого национального медицинского университета им. Николая Пирогова (Винница, Украина); главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории» (Украина). E-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Information about the author:

Melnyk V.M. – PhD in Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine); Lecturer, Department of Philosophy and Social Science, National Pirogov Memorial Medical University (Vinnytsya, Ukraine); Editor-in-Chief, Quarterly “The Annals of Legal History” (Ukraine). E-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.03.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.03.2019; accepted for publication 22.02.2022

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК [94+327.8] (456.31:6)

doi: 10.17223/19988613/76/5

Ватикан в современной Африке (к 50-летию визита в Уганду папы римского Павла VI)

Станислав Анатольевич Горохов¹, Руслан Васильевич Дмитриев², Иван Андреевич Захаров³

^{1, 2, 3} *Институт Африки РАН, Москва, Россия*

¹ *stgorohov@yandex.ru*

² *dmitrievrv@yandex.ru*

³ *vanszax@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли Ватикана в формировании пространства католицизма в пределах Африканского континента. Показано, что в основу политики Святого Престола в отношении государств Африки на современном этапе положены задачи обеспечения деятельности структур католической церкви, защиты ее свободы и независимости, укрепления влияния среди существующей паствы и привлечения новых адептов. Установлено, что к числу важнейших направлений деятельности Ватикана в Африке относятся гуманитарные вопросы: установление и поддержание мира, социальной справедливости и соблюдение прав человека.

Ключевые слова: Ватикан, внешняя политика, Африка, «мягкая» сила, межрелигиозный диалог

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений».

Для цитирования: Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Ватикан в современной Африке (к 50-летию визита в Уганду папы римского Павла VI) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 38–46. doi: 10.17223/19988613/76/5

Original article

Vatican in modern Africa (on the 50th anniversary of the pope Paul VI's pilgrimage to Uganda)

Stanislav A. Gorokhov¹, Ruslan V. Dmitriev², Ivan A. Zakharov³

^{1, 2, 3} *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *stgorohov@yandex.ru*

² *dmitrievrv@yandex.ru*

³ *vanszax@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to identifying the role of the Vatican in the formation of the Catholic space within the African continent. A century ago, the focus of the Vatican's policy was primarily on the problems of Europe, since most of the adherents of Catholicism were concentrated in this part of the world. However, at the beginning of the 21st century, about 70% of Catholics lived in the developing countries of Latin America, Africa and Asia. The spatial transformation of the Catholic world was caused, on the one hand, by a wide diffusion of the secularization in the European countries and a drop in their population birth rate; on the other – by the success of Catholic missionaries in developing countries combined with the high birth rate characteristic of their population. In this regard, the attention of the Vatican, starting from the second half of the 20th century, began to increasingly focus on the countries of the Global South – including African countries, although Catholicism is not the dominant religion on the Black Continent. The regional policy

of the Roman Catholic Church in Africa is mostly characterized by the geography of papal visits to the countries of the continent, which have become one of the most effective means of political influence of the Vatican. The basis of the Holy See's policy towards African states at the present stage is to ensure the functioning of the structures of the Catholic Church, protect its freedom and independence, strengthen its influence among the existing flock and attract new adherents. Among the most important activities of the Vatican in Africa are humanitarian issues: the establishment and maintenance of peace, social justice and respect for human rights. Not less important direction of the Vatican policy in Africa is the strengthening of the Islamic-Catholic dialogue, which is based on the discussion and solution of the following issues: problems of freedom of conscience and religion; the political situation in the Middle East and North Africa in the context of functioning of the Christian communities and Christian shrines in these regions; problems associated with the migration of Muslims to European countries and the provision of assistance to refugees; religious and legal issues caused by the growth of Muslim communities in European countries; opposition to religious fanaticism and fundamentalism. At the same time, it is too early to speak of a clear positive shift in solving the political and socio-economic problems of Africa. Thousands of Africans set off to seek a better life in developed countries, which creates serious problems and contradictions for the Vatican, as emigration contributes to the weakening of Catholicism on the continent.

Keywords: Vatican, foreign policy, Africa, "soft" power, interfaith dialogue

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support from the Russian Science Foundation in the framework of research project No. 19-18-00054 "Transformations of global confessional geospatial environment: the phenomenon of «parallel» societies in the system of international political relations".

For citation: Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. (2022) Vatican in modern Africa (on the 50th anniversary of the pope Paul VI's pilgrimage to Uganda). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 38–46. doi: 10.17223/19988613/76/5

Современная католическая церковь – крупнейшая религиозная организация, к которой принадлежат около половины христиан на Земле. Согласно последним данным ватиканской статистики, в 2017 г. в мире насчитывалось почти 1,3 млрд католиков, что составляет 17,7% населения земного шара [1]. Наибольшее их число сосредоточено в Америке – 631,3 млн, или 48,6% адептов католицизма, далее следуют Европа (285,5 млн, или 22,0%) и Африка (228,4 млн, или 17,6%), в Азии насчитывается 143,4 млн католиков (11,0%), а в Австралии и Океании – лишь 10,5 млн (менее 1%). Хотя африканская паства занимает третье место в мире, она очень важна для Ватикана [2], ведь на Черный континент приходится 44% (более 6 млн) ежегодного прироста сторонников католицизма [1]. К тому же практически 90% опрошенных африканцев считают религию очень важной составляющей своей жизни, что заметно выше, чем в других регионах мира. В Нигерии, Демократической Республике Конго (ДРК) и Уганде каждое воскресенье, чтобы удовлетворить духовные потребности верующих, в католических приходах проводится по 4–5 месс; более 70–80% католиков этих стран посещают храмы не реже одного раза в неделю [3].

Современная политика Ватикана (вернее, Святого Престола) в отношении стран Африки начала формироваться на рубеже 1960–1970-х гг., что было обусловлено получением в это время странами континента политической независимости. Необходимый в новых условиях курс на обновление католицизма был окончательно взят на II Ватиканском соборе (1962–1965), по результатам которого были осуждены все формы дискриминации и расизма [4]. Соборные отцы подтвердили, что католическая церковь «уважает и развивает качества и индивидуальности различных рас и народов; и все то, что в обычаях народов не связано нерасторжимо с суевериями и заблуждениями, она старается благосклонно оценивать и, если возможно, сохраняет неизменным» [5].

О том, что Африка оказалась в центре внимания Ватикана, свидетельствовал первый в истории католической церкви визит римского первосвященника на континент. В 1969 г. папа Павел VI посетил Уганду; официальной целью его визита стало прославление первых католических мучеников Черной Африки – святых Карла Лванги и его товарищей, сожженных заживо в 1886 г. местным правителем кабакой Буганды. Во время поездки Папа выступил с программной речью, главный посыл которой заключался в признании важности африканских церквей для Ватикана и необходимости продолжения христианизации африканских народов силами самих африканцев: «Вы, африканцы – отныне сами миссионеры. Вы должны продолжить дело строительства церкви на своем континенте. Вы можете, вы должны иметь африканское христианство» (цит. по: [6. С. 89]).

Павел VI сформулировал важнейшее направление политики Ватикана в Африке, актуальное до настоящего времени, – обеспечение местных католических церквей собственными кадрами священнослужителей, необходимыми для укрепления и дальнейшего распространения католицизма на континенте. Именно «африканизация» католической общины позволила католической церкви Африки отмежеваться от образа «религии белых», сложившегося еще в эпоху колониализма: если в конце 1960-х гг. в Африке из 12 тыс. католических священнослужителей местными уроженцами были лишь 3 тыс. [Там же. С. 91], то к 1980 г. численность местного клира на континенте возросла до 17 тыс., а в 2017 г. превысила 45 тыс. человек, что составляет более 10% всех католических священников в мире (табл. 1).

Тенденция к увеличению численности католических священников в Африке и их доли в католическом клире всего мира продолжится и далее, ведь на континент приходится более половины всех семинаристов в мире – 54 тыс., хотя в 1960 г. их было лишь 2 тыс. [1]. Только за 2016 г. численность католических священнослужителей в Африке возросла на 1 181 человека,

в то время как в мире в целом она сократилась на 687 человек. Особенно резко сократилась численность служителей католического культа в Европе – на

2 583 человек; сокращается она и в США и Канаде, к тому же духовенство в развитых странах стареет, а доля молодых священников постоянно сокращается.

Таблица 1

Статистические показатели католической церкви в Африке в 1980–2017 гг.

Показатель	Годы				
	1980	1990	2000	2010	2017
Численность священников, человек	17 346	20 399	27 167	37 527	45 229
Численность приходов, единиц	7 162	8 967	11 022	14 401	15 217*
Численность католиков, млн человек	58,7	88,9	130,0	185,6	228,4
Доля католиков в населении, %	12,5	14,0	16,5	18,3	19,2
Численность католиков в расчете на один приход, человек	8 193	9 914	11 796	12 889	13 050*
Численность католиков в расчете на одного священника, человек	3 383	4 358	4 786	4 946	5 051

Рассчитано и составлено авторами по: [1]. * – данные за 2012 г.

Теперь уже католические священнослужители из Африки переезжают в Европу и США, церкви которых не могут восполнить недостаток в священниках за счет местного населения, отказывающегося принимать сан. Это так называемое возмратное миссионерство приняло в начале XXI в. значительные масштабы: во Франции в настоящее время служат 1 800 иностранных священников – в основном из ее бывших африканских колоний [7]; более тысячи католических священников в США на сегодняшний день являются выходцами из Африки, около 600 из них приехали из Нигерии и еще более 70 – из Кении [8].

Укрепление влияния католицизма в независимых странах Африки невозможно без создания местного епископата, и это прекрасно понимают в Ватикане. В 1939 г. только два африканца (из Уганды и Мадагаскара) были посвящены в сан епископов, в 1980-х гг. уже более 70% католических епископов Африки были местными уроженцами, а в конце второго десятилетия XXI в. около 90% из 716 католических епископов Африки имеют местное происхождение [9].

Представительство католической общины Африки в мировом католицизме осуществляют кардиналы. В колониальный период все кардиналы, представлявшие Африку, были исключительно миссионерами-европейцами. Только в 1960 г. был возведен в сан кардинала первый африканец – уроженец Танзании Л. Ругамба; в 1965 г. в Африке было уже 5 кардиналов, в 1980 г. – 12 [6]. В 1993–2002 гг. один из первых кардиналов-африканцев, уроженец Бенина Б. Гантен был даже главой (деканом) Коллегии кардиналов, т.е. занимал второй по важности после Папы Римского пост католической церкви. Другим видным сотрудником Римской курии был нигерийский кардинал Ф. Аринзе, возглавлявший в 1985–2002 гг. Папский Совет по межрелигиозному диалогу, а затем работавший префектом Конгрегации богослужения и дисциплины таинств [10]. Сейчас в Римской курии видные позиции занимает кардинал из Ганы П. Тарксон, который с 2016 г. состоит префектом созданной специально для него папой Франциском Дикастерии по содействию целостному человеческому развитию – новой суперструктуры, которая руководит всей политикой Ватикана в области благотворительности, экологии и здравоохранения, занимаясь в том числе проблемами миграции.

В современной Коллегии кардиналов Африка представлена уже 29 членами (28 из них – местные уроженцы, еще один – испанец, руководящий католической церковью в Марокко), из которых 19 ныне имеют право избирать нового Папу Римского. Они представляют 19 африканских стран: ДРК (2 кардинала), Танзанию, ЮАР, Судан, Гану, Кению, Нигерию, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Эфиопию, Кабо-Верде, ЦАР, Маврикий, Мали, Мадагаскар, Гвинею, Анголу и Марокко [11]. В то же время на страны Африки приходится лишь 15% кардиналов-выборщиков, в то время как Италия, в которой проживает в четыре раза меньше католиков, чем в Африке, представлена 22 кардиналами (17% всех выборщиков). Тем не менее в свое время и Б. Гантен, и Ф. Аринзе были папабиями, т.е. входили в число основных претендентов на вакантный папский престол, и в настоящее время многие в Африке полагают, что, учитывая растущую значимость Черного континента для католицизма, скоро может наступить время для избрания черного Папы Римского.

Еще одно важное направление политики Ватикана в Африке, актуальность которого в последние годы только растет, – решение гуманитарных проблем. Католическая церковь в настоящее время – крупнейшее частное медицинское учреждение в Африке, и католические больницы, клиники и миссии находятся на переднем крае борьбы с ВИЧ / СПИДом. Католические медицинские организации также оказались в авангарде борьбы с эпидемией Эбола в 2014 г. в Западной Африке – особенно в Либерии, Нигерии, Сьерра-Леоне и Гвинее. Также католические благотворительные организации и медицинские учреждения помогают ухаживать за 15 млн детей-сирот. Всего в католических епархиях стран Африки действует 1 100 больниц, 5 250 амбулаторий и центров первичной помощи, 200 домов для прокаженных, 1 300 детских домов, 2 600 детских садов и 750 домов для престарелых [12]. Деятельность этих многочисленных медицинских учреждений, работающих в странах Африки, курируется Ватиканом через Дикастерию по содействию целостному человеческому развитию, которой руководит кардинал П. Тарксон.

Не менее активен в Африке Ватикан и в сфере образования, которое особенно «востребовано» на Черном континенте, имеющем самое молодое население среди регионов мира. Католическое образование еще

со времен миссионеров XIX в. заслуженно считается в Африке одним из лучших и наиболее престижных, а в принадлежащие Церкви учебные заведения стремятся попасть не только католики, но и представители других конфессий. Однако, согласно данным Брукингского института за 2012 г., из 128 млн африканских детей школьного возраста 17 млн никогда не будут иметь возможности пойти в школу [13]. Согласно докладу Конгрегации католического образования за 2013 г., в Африке открывалось 75% всех новых католических школ в мире; католическая церковь управляет почти 16 тыс. детских садов, которые посещают 1,5 млн детей, 38 тыс. начальных школ, где учатся 16 млн человек, и 12,7 тыс. средних школ на 5,4 миллиона учащихся [12]. В Африке также действует около десятка католических университетов, в которых проходят подготовку не только будущие теологи и священники, но и представители различных светских профессий: учителя, экономисты, инженеры и др.

Особое внимание в своей деятельности в Африке католическая церковь уделяет примирению сторон в вооруженных конфликтах, поддержке движения против коррупции и содействию перехода от авторитарного правления к устойчивой демократии. Так, в ДРК – крупнейшем католическом государстве континента – церковь сегодня является фактически единственным стабильным институтом в стране, опустошенной междоусобицами, коррупцией и бедностью. В 2011 г. епископат ДРК принял декларацию, осудившую разгул насилия после президентских выборов, а архиепископ Киншасы кардинал Лоран Монсенгво Пасиня сыграл важную роль в переговорах правительства с оппозицией, призванных нормализовать ситуацию [12]. В Зимбабве архиепископ Булавайо Пиос Нкубе и другие католические епископы противостояли режиму Роберта Мугабе, обличая его неспособность управлять страной.

Активную социальную позицию католических иерархов Африки Ватикан поддерживает через Папский Совет справедливости и мира, деятельность которого направлена на сбор информации о проблемах справедливости и мира в разных частях планеты, содействие прогрессу народов и защите прав человека. Однако даже на фоне такой активности католической церкви в Африке можно назвать беспрецедентными усилия папы Франциска по прекращению гражданской войны в Южном Судане (и войн вообще [14]), унесшей с 2013 г. не менее 400 тыс. жизней. В апреле 2019 г. на закрытом двухдневном совещании лидеров африканских стран в Ватикане папа на коленях просил президента и лидера оппозиции Южного Судана заключить между собой мирное соглашение, поцеловав им ноги.

Слабость многих африканских правительств, незаконная торговля оружием, прозрачные границы и бедность населения способствовали экспансии исламистов и обострению конфликтов между религиозными общинами христиан и мусульман [15]. Радикальные исламские группы, связанные с ИГИЛ и Аль-Каидой, такие как Аш-Шабаб в Сомали или Боко Харам в Нигерии (запрещены в РФ), создают свои «параллельные» политические структуры, конкурирующие со светскими органами власти. Цель этих организаций –

создание исламского шариатского государства в странах Африки и искоренение западного светского образа жизни, носителями которого они видят местное христианское население. В результате теракты, совершаемые радикальными исламистами прежде всего в странах, где традиционно рядом проживают мусульманские и христианские общины [16], становятся все более жестокими, приобретая ярко выраженную антихристианскую направленность. Католические церкви, миссионеры и священнослужители, а также рядовые прихожане стали объектами вооруженных атак экстремистов в ЦАР, Буркина-Фасо, Нигерии, Сомали, Ливии, Египте, Кот-д'Ивуаре и др. Так, используя политический хаос в Сомали для формирования своих военных баз на его территории, исламистская группировка «Аш-Шабаб» в апреле 2015 г. убила 147 студентов-христиан в университете Гарисса на востоке Кении [17]. Только за 2018–2019 гг. в ЦАР в результате нападений террористов погибли по меньшей мере 57 человек, более сотни получили ранения [18]; четыре человека погибли в результате нападения на католическую церковь в Буркина-Фасо [19].

К сожалению, сейчас еще рано говорить о явном положительном сдвиге в решении политических и социально-экономических проблем Африки. Тысячи африканцев отправляются искать лучшей доли в развитые страны, что порождает серьезные проблемы и противоречия для Ватикана, поскольку эмиграция способствует ослаблению католицизма на континенте. Так, в 2015 г. на церемонии открытия Панафриканского съезда католической молодежи и детей в Киншасе президент Епископской конференции ДРК Н. Дьюмо обратился к африканской молодежи с призывом «не поддаваться на лживые обещания о благополучной жизни, которыми вас выманивают с родины на поиски несуществующей работы в Европе и Америке», а быть готовыми «отдать все свои силы, таланты и средства, чтобы обновить и перестроить свой родной континент, чтобы на нем воцарились вечный мир, справедливость и примирение всех народов Африки» [20]. С мнением Н. Дьюмо солидарны и многие другие католические епископы континента, а также видные деятели Ватикана, например кардинал П. Тарксон, который выступил с призывом прекратить миграцию из Африки [21].

С другой стороны, официальные взгляды Ватикана на миграцию основываются на Апостольской конституции *Exsul Familia* («Семейство в изгнании»), написанной еще папой Пием XII в 1952 г., после окончания Второй мировой войны, – в период, когда Европа была переполнена мигрантами. Опираясь на этот документ, папа Франциск – сам сын мигрантов, прибывших в Аргентину из Италии – призвал лидеров европейских стран оказать гостеприимство людям, спасающимся от войны и бедности [22].

Региональную политику руководства католической церкви в Африке в наибольшей степени характеризует география папских визитов в страны континента, которые стали одним из наиболее эффективных средств политического влияния Ватикана. Все папы, начиная с Павла VI, обязательно посещали Африку – всего таких визитов к настоящему времени состоялось 23.

Особенно в этом отношении выделяется папа Иоанн Павел II, который совершил за время своего понтификата (1978–2005) 16 поездок на континент; его преем-

ник Бенедикт XVI (2005–2013) побывал на континенте два раза, а нынешний Папа Франциск – уже четырежды (табл. 2).

Таблица 2

Список визитов Папы Римского в страны Африки за период 1969–2019 гг.

№	Время визита	Страны и территории	Папа Римский
1	Июль–август 1969	Уганда	Павел VI
2	Май 1980	ДРК, Республика Конго, Кения, Гана, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар	Иоанн Павел II
3	Февраль 1982	Нигерия, Бенин, Габон, Экваториальная Гвинея	— " —
4	Август 1985	Того, Кот-д'Ивуар, Камерун, ЦАР, ДРК, Кения, Марокко	— " —
5	Декабрь 1986	Сейшельские острова	— " —
6	Сентябрь 1988	Зимбабве, Ботсвана, Лесото, Эсватини (Свазиленд), Мозамбик	— " —
7	Апрель–май 1989	Мадагаскар, Реюньон, Замбия, Малави	— " —
8	Октябрь 1989	Маврикий	— " —
9	Январь–февраль 1990	Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Мали, Буркина-Фасо	— " —
10	Сентябрь 1990	Танзания, Руанда, Бурунди, Кот-д'Ивуар	— " —
11	Февраль 1992	Сенегал, Гамбия, Гвинея	— " —
12	Июнь 1992	Ангола, Сан-Томе и Принсипи	— " —
13	Февраль 1993	Бенин, Уганда, Судан	— " —
14	Сентябрь 1995	Камерун, ЮАР, Кения	— " —
15	Апрель 1996	Тунис	— " —
16	Март 1998	Нигерия	— " —
17	Февраль 2000	Египет	— " —
18	Март 2009	Камерун, Ангола	Бенедикт XVI
19	Ноябрь 2011 г.	Бенин	— " —
20	Ноябрь 2015	Кения, Уганда, ЦАР	Франциск
21	Апрель 2017	Египет	— " —
22	Март 2019	Марокко	— " —
23	Сентябрь 2019	Мозамбик, Мадагаскар, Маврикий	— " —

Составлено авторами по: [23].

Таким образом, за полвека главы Ватикана посетили 75% стран Африки (41). Визит Папы Римского в конкретную страну континента свидетельствует о том, что в Ватикане придают особое значение укреплению с ней хороших отношений, о значимости этих отношений для мирового католицизма. При выборе государства для посещения дипломаты на службе Папы Римского, безусловно, учитывают численность проживающих в ней католиков. В 2015 г. крупнейшие по численности общины католиков в Африке проживают в ДРК (41 млн), Нигерии (22 млн), Уганде (16 млн), Анголе (13 млн), Танзании и Кении (по 11 млн), Мозамбике (9 млн), Мадагаскаре, Бурунди и Камеруне (по 6 млн), Руанде (5 млн), Южном Судане и Кот-д'Ивуаре (по 4 млн) [24]. Из табл. 2. видно, что все перечисленные выше государства принимали Папу Римского на своей земле, однако некоторые из них посещались главой католической церкви особенно часто. Так, Кения принимала у себя Папу 4 раза; Уганда, Кот-д'Ивуар, Камерун и Бенин – по 3; ДРК, Нигерия, Буркина-Фасо, Ангола, ЦАР, Марокко, Мадагаскар, Маврикий, Мозамбик и Египет – по 2 раза.

Однако если связывать визиты Папы Римского исключительно с численностью католического населения той или иной страны, то чаще всего принимать главу Ватикана должны были бы в ДРК, занимающей первое место в Африке и 10-е в мире по численности адептов католицизма [25]. Однако сложные отношения Ватикана с диктаторским режимом Мобуту, который управлял страной в 1965–1997 гг. и провозгласил политику «подлинного национализма», направленную на ослабление католицизма, не позволяли состояться ви-

зиту главы католической церкви [26. С. 269]. Посещение ДРК Папой стало возможно лишь в период проведения некоторой демократизации в стране в 1980-х гг.; в дальнейшем гражданская война и политическая нестабильность не позволили Папе еще раз побывать в крупнейшем католическом государстве Африки.

Более частое посещение Папой Римским определенных государств в значительной степени обусловлено той ролью, которую они играют в реализации политики Ватикана в Африке, особенностями внутренней социально-политической обстановки, отношениями, которые сложились между католической церковью, властями страны и другими религиозными общинами. Например, Кения как главный центр католицизма в Восточной Африке – регионе, в котором проживают около 40% приверженцев католицизма в Африке, – смогла обойти соседнюю Танзанию, правительство которой после обретения независимости начало проводить в жизнь политику «строительства коммунизма», испортив отношения с Ватиканом. В Кении, в отличие от Танзании, сложились хорошие отношения между католической церковью и государственными органами власти, и в результате именно эта страна стала одним из важнейших партнеров Ватикана в регионе. В Найроби размещаются многие католические организации Восточной Африки, в том числе Ассоциация членов епископских конференций Восточной Африки (AMECEA), ряд католических учебных заведений, например крупнейший в регионе Католический университет Восточной Африки. В 1985 г. в Найроби проходил 43-й Международный евхаристический конгресс, открыл который папа Иоанн Павел II.

В Западной Африке папа Иоанн Павел II трижды посещал Кот-д'Ивуар: все его визиты были связаны с поддержкой Ватиканом амбициозного проекта тогдашнего президента страны Феликса Уфуэ-Буаьи – видного политика и верующего католика – по превращению своей страны в главный центр католицизма на континенте, а ее столицы – в своеобразный «африканский Ватикан». Все три визита Папы были приурочены к важным моментам строительства католических соборов в Кот-д'Ивуаре: в 1980 г. был заложен первый камень в фундамент нового кафедрального собора Святого Павла в Абиджане, в 1985 г. Иоанн Павел II уже освятил этот собор, а в 1990 г. Папа освятил грандиозный собор Нотр-Дам-де-ла-Пэ в новой столице страны – Ямусукро, ставший самым большим христианским храмом в мире.

Соседние Бенин и Буркина-Фасо, а также расположенный в Центральной Африке Камерун были выбраны Ватиканом в качестве первых площадок для проведения политики «африканизации» местной католической церкви, т.е. постепенной замены священников и епископов-миссионеров из Европы и Северной Америки на местных жителей. Уроженцы этих стран достаточно широко представлены не только среди католических иерархов на континенте, но и в руководстве Римской курии.

С попытками Ватикана способствовать установлению гражданского мира в странах Африки, подверженных межэтническим и межконфессиональным конфликтам, можно связать поездки Иоанна Павла II и Франциска в ЦАР, Бурунди, Руанду и Судан. В 2015 г. папа Франциск посетил ЦАР: в ходе своего визита он выступил в центральной мечети Банги, призвав отказаться от насилия, которое «искажает образ Божий», сказать «нет» ненависти и мести – «в особенности той, которая совершается якобы во имя веры в Бога» [27]. Во время своего визита в Мозамбик, состоявшегося осенью 2019 г., папа Франциск призвал правительство и оппозицию продолжать идти путем примирения: «Бог, отец для всех, дай братского примирения Мозамбику и всей Африке» [28].

Католическая церковь всегда противодействовала идее расового неравенства; папа Иоанн Павел II жестко осуждал политику апартеида в ЮАР, и поэтому его визит в эту страну, концентрирующую наибольшее количество католиков на юге Черного континента, состоялся только в 1995 г. – вскоре после избрания Н. Манделы на пост президента, чтобы показать поддержку католической церкви его политики национального единства.

Еще одна группа стран континента, имеющих большое значение в системе международных связей Ватикана и в этой связи часто посещаемых пимскими понтификами, – это государства Северной Африки: прежде всего Египет и Марокко, а также Тунис, большинство населения которых составляют мусульмане. Контакты Ватикана с правительствами и религиозными лидерами этих государств играют ключевую роль в исламо-католическом межконфессиональном диалоге. Его основы были заложены еще на II Ватиканском Соборе [29] с принятием в 1964 г. декларации *Nostra*

Aetate («В наш век»), в которой прозвучало обращение к мусульманским духовным лидерам «вместе продвигать все то, что ведет к достижению социальной справедливости среди людей и их морального благополучия, а также мира и свободы» [30]. Принятие данной декларации привело к интенсификации контактов между католическими и мусульманскими богословами.

В 1965 г. видный католический иерарх кардинал Ф. Кёниг впервые в истории выступил перед мусульманскими улемами в одном из важнейших центров мусульманского образования в мире – Каирском университете Аль-Азхар [31]. Позднее, в апреле 2017 г., папа Франциск во время своего визита в Египет вел переговоры с президентом страны А.-Ф. Ас-Сиси и также посетил университет Аль-Азхар, встретившись с его верховным имамом Ахмедом ат-Тейибом [32]. Кроме переговоров с мусульманскими духовными и политическими лидерами, папа Франциск встречался с коптским Патриархом Александрии Теодоросом – главой крупнейшей на Ближнем Востоке христианской конфессии.

Еще одной страной, активно задействованной Ватиканом для контактов с мусульманским миром, стала Марокко. По приглашению короля Марокко Хасана II Иоанн Павел II в 1985 г. выступил на стадионе Касабланки перед 80 тыс. мусульман, обратившись к ним со словами о единстве: «Мы, христиане и мусульмане, верим в одного Бога» (цит. по: [31. С. 631]). Встречу с папой Франциском в 2019 г. вел уже преемник Хасана II – король Мухаммеду VI: во время их беседы было отмечено, что Марокко может служить идеальным примером функционирования католической церкви в мусульманском государстве. Центральное место в недавнем визите Папы в Марокко занимали вопросы укрепления межрелигиозного диалога, направленного на преодоление экстремизма и насилия [33].

Необходимо отметить, что начиная с 1980-х гг. во время своих поездок по странам Африки все главы Ватикана обязательно встречались с представителями мусульманских общин, укрепляя контакты с мусульманским миром. К числу важнейших направлений исламо-католического диалога, которому Ватикан уделяет все больше внимания, в настоящее время можно отнести: проблемы свободы и свободы совести и вероисповедания; политическую ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке в контексте положения христианских общин этих регионов и функционирования находящихся на их территории христианских святынь; проблемы, связанные с миграцией мусульман в страны Европы и оказанием помощи беженцам; религиозно-правовые вопросы, обусловленные ростом мусульманских общин в странах Европы; противодействие религиозному фанатизму и фундаментализму.

В современном мире глава Католической церкви пользуется огромным авторитетом: так, Папа Римский Франциск в 2014 г. был признан журналом *Forbes* четвертым по степени влияния человеком на Земле [34]. И хотя Ватикан – самое маленькое по занимаемой площади государство мира, гражданство которого имеют лишь около 1 тыс. человек, основа политического влияния его главы – духовное руководство более чем 1 млрд верующих католиков, проживающих фактически

в каждой стране мира. При этом большинство католиков в настоящее время сосредоточено в развивающихся странах, поэтому политика современного Ватикана формируется так, чтобы учитывать интересы именно этих людей. К числу наиболее важных «географических» направлений деятельности Ватикана можно от-

нести Африку – континент, характеризующийся наиболее динамичным приростом католической паствы, с которым руководство католической церкви связывает будущее католицизма. Ведь именно об Африке папа Бенедикт XVI сказал, что она «представляет огромное духовное “легкое” для человечества» [35].

Список источников

1. Dossier–Statistiche. 2018. URL: http://www.fides.org/de/attachments/view/file/Dossier_Statistiche2018_FIDES_ENG.pdf
2. Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. 200 с.
3. Tolerance and Tension: Islam and Christianity in Sub-Saharan Africa. 2010. URL: <http://www.pewforum.org/executive-summary-islam-and-christianity-in-sub-saharan-africa.aspx>
4. Красиков А.А. Папство и мировая политика (к 45-летию завершения Второго Ватиканского собора) // Современная Европа. 2010. № 4 (44). С. 121–133.
5. Sacrosanctum Concilium. 1963. URL: http://w2.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_const_19631204_sacrosanctum-concilium_en.html
6. Ерасова Е.Н. Ватикан в современной Африке: идеология и политика. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1986. 136 с.
7. African Bishops Want Action on Priests Who Remain in Europe // Cruх. 2018. 11 Sept. URL: <https://cruхnow.com/church-in-africa/2018/09/11/african-bishops-want-action-on-priests-who-remain-in-europe/>
8. Католическая церковь привлекает к служению на приходах в США все больше африканских священников // Рублев. 2015. 24 нояб. URL: <http://rublev.com/novosti/tserkov-privlekaet-k-sluzheniiu-na-prikhodakh-v-ssha-vse-bolshe-afrikanskikh-sviashchennikov>
9. Global Catholicism: Trends & Forecasts. 2015. URL: <https://cara.georgetown.edu/staff/webpages/global%20catholicism%20release.pdf>
10. Annuario Pontificio. Per l'Anno. Vaticano : Libreria Editrice Vaticana, 2005. 2372 p.
11. Presentation of the Pontifical Yearbook 2019 and the Annuario Statisticum Ecclesiae 2017 // Summary of Bulletin. 2019. 06 March. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2019/03/06/190306b.html>
12. The Church in Africa: A Story of Challenges and Hope // Our Sunday Visitor. 2015. 9 Aug. URL: <https://www.osvnews.com/2015/08/09/the-church-in-africa-a-story-of-challenges-and-hope/>
13. Van Fleet J.W. Africa Learning Barometer. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/09/Africa-Learning-BarometerFINAL.pdf>
14. Сардарян Г.Т. Общее благо в политической доктрине Папы Франциска // Вопросы политологии. 2018. № 2 (30). С. 207–219.
15. Дмитриев Р.В. Исламский экстремизм в районе бассейна озера Чад // Международные процессы. 2017. № 1 (48). С. 92–107. doi: 10.17994/IT.2017.15.1.48.8
16. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries // Geography and Natural Resources. 2018. Vol. 39, № 1. P. 88–94. doi: 10.1134/S1875372818010122
17. День ужаса: джихадисты убили 147 человек в университете Кении // Правмир. 2015. 6 апр. URL: <https://www.pravmir.ru/den-uzhasa-dzhihadisti-ubili-147-chelovek-v-universitete-kenii/>
18. Нападения на религиозные учреждения в мире в 2018–2019 годах // Свежие новости. Грозный. 2019. 15 марта. URL: <http://ngrz.ru/culture/napadeniya-na-religioznye-uchrezhdeniya-v-mire-v-2018-2019-godah/>
19. Burkina Faso: 4 killed in Attack on Catholic Church // Vatican News. 2019. 27 May. URL: <https://www.vaticannews.va/en/church/news/2019-05/armed-men-kill-4-during-mass-in-burkina-faso.html?fbclid=IwAR2jemYnDOLhxxfMMD4pkhQI0irc5GP5RA0MaqJS0s8vWxqZCrlf2q8WXhM>
20. Католические епископы призывают африканцев: «оставайтесь дома и обустройвайте родной континент» // Седмица.RU. 2015. 26 авг. URL: <https://www.sedmitza.ru/text/5828732.html>
21. Кардинал из Африки разоблачил лицемерие сторонников миграции // Национальный корреспондент. 2017. 5 июля. URL: <https://nackor.org/ru/kardinal-iz-afriki-vikriv-licemirstvo-prihlik-nikiv-migracii>
22. Шебалян Д.Д. Святой престол в международных отношениях: видение современной Европы и демократии // Genesis: исторические исследования. 2018. № 6. С. 21–28. doi: 10.25136/2409-868X.2018.6.26380
23. The Holy Father. URL: http://www.vatican.va/holy_father/index.htm
24. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0. 2019. URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp>
25. Горохов С.А. Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). С. 44–48.
26. Черная Африка: прошлое и настоящее / под ред. А.С. Балезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 704 с.
27. Завершился визит Папы Франциска в страны Африки // Седмица.RU. 2015. 1 дек. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/6034586.html>
28. Папа Римский Франциск посетит Мозамбик, острова Маврикий и Мадагаскар // ТАСС. 2019. 4 сент. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6840310>
29. Данненберг А.Н., Касаткин П.И. Святой Престол на Святой Земле: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 185–200. doi: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-185-200
30. Об отношении Церкви к нехристианским религиям. URL: https://ru.scribd.com/embeds/112291160/content?start_page=1&view_mode=scroll&access_key=key-1dr9lyf98jcdlltgn0ww
31. Католическая энциклопедия. М. : Изд-во францисканцев, 2005. Т. 2. 1818 с.
32. Семедов С.А., Динь Т.Т.З. Современная внешняя политика Ватикана // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 99–111. doi: 10.26516/2073-3380.2018.24.99
33. Визит Папы Франциска в Марокко в разгаре // Сибирская католическая газета. 2019. 31 марта. URL: <https://sib-catholic.ru/vizit-papyi-frantsiska-v-marokko-v-razgare/>
34. Слово и дело: как папы римские влияли на политику // Rbc.ru. 2014. 18 дек. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/18/12/2014/5492de2a9a79476a065c08c3>
35. Сокровище Африки – чувство Bora // Papst Press. 2009. 4 Oct. URL: <http://papst.pro/ru/s/2028/>

References

1. Dossier–Statistiche. (2018) [Online] Available from: http://www.fides.org/de/attachments/view/file/Dossier_Statistiche2018_FIDES_ENG.pdf
2. Zonova, T.V. (2000) *Diplomatiya Vatikana v kontekste evolyutsii evropeyskoy politicheskoy* [The Vatican Diplomacy in the Context of the Evolution of the European Political System]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

3. Pew Research Center. (2010) *Tolerance and Tension: Islam and Christianity in Sub-Saharan Africa*. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/executive-summary-islam-and-christianity-in-sub-saharan-africa.aspx>
4. Krasikov, A.A. (2010) Papstvo i mirovaya politika (k 45-letiyu zaversheniya Vtorogo Vatikanskogo sobora) [Papacy and World Politics (on the 45th Anniversary of the Completion of the Second Vatican Council)]. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 4. pp. 121–133.
5. Vatican. (1963) *Sacrosanctum Concilium*. [Online] Available from: http://w2.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_const_19631204_sacrosanctum-concilium_en.html
6. Erasova, E.N. (1986) *Vatikan v sovremennoy Afrike: ideologiya i politika* [Vatican in Modern Africa: Ideology and Politics]. Moscow: Nauka.
7. Crux. (2018) African Bishops Want Action on Priests Who Remain in Europe. 11th September. [Online] Available from: <https://cruxnow.com/church-in-africa/2018/09/11/african-bishops-want-action-on-priests-who-remain-in-europe/>
8. Rublev. (2015) Katolicheskaya tserkov' privlekaet k sluzheniyu na prikhodakh v SShA vse bol'she afrikanskikh svyashchennikov [Catholic Church Attracts More African Priests to Serve in US Parishes]. 24th November. [Online] Available from: <http://rublev.com/novosti/tserkov-privlekaet-k-sluzheniyu-na-prikhodakh-v-ssha-vse-bolshe-afrikanskikh-svyashchennikov>
9. CARA. (2015) *Global Catholicism: Trends & Forecasts*. [Online] Available from: <https://cara.georgetown.edu/staff/webpages/global%20catholicism%20release.pdf>
10. Vatican. (2005) *Annuario Pontificio. Per l'Anno*. Vaticano: Libreria Editrice Vaticana.
11. Vatican. (2019) *Presentation of the Pontifical Yearbook 2019 and the Annuario Statisticum Ecclesiae 2017*. [Online] Available from: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2019/03/06/190306b.html>
12. Our Sunday Visitor. (2015) The Church in Africa: A Story of Challenges and Hope. 9th August. [Online] Available from: <https://www.osvnews.com/2015/08/09/the-church-in-africa-a-story-of-challenges-and-hope/>
13. Van Fleet, J.W. (2012) *Africa Learning Barometer*. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/09/Africa-Learning-BarometerFINAL.pdf>
14. Sardaryan, G.T. (2018) Common Good in the Political Doctrine of Pope Francis. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 2. pp. 207–219. (In Russian).
15. Dmitriev, R.V. (2017) Islamic Extremism in the Lake Chad Region. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 1. pp. 92–107. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.8
16. Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. & Zakharov, I.A. (2018) Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th–Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*. 39(1). pp. 88–94. DOI: 10.1134/S1875372818010122
17. Pravmir. (2015) Horror Day: Jihadists Killed 147 People at Kenya University. 6th April. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/den-uzhasa-dzhihadisty-ubili-147-chelovek-v-universitete-kenii/>
18. Svezhie novosti. Groznyi. (2019) Napadeniya na religioznye uchrezhdeniya v mire v 2018–2019 godakh [Attacks on Religious Institutions in the World in 2018–2019]. 15th April. [Online] Available from: <http://ngrz.ru/culture/napadeniya-na-religioznye-uchrezhdeniya-v-mire-v-2018-2019-godah/>
19. Vatican News. (2019) Burkina Faso: 4 killed in Attack on Catholic Church. 27th May. [Online] Available from: <https://www.vaticannews.va/en/church/news/2019-05/armed-men-kill-4-during-mass-in-burkina-faso.html?fbclid=IwAR2jemYnD0LhxfMMD4pkhQI0irc5GP5RA0MaqJS0s8vWxqZCrlf2q8WXhM>
20. Sedmitsa.RU. (2015) Catholic Bishops Call on Africans: “Stay at Home and Equip Your Native Continent”. 26th August. [Online] Available from: <https://www.sedmitsa.ru/text/5828732.html>
21. *Natsional'nyi korespondent*. (2017) Kardinal iz Afriki razoblachil litsemerie storonnikov migratsii [Cardinal from Africa Exposed the Hypocrisy of Migrants' Supporters]. 5th July. [Online] Available from: <https://nackor.org/ru/kardinal-iz-afriki-vikriv-licemirstvo-prihli-nikiv-migracii>
22. Shebalin, D.D. (2018) Holy See in international relations: vision of modern Europe and democracy. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. 6. pp. 21–28. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.6.26380
23. Vatican. (2019) *The Holy Father*. [Online] Available from: http://www.vatican.va/holy_father/index.htm
24. Brown, D. & James, P. (2019) *Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0*. [Online] Available from: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp>
25. Gorokhov, S.A. (2012) Kuda peremeshchaetsya tsentr rosta global'nogo khristianstva? [Where does the Center of Global Christianity Move?]. *Aziya i Afrika segodny*. 12. pp. 44–48.
26. Balezin, A.S., Mazov, S.V. & Filatova, I.I. (eds) (2016) *Chernaya Afrika: proshloe i nastoyashchee* [Black Africa: Past and Present]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.
27. Sedmitsa.RU. (2015) Zavershilsya vizit Papy Frantsiska v strany Afriki [Pope Francis's Visit to African Countries is Over]. 1st December. [Online] Available from: <http://www.sedmitsa.ru/text/6034586.html>
28. TASS. (2019) Papa Rimskiy Frantsisk posetit Mozambik, ostrova Mavrikiy i Madagaskar [Pope Francis will visit Mozambique, Mauritius and Madagascar]. 4th September. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/6840310>
29. Dannenberg, A.N. & Kasatkin, P.I. (2018) The Holy See in the Holy Land: History and the Present. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2. pp. 185–200. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-185-200
30. Scribd.ru. (1965) *Ob otnoshenii Tserkvi k nekhristianskim religiyam* [On the Attitude of the Church to Non-Christian Religions]. [Online] Available from: https://ru.scribd.com/embeds/112291160/content?start_page=1&view_mode=scroll&access_key=key-1dr9lyf98jcdlltgn0ww
31. Zadornyy, V.L. (ed.) (2005) *Katolicheskaya Entsiklopediya* [Catholic Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev.
32. Semedov, S.A. & Dinh, T.T.D. (2018) Current Vatican Foreign Policy. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 24. pp. 99–111. (In Russian). DOI: 10.26516/2073-3380.2018.24.99
33. *Sibirskaya katolicheskaya gazeta*. (2019) Vizit Papy Frantsiska v Marokko v razgare [The visit of Pope Francis to Morocco in full swing]. 31st July. [Online] Available from: <https://sib-catholic.ru/vizit-papy-frantsiska-v-marokko-v-razgare/>
34. Rbc.ru. (2014) Slovo i delo: kak papy rimskie vliyali na politiku [Word And Deed: How Popes Influenced Politics]. 18th December. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/photoreport/18/12/2014/5492de2a9a79476a065c08c3>
35. Papst Press. (2009) Sokrovishche Afriki – chuvstvo Boga [The Treasure of Africa – the Feeling of God]. 4th October. [Online] Available from: <http://papst.pro/ru/s/2028/>

Сведения об авторах:

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия). E-mail: stgorohov@yandex.ru

Дмитриев Руслан Васильевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Захаров Иван Андреевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия). E-mail: vanszax@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gorokhov Stanislav A. – Doctor of Geographical Sciences, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru

Dmitriev Ruslan V. – Candidate of Geographical Sciences, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Zakharov Ivan A. – Candidate of Geographical Sciences, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vanszax@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 02.11.2019; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/19988613/76/6

Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «большого евразийского партнерства»

Виталий Сергеевич Пакулин

Томский государственный университет, Томск, Россия, pakulin.vitalii@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются процессы сопряжения китайского геоэкономического проекта «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза в контексте реализации концепции Большого Евразийского партнерства. На основе анализа ключевых договоренностей между сторонами выявляются основные направления взаимодействия в рамках сопряжения, его проблемы и перспективы развития. Отсутствие дорожной карты сопряжения, а также реализуемых многосторонних проектов позволяет говорить о том, что КНР предпочитает придерживаться двусторонних форматов сотрудничества со странами ЕАЭС.

Ключевые слова: Китай, Россия, Один пояс – один путь, евразийская интеграция, Большое Евразийское партнерство

Для цитирования: Пакулин В.С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «большого евразийского партнерства» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 47–55. doi: 10.17223/19988613/76/6

Original article

The processes of integration of the Eurasian Economic Union and Chinese “Belt and road” initiative within the framework of the “greater Eurasian partnership” concept

Vitaly S. Pakulin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, pakulin.vitalii@gmail.com

Abstract. The objective of the research is to analyze the processes of integration of the Belt and road initiative (BRI) and EAEU within the framework of the Greater Eurasian Partnership (GEP) concept. The author used in the study such sources as the legislative documents and other materials from official websites of EAEU institutions and government bodies of China and the EAEU member states, statistical data and analytical factsheets of international organizations, the materials of news agencies. The paper discusses the main directions of cooperation within the framework of integration; characterizes the concept of the Greater Eurasian Partnership; studies the mechanisms of cooperation between China and the EAEU; identifies the key problems of the cooperation processes.

The research reached the following conclusions. Despite the official statements of the EAEU and China representatives about successful development of the integration process between two complex projects, its practical dimension still is in the early stages of development. Since the launch of the integration, none of multilateral projects have been implemented and a roadmap for cooperation is yet to be developed. An additional negative factor hindering effective integration in Eurasia is the different views of China and Russia towards implementation of the GEP, and a place of EAEU and BRI integration in it. Considering the growing tensions between Russia and Western countries, Moscow sees Greater Eurasia as the foundation for an alternative non-western international order. Beijing, on the other hand, seeks to preserve the existing international system in one form or another, despite its growing political tensions with the US and EU countries. Chinese BRI economic activity analysis in the EAEU countries indicates that China prefers bilateral approach towards cooperation. Since 2015 Beijing signed memorandums of understanding under the Belt and Road Initiative with 3 EAEU members (Kazakhstan, Kyrgyzstan and Belarus) and have been implementing a number of agreements on the construction of infrastructure projects. Chinese state and private companies are also actively investing in the construction of infrastructure and other projects in the region. China's actions indicate that it will continue to pursue a bilateral format of cooperation and develop an individual approach to each BRI participant, despite the uncertainties this brings to the key foundations of multilateral cooperation within integration process.

Keywords: China, Belt and Road, China-EAEU relations, Eurasian integration, Greater Eurasian partnership

For citation: Pakulin V.S. (2022) The processes of integration of the Eurasian Economic Union and Chinese “Belt and road” initiative within the framework of the “greater Eurasian partnership” concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 47–55. doi: 10.17223/19988613/76/6

В 2013 г., во время официальных визитов в Казахстан и Индонезию, лидер КНР Си Цзиньпин впервые выдвинул инициативу «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» (в русскоязычных исследованиях используется название «Один пояс – один путь», кратко «Пояс и путь»; ОПОП) – крупнейшего в современной политике Китая геоэкономического интеграционного проекта, направленного на формирование и развитие новой модели международного и регионального сотрудничества. В своем выступлении в столице Казахстана в 2013 г. Си Цзиньпин отметил, что КНР не стремится к региональному доминированию и готова к усилению координации с РФ и странами Центральной Азии по построению гармоничного региона [1].

Предложение лидера КНР вызвало обширные дискуссии среди экспертного сообщества, однако на официальном уровне Россия и страны ЕАЭС не спешили поддержать китайскую инициативу. Некоторые русскоязычные исследователи предположили, что ОПОП стал реакцией Пекина на медленные темпы развития ШОС и что «Шелковый путь» был более эффективной альтернативой для развития Центральной Азии и соседних с ней регионов [2. С. 124]. Эксперты также указывали на размытые рамки китайской инициативы и отсутствие конкретных программных документов по ее реализации.

С другой стороны, российскими и китайскими авторами был опубликован ряд статей и докладов, посвященных экономической привлекательности «Пояса и пути». В 2015 г. экспертами Валдайского клуба был выпущен доклад, в котором дается положительная оценка китайского проекта, а также отмечаются экономические выгоды, которые может принести участие России и стран ЕАЭС в нем [3]. В 2016 г. ведущими исследователями Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) была опубликована первая коллективная монография на русском языке по проблематике реализации китайского проекта – «Новый Шелковый путь и его значение для России», в которой дается анализ ключевых аспектов «Пояса и пути», а также рассматриваются потенциальные проекты для реализации в рамках сопряжения [4].

Весной 2014 г. состоялся официальный визит В. Путина в КНР, по результатам которого лидеры двух стран опубликовали совместное заявление о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия [5]. В нем российская сторона отметила важность китайской инициативы, а также предложила продолжить поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза.

В марте 2015 г. в Китае был опубликован первый официальный программный документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [6], в котором были определены цели и задачи проекта, а также представлено пять приоритетных направлений сотрудничества: политическая координация; взаимосвязь инфра-

структуры; бесперебойная торговля; свободное движение капитала; укрепление близости между народами.

В мае 2015 г. состоялся визит лидера КНР в РФ, приуроченный к 70-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. 8 мая Путин и Си Цзиньпин подписали совместное заявление, в котором стороны выразили взаимную поддержку евразийских интеграционных проектов РФ и КНР и объявили о начале процесса сопряжения ЕАЭС и «Пояса и пути» [7]. Переход от настороженности к готовности к сотрудничеству со стороны РФ в некотором роде обусловлен нарастанием напряженности между Россией и Западом. В заявлении также были определены приоритетные направления сотрудничества, в число которых вошли торговля, инвестиции, финансы и инфраструктурная взаимосвязанность.

Интерес представляет сам термин «сопряжение» (на китайском 对接 [Дуэй Цзе], что обозначает как параллельное и согласованное развитие само по себе, так и взаимообусловленный и целостный характер такого развития), который был введен в дипломатический лексикон лидерами РФ и КНР. Выбранный термин не предполагает слияния двух интеграционных проектов в один, а делает акцент на их параллельном развитии с кооперацией в определенных сферах. Такой формат сотрудничества вполне устраивает Россию, которая сохраняет за собой статус одного из ключевых интеграционных акторов в регионе и не превращается в рядового участника китайского проекта. Вместе с тем «сопряжение» ставит перед странами ряд задач.

Во-первых, найти формат, в котором ЕАЭС, представляющий собой институционально оформленную интеграционную организацию, мог бы быть совмещен с геоэкономическим проектом ОПОП, не имеющим строго очерченных институциональных рамок. Наиболее реалистичным представляется вариант дальнейшего развития «Пояса и пути» в качестве инструмента экономической, инвестиционной, транспортной и гуманитарной интеграции Китая в Евразии, в то время как задачей ЕАЭС является укрепление своих институтов.

На сегодняшний день единственным форматом взаимодействия между странами является рабочая группа, которая была создана в июне 2015 г. в соответствии с положениями совместного заявления. Стоит отметить, что в ее состав вошли только представители министерств иностранных дел КНР и РФ, что ставит под сомнение многосторонний характер сотрудничества в рамках сопряжения. На первом заседании в августе 2015 г. стороны определили основные направления взаимодействия [8]: крупные инфраструктурные проекты; устранение барьеров в торговле; защита взаимных инвестиций; развитие высоких технологий.

К 2021 г. стороны провели шесть встреч, однако информация об их содержании, перечне обсуждаемых вопросов и конкретных результатах остается недоступной для широкой публики. Согласно опубликованному пресс-релизу, на последней встрече в 2020 г. стороны обменялись мнениями по вопросам параллельного и скоординированного продвижения инициативы формирования Большого Евразийского партнерства и ОПОП [9].

Во-вторых, обеспечить согласование стратегий развития инфраструктурной взаимосвязанности. Без развития транспортно-логистической инфраструктуры тех стран, через которые проходят ключевые маршруты «Пояса и пути», невозможно говорить об интенсификации торговых и экономических связей между ЕАЭС и КНР. На сегодняшний день в странах ЕАЭС, особенно в России, остро стоит проблема перегруженности так называемых «узких мест» (погранпереходов с низкой пропускной способностью) на пути транспортировки грузов, что приводит к существенному увеличению времени доставки товаров [10. С. 31]. Проекты развития евразийской трансконтинентальной инфраструктурной сети не могут быть реализованы без расшивки «узких мест» за счет строительства новых логистических центров, а также модернизации отдельных участков железных дорог и пограничных переходов.

В 2017 г. была утверждена «дорожная карта» единой транспортной политики ЕАЭС, в 2018 г. создана рабочая группа для рассмотрения значимых интеграционных проектов в сфере транспорта и инфраструк-

туры. На сегодняшний день ключевыми документами, направленными на развитие инфраструктурной интеграции внутри союза, является решение Евразийского Совета о «Поэтапной либерализации выполнения перевозчиками, зарегистрированными на территории одного из государств – членов Евразийского экономического союза, автомобильных перевозок грузов между пунктами, расположенными на территории другого государства – члена Евразийского экономического союза» [11], а также решение об «Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза» [12]. Данные документы направлены на создание и развитие единого транспортного пространства, что позволит сократить время доставки грузов, снизить затраты на транспортировку, увеличить пропускную способность в «узких местах», а также повысить транзитный потенциал ЕАЭС.

По состоянию на 2021 г. страны ЕАЭС договорились о реализации шести инфраструктурных проектов в Армении, Беларуси, России и Киргизии (табл. 1) [13].

Таблица 1

Перечень совместных проектов государств – членов Евразийского экономического союза в сфере транспорта и инфраструктуры*

Страны	Проекты
Армения	Инвестиционная программа дорожного коридора «Север–Юг», четвертая очередь (Транш – 4)
Беларусь	1. Реконструкция автомобильной дороги М-1 / Е 30 для развития автомобильного маршрута «Западная Европа – Западный Китай» с ответвлением на Республику Беларусь. 2. Реконструкция автомобильной дороги М-10 для развития южного обхода маршрута «Западная Европа – Западный Китай» через Республику Беларусь, южный обход Украины
Киргизия	Строительство железной дороги «Китай–Кыргызстан–Узбекистан»
Россия	1. Строительство и модернизация российских участков автомобильных дорог, относящихся к международному транспортному маршруту «Западная Европа – Западный Китай». 2. Строительство российского участка частной автомагистрали «Меридиан»

*Перечень совместных проектов государств – членов Евразийского экономического союза в сфере транспорта и инфраструктуры. 2021. URL: <https://goo.su/a9bm> (дата обращения: 26.01.2022).

По данным ВЭБ РФ, Россия также реализует в странах – участницах ЕАЭС интеграционные проекты на сумму 64 млрд рублей. В частности, планируется поставка железнодорожных составов в Казахстан, промышленной продукции в Армению, вагонов метро, кранов, железнодорожного оборудования, металлопродукции, химической продукции в Белоруссию и финансирование строительства БелАЭС [14. С. 125–126].

Несмотря на относительный прогресс на пути создания единого транспортного пространства, на высшем уровне в странах ЕАЭС решения о развитии транспортных коридоров в рамках процессов сопряжения еще не были приняты, несмотря на неоднократные заявления о готовности к углубленному сотрудничеству. Более того, у государств – членов ЕАЭС существуют свои собственные стратегии развития инфраструктуры, что вносит дополнительные трудности в процессы координации усилий по интенсификации инфраструктурной взаимосвязанности. В среднесрочной перспективе чрезмерная медлительность в принятии стратегических решений о развитии инфраструктуры может негативно отразиться на процессах сопряжения ЕАЭС и «Пояса и пути».

В-третьих, определить экономический фундамент процессов сопряжения. Первым шагом на пути к поис-

ку совместного решения о развитии экономического аспекта сопряжения стало подписание весной 2018 г. торгово-экономического соглашения между ЕАЭС и КНР [15]. Пять раундов переговоров, три заседания рабочей группы и две консультации на уровне министров привели к соглашению из тринадцати частей, которое предусматривает снижение нетарифных торговых барьеров, повышение уровня содействия торговле. Помимо общих правил, положений о различных механизмах сотрудничества и раздела «Заключительные положения», текст соглашения также включает положения о прозрачности, торговых барьерах, санитарных и фитосанитарных нормах, таможенном сотрудничестве и упрощении процедур торговли, интеллектуальной собственности, конкуренции, государственных закупок, электронной коммерции и т.д.

Данное соглашение может стать основой для углубленного сотрудничества между Китаем и Евразийским экономическим союзом в сфере упрощения торговых процедур. Очевидно, что на текущем этапе национальные экономики стран – членов ЕАЭС не готовы к созданию зоны свободной торговли с КНР, однако факт подписания соглашения с таким актором, как Китай, способствует укреплению позиции Евразийского союза на международной арене. Более того, оно

создает благоприятные условия для совместного инфраструктурного строительства и инвестиций.

В ситуации, когда будущее инвестиционного соглашения ЕС и КНР находится под вопросом [16], у ЕАЭС появляется возможность перехватить инициативу и предложить Китаю проекты для совместного инвестирования. Координацию действий можно осуществлять в рамках уже существующих финансовых институтов. Так, четыре из пяти стран ЕАЭС являются членами китайского Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и суммарно обладают 7% голосов при принятии решений.

В-четвертых, разработать программу сотрудничества по вопросам безопасности в регионе. Дефицит инфраструктуры, для преодоления которого по разным оценкам необходимы инвестиции в размере 77 млрд долл. в год в период с 2016 по 2030 гг. [17], – это лишь часть проблем Центрально-Азиатского региона; необходимо также сконцентрировать внимание на проблемах терроризма, трансграничной преступности, незаконного оборота наркотиков и т.д. Пекин неоднократно

заявлял, что «Один пояс, один путь» – это в первую очередь экономическая программа, однако действия властей КНР показывают, что они стремятся защищать свои инвестиции и персонал за рубежом, в том числе в Центральной Азии.

Представители ЕАЭС неоднократно отмечали, что сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути» является вполне реализуемым планом сотрудничества, что было подтверждено заключением торгового соглашения. Более того, по словам вице-премьера Беларуси Василия Матюшевского, данное соглашение «позволит создать цифровой логистический коридор “Запад–Восток”», который будет способствовать развитию дальнейшей интеграции в рамках процессов сопряжения [18]. Однако в действительности экономические и торговые связи между сторонами заметно отстают от политических. Несмотря на рост доли КНР во внешней торговле ЕАЭС на 3% с момента образования союза, на сегодняшний день для торговых отношений сторон характерны несбалансированность структуры торговли (около 80% приходится на РФ) и ее малый объем (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля ЕАЭС и КНР, млрд долл.*

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт, млрд долл.	32,9	45,3	63	66,3	59,6
Импорт, млрд долл.	45,7	57,4	63,3	67,2	66,3
Доля КНР во внешней торговле ЕАЭС, %	15,4	16,2	16,8	18,1	20,2

* Составлено по данным Департамента статистики Евразийской экономической комиссии.

Отсутствуют и конкретные проекты в рамках сопряжения. В 2017 г. Евразийская комиссия сформировала список из 40 инфраструктурных проектов [19], однако ни один из них не получил даже примерных сроков реализации, а их список не появился в открытом доступе. Единственный проект, который мог бы стать символом сопряжения, – высокоскоростная магистраль Москва–Казань – в итоге так и не был запущен. Формальным поводом стала критика финансовой части со стороны правительства России.

Провал реализации совместных проектов можно связать с двумя причинами. Во-первых, власти РФ не стремятся допускать китайских подрядчиков к строительству важных железнодорожных и автомобильных маршрутов несмотря на то, что Пекин неоднократно выражал свою заинтересованность в развитии высокоскоростного железнодорожного транспорта в регионе. Москва, стремясь обеспечить свою экономическую безопасность и сохранить статус крупного актора в Центральной Азии, невольно препятствует предложениям по более глубокой интеграции. Такая позиция властей РФ политически обоснована, но экономически невыгодна. В результате у России может оказаться все меньше и меньше инструментов для развития инфраструктурной взаимосвязанности.

Во-вторых, большая часть предложенных проектов является убыточной на тех условиях, которые устраивают страны ЕАЭС. Примером может служить проект строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали «Евразия», которая должна проходить от Берлина до Урумчи через Польшу, Белоруссию, Россию и Казахстан, что позволило бы сократить время

в пути с 6 дней до 38 часов по маршруту Москва–Пекин. Однако крупнейшая китайская железнодорожная компания CREEC посчитала трансконтинентальный проект «Евразия» некупаемым без льготного финансирования. По расчетам представителей компании, проект не окупится для инвесторов при рыночной кредитной ставке (выше 5,75%, такой процент взят за основу для расчета финансовой модели) и доле привлеченного финансирования на уровне 60% [20].

Недостаточно активная позиция Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) может стать причиной сворачивания процессов сопряжения. Это обусловлено ограниченностью полномочий комиссии: она не может начинать переговоры с Китаем по вопросам, выходящим за рамки ее компетенции (торговля услугами, финансовое сотрудничество, инвестиции). Для наращивания сотрудничества по линии ЕАЭС–КНР могут быть расширены полномочия ЕЭК в таких секторах, как транспорт и инвестиции. Однако расширение компетенций ЕЭК может быть достигнуто только решением Высшего Евразийского экономического совета о внесении изменений в Союзный договор.

Китайские власти не раз давали понять, что Пекин готов запастись терпением: «Пояс и путь» – это долгосрочный проект, и КНР признает, что его реализация будет затруднена без участия России, которая сохраняет влияние в Центральной Азии. Китайские власти понимают, что Россия и другие члены ЕАЭС опасаются зависимости от китайской экономической мощи и что потребуется время, чтобы преодолеть эти опасения.

В настоящее время задача сопряжения интеграционных проектов на евразийском пространстве преду-

смотрена Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденными решением Высшего Евразийского экономического совета в 2020 г. [21]. Россия, являясь лидером ЕАЭС, готова участвовать в китайской инициативе, но только в рамках собственной интеграционной концепции Большой Евразийского партнерства. Так, выступая на форуме «Пояса и пути» в 2017 г., Путин заявил: «Сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, “Один пояс, один путь”, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, способно стать основой для формирования большого евразийского партнерства. Именно с таким подходом мы считаем возможным рассматривать повестку дня, предложенную сегодня Китайской Народной Республикой» [22].

Идея создания такого общего геоэкономического пространства, охватывающего практически все страны Евразии, впервые была предложена в 2015 г. экспертами Валдайского клуба. Один из авторов «Большой Евразии», декан факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ С.А. Караганов, определил ее так: «“Большая Евразия” – концепция континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанных на доверии и всеобщем стремлении к безопасности. Ее определяют как движение к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванное преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства» [23].

Данный термин в дальнейшем стал частью официального дискурса о формировании «Большого евразийского партнерства» (БЕП). В некоторой степени концепция «Большой Евразии» задумывалась как расширенная версия ЕАЭС. В 2016 г. в своем выступлении во время Петербургского международного экономического форума Путин вновь упомянул идею создания интеграционного пространства в Евразии: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура. В рамках такого контура мы в том числе сможем решать крупные технологические задачи, мотивировать и вовлекать в процесс технологического развития новых участников. Мы совсем недавно в Астане обсуждали это и предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китая, Индии, Пакистана, Ирана. И, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, другие заинтересованные государства и объединения» [24].

Стоит отметить, что на начальном этапе проект носил более узконаправленный характер: «Уже в июне с нашими китайскими коллегами мы планируем дать официальный старт переговорам о создании всеобъемлющего торгово-экономического партнерства в Евразии с участием государств Европейского экономического союза и Китая. Рассчитываю, что это станет

одним из первых шагов к формированию большого евразийского партнерства» [Там же].

Москва заинтересована в том, чтобы по мере развития «Пояса и пути» основные евразийские транспортные маршруты проходили через Россию и страны ЕАЭС. Продвижение идеи Большой Евразии – это в первую очередь попытка перехватить инициативу и закрепиться в статусе полноправного партнера КНР, что позволит России и ЕАЭС встать в центре торговых маршрутов между Европой и Азией. Достижению этого способствует ряд факторов. Во-первых, ЕАЭС уже обладает достаточной степенью внутренней интеграции. Во-вторых, активно развивается сотрудничество между Россией и АСЕАН, диалоговое партнерство с которой в 2018 г. получило статус стратегического [25]. В-третьих, ШОС, состоящая из 8 полноправных стран-членов и 18 ассоциированных государств, имеет все шансы стать инструментом обеспечения безопасности внутри Большого евразийского партнерства, а также выступить надежным гарантом его успешного развития. Такая ситуация полностью отвечала бы интересам Китая, поскольку Пекин рассматривает ШОС как многостороннюю платформу по поддержанию региональной безопасности и содействию экономическому развитию.

Китай стал первой страной, откликнувшейся на идею Большого Евразийского партнерства. После саммита ШОС в Ташкенте 25 июня 2016 г. В.В. Путин посетил Китай с официальным визитом. Встреча политических элит России и Китая привела к подписанию совместного заявления двух стран, в котором, в частности, говорится: «Россия и Китай выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН [26].

Далее, во время визита премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна в РФ, премьер-министр России Дмитрий Медведев заявил, что РФ продолжает работать с Китаем над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства, в которое будут входить государства – члены ЕАЭС и ШОС. После встречи премьер-министров двух стран было опубликовано совместное коммюнике, в котором дается положительная оценка идеи всеобъемлющего евразийского партнерства, а также содержится поручение уполномоченным лицам разработать технико-экономическое обоснование проекта [27]. Впоследствии государственные органы двух стран приступили к анализу реализуемости идеи евразийского партнерства. В Китае эту задачу взяло на себя Министерство коммерции, а в России – Министерство экономического развития. 4 июля 2017 г. министр торговли Китая Чжун Шань и министр экономического развития России Максим Орешкин подписали в присутствии Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента России Владимира Путина Совместное заявление Министерства экономического развития РФ и Министерства коммерции КНР о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнер-

стве [28]. В министерствах обеих стран подчеркнули, что ожидают быстрого прогресса в совместных исследованиях. В апреле 2019 г., на втором форуме «Пояса и пути», российский лидер подчеркнул, что проект КНР перекликается с российской идеей создания большого евразийского партнерства, которое именно и предполагает «интеграцию интеграций» [29]. В июне 2019 г., в ходе XXIII Петербургского международного экономического форума, обе стороны выступили с совместным заявлением о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в котором было сделано заявление о том, что «Пояс и путь» и БЕП могут развиваться параллельно и координироваться, что будет способствовать двусторонним и многосторонним интеграционным процессам [30]. Летом 2019 г. на заседании совета глав государств ШОС Путин отметил, что сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути» будет способствовать формированию «Большого Евразийского партнерства и построению в его рамках пространства открытого и равноправного созидательного сотрудничества, основанного на принципах и нормах международного права безо всякого политического и экономического эгоизма, а с учетом законных интересов друг друга» [31]. Анализ данных документов показывает, что на сегодняшний день процессы сопряжения между ЕАЭС и ОПОП в рамках концепции БЕП являются одним из главных компонентов двусторонних отношений между РФ и КНР.

Однако, несмотря на громкие политические заявления и декларации, конкретные инструменты реализации БЕП, а также экономическая сущность этого партнерства до сих пор остаются неясными. Более того, есть сферы, в которых стороны существенно расходятся. Одна из них – понимание концепции Большой Евразии и того, как ее следует реализовать. Нетрудно согласиться с привлекательностью евразийского сотрудничества. Гораздо труднее определить фундамент, на котором оно могло бы быть реализовано.

Активность КНР в рамках ОПОП свидетельствует о том, что Пекин рассматривает Большую Евразию главным образом как средство расширения экономических связей, что является частью более широкой стратегии глобализации на китайских условиях. Позиция Китая отражает амбициозный подход к евразийской интеграции. Евразийский континент – это «открытая» территория, готовая к экономическому развитию любой стороной, имеющей средства и возможности для выполнения поставленной задачи. На практике это означает доминирующую роль КНР как ведущей экономической державы в Евразии. Китайская повестка в развитии Евразии при определенных обстоятельствах может отвечать интересам России. Власти РФ неоднократно упоминали, что Россия может играть роль экономического и цивилизационного моста между Европой и Азией. Но на самом деле все не так однозначно. Важно отметить, что не существует одного «Шелкового пути»: вместо него есть множество маршрутов, из которых тот, который проходит через Россию, не является ключевым. Существует вероятность, что по мере развития ОПОП Россия может

остаться лишь в статусе транзитной страны, что идет вразрез с российскими интересами по продвижению инфраструктурной взаимосвязанности с сохранением влияния России в регионе.

Кроме того, существует расхождение в восприятии Россией и Китаем роли и места Большой Евразии в системе международных отношений. В условиях нарастающей конфронтации со странами Запада Россия рассматривает Большую Евразию как фундамент для альтернативного международного порядка. Пекин, в свою очередь, стремится сохранить существующую международную систему в той или иной форме, несмотря на нарастающую политическую напряженность с США.

Такие разногласия напрямую влияют на китайско-российское сотрудничество в Евразии. Как было сказано ранее, заявление о сопряжении 2015 г., которое получило широкую огласку, в действительности не привело к каким-либо существенным результатам, поскольку сторонам не удалось договориться о реализации ряда проектных предложений от ЕАЭС на основании экономической нецелесообразности.

Анализ процессов сопряжения между ЕАЭС и «Путем» в рамках концепции БЕП показывает, что на сегодняшний день их практическая реализация значительно отстает от политических заявлений представителей КНР и стран ЕАЭС. Это в некотором роде устраивает Пекин, который параллельно развивает двустороннее сотрудничество с членами союза. К 2021 г. Китай подписал соглашения по совместному продвижению строительства «Пояса и пути» практически со всеми государствами ЕАЭС, а также реализует совместные инфраструктурные и инвестиционные проекты в Казахстане, Киргизии и Белоруссии. Стоит отметить, что заявление 2015 г. было подписано только Президентом РФ и постфактум поддержано остальными членами союза. Три из пяти стран ЕАЭС (Казахстан, Киргизия и Армения) являются постоянными участниками форума Китай – Центральная Азия. На VIII форуме в 2019 г. стороны подписали декларацию, в которой содержатся конкретные направления развития инфраструктурной взаимосвязанности путем создания Альянса мультимодальных перевозок Китай – Центральная Азия, Сети сотрудничества Китая и Центральной Азии в области умного города, а также совместной со странами Центральной Азии реализации проекта по расширению использования системы спутниковой навигации «Бэйдоу» [32]. Развитие инфраструктурной взаимосвязанности в регионе без участия России в будущем может негативно сказаться на возможностях Москвы участвовать в системе грузоперевозок в Евразии.

Как отмечает российский политолог Т. Бордачев, наибольшую угрозу как сопряжению, так и интеграции в рамках БЕП представляют «несогласованность и отсутствие координации между странами Центральной Азии и Китаем» [33]. Это может привести к формированию взаимодействия стран ЕАЭС с Китаем в формате 5 + 1 (или же 1 + 1 + 1...). Китай и дальше будет отдавать предпочтение двустороннему формату и выработке индивидуального подхода к каждому участнику «Пояса и пути», что создает неопределенность

ключевых параметров многостороннего сотрудничества.

Дополнительные риски в перспективы развития интеграционных процессов вносит личностный характер двух проектов. «Пояс и путь» в научной литературе и новостных сводках называют идеей Си Цзиньпина, в то время как БЕП и ЕАЭС принято рассматривать как проекты Москвы. В долгосрочной перспективе сложно предсказать, в какой степени партнерство Китая, России и стран ЕАЭС будет и дальше зависеть от личностей глав государств. В 2030 г. Си Цзиньпину и Путину будет 77 и 78 лет соответственно. Поправки 2020 г. в Конституцию РФ обнуляют президентские

сроки лидера России, что позволит ему вновь баллотироваться на выборах 2024 г. В то же время в 2021 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая одобрил резолюцию, которая призвана закрепить роль Си Цзиньпина в истории Китая и продолжить политику нынешнего председателя КНР, что позволит Си Цзиньпину пойти на третий срок в своей должности. Однако несмотря на то, что лидеры двух стран с большой степенью вероятности останутся у власти, сложно предугадать, смогут ли они сохранить уровень текущих отношений. Смена руководства в Центральной Азии может вызвать разногласия в Москве и Пекине по поводу того, как реализовывать процессы сопряжения.

Список источников

1. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // Сайт посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 2013. URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/zxdt/t1077192.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Шаймеренов Т. Экономический пояс Шелкового пути: большой проект, большие вопросы // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, № 3. С. 121–126.
3. К Великому Океану – 3: создание Центральной Евразии. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств / отв. ред. С.А. Караганов. М.: Междуна. дискуссионный клуб «Валдай», 2015. 24 с.
4. Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. 234 с.
5. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: официальный сайт. 2014. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в г. Екатеринбурге. 2015. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cgekaterinburg/rus/zyxw/t1254925.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России: официальный сайт. 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 26.01.2022).
8. Идея сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2015. URL: <https://old.economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704> (дата обращения: 26.01.2022).
9. О встрече сопредседателей российско-китайской Рабочей группы по сопряжению планов развития ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/4251784 (дата обращения: 26.01.2022).
10. Транспортные коридоры Шелкового пути: анализ барьеров и рекомендации по направлению инвестиций // Евразийский банк развития. 2018. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-analiz-barerov-i-rekomendatsii-po-napravleniyu-investitsiy/> (дата обращения: 26.01.2022).
11. О Программе поэтапной либерализации выполнения перевозчиками, зарегистрированными на территории одного из государств – членов Евразийского экономического союза, автомобильных перевозок грузов между пунктами, расположенными на территории другого государства – члена Евразийского экономического союза, на период с 2016 по 2025 годы // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2015. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420273256> (дата обращения: 26.01.2022).
12. Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456056120> (дата обращения: 26.01.2022).
13. В ЕАЭС создадут цифровую инвестиционную платформу для реализации индустриальных и инфраструктурных проектов с системой стратегического планирования // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/22-10-2019-2.aspx> (дата обращения: 26.01.2022).
14. Нефинансовый отчет ВЭБ.РФ и организаций ВЭБ.РФ за 2019 год // Российский союз промышленников и предпринимателей. 2020. URL: https://rspp.ru/upload/uf/bc8/VEB_RF_report_2019_005-08_NUM_ALL_spread_compressed.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
15. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение с Китаем/Текст русский \(EAEU alternate\) final.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20(EAEU%20alternate).pdf) (дата обращения: 26.01.2022).
16. EU efforts to ratify China investment deal ‘suspended’ after sanctions // The Guardian. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/04/eu-suspends-ratification-of-china-investment-deal-after-sanctions> (accessed: 26.01.2022).
17. Meeting Asia’s infrastructure needs // Asian Development Bank. 2017. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/227496/special-report-infrastructure.pdf> (accessed: 26.01.2022).
18. Соглашение между ЕАЭС и Китаем позволит создать цифровой логистический коридор // Российская газета. 2021. 4 мая. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/04/eu-suspends-ratification-of-china-investment-deal-after-sanctions> (дата обращения: 26.01.2022).
19. Сопряжение ЕАЭС и ЭППП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия. 2017. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (дата обращения: 26.01.2022).
20. Китайский расчет: как дорогу через Россию в Европу признали убыточной // РБК. 2018. 20 июня. URL: https://www.rbc.ru/business/20/06/2018/5b28c3059a794751862a94fb?utm_source=vk_rbc (дата обращения: 26.01.2022).
21. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 // Альфа – софт. Таможенные документы. 2021. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 26.01.2022).
22. Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России: официальный сайт. 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 26.01.2022).
23. О Большой Евразии // Greater Eurasia: Большая Евразия. URL: <http://www.gea.site/about/> (дата обращения: 26.01.2022).
24. Планарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России: официальный сайт. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 26.01.2022).
25. Диалог Россия–АСЕАН // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/dialog-rossia-asean> (дата обращения: 26.01.2022).

26. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России : официальный сайт. 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100/> (дата обращения: 26.01.2022).
27. Совместное коммюнике по итогам 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая // Правительство России : официальный сайт. 2016. URL: <http://government.ru/info/25224/> (дата обращения: 26.01.2022).
28. Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2018. URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_zavershili_sovmestnoe_tehniko_ekonomicheskoe_obosnovanie_soglasheniya_o_evraziyskom_ekonomicheskom_partnerstve.html (дата обращения: 26.01.2022).
29. Владимир Путин принял участие в форуме «Один пояс, один путь» и сделал заявления по актуальным вопросам // Президент России : официальный сайт. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 26.01.2022).
30. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России : официальный сайт. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 26.01.2022).
31. Путин выступает за партнерство в Евразии без «политического и экономического эгоизма» // ТАСС. 2019. 14 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6549455> (дата обращения: 26.01.2022).
32. Развитие региона на основе равенства и открытости: участники форума сотрудничества «Китай – Центральная Азия» приняли итоговую декларацию // Казахстан сегодня. 2019. 19 окт. URL: https://www.kt.kz/rus/politics/_1377890267.html (дата обращения: 26.01.2022).
33. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. 14 окт. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evraziystvo/> (дата обращения: 26.01.2022).

References

1. Xi Jinping. (2013) *Vystuplenie Predsedatelya KNR Si Tszin'pina v Nazarbaev universitete* [Speech by the President of the People's Republic of China Xi Jinping at Nazarbayev University]. [Online] Available from: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/zxd/t1077192.htm> (Accessed 26.01.2022).
2. Shaymergenov, T. (2015) *Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti: bol'shoy projekt, bol'shie voprosy* [The economic belt of the Silk Road: big project, big questions]. *Indeks bezopasnosti*. 21(3). pp. 121–126.
3. Karaganov, S.A. (ed.) (2015) *K Velikomu Okeanu – 3: Sozdanie Tsentral'noy Evrazii. Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti i priority sovmeznogo razvitiya evraziyskikh gosudarstv* [To the Great Ocean – 3: The creation of Central Eurasia. The economic belt of the Silk Road and the Priorities of the Joint Development of the Eurasian States]. Moscow: Valdai.
4. Petrovsky, V.E., Larin, A.G. & Safronova, E.I. (eds) (2016) *Novyy Shelkovyy put' i ego znachenie dlya Rossii* [New Silk Road and its significance for Russia]. Moscow: DeLi plus.
5. The Russian Federation and the People's Republic of China. (2014) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o novom etape otnosheniy vseob'emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya* [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on a new stage in the relations of comprehensive partnership and strategic interaction]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/1642> (Accessed: 26th January 2022).
6. Consulate General of the People's Republic of China in Yekaterinburg. (2015) *“Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deystviya po sovmeznomu stroitel'stvu Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka”* [Excellent prospects and practical actions for the joint construction of the Economic Belt of the Silk Road and the Maritime Silk Road of the 21st century]. [Online] Available from: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cgekaterinburg/rus/zyxw/t1254925.htm> (Accessed: 26th January 2022).
7. The Russian Federation and the People's Republic of China. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti* [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in linking the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (Accessed: 26th January 2022).
8. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2015) *Ideya sopryazheniya projektov EAEU i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti* [The idea of pairing the projects of the EAEU and the Silk Road Economic Belt]. [Online] Available from: <https://old.economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704> (Accessed: 26th January 2022).
9. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2020) *O vstreche sopredsedateley rossiysko-kitayskoy Rabochey gruppy po sopryazheniyu planov razvitiya EAEU i projekta “Odin poyas, odin put'”* [On the meeting of the co-chairs of the Russian-Chinese Working Group on conjugation of the EAEU development plans and the One Belt, One Road project]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/4251784 (Accessed: 26th January 2022).
10. Eurasian Development Bank. (2018) *Transportnye koridory Shelkovogo puti: analiz bar'erov i rekomendatsii po napravleniyu investitsiy* [Transport corridors of the Silk Road: analysis of barriers and recommendations for the direction of investment]. [Online] Available from: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-analiz-barerov-i-rekomendatsii-po-napravleniyu-investitsiy/> (Accessed: 26th January 2022).
11. Cntd.ru. (2015) *O Programme po etapnoy liberalizatsii vypolneniya perevozchikami, zaregistrirovannymi na territorii odnogo iz gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, avtomobil'nykh perevozok грузов mezhdu punktami, raspolozhennymi na territorii drugogo gosudarstva-chlena Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, na period s 2016 po 2025 gody* [On the Program for the gradual liberalization of the performance by carriers registered on the territory of one of the member states of the Eurasian Economic Union, by road transport of goods between points located on the territory of another member state of the Eurasian Economic Union, for the period from 2016 to 2025]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420273256> (Accessed: 26th January 2022).
12. Cntd.ru. (2016) *Ob Osnovnykh napravleniyakh i etapakh realizatsii skoordinirovannoy (soglasovannoy) transportnoy politiki gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [On the Main Directions and Stages of the Implementation of a Coordinated (Agreed) Transport Policy of the Member States of the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/456056120> (Accessed: 26th January 2022).
13. Eurasian Commission. (2019) *V EAEU sozdadut tsifrovuyu investitsionnuyu platformu dlya realizatsii industrial'nykh i infrastrukturykh projektov s sistemoy strategicheskogo planirovaniya* [The EAEU will create a digital investment platform for the implementation of industrial and infrastructure projects with a strategic planning system]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/22-10-2019-2.aspx> (Accessed: 26th January 2022).
14. RSPP. (2020) *Nefinansovyy otchet VEB.RF i organizatsiy VEB.RF za 2019 god* [Non-financial report of VEB.RF and VEB.RF organizations for 2019]. [Online] Available from: https://rspp.ru/upload/uf/bc8/VEB_RF_report_2019_005-08_NUM_ALL_spread_compressed.pdf (Accessed: 26th January 2022).
15. Eurasian Commission. (2018) *Soglasenie o torgovo-ekonomicheskoy sotrudnichestve mezhdu EAEU i KNR* [Agreement on trade and economic cooperation between the EAEU and the PRC]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%be%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d1%81%20%d0%9a%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b5%d0%bc/%d0%a2%d0%b5%d0%ba%d1%81%d1%82%20%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b9%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (Accessed: 26th January 2022).

16. The Guardian. (2021) *EU efforts to ratify China investment deal 'suspended' after sanctions*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/04/eu-suspends-ratification-of-china-investment-deal-after-sanctions> (Accessed: 26th January 2022).
17. Asian Development Bank. (2017) *Meeting Asia's infrastructure needs*. [Online] Available from: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/227496/special-report-infrastructure.pdf> (Accessed: 26th January 2022).
18. The Guardian. (2021) *EU efforts to ratify China investment deal 'suspended' after sanctions*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/04/eu-suspends-ratification-of-china-investment-deal-after-sanctions> (Accessed: 26th January 2022).
19. Eurasian Commission. (2017) *Sopryazhenie EAES i EPShP priobretaet real'nye ochertaniya: soglasovan spisok infrastrukturykh projektov* [Coupling of the EAEU and the SREB is taking shape: a list of infrastructure projects has been agreed]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (Accessed: 26th January 2022).
20. Marinin, V. (2018) *Kitayskiy raschet: kak dorogu cherez Rossiyu v Evropu priznali ubytochnoy* [Chinese calculation: how the road through Russia to Europe was recognized as unprofitable]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/business/20/06/2018/5b28c3059a794751862a94fb?utm_source=vk_rbc (Accessed: 26th January 2022).
21. The Supreme Council of the EAEU. (2021) *Reshenie Vysshego soveta EAES ot 11.12.2020 № 12 "O Strategicheskikh napravleniyakh razvitiya evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii do 2025 g."* [On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025: decision of the Supreme Council of the EAEU dated December 11, 2020 No. 12]. [Online] Available from: <https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0012/> (Accessed: 26th January 2022).
22. Kremlin.ru. (2017) *Mezhdunarodnyy forum "Odin poyas, odin put"* [International Forum "One Belt, One Road"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (Accessed: 26th January 2022).
23. Greater Eurasia. (n.d.) *O Bol'shoy Evrazii* [About Greater Eurasia]. [Online] Available from: <http://www.gea.site/about/> (Accessed: 26th January 2022).
24. Kremlin.ru. (2016) *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (Accessed: 26th January 2022).
25. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Dialog Rossiya-ASEAN* [Dialogue Russia-ASEAN]. [Online] Available from: <https://www.mid.ru/dialog-rossia-asean> (Accessed: 26th January 2022).
26. Kremlin.ru. (2016) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100/> (Accessed: 26th January 2022).
27. Government of the Russian Federation. (2016) *Sovmestnoe kommyunike po itogam 21-y regul'yarnoy vstrechi glav pravitel'stv Rossii i Kitaya* [Joint communique on the results of the 21st regular meeting of the heads of government of Russia and China]. [Online] Available from: <http://government.ru/info/25224/> (Accessed: 26th January 2022).
28. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2018) *Rossiya i Kitay zavershili sovmestnoe tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie Soglasheniya o Evraziyskom ekonomicheskoy partnerstve* [Russia and China completed a joint feasibility study of the Eurasian Economic Partnership Agreement]. [Online] Available from: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_zavershili_sovmestnoe_tekhniko_ekonomicheskoe_obosnovanie_soglasheniya_o_evraziyskom_ekonomicheskoy_partnerstve.html (Accessed: 26th January 2022).
29. Rg.ru. (2019) *Vladimir Putin prinyal uchastie v forume "Odin poyas, odin put" i sdela zayavleniya po aktual'nykh voprosam* [Vladimir Putin took part in the One Belt, One Road forum and made statements on topical issues]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (Accessed: 26th January 2022).
30. Kremlin.ru. (2019) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razviti otnosheniy vseob'emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (Accessed: 26th January 2022).
31. TASS. (2019) *Putin vystupaet za partnerstvo v Evrazii bez "politicheskogo i ekonomicheskogo egoizma"* [Putin stands for partnership in Eurasia without "political and economic egoism"]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/6549455> (Accessed: 26th January 2022).
32. Kazakhstan today. (2019) *Razvitie regiona na osnove ravenstva i otkrytosti: uchastniki foruma sotrudnichestva "Kitay – Tsentral'naya Aziya" prinyali itogovuyu deklaratsiyu* [Development of the region on the basis of equality and openness: the participants of the China – Central Asia cooperation forum adopted the final declaration]. 19th October. [Online] Available from: https://www.kt.kz/rus/politics/_1377890267.html (Accessed: 26th January 2022).
33. Bordachev, T. (2015) *Novoe evraziystvo* [New Eurasianism]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evraziystvo/> (Accessed: 26th January 2022).

Сведения об авторе:

Пакулин Виталий Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pakulin.vitalii@gmail.com

Information about the author:

Pakulin Vitaly S. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pakulin.vitalii@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 26.01.2022; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.17223/19988613/76/7

Эволюция регулирования трудовой миграции на евразийском пространстве в XX – начале XXI в.

Анастасия Михайловна Погорельская

Томский государственный университет, Томск, Россия, lisbonne@rambler.ru

Аннотация. Анализируется эволюция регулирования трудовой миграции на пространстве Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Исследована эволюция миграционных потоков между Россией, Украиной и Молдовой на протяжении XX – начала XXI в., сделан вывод о том, что, несмотря на наличие исторически сложившихся предпосылок для массовых трудовых миграций, разнотемпная интеграция на постсоветском пространстве привела к смене приоритетов трудовых мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, не входящих в Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, региональная экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, российский рынок труда, украинцы, молдаване

Благодарности: Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Для цитирования: Погорельская А.М. Эволюция регулирования трудовой миграции на евразийском пространстве в XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 56–62. doi: 10.17223/19988613/76/7

Original article

The evolution of labour migration regulation in Eurasia in the XX–XXI centuries

Anastasia M. Pogorelskaya

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lisbonne@rambler.ru

Abstract. The article provides the overview of the changes in labour migration regulation in the Russian Empire, the Soviet Union and the post-Soviet area throughout several centuries. The labour migration role for the development of the Eurasian migration system development is described in the article with the history of the region taken into consideration. The Eurasian migration system is considered to be the set of stable migration flows of various types, established due to historical, cultural, economic, social and other ties between the countries of the post-Soviet area. Thus, the research is mainly based on the migration systems theory. However, historical ties as well as objectively existing differences in the levels of economic development between the countries of departure and destination of migrants in the post-Soviet area are now supplemented by political decisions influencing migration flows, too. Therefore, the author aims at analyzing both the objective prerequisites and nowadays political framework of migration in the post-Soviet area in order to detect their influence on the reasons, directions and scope of current migrations in the region considered in the article.

The Commonwealth of Independent States (CIS) that was established at the post-Soviet area just after the collapse of the Soviet Union, created the conditions for visa-free movement of labor migrants in the 1990s, however, without exempting them from other obligations for legal employment in Russia. It provided the CIS states citizens with advantages over other labour migrants at the Russian labour market. Since the Eurasian Economic Union (EEU) has been launched in 2015 and the single labour market has been created there, the citizens of its five member-states have enjoyed the equal treatment with locals at Russian labour market. The creation of the EEU resulted into less favorable conditions at Russian labour market for those labour migrants who are the citizens of the CIS states not participating in the EEU. The author takes the example of migration between Ukraine, Moldova and Russia in the XX–beginning of XXI centuries to show that despite the prerequisites for large labour migration in the post-Soviet area, the existence of 'two-speed' Eurasian economic integration influences the priority destinations of labour migrants from some CIS countries that are not the EEU member-states. Thus, labour migration of the Ukrainian and Moldavian citizens has switched from Russia to the European Union.

Keywords: international labour migration, regional economic integration, the Eurasian Economic Union, Russian labour market, Ukrainian labour migrants Moldavian labour migrants

Acknowledgments: This research was supported by “The Tomsk State University competitiveness improvement programme” grant (№ 8.1.27.2018).

For citation: Pogorelskaya A.M. (2022) The evolution of labour migration regulation in Eurasia in the XX–XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 56–62. doi: 10.17223/19988613/76/7

Введение

Количество трудовых мигрантов в мире достигает, по данным Международной организации по миграции (ИОМ) 65% всего потока международных мигрантов, который составил в 2017 г. 258 млн человек [1]. Российская Федерация сегодня является одним из центров притяжения мигрантов. В частности, в 2017 г. страна находилась на четвертом месте по количеству международных мигрантов, пребывающих на ее территории [Ibid.]. В Россию, прежде всего, стремятся трудящиеся из стран постсоветского пространства, пользующиеся преимуществами безвизового режима в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и отмены патентов на работу в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В последние годы, ввиду старения и сокращения численности национальной рабочей силы, российские власти указывают на необходимость активного использования международной трудовой миграции для корректировки ситуации на рынке труда. Так, Концепция миграционной политики РФ утверждает, что «миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» [2]. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года ставит целью достижение к 2025 г. миграционного прироста населения на уровне 300 тыс. человек ежегодно [3].

Однако для грамотного управления трудовой миграцией требуется принимать во внимание процессы разного порядка. В частности, на миграционную ситуацию в современной России влияют как общемировые миграционные тенденции, так и последствия развития миграционного регулирования на евразийском пространстве в предыдущие века. В данной статье под евразийским пространством понимается территория Российской империи, затем СССР и, наконец, постсоветского пространства. В этой связи с опорой на теорию миграционных систем, предполагающую, что миграции между странами являются результатом связей между государствами происхождения и назначения мигрантов, образовавшихся в результате долгосрочных исторических, политических, экономических и культурных отношений, в статье рассматривается история складывания Евразийской миграционной системы и выявляются изменения в направлении современной трудовой миграции в регионе.

Предыстория российской миграционной политики в XVII–XIX вв.

Миграционная политика российского государства берет начало в XVII в. Тогда с целью заселения новых территорий и их освоения российское государство

приступило к регулированию внутренней миграции, зачастую в виде принудительного переселения крестьян на земли Северного Кавказа, Северного Казахстана, Сибири и Дальнего Востока [4].

Первые официальные акты по регулированию внешней миграции датируются XVIII в. Для иностранцев, желавших переселиться в Россию, были предусмотрены льготы, но обосноваться они могли только там, где им выделялись земли. Хотя данные о количестве мигрантов в те времена весьма приблизительны, можно утверждать, что с XVIII в. до 1861 г. регионом, притягивавшим наибольшее количество иммигрантов, в Российской империи считалась Новороссия [5. С. 7–14].

С отменой крепостного права (1861) начался новый этап в развитии миграционного регулирования в Российской империи, связанный с ростом объемов добровольной трудовой миграции. Государственные меры по ее регулированию заключались в предоставлении льгот тем, кто соглашался переселяться на слабо освоенные земли. Однако существовавшие тогда правила по отведению земель недостаточно стимулировали добровольное переселение.

В конце XIX в. переселение в Сибирь стало на повестке дня в связи с необходимостью строительства Великой Сибирской магистрали (Транссибирская железнодорожная магистраль). Вдобавок переселявшимся в Сибирь и на Дальний Восток предоставлялись значительные льготы, чтобы благодаря их отъезду решить обострившуюся к началу XX в. проблему перенаселенности и недостатка освоенных земель в центральной части империи. Например, в дореволюционный период Украина, испытывавшая аграрное перенаселение, давала до 22% миграции сельского населения на Северный Кавказ, в Сибирь и на Дальний Восток, а также в казахские территории Российской империи [6. С. 779].

В начале XX в. массовым было переселение крестьян в Сибирь в связи со столыпинской реформой 1906–1917 гг., нацеленной на передачу земель из общины в собственность крестьян. Учитывая наличие большого количества свободных земель в Сибири, туда отправлялись те, кто рассчитывал с помощью подъемных, предоставляемых государством, устроиться на новом месте лучше, чем жил до реформы. В результате такой политики из центральной части империи в Сибирь переселились более 3 млн человек [7. С. 8].

Трудовая миграция в советское время

На протяжении советского периода трудовая миграция на евразийском пространстве ограничивалась в основном пределами СССР. Множество мер, в том числе и паспортная система, препятствовало массовой трудовой эмиграции из СССР. На 1920-е гг. пришлось первая в советское время волна массовой управляемой

государством трудовой миграции, обусловленная началом реализации первых пятилетних планов. В целях содействия экономическому развитию молодого советского государства была сделана ставка на стимулирование добровольного переселения кадров на слабозаселенные советские территории Сибири и Центральной Азии.

В 1930-х гг. в рамках политики индустриализации массовое перемещение специалистов по территории СССР носило как добровольный, так и принудительный характер. Например, на «стройки века», включая Магнитогорский металлургический комбинат, ДнепроГЭС и Беломорканал, распределялись недавние выпускники вузов, направлялись специалисты предприятий европейской части страны, а также отправлялись заключенные трудовых лагерей. Ускоренная индустриализация сопровождалась ростом городов. Так, четырехкратный прирост городского населения за период 1927–1938 гг., обеспеченный во многом за счет миграции со всей территории СССР, констатировался на Донбассе [8. С. 4]. Одновременно принудительно на Урал и в Сибирь из Украинской ССР было переселено 65 тыс. семей (около 300 тыс. человек). Численность украинцев, переехавших в 1926–1939 гг. в среднеазиатские республики СССР, оценивается примерно в 217 тыс. человек. В результате в 1920–1930-х гг. население РСФСР в целом увеличилось за счет миграционного притока из других союзных республик, в то время как отток населения констатировался в Украинской, Белорусской и Казахской ССР [6. С. 764–779].

Одновременно в связи с нехваткой продовольствия в стране стали предприниматься попытки противодействия свободному отъезду сельского населения в города путем введения паспортной системы. В соответствии с реформой 1932 г. только городские жители и граждане, проживавшие в 10-километровой зоне вокруг городов, могли получить паспорт, необходимый для смены места жительства и официального трудоустройства. Запрет на выдачу паспортов селянам официально оставался в силе до 1974 г., отчасти сдерживая отток жителей из деревни [9]. Было введено и правило трудоустройства в городе только при наличии прописки в нем, т.е. официальной регистрации по месту жительства. Тем не менее предпринимавшиеся государством меры, ввиду масштабов страны и количества ее населения, а также многочисленные послабления паспортного законодательства, конечно, не останавливали самостоятельного движения населения, в том числе с целью трудоустройства [10. С. 20], и к 1985 г. уже 65% населения СССР проживало в городах [11. С. 24].

Масштабная вынужденная трудовая миграция, способствовавшая «перемешиванию» населения в СССР, происходила накануне и в годы Великой Отечественной войны. В связи с эвакуацией производства из западных областей на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахскую ССР туда переводились и специалисты, которых на забрали на фронт. Кроме того, принудительный характер носили миграции отдельных этнических групп. Например, значительное количество молдаван прибыло в Сибирь и Казахскую ССР в ходе депортаций 1940 – начала 1950-х гг., в то время

как до этого они в основном расселялись по территориям Молдавской и Украинской союзных республик [12. С. 791].

После войны в целях ускоренного восстановления промышленности и инфраструктуры население рекрутировалось для работы на всесоюзных стройках, включая Волго-Донской канал, Братскую ГЭС, Байкало-Амурскую магистраль и другие объекты, на которые стягивались кадры со всей страны. Промышленное развитие 1960-х гг. ознаменовалось созданием множества промышленных предприятий, укомплектовать которые не всегда удавалось местными кадрами, в связи с чем активизировалась работа системы распределения выпускников высших и средних специальных учебных заведений, официально учрежденной еще в 1933 г. и обновленной в 1968 г. [12]

В 1960–1980-х гг. активным ростом городов и доли городского населения за счет миграции характеризовались Молдавия и юго-запад Украины, где ранее доля городского населения была одной из самых низких в СССР. При этом в Молдавию переселялось значительное количество русских, поскольку местное сельское население не было готово переселяться в города. В 1960-х гг. урбанизация и ускоренное промышленное развитие способствовали миграционному притоку со всей советской территории в УССР в количестве 517,8 тыс. человек, в 1970-х гг. – 188,8 тыс. человек, в 1980-х гг. – 240,2 тыс. человек. В результате за 1917–1989 гг. количество русских на Украине увеличилось более чем в 3 раза. А вот Молдавская ССР была центром притяжения мигрантов из других республик только в 1960-е гг., а в 1970–1980-е гг. констатировался отток мигрантов из Молдавии. Многие ехали добровольно в Сибирь и на Дальний Восток на массовые стройки и промышленные объекты. Тем не менее количество русских в Молдавии за период 1917–1989 гг. увеличилось в 4,3 раза [8. С. 12].

Таким образом, на протяжении большей части XX в. трудовая миграция на евразийском пространстве была объектом активного государственного регулирования. В интересах развития территории государство активно содействовало и даже принуждало население к трудовой миграции в Сибирь, северные территории, Дальний Восток и в Центральную Азию, где средняя плотность населения была относительно низкой, что ранее препятствовало освоению этих земель. Существовала, конечно, и стихийная миграция, которую трудно было остановить ввиду огромных масштабов страны. В результате же массовых миграций по территории СССР, которая была в значительной степени отгорожена от мировых миграционных потоков на протяжении значительной части XX в., произошло перемешивание населения на указанной территории, обусловившее установление и укрепление существующих социальных связей между ее частями.

Трудовая миграция на постсоветском пространстве

Общая история евразийского пространства, в ходе которой на его территории действовали единая система хозяйства, общие институты и практики, обусло-

вившие наличие экономических, политических и культурных связей между его частями, стала предпосылкой складывания Евразийской миграционной системы [14]. Ее существование подтверждается тем, что, несмотря на распад СССР, миграция внутри постсоветского пространства все-таки превышала по объемам миграцию населения за его пределы. Например, в 1991–2001 гг. иммиграция в Россию составила 7,1 млн человек, эмиграция – 2,5 млн человек [15. С. 257]. При этом в течение 1992–2007 гг. Россия приняла более 12 млн иммигрантов только из стран бывшего СССР [16. С. 20].

Тем не менее в 1990-х гг. миграция на постсоветском пространстве претерпела принципиальные изменения. С одной стороны, ввиду установления новых государственных границ перемещения по региону стали сложнее, поскольку требовалось оформление необходимых документов для въезда, соответствующих правилам конкретной страны. С другой стороны, сворачивание жесткого централизованного регулирования миграции позволило ей подчиняться объективным рыночным законам. Трудовые мигранты стали перемещаться, ориентируясь на относительные показатели уровня жизни и заработной платы. В результате основными государствами притяжения трудовых мигрантов на постсоветском пространстве стали Россия и Казахстан [17].

Ввиду необходимости корректировки экономической ситуации во всех постсоветских странах и предоставления своим гражданам возможности заработать руководство молодых независимых государств согласилось на установление безвизового режима, соглашение о создании которого в СНГ было подписано уже в 1992 г. Тем не менее договоренности в формате СНГ не смогли устранить множества иных барьеров, осложняющих трудоустройство граждан соответствующих государств. Например, граждане стран СНГ должны были получать патенты на работу в России, имеющие ограниченный срок действия и оплачиваемые каждым гражданином.

Разные ожидания государств в отношении глубины сотрудничества в рамках СНГ, а также сохранение административных барьеров, препятствующих складыванию общего рынка труда, привели к тому, что отдельные государства постсоветского пространства решили перейти к углубленной экономической интеграции и созданию единого рынка труда.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий пять государств-членов – Армению, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан и Россию, начал действовать с 1 января 2015 г. Содействие легальной трудовой миграции стало одной из насущных задач ЕАЭС. В этой связи при подписании Договора о ЕАЭС государствам-членам удалось договориться по принципиальному вопросу проведения согласованной политики в сфере регулирования трудовой миграции, т.е. по гармонизации ее правового регулирования, в том числе на основе решений наднациональных органов.

Для граждан государств – членов ЕАЭС была отменена необходимость получения какого-либо разрешения на трудоустройство на всей территории Союза, а срок их пребывания в государствах – членах ЕАЭС

стал определяться сроками их трудового договора или договора об оказании услуг гражданско-правового характера, а не сроком действия патента, как установлено на российском рынке труда для граждан иных государств СНГ.

Вдобавок в ЕАЭС большинство квалификаций и дипломов, полученных в государствах-членах, стало признаваться автоматически, за исключением таковых в педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической сферах, в отличие от других стран СНГ, чьи дипломы должны проходить установленную процедуру нострификации при трудоустройстве их обладателя в России.

Трудовые мигранты из числа граждан государств – членов ЕАЭС получили права на равное с гражданами государства пребывания социальное обеспечение (кроме пенсионного), медицинское обслуживание (в экстренной и неотложной формах, включая членов их семей), а дети граждан государств – членов ЕАЭС получили право на посещение дошкольных и школьных учреждений наравне с гражданами государства их пребывания. Кроме того, в ЕАЭС были установлены единые условия налогообложения доходов граждан государств-членов. Таким образом, с учреждением ЕАЭС граждане его государств-членов получили возможности трудоустройства в России на равных с российскими гражданами и на гораздо более простых условиях, чем граждане других стран СНГ.

В этой связи количество въехавших в Россию с целью трудоустройства граждан остальных государств – членов ЕАЭС значительно выросло уже в 2015 г. по сравнению с 2014 г. Так, количество граждан Кыргызстана, въехавших с целью работы в РФ, выросло с 371 656 до 512 432 человек. Количество граждан Белоруссии и Казахстана, въехавших в РФ с аналогичной целью, на протяжении 2014–2017 гг. неуклонно росло. Количество граждан Белоруссии выросло на 44,5%, граждан Казахстана – на 50%. Однако потоки трудовой миграции из государств – членов ЕАЭС в Россию не были стабильными. В частности, количество граждан Армении и Кыргызстана, въехавших для работы в Россию, снизилось в 2016 г. и вновь выросло в 2017 г. [18]

Всего же в России на конец 2018 г. на миграционный учет было поставлено 17,8 млн человек, из которых на первом месте по количеству находились граждане Узбекистана (около 4,5 млн), на втором месте – Таджикистана (2,3 млн), на третьем – КНР (1,8 млн), на четвертом – Украины (около 1,8 млн), далее по мере убывания следовали граждане Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Армении, Молдовы и Белоруссии [19]. Конечно, данная статистика не дает точного понимания того, сколько фактически на территории страны на конец года находилось граждан тех или иных стран, поскольку постановка на миграционный учет является обязательной при каждом новом въезде в страну, и тем самым такая статистика может несколько раз учитывать одного и того же человека, который на протяжении года несколько раз съездил домой, что особенно актуально ввиду географической близости указанных стран к России. Тем не менее приведенные цифры дают представление об интенсив-

ности миграции между Россией и иными странами СНГ. Из поставленных на миграционный учет иностранцев, въехавших в Россию с целью трудоустройства, которых в 2018 г. насчитывалось почти 5,048 млн человек, 39,8% составляли граждане Узбекистана, 20,2% – Таджикистана, 9,1% – Украины, 7% – Кыргызстана, 4,1% – Армении, 3,5% – Молдовы, 2,7% – Белоруссии, 2,2% – Казахстана, доли процента составляли граждане Грузии [19].

Хотя ЕАЭС еще не достиг полноценного функционирования единого рынка труда, он предоставил преимущества трудовым мигрантам из стран ЕАЭС на российском рынке труда перед гражданами остальных государств СНГ. Доля граждан ближнего зарубежья среди трудовых мигрантов в России хотя и осталась весьма высокой – в пределах 85–86%, соображения по поводу обеспечения своим гражданам наиболее благоприятных условий доступа на российский рынок труда заставили, например, президента Узбекистана заявить в начале октября 2019 г., что вопрос присоединения страны к ЕАЭС находится на стадии проработки [20].

Миграция молдаван в Россию, которая приобрела массовый характер с конца 1990-х гг., не отличалась стабильностью. С 1997 по 2004 г. число прибывших в Россию из Молдовы в основном снижалось, затем с 2005 по 2015 г. количество въехавших росло с 6,6 тыс. человек до 34 тыс. в 2015 г., а затем снова снизилось до 30,7 тыс. в 2018 г. Похожая тенденция характерна и для количества въезжающих в Россию граждан Украины: с 1997 по 2004 г. количество въезжающих ежегодно снижалось, затем на протяжении 2005–2015 гг. (кроме провала в 2010 г.) росло с 30,8 тыс. (2005) до 194,2 тыс. человек (2015), снизившись постепенно до 137,8 тыс. к 2018 г. Снижение количества иммигрантов из Молдовы и Украины в 2015–2018 гг. подтверждает, что с предоставлением более благоприятных условий для трудоустройства в России гражданам из ЕАЭС жители этих двух стран стали переориентироваться на миграцию по другим направлениям.

Действительно, динамика прибывших из государств СНГ в Россию с 2015 г. демонстрировала тенденцию к спаду только относительно граждан Украины и Молдовы. Количество граждан остальных государств СНГ, въезжающих в Россию, либо постоянно росло (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), либо значительно выросло в 2017 г., чуть снизившись в 2018 г. (Армения, Белоруссия, Узбекистан) [21].

Исследователями еще в 2010 г. было отмечено, что граждане Молдовы все чаще приезжают в страны СНГ (прежде всего – в Россию и на Украину) для краткосрочной трудовой миграции, в то время как приоритетом в долгосрочной трудовой иммиграции для них служат страны ЕС, меньший поток трудовой миграции направлен в Канаду и США. Согласно исследованиям европейских ученых, проведенным в 2007 г., 44% опро-

шенных ими жителей, в основном образованных людей в возрасте 18–40 лет, желали эмигрировать из страны, главным образом в связи с невозможностью трудоустройства [22. Р. 5–10].

На протяжении 2014–2017 гг. количество эмигрантов из Молдовы выросло почти на 29%: со 123 до 159 тыс. человек в год [23]. При этом в связи со снижением их притока в Россию доля тех, кто уезжает на заработки из Молдовы в ЕС, увеличивается. В частности, они составляют почти 7,5% иммигрантов в Румынии; а если принять во внимание тех выходцев из Молдовы, которые там натурализовались, то их процент в населении, рожденном за пределами Румынии, составит 39,3%.

Присутствие иммигрантов из Украины стало заметным в таких странах ЕС, как Литва (22,7% всех иммигрантов в стране), Чехия (22,2%), Португалия (7,7%), Болгария (6,9%), Венгрия (6,5%), Италия (4,6%) и Эстония (4,4%) [24].

Переориентацию на трудовую иммиграцию в ЕС граждан Украины и Молдовы косвенно подтверждает и рост сумм денежных переводов мигрантов из-за рубежа, получаемых этими странами ежегодно. Украина значительно поднялась за последние пять лет в рейтинге стран, получающих самые большие переводы от своих мигрантов из-за рубежа. В частности, в 2014 г. она занимала 19-е место, в 2015 г. – 16-е, в 2016 г. – 15-е, в 2017–2018 гг. – уже 12-е место в мире. Так, в 2018 г. Украина получила в виде денежных переводов мигрантов более 14 млрд долл. США, что составило 11,4% ВВП страны. В Молдове процент ВВП, который составляют денежные переводы мигрантов из-за рубежа, еще больше – 16,1% (2018), но меньше в абсолютных цифрах (1,84 млрд долл. США) [25].

Таким образом, ввиду сосуществования некогда в пределах единого государства, наличия социальных связей и знания русского языка, для граждан стран бывшего СССР на сегодня созданы все предпосылки для массовой трудовой миграции на евразийском пространстве и в Россию в частности. Однако статистические показатели подтверждают, что с углублением интеграции в рамках ЕАЭС граждане других государств региона оказались в менее выгодном положении на российском рынке труда, чем граждане государств – членов ЕАЭС. И хотя Россия все еще остается местом притяжения значительного количества трудовых мигрантов в соответствующем регионе, граждане Украины и Молдовы в силу их географического положения, а также надежд на углубление сотрудничества с ЕС, которые не оставляет руководство обеих стран, переориентируются на миграцию, прежде всего трудовую, в Европейский Союз. В этой связи на российском рынке труда их место займут граждане других близлежащих государств. Учитывая динамику их присутствия в последние годы, есть основания полагать, что это сделают трудовые иммигранты из Узбекистана и Таджикистана.

Список источников

1. International Migration Report // United Nations. 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 15.12.2018).

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 17.08.2019).
3. Концепция 2007 – Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Население и общество. 2007 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/zniki/koncepciya/koncepciya25.html> (дата обращения: 14.08.2019).
4. Гаврилова Н.Ю., Дудин В.Е., Устинова О.В. Миграционная политика в дореволюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2018. № 3. С. 1–7.
5. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
6. Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1999. Вып. 40 (4). С. 763–796.
7. Никулин П.Ф. Основные направления и итоги Столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 5–10.
8. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
9. Жирнов Е. «Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан» // Коммерсантъ Власть. 2009. № 14. С. 54.
10. Тарасов А.Ю. Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
11. Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н. и др. Динамика населения СССР 1960–1980 гг. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
12. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.П. Поболь, П.М. Полян. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2005. 902 с.
13. Конохова А.С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения...»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 233–242.
14. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2008. № 2. С. 21–28.
15. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Дашков и К°, 2004. 399 с.
16. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008. 46 с.
17. Monthly earnings // International Labour Organization. 2019. URL: https://www.ilo.org/ilostat/faces/wcnav_defaultSelection;ILOSTATCOOKIE=aqgoBm2ben8fRnspgOzdP95MiPoHrHJK2v9-rc8-FZYNCsWLH_xe!-612270756?_afLoop=5046035024253684&_afWindowMode=0&_afWindowId=null#!%40%40%3F_afWindowId%3Dnull%26_afLoop%3D5046035024253684%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dn9dx7f8u4_4 (accessed: 13.09.2019).
18. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за 2013 – 1 полугодие 2019 г. // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/Сведения%20о%20численности%20граждан%20государств%202013-%201%20%20полугодие%202019.pdf> (дата обращения: 28.08.2019).
19. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2019. 24 янв. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migratsionnaya/item/15851053/> (дата обращения: 15.09.2019).
20. Узбекистан прорабатывает вопрос о присоединении к ЕАЭС, – заявила Матвиенко // РИА Новости. 2019. 2 окт. URL: <https://ria.ru/20191002/1559343154.html> (дата обращения: 12.10.2019).
21. Международная миграция // Федеральная служба государственной статистики. 2019. 4 июня. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/Migr2> (дата обращения: 13.10.2019).
22. The contribution of human resources development to migration policy in Moldova // European Training Foundation. 2007. December. URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/m/C12578310056925BC12573DB004D3B74_NOTE84CGJU.pdf (accessed: 12.10.2019).
23. Emigrants and immigrants based on border crossing data, by sex and age group, 2014–2017 // National Bureau of Statistics, Moldova. 2018. URL: http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice_POPPrec_POP070/POP070100rcl.px/table/tableViewLayout1?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774 (дата обращения: 12.10.2019).
24. Migration and migrant population statistics // Eurostat. 2018. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (accessed: 13.10.2019).
25. Annual Remittances Data : updated as of Apr. 2019 // The World Bank Group. 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migration/remittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed: 12.10.2019).

References

1. UNO. (2017) *International Migration Report*. [Online] Available from: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (Accessed: 15.12.2018).
2. Kremlin.ru. (n.d.) *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody* [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (Accessed: 17th August 2019).
3. Russia. (2007) *Kontseptsiya 2007 – Kontseptsiya demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [Concept 2007 – The concept of the demographic policy of the Russian Federation up to 2025]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/zniki/koncepciya/koncepciya25.html> (Accessed: 14th August 2019).
4. Gavrilova, N.Yu., Dudin, V.E. & Ustinova, O.V. (2018) *Migratsionnaya politika v dorevolutsionnoy Rossii* [Migration policy in pre-revolutionary Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki – Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. 3. pp. 1–7.
5. Vorobieva, O.D., Rybakovskiy, L.L. & Rybakovskiy, O.L. (2016) *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Ekon-Inform.
6. Maksudov, S. (1999) *Migratsii v SSSR v 1926–1939 godakh* [Migration in the USSR in 1926–1939]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 40(4). pp. 763–796.
7. Nikulin, P.F. (2012) *Osnovnye napravleniya i itogi Stolypinskoy agrarnoy reformy (1906–1916 gg.)* [The main directions and results of the Stolypin agrarian reform (1906–1916)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(17). pp. 5–10.
8. Zayonchkovskaya, Zh.A. (2000) *Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz' kataklizmy* [Migration of the population of the USSR and Russia in the 20th century: evolution through cataclysms]. *Problemy prognozirovaniya*. 4. pp. 3–15.
9. Zhirnov, E. (2009) *Ne imeyut prava na pasport 37 protsentov grazhdan* [37 percent of citizens do not have the right to a passport]. *Kommersant' Vlast'*. 14. p. 54.
10. Tarasov, A.Yu. (2005) *Pasportnaya sistema i pasportnyy rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX v.* [Passport system and passport regime in the Soviet state in the 1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

11. Vasilieva, E.K., Eliseeva, I.I., Kashina, O.N. et al. (1985) *Dinamika naseleniya SSSR 1960–1980 gg.* [Dynamics of the population of the USSR in 1960–1980]. Moscow: Finansy i statistika.
12. Yakovlev, A.N. (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow: MFD: Materik. pp. 789–798.
13. Konokhova, A.S. (2012) “We receive appointments to the backwoods towns...”: graduates’ job placement in USSR during the “thaw” period. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 233–242. (In Russian).
14. Ivakhnyuk, I.V. (2008) *Evraziyskaya migratsionnaya sistema: teoriya i politika* [Eurasian migration system: theory and politics]. *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 2. pp. 21–28.
15. Yudina, T.N. (2004) *Sotsiologiya migratsii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya* [Sociology of migration: towards the formation of a new scholarly direction]. Moscow: Dashkov i K°.
16. Ivakhnyuk, I.V. (2008) *Formirovanie i funkcionirovanie Evraziyskoy migratsionnoy sistemy* [Formation and functioning of the Eurasian migration system]. Abstract of Economy Dr. Diss. Moscow.
17. International Labour Organization. (2019) *Monthly earnings*. [Online] Available from: https://www.ilo.org/ilostat/faces/wcnav_defaultSelection;ILOSTATCOOKIE=aqgoBm2ben8fRNspgOzdP95MiPoHpHJK2v9-rc8-FZYNCsWLH_xe!-612270756?_afLoop=5046035024253684&_afWindowMode=0&_afWindowId=null!%40%40%3F_afWindowId%3Dnull%26_afLoop%3D5046035024253684%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dn9dx7f8u4_4 (Accessed: 13th September 2019).
18. Eurasian Economic Commission. (2018) *Svedeniya o chislennosti grazhdan gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, v'ekhavshikh v stranu (Respublika Armeniya, Respublika Belarus', Respublika Kazakhstan, Kyrgyzskaya Respublika, Rossiyskaya Federatsiya) dlya osushchestvleniya trudovoy deyatel'nosti za 2013 – 1 polugodie 2019 gody* [Information on the number of citizens of the member states of the Eurasian Economic Union who entered the country (Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Russian Federation) for labor activity for 2013 – 1st half of 2019]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/Svedeniya%20o%20chislennosti%20grazhdan%20gosudarstv%202013-%201%20polugodie%202019.pdf> (Accessed: 28th August 2019).
19. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Otdel'nye pokazateli migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2018 goda s raspredeleniem po stranam i regionam* [Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January – December 2018 with distribution by country and regions]. 24th January. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/> (Accessed: 15th September 2019).
20. RIA Novosti. (2019) Uzbekistan prorabatyvaet vopros o prisoedinenii k EAES, zayavila Matvienko [Uzbekistan is working on the issue of joining the EAEU, said Matvienko]. 2nd October 2019. [Online] Available from: <https://ria.ru/20191002/1559343154.html> (Accessed: 12th October 2019).
21. Federal State Statistics Service. (2019) *Mezhdunarodnaya migratsiya* [International migration]. 4th June 2019. [Online] Available from: <https://gks.ru/storage/mediabank/Migr2> (Accessed: 13th October 2019).
22. European Training Foundation. (2007) *The contribution of human resources development to migration policy in Moldova*. [Online] Available from: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/m/C12578310056925BC12573DB004D3B74_NOTE84CGJU.pdf (Accessed: 12th October 2019).
23. National Bureau of Statistics, Moldova. (2018) *Emigrants and immigrants based on border crossing data, by sex and age group, 2014–2017*. [Online] Available from: http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice__POPrec__POP070/POP070100rcl.px/table/tableViewLayout1/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774 (Accessed: 12th October 2019).
24. Eurostat. (2018) *Migration and migrant population statistics*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (Accessed: 13th October 2019).
25. The World Bank Group. (2019) *Annual Remittances Data (updated as of April 2019)*. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (Accessed: 12th October 2019).

Сведения об авторе:

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Information about the author:

Pogorelskaya Anastasia M. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 24.10.2019; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 94 (71) «1867/1931» + (100) «1914/19»

doi: 10.17223/19988613/76/8

Роберт Борден и политика консервативного правительства Канады в годы Первой мировой войны

Екатерина Сергеевна Симоненко

Приморская государственная сельскохозяйственная академия, Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Аннотация. Рассматривается политика, проводившаяся консервативным премьер-министром Канады Р. Борденом в годы Первой мировой войны. Изложение событий начинается с 4 августа 1914 г., когда Канада вслед за Великобританией вступила в войну, и заканчивается 12 октября 1917 г., когда в Оттаве была создана правительственная коалиция консерваторов с либералами. Прослеживаются представления Р. Бордена по вопросу участия Канады в «конфликте века», раскрываются детали его военного курса на протяжении четырех военных лет. Особое внимание уделяется взаимодействию правительства и парламента в годы войны.

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, Р. Борден, премьер-министр Канады, правительство Канады, канадский парламент

Для цитирования: Симоненко Е.С. Роберт Борден и политика консервативного правительства Канады в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 63–73. doi: 10.17223/19988613/76/8

Original article

Robert Borden and the policy of the conservative government of Canada during the First World War

Ekaterina S. Simonenko

Primorskaya State Agricultural Academy, Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

Abstract. The article covers the study of policies pursued by the Conservative Government of Canada led by Robert Borden during the First World War. The presentation of events begins on August 4, 1914, when Canada entered the War after Great Britain, and ends on October 12, 1917, when a new Coalition Government of conservatives and liberals was created in Ottawa. The purpose of the study is to reconstruct the details of the military course pursued by Canadian Prime Minister Robert Borden during the war years, which can answer the question about the degree of imperial loyalty of Canada and its willingness to participate in the War on the side of the mother-country. Based on legislative acts of the Dominion Government, Parliamentary debates, annual historical and statistical collections and newspaper publications of the provincial press, it analyzes the Canadian Prime Minister's attitude to the War and Canada's participation in it. It studies the content and mechanism of the implementation of the Canadian government's conservative military government program, which was concentrated around the formation and sending of expeditionary forces to Europe, as well as the creation of an internal Guard to protect the dominion territory from possible enemy invasion. It examines the process of adoption of two legislative acts (on military voters, on the extension of the term of office of the Parliament), which intended to help the Conservatives remain in power until the end of the War, as well as public discussions that accompanied this complex process. Finally, it reveals details of Robert Borden's involvement in imperial military bodies and political consultations with British ministers and other statesmen. In general, during the war years, the policy of the Conservative Government of Robert Borden was aimed at implementing the idea of imperial integration with the active participation of Canada in the War on the side of the Allies. The Prime Minister regarded participation in the War as an inevitable necessity, considering that Canada should do its imperial duty with honor. Therefore, his activity was centred around the formation and sending of Canadian volunteers to Europe. Realizing that the continued participation of the Dominion in the War depended on whether Conservatives remained in power or not, he passed a law to extend the Parliament's term of office and vested soldiers with suffrage. During the four years of the War, he made several trips to the continent and attended meetings of imperial bodies, solving strategic issues of dominion's participation in the War. The contribution that Canada made to the Allied victory was a common merit of the entire Canadian people and the Conservative Government of Robert Borden.

Keywords: history of Canada, World War I, Robert Borden, Prime Minister of Canada, Government of Canada, Canadian Parliament

For citation: Simonenko E.S. (2022) Robert Borden and the policy of the conservative government of Canada during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 63–73. doi: 10.17223/19988613/76/8

Канада, будучи крупнейшим и старейшим британским доминионом, вступила в Первую мировую войну 4 августа 1914 г., после того как истек срок британского ультиматума и премьер-министр Великобритании Герберт Генри Асквит объявил Германии войну. На тот момент общее руководство страной осуществляло находившееся у власти с осени 1911 г. консервативное правительство во главе с Робертом Борденом.

С началом войны правительство доминиона оказалось в трудной ситуации: премьер-министр и его коллеги находились у власти всего три года, при этом лишь один из министров имел опыт кабинетной работы. В Британии, например, после официального объявления войны был сформирован специальный «Военный кабинет», наделенный правительственными функциями и должный направлять все свои усилия на ведение войны. В Канаде же после начала военных действий никаких перестановок в кабинете предпринято не было, хотя большинство прежних министров не имели ни соответствующей теоретической подготовки, ни практического опыта участия в локальных или имперских войнах. Исключение составляли тогдашний министр милиции полковник Сэм Хьюз и генерал-губернатор Канады герцог Коннаутский, в прошлом полевой маршал, в молодости возглавлявший вооруженные силы доминиона и имевший непосредственное представление об их состоянии [1. Р. 157]. Их опыт и практические советы в области военной стратегии и тактики представляли большую ценность для «гражданского» правительства Бордена.

Характеризовать личность и деятельность политика, оказавшегося у власти в переломное для страны время, всегда достаточно сложно. В данном случае не просто вдвойне, поскольку канадский премьер-министр вынужден был принять на себя огромную ответственность – управлять страной, которая никогда не участвовала ни в каких крупных войнах и впервые в своей истории была вовлечена в вооруженный конфликт такого масштаба. По свидетельству современников, имевших возможность воочию наблюдать за действиями премьер-министра, Роберт Борден отказывался спешить и в то же время никогда не отступал и не пятился назад, он планомерно и поэтапно стремился реализовать свою военную программу. Но такая тактика оказалась чрезвычайно непопулярной в среде широкой канадской общественности. Публика предпочитала эффектные поступки и многозначительные речи, но не смогла дождаться их от канадского премьера [2. Р. 55]. Поэтому многие политики, в основном либерального толка, и простые обыватели как в доминионе, так и в метрополии на начальном этапе войны склонны были обвинять самого Бордена и сформированное им правительство в медлительности и чрезмерной осторожности. При этом неторопливость премьер-министра в действиях и предельная тактичность в словах ошибочно расценивались как политическая сла-

бость. На этом основании в годы войны авторитет консервативного правительства был неустойчив, а престиж самого премьера варьировал от крайней степени почитания до откровенного осуждения. Одни обвиняли Бордена в полном отсутствии должного руководства страной, другие, наоборот, – в потакании чрезмерной активности и превышении служебных полномочий отдельных представителей кабинета, например министра милиции Хьюза.

Как политический деятель премьер обладал здравомыслием, ему были чужды разного рода невыполнимые обещания, он не имел склонности к принятию грандиозных решений. Эти качества вместе со спокойствием, наблюдательностью в исследовании политической ситуации со временем увеличили его личный и политический авторитет, хотя вопрос о его способности к управлению неоднократно поднимался в рядах либеральной оппозиции, реже в его собственной партии. Следует отметить, что Бордену удалось преодолеть и нейтрализовать большинство противоречий, возникавших в ходе реализации его военного курса, между федеральными и провинциальными властями, а также между доминионом и имперскими властями в Лондоне. Для этого он вынужден был скорректировать свое личное отношение к происходившим событиям. Как считали его современники, он перенял и приспособил к канадским условиям политическую тактику Асквита и стал относиться спокойно и даже равнодушно к любым политическим нападкам и персональной критике [Ibid. Р. 56].

Ситуация для главы канадского кабинета осложнялась тем, что ему пришлось проводить свой военный курс в условиях неустойчивого социального равновесия, когда в канадском обществе отсутствовали единство и стремление к сотрудничеству. Жители Канады британского происхождения демонстрировали крайнюю степень имперской лояльности и требовали незамедлительно отправить на фронт как можно больше людей. Напротив, канадские пацифисты, которых в доминионе оказалось значительное количество, выступали против милитаризма в любых его проявлениях, заявляли о том, что Канада вообще не должна участвовать ни в каких войнах. Между сторонниками имперского сотрудничества и пацифистами находились так называемые франкоканадские националисты, жители французской провинции Квебек, которые считали, что Канаде следует участвовать только в тех войнах, которые напрямую затрагивают ее интересы. По их мнению, та война, которая началась в Европе в августе 1914 г., не имела к Канаде никакого отношения, так как доминион располагался далеко от основного театра военных действий и его территории ничего не угрожало. Задача Бордена состояла в том, чтобы примирить эти антагонистические группы канадского общества, поддерживать баланс между империалистами, пацифистами и националистами. Он также должен был

решить, как далеко Канада может зайти в оказании помощи метрополии и какие шаги она должна предпринять после отправки в Европу первого контингента. Решение этих и других насущных вопросов требовало постоянного участия премьер-министра.

Первым шагом Бордена в ходе подготовки к войне стало поручение канадским военным экспертам создать так называемую «Военную книгу», в которую впоследствии были скопированы все детали стратегического планирования, в том числе мобилизационные планы. Это помогло после начала войны скоординировать работу различных департаментов правительства, а также наладить эффективное сотрудничество с имперскими властями [3. Р. 15–16]. Идея создания канадской военной книги принадлежала британским властям, которые сразу же после окончания франко-прусской войны стали развивать мысль о том, что успех в любой войне зависит от систематической подготовки. В 1911 г. британский Комитет имперской обороны (КИО) принял усилия для создания на британских островах собственной «Военной книги», представлявшей собой комплексную программу мер, которыми должны были руководствоваться все департаменты правительства в случае вооруженного конфликта. При этом первый комплекс мероприятий планировалось осуществить еще до начала военных действий, второй – после окончательного решения о вступлении в войну. Летом 1912 г. видные представители британского военного руководства высказали идею о том, что аналогичную «Военную книгу» необходимо скомпилировать и в Канаде. Заграничный отдел Комитета имперской обороны в начале 1913 г. направил в доминион соответствующую рекомендацию. Однако прошел год, прежде чем дело сдвинулось с мертвой точки. 12 января 1914 г. состоялась межведомственная правительственная конференция, главная цель которой заключалась в планировании мероприятий по подготовке канадской «Военной книги» [Ibid. Р. 17–18], в которую предполагалось включить все документы, необходимые для разработки военных планов на случай войны. Впоследствии в нее вошли корреспонденция между имперскими и канадскими властями, законодательные акты Тайного совета, правительственные распоряжения, приказы и распоряжения военного и морского ведомств и др. В короткие сроки была проделана огромная работа, и к июлю 1914 г. книга была готова [4. Р. 212–213].

Через две недели после начала войны Борден заявил, что члены правительства постоянно обсуждают проблему обороны Канады с суши и с моря, а также вопросы организации, обучения, снаряжения и отправки экспедиционных сил в Европу. Премьер-министр сообщил, что правительство не испытывало проблем с набором в армию: тысячи добровольцев охотно шли в открытые по всей стране вербовочные пункты, чтобы исполнить свой имперский долг [3. Р. 23]. Он также объявил, что для обеспечения защиты территории доминиона департамент милиции начал процесс создания так называемой внутренней гвардии. По данным главы Кабинета, к середине октября в нее вступили 8 тыс. человек и приступили к выполнению своих гарнизонных обязанностей от Тихоокеанского побережья

до Атлантики [5. Р. 59]. В крупных городах были организованы тиры для обучения стрельбе и полигоны для строевой подготовки. В октябре 1914 г. министр милиции Сэм Хьюз заявил, что уже 200 тыс. человек прошли строевую подготовку и в случае необходимости могли пополнить ряды внутренней гвардии. Примечательно, что департамент милиции обязал канадцев, вступавших в ряды внутренней гвардии, самостоятельно выплачивать стоимость своего вооружения, амуниции и военного снаряжения в размере 35 долл. с человека [1. Р. 198]. В стратегически важных пунктах на обоих побережьях были размещены укрепления и установлена береговая артиллерия. Военные эксперты считали, что в случае реальной опасности гарнизоны по всей стране могли быть значительно увеличены за счет действовавших подразделений регулярной милиции.

Выступая 19 августа 1914 г. в Палате общин канадского парламента Борден озвучил основные положения правительственной военной программы [6. Р. 11–17]. Впоследствии она была детализирована на заседаниях правительства, где присутствовали видные армейские чины. Согласно разработанному плану оборону территории доминиона должна была обеспечивать внутренняя гвардия численностью 8 тыс. человек. Департамент милиции должен был вооружить, экипировать и обучить еще 30 тыс. человек. С каждым новым набором добровольцев партии обученных войск примерно по 10 тыс. человек должны были отплывать в Европу, чтобы пополнять ряды британской армии. Таким образом, с учетом домашней гвардии на территории доминиона под ружьем должны были постоянно находиться примерно 40 тыс. человек [1. Р. 189–190]. Помимо создания местной добровольческой армии, Канада должна была организовать и отправить на фронт несколько контингентов солдат. Первый контингент в составе одной дивизии численностью 20 тыс. человек планировалось отправить за границу в конце сентября – начале октября 1914 г. Примерной датой отправки второй партии был объявлен декабрь 1914 г. Только к этому времени департамент милиции мог обучить, снарядить и вооружить такое количество добровольцев. Предполагалось, что второй контингент будет состоять из пехоты численностью от 16 до 20 тыс. человек и кавалерии [Ibid. Р. 190]. В начале декабря 1914 г. Борден сообщил, что до конца войны Канада, если это потребует для сохранения целостности империи, готова отправить на европейский театр военных действий в общей сложности 300 тыс. солдат [7. Р. 5]. Следует отметить, что все намеченные правительством мероприятия по отправке первых двух партий войск за границу были реализованы без особых затруднений, хотя имели место некоторые отступления от первоначального плана в отношении численности и сроков отправки войск. Так, в составе первого контингента в начале октября 1914 г. на британские острова отправились более 30 тыс. человек, а отплытие второго контингента состоялась лишь весной 1915 г.

С началом 1915 г. все действительно важные события во внутривнутриполитической жизни страны, в том числе многочисленные общественные дискуссии, продолжали вращаться вокруг одной единственной темы – войны.

Груз ответственности, лежавший на правительстве и лично на премьер-министре, возрастал с каждым днем. Не последнюю роль в этом играли партийные трения, возникавшие время от времени между консерваторами и либералами, трудности, связанные с выявившимися фактами спекуляции на военных поставках, а также некоторые противоречия, возникшие между руководством доминиона и британскими властями. По свидетельству очевидцев, Бордену в этой непростой ситуации удалось сохранить хладнокровие. Он продолжал придерживаться ранее выбранной тактики отказа от поспешных действий, с одной стороны, и полного бездействия – другой.

Чем дольше шла война, тем более отчетливо оформлялась у премьер-министра концепция участия в ней Канады. В предисловии к справочнику, выпущенному правительственным департаментом сельского хозяйства в начале 1915 г., он предельно четко сформулировал свое видение сложившейся ситуации. Он заявил, что все военные приготовления, которые велись в тот момент на британских островах, были далеки от совершенства, потому что Великобритания всегда тяготела к мирному пути развития, традиционно выступая против милитаризма и содержания огромных регулярных армий. Не были исключением и автономные владения британской Короны, которые на протяжении длительного времени привыкли жить в мире и были неспособны в полной мере последовать за той волной милитаризма, которая захлестнула весь мир. Борден считал, что современная война не должна сводиться лишь к сражениям вражеских армий на поле боя. В процессе подготовки и ведения современной войны огромную роль играло снабжение воюющих армий ресурсами. Поэтому со своей стороны Канада, вместо отправки воинских контингентов на европейский континент, могла обеспечить Англию и ее союзников запасами продовольствия почти в неограниченных масштабах [8. Р. 175].

В начале февраля 1915 г., выступая на открытии очередной сессии парламента, Борден сравнил прусский милитаризм с безжалостной машиной, которая стремилась не только отобрать у союзных держав Антанты их материальные ресурсы, но и обескровить генофонд их наций. Последнюю мысль подтверждал тот факт, что государства, воевавшие в Германии, вынуждены были создавать огромные регулярные и добровольческие армии, которые несли на фронтах войны невосполнимые потери [9. Р. 20–27; 10. Р. 254]. Премьер-министр привел в пример Канаду, которая за полгода войны вынуждена была создать армию, вчетверо превышающую ту, которой командовал Веллингтон, и вдвое превосходившую общую численность войск Веллингтона и Наполеона при Ватерлоо. По данным, которыми располагал премьер, к началу 1915 г. численность добровольцев, поступивших на службу в вооруженные силы доминиона, составила 100 тыс. человек. Из них 31 тыс. находились в Англии и во Франции в составе первого контингента; 1 тыс. несли гарнизонную службу на Бермудах, почти 10 тыс. служили в составе внутренней гвардии. Кроме того, еще 50 тыс. человек, добровольно поступивших на службу,

находились в процессе обучения в канадских военно-тренировочных лагерях и не приступили к выполнению своего воинского долга [10. Р. 532; 11. Р. 2365]. Чуть больше 22 тыс. человек сформировали второй контингент, остававшийся в Канаде до тех пор, пока отряды первого контингента не были отправлены на фронт. Резервисты, пехотные батальоны и канадские конные стрелки составляли еще примерно 27 тыс. человек. В заключение своего выступления Борден заявил, что, по его мнению, представленные цифры и достигнутые результаты более чем удовлетворительны. При этом он не преминул отметить, что следует быть готовыми к тому, что общая численность войск, призванных на службу в доминионе, должна будет увеличиться до 150 тыс. человек, если война продлится до следующего года [11. Р. 2366].

Каждый новый год войны стоил Канаде в два раза дороже предыдущего. Так, если в первый год войны парламентарии одобрили сумму в размере 50 млн долл. на военные цели, то в 1915 г. эта цифра увеличилась вдвое: в конце марта 1915 г. парламент одобрил решение премьер-министра ассигновать на военные цели 100 млн долл. Изыскать деньги предлагалось правительству, в крайнем случае даже путем внешнего займа. Планировалось, что деньги будут потрачены на обеспечение безопасности Канады, проведение военных и морских операций в доминионе и за его пределами, снаряжение и отправку контингентов за границу и выполнение любых других необходимых действий [12. Р. 175–176]. В 1916 г. парламентарии единодушно высказались за необходимость ассигновать еще 250 млн долл. на ведение войны. Таким образом, совокупные расходы на военные цели, одобренные парламентом за три военных сессии (1914–1916), составили 400 млн долл. [13. Р. 507]. При этом за два первых года войны внешний долг доминиона вырос почти в два раза: с 336 до 615 млн долл. [5. Р. 35; 14. Р. 22]. В 1917 г. сумма военных расходов, предложенная правительством и одобренная парламентом, составила 500 млн долл., а внешний долг возрос до 750 млн долл. [15. Р. 43–44; 16. Р. 6].

Весной 1915 г. разгорелся скандал, связанный со спекуляцией на военных поставках. Еще в ноябре 1914 г. в письме к министру милиции Хьюзу Борден изложил правила заключения контрактов по военным поставкам. Согласно инструкции, разработанной в правительстве, при заключении военных контрактов департамент милиции не имел права пользоваться услугами третьих лиц. Военному руководству доминиона предписывалось заключать контракты напрямую с производителями, чтобы избежать комиссионных выплат посредникам и любого другого увеличения стоимости продукции. Хьюз в ответном письме сообщил, что полностью согласен с такой постановкой вопроса. К весне 1915 г. общественная комиссия, проверявшая сделки по военным поставкам на общую сумму 50 млн долл. [17. Р. 19], обнародовала отчет, в котором было выявлено несколько случаев откровенной спекуляции. 15 апреля доклад комиссии был обсужден в Палате общин парламента [11. Р. 2605–2619], откуда дискуссии и критика распространились по всей стране.

Первый выявленный случай спекуляций получил наименование «инцидент мистера Пауэлла» по имени молодого человека, служившего в фармацевтической компании в Оттаве. Владелец фирмы Гарланд не только разрешил, но и оказывал всяческое содействие своему служащему, выступившему посредником при заключении контракта с правительством на поставку лекарственных средств для армии. За несколько недель сотрудничества с департаментом милиции они получили комиссионное вознаграждение в размере 9 тыс. долл. [11. Р. 2605; 17. Р. 7–8]. Другой случай был связан с поставкой А. де Витт Фостером нескольких тысяч лошадей для правительства на сумму 73 тыс. долл. без предоставления отчетной документации [11. Р. 2606 – 2609, 2619; 18. Р. 8–11]. Третий случай спекуляции был выявлен в ходе обеспечения канадской армии биноклями, когда обнаружилась переплата на сумму 3 тыс. долл. [18. Р. 15–16]. Оба замешанных в спекуляции дельца (Гарланд и Фостер) при ближайшем рассмотрении оказались членами парламента от консервативной партии. По итогам разбирательств оба дельца-парламентария были отправлены в отставку, а премьер-министр решил создать специальную комиссию, которая должна была следить за целевым использованием всех денежных средств, выделяемых парламентом на военные цели. Борден сообщил, что все незаконные и чрезмерные доходы, выявленные комиссией впредь, должны изыматься у спекулянтов и направляться на общественные нужды [11. Р. 2617].

Примерно в то же самое время в парламенте начала активно обсуждаться проблема предоставления солдатам, сражавшимся на фронте, избирательных прав в случае проведения всеобщих выборов. Вопрос стоял достаточно остро, учитывая тот факт, что срок полномочий действовавшего парламента истекал в октябре 1916 г. Следует отметить, что принцип предоставления избирательных прав солдатам, сражавшимся на фронте, уже успешно применялся в Новой Зеландии. В Канаде соответствующий законопроект, подробно описывавший механизм проведения голосования канадских добровольцев, был разработан министром юстиции Чальзом Дохерти и представлен Палате общин в апреле 1915 г. Министр в своих речах, сопровождавших все три чтения, неоднократно высказывал мысль о том, что принятие этого закона позволит канадцам, находившимся на имперской службе, в полной мере реализовать свое гражданское право [11. Р. 2195–2258]. По данным сенатора Джеймса Лохида, к этому времени в Европе находились как минимум 40 тыс. канадских солдат, которые могли стать полноправными избирателями на следующих всеобщих выборах [19. Р. 445].

В соответствии с предложенной схемой в Канаде появилась новая категория лиц, наделенная правом участвовать в федеральных выборах, – военные избиратели. Статус военного избирателя получал каждый доброволец, достигший 21 года, имевший британское подданство и поступивший на военную службу. Его голос причислялся к тому избирательному округу, где он проживал в течение шести месяцев перед зачислением на службу [12. Р. 165]. В тексте подробно описы-

валась процедура проведения голосования солдат, находившихся в Европе, в военно-тренировочных лагерях на территории Канады, в рядах домашней гвардии. Общая схема за исключением некоторых несущественных деталей выглядела следующим образом. Каждый доброволец в ходе голосования должен был заполнить два документа: избирательный бюллетень и сертификат об участии в голосовании. Раздача бюллетеней в день голосования была поручена офицерам. Они должны были распространить их среди солдат, находившихся в их непосредственном подчинении. Каждому солдату следовало заполнить свой бюллетень в присутствии уполномоченного офицера. При этом офицерам не разрешалось интересоваться тем, за кого голосовали их подчиненные, т.е. гарантировалась тайна волеизъявления. Вместе с бюллетенем каждый солдат должен был заполнить сертификат об участии в голосовании, где указывались личные данные: фамилия и имя, профессия и должность, которую он занимал перед поступлением на службу, адрес избирательного участка, где он обычно голосовал. Заполненные сертификаты подписывали офицеры в знак подтверждения предоставленных данных. Далее они вкладывали заполненные документы в конверты и отправляли их по почте секретарю Королевской канцелярии [Ibid. Р. 166–169, 174]. После назначения выборов бюллетени и сертификаты планировалось отпечатать в нужном количестве и разослать командующим всех военно-тренировочных лагерей, офицерам, командовавшим канадскими отрядами на Бермудах, и Верховному комиссару в Лондоне Джорджу Перли для солдат, находившихся в Европе.

В ходе обсуждения законопроекта либералы отказались поддержать саму идею наделения избирательными правами солдат. Лидер либеральной оппозиции в парламенте Уилфрид Лорье привел несколько весомых аргументов в пользу своей точки зрения. Он заявил, что к данной инициативе должна применяться расширительная трактовка, согласно которой в случае наделения избирательными правами солдат в Канаде будет создан законодательный прецедент. Согласно этому правительству вынуждено будет даровать избирательные права тем, кто по предвоенному канадскому избирательному закону не мог участвовать в выборах. В качестве примера он привел тысячи американцев (по статистике к маю 1917 г. их было 9 тыс. человек), которые после вступления Канады в войну массово пересекали границу и вступали в ряды канадских экспедиционных сил, поскольку на родине у них не было такой возможности [20. Р. 1540]. Согласно предложенной схеме, канадское правительство должно было наделить их избирательными правами и таким образом допустить к участию в управлении страной. Однако это противоречило конституционному закону, в соответствии с которым в политической жизни доминиона могли участвовать только подданные Короля. Между тем проблема была не столь глубока, как могло показаться на первый взгляд. По данным, представленным Борденом в Имперском военном кабинете, большинство из упомянутых выше американцев являлись канадцами по рождению [21. Р. 2].

Еще один немаловажный аргумент касался возрастного ценза. По закону, действовавшему до войны, избирательными правами наделялись лица, достигшие 21 года, в то время как в составе канадских экспедиционных сил сражались сотни мальчишек от 16 до 20 лет. Лорье также акцентировал внимание на том, что за несколько дней до этого парламентарии в ходе обсуждения поправок к избирательному закону отказались наделить избирательными правами железнодорожных служащих (кондукторов, пожарных, строителей и др.). Почему, вопрошал опытный либерал, депутаты пытаются наделить солдат привилегиями, которых нет у простых граждан? По его мнению, люди, копавшие траншеи для прокладки железнодорожного полотна, имели такие же права, как и люди, копавшие окопы во Франции. Наконец, в Европе канадскими солдатами командовали преимущественно британские офицеры, и обязанности наблюдать за ходом голосования возлагалась именно на них, что, с точки зрения либерального лидера, было неконституционно [11. Р. 2206–2210]. В итоге в третьем чтении законопроекта либералы выдвинули поправку, требуя создать специальную комиссию, чтобы детализировать инструкции для проведения такого голосования. Однако данное предложение было отвергнуто большинством голосов, а правительственный законопроект 5 мая 1915 г. получил статус закона [12. Р. 377–378]. Спустя три дня он был опубликован в официальном печатном органе «Канадиен Газетт» [22. Р. 1].

Лето 1915 г. канадский премьер провел в Европе, пытаясь выработать общую военную политику с новым британским коалиционным правительством. Борден отплыл в Англию 30 июня 1915 г. на пароходе «Белая звезда Адриатики» с четырьмя сотнями других пассажиров и большим грузом военного снаряжения. Среди политического руководства доминиона и широкой канадской общественности предстоящее плавание вызывало тревогу за безопасность пассажиров парохода в свете событий, произошедших с британским лайнером «Лузитания» в ирландских водах несколькими неделями ранее [23. Р. 29]. Несмотря на существование потенциальной угрозы со стороны немецких субмарин, спустя неделю судно благополучно прибыло в английский порт. Уже на следующий день после прибытия Борден произнес речь, в которой обещал полную поддержку метрополии в ведении войны до победного конца [8. Р. 178].

У канадского премьер-министра была запланирована насыщенная программа визита. Прежде всего он намеревался обсудить с лордами британского Адмиралтейства вопрос о транспортировке будущего канадского урожая, так как почти весь канадский пароходный флот был задействован в осуществлении военных перевозок. Однако сразу же после прибытия в Лондон он понял, что решить этот вопрос будет непросто. Дело в том, что огромный тоннаж британского флота, прежде доступный для перевозки океанских грузов, был полностью задействован в транспортировке военных отрядов в разные точки европейского континента (Дарданеллы, Францию, из доминионов на британские острова). Часть флота была занята перевозкой амуни-

ции и другого армейского снаряжения, лошадей, фуража и продовольствия для солдат [Ibid].

На многочисленных приемах Борден в неформальной обстановке общался со многими известными политическими и военными деятелями метрополии – Горацио Китченером, Уинстоном Черчиллем, Остином Чемберленом и др. В разговоре с канадским премьером британский министр по делам колоний Эндрю Бонар Лоу без обиняков сообщил о том, что, если метрополия предоставит доминиону голос во внешней политике, в будущем она ожидает увеличения канадских расходов на ведение войны. В свою очередь, Борден настаивал, чтобы при расчете «груза ответственности» учитывались численность населения и уровень его благосостояния, а также внутренние потребности страны [Ibid. Р. 179]. Из разговора с военным министром Китченером Борден сделал вывод, что война будет продолжаться длительное время [24. Р. 678]. Поэтому он поспешил обсудить вопросы, связанные с возможностью производства в Канаде военной техники и других видов вооружения.

13 июля канадский премьер был принят королем в Букингемском дворце. Между ними состоялся продолжительный разговор, в ходе которого обсуждались детали ведения войны [25. Р. 5]. В этот же день он присутствовал на заседании Палаты общин британского парламента, где высоко оценил отвагу британских, новозеландских и австралийских отрядов на фронте [10. Р. 234]. На следующий день произошло уникальное для британской и имперской истории событие: Даунинг Стрит объявила, что по приглашению британского премьер-министра сэр Роберт Борден посетит заседание британского Военного кабинета. Это простое сообщение получило большой общественный резонанс, и английская пресса расценила его как поворот в имперской политике. «Это признак того, писала «Лондон Хроникл», что война не оставит слабосвязанную британскую имперскую систему в ее настоящей форме... Статус доминионов как отдельных наций получит полное признание и в то же самое время сделает имперские связи более определенными». «Возможно, это значит, что не за горами время, когда у представителей доминионов будут постоянные места в имперском кабинете...» – вторила ей «Лондон Экспресс». Некоторые британские газеты расценили приглашение канадского премьера на заседание британского кабинета как подтверждение принципов имперской интеграции. «Вчерашнее событие, – сообщала «Лондон Дэйли Мейл», – на шаг приблизило создание политической имперской федерации. Военная федерация уже существует на поле боя». Более откровенна была «Лондон Дэйли Телеграф», расценившая присутствие Бордена на заседании кабинета как коренную ломку в теории и практике управления империей, которая просуществовала полтора века. «Это также означает, – продолжала газета, – коренную ломку конституционных отношений между Великобританией и доминионами» [8. Р. 179]. В канадской же прессе появились осторожные высказывания о том, что участие Бордена в работе британского правительства является прецедентом и знаменует собой трансформацию империи

в британское Содружество наций, так как доминион получил право участвовать в разработке имперской политики [26. Р. 6; 27. Р. 2; 28. Р. 6]. Подходящим выводом этим комментариям стало заявление замминистра по делам колоний Артура Стил-Мэйтленда, которое он сделал спустя неделю: «Это – намерение посвятить ответственных министров заграничных государств империи в правительственные дела, которые могут возникнуть не только в ходе войны, но и в процессе заключения мира. Эта та причина, по которой премьер-министр Канады Борден был приглашен на заседание кабинета. Этот шаг был продиктован естественным ходом событий» [29. Р. 1562].

Все остальное время премьера было заполнено политическими и общественными мероприятиями. Вместе с генералом Хьюзом он инспектировал канадские отряды, посещал раненых в госпиталях [30. Р. 3]. 20 июля на эскадренном миноносце он пересек Ла-Манш и высадился во Франции. По свидетельствам современников, на французской земле Борден «инспектировал канадские госпитали, жал руки раненым солдатам и произносил слова ободрения» [10. Р. 234–236]. Он побывал в военно-тренировочных лагерях, где располагались канадские отряды, встречался с командующим канадскими войсками генералом Эдвином Элдерсоном, британским генералом Джоном Фрэнчем, принцем Уэльским, французским генералом Жозефом Жоффром, президентом Раймоном Пуанкаре. После недели, проведенной на фронте, 27 июля Борден вернулся в Лондон. Позднее он скажет, что в ходе поездки на фронт он получил самый ценный опыт в своей жизни [31. Р. 35].

29 июля, по возвращении в Лондон, премьеру была устроена торжественная встреча. Возле ратуши его встречали толпы народа, в самом здании его приветствовал мэр Лондона, одетый в торжественное красное одеяние. На встречу в Бордене собрались видные английские политики и представители церкви: Герберт Генри Асквит, Эндрю Бонар Лоу, Остин Чемберлен, архиепископ Кентерберийский, епископ Лондонский и др. [32. Р. 6]. Многие расценили, что такая честь главе канадского правительства была оказана в знак благодарности за усилия, предпринимаемые канадским правительством для участия в войне. В своей ответной речи Борден говорил о войне, об империи и мировой цивилизации, о свободе и демократии, о героизме канадских солдат во Франции и их решимости идти до конца. В последние дни своего визита Борден открыл «Клуб кленового листа» в Лондоне, посетил мемориал Св. Павла и лондонскую оперу. 2 сентября 1915 г. пароход с канадской делегацией на борту прибыл в Нью-Йорк, а на следующий день 100-тысячная толпа людей встречала премьера в Монреале, где он сразу же произнес речь, в которой поделился общими впечатлениями о поездке [33. Р. 3].

После возвращения из Европы к Бордену обратились министры федерального правительства с требованием отправить в отставку действующего главу департамента милиции. Сэм Хьюз действительно был довольно эксцентричным министром, политиком и человеком. По свидетельству современников и био-

графов, для него были характерны эмоциональная неустойчивость, несдержанность, заносчивость, вызывающее поведение, отсутствие такта и крайняя степень тщеславия [10. Р. 463]. Вопрос о его отставке регулярно ставился на повестку дня начиная с момента назначения в 1911 г. Но Борден всегда вставал на защиту Хьюза, считая его преданным, целеустремленным и инициативным консервативным. Однако нападки на министра не прекратились и после начала войны, хотя именно в условиях военного времени могли пригодиться его лучшие качества: энергичность, решительность, уверенность в своих силах. Сенатор Лохид, руководивший департаментом в отсутствие Хьюза, заявил, что он был неспособным администратором. Министры, его подчиненные, рядовые политики и военные жаловались премьеру на бесцеремонное обращение со стороны Хьюза. Между тем Борден отказался принимать решение о смене военного министра в разгар военной кампании лишь на основании личной неприязни некоторых членов кабинета. Он решил повременить, тем более что на горизонте вырисовывалась более серьезная проблема, и связана она была не с милицией, а с канадским флотом, вернее, его отсутствием. В конце сентября 1915 г. Борден заявил, что когда эскадра немецкого вице-адмирала фон Шпее одержала победу на юге Тихого океана, Британская Колумбия находилась под угрозой осады. Все, чем Канада могла защитить свою территорию, – это одно японское судно, один британский крейсер, один канадский учебный корабль и две субмарины. Премьер говорил, что британский флот обеспечивал безопасность Канады, и если бы контроль над океанскими маршрутами перешел от Британии к Германии, Канаду бы постигла судьба Бельгии. В обмен на безопасность Канада должна помочь метрополии, отправив на фронт как можно больше солдат [8. Р. 184].

В конце декабря 1915 г. в новогоднем обращении к нации Борден сообщил о том, что ввиду настоятельной потребности союзников в подкреплении он принял решение увеличить количество солдат для отправки на фронт до 500 тыс. человек [34. Р. 685–686; 35. Р. 25]. После обнародования этого сообщения премьер-министр оказался «на линии огня», а критика консервативного правительства в этот период достигла наивысшего предела. Одни критиковали Бордена за то, что комплектование армии шло слишком медленными темпами, другие, наоборот, – за то, что слишком большой отток людей наблюдался в сфере производства. Департамент милиции требовал от правительства более активных действий по увеличению армии, в то время как промышленники и фермеры выступали против чрезмерной военной активности из-за недостатка рабочих рук.

Между тем за пределами Канады популярность Бордена как способного политика только росла. Президент Франции Раймон Пуанкаре наградил премьера орденом Почетного легиона [36. Р. 908], а король Бельгии – большой орденой лентой Леопольда. Нью-йоркский юридический клуб, членами которого были выдающиеся политические и общественные деятели США, сделал Бордена своим почетным и пожиз-

ненным членом [37. Р. 5]. Канадское географическое общество назвало в честь премьера гору на побережье. Партийная газета «Торонто Дейли Ньюс» заявила, что Борден обладал личными качествами, которые делали его похожим на Авраама Линкольна. Ему были чужды мелочное тщеславие и эгоистические амбиции, но были присущи истинный патриотизм, бесконечное терпение, твердая убедительность [38. Р. 246].

Еще в конце 1915 г. в среде консерваторов стал активно обсуждаться вопрос о продлении срока полномочий действовавшего парламента, так как, по их мнению, проводить всеобщие выборы в условиях военного времени было нецелесообразно. В ноябре 1915 г. Борден написал лидеру оппозиции письмо, в котором просил поддержать инициативу консервативного правительства в этом вопросе. Премьер-министр предлагал отказаться от проведения всеобщих выборов в военное время и продлить срок полномочий действовавшего парламента на год. Он призывал провести всеобщие выборы после заключения мира и возвращения всех канадских солдат домой [10. Р. 240–241]. В соответствии с этим планом никаких серьезных политических перестановок не предполагалось, обе партии должны были сохранить прежние места в правительстве и парламенте. Лорье ответил согласием на предложение премьера, однако заметил, что в будущем хотел бы заранее получать информацию обо всех законодательных инициативах правительства, особенно таких важных [Ibid. Р. 241–242].

В середине января 1916 г., когда началась очередная сессия парламента, генерал-губернатор напомнил депутатам о том, что срок полномочий действующего парламента истекает осенью, и нужно решать вопрос о назначении новых выборов. При этом герцог Коннаутский четко определил свою личную позицию по этому вопросу, заявив, что проводить всеобщие выборы в военной обстановке нельзя. Премьер-министр Борден предложил «автоматически» продлить срок деятельности парламента на один год. Либералы выступили за то, чтобы продлить полномочия парламента на более длительный срок: пока не пройдет один год после заключения мира. На тот же период следовало запланировать проведение всеобщих выборов, чтобы дать возможность солдатам вернуться домой с фронта [35. Р. 97]. Канадская пресса также единодушно высказывалась против проведения парламентских выборов в военное время, мотивируя это тем, что в Англии и других доминионах (Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке) власти придерживались сходной позиции [Ibid. Р. 215–217].

В начале февраля 1916 г. все эти предложения были внесены в Палату общин, где единодушно была поддержана инициатива правительства. В результате было подготовлено обращение к Королю о продлении полномочий парламента сроком на один год – до 7 октября 1917 г. [Ibid. Р. 622]. После этого законопроект был передан в Сенат, где встретил серьезную критику, но, несмотря на это, был принят большинством голосов. Так, 10 февраля 1916 г. сенатор из Монреаля Лоран-Оливье Давид сформулировал семь возражений, которые, по его мнению, следовало бы

принять во внимание при окончательном решении данного вопроса. Во-первых, продление срока полномочий действовавшего парламента было грубым нарушением «буквы и духа федерального закона», где говорилось о пятилетнем сроке независимо от обстоятельств. Во-вторых, вмешательство имперских властей в решение такого важного внутривластного вопроса могло повлечь за собой потерю доминионом автономии во внутренних делах. В-третьих, нельзя было установить конкретную дату прекращения военных действий, следовательно, невозможно зафиксировать дату окончания «периода продления». В-четвертых, если в течение предложенного правительством срока военные действия не прекратятся, канадцы должны будут вновь и вновь обращаться к имперским властям за санкцией на продление. При этом может пройти несколько лет, прежде чем мирный договор будет подписан. В-пятых, нельзя было предсказать дальнейший сценарий развития событий, и могло оказаться, что «сейчас является более подходящим временем для проведения выборов, чем через год». В-шестых, канадская конституция даровала населению право каждые пять лет «выносить приговор» своим представителям, а продление полномочий парламента лишало их этого права. Наконец, продление полномочий парламента лишало будущего представительства в нем тех провинций и партий, которые не прошли в него по результатам последних выборов [13. Р. 57–58]. Эти возражения поддержал еще один сенатор из Монреаля – Анри Кларан, заметив, что продление полномочий парламента на 12 месяцев фактически означало, что нынешнее правительство останется у власти еще как минимум на два года. Он объяснил это тем, что по действовавшей конституции премьер-министр имел право назначить очередные выборы не сразу после истечения срока полномочий представительного учреждения, а в течение года [Ibid. Р. 544]. Этим правом, по мнению сенатора, консервативное правительство обязательно воспользуется и останется у власти до октября 1918 г.

В 1916 г. премьеру нанесли визит несколько депутатов. В конце января его посетила делегация представителей провинций, ратовавших за введение сухого закона. Они требовали, чтобы правительство приняло федеральный закон, запрещающий продажу спиртных напитков на всей территории Канады, на что премьер ответил, что «введение закона в силу – это одно дело, а его реализация совсем другое» [23. Р. 50]. Здесь он имел в виду тот факт, что не все провинции выступали в поддержку такой меры. Например, в провинции Новая Шотландия существовала своя точка зрения по этому вопросу, и спиртные напитки там продавались открыто. В результате было принято решение передать рассмотрение вопроса о введении «сухого закона» на провинциальный уровень. В середине апреля премьера посетила делегация представителей 47 рекрутских лиг Канады с предложением ввести некую форму принуждения при наборе на службу, чтобы выполнить квоту в полмиллиона человек. Представленный вниманию Бордена план предусматривал четырехступенчатую схему его реализации. На первом этапе планировалось

провести обязательную перепись всего мужского населения, начиная с 18-летнего возраста, с указанием их семейного положения. Далее предлагалось разделить всех мужчин на группы по критерию их профессиональной занятости. На третьем этапе необходимо было определить, в каких отраслях промышленности существовал дефицит рабочей силы. Наконец, направить в эти отрасли недостающее количество рабочих, а остальных после проведения соответствующего медицинского освидетельствования зачислить в канадские экспедиционные силы [13. Р. 411]. Министр отказался передать этот план на рассмотрение в парламент, сообщив делегатам, что пока добровольцы поступали на службу примерно по тысяче человек в день, не было необходимости вводить какую-либо форму принуждения. С целью минимизации экономических потерь в связи с отъездом большого количества рабочих-добровольцев на фронт, премьер посоветовал отпускать в армию только тех рабочих, без которых предприятия легко могли обойтись [23. Р. 62].

В последние четыре месяца 1916 г. Борден вновь столкнулся со значительными трудностями, связанными с комплектованием армии: снижение показателей добровольного набора сочеталось с все возрастающим спросом на рабочие руки в сфере промышленности и транспорта. Для решения этих проблем глава правительства решил совершить тур по провинциальным столицам, лично призывая население поступать в армию [39; 40. Р. 7]. В конце года премьер подвел некие промежуточные итоги участия Канады в войне. По его данным, с начала войны до конца 1916 г. на службу поступили около 400 тыс. человек, в оборонном секторе производства работали примерно 300 тыс. человек [41. Р. 492]. Всего на фронте к концу года находились 110 тыс. канадцев. При этом в Европу за 1916 г. были отправлены 165 тыс. человек, 30 полевых карет скорой помощи, 7 мобильных и 9 стационарных госпиталей [35. Р. 62; 38. Р. 252–253]. Общий объем финансовых средств, переданных в Великобританию на приобретение снаряжения для канадских отрядов, составил 175 млн долл. [14. Р. 63].

19 января 1917 г. открылась очередная сессия парламента, где важнейшим вопросом повестки дня стало назначение новых выборов. Борден заявил, что правительство намерено продлить полномочия парламента еще на один год (до октября 1918 г.) с целью избежать военных выборов. Канада в этом отношении стремилась действовать по примеру Англии и Франции, где власти единодушно отказались проводить выборы в военное время, а затем почти единогласно приняли решение о продлении срока действовавших парламента. Борден отправил соответствующее обращение королю, надеясь на благоприятный ответ. Он также сообщил парламентариям о том, что британские власти пригласили премьер-министров всех доминионов участвовать в заседаниях британского Военного кабинета и Имперской военной конференции, намеченных на февраль текущего года [42. Р. 227–229]. Эта новость была с энтузиазмом встречена в канадских политических кругах: приглашение Канады в имперские органы было воспринято не иначе как поворот имперской по-

литики в сторону децентрализации управления империей в пользу самоуправляющихся владений Короны.

В ходе дебатов лидер оппозиции в парламенте Лорье раскритиковал консервативное правительство, обвинив его в непоследовательности намерений и действий в процессе реализации военного курса. В частном порядке он согласился на перерыв в работе парламента, чтобы Борден мог участвовать в работе имперской конференции. Между тем опытный либерал недоумевал, как лидер канадской нации мог стать членом британского военного правительства, не будучи членом британского парламента. Критика либералов способствовала падению авторитета и популярности правительства, что, в свою очередь, привело к росту количества либералов в стране и в парламенте. Так, к 1917 г. либералы контролировали 336 мест в парламенте против 180 консервативных мандатов [41. Р. 492]. В стране росло движение за создание коалиционного правительства, где либералы имели бы право голоса. В партийных дебатах лидер оппозиции придерживался традиционной тактики: он выступал против продления полномочий парламента и настаивал на проведении всеобщих выборов. Изменение своей позиции в отношении военных выборов он объяснил тем, что за последний год обстоятельства сильно изменились: в парламенте появилось 20 вакансий, над страной нависла реальная угроза конскрипции, а референдум по этому вопросу был отвергнут правительством [42. Р. 330].

В результате голосования мнения депутатов разделились: за резолюцию премьера проголосовали 82 депутата, против – 62 [Ibid]. Узнав о таком распределении голосов, Борден заявил, что ввиду того, что его резолюция не получила единодушного одобрения, он отказывается ее реализовывать. «Торонто Глоуб» назвала сложившуюся ситуацию политическим тупиком: «...продление полномочий существующего парламента с политической точки зрения означало продление полномочий действующего правительства без изменения его состава и методов работы» [Ibid]. Однако либералы требовали изменить сложившуюся расстановку сил путем создания коалиции. 17 июля 1917 г. правительство официально выдвинуло предложение о продлении срока полномочий парламента до 7 октября 1918 г. [Ibid. Р. 329] Лорье отказался поддерживать эту инициативу. Другие либералы предложили вернуться к обсуждению этого вопроса после вступления в силу закона об обязательной воинской повинности от 29 августа 1917 г. Точку в споре поставило британское правительство, объявившее, что предложение премьера могло быть утверждено только при единодушной поддержке членов парламента.

Таким образом, в годы войны политика консервативного правительства Роберта Боргена была нацелена на реализацию идеи имперской интеграции при активном участии Канады в войне на стороне союзников. Премьер-министр относился к участию в войне как к неизбежной необходимости, считая, что Канада должна с честью выполнить свой имперский долг. Под воздействием такой установки он пытался руководить страной, сохраняя спокойствие и собранность, концентрируя свои действия на одной цели – оказании союз-

никам максимальной помощи для достижения победы в войне. Это было непросто, поскольку на Бордена и его министров оказывали давление два противоположных фактора: с одной стороны – требования британских властей отправить на фронт как можно больше добровольцев, с другой стороны – позиция канадского общества, которое не хотело быть вовлеченным в «водоворот европейского милитаризма». В таких обстоятельствах Борден проявил себя как принципиальный политик и способный администратор. Понимая, что дальнейшее участие Канады в войне зависело от того, останутся консерваторы у власти или нет, он провел закон о продлении срока полномочий действо-

вавшего парламента и наделил избирательными правами солдат. В целом политика канадского премьер-министра в годы войны строилась на основе тесного имперского сотрудничества. За четыре года войны он предпринял несколько поездок на континент и присутствовал на заседаниях имперских органов, решая стратегические вопросы участия доминиона в войне. Его деятельность концентрировалась вокруг формирования и отправки канадских экспедиционных сил в Европу. Тот вклад, который Канада внесла в победу союзников, являлся общей заслугой всего канадского народа и консервативного правительства Роберта Бордена.

Список источников

1. The Canadian Annual Review, War Series, 1914 / ed. by J. Castell Hopkins. Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. Vol. 14. 803 p.
2. Hopkins J.C. Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, 1914–1918. Toronto : Canadian Annual Review, 1919. 448 p.
3. Borden R.L. Canada at War, Special Session of the Dominion Parliament, August 1914. Speech by Right. Honorable Sir Robert Laird Borden. Ottawa, [s.n.]. 30 p.
4. Tucker G.N. The Naval Service of Canada, its Official History. Ottawa : King's Printer, 1952. Vols. 1, 2. 582 p.
5. Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations. Toronto : United Publishers of Canada, 1917. Vol. 2. 374 p.
6. Common Sitting of 19 August 1914. Canada, House of Commons Debates, 12th Parliament, 4th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1914. Vol. 1 (Vol. CXVIII).
7. Sir Robert Borden Says Canada // Dundee Courier. 1914. December 7th.
8. The Canadian Annual Review, War Series, 1915 / ed. by J.C. Hopkins. Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. Vol. 15. 880 p.
9. Common Sitting of 8 February 1915. Canada, House of Commons Debates, 12th Parliament, 5th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1915. Vol. 1 (Vol. CXIX).
10. Robert Laird Borden: His Memories / ed. by H. Borden. Toronto : The Macmillan Company of Canada, 1938, Vols. 1, 2. 1061 p.
11. Common Sitting of 10 April 1915. Canada, House of Commons Debates, 12th Parliament, 5th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1915. Vol. 3 (Vol. CXXI).
12. Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents relating to the European War, compiled by the Department of the Secretary of State of Canada, First Supplement. Ottawa : Government Printing Bureau, 1915. 574 p.
13. Lords Sitting of 10 May 1916. Canada. Senate Debates, 12th Parliament, 6th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1916. Vol. 1.
14. Canada's Part in the Great War. Ottawa : Department of Public Information, 1919. 64 p.
15. Lords Sitting of 7 February 1917. Canada. Senate Debates, 12th Parliament, 7th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1917. Vol. 1.
16. Sir Robert Borden, Premier // Western Daily Press. 1917. January 30th.
17. Borden R.L. Political Dishonesty denounced by Sir Robert Borden. Epoch-Making Speech by the Prime Minister in the House of Commons of 15 April, 1915. Ottawa : The Federal Press Agency, 1915. 34 p.
18. War Scandals of the Borden Government as told in the House of Commons and sworn to before the Public Accounts and other Committees : Publication No. 47. Ottawa : The Central Liberal Information Office, [s.n.]. 32 p.
19. Lords Sitting of 14 April 1915. Canada. Senate Debates, 12th Parliament, 5th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1915. Vol. 1.
20. Common Sitting of 18 May 1917. Canada, House of Commons Debates, 12th Parliament, 7th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1915. Vol. 3 (Vol. CXXVII).
21. Imperial War Cabinet 1917, Minutes of Meetings № 1–14, March 20th – May 2nd 1917. London : Printed at the Foreign Office by C.R. Harrison, 1917. 107 p.
22. Proclamation, Extra // The Canada Gazette. 1915. May 8th.
23. Brown R.C. Robert Laird Borden: a Biography. Toronto : Macmillan of Canada, 1980. Vol. 2: 1914–1937. 256 p.
24. Wade M. The French-Canadians (1760–1945). New-York : The Macmillan Company, 1955. 1136 p.
25. Lord Fisher and Sir Robert Borden were received the King to-day // Manchester Evening News. 1915. July 13th.
26. An Imperial Commonwealth // The Alderson News. 1915. September 30th.
27. An Imperial Commonwealth // Blairmore Enterprise. 1915. October 15th.
28. An Imperial Commonwealth // Chinook Advance. 1915. October 7th.
29. Commons Sitting of 21 July, 1915, Great Britain, House of Commons, Official Hansard, Orders of the Day, Series 5. Vol. 73.
30. Sir Robert Borden at Shorncliffe // Western Daily Press. 1915. July 19th.
31. Borden R.L. The War and the Future, Being a Narrative Compiled From Speeches Delivered At Various Periods Of the War In Canada, The United States And Great Britain. London : Hodder and Stoughton, 1917. 164 p.
32. Sir Robert Borden. Freedom London Presented // Western Daily Press. 1915. July 30th.
33. Sir Robert Borden Welcomed Bove // Staffordshire Sentinel. 1915. September 4th.
34. The Canada Year Book 1915. Ottawa : Sensus and Statistic Office, 1916. 707 p.
35. Common Sitting of 17 January, 1916. Canada. Debates, House of Commons, 12th Parliament, 6th Session. Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1916. Vol. 1 (Vol. CXXII).
36. Copies of Proclamations, Orders-in-Council and Documents Relating to the European War, Second Supplement. Ottawa : Government Printing Bureau, 1916. P. 350–1050.
37. American Compliment to Sir Robert Borden // The Scotsman. 1916. February 23rd.
38. The Canadian Annual Review, War Series, 1916 / ed. by J.C. Hopkins. Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. Vol. 16. 929 p.
39. Borden R.L. Canada at War : a Speech delivered by Sir Robert Borden before the Lawyers' Club, at New York City, November 18th 1916. New York City, [s.n.]. 9 p.
40. Appeal to United States Lawyers // The Scotsman. 1916. November 20th.
41. Skelton O.D. Life and Letters of Sir Wilfred Laurier. Toronto : Oxford University Press, 1921. Vol. 1, 2. 557 p.
42. The Canadian Annual Review, War Series, 1917 / ed. by J.C. Hopkins. Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. Vol. 17. 949 p.

References

1. Hopkins, J.C. (ed.) (1918a) *The Canadian Annual Review, War Series, 1914*. Vol. 14. Toronto: Canadian Annual Review Limited.
2. Hopkins, J.C. (1919) *Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, 1914–1918*. Toronto: Canadian Annual Review.
3. Borden, R.L. (1914) *Canada at War*. Special Session of the Dominion Parliament, August 1914. Speech by Rt. Honorable Sir Robert Laird Borden. Ottawa: [s.n.].
4. Tucker, G.N. (1952) *The Naval Service of Canada, its Official History*. Ottawa: King's Printer.
5. Anon. (1917) *Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations*. Vol. 2. Toronto: United Publishers of Canada.
6. Canada. (1914) *House of Commons Debates. 12th Parliament, 4th Session, Common Sitting of 19 August 1914*. Vol. 1 (Vol. CXVIII). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 2–22.
7. *Dundee Courier*. (1914) Sir Robert Borden Says Canada. 7th December.
8. Hopkins, J.C. (ed.) (1918b) *The Canadian Annual Review, War Series, 1915*. Vol. 15. Toronto: Canadian Annual Review Limited.
9. Canada. (1915a) *House of Commons Debates. 12th Parliament, 5th Session, Common Sitting of 8 February 1915*. Vol. 1 (Vol. CXIX). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 2–41.
10. Borden, H. (ed.) (1938) *Robert Laird Borden: His Memories*. Vols. 1–2. Toronto: The Macmillan Company of Canada.
11. Canada. (1915b) *House of Commons Debates. 12th Parliament, 5th Session, Common Sitting of 10 April 1915*. Vol. 3 (Vol. CXXI). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 2324–2372.
12. Department of the Secretary of State of Canada. (1915) *Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents relating to the European War*. First Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau.
13. Canada. (1916a) *Senate Debates. 12th Parliament, 6th Session, Lords Sitting of 10 May 1916*. Vol. 1. Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 490–509.
14. Canada. (1919) *Canada's Part in the Great War*. Ottawa: Department of Public Information.
15. Canada. (1917a) *Senate Debates. 12th Parliament, 7th Session, Lords Sitting of 7 February 1917*. Vol. 1. Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 39–51.
16. *Western Daily Press*. (1917) Sir Robert Borden, Premier. 30th January.
17. Borden, R.L. (1915) *Political Dishonesty denounced by Sir Robert Borden. Epoch-Making Speech by the Prime Minister in the House of Commons of 15 April, 1915*. Ottawa: The Federal Press Agency.
18. Canada. (n.d.) *War Scandals of the Borden Government as told in the House of Commons and sworn to before the Public Accounts and other Committees*. Pub. No. 47. Ottawa: The Central Liberal Information Office.
19. Canada. (1915c) *Senate Debates. 12th Parliament, 5th Session, Lords Sitting of 14 April 1915*. Vol. 1. Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 442–453.
20. Canada. (1915d) *House of Commons Debates. 12th Parliament, 7th Session, Common Sitting of 18 May 1917*. Vol. 3 (Vol. CXXVII). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 1523–1568.
21. Canada. (1917b) *Imperial War Cabinet 1917, Minutes of Meetings № 1–14, March 20 – May 2, 1917*. London: Printed at the Foreign Office by C.R. Harrison.
22. *The Canada Gazette*. (1915) Proclamation, Extra. 8th May.
23. Brown, R.C. (1980) *Robert Laird Borden: a Biography*. Vol. 2. Toronto: Macmillan of Canada.
24. Wade, M. (1955) *The French-Canadians (1760–1945)*. New York: The Macmillan Company.
25. *Manchester Evening News*. (1915) Lord Fisher and Sir Robert Borden were received the King to-day. 13th July.
26. *The Alderson News*. (1915) An Imperial Commonwealth. 30th September.
27. *Blairmore Enterprise*. (1915) An Imperial Commonwealth. 15th October.
28. *Chinook Advance*. (1915) An Imperial Commonwealth. 7th October.
29. Great Britain. (1915) *Great Britain, House of Commons, Official Hansard, Commons Sitting of 21 July, 1915. Orders of the Day*. Series 5. Vol. 73. pp. 1512–1563.
30. *Western Daily Press*. (1915a) Sir Robert Borden at Shorncliffe. 19th July.
31. Borden, R.L. (1917) *The War and the Future, Being a Narrative Compiled From Speeches Delivered At Various Periods Of the War In Canada, The United States and Great Britain*. London: Hodder and Stoughton.
32. *Western Daily Press*. (1915b) Sir Robert Borden. Freedom London Presented. 30 July.
33. *Staffordshire Sentinel*. (1915) Sir Robert Borden Welcomed Bove. 4th September.
34. Canada. (1916b) *The Canada Year Book 1915*. Ottawa: Sensus and Statistic Office.
35. Canada. (1916c) *Debates, House of Commons (1916) 12th Parliament, 6th Session, Common Sitting of 17 January, 1916*. Vol. 1 (Vol. CXXII). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. pp. 5–39.
36. Department of the Secretary of State of Canada. (1916) *Copies of Proclamations, Orders-in-Council and Documents Relating to the European War*. Second Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau.
37. *The Scotsman*. (1916a) American Compliment to Sir Robert Borden. 23rd February.
38. Hopkins, J.C. (ed.) (1918c) *The Canadian Annual Review, War Series, 1916*. Vol. 16. Toronto: Canadian Annual Review Limited.
39. Borden, R.L. (1916) *Canada at War: A Speech delivered by Sir Robert Borden before the Lawyers' Club, at New York City, November 18, 1916*. New York City: [s.n.].
40. *The Scotsman*. (1916b) Appeal to United States Lawyers. 20th November.
41. Skelton, O.D. (1921) *Life and Letters of Sir Wilfred Laurier*. Vol. 1, 2. Toronto: Oxford University Press.
42. Hopkins, J.C. (ed.) (1918d) *The Canadian Annual Review, War Series, 1917*. Vol. 17. Toronto: Canadian Annual Review Limited.

Сведения об авторе:

Симоненко Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент межинститутской кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин Приморской государственной сельскохозяйственной академии (Уссурийск, Россия). E-mail: eka-1982.82@mail.ru

Information about the author:

Simonenko Ekaterina S. – PhD in History, Associate Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorskaya State Agricultural Academy (Ussuriysk, Russian Federation). E-mail: eka-1982.82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 15.09.2019; accepted for publication 22.02.2022

Original article

UDK 94(100):327

doi: 10.17223/19988613/76/9

Since the times of the lord Palmerston to the president B. Obama: the revival of the Crimean quasi-subsystem of international relations in the XXI century

Ilia A. Sokov¹, Olga E. Shults²

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru

² The independent researcher, Volgograd, Russian Federation, lolga1177@gmail.com

Abstract. In the article, an issue of keeping Russia distant on the world arena in the historical context and preventing the development of Russian foreign policy by Western countries in the context of international relations in the 21st century is considered. The authors pay attention and point out historical parallels of such deterrence in the past. Based on this point, the article is divided into three parts, which demonstrate the analogy of the approach of the great powers in the XIX century and modern Western countries to restrict Russian foreign policy, by creating a special Crimean subsystem of international relations.

Keywords: Lord Palmerston, President B. Obama, the Russian Empire, the Crimean subsystem of international relations, political isolation, economic sanctions, the Eastern question, the Ukrainian question

For citation: Sokov I.A., Shults O.E. (2022) Since the times of the lord Palmerston to the president B. Obama: the revival of the Crimean quasi-subsystem of international relations in the XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 74–78. doi: 10.17223/19988613/76/9

Научная статья

Со времен лорда Пальмерстона до президента Б. Обамы: возрождение крымской квази-подсистемы международных отношений в XXI в.

Илья Анатольевич Соков¹, Ольга Евгеньевна Шульц²

¹ Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, sokov@volsu.ru

² Независимый исследователь, Волгоград, Россия, lolga1177@gmail.com

Аннотация. В историческом контексте рассматривается вопрос сдерживания России на мировой арене и препятствования развитию российской внешней политики западными странами в условиях международных отношений в XXI в. Авторы указывают на исторические параллели подобного сдерживания в прошлом. Исходя из этого, статья разделена на три части, которые демонстрируют аналогию подхода великих держав в XIX в. и современных западных стран по ограничению российской внешней политики путем создания специальной Крымской подсистемы международных отношений.

В первой части кратко описывается создание в XIX в. европейскими державами во главе с Великобританией Крымской подсистемы международных отношений, которая породила ряд кровопролитных войн как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Но, задержав на короткое время внешнеполитическое развитие России, Крымская подсистема в целом не решила проблему сдерживания России.

Во второй части рассматриваются и анализируются международные события XXI в. и делается вывод, что западные страны, но уже во главе с США, вновь пытаются создать подобие прошлой Крымской подсистемы международных отношений с теми же целями и задачами. Авторы указывают, что если в прошлом поводом для этого служил «восточный вопрос», то в новых исторических условиях – «украинский вопрос». Если в XIX в. западные страны могли развязать Крымскую войну, то в нынешних условиях война не может дать результаты по «унижению» России. Поэтому западными странами выбран путь поддержания военной напряженности на границах России и военного конфликта на территориях Украины, граничащих с Россией, и «замораживания» этого конфликта, а также введения экономических санкций против России с целью ее ослабления и задержки ее экономического развития.

В третьей части авторы высказывают свое мнение, что в обоих случаях западные страны решали и решают одну из главных для себя задач – ослабление возрождения Российского государства как конкурента не только в Европе, но и в целом в мире путем создания условий по его международной политической, финансовой и экономической изоляции. Однако принимаемые западными странами меры по отношению к России не дают в полной мере тех результатов, на которые они рассчитывают.

Ключевые слова: лорд Пальмерстон, президент Б. Обама, Российская империя, Крымская подсистема международных отношений, политическая изоляция, экономические санкции, Восточный вопрос, Украинский вопрос

Для цитирования: Соков И.А., Шульц О.Е. Со времен лорда Пальмерстона до президента Б. Обамы: возрождение крымской квази-подсистемы международных отношений в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 74–78. doi: 10.17223/19988613/76/9

To understand the current international processes, it is sometimes useful to look at the history of international relations and find possible analogues of the events, the causes and reasons for the conduct of states on the international arena, the use of principles, concepts and theories, historical characters that have made a crucial importance for entire nations and changed the borderlines of their countries.

From the given title of the article, one can understand that the authors view a similar analogy that happened for more than 150 years – which were the times of the crisis of the Vienna subsystem of international relations and the creation of the Crimean subsystem of international relations at the present period in the 21st century.

Basing on the systemic understanding of the history of international relations, it can be considered that the "Concert of Europe" was the first attempt of systematic regulation of post-war international relations after the last Napoleonic wars. However, as we are aware, this attempt of creating an international organization to maintain European status quo, as well using the principle of "legitimism", failed. Already after the 1820's the interests of the participating countries (Russia - on the one hand, and Prussia, Austria, France, England - on the other) dispersed so much that led to the Crimean War (1853-1856). Moreover, it should be noted that it was the United Kingdom which turned out to be the initiator of that disintegration, which was not content with the strengthening of Russia after the defeat of Napoleon - in the Balkans, the Black Sea and the Caucasus.

Lord Palmerston, defending trade routes of the British colony in India, as well as the trade interests of the British bourgeoisie in the Ottoman Empire [1. P. 830-833] elaborated the foreign policy of Great Britain scrupulously, methodically and in detail [2. P. 224] and aimed at creating within the framework of the Paris sub-system of international relations (1856-1918), a regional or quasi-system of international relations in the east of Europe, which later became known as the Crimean, and in the western literature - Palmerston one [3. P. 25]. The main goal of creating such a subsystem of international relations for British diplomacy was the political isolation of the Russian Empire preventing it from the interaction with European states and the weakening of its positions in relations with peripheral European countries and the Middle East. As S.S. Tatishchev remarked: "In all political issues in the East and in the West, Russia has always met the vicious and stubborn resistance and opposition of the English" [4. C. 98].

Therefore, after 1856, the characteristic features of the created Crimean subsystem turned out to be:

- political humiliation of Russia and limitation of its' authorities as a great power [5. P. 67-74];
- despite the fact that Russia was able to preserve its' domains in the Black Sea area, its political influence in Europe became much weaker than before [6. P. 390-391];
- the hope for the liberation of Orthodox peoples under the rule of Ottoman Turkey was undermined [6. Ch. 4-10];

– Russia lost its fleet on the Black Sea and control over the Black Sea straits [5. P. 292];

– warships of European countries began to regularly be present in the Black Sea.

Even though the influence of Russia as a great power on European politics has significantly lowered, and its political isolation was artificially supported by European powers, in their circle, the contradictions among them only grew.

Concerning the definition of the boundaries of the period of the Crimean (Palmerston) subsystem of international relations existence, experts differ in the evaluation of both its beginning and its endings.

Some suppose the beginning of the formation of the Crimean subsystem of international relations in the 1830s [7. P. 222], others - the end of the Crimean War and the signing of the Paris Agreement [8. P. 674-692], and Henry Kissinger thinks that its formation began immediately after the collapse of the Congress of Vienna in 1822 [9].

The end of the existence of the Crimean subsystem of international relations also has no unequivocal recognition, and that is why various dates for the termination of the Crimean subsystem of international relations functioning are called. Among them:

– 1871 - as the year of the fall of the French Empire under Napoleon III and the beginning of the Third French Republic. Thanks to French non-interference, Russia succeeded in restoring its' fleet on the Black Sea territories. Since that year the forty-year peace period and the isolation policy of Great Britain had begun. The London Agreement of 1871 cancelled the basic elements of the Paris Agreement of 1856 formally [10. P. 3-4];

– 1876 - the year of Russia's victory in the Russian-Turkish war and the solution to the Eastern question in favor of Russia [11, 12];

– 1882 - the year of the British conquest of Egypt, which not only gave Britain security for their trade routes to India, but also made them the owners of the Eastern Mediterranean and the Middle East, which in turn made it unnecessary to keep a confrontation with Russia relating the question of the straits [7. P. 554];

– 1907 - as the year in which all the contradictions between Russia and Great Britain were eliminated and the Allied agreement was signed (Antanta);

– 1918 - as the year of the end of the existence of the Paris subsystem of international relations.

It should be underlined, that the main conditions under which the Crimean subsystem of international relations was created and existed, were, on the one hand, the growing power and international influence of Russia, and on the other - the fear of the Western countries over this growth of Russia's power and the collective desire to make it weaker. It is evident why the United Kingdom became the leader in creating the Crimean subsystem of international relations, at that time, which was sure to be the world leader. One must say that at the beginning of the XXI cen-

tury there were similar conditions when, after a decade of "coming to life" from the collapse of the USSR, modern Russia started building up its' economic and military power, and international influence among the countries of the non-Western world.

The United States, as a world leader, uniting the countries of Europe in the military bloc of NATO, back in the second half of the 20th century insulated themselves from the USSR and its eastern allies with the Iron Curtain and declared the Cold War, and having won it, contributed to the collapse of the USSR.

On emerging after the collapse of the USSR, the new state - Russia, within a short period of time by historical criteria, began to grow fast, which was certain to cause worries among Western countries. The United States, along with the EU, began to pursue a policy of political and economic restriction of Russia on the international arena. NATO's advance to the East and long-term agreements with Western countries on the issue of Russia's accession to the WTO should be recalled. Like in the nineteenth century, multilateral pressure was sure to be coordinated by one country - now the United States.

Like in the past, the conditions for international political and economic isolation were created methodically and scrupulously. For this purpose, several steps were taken to make military and political tensions on the western (with the Baltic countries, Poland and Moldova) and southern (Georgia and Azerbaijan) borders of Russia and the organization of "velvet" or "color revolutions" (in Ukraine and Georgia).

If in the past, British diplomacy made use of the Ottoman Empire as an irritant to Russia, then in the 21st century, the American diplomacy, having at the borders of Russia, small in its international significance states, used them to achieve their goals.

According to their instructions, in August 2008, Georgia provoked a military conflict with Russia, on their orders in Ukraine, the issue of its phased accession to the EU (and, accordingly, accession to NATO) was raised, which directly created new threats to Russia's security.

If in the past, one of the humanitarian questions affecting Russia's interests in the Ottoman Empire was the issue of oppression of Orthodox Christians, then in the 21st century, in Ukraine the question of the position of the Russian-speaking population and the use of the Russian language was raised.

After the western special services of the Maidan organization in 2013, Ukraine split over the language issue. And the Russian-speaking Crimea, having conducted a referendum and using the help of Russia, joined it, the Donetsk and Lugansk regions, demanding autonomy within Ukraine, received a full-scale civil war afterwards.

The historical analogy is viewed relating Ukraine. As during the rebellion in Poland in 1862-1863, when Western countries demanded from Russia to restore the Polish kingdom, they were not willing to fight with Russia because of it, in the 21st century also Western countries will not start a fight with Russia because of Ukraine. The events in Ukraine for them are sure to be an opportunity for political and economic humiliation of Russia (and the Ukrainians need to understand that).

Thereby, Western strategists created, in their view, sound conditions for the political and economic isolation of Russia, aiming at undermining the growth of its power or, possibly, delaying that development. All above mentioned grounds state that the West had made a new quasi-subsystem of international relations, similar to the Crimean one.

The characteristic features of the new Crimean subsystem of international relations in the XXI century have become:

- political humiliation of Russia and restriction of its powers as a great country (termination of cooperation with it within the framework of the G8 and within the framework of Russia-NATO) [6];

- weakening of its influence in the Western world, due to the introduction of political, financial and economic sanctions, termination or limitation of humanitarian cooperation;

- collapse of the global gas and oil market aiming at derogation of the Russian raw materials' economy;

- creation the whole arsenal of measures of military tension on the periphery of Russia: "color revolutions" in neighboring countries (Georgia and Ukraine); military provocations (in Georgia), deployment of American air defense systems (in Poland and Romania); deployment of the NATO military contingent (in the Baltic countries, Ukraine); unleashing a civil war with the Russian-speaking population in Ukraine (in Donetsk and Lugansk regions);

- counterstanding Russia's international economic cooperation with Western countries in the construction of oil pipelines to Western countries (South Stream, Turkish Stream, North Stream-2), in numerous restrictions on international trade with Russia, contrary to the provisions of the WTO;

- the presence of NATO ships on a permanent basis and the conduct of NATO exercises ("Breeze" and "Sea Breeze"), which possess a "military-demonstration character" [13. C. 52];

- tacit support the Turkey's policy on the issue of "neo-Ottomanism" in the Mediterranean-Caspian region (in questions on Cyprus, Ukraine, the Tatar community in Crimea, Syria) by the US and EU [14. C. 90-96].

Like in the past, in the created quasi-subsystem of international relations, the Eastern question has played and is playing a certain role. The Eastern question has always been of primary importance for Great Britain, and the question on Russia also emerged afterwards, then it became of secondary importance for many European states, including Germany. While the national interests of Great Britain and Russia were the opposite, the European countries sought to resolve the Eastern question without Russian participation.

In the new, XXI century the Eastern issue for the US matters significantly for the foreign policy and to solve it on American terms is their primary goal. If for Great Britain the main aspect in the Eastern question was preserving trade routes to India and the promotion of own goods to the countries of the East, for the United States the goal is their strategic influence in the region on the basis of a constant presence in the countries of the East, setting

loyal regimes for them and "pumping" various resources for itself from the region, chiefly, oil and gas [15. C. 20].

Russia, like in the past, has been participating in the resolution of the Eastern question through its own military and political participation in Syria, political participation in resolving the nuclear issue in Iran, political partking in settling the Palestinian-Arab conflict, close multilateral cooperation with Turkey and other Arab countries, which annoys the United States and they understand that it is easier to achieve their goals in the Eastern question by isolating Russia politically and weakening economically. That is why, the American goal in achieving its geopolitical interests is to isolate Russia politically, economically and financially isolation from the Western world. By and large, the Americans do not care about the fate of the Iraqi, Afghan, Syrian, Ukrainian and other peoples, they are concerned about maintaining their own world hegemony, the stability of their own economy, the provision of the Americans with jobs, the financial strengthening of their own state.

The whole arsenal of various means is used, and the revival of the quasi-subsystem of international relations in the south of Russia has become one of the most important goals of the President Barack Obama's two governments.

Like in the past, when the founder of the Crimean subsystem, Lord Palmerston handed over his offspring to the new British Prime Minister, Lord J. Russell, B. Obama handed over the United States-created "Crimean subsystem" to the Republican government's President Donald Trump.

To hope that D. Trump will manage to change something in the political and economic isolation of Russia would be the height of naivety. The United States need Russia weak enough, like it was, for instance, in the 1990s.

Russian military participation in Syria, and even a complete victory over IGIL there will not change the American attitude towards it but will only add more exasperation.

What did the Russian Empire do in isolation in the past?

First of all, it was looking for an opportunity to break through international isolation, and chiefly strengthening the relations with Germany and France, of course, through certain concessions. The same thing is happening nowadays: Russia is attempting to break through the political and economic blockade in the Western direction, in making

relations with Germany, France and other European countries better.

It is not by chance that these countries are members of the Minsk Group for the settlement of the situation in Ukraine.

Secondly, it could be recalled that excluding Russia from the "European concert" Western countries in the past have increased contradictions among themselves, which eventually led to the creation of international coalitions that later led to the First World War.

At present, one can observe the increasing contradictions within the EU. The United Kingdom is already in the process of withdrawing the European Union, and European countries are controversial about the issue of mass immigration from the Arab countries. The point of Brexit is urgent not only in the UK, but in other European countries. In a word, the contradictions within the EU are only growing.

But is it possible to get a breakthrough by cooperating with European countries to break out of own political isolation? It is doubtful.

First, as the history shows, in the past, Russia received the first political breakthrough with France, and only because some of its ' rise occurred during Napoleon III's period among European states. Using the influence of France, Russia succeeded in resolving the contradictions with England in Asia and going on to create a union (Antanta, 1907). At present, it is unlikely to be that any of the European states will be significantly elevated to pursue a different policy from Brussels.

Secondly, the political and economic influence of the United States on the European Union in the nearest future will only increase, and only Americans are able under certain circumstances to break through the political isolation of contemporary Russia with the West.

Third, there must be relevant conditions under which the United States will surely have to turn to Russia for help in resolving some global world problem.

Certainly, it is neither a North Korean problem nor a UN reform. What could it be is now difficult to say. Possibly such a situation will arise during D. Trump's ruling in the White House or the subsequent US President who will bury the Crimean quasi-subsystem of international relations, becoming the second President after F.D. Roosevelt who could improve relations with Russia radically.

References

1. Quateart, D. (1994) The Age of Reforms, 1812–1914. In: Inalcik, H.& Quataert, D. (eds) *An Economic History of the Ottoman Empire 1300–1914*. London: Cambridge University Press.
2. Rodkey, F.S. (1930) Lord Palmerston and the Rejuvenation of Turkey, 1830–1941. *The Journal of Modern History*. 2(2). DOI: 10.1086/235521
3. Steele, E.D. (1987) Palmerston's Foreign Policy & Foreign Secretaries 1855–1865. In: Wilson, K.M. (ed.) *British Foreign Secretaries and Foreign Policy: From the Crimean War to the First World War*. London: Croom Helm, Limited.
4. Zholudov, M.V. (2015) Geopolitical collisions between Russia and Great Britain on the eve of the Crimean War. *Pskovsky voenno-istoricheskiy vestnik*. 1. (In Russian).
5. Lee, S.J. (2001) *Aspects of European History 1789–1980*. London: Routledge.
6. Ward, A.W. & Gooch, G.P. (1970) *The Cambridge History of the British Foreign Policy, 1783–1919*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Taylor, A.J.P. (1962) International Relations. In: Hinsley, F.H. (ed.) *The New Cambridge Modern History: XI: Material Progress and World-Wide Problems, 1870–1898*. Cambridge University Press
8. Brown, D. (2006) Palmerston and Anglo-French Relations, 1846–1865. *Diplomacy and Statecraft*. 17(4). DOI: 10.1080/09592290600942918
9. Kissinger, H. (1957) *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22*. Houghton Mifflin.
10. Hayes, A. (1941) *Generation of Materialism, 1871–1900*. London: Praeger.
11. Sumner, B.H. (1937) *Russia and the Balkans 1870–1880* Oxford: Oxford University Press.
12. Goldfrank, D.M. (1994) *The Origins of the Crimean War*. London: Routledge.

13. Boldyrev, A.V. (2015) NATO's rotational policy in the Black Sea in 2014–2015 and Russian-Turkish relations. In: Orlov, A.A., Avatkov, V.A., Druzhilovsky, S.B. & Fedorchenko, A.V. (eds) *Russia and Turkey in a new world political environment*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
14. Druzhilovsky, S.B. (2015) Threats and challenges in Turkish foreign policy in the context of Russian interests. In: Orlov, A.A., Avatkov, V.A., Druzhilovsky, S.B. & Fedorchenko, A.V. (eds) *Russia and Turkey in a new world political environment*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
15. Abidulin, A.M. (2015) Foreign policy development between Russia and Turkey: the economy and foreign policy links. In: Orlov, A.A., Avatkov, V.A., Druzhilovsky, S.B. & Fedorchenko, A.V. (eds) *Russia and Turkey in a new world political environment*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.

Information about the authors:

Sokov Ilia A. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History and International Relations of the Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: sokov@volsu.ru

Shults Olga E. – The independent researcher (Volgograd, Russian Federation). E-mail: lolga1177@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Соков Илья Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: sokov@volsu.ru

Шульц Ольга Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, независимый исследователь (Волгоград, Россия). E-mail: lolga1177@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.07.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 15.07.2019; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/76/10

Трансформация подходов стран ЕС по заключению и реализации СВПД по иранской ядерной программе

Софья Сергеевна Шестакова¹, Константин Владимирович Юматов²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ shestak.sonya@gmail.com

² yumatov@list.ru

Аннотация. Анализируется политика стран ЕС по реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе с целью определить содержание деятельности стран ЕС и ее основные черты в этом вопросе. Выявлено, что политика стран ЕС может быть условно разделена на пять периодов. На трансформацию политики ЕС влияют как европейские (например, внутрисполитические последствия пандемии), так и внешние факторы (например, смена администраций в США и Иране).

Ключевые слова: СВПД, Евротройка, ядерная программа Ирана, ЕС, ядерная сделка с Ираном

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках гранта Erasmus + Jean Monnet Chair “Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations” / «Россия и ЕС: вопросы партнерства и конкуренции в международных отношениях» (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMOCHAIR). Поддержка Европейской Комиссией данной публикации не означает одобрения ее содержания. Публикация отражает только точку зрения авторов. Европейская Комиссия не несет ответственности за любое использование содержащейся в ней информации.

Для цитирования: Шестакова С.С., Юматов К.В. Трансформация подходов стран ЕС по заключению и реализации СВПД по иранской ядерной программе // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 79–88. doi: 10.17223/19988613/76/10

Original article

Transformation of EU countries' approaches to the agreement on and implementation of the JCPOA on the Iranian nuclear program

Sofya S. Shestakova¹, Konstantin V. Yumatov²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ shestak.sonya@gmail.com

² yumatov@list.ru

Abstract. The purpose of this article is an attempt to identify the dynamics of the EU's activities on the implementation of the JCPOA on the Iranian nuclear program, its scope, and the key reasons for its transformation. The research is based on various sources: documents of international organizations, interstate treaties, internal documents of the EU, official statements, and statistical materials.

After analyzing the EU policy on the JCPOA, the authors conclude that it can be figuratively divided into five main periods. Particularly, the first period (March 2003-2006) is characterized by the fundamental role of the EU-3 as the main and, up to a certain point, the only mediator in negotiations with Iran. The first negotiations and agreements relating to Iran's nuclear activities were initiated. In addition, the authors note that through such initiatives the EU pursued an alternative course – to tackle issues diplomatically, thus avoiding a possible military escalation of the confrontation. The second period (2006-July 2015) was marked by the transition to a multilateral format of negotiations: the permanent members of the UN Security Council joined the negotiations. The negotiations were accompanied by a parallel strengthening of sanctions, which should have accelerated the process of agreeing with Iran. The third period (July 2015 – May 2018) is associated with the signing of the JCPOA itself and the creation of organizational mechanisms for its implementation: the Iran Task Force in the EEAS and the Joint Commission to monitor the implementation of the nuclear deal, coordinated by the EU. The fourth period (May 2018 - January 2021) is characterized as a crisis due to the US withdrawal from the JCPOA. During this period the EU needed to confirm its commitment to the chosen foreign policy course – the further implementation of the JCPOA. The EU has launched the updated “Blocking Statute”, as well as the INSTEX financial instrument initiated by the EU3 (UK, France, Germany). Nevertheless, the initiatives were more declarative. Finally, the fifth period (2021 – present), which started with the President Biden coming to power, demonstrates the role

of the EU as the key link among the parties to the JCPOA. As a result, the parties began the seventh round of negotiations in Vienna on the restoration of the JCPOA.

Based on the results of the research, the authors summarize that, notwithstanding the existing disagreements among all parties of the JCPOA, the Iran nuclear deal keeps existing. The fundamental role of mediator and coordinator belongs to the EU. The continued commitment to compliance with the JCPOA and the outcome of the Vienna talks affect not only the future of the non-proliferation regime but also the EU's reputation as the "custodian of the JCPOA".

Keywords: JCPOA, EU-3, Iran nuclear program, EU, Iran nuclear deal

Acknowledgments: This research was supported by the Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" (612037-EPP-1- 2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

For citation: Shestakova S.S., Yumatov K.V. (2022) Transformation of EU countries' approaches to the agreement on and implementation of the JCPOA on the Iranian nuclear program. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 79–88. doi: 10.17223/19988613/76/10

Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе (СВПД), заключенный в 2015 г. между Ираном, с одной стороны, и Францией, Германией, Великобританией, США, Россией и Китаем совместно с Верховным представителем Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности – с другой, стал одним из немногих современных достижений коллективной дипломатии в области ядерного нераспространения [1]. Данное «историческое» соглашение, принятое после более чем десяти лет переговоров и дипломатических усилий, стало гарантом исключительно мирных целей ядерной программы Ирана. Иран добровольно соглашался на дополнительные ограничения своих работ в ядерной сфере, в обмен страны-участницы взяли на себя обязательства снять санкции с Ирана и содействовать экономическому сотрудничеству с Исламской республикой Иран.

Первый период (март 2003 – 2006 г.) – фундаментальная роль Евротройки как главного и до определенного периода единственного посредника в переговорах с Ираном.

Начало переговорного процесса с Ираном пришлось на 2003 г., который на Ближнем и Среднем Востоке ознаменовался двумя проблемами. Первая – военная операция США в Ираке, вторая – развитие иранской ядерной программы: разработка тяжеловодного реактора, обнаружение инспекторами МАГАТЭ следов высокообогащенного урана (ВОУ) на иранской атомной станции в Натанзе [2]. Позиция ЕС в отношении региональных проблем оказалась дифференцированной: в иракском вопросе Франция и Германия выступили против поддержки начатой в марте 2003 г. операции «Шок и трепет», в то время как Великобритания была одной из основных союзниц США. Иракский вопрос продемонстрировал неоднозначность оценки странами ЕС ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Включение Джорджем Бушем Ирана в «Ось зла» воспринималось негативно. В случае с Ираном такие государства ЕС, как Франция, Германия и Великобритания, в противовес позиции США выступали за решение проблем дипломатическим путем. И если в рамках трансатлантического курса Великобритания солидаризировалась с США, то в случае с Ираном она поддержала Францию и Германию, чтобы в какой-то

мере сгладить раскол, возникший из-за операции в Ираке. Государства ЕС действовали на опережение, чтобы не допустить нового раскола в Европе и возможного военного разрастания конфронтации на весь регион. Если в случае с Ираком доказательств наличия оружия массового уничтожения (ОМУ) так и не было выявлено, то в Иране была зафиксирована деятельность, связанная с развитием ядерной программы. Государства Европейского союза не могли игнорировать этот факт и поэтому были вынуждены свернуть инициированные Европейской комиссией в 2002 г. переговоры по заключению Договора о торговле и сотрудничестве с Ираном.

Истоки инициативы Франции, Германии и Великобритании (изначально использовалась аббревиатура ЕЗ; после того как ЕС напрямую оказал поддержку, стала употребляться формула EU-3) можно проследить с весны 2003 г. В то время иранское правительство оказалось под сильным давлением со стороны международного сообщества. В марте Тегеран пригласил генерального директора МАГАТЭ Мохамеда Эль-Барадеи посетить тогда еще нераскрытый объект по обогащению урана в Натанзе и пообещал предоставить этот объект для инспекций и рассмотреть возможность принятия Дополнительного протокола, позволяющего проводить более интрузивные инспекции других объектов. В июне 2003 г. Совет ЕС по общим вопросам (GAC) выразил серьезную озабоченность по поводу иранских усилий по замыканию топливного цикла. Однако, хотя Совет ЕС призвал к полному сотрудничеству с МАГАТЭ и ратификации Дополнительного протокола, он не стал напрямую предлагать или поддерживать европейское посредничество. Совет также высоко оценил усилия МАГАТЭ по урегулированию нерешенных вопросов, а страны – члены Совета управляющих МАГАТЭ от ЕС голосовали за резолюции, которые, в свою очередь, поддерживали посредничество ЕЗ.

В октябре 2003 г. министры иностранных дел Евротройки достигли соглашения с Ираном, по которому Тегеран представил МАГАТЭ данные о своей прошлой деятельности в ядерной сфере, впервые признав ведение незадекларированных экспериментов по обогащению урана в начале 1990-х гг. [3]. Ответом на ситуации в Ираке и Иране стала принятая 10 декабря

2003 г. всеми членами ЕС «Стратегия ЕС против распространения оружия массового уничтожения 2003 г.» [4]. В ст. 11 главы 1 Стратегии констатируется, что «в зонах напряженности, где существуют программы создания ОМУ, европейские интересы потенциально находятся под угрозой либо в результате обычных конфликтов между государствами, либо в результате террористических нападений». В этой связи ст. 12 говорит, что «все государства Союза и институты ЕС несут коллективную ответственность за предотвращение этих рисков путем активного содействия борьбе с распространением». 18 декабря 2003 г. по инициативе Евротройки были организованы переговоры с Ираном в Вене, результатом которых стало подписание постпредом Ирана при МАГАТЭ Али Салехи и Генеральным директором МАГАТЭ Мохаммедом эль-Барадеи Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, позволяющего Агентству проводить инспекции по всей стране [5]. В 2004 г. было заключено Парижское соглашение между Евротройкой и Ираном: Иран соглашался временно приостановить деятельность, связанную с обогащением и переработкой урана [6]. С этого момента можно констатировать, что Евротройка (EU-3) становится тем постоянно действующим институтом, который действует и от имени ЕС. Фактически Совет ЕС и представитель страны, председательствующей в ЕС, сдерживали открытую и безоговорочную поддержку инициативе ЕЗ до ноября 2004 г., когда Верховный представитель присоединился к ЕЗ. Стоит отметить, что в ЕС не было единства в отношении лидирующей роли Франции, Германии и Великобритании: некоторые страны-члены (среди них Италия, Бельгия, Австрия и Чехия) опасались создания директората ЕЗ и прецедента обхода официальных структур в вопросах безопасности и нераспространения [7].

5 августа 2005 г. совместно с Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Евротройка предложила Ирану сделку «Рамки для долгосрочного соглашения», в которой прописано предоставление помощи Тегерану в развитии мирной ядерной энергетики [8]. Однако Иран отклонил данное предложение, заявив, что сделка требовала от Тегерана прекратить все работы по ядерному топливу [9]. После неудачи с заключением рамочного соглашения Евротройкой было принято решение передать вопрос по разрешению иранского вопроса в Совет Безопасности ООН [10] – так в 2006 г. к переговорам с Ираном присоединились Китай, Россия и США. С этого момента посреднические усилия Евротройки стали частью деятельности, проводимой пятью постоянными членами СБ ООН. Особо важным после Иракского кризиса было присоединение США, что давало возможность сократить раскол в трансатлантическом партнерстве в видении подходов в отношении Ирана.

Второй период (2006 – июль 2015 г.) – переход к многостороннему формату переговоров: присоединение к переговорам постоянных членов СБ ООН. Переговоры сопровождались параллельным усилением санкций, что должно было ускорить процесс заключения соглашения с Ираном.

Время шло, Иран продолжал обогащать уран и тянуть с заключением соглашения. Конфронтационный стиль иранского консервативного президента Махмуда Ахмадинежада по отношению к Европе, включая его постоянное отрицание Холокоста и личные оскорбления европейских лидеров, способствовал ухудшению отношений между ЕС и Ираном. В 2008 г. был принят документ «Новые направления действий ЕС в борьбе с распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки», дополняющий Стратегию 2003 г. и предполагающий, в частности, «просить государства-члены предоставить отзывы об опыте применения финансовых санкций с момента принятия резолюций по Ирану и КНДР, указав трудности, с которыми сталкивается банковский сектор, и улучшения, которые можно было бы предпринять» [11]. Государственный министр иностранных дел Великобритании Билл Раммелл в июле 2009 г. предупреждал, что, если Иран не будет готов выполнить международные условия к концу 2009 г., «мы займем гораздо более жесткую позицию в отношении санкций» [12]. Соответственно, требования Ираном соблюдены не были. В феврале 2010 г. МАГАТЭ подтвердило, что Иран повышает уровень обогащения урана до 19,75% [13]. В 2010–2012 гг. ЕС присоединился к санкциям США в отношении Ирана. В частности, в январе 2012 г. главы министерств иностранных дел стран ЕС на заседании Совета ЕС по иностранным делам договорились о введении эмбарго на иранскую нефть, и к октябрю иранский риал подешевел, потеряв в цене 40% [14].

В августе 2013 г. к власти в Иране пришел умеренный президент Хасан Рухани, настроенный на переговорный процесс и диалог с Западом. Благодаря этому в ноябре 2013 г. был одобрен «Совместный план действий» в качестве промежуточного соглашения [15], а в июле 2015 г. в Вене «шестеркой» был согласован итоговый «Совместный всеобъемлющий план действий» по иранской ядерной программе.

Третий период (июль 2015 – май 2018 г.) условно можно обозначить как «воодушевленно оптимистичный». Он характеризуется наиболее активной вовлеченностью ЕС в реализацию СВПД и всеобъемлющее взаимодействие с Ираном. Необходимо было подтвердить, что СВПД – жизнеспособное соглашение.

В этот период создаются координационные группы и комиссии. Отношения между ЕС и Ираном координируются Целевой группой Европейской службы внешних сношений (ЕСВС) по Ирану, которая была создана после заключения СВПД в 2015 г. и подчинена непосредственно заместителю генерального секретаря ЕСВС по политическим вопросам. Была учреждена Совместная комиссия для наблюдения за выполнением ядерной сделки, координатором которой стал ЕС, играя ведущую роль в надзоре за выполнением СВПД, в рамках двух рабочих групп: одной по закупкам, а другой по осуществлению отмены санкций [16. Р. 3–6]. Дипломатические полномочия были официально закреплены в международном праве, когда Совет Безопасности ООН одобрил СВПД, приняв резолюцию СБ ООН № 2231 [17]. Были проведены четыре встречи на уровне политических директоров

стран – участниц СВПД под председательством генерального секретаря ЕСВС Хельги Шмид и одна на уровне министров под председательством Верховного представителя ЕС Федерики Могерини в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в 2016 г.

Европейский союз снял санкции, связанные с ядерной сферой [18]. Эти меры, введенные в период с 2010 по 2012 г., были нацелены на финансовый, банковский, страховой, нефтяной, газовый, нефтехимический, судостроительный и транспортный секторы, а также на рынки золота, драгоценных металлов, банкнот и монет, металлов и программного обеспечения. Однако односторонние санкции Евросоюза в отношении иранских лиц и организаций, связанных с нарушением прав человека, продолжают применяться [19]. США отменили только так называемые «вторичные санкции», т.е. ограничительные меры, принятые в одностороннем порядке Конгрессом с 2010 г. в отношении ядерной программы [20].

Европейский союз выступил в качестве гаранта сохранения СВПД от «засорения» внешними факторами, такими как вопросы о роли Ирана в региональных конфликтах, санкции США в отношении иранской баллистической ракетной программы. В ответ на озабоченность, высказанную Ираном в декабре 2016 г. в связи с возобновлением Закона о санкциях США в отношении Ирана, 10 января 2017 г. Евросоюз созвал Совместную комиссию. Впоследствии было опубликовано заявление, что Совместная комиссия подчеркнула обязательства по отмене санкций, содержащихся в СВПД [21]. Она также признала заверения США в том, что продление действия Закона о санкциях никак не влияет на отмену санкций, предусмотренных СВПД, или на возможность компаний вести бизнес в Иране по условиям СВПД.

В 2017 г. между ЕС и Ираном состоялся семинар на высоком уровне «Международное ядерное сотрудничество: ожидания и обязанности» [22]. Также прошел первый бизнес-форум Иран–ЕС по устойчивой энергетике, накануне которого европейский комиссар по вопросам энергетики и защиты климата констатировал «динамичное энергетическое партнерство», отметив, что всего через 16 месяцев после подписания исторической ядерной сделки в январе 2016 г. «торговля между ЕС и Ираном выросла на 79%, экспорт из Ирана в ЕС увеличился на 450%» [23]. Он также подчеркнул, что энергетический сектор будет занимать видное место в будущих отношениях, и Евросоюз полон решимости полностью задействовать экономический и социальный потенциал, внося вклад в выполнение общих обязательств в отношении климата.

Оптимизм по поводу будущего СВПД неоднократно демонстрировала Верховный представитель ЕС Федерика Могерини: «ЕС побеждает всех скептиков, которые сначала делали ставку на невозможность достижения соглашения, затем на невозможность вступления соглашения в силу, аргументируя тем, что МАГАТЭ в шестой раз подтвердила полное выполнение СВПД» [24]. ЕС играл многогранную роль организатора, проверяющего, юридического переводчика, посредника и медиатора СВПД. На совместной пресс-

конференции с министром иностранных дел РФ Сергеем Викторовичем Лавровым Федерика Могерини подчеркнула, что ЕС един в отношении будущего СВПД и гарантирует его реализацию во всех аспектах: «Ядерная сделка не принадлежит одной стране – она принадлежит международному сообществу, системе ООН» [Ibid.].

Четвертый период (май 2018 – январь 2021 г.) – кризисный. Выход США из СВПД при президентстве Дональда Трампа 8 мая 2018 г. оказался неприятным сюрпризом, поставив под угрозу надежность ЕС как гаранта СВПД и главного медиатора переговоров. Важной задачей этого периода для Европейского союза является сохранение иранской ядерной сделки и своего реноме. Стоит отметить, что с этого времени периодизация СВПД сильно зависит от позиции США. Если на первых трех этапах соглашения ЕС играл ключевую роль, то теперь будущее СВПД увязано с решением США. Также на это время (2020) пришлось выход Великобритании из состава ЕС, тем самым ставился рубеж на представлении интересов ЕС «Евротройкой».

Сразу после выхода США государства ЕС заняли твердую позицию в отношении соблюдения оставшихся участниками СВПД. На саммите ЕС в Софии в мае 2018 г. председатель Европейского совета Дональд Туск раскритиковал «капризную» позицию американской администрации [25]. В 2018 г. был впервые с 1996 г. запущен обновленный «Блокирующий статут» – инструмент, позволяющий снизить ущерб, нанесенный европейским компаниям экстраэкономическими санкциями США, а также не следовать юридическим актам третьих стран, способным затруднять их экономическую деятельность за пределами территории и полномочий ЕС [26]. В начале 2019 г. Францией, Великобританией и Германией был приведен в действие механизм особого назначения (Special Purpose Vehicle) – канал для обхода американских санкций и поддержания экономических отношений с Ираном – финансовый инструмент INSTEX (Instrument for Supporting Trade Exchanges) [27]. Это произошло после нескольких месяцев технической координации между государствами-членами во главе с Европейской службой внешних действий. Однако по большей части подобные меры носили декларативный характер.

Во-первых, реализация INSTEX была отсрочена (планировалось запустить еще в 2018 г.), а первые транзакции были осуществлены только в 2020 г. Страны ЕС понимали, что запуск INSTEX в 2018 г. помешал бы возможному компромиссу с США по возвращению к СВПД. Во-вторых, область, на которую распространяется механизм, затрагивает только сферы, формально не попадающие под санкции США (продовольствие, медикаменты и т.д.). Невключение в INSTEX торговых сделок по иранской нефти приблизило обозначавшийся экономический кризис в Иране. В мае 2019 г. экспорт иранской нефти резко упал до 400 тыс. баррелей в день (в апреле 2018 г. – 1,5 млн) [28]. Международный валютный фонд прогнозировал сокращение иранской экономики на 3,6% из-за снижения доходов от нефти [29]. Европейский союз показал, что не готов вступать в конфронтацию с США, кон-

тролировавшими нефтяные операции Ирана. Следствием этого стал критика рахбаром Али Хаменеи, назвавшего европейцев «порочными» людьми, «которым нельзя доверять», и начало выхода Ирана из СВПД [30]. В 2019 г. МАГАТЭ подтвердило, что Иран нарушил предел как запаса урана (300 кг.), так и его обогащения на 3,6% [31]. К усугублению противоречий между Ираном и Евросоюзом привела «танкерная война» – рост военного напряжения в регионе Персидского залива между Ираном, США и их союзниками в 2019 г. Обеспокоенность ЕС вызвало развитие программы баллистических ракет. Данная тема нашла свое отражение в документе «Иран: Совет делает выводы», где говорилось, что Тегерану рекомендуется «воздержаться от этой активности, которая несовместима с резолюцией № 2231 СБ ООН» [32]. В ответ на это рахбар аятолла Али Хаменеи заявил, что Тегеран не будет «обманут» предложением президента США Дональда Трампа о переговорах и не откажется от своей ракетной программы [33].

В течение 2019 г. обе стороны – Иран и США – предпочитали тактику давления. 4 ноября 2019 г. президент Организации по атомной энергии Ирана Али Акбар Салехи констатировал, что Иран вводит дополнительно 30 современных центрифуг IR-6 для обогащения урана, демонстрируя способность и решимость страны [34]. 17 ноября 2019 г. руководство МАГАТЭ заявило, что Иран возобновил работу по производству тяжелой воды, необходимой для оружейного ядерного цикла. Исламская республика уже имеет запасы тяжелой воды (131,5 т), что превышает установленные СВПД ограничения (предел – 130 т) [35]. В феврале 2020 г. на конференции в Варшаве вице-президент США Майкл Пенс настаивал на выходе государств Евросоюза из СВПД и переходе на сторону США [36].

Однако Ангела Меркель решительно отказала, заявив, что ядерная сделка – лучший способ повлиять на поведение Ирана [37]. У складывающегося подхода ЕС в отношении Ирана можно выделить два аспекта: приверженность к сохранению и дальнейшей реализации СВПД и критика отдельных действий Ирана, препятствующих сотрудничеству ЕС и ИРИ. На фоне усиления противоречий между ИРИ и США, связанного с убийством генерала Касема Сулеймани Соединенными Штатами в январе 2020 г., Евросоюз неизменно настаивал на разрядке напряженности. В начале февраля 2020 г. Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности ЕС Жозеп Боррель нанес первый официальный визит в Иран, заявив, что «готов сделать все возможное, чтобы сохранить СВПД» [38]. Кроме того, в официальных заявлениях Европейской службы Внешних сношений ЕС подчеркивалась обязанность Ирана соблюдать положения СВПД как залог международной безопасности.

Несмотря на то, что ЕС показал стойкость в приверженности к СВПД, игнорируя настоятельные призывы Майкла Пенса выйти из него, за 2020 г. со стороны Европейского союза не наблюдалось кардинально новых инициатив, что не в последнюю очередь было обусловлено пандемией COVID-19. Но даже в таких условиях сохранялся диалог: с июля 2020 г. прошли

три встречи Совместной комиссии по СВПД в онлайн-формате.

Пятый период (январь 2021 г. – настоящее время.) – «новая надежда», связанная со сменой администраций в США и Иране, возобновлением переговорного процесса в Вене. Этот период характеризуется решительными намерениями и действиями ЕС для возвращения сторон к выполнению соглашений СВПД.

Победа демократа Джо Байдена на выборах в США в 2021 г. ознаменовала новый этап в отношениях между Европейским союзом и США – возврат к трансатлантическому партнерству. Еще в декабре 2020 г. было подтверждено намерение США вернуться к СВПД [39]. Через несколько недель после инаугурации Джо Байдена британские, французские и немецкие дипломаты обратились к новой администрации с планом возобновления исторической ядерной сделки с Ираном. Они предложили отменить некоторые санкции, снятые президентом Бараком Обамой, а затем вновь введенные президентом Дональдом Трампом. ЕС полагал, что Джо Байден может сохранить ряд дополнительных мер, наложенных Дональдом Трампом, чтобы иметь определенные рычаги воздействия на Иран и добиться прогресса по вопросам, касающимся иранской ракетной программы и поддержки региональных прокси. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель подчеркивал, что ЕС готов стать площадкой для переговоров по возвращению США в СВПД [40].

На Совете управляющих МАГАТЭ Евротройка отказалась от принятия резолюции с критикой Ирана и требованием восстановить в полном объеме инспекции, которые были отменены в соответствии с законом «Стратегическая мера по отмене санкций», принятым Меджлисом в декабре 2020 г. Закон также предусматривал, что при сохранении санкций в отношении нефтяного сектора Иран будет обогащать уран свыше 20% и прекратит действие Дополнительного соглашения МАГАТЭ. Постпред России при международных организациях Михаил Ульянов отметил, что теперь открылся путь к тому, «чтобы активизировать переговорный дипломатический трек с тем, чтобы найти конкретные пути возвращения и Ирана, и США к полному выполнению их обязательств по ядерной сделке» [41]. В марте стороны договорились начать новый раунд переговоров, который продолжался до июня 2021 г., выборов Ибрахима Раиси на пост президента Ирана. В этот период Запад предложил заключить предварительное соглашение по ядерной программе. Однако официальный представитель министра иностранных дел Ирана Саид Хатибзаде 17 мая на ежегодной пресс-конференции в Тегеране заявил, что в нынешней ситуации не существует такой вещи, как предварительное соглашение, и «никакое соглашение не может быть достигнуто, пока не будет согласовано все» [42].

Затем наступила длительная пауза в переговорном процессе, сопряженная с ростом противоречий между США и Ираном. В этот период Иран начал обогащать уран до 60%. В своем докладе 7 сентября МАГАТЭ сообщило странам-участникам, что за последние три месяца Иран увеличил производство обогащенного до

60% урана почти в четыре раза (с 2,4 до 10 кг), а также запас 20%-ного урана с 63 до 83 кг (согласно СВПД, предусмотренный уровень обогащения урана составлял 3,67%) [43]. Это создает опасный прецедент для других государств, стремящихся воспрепятствовать доступу МАГАТЭ или сопротивляться предоставлению ему детальных объяснений по развитию своих ядерных программ. Никто не хочет, чтобы кто-либо шел по стопам Ирана (даже если Иран и избавится от ВОУ, само ноу-хау останется).

22 сентября Глава внешней политики Европейского Союза Жозеп Боррель встретил на Генеральной Ассамблее ООН нового министра иностранных дел Ирана Хоссейна Амирабдоллахана, который заверил о готовности возобновить переговоры [44]. Было решено назначить новый раунд переговоров на 29 ноября. От имени Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля председателем Совместной комиссии станет заместитель генерального секретаря Европейской внешнеполитической службы Энрике Мора. «Это действительно последний шанс для Ирана вернуться к СВПД, и я настоятельно призываю его сделать это. Мы полны решимости работать с нашими союзниками, чтобы помешать Ирану получить ядерное оружие», – сказала министр иностранных дел Великобритании Элизабет Трасс 8 декабря 2021 г., накануне возобновления седьмого раунда переговоров по СВПД [45]. 9 декабря, после небольшой технической паузы, стороны вновь собрались в Вене, чтобы приблизиться к восстановлению ядерной сделки с Ираном. И хотя переговоры пришлось на напряженную неделю, дипломат Европейского союза Энрике Мора, председательствовавший в четверг на встрече всех оставшихся участников соглашения – Ирана, Великобритании, Франции, Германии, России и Китая, – сказал впоследствии, что он снова почувствовал «ощущение общей цели» в связи с необходимостью работать над достижением соглашения о возвращении СВПД к жизни. «Будет ли это подтверждено и одобрено в ходе переговоров по деталям, мы увидим в ближайшие дни», – добавил Мора [46].

Таким образом, несмотря на колоссальное давление, СВПД продолжает действовать и дожид до того момента, когда в администрации президента США оказались почти все политические деятели, которые участвовали в переговорах по заключению СВПД в 2015 г.: старший заместитель государственного секретаря Венди Шеван (являлась ключевым переговорщиком по СВПД в 2015 г.), руководитель ЦРУ Бил Бернс (в период переговоров по СВПД в 2015 г., будучи первым заместителем госсекретаря, активно участвовал в секретных переговорах в Омане, способствующих прорыву на переговорах в Вене). В настоящее время существуют практически все возможные предпосылки для реставрации СВПД.

Выводы

На всех этапах решения иранского вопроса присутствует Европейский союз как главный посредник между участниками переговорного процесса. Дипломатиче-

ское маневрирование ЕС самое сложное: необходимо не только сохранить трансатлантическое сотрудничество, но и действовать, исходя из своих интересов на международной арене, – не потерять репутацию сторонника мирных методов урегулирования кризиса и в связи с этим инициатора переговоров с Ираном.

Условно разделяя политику ЕС на пять периодов, можно констатировать следующее. В первом периоде инициатором переговорного периода выступили Франция, Германия и Великобритания. Лишь после того как в 2004 г. ЕС оказал прямую поддержку инициативе, Евротройка стала выражать интересы ЕС, информируя другие государства ЕС об иранской деятельности. Именно в этом периоде были достигнуты первые результаты: создана основа для дальнейших соглашений с Ираном. Второй период характеризуется застоем в переговорном процессе. В этой связи иранский вопрос был передан на рассмотрение в СБ ООН: были подключены США, Россия и Китай. Также страны ЕС присоединились к санкциям США против Ирана. В этот период посреднические усилия Евротройки стали частью деятельности, проводимой пятью постоянными членами СБ ООН. Уже после ухода консервативного президента Ахмадинежада, прихода более либерально настроенного Рухани и колоссальных усилий всех сторон был одобрен СВПД. В третий период был создан организационный механизм для реализации СВПД, нашедший свое выражение в специальных органах. В этот период ЕС частично были сняты санкции, увеличен торговый оборот с Ираном, а также в качестве мягкой силы проводились семинары на высоком уровне. В течение четвертого периода ЕС отстаивал проведение внешнеполитического курса, отличного от декларируемого президентом США Дональдом Трампом. Именно в этот период был запущен обновленный «Блокирующий статут», а также ЕС был приведен в действие механизм для обхода американских санкций и поддержания экономических отношений между Ираном, Францией, Великобританией и Германией – финансовый инструмент INSTEX. Однако это носило больше декларативный характер, поскольку упомянутые выше инициативы были либо запущены с опозданием, либо охватывали не всю сферу деятельности. В пятом периоде ЕС продолжает выступать главным связующим звеном между сторонами СВПД, в особенности учитывая перестановки в правящих кругах Ирана и США. Государства ЕС пытаются сохранить баланс между трансатлантическим и многосторонним курсами. ЕС выступил движущей силой в возобновлении переговоров по СВПД. Было выдвинуто предложение о заключении прелиминарного соглашения. Однако существенно новых инициатив предложено не было, как и новостей, связанных с реализацией INSTEX.

Тем не менее ЕС уверенно демонстрирует свою роль посредника и «хранителя СВПД», но этого недостаточно, чтобы вернуть стороны к выполнению положений СВПД. Для Европейского союза заключение СВПД – своеобразная «проверка на прочность» не только ЕС как сильного игрока в регионе и на международной арене, но и Общей внешней политики и по-

литики безопасности как состоявшейся. СВПД стал свидетельством способности нынешней системы международного управления разрешить кризис мирным путем, где центральную роль медиатора смог сыграть именно ЕС. Поэтому от исхода переговоров по рестав-

рации СВПД зависит не только будущее режима нераспространения, но и репутация ЕС как главного сторонника решения существующих противоречий на международной арене дипломатическим путем.

Список источников

1. Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 16 июля. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/1595858 (дата обращения: 10.11.2021).
2. Iran nukes still a concern – IAEA // CNN. 2003. 26 Aug. URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/meast/08/26/iran.iaea/> (accessed: 12.11.2021).
3. Хронология развития иранской ядерной программы и международной ситуации вокруг нее (1957–2020) // ПИП-Центр. URL: <http://www.pircenter.org/pages/995-hronologiya-razvitiya-iranskoj-yadernoj-programmy-i-mezhdunarodnoj-situacii-vokrug-nee-1968-2017> (дата обращения: 10.11.2021).
4. EU strategy against the proliferation of weapons of mass destruction // Council of European Union. 2003. 10 Dec. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015708%202003%20INIT/EN/pdf> (accessed: 16.11.2021).
5. Iran Signs Additional Protocol on Nuclear Safeguards // IAEA. 2003. 18 Dec. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iran-signs-additional-protocol-nuclear-safeguards> (accessed: 15.11.2021).
6. Communication dated 26 November 2004 received from the Permanent Representatives of France, Germany, the Islamic Republic of Iran and the United Kingdom concerning the agreement signed in Paris on 15 November 2004 // IAEA. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/2004/infirc637.pdf> (accessed: 15.11.2021).
7. Schwegmann Ch. Kontaktgruppe und EU-2-Verhandlungen : Communication with Official of the German Foreign Ministry // Stiftung Wissenschaft und Politik. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/flexibilisierung-europaeischer-aussenpolitik/> (accessed: 16.11.2021).
8. Communication dated 8 August 2005 received from the Resident Representatives of France, Germany and the United Kingdom to the Agency // IAEA. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/2005/infirc651.pdf> (accessed: 16.11.2021).
9. Interview with Ambassador Ali Asghar Soltanieh, Iran's Permanent Representative to the International Atomic Energy Agency // Arms Control. URL: <https://www.armscontrol.org/interviews/2006-01/interview-ambassador-ali-asghar-soltanieh-iran-s-permanent-representative> (accessed: 16.11.2021).
10. Statement by Germany, United Kingdom, France and the EU High Representative on the Iranian nuclear issue. Berlin, 12 January 2006 // The European Council. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/87970.pdf (accessed: 16.11.2021).
11. Council Conclusions and new lines for action by the European Union in combating the proliferation of weapons of mass destruction and their delivery systems // Council of European Union. 2008. 17 Dec. URL: <https://www.hcoc.at/documents/New-lines-for-action-2008.pdf> (accessed: 16.11.2021).
12. Abramson J., Horner D. Interview With British Minister of State for Foreign and Commonwealth Affairs Bill Rammell // Arms Control Association. 2009. 5 June. URL: <http://www.armscontrol.org/node/3702> (accessed: 16.11.2021).
13. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008) and 1835 (2008) by the Islamic Republic of Iran // IAEA. 2010. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2010-10.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: 16.11.2021).
14. ЕС принял санкции против Ирана // Interfax. 2012. 23 янв. URL: <https://www.interfax.ru/russia/227221> (дата обращения: 16.11.2021).
15. Iran nuclear deal agreed at Geneva talks // The Telegraph. 2013. 24 Nov. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/10470716/Iran-nuclear-deal-agreed-at-Geneva-talks.html> (accessed: 16.11.2021).
16. Sections 6 and 7 of Annex IV of the JCPOA // European Parliament. 2015. 14 July. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (accessed: 12.11.2021).
17. Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 г. // UN. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/30/PDF/N1522530.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.11.2021).
18. Information Note on EU sanctions to be lifted under the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) // the European Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/161023_-_eu_information_note_jcpoa.pdf (accessed: 12.11.2021).
19. EU restrictive measures against Iran // the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/iran/> (accessed: 12.11.2021).
20. Articles 4.1-4.7 of Annex II and 17.1-17.2 of Annex V of the JCPOA // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (accessed: 12.05.2021).
21. The Iran Sanctions Act (ISA) // CPS Report for Congress. 2007. 12 Oct. URL: <https://fas.org/spp/crs/row/RS20871.pdf> (accessed: 05.12.2021).
22. EU-Iran High-Level Seminar on 'International Nuclear Cooperation: Expectations and Responsibilities' takes place // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/energy/news/eu-iran-high-level-seminar-international-nuclear-cooperation-expectations-and-responsibilities_en?redir=1 (accessed: 05.12.2021).
23. Commissioner Arias Cañete in Iran for the first-ever Iran-EU Business Forum on Sustainable Energy // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/energy/news/commissioner-arias-cañete-iran-first-ever-iran-eu-business-forum-sustainable-energy_en (accessed: 05.12.2021).
24. Remarks by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press briefing in the margins of the Oslo Forum // EEAS. 2017. 13 June. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/28112/Remarks%20by%20the%20High%20Representative/Vice-President%20Federica%20Mogherini%20at%20the%20press%20briefing%20in%20the%20margins%20of%20the%20Oslo%20Forum (accessed: 05.12.2021).
25. США добавили тем Балканскому саммиту ЕС // Euronews. 2018. 17 июля. URL: <https://ru.euronews.com/2018/05/17/balkan-summit-us> (дата обращения: 11.11.2021).
26. Updated Blocking Statute in support of Iran nuclear deal enters into force // EEAS. 2018. 6 Aug. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/kenya/49162/updated-blocking-statute-support-iran-nuclear-deal-enters-force_en (accessed: 05.12.2021).
27. New mechanism to facilitate trade with Iran: joint statement // Gov.UK. 2019. 31 Jan. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-the-new-mechanism-to-facilitate-trade-with-iran> (accessed: 05.12.2021).
28. Iran's Oil Exports Plunge To 400,000 Bpd In May // Oilprice. 2019. 29 May. URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Irans-Oil-Exports-Plunge-To-400000-Bpd-In-May.html> (accessed: 05.12.2021).
29. Sanctions-hit Iran props up economy with bartering, secret deals // Reuters. 2019. 29 Sep. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-economy-sanctions/sanctions-hit-iran-props-up-economy-with-bartering-secret-deals-idINKBN1WA13M?edition-redirect=in> (accessed: 05.12.2021).
30. Vicious European countries should not be trusted: Imam Khamenei // Khamenei.ir. 2019. 26. Sep. URL: <https://english.khamenei.ir/news/7066/Vicious-European-countries-should-not-be-trusted-Imam-Khamenei> (accessed: 14.11.2021).
31. Iran steps up uranium enrichment, gap with Europe widens // RFI. 2019. 26 Sep. URL: <https://www.rfi.fr/en/middle-east/20190926-iran-steps-uranium-enrichment-gap-europe-widens> (accessed: 14.11.2021).
32. Iran: Council adopts conclusions // European Council. 2019. 4 Feb. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/02/04/iran-council-adopts-conclusions/> (accessed: 05.12.2021).

33. Iran's Khamenei: Tehran will not abandon its missile program // Reuters. 2019. 4 June. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-khamenei-idUSKCN1T5233> (accessed: 03.12.2021).
34. Иран запустил новые центрифуги для обогащения урана // DW. 2019. 11 нояб. URL: <https://www.dw.com/ru/иран-запустил-новые-центрифуги-для-обогащения-урана/a-51107434> (дата обращения: 02.12.2021).
35. Iran exceeds heavy water limit in latest nuclear deal breach: IAEA // Reuters. 2019. 18 Nov. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-iaea/iran-exceeds-heavy-water-limit-in-latest-nuclear-deal-breach-iaea-idUSKBN1XS1VH> (accessed: 03.12.2021).
36. Pence demands EU powers abandon Iran nuclear deal // Politico. 2019. 14 Feb. URL: <https://www.politico.eu/article/mike-pence-iran-nuclear-deal-demands-eu-powers-abandon/> (accessed: 03.12.2021).
37. Merkel Rejects U.S. Demands That Europe Pull Out of Iran Nuclear Deal // The New York Time. 2019. 16 Feb. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/16/world/europe/merkel-speech-munich.html> (accessed: 03.12.2021).
38. Press release following High Representative/Vice-President Josep Borrell's official visit to Iran // The Iran project. 2020. 5 Feb. URL: <https://theiranproject.com/blog/2020/02/05/press-release-following-high-representative-vice-president-josep-borrells-official-visit-to-iran/> (accessed: 03.12.2021).
39. Байден намерен вернуть США в ядерную сделку с Ираном // RIA. 2020. 2 дек. URL: <https://ria.ru/20201202/bayden-1587284003.html> (дата обращения: 10.12.2021).
40. ЕС готов стать площадкой для переговоров по возвращению США в СВПД // News.ru. 2021. 19 фев. URL: <https://news.ru/europe/es-gotov-stat-ploshadkoj-dlya-peregovorov-po-vozhvrasheniyu-ssha-v-svpd/> (дата обращения: 10.12.2021).
41. Постпред РФ: отказ «евротройки» от резолюции по Ирану предотвратил международный кризис // TACC. 2021. 5 марта. URL: <https://tass.ru/politika/10846187> (дата обращения: 10.12.2021).
42. Iran rejects "preliminary agreement over JCPOA", demands comprehensive deal // Iran daily. 2021. 17 мая. URL: <https://irandaily.ir/News/303139.html?catid=3&title=Iran-rejects-preliminary-agreement-over-JCPOA--demands-comprehensive-deal> (accessed: 03.12.2021).
43. Iran Blocking IAEA Access to Nuclear-Related Sites // The Wall Street Journal. 2021. 8 Sep. URL: <https://www.wsj.com/articles/iran-blocking-u-n-atomic-agency-access-to-nuclear-related-sites-iaea-says-11631033269> (accessed: 03.12.2021).
44. Боррель и глава МИД Ирана обсудили в США возобновление переговоров по СВПД // Sputnik Армения. 2021. 22 сент. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20210922/borrel-i-glava-mid-irana-obsudili-v-ssha-vozobnovlenie-peregovorov-po-svpd-33539697.html> (дата обращения: 10.12.2021).
45. Britain warns Iran it's the "last chance" to sign up to nuclear deal // Reuters. 2021. 8 Dec. URL: <https://www.reuters.com/world/britain-warns-iran-its-last-chance-sign-up-nuclear-deal-2021-12-08/> (accessed: 03.12.2021).
46. Iran nuclear deal talks resume in Vienna amid frictions // Al-Jazeera. 2021. 9 Dec. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/9/talks-on-iran-nuclear-deal-resume-in-vienna-amid-disagreement> (accessed: 03.12.2021).

References

1. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2015) *Sovmestnyy vseob"emlyushchiy plan deystviy, Vena, 14 iyulya 2015 goda* [Joint Comprehensive Plan of Action, Vienna, July 14, 2015]. 16th July. [Online] Available from: https://www.mid.ru/web/guest/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/1595858 (Accessed: 10th November 2021).
2. CNN. (2003) *Iran nukes still a concern* – IAEA. 26th August. [Online] Available from: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/meast/08/26/iran.iaea/> (Accessed: 12th November 2021).
3. PIR-Center. (n.d.) *Khronologiya razvitiya iranskoy yadernoy programmy i mezhdunarodnoy situatsii vokrug nee (1957–2020)* [Chronology of the development of the Iranian nuclear program and the international situation around it (1957–2020)]. [Online] Available from: <http://www.pircenter.org/pages/995-hronologiya-razvitiya-iranskoy-yadernoy-programmy-i-mezhdunarodnoj-situatsii-vokrug-nee-1968–2017> (Accessed: 10th November 2021).
4. Council of European Union. (2003) *EU strategy against the proliferation of weapons of mass destruction*. 10th December. [Online] Available from: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015708%202003%20INIT/EN/pdf> (Accessed: 16th November 2021).
5. IAEA. (2003) *Iran Signs Additional Protocol on Nuclear Safeguards*. 18th December. [Online] Available from: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iran-signs-additional-protocol-nuclear-safeguards> (Accessed: 15th November 2021).
6. IAEA. (2004) *Communication dated 26 November 2004 received from the Permanent Representatives of France, Germany, the Islamic Republic of Iran and the United Kingdom concerning the agreement signed in Paris on 15 November 2004*. [Online] Available from: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/2004/infirc637.pdf> (Accessed: 15th November 2021).
7. Stiftung Wissenschaft und Politik. (n.d.) Schwegmann, 'Kontaktgruppe und EU-2-Verhandlungen'. *Communication with Official of the German Foreign Ministry*. [Online] Available from: <https://www.swp-berlin.org/publikation/flexibilisierung-europaeischer-aussenpolitik/> (Accessed: 16th November 2021).
8. IAEA. (2005) *Communication dated 8 August 2005 received from the Resident Representatives of France, Germany and the United Kingdom to the Agency*. [Online] Available from: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/2005/infirc651.pdf> (Accessed: 16th November 2021).
9. Ali Asghar Soltanieh. (n.d.) *Interview with Ambassador Ali Asghar Soltanieh, Iran's Permanent Representative to the International Atomic Energy Agency*. [Online] Available from: <https://www.armscontrol.org/interviews/2006-01/interview-ambassador-ali-asghar-soltanieh-iran's-permanent-representative> (Accessed: 16th November 2021).
10. The European Council. (2006) *Statement by Germany, United Kingdom, France and the EU High Representative on the Iranian nuclear issue*. Berlin, 12 January. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/87970.pdf (Accessed: 16th November 2021).
11. Council of European Union. (2008) *Council Conclusions and new lines for action by the European Union in combating the proliferation of weapons of mass destruction and their delivery systems*. December 17, 2008. [Online] Available from: <https://www.hcoc.at/documents/New-lines-for-action-2008.pdf> (Accessed: 16th November 2021).
12. Abramson, J. & Horner, D. (2009) 'Interview With British Minister of State for Foreign and Commonwealth Affairs Bill Rammell', *Arms Control Association*, 5 June 2009. [Online] Available from: <http://www.armscontrol.org/node/3702> (Accessed: 16th November 2021).
13. IAEA. (2010) *Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008) and 1835 (2008) in the Islamic Republic of Iran*. [Online] Available from: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2010-10.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (Accessed: 16th November 2021).
14. Interfax. (2012) *ES prinyal sanktsii protiv Irana* [The EU has adopted sanctions against Iran]. 23rd January. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/227221> (Accessed: 16th November 2021).
15. The Telegraph. (2013) *Iran nuclear deal agreed at Geneva talks*. November. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/10470716/iran-nuclear-deal-agreed-at-geneva-talks.html> (Accessed: 16th November 2021).
16. European Parliament. (2015) *Sections 6 and 7 of Annex IV of the JCPOA*. 14th July. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (Accessed: 12th November 2021).

17. UNO. (2015) *Rezolyutsiya 2231 (2015), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 7488-m zasedanii 20 iyulya 2015 g.* [Resolution 2231. Adopted by the Security Council at its 7488th meeting, on 20 July 2015]. [Online] Available from: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/30/PDF/N1522530.pdf?OpenElement> (Accessed: 12th November 2021).
18. The European Council. (n.d.) *Information Note on EU sanctions to be lifted under the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA)*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/161023_-_eu_information_note_jcpoa.pdf (Accessed: 12th November 2021).
19. The European Council. (n.d.) *EU restrictive measures against Iran*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/iran/> (Accessed: 12th November 2021).
20. The European Parliament. (n.d.) *Articles 4.1-4.7 of Annex II and 17.1-17.2 of Annex V of the JCPOA*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (Accessed: 12th May 2021).
21. CPS. (2007) *The Iran Sanctions Act (ISA). CPS Report for Congress. October 12, 2007*. [Online] Available from: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS20871.pdf> (Accessed: 5th December 2021).
22. European Commission. (n.d.) *"EU-Iran High-Level Seminar on 'International Nuclear Cooperation: Expectations and Responsibilities' takes place"*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/energy/news/eu-iran-high-level-seminar-international-nuclear-cooperation-expectations-and-responsibilities_en?redir=1 (Accessed: 5th December 2021).
23. European Commission. (n.d.) *"Commissioner Arias Cañete in Iran for the first-ever Iran-EU Business Forum on Sustainable Energy"*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/energy/news/commissioner-arias-cañete-iran-first-ever-iran-eu-business-forum-sustainable-energy_en (Accessed: 5th December 2021).
24. EEAS. (2017) *Remarks by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press briefing in the margins of the Oslo Forum*. 13th June. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/28112/Remarks%20by%20the%20High%20Representative/Vice-President%20Federica%20Mogherini%20at%20the%20press%20briefing%20in%20the%20margins%20of%20the%20Oslo%20Forum (Accessed: 5th December 2021).
25. Euronews. (2018) *SShA dobavili tem Balkanskomu sammitu ES* [The USA has added topics to the EU Balkan Summit]. 17th July. [Online] Available from: <https://ru.euronews.com/2018/05/17/balkan-summit-us> (Accessed: 11th November 2021).
26. EEAS. (2018) *Updated Blocking Statute in support of Iran nuclear deal enters into force*. 6th August. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/delegations/kenya/49162/updated-blocking-statute-support-iran-nuclear-deal-enters-force_en (Accessed: 5th December 2021).
27. UK. (2019) *New mechanism to facilitate trade with Iran: joint statement*. 31st January. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-the-new-mechanism-to-facilitate-trade-with-iran> (Accessed: 5th December 2021).
28. Oilprice. (2019) *Iran's Oil Exports Plunge To 400,000 Bpd In May*. 29th May. [Online] Available from: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Irans-Oil-Exports-Plunge-To-400000-Bpd-In-May.html> (Accessed: 5th December 2021).
29. Reuters. (2019) *Sanctions-hit Iran props up economy with bartering, secret deals*. 29th September. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-economy-sanctions/sanctions-hit-iran-props-up-economy-with-bartering-secret-deals-idINKBN1WA13M?edition-redirect=in> (Accessed: 5th December 2021).
30. Khamenei.ir. (2019) *Vicious European countries should not be trusted: Imam Khamenei*. 26th September. [Online] Available from: <https://english.khamenei.ir/news/7066/Vicious-European-countries-should-not-be-trusted-Imam-Khamenei> (Accessed: 14th November 2021).
31. RFI. (2019) *Iran steps up uranium enrichment, gap with Europe widens*. 26th September. [Online] Available from: <https://www.rfi.fr/en/middle-east/20190926-iran-steps-uranium-enrichment-gap-europe-widens> (Accessed: 14th November 2021).
32. European Council. (2019) *Iran: Council adopts conclusions*. 4th February. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/02/04/iran-council-adopts-conclusions/> (Accessed: 5th December 2021).
33. Reuters. (2019) *Iran's Khamenei: Tehran will not abandon its missile program*. 4th June. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-khamenei-idUSKCN1T5233> (Accessed: 3rd December 2021).
34. DW. (2019) *Iran zapustil novye tseftrifugi dlya obogashcheniya urana* [Iran has launched new centrifuges for uranium enrichment]. 11th November. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/иран-запустил-новые-центрифуги-для-обогащения-урана/a-51107434> (Accessed: 2nd December 2021).
35. Reuters. (2019) *Iran exceeds heavy water limit in latest nuclear deal breach: IAEA*. 18th November. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-iaea/iran-exceeds-heavy-water-limit-in-latest-nuclear-deal-breach-iaea-idUSKBN1XS1VH> (Accessed: 3rd December 2021).
36. Politico. (2019) *Pence demands EU powers abandon Iran nuclear deal*. 14th February. [Online] Available from: <https://www.politico.eu/article/mike-pence-iran-nuclear-deal-demands-eu-powers-abandon/> (Accessed: 3rd December 2021).
37. *The New York Times*. (2019) *Merkel Rejects U.S. Demands That Europe Pull Out of Iran Nuclear Deal*. 16th February. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2019/02/16/world/europe/merkel-speech-munich.html> (Accessed: 3rd December 2021).
38. The Iran Project. (2020) *Press release following High Representative/Vice-President Josep Borrell's official visit to Iran*. 5th February. [Online] Available from: <https://theiranproject.com/blog/2020/02/05/press-release-following-high-representative-vice-president-josep-borrells-official-visit-to-iran/> (Accessed: 3rd December 2021).
39. RIA. (2020) *Bayden nameren vernut' SShA v yadernuyu sdelku s Iranom* [Biden intends to return the US to the nuclear deal with Iran]. 2nd December. [Online] Available from: <https://ria.ru/20201202/bayden-1587284003.html> (Accessed: 10th December 2021).
40. News.ru. (2021) *ES gotov stat' ploshchadkoy dlya peregovorov po vozvrashcheniyu SShA v SVPD* [The EU is ready to become a platform for negotiations on the return of the United States to the SFPD]. 19th February. [Online] Available from: <https://news.ru/europe/es-gotov-stat-ploshchadkoj-dlya-peregovorov-po-vozvrashcheniyu-ssha-v-svpd/> (Accessed: 10th December 2021).
41. TASS. (2021) *Postpred RF: otkaz "evrotroyki" ot rezolyutsii po Iranu predotvratil mezhdunarodnyy krizis* [The Permanent Representative of the Russian Federation: the rejection of the "E3" resolution on Iran prevented an international crisis]. 5th May. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/10846187> (Accessed: 10th December 2021).
42. *Iran Daily*. (2021) *Iran rejects "preliminary agreement over JCPOA", demands comprehensive deal*. 17th May. [Online] Available from: <https://irandaily.ir/News/303139.html?catid=3&title=Iran-rejects--preliminary-agreement--over-JCPOA--demands-comprehensive-deal> (Accessed: 3rd December 2021).
43. *The Wall Street Journal*. (2021) *Iran Blocking IAEA Access to Nuclear-Related Sites*. 8th September. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/iran-blocking-u-n-atomic-agency-access-to-nuclear-related-sites-iaea-says-11631033269> (Accessed: 3rd December 2021).
44. *Armenia Sputnik*. (2021) *Borrel' i glava MID Irana obsudili v SShA vozobnovlenie peregovorov po SVPD* [Barrel and the Iranian Foreign Minister discussed in the United States the resumption of negotiations on the JCPOA]. 22nd September. [Online] Available from: <https://ru.armeniasputnik.am/20210922/borrel-i-glava-mid-irana-obsudili-v-ssha-vozobnovlenie-peregovorov-po-svpd-33539697.html> (Accessed: 10th December 2021).
45. Reuters. (2021) *Britain warns Iran it's the "last chance" to sign up to nuclear deal*. 8th December. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/britain-warns-iran-its-last-chance-sign-up-nuclear-deal-2021-12-08/> (Accessed: 3rd December 2021).
46. Al-Jazeera. (2021) *Iran nuclear deal talks resume in Vienna amid frictions*. 9th December. [Online] Available from: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/9/talks-on-iran-nuclear-deal-resume-in-vienna-amid-disagreement> (Accessed: 3rd December 2021).

Сведения об авторах:

Шестакова Софья Сергеевна – студент кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: shestak.sonya@gmail.com

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений, заведующий кафедрой международного права Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: yumatov@list.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shestakova Sofya S. – student, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: shestak.sonya@gmail.com

Yumatov Konstantin V. – Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of World History and International Relations of the Institute of History and International Relations, Head of the Department of International Law of the Institute of Law, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yumatov@list.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 27.12.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 94(437+73)"1939/1945"
doi: 10.17223/19988613/76/11

Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны

Валерий Теодорович Юнгблюд¹, Артем Викторович Зорин²

^{1, 2} *Вятский государственный университет, Киров, Россия*

¹ *youngblood@vyatsu.ru; valerteod@gmail.com*

² *arzor@list.ru*

Аннотация. Выявляются доминирующие группы среди организаций выходцев из ЧСР во время Второй мировой войны, определяются природа существовавших между ними разногласий и характер их взаимоотношений с официальным Вашингтоном, с одной стороны, и с правительством ЧСР в изгнании – с другой. В основу исследования положены ранее неизвестные документы государственного департамента США, Управления стратегических служб, ФБР, позволяющие составить представление о характере дискуссий среди ключевых политиков ЧСР и руководителей ведущих чешских и словацких организаций на территории США по вопросам послевоенного будущего страны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, словацкие организации в США, чешские организации в США, Э. Бенеш, ЧСР

Для цитирования: Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 89–99. doi: 10.17223/19988613/76/11

Original article

Czech and Slovak organizations in the United States during the World War II

Valery T. Yungblyud¹, Artem V. Zorin²

^{1, 2} *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation*

¹ *youngblood@vyatsu.ru; valerteod@gmail.com*

² *arzor@list.ru*

Abstract. The activities of national communities of immigrants from the states occupied by Germany and its allies during the World War in the United States have been relatively poorly studied, although addressing this topic allows us to reveal important facets of wartime diplomacy. After the partial occupation and dismemberment of the Czechoslovak Republic in 1938-1939, disparate organizations of the Czech and Slovak diasporas maintained ties with various political forces at home and in exile. This interaction continued throughout the war and affected the strength of the political positions of President Edward Benes, who headed the CSR government in 1940. The platforms of Czech and Slovak associations in the United States were studied by intelligence and political analysts and taken into account by the state Department. The purpose of the article is to identify the dominant groups among organizations of CSR origin, to determine the nature of their differences and the nature of their relationship with official Washington, on the one hand, and with the CSR government in exile, on the other. The article is based on previously unknown documents of the US State Department, the Office of strategic services, and the FBI and provides an insight into the nature of discussions among key CSR politicians and leaders of Czech and Slovak organizations in the United States and on the post-war future of the country. The authors came to the following conclusions: 1) during the war, the Czechs and Slovaks in the United States failed to create a unified organization to support the liberation movement due to national, religious and political contradictions; 2) the main point of disagreement between supporters and opponents of the revival of the United CSR was the question of the post-war situation of Slovakia and the rights of its population. Many Slovaks (mostly Catholics) supported the independence of their historical homeland; 3) the rivalry between polar platforms developed with the participation of Czechoslovak emigrant politicians; 4) organizations supporting Benes in the United States closely interacted with Czechoslovak diplomatic and propaganda structures; 5) the US government opposed the direct involvement of its citizens in international disputes. Washington supported the Benes government from 1941 until the end of the war and condemned the Slovak puppet regime. Most US citizens of Czech and Slovak origin were not included in the political struggle. Study of archival documents on history of relations between the Czech and Slovak communities in the United States during the Second World War indicates that the debate on the state structure of Czechoslovakia was included

in the agenda of the country's social and political life in the post-war decades and was clearly manifested in the late 1980s and early 1990s during the peaceful dissolution of Czechoslovakia into independent Czech Republic and Slovakia.

Keywords: World War II, Slovak organizations in the United States, Czech organizations in the United States, E. Benes, CSR

For citation: Yungblyud V.T., Zorin A.V. (2022) Czech and Slovak organizations in the United States during the World War II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 89–99. doi: 10.17223/19988613/76/11

К числу слабо исследованных проблем истории Второй мировой войны относятся деятельность национальных общин выходцев из оккупированных стран и их отношения с освободительными движениями. Одно из первых таких движений начало формироваться уже весной 1939 г. – после расчленения и частичной оккупации Германией Чехословацкой республики (ЧСР). Борьбу за восстановление этой страны возглавил ее бывший президент Эдвард Бенеш. Центром его деятельности стал сначала Париж, а затем Лондон, где было создано чехословацкое правительство в изгнании. Важнейшей базой его поддержки были США, в которых сформировались крупнейшие общины выходцев из ЧСР. Расстановка политических сил, влиявших на внешнеполитическую линию правительства ЧСР во время войны и сыгравших существенную роль в определении послевоенной судьбы государства, имела сложную структуру. Сбалансированность интересов всех участников внешнеполитического процесса здесь, как и в ряде других государств и регионов, «достигались в течение длительного времени при непосредственном участии большого количества действующих лиц и исполнителей» [1. С. 459]. Чешские и словацкие организации в США были активными субъектами этих событий. Их взаимоотношения с чехословацким правительством ранее не являлись предметом специального рассмотрения главным образом по причине ограниченности и малодоступности источников. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел. Обращаясь к архивным документам Государственного департамента, Управления стратегических служб (УСС) и Федерального бюро расследований (ФБР) США, она раскрывает некоторые аспекты истории чешских и словацких организаций в Америке. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот. Дополнительную информацию дают письма и воспоминания чехословацкого дипломата Яна Папанека, проливающие свет на его работу в среде соотечественников в США в годы войны [2, 3].

Массив указанных источников неоднороден. В период американского нейтралитета (1939–1941) взаимодействие с национальными организациями со стороны официальных органов США шло преимущественно через госдепартамент, куда поступали обращения о признании и поддержке Чехословацкого правительства либо Словацкого государства. За 1942–1944 гг. в архиве хранятся доклады и отчеты УСС, за 1944–1945 гг. – Федерального бюро расследований ФБР.

УСС было создано летом 1942 г. как первое американское объединенное разведывательное ведомство. Одним из его подразделений стало Отделение иностранных народностей (Foreign Nationalities Branch),

задачей которого являлось взаимодействие с находившимися в США эмигрантскими группами. Управление поставляло в госдепартамент аналитические отчеты о положении в чешских и словацких организациях, их отношениях с правительством в изгнании. На ФБР лежала ответственность за контрразведку. Для докладов Бюро был характерен более широкий охват внутренних проблем, выявляемых на основании агентурной работы. Обязательным элементом многих докладов являлась оценка степени влияния «коммунистических элементов» на национальные диаспоры.

Организации выходцев из Чехии и Словакии появились в США еще в XIX в. В 1918 г. при участии первого президента ЧСР Томаша Масарика в Чикаго был учрежден Чехословацкий национальный совет Америки (ЧНСА – Czechoslovak national Council in America, Československa narodna rada v Amerike), боровшийся за создание Чехословацкой республики. После успешного выполнения этой задачи совет прекратил активную деятельность. Необходимость в его возрождении возникла весной 1939 г., когда находившийся в Америке Бенеш начал формировать политические структуры для организации правительства в изгнании¹.

К тому времени в США функционировали десятки организаций выходцев из ЧСР, созданных на географической, этнической или религиозной основе. Свои объединения были у чехов, словаков и русинов, католиков, протестантов, православных и униатов². Крупнейшими, включавшими в качестве членов более мелкие организации и отделения, являлись Чешско-американский национальный альянс (ЧАНА) в Чикаго и Словацкая лига Америки (СЛА) в Питтсбурге³.

Большинство чешских и словацких организаций располагалось в Иллинойсе, Огайо, Пенсильвании и Нью-Йорке, что отражало локацию расселения чехов и словаков по территории США. Точное количество представителей этих этнических групп, проживавших в Америке, подсчитать сложно. В переписи населения США национальная принадлежность определялась по двум показателям: стране происхождения и родному языку. Согласно данным 1940 г., из 132 млн жителей США выходцами из Чехословакии считались 985 тыс. чел.: 305 тыс. из них родились в ЧСР, 665 тыс. имели родителей из этой страны. Кроме того, 29 тыс. чехов въехали в США из Австрии, около 20 тыс. словаков – из Венгрии. Среди лиц чехословацкого происхождения также числились немцы, русские (русины), поляки, евреи. Из чехословацких эмигрантов на момент переписи 207 тыс. (68%) получили американское гражданство. 160 тыс. эмигрантов считали родным языком чешский, 172 тыс. – словацкий, среди урожденных американцев таковых было 361 и 303 тыс. со-

ответственно. Таким образом, американцами чешского происхождения в 1940 г. можно было считать около 520 тыс., словацкого – 465 тыс. жителей США. В это число не входили граждане США во втором и последующих поколениях [5]. Из крупных городов больше всего представителей обоих этносов жило в Нью-Йорке, Чикаго, Кливленде и Питтсбурге⁴.

В 1939 г. правительство США не признало оккупацию Чехословакии. В Вашингтоне продолжало работать чехословацкое посольство во главе с Владимиром Гурбаном. В городах с наибольшим числом выходцев из ЧСР (Нью-Йорк, Чикаго, Питтсбург, Кливленд) действовали чехословацкие консульства. Руководство чехословацких дипломатических учреждений в США уже в марте 1939 г. поддержало Бенеша и признало его руководство [3. Р. 216]. Однако лишь в июле 1941 г. США установили официальные отношения с чехословацким правительством, а полное дипломатическое признание состоялось в октябре 1942 г. [4].

Бенеш сделал ставку на реанимацию чехословацких национальных организаций в США и их консолидацию под руководством сторонников восстановления Чехословакии. Их задачей, как и в годы предыдущей войны, должна была стать финансовая и пропагандистская поддержка эмигрантских политических и дипломатических структур. По инициативе Бенеша в апреле 1939 г. в Чикаго был создан главный американский центр поддержки чехословацкого освободительного движения за границей. Его главой был назначен консул Ян Папанек [6. S. 123]. Папанек действовал совместно с Гурбаном, дополняя его работу. Он стал личным представителем Бенеша в США. Именно на нем лежала задача взаимодействия с организациями соотечественников⁵.

Тогда же в Чикаго был возрожден ЧНСА. Однако к 1939 г. между американскими чехами и словаками произошел раскол. Если первые готовы были поддерживать призывы к борьбе за воссоздание Чехословакии, то симпатии последних оказались на стороне созданного Берлином марионеточного Словацкого государства и его президента Йозефа Тисо. Руководство Словацкой лиги на протяжении долгих лет упрекало чехословацкое правительство в нарушении прав словаков в ЧСР и их дискриминации. Лига выступала против воссоздания Чехословакии в ее прежнем виде. Кроме того, она объединяла преимущественно католические общины, членам которых импонировал новый словацкий клерикальный режим во главе с католическим священником, установивший тесные отношения с Ватиканом.

Воссоздание ЧНСА произошло на съезде чешских и словацких организаций в Чикаго 18–20 апреля 1939 г. Место Словацкой лиги занял учрежденный в те же дни в Чикаго Словацкий национальный альянс Америки (CHAA – Slovak National Alliance in America, Slovenské národné združenie) [3. Р. 217], объединивший главным образом протестантские общины Иллинойса и Пенсильвании [7]. Организациями – членами ЧНСА также стали Национальный альянс чешских католиков и Федерация американских чехословаков Техаса [8]. В 1943 г. в Совет вошел Союз американских карпато-русин (Карпато-русское единство). Эти организации объеди-

няли десятки местных отделений. В обращениях к государственным органам США руководители ЧНСА претендовали на представительство абсолютного большинства американцев чешского и значительной части словацкого происхождения.

Руководящие должности в ЧНСА и его организациях-членах занимали родившиеся в Чехии и Словакии граждане США. Президентом Совета являлся Ярослав Змрхал⁶, исполнительным секретарем – Йозеф (Джозеф) Мартинек⁷. Словацкий альянс возглавил Ярослав Пеликан⁸; Чешский альянс – Адольф Качер⁹. Во главе Федерации американских чехословаков Техаса находился Владимир Маудр¹⁰. ЧНСА обратился к Бенешу с просьбой возглавить движение за восстановление Чехословакии и признал его руководство [3. Р. 217].

Национальные организации выполняли различные задачи. Они проводили съезды и массовые мероприятия, собирали пожертвования, занимались распространением информации и пропагандой, обращались в государственные органы США. По словам Папанека, только за 1939–1941 гг. члены ЧНСА передали в Совет около 350 тыс. долл. для чехословацкого правительства и армии [3. Р. 219]. На собранные ими средства, в частности, функционировали чехословацкие консульства в Америке [14. Р. 117].

В 1939–1941 гг. одним из главных направлений деятельности ЧНСА была информационная поддержка эмигрантского правительства. Совет неоднократно обращался в госдепартамент с этой целью. В феврале 1940 г. заместителю госсекретаря С. Уэллесу, направлявшемуся с миссией в Европу, был передан меморандум от имени американских чехов и словаков с выражением готовности бороться под руководством Бенеша за восстановление свободы и независимости «страны их предков» и просьбой о поддержке [6. S. 377]. Визиты в госдепартамент были повторены в январе и мае 1941 г. [15, 16]. Были организованы встречи лидеров Совета с главами комитетов обеих палат конгресса США по иностранным делам [2. S. 65].

Одновременно Совет пытался дискредитировать Словацкую лигу, обвиняя ее в поддержке пронацистского марионеточного режима и отсутствии прав на представление интересов словаков на исторической родине [17]. Представители Лиги также старались донести свою точку зрения до руководителей внешнеполитического ведомства США. В апреле 1941 г. они направили обращение к госсекретарю К. Хэллу с просьбой не признавать за Бенешем и лондонским правительством право говорить от имени словаков, намеренных добиваться независимости и самоуправления [18].

После ограниченного признания в июле 1941 г. Вашингтоном чехословацкого правительства сторонники независимой Словакии пытались оспорить это решение. 18 ноября 1941 г. в Госдепартаменте был принят редактор старейшей словацкой газеты в США *Slovák v Amerike* Г. Кошик. Он пытался убедить главу Европейского отдела Р. Атертона, что Бенеша «ненавидели все словаки» за отстаивание чешских интересов и стремление к восстановлению их «господства над словаками». Представитель госдепартамента отказался занимать чью-либо позицию в конфликте, заме-

тив, что правительство Соединенных Штатов не намерено вмешиваться во внутренние споры двух народов. В меморандуме о встрече Атертон негативно отозвался о возможности признания независимости Словацкой республики [19].

Помимо прямых обращений в государственные органы, национальные организации занимались пропагандистской работой. При этом ЧНСА работал в тесной координации с Папанеком и посещавшими США чехословацкими официальными лицами. В 1939 г. более сотни лекций в различных городах прочитал сам Бенеш [3. Р. 218]. Такую же работу вели чехословацкий дипломат, а затем министр иностранных дел Ян Масарик и его сестра (проживавшая в США) Алиса – дети первого президента ЧСР [2. S. 24–25]. Ян Масарик приезжал с продолжительными визитами в США и в последующие годы. Для соотечественников он символизировал идеалы своего отца и пользовался огромной популярностью и авторитетом. Например, летом 1941 г. его выступления в Чикаго, Кливленде, Бостоне, Вашингтоне и Нью-Йорке посетили десятки тысяч человек [Ibid. S. 46–49]. Деятельность Масарика была настолько эффективной, что Папанек просил Бенеша подольше не отзывать его в Лондон [Ibid. S. 91–93].

Учрежденная в Нью-Йорке под руководством Папанека информационная служба распространяла новости о положении в Богемии и Моравии, Словацкой республике, о преступлениях нацистов и тисовского режима, рассылала материалы в прессу, публиковала различные брошюры и книги [Ibid. S. 68–73]. ЧНСА издавал регулярный новостной бюллетень *News Flashes from Czechoslovakia* о ситуации на родине.

Одним из направлений информационной работы было отстаивание позиции чехословацкого правительства и Бенеша в спорах с критиковавшими их курс политическими деятелями из эмигрантской среды. Уже в 1939 г. обозначилось соперничество между Бенешем и рядом словацких политических деятелей. Первым, кто оспорил лидерство бывшего президента ЧСР, был чехословацкий посланник в Париже Штефан Осуцкий¹¹. Папанек жаловался Бенешу, что тот пытался проводить агитацию среди американских словаков через рассылку своих сочинений, критиковавших эмигрантское правительство [Ibid. S. 40–42].

Другим словацким политиком, доставившим немало хлопот сторонникам Бенеша в США, был бывший премьер-министр ЧСР (1935–1938) Милан Годжа. Являясь влиятельным политическим деятелем и лидером Аграрной партии, он пытался представить себя выразителем воли словацкой нации. Однако в Лондоне Годжа был оттеснен на второй план, получив лишь место в заменявшем парламент ЧСР Государственном совете. Годжа открыто выступал за автономию Словакии с перспективой включения ее в Центрально-Европейскую федерацию и оспаривал курс Бенеша на сближение с СССР.

Хотя и Гурбан, и Папанек были словаками и полностью поддерживали курс Бенеша, Осуцкий и Годжа не без успеха эксплуатировали тему дискриминации и неравноправия словаков в домюнхенской ЧСР. В письмах Бенешу Папанек сетовал на то, что Годжа своими

призывами разрушает созданное чехословацкое единство, подрывая позиции лондонского правительства ЧСР в Америке. С 1940 г. на сторону Годжи и пропагандировавшейся им идеи словацкой автономии стали склоняться словацкие протестантские организации [Ibid. S. 43]. Словацкие католики – приверженцы СЛА – считали Годжу наравне с Бенешем своим противником.

В октябре 1941 г. Годжа прибыл в США, где начал кампанию по распространению своих идей. Этот визит вызвал интерес американских властей. В начале декабря словацкий политик был принят помощником госсекретаря А. Берлом, которого Папанек считал противником Бенеша. Во время разговора Годжа осудил словацкий марионеточный режим и указал на необходимость предоставления Словакии автономии в рамках воссозданной ЧСР. В госдепартаменте сочли позицию словацкого политика разумной и умеренной, а сам он произвел впечатление «патриота, с искренностью и видением, которые могут быть направлены на конструктивную работу в послевоенный период в Центральной Европе» [21].

Папанек, пытаясь противопоставить Годже другого словацкого политика, поддержал приезд в США осенью 1941 г. члена лондонского правительства Яна Лихнера, который посетил Чикаго, Питтсбург, Нью-Йорк, Вашингтон, где выступал перед соотечественниками, встречался с лидерами ЧНСА, журналистами и частными лицами [2. S. 89]. Но вскоре выяснилось, что Лихнер имел собственное мнение по словацкому вопросу. Он фактически поддержал федерализацию ЧСР, организовал встречу с Годжей и членами Словацкой лиги. На ней Лихнер выступил в поддержку Годжи как представителя интересов словацкой нации. Эти действия привели к прямому конфликту с Папанеком, обвинившему Лихнера в стимулировании раскола среди американских словаков [2. S. 91–100; 3. Р. 222].

По мнению Папанека, из-за деятельности Годжи и его сторонников к началу 1942 г. СНАА оказался в состоянии кризиса [2. S. 102–103]. Исправлению ситуации способствовало вступление США в войну. Тот факт, что Словакия официально считалась союзницей Германии, привел к подрыву позиций Словацкой лиги в Соединенных Штатах. Организации, поддерживавшие лондонское правительство, получили дополнительный козырь для агитации, поскольку последнее стало официальным военным союзником США. Вместе с тем характер деятельности национальных организаций начал меняться. Они стали переходить на патриотические позиции и сосредоточились на поддержке военных мероприятий правительства США.

Уже 19 декабря 1941 г. руководство ЧНСА направило обращение в госдепартамент от имени 300 тыс. своих членов с выражением солидарности президенту США «во всех его действиях по защите Америки». Особое внимание в документе уделялось тому, что Совет являлся американской, а не иностранной организацией, ориентированной, прежде всего, на патриотические цели: объединение всех американцев чехословацкого происхождения и распространение среди них «верности США, их традициям и законам». Лишь в качестве второстепенной задачи указывалось на поддержку «всеми

законными средствами» восстановления Чехословакии и поддержание контактов с ней, распространение информации о «культуре, языке и демократическом наследии чехословацкой нации» [22].

Переориентация на американскую повестку произошла довольно быстро. В феврале 1942 г. Папанек сообщал Бенешу: «Сейчас, когда Америка находится в состоянии войны, Национальный совет и его избиратели занимаются исключительно американскими делами» [2. S. 100–101]. Также он информировал президента, что пытался сократить влияние чехословацких дипломатических структур на организации соотечественников, чтобы не вызывать недовольства официальных органов США [Ibid. S. 102].

Вместе с тем Папанек отмечал наличие серьезных трудностей в руководстве Совета, вызванных разногласиями и соперничеством в его руководстве. Лидеры ЧНСА Змрхал и Мартишек не могли найти общего языка с новым главой ЧАНА Качером. Последний, возглавляя наиболее крупную и богатую организацию в Совете, претендовал на расширение своих полномочий и контроль над ресурсами организации [Ibid. S. 109–111]. Руководство Словацкого альянса продолжало полностью поддерживать Совет, но его единство было подорвано. Для противодействия сторонникам Годжи в альянс было приглашено Словацкое рабочее общество (входившее в Международный рабочий орден¹²). Это усилило влияние левых сил и в дальнейшем послужило основанием для серьезного внимания к СНАА со стороны ФБР [24].

Госдепартамент был недоволен раздорами в чехословацком движении и информационной войной между сторонниками и противниками чехословацкого правительства. В марте 1942 г. А. Берл выразил Папанеку обеспокоенность нарушением «внутреннего единства» в США из-за разногласий в рядах американских граждан иностранного происхождения [25]. Чехословацкое посольство направило в госдепартамент меморандум, в котором обвиняло Годжу в подрыве единства чехов и словаков [26].

В июне 1942 г. Годжа вновь посетил Вашингтон, где встретился с Д. Пуллом из УСС, а затем с Берлом. Словацкий политик вновь изложил основы своей программы и обвинил Папанека в организации клеветнической кампании. Он сообщил, что получил поддержку двух словацких организаций с 80 тыс. членов (Словацкий католический сокол и Пенсильванский Католический союз). Пулл дал понять Годже, что «борьба по европейским политическим проблемам не должна вестись на американской земле среди американских граждан и иностранцев» [27]. А Берл заметил, что, хотя усилия Годжи направлены в правильном направлении, правительство США выступает против конфликта между американскими гражданами иностранного происхождения [28]. По итогам этих встреч Берл попросил Пулла изучить ситуацию и попытаться уладить возникший в чехословацкой среде конфликт «на личной основе» [29].

Активность Годжи удалось частично снизить после того, как при посредничестве Пулла ему была предложена должность в Йельском институте международных

исследований, где он смог сосредоточиться на научной работе. К концу 1942 г. он отошел от активной критики Бенеша, посчитав, что выполнил свою главную задачу – добился вынесения на обсуждение вопроса о будущем Словакии. Впоследствии Годжа вынужден был отправиться на лечение во Флориду, где и скончался в июне 1944 г. [30].

УСС в конфликте ЧНСА с Годжей прежде всего выступал против раскола в чешских и словацких организациях. В подготовленных осенью 1942 г. обзорах Совет был назван «символом чехословацкого единства в США», разрушение которого могло быть использовано вражеской пропагандой [Ibid.]. Обзор УСС от 24 октября сообщал об ослаблении противоречий в словацкой среде после того, как на съезде Словацкого альянса было зачитано обращение Бенеша о поддержке им децентрализации восстановленной ЧСР и равноправия чехов и словаков [31].

В тот же период происходила смена руководства в Словацкой лиге, вызванная желанием дистанцироваться от тисовского режима. Сторонник прежней политики президент Йозеф Гушек¹³ вынужден был уступить свой пост более умеренному лидеру – Френсису Дюбошу¹⁴.

В ноябре 1942 г. поддержавшие Годжу автономисты учредили Американско-словацкий совет организаций и газет. В его состав вошли 14 организаций из разных лагерей – СНАА и СЛА. Таким образом, в словацком движении наметилась тенденция к консолидации двух оппозиционных Чехословацкому совету групп [33]. С целью поддержать сторонников лондонского правительства в феврале 1942 г. в США вновь прибыл Масарик. Он выступал с публичными заявлениями, читал лекции, встречался с представителями американской элиты, активистами чешской и словацкой общин [34. S. 142]. Но главным стимулом консолидации должен был стать долгожданный визит в США Бенеша. Вашингтон дал согласие на приезд чехословацкого президента весной 1943 г.

За несколько месяцев до этого словацкие организации пытались направить свою делегацию в Вашингтон с обращением к правительству США в защиту интересов Словакии. Госдепартамент выступил против подобных инициатив, не желая подогревать разногласия между американскими гражданами [35–38].

Весной 1943 г. в УСС было подготовлено несколько аналитических докладов об обстановке в национальных организациях чехов и словаков. Специалисты Управления полагали, что Бенеш мог рассчитывать на поддержку ЧНСА и его членов. Общее количество его сторонников оценивалось в 500 тыс. человек. Противники лондонского правительства были сосредоточены в Словацкой лиге (150 тыс. членов) и движении автономистов (до 100 тыс. человек). Ожидалось, что сам Бенеш будет избегать обсуждения словацкого вопроса и заключения каких-либо соглашений по этой проблеме до конца войны [39].

В справке госдепартамента главными противниками Бенеша в национальной среде назывались Годжа, Осусский, некоторые политические эмигранты в Лондоне, недовольные авторитарными методами управле-

ния и сближением с СССР [40]. Папанек в начале января 1943 г. в письме Бенешу называл в числе его врагов в США Годжу, словаков, венгров, католиков, сторонников Габсбургов и восстановления Австро-Венгрии, объявлявших лондонское правительство «авангардом большевиков» [2. S. 105–109].

Официальный визит Бенеша в США и Канаду длился с 12 мая по 9 июня 1943 г. Он посетил Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, но отказался от визитов в Питтсбург и Кливленд. Наиболее грандиозный прием со стороны соотечественников Бенешу был устроен в Чикаго. На вокзале его встречали около 2 тыс. человек, на следующий день президент выступил перед огромной аудиторией на стадионе, а вечером посетил организованный в честь него Чехословацким советом ужин [41. P. 250].

Президент ЧСР публично выступал с разъяснением своей политической программы. Он заявлял о скором освобождении Чехословакии, ее восстановлении в прежних границах и возвращении к демократическим порядкам, говорил о том, что соотечественники в Америке должны ассоциировать себя прежде всего с интересами США, а с исторической родиной их должны связывать борьба против общего врага и верность демократии. Он высказывался в пользу реорганизации политической и административной системы ЧСР, предоставления большей автономии местным властям, проведения важных социальных и экономических реформ. В области внешней политики он отстаивал необходимость тесного союза с СССР [42. P. 71–145; 43. P. 40–70].

Во время переговоров Бенеша с руководством госдепартамента лишь вскользь поднимались вопросы взаимодействия чешских и словацких организаций в США. Государственный секретарь США К. Хэлл выразил сожаление по поводу действий американских словаков, наводнивших внешнеполитическое ведомство всевозможными ходатайствами. Госсекретарь отметил, что их запросы передавались для ответов младшим сотрудникам ведомства, чтобы не создавать впечатления, что они принимались всерьез. Бенеш отверг все претензии американских словаков, заявив, что они являлись гражданами США и мало или вовсе ничего не знали о Словакии [44].

На встрече с помощником госсекретаря А. Берлом обсуждалось отношение к Годже. Папанек в письмах Бенешу изображал американского дипломата одним из главных противников чехословацкого правительства. Однако Берл не проявил никаких симпатий к оппонентам чехословацкого президента. По его словам, Годжу в госдепартаменте воспринимали как бывшего высокопоставленного политика и беженца, с которым не собирались заключать никаких сделок. «Мы считаем, что отношения со словаками являются вашим внутренним делом, что это нас не касается», – заметил помощник госсекретаря. Он также поблагодарил чехословацкое правительство за отказ от использования соотечественников для влияния на политику США, как это делали поляки [41. P. 128].

В целом визит Бенеша оказал благотворное влияние на отношения лондонского правительства и его сторонников с Вашингтоном. В докладе УСС констатирова-

лось, что президент ЧСР сознательно не искал путей примирения с оппозиционными ему словацкими группировками в США и заявлял, что будущее страны должно определяться ее гражданами, а не эмигрантами. Отмечалось, что он с достоинством отразил критические выпады словацких католиков и Годжи по поводу курса на сближение с СССР и недвусмысленно дал понять, что для него важнее «поддержка 190 миллионов русских, нежели нескольких сотен тысяч словаков в США». В то же время президент признавал некоторые ошибки в управлении довоенной Чехословакией и обещал словакам «больше справедливости в будущем». В целом открытая поддержка Вашингтоном Бенеша и его сторонников, по мнению экспертов УСС, превратила его противников в «политические отбросы» [45].

В конце 1943 г. Бенеш посетил СССР, где подписал договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Это событие возбудило неоднозначную реакцию в разных кругах американского общества и вызвало ожидаемый шквал нападок со стороны противников Бенеша [46]. Папанек сообщал в Лондон о «нервном» отношении государственных органов США к Чехословацкой информационной службе, а также о том, что от лидеров ЧНСА потребовали зарегистрироваться в качестве агентов чехословацкого правительства [2. S. 121].

В обзоре УСС, посвященном реакции чешских и словацких организаций на подписание советско-чехословацкого договора, упоминалось о проведении нескольких митингов в поддержку этого акта. Вместе с тем указывалось на причастность к их организации Словацкого рабочего общества, особо отмечалось присутствие на торжествах члена чехословацкого госсовета – словацкого коммуниста Йозефа Вало, прибывшего на конференцию Международной организации труда [47].

С 1944 г. активностью левых сил в рядах Словацкого альянса стала интересоваться и ФБР. По сведениям Бюро, коммунистическую линию в Совете проводил глава влиятельного Чикагского отделения СНАА, один из лидеров Словацкого рабочего общества и член Коммунистической политической ассоциации Чарльз Коренич [48]. Опасаясь усиления его влияния, консервативные лидеры в то же время не желали открыто выступать против «коммунистических элементов», чтобы не осложнять отношения чехословацкого правительства с СССР [49].

В 1944 г. в ЧНСА обозначился еще один внутренний конфликт. Под эгидой Совета была учреждена благотворительная организация «Американская помощь Чехословакии». Этот шаг обосновывался рекомендациями властей США. Против выступили Чешский альянс и Качер, поскольку под его руководством уже функционировала другая организация – «Чехословацкая лига помощи». Лидеры ЧНСА требовали передать ее активы новой структуре. Качер отказался, заявив, что в этом случае собранные средства будут использоваться не в благотворительных, а в политических целях [50]. Информаторы ФБР сообщали о возможности выхода ЧАНА из Совета и его сближении со словацкими автономистами [51].

Лишь в октябре 1944 г. на съезде в Чикаго президиум ЧАНА вопреки позиции президента альянса под-

держал создание новой благотворительной организации. Решение было принято после выступления секретаря ЧНСА Мартинека, обвинившего противников реформы в непатриотичном поведении и сопротивлении рекомендациям правительства США [51, 52]. Словацкие католики были отстранены от участия в «Американской помощи Чехословакии» и учредили собственную организацию – «Американо-словацкую католическую помощь».

Угроза лишиться поддержки Чешского альянса могла серьезно подорвать положение Совета, поскольку именно ЧАНА являлся его главным спонсором [53]. Однако опасность его объединения со словацкими автономистами была маловероятной. К концу войны их движение находилось в упадке. После смерти Годжи на руководящую роль в нем претендовали один из бывших лидеров СНАА Михаил Мудры-Себик и зять Годжи Ян Палка из Чикаго. Их попытки встретили серьезное сопротивление Словацкого альянса и вызвали новую информационную войну в словацкой прессе [24].

В 1944 г. в Словакии заметно оживилось освободительное движение, во главе которого встал Словацкий национальный совет. Его программа была близка требованиям Годжи об автономии в рамках ЧСР. Одним из лидеров этого движения стал бывший сторонник Годжи Ян Урсины. Получив поддержку американских словаков, автономисты в ЧСР могли усилить свои позиции. Кроме того, по мере продвижения Красной Армии на освобожденных территориях Словакии усиливалось влияние коммунистов, которые получали хорошие шансы войти в коалиционное правительство ЧСР. Указанные обстоятельства заставляли лидеров чехословацкого правительства искать новых сторонников и союзников.

Информаторы ФБР сообщали, что лондонское правительство пыталось переманить на свою сторону лидеров словацких автономистов в США. Палке была предложена должность директора чехословацкой секции Администрации Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации, а Мудры-Себику – пост политического советника при правительстве. Проживавший в США сын Милана Годжи Федор был включен в состав чехословацкой правительственной делегации в Словакии. Назначение Мудры-Себика отставляли Лихнер и Урсины, предлагая предоставить тому также пост заместителя министра сельского хозяйства [54].

Эти мероприятия вызвали решительные возражения со стороны ЧНСА, Папанека и Гурбана [55]. Для преодоления разногласий вновь был привлечен Масарик. По дороге на конференцию в Сан-Франциско, в апреле 1945 г., он остановился в Чикаго, проведя переговоры с руководством ЧНСА и с лидерами автономистов. Но к этому времени Мудры-Себик отказался возвращаться в Чехословакию «из-за слишком большого количества политических врагов», а Палка попросил время на размышление [56, 57].

Лишь Словацкая лига последовательно сохраняла самостоятельную оппозиционную Бенешу позицию. К 1945 г. в ней выделилась фракция автономистов, но большинство оставалось за сторонниками независимости. Проходивший в октябре 1944 г. съезд лиги принял

резолцию с призывом к созданию словацкого государства в рамках Центрально-Европейской федерации [24].

Большинство же американских словаков, судя по данным ФБР, в этих дебатах участия не принимали. Как сообщали информаторы Бюро в начале 1945 г., рядовые члены различных организаций всерьез не интересовались будущим своей исторической родины. Борьба шла в основном в верхах – между политиками, «которые своими заявлениями и бесконечными распрями создавали впечатление, будто американские словаки крайне заинтересованы в иностранных делах» [24, 58]. По всей видимости, похожая ситуация сложилась и среди американских чехов.

На итоговом съезде ЧНСА 28–29 июля 1945 г. были оглашены основные показатели его работы. К концу войны в Совете было 75 тыс. членов и 370 отделений. Из них в Чешском альянсе – 50 тыс. членов и 213 отделений, в Национальном альянсе чешских католиков – 4 тыс. членов и 10 отделений/, в Федерации американских чехословаков Техаса – 50 отделений (без указания количества членов), в Словацком альянсе – 7 тыс. членов, 97 отделений. С апреля 1939 по июль 1945 г. суммарный бюджет Совета составил 600 тыс. долл. Из них 212 тыс. были переданы на освободительное движение. Крупнейшим вкладчиком был Чешский альянс, внесший 238 тыс. долл., Словацкий альянс вложил 87 тыс. долл., Федерация американских чехословаков Техаса – 62 тыс., Национальный альянс чешских католиков – 50 тыс. долл. [53].

По сведениям ФБР (непроверяемым), общий объем собранных ЧНСА средств оценивался в 1,5 млн долл. Из них 365 тыс. было потрачено на поддержание работы чехословацких консульств, 162 тыс. – на нужды самого Совета и 22 тыс. на выплаты зарплат, 25 тыс. – на издательскую деятельность и пропаганду. 217 тыс. были выделены для оказания гуманитарной помощи Чехословакии. Еще 300 тыс. было собрано Чешским альянсом в рамках гуманитарной деятельности [52]. На июльском съезде ЧНСА 1945 г. было принято решение переориентировать работу Совета на культурную сферу – организацию студенческих обменов, различных мероприятий и выставок [53].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в годы Второй мировой войны чехам и словакам в США не удалось создать единую национальную организацию для поддержки освободительного движения. Причиной были укоренившиеся разногласия на этнической, религиозной и политической основе.

В США действовало множество чешских и словацких объединений, разделенных на два главных лагеря – сторонников и противников возрождения ЧСР. Во главе первых находился ЧНСА, вторых – Словацкая лига Америки. Главным очагом разногласий был вопрос о послевоенном положении Словакии и правах ее населения. Чехословацкое правительство в изгнании поддерживали чешские и словацкие протестантские организации с центром в Чикаго. Большинство словаков (преимущественно католиков) выступали за независимость своей родины. В 1941–1942 гг. в их среде также выделилась группа автономистов, занимавшая среднюю позицию.

Соперничество между этими платформами развивалось при активном участии чехословацких политиков-эмигрантов. Поддерживавшие Бенеша организации во главе с ЧНСА действовали в тесном сотрудничестве с чехословацкими дипломатическими и пропагандистскими структурами, оказывали им финансовую и идейную поддержку, выступали лоббистами различных политических программ. Пропаганда велась через периодические издания на чешском, словацком и английском языках.

Правительство США выступало в этих спорах сторонним наблюдателем. Оно высказывалось против прямого вовлечения своих граждан в споры по внешнеполитическим проблемам. Официально Вашингтон с 1941 г. поддерживал чехословацкое правительство во главе с Бенешем и выступал с осуждением словацкого марионеточного режима. Большинство граждан США чешского и словацкого происхождения не были включены в политическую борьбу.

Деятельность национальных организаций можно разделить на три периода. В 1939–1941 гг. произошла

консолидация двух лагерей – сторонников и противников восстановления ЧСР. Лидеры обеих групп обращались за поддержкой к правительству США, которое, однако, предпочитало дистанцироваться от европейских проблем. 1942–1944 гг. были ознаменованы переходом на патриотическую повестку и нараставшим расколом внутри национальных течений, особенно в словацкой среде. На последнем этапе, в 1944–1945 гг., внутренний раскол частично удалось преодолеть. Автономистское движение, оформившись с приездом в США М. Годжи, стало затихать после его смерти летом 1944 г. Проправительственные организации получили дополнительную поддержку после официального визита Э. Бенеша в США в 1943 г. Сторонники словацкой независимости сохранили самостоятельную позицию, но вынуждены были отказаться от открытой поддержки режима Тисо и поддержать требование национальной автономии. Тогда же наметился переход национальных организаций к новым функциям: сбору благотворительных средств и развитию культурных связей.

Примечания

¹ Э. Бенеш подал в отставку с поста президента ЧСР после подписания Мюнхенского соглашения в октябре 1938 г. В качестве частного лица он уехал в Великобританию, а затем в США – в качестве приглашенного профессора Чикагского университета, и пробыл там до июля 1939 г. См.: [4].

² В Пенсильвании (в основном в Питтсбурге) располагались следующие организации: Словацкая лига Америки, Национальный альянс словацких лютеран, Словацкое благотворительное общество Zivena, Словацкий евангелический союз, Национальное словацкое общество, Словацкий католический сокол, Пенсильванский Католический союз, Пенсильванский словацкий католический союз, Пенсильванский словацкий католический женский союз, Совет американских словацких организаций и газет (с 1944 г.); в Огайо (Кливленд): Кливлендский словацкий союз, Первый католический словацкий союз, Первый католический словацкий женский союз; в Иллинойсе (Чикаго): ЧНСА, ЧАНА, США, Национальный альянс чешских католиков, Ассоциация чехословацких журналистов и радиоведущих (с 1944 г.).

³ Чешско-американский национальный альянс (Czech American National Alliance; panee – Bohemian National Alliance, České národné združenie) был основан в 1914 г. со штаб-квартирой в Чикаго. Словацкая лига Америки (Slovak League of America) – в 1909 г. в Питтсбурге.

⁴ Кливленд (Огайо) и Питтсбург (Пенсильвания) расположены в соседних штатах, расстояние между ними составляет около 200 км. Согласно переписи 1940 г., в Чикаго проживали 63 тыс. чехов и 21 тыс. словаков, в Нью-Йорке – 25 и 20 тыс., в Кливленде – 28 и 32 тыс., в Питтсбурге – 2 и 10 тыс. соответственно. Распределение по штатам было следующим: Пенсильвания – 22 тыс. чехов и 214 тыс. словаков; Иллинойс – 108 и 33 тыс., Огайо – 45 и 86 тыс., Нью-Йорк – 36 и 42 тыс., Техас – 63 и 1 тыс. соответственно. См.: [5. Р. 15–22, 33–35].

⁵ Ян Папанек (1896–1991) родился в Словакии. Во время Первой мировой войны сражался в рядах Австро-венгерской армии. Попал в плен в Италии и включился в движение за создание чехословацкого государства. В 1922 г. начал работать в МИДе ЧСР. В 1926–1931 гг. – атташе в Вашингтоне, в 1931–1935 гг. – представитель МИДа в парламенте, с 1935 г. – консул в Питтсбурге. В 1939 г. стал личным представителем Бенеша в США, отвечал за пропаганду и взаимодействие с организациями соотечественников. С 1942 г. – глава Чехословацкой информационной службы в Нью-Йорке. В 1945 г. – секретарь чехословацкой делегации на конференции в Сан-Франциско. С лета 1946 г. представлял ЧСР в ООН. В 1948 г. выступил против коммунистического переворота в ЧСР и остался в США. См.: [2. С. 7–10; 3. Р. 217].

⁶ Ярослав Змрхал (Jaroslav Josef Zmrhal, 1878–1951) родился в Чехии и эмигрировал в США в 1893 г.; закончил Чикагский университет, работал учителем, затем государственным школьным инспектором в Чикаго. В 1939–1945 гг. президент ЧНСА. См.: [9. С. 123; 10. Р. 61; 11. С. 86].

⁷ Йозеф Мартинек (Joseph Martinek, 1889–1980) родился в Чехии, эмигрировал в США в 1909 г., получил гражданство в 1915 г. В 1915–1934 гг. работал журналистом и редактором газет Delnický Listy и American Labor News в Кливленде. В 1934–1939 гг. – редактор газеты Чехословацкой социал-демократической партии Pravo Lidu в Праге. В 1939 г. вернулся в США, занимал должность исполнительного секретаря ЧНСА до 1945 г. См.: [12].

⁸ Ярослав Пеликан (Jaroslav Jan Pelikan) родился в 1899 г. в Словакии. Был привезен в США в детском возрасте. Его отец дослужился до сана епископа лютеранской церкви. Он сам служил лютеранским пастором в Чикаго. В 1940 г. избран президентом США.

⁹ Адольф Качер (Adolf Kačer, 1891–1956) родился в Чехии, приехал в США в 1902 г., получил гражданство в 1917 г. С 1910 г. жил в Чикаго, где работал механиком, затем открыл собственную фирму. С 1914 г. участвовал в деятельности Чешского национального альянса. С 1935 г. казначей альянса, с 1941 г. – президент. См.: [13. Р. 4].

¹⁰ Владимир Маудр (Vladimír A. Maudr) родился в 1901 г. в Чехии и приехал в США в 1932 г. Получил гражданство в 1938 г. Занимался торговлей хлопком в Хьюстоне. Возглавлял Федерацию американских чехословаков Техаса с момента ее создания. См.: [7].

¹¹ Штефан Осуцкий (Štefan Osuský, 1889–1973) родился в Словакии, в 1906 г. уехал в США, где получил образование и докторскую степень. Активный участник словацких организаций в Америке, вице-президент Словацкой лиги. Основал газеты Slovenské slovo и Slovenský týždenník. Участвовал в движении за создание чехословацкого государства в 1916–1918 гг. В 1918–1921 гг. – дипломатический представитель ЧСР в Великобритании, на Парижской мирной конференции и в Лиге Наций, в 1921–1940 гг. – посланник во Франции. В 1939–1940 гг. – член Чехословацкого национального комитета в Париже, в 1940–1942 гг. – министр Чехословацкого правительства в изгнании в Лондоне. Из-за критики Э. Бенеша и его политики был выведен из его состава. С 1945 г. проживал в США. См.: [20].

¹² Международный рабочий орден (International Workers Order – IWO) был учрежден в 1930 г. как страховая и благотворительная организация взаимопомощи рабочих. Словацкое рабочее общество являлось одной из национальных секций ордена. Оно было учреждено в 1934 г. и к концу войны насчитывало около 14 тыс. членов. См.: [23].

¹³ Йозев Гушек (Jozef Nušek, 1880–1947) родился в Словакии, эмигрировал в США в 1903 г. Работал журналистом и редактором газет Slovák v Amerike и Jednota. Был активным членом словацких национальных организаций, президентом Словацкой лиги Америки в 1922–1935, 1938–1942 гг. Поддерживал Словацкую республику.

¹⁴ Френсис Дюбош (Francis Joseph Dubosh, 1890–1967) родился в Огайо в семье словацкого эмигранта. Был настоятелем католической церкви в Лейквуде (Огайо) близ Кливленда. См.: [32].

Список источников

1. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров, 2014. 510 с.
2. Ján Papánek. Za vojny Edvardovi Benešovi (dokumenty 1939–1945) / ed. S. Michálek. Bratislava, 1997. 206 s.
3. Papánek J. Organization in the United States of the Struggle for Czechoslovakia's Independence, 1938 to 1941 // Czechoslovakia Past And Present. Hague, 1968. Vol. I. P. 216–223.
4. Зорин А.В. Проблема признания США чехословацкого правительства в изгнании в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 31–34.
5. Sixteen Census of the United States: 1940. Population. Nativity and Parentage of the White Population. Washington, 1943. URL: <https://www.census.gov/library/publications/1943/dec/population-nativity.html> (accessed: 17.03.2020).
6. Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940 (16. březen 1939 – 15. červen 1940). Praha, 2002. 349 s.
7. US National Archives and Records Administration (NARA). RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945. File 100-1534.
8. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-1045. Hoover to Lyon. Feb. 10, 1945. File 100-7531.
9. Dubovický I. Češi v Americe a česko-americké vztahy v průběhu pěti staletí. Praha, 2018. 198 s.
10. Sternstein M. Czechs of Chicagoland. Chicago, 2008. 127 p.
11. Ženka J. Alois Richard Nykl. Poznámky k revoluční akci v Chicagu (1914–1918). Praha, 2017. 399 s.
12. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/511. FBI Report file 100-12541. Sept. 14, 1943.
13. Smetana C.J. Stories of the Stones: Kacer and CANA // Heritage Happenings. 2016. Vol. 12, № 3. URL: www.friendsofbnc.org/newsletters/vol12no3.pdf (accessed: 14.03.2020).
14. Interview with Jan Papanek by W.H. Link // Library of Congress. Manuscript Division. Jan Papánek Papers. Box 3.
15. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.01/334. Memorandum for the files. March 13, 1940.
16. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/414. Memorandum of Conversation. May 8, 1941.
17. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/362. Pelikan to Hull. Dec. 3, 1940.
18. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/372. Hušek to Hull. April 2, 1941.
19. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/429-1/2. Memorandum of Conversation. Nov. 18, 1941.
20. Michálek S. Diplomát Štefan Osuský, 1889–1973. Bratislava, 1999. 518 s.
21. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/429-3/4. Memorandum of Conversations. Dec. 9, 1941.
22. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/464. Zmrhal to Hoskins. Dec. 19, 1941.
23. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945. File 100-28390.
24. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945. File 100-15744.
25. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/502. Memorandum. March 13, 1942.
26. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/438-1/2. Memorandum. May 14, 1942.
27. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/444-1/2. Memorandum. June 16, 1942.
28. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.00/990. Memorandum. June 18, 1942.
29. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 290). 860F.00/993. Berle to Poole. Sept. 17, 1942.
30. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/458, 860F.01/463-1/2. FNB Memorandums. Oct. 1 and 24, 1942.
31. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/463-1/2. Memorandum. Oct. 24, 1942.
32. NARA. RG165. MID. Regional File, 1922–1944. Box 691. FNB Memorandums № 103 and 116. Feb. 6 and March 18, 1943.
33. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/127-1/2. Poole to Berle. Nov. 19, 1942.
34. Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1942. Praha, 2010. Svazek I: 1. leden–31. červenec 1942. 472 s.
35. NARA. Decimal File 1910–1944. 860F.01/475. Karr to Berle. Dec. 3, 1942.
36. NARA. Decimal File 1910–1944. 860F.01/475. Berle to Karr. Dec. 4, 1942.
37. NARA. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). FW860F.001/127-1/2. Atherton to Berle. Nov. 20, 1942.
38. NARA. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). FW860F.001/127-1/2. Berle to Atherton. Nov. 21, 1942.
39. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/146. FNB Memorandum № 124. May 5, 1943.
40. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/135. “Eduard Benes”. May 10, 1943.
41. Taborsky E. President Edvard Benes. 1938–1948. Stanford, 1981. 299 p.
42. Czechoslovak sources and documents. New York, 1943. № 4: August 1943. President Benes on War and Peace.
43. Dr. Edvard Beneš's official wartime visit to the United States and Canada in 1943. New York, 1944. 156 p.
44. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.001/144. Poole to the Director of OSS.
45. NARA. RG165. MID. Regional File, 1922–1944. Box 690. FNB Memorandum № 133. June 26, 1943.
46. Зорин А.В. США и Советско-чехословацкий договор 1943 г. // Российская история. 2017. № 4. С. 151–163.
47. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. FNB Memorandum № B-196. 15 May, 1944.
48. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945. File 100-15744.
49. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-1245. Hoover to Lyon. Apr. 12, 1945.
50. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/3-844. Hoover to Berle. Aug. 3, 1944.
51. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/11-944. Hoover to Berle. Nov. 9, 1944.
52. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-1045. Hoover to Lyon. Feb. 10, 1945. File 100-16170.
53. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/10-1545. Hoover to Lyon. Oct. 15, 1945. File 100-16170.
54. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-2845. Hoover to Lyon. Feb. 28, 1945.
55. NARA. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 30). 860F.01/12-3044. Hoover to Lyon. Dec. 30, 1944.
56. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-445. Hoover to Lyon. Apr. 4, 1945.
57. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-2845. Hoover to Lyon. Apr. 28, 1945.
58. NARA. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-1445. Hoover to Lyon. Apr. 14, 1945. File 100-15744.

References

1. Yungblyud, V.T. (ed.) (2014) *Vstrechnými kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov: VSSU.
2. Papánek, J. (1997) *Za vojny Edvardovi Benešovi (dokumenty 1939–1945)*. Bratislava: VEDA.
3. Papánek, J. (1968) Organization in the United States of the Struggle for Czechoslovakia's Independence, 1938 to 1941. In: Rechcigl, M. *Czechoslovakia Past And Present*. Vol. 1. Hague: Czechoslovak Society of Arts and Sciences in America. pp. 216–223.
4. Zorin, A.V. (2017) Problema priznaniya SShA chekhoslovatskogo pravitel'stva v izgnanii v gody Vtoroy mirovoy voyny [The problem of US recognition of the Czechoslovak government in exile during the Second World War]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 31–34.
5. USA. (1943) *Sixteen Census of the United States: 1940. Population. Nativity and Parentage of the White Population*. Washington. [Online] Available from: <https://www.census.gov/library/publications/1943/dec/population-nativity.html> (Accessed: 17th March 2020).
6. Czechia. (2002) *Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940 (16. březen 1939 – 15. červen 1940)*. Praha: [s.n.].
7. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945*. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. File 100-1534.
8. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 10, 1945*. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-1045. File 100-7531.
9. Dubovický, I. (2018) *Češi v Americe a česko-americké vztahy v průběhu pěti staletí*. Praha: [s.n.].
10. Sternstein, M. (2008) *Czechs of Chicagoland*. Chicago: Arcadia Publishing.
11. Ženka, J. (2017) *Alois Richard Nykl. Poznámky k revoluční akci v Chicagu (1914–1918)*. Praha: [s.n.].
12. US National Archives and Records Administration (NARA). *FBI Report file 100-12541. Sept. 14, 1943*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/511.
13. Smetana, C.J. (2016) Stories of the Stones: Kacer and CANA. *Heritage Happenings*. 12(3). [Online] Available from: www.friendsofbnc.org/newsletters/vol12no3.pdf (Accessed: 14th March 2020).
14. Papánek, J. (n.d.) *Interview with Jan Papanek by W.H. Link*. Library of Congress. Manuscript Division. Jan Papánek Papers. Box 3.
15. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum for the files. March 13, 1940*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.01/334.
16. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum of Conversation. May 8, 1941*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/414.
17. US National Archives and Records Administration (NARA). *Pelikan to Hull. Dec. 3, 1940*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/362.
18. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hušek to Hull. April 2, 1941*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/372.
19. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum of Conversation. Nov. 18, 1941*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/429-1/2.
20. Michálek, S. (1999) *Diplomat Štefan Osuský, 1889–1973*. Bratislava: [s.n.].
21. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum of Conversations. Dec. 9, 1941*. RG9. Decimal File 1910–1944. 860F.01/429-3/4.
22. US National Archives and Records Administration (NARA). *Zmrhal to Hoskins. Dec. 19, 1941*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/464.
23. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945*. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. File 100-28390.
24. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945*. RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945. File 100-15744.
25. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum. March 13, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/502.
26. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum. May 14, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/438-1/2.
27. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum. June 16, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/444-1/2.
28. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum. June 18, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.00/990.
29. US National Archives and Records Administration (NARA). *Berle to Poole. Sept. 17, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 290). 860F.00/993.
30. US National Archives and Records Administration (NARA). *FNB Memorandums. Oct. 1 and 24, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/458, 860F.01/463-1/2.
31. US National Archives and Records Administration (NARA). *Memorandum. Oct. 24, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/463-1/2.
32. US National Archives and Records Administration (NARA). *FNB Memorandums № 103 and 116. Feb. 6 and March 18, 1943*. RG165. MID. Regional File, 1922–1944. Box 691.
33. US National Archives and Records Administration (NARA). *Poole to Berle. Nov. 19, 1942*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/127-1/2.
34. Czechia. (2010) *Dokumenty československé zahraniční politiky*. In: *Československá zahraniční politika v roce 1942*. Praha: [s.n.].
35. US National Archives and Records Administration (NARA). *Karr to Berle. Dec. 3, 1942*. Decimal File 1910–1944. 860F.01/475.
36. US National Archives and Records Administration (NARA). *Berle to Karr. Dec. 4, 1942*. Decimal File 1910–1944. 860F.01/475.
37. US National Archives and Records Administration (NARA). *Atherton to Berle. Nov. 20, 1942*. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). FW860F.001/127-1/2.
38. US National Archives and Records Administration (NARA). *Berle to Atherton. Nov. 21, 1942*. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). FW860F.001/127-1/2.
39. US National Archives and Records Administration (NARA). *FNB Memorandum № 124. May 5, 1943*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/146.
40. US National Archives and Records Administration (NARA). *“Eduard Benes”. May 10, 1943*. RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 29). 860F.001/135.
41. Taborsky, E. (1981) *President Edvard Benes. 1938–1948*. Stanford: [s.n.].
42. Czechia. (1943) *Czechoslovak sources and documents*. № 4. New York: [s.n.].
43. Watson, T. (1944) *Dr. Edvard Beneš's official wartime visit to the United States and Canada in 1943*. New York: International Business Machines Corporation.
44. US National Archives and Records Administration (NARA). *Poole to the Director of OSS*. RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.001/144.
45. US National Archives and Records Administration (NARA). *FNB Memorandum № 133. June 26, 1943*. RG165. MID. Regional File, 1922–1944. Box 690.
46. Zorin, A.V. (2017) SShA i Sovetsko-chekhoslovatskiy dogovor 1943 g. [USA and the Soviet-Czechoslovak Treaty of 1943]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 151–163.
47. US National Archives and Records Administration (NARA). *FNB Memorandum № B-196. 15 May, 1944*. RG59. Decimal File 1910–1944.

48. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 9, 1945. File 100-15744.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-945.
49. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Apr. 12, 1945.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-1245.
50. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Berle. Aug. 3, 1944.* RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/3-844.
51. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Berle. Nov. 9, 1944.* RG59. Decimal File 1910–1944. 860F.01/11-944.
52. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 10, 1945. File 100-16170.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-1045.
53. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Oct. 15, 1945. File 100-16170.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/10-1545.
54. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Feb. 28, 1945.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/2-2845.
55. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Dec. 30, 1944.* RG59. Decimal File 1910–1944 (M1218, Roll 30). 860F.01/12-3044.
56. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Apr. 4, 1945.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-445.
57. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Apr. 28, 1945.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-2845.
58. US National Archives and Records Administration (NARA). *Hoover to Lyon. Apr. 14, 1945.* RG59. Decimal File 1945–1949. 860F.01/4-1445. File 100-15744.

Сведения об авторах:

Юнгблюд Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и политических наук, президент Вятского государственного университета (Киров, Россия) E-mail: youngblood@vyatsu.ru; valerteod@gmail.com

Зорин Артем Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: arzor@list.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yungblyud Valery T. – Doctor of Sciences (History), Professor, President of Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: valerteod@gmail.com

Zorin Artem V. – Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: arzor@list.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 06.07.2020; accepted for publication 22.02.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 94 + 32] (575.2)

doi: 10.17223/19988613/76/12

«Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.» как источник по изучению политических репрессий казахов за пределами советского Казахстана

Кулгазир Нурановна Балтабаева¹, Зиябек Ермуханович Кабульдинов²,
Тимур Азизбекович Рыскулов³

¹ Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^{2,3} Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

¹ kulgazira_777@mail.ru

² Kabulzia@rambler.ru

³ Timur-Ecehomo-1988@yandex.ru

Аннотация. «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.» позволила установить лиц казахской национальности, подвергшихся политическим репрессиям. Выявлены данные по хронологии репрессий, географии, половозрастному составу. Биографические справки из архивных следственных дел – ценный источник, позволивший более обоснованно судить о советской политической системе и карательной политике на местах. Они свидетельствуют о том, что «преступления» казахов – граждан СССР квалифицировались внесудебными и судебными органами как политические по ст. 58 УК РСФСР.

Ключевые слова: Кыргызстан, Казахстан, казахи, политические репрессии, реабилитация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта: «Политические репрессии среди казахов на территории республик Средней Азии в 20–50-е годы XX века (в свете новых архивных источников)».

Для цитирования: Балтабаева К.Н., Кабульдинов З.Е., Рыскулов Т.А. «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.» как источник по изучению политических репрессий казахов за пределами советского Казахстана // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 100–110. doi: 10.17223/19988613/76/12

Original article

“The book of victims of political repression in Kyrgyzstan in the 1920s–1950s” as a source for the study of political repressions against Kazakhs outside soviet Kazakhstan

Kulgazira N. Baltabayeva¹, Ziyabek E. Kabuldinov², Timur A. Ryskulov³

¹ al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

^{2,3} Ch.Ch. Valikhanov History and Ethnology Institute, Almaty, Kazakhstan

¹ kulgazira_777@mail.ru

² Kabulzia@rambler.ru

³ Timur-Ecehomo-1988@yandex.ru

Abstract. Based on the processing of biographical information on archival and investigative cases given in the 10-volume edition of "The Book of Victims of political Repression in Kyrgyzstan in the 1920s-1950s", it was necessary to identify persons of Kazakh nationality, determine the pace of investigation, the course of repression, statistics of victims and rehabilitation of people whose "crimes" were classified as political.

"The book of victims of political..." (286 pages) accumulated information about the repressed of 55 nationalities, including 87 Kazakhs. In addition, the documents of the funds of the Central State Archive of Socio-Political Documentation

of the Kyrgyz Republic, the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, introduced into scientific circulation for the first time, were used in the article.

The study was conducted by means of comparative-historical, problem-chronological, statistical methods and was based on archival documents. Seven tables containing statistical calculations carried out for 90 convictions were compiled.

The target contingent for repression includes former members of non-Bolshevik parties and the national liberation movement, Soviet and party workers, military personnel and mullahs, education and trade workers, students and cadets, workers and the unemployed. Kazakhs were accused of anti-Soviet propaganda and agitation, conducting counter-revolutionary activities, espionage, propaganda of national discord, escape from camps and expulsion, surrender on the fronts of the Great Patriotic War.

The bulk of arrests (45 arrests (50%)) occurred in 1937-1938. Among the convicts there were 84 men (96.6%) and 3 women (3.4%). At the time of the arrest, the majority of Kazakhs – 80 people (88.9%) were of working age, from 16 to 50 years.

In addition to the Bishkek edition of 2020, information about prominent intellectuals repressed in Kyrgyzstan has been restored from archival materials, as well as fragments of biographies of state and public figures of Kyrgyzstan and Kazakhstan, including the pre-revolutionary and first Soviet generation. Among them: Abykey Satpayev, Zhumagali Tleulin, Iskander Zholomanov, Musabek Taukin, Sanzhar Segizbayev, Shafika Koibagarova.

The rehabilitation of citizens began in line with the all-Union policy and included 3 main points: the years of the Khrushchev thaw (1954-1963), the last years of Gorbachev's perestroika (1988-1991) and the period of sovereignty of Kyrgyzstan (1991-1999).

The materials of the "Book of Victims of Political Repressions in Kyrgyzstan in the 1920s-1950s" are a valuable source in the study of political violence as one of the most important tools of socialist modernization of the Stalinist model. The obtained data expand and specify the directions and tasks of further searches in the state and departmental archives of Kyrgyzstan, Kazakhstan and Russia.

Keywords: Kazakhstan, the Alash party, the intelligentsia, the Kazakhs of Kyrgyzstan, political repression, investigative cases, rehabilitation

Acknowledgments: The article was prepared as part of the project: "Political repressions among Kazakhs in the republics of Central Asia in the 20–50s of the XX century (in the light of new archival sources)".

For citation: Baltabayeva K.N., Kabuldinov Z.E., Ryskulov T.A. (2022) "The book of victims of political repression in Kyrgyzstan in the 1920s–1950s" as a source for the study of political repression against Kazakhs outside soviet Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 100–110. doi: 10.17223/19988613/76/12

Среди изданий по политическим репрессиям тоталитарного режима в Советском Союзе необходимо прежде всего отметить «Книги памяти» имеющие исключительно важное научное и общественное значение. В странах СНГ «Книги памяти жертв политических репрессий» названы по-разному: Расстрельные списки, Покаяния, Книги скорби, Мартирологи и др. Эти издания обладают такими чертами, как однородность структуры и наличие независимых случайных признаков, наполняя понятия «политические репрессии», «этнические репрессии» именами граждан СССР. Обращение историков к «Книгам памяти» вполне закономерно. Именно с них начинается работа по поиску и сверке информации о репрессированных, сведений о реабилитации.

Информационные материалы как массовые источники представляют большую научную ценность. Не является исключением и 10-томная «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.», вышедшая в 2020 г. в г. Бишкеке внушительным объемом в 286 печ. листов, или 4 500 страниц текста, на кыргызском языке¹. Авторами-составителями издания стали кандидат исторических наук, полковник запаса Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики Б.Дж. Абдрахманов и доктор исторических наук, профессор Т.А. Абдырахманов. Миссию Книги они видят в недопущении политических репрессий и забвения их жертв.

Для выборки сведений о лицах казахской национальности проведен сплошной просмотр издания с опо-

рой на структурно-количественные методы. Понятие «жертвы» четко определено и включает только лиц, арестованных и осужденных судебными и внесудебными органами. Наше исследование на микроуровне проведено с применением сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, статистического методов и с опорой на новые архивные документы и литературу. Так, сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное в исторических явлениях одного хронологического ряда в различных регионах или касательно одного региона. Авторами проведены расчеты и составлено 7 таблиц.

В 1996 и 1997 гг. Министерство национальной безопасности Кыргызстана издало в двух выпусках сборник «Восстанавливаем историческую справедливость» [1]. В издание включены краткие сведения о 8 280 лицах, реабилитированных в 1989–1995 гг. органами юстиции. С 1989 г. газеты «Советская Киргизия» и «Советтик Кыргызстан» регулярно информировали общественность о жертвах политических репрессий, но часто без указания национальности человека, социального положения и места жительства перед арестом.

В Бишкекском издании 2020 г. размещены краткие биографические сведения репрессированных 55 национальностей, в том числе казахов. Выходу книги предшествовало изучение 13,5 тыс. архивных дел за 3,5 года, осуществлен перевод обвинительных документов с русского на кыргызский язык. Как правило, завершают каждое биографическое описание шифры архивно-следственных дел, что четко направляет иссле-

дователя «по следу» архивного документа. В книге приведен Закон Кыргызской Республики № 1538-ХІІ от 27 мая 1994 г. «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам», а также распространенная в обвинениях ст. 58 «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса РСФСР [2. С. 13–19].

Сведения о жертвах политических репрессий до 1929 г. представлены единичными данными. Первые репрессии, относящиеся к моменту установления советской власти в Кыргызстане в 1918 г., документированы лишь небольшими фрагментами, поэтому масштабы их пока невозможно достоверно определить. Во вторую группу вошли дела репрессированных в 1930–1933 гг., отражая политику раскрестьянивания, или, как называли ее в документах ВКП(б), «ликвидации кулачества как класса», когда одна часть граждан республики была переселена в необжитые районы Урала, Сибири, Украины и Казахстана, а другая часть граждан, лишенная имущества, собственности, избирательных и иных прав, была переселена в пределах местных областей. Кроме того, многие крестьяне бежали в города и на строящиеся индустриальные объекты, спасаясь от насильственной коллективизации, репрессий, голода, вызванного аграрной политикой большевиков. Именно в эти годы кыргызы, как и казахи в Казахстане, России, Кыргызстане, недовольные советской властью и запуганные ее карательными органами, были вынуждены покинуть родные края и бежать в Западный Китай (Синьцзян). Третья категория репрессированных в Кыргызстане появилась в ходе сменяющих друг друга операций НКВД с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. Четвертая категория репрессированных, в которую не входили местные кыргызы, появилась за счет спецпереселенцев в 1941–1945 гг. [Там же. С. 10–11].

Издание аккумулировало сведения о 87 казахах (90 осуждений с учетом второго ареста и принятой меры наказания), в том числе первый том содержит информацию из архивных уголовных дел касательно 8 казахов [2], второй том – 8 [3], третий – 9 [4], четвертый – 3 [5], пятый – 19 [6], шестой – 4 [7], седьмой – 6 [8], восьмой – 12 [9], девятый – 16 [10] и десятый том – касательно 2 казахов [11]. На каждого арестованного и осужденного составлена краткая биографическая справка, включающая в себя в большинстве случаев следующие данные из уголовных дел: фамилия, имя, отчество (при наличии), год и место рождения, национальность, место жительства, занятие или профессия, партийная принадлежность, дата ареста и осуждения, приговор, наименование следственного органа, дата исполнения приговора о расстреле и сведения о реабилитации.

Для примера приведем данные на Сатпаева Абиkey Зеиновича, о котором речь пойдет ниже:

«Фамилия, имя, отчество: Сатпаев Абиkey Зеинович, 1882 года рождения. Родился в Чингистауском районе Казахстана.

Национальность: казах.

Место проживания: Кыргызская ССР, город Фрунзе, преподаватель землеустроительного техникума.

Арестован: 03.02.1937 г. за антисоветскую деятельность, шпионаж.

Приговор: 20.08.1937 г. тройкой НКВД к высшей мере наказания.

21.08.1937 г. приговор приведен в исполнение.

Примечание: 10.05.1957 г. отменено, приостановлено» [9. С. 269–270].

Аресты казахов в Кыргызстане по политическим мотивам, т.е. за «антисоветскую деятельность», зафиксированы в 1928 г. – 1 чел., в 1930 г. – 4 чел., в 1931 г. – 1 чел., в 1932 г. – 1 чел., в 1933 – 1 чел., в 1935 г. – 2 чел., в 1936 г. – 3 чел. За 1937 г. произведено 13 арестов казахов, т.е. столько, сколько за девять предыдущих лет, начиная с 1928 г. Так, с 3 февраля 1937 г. и до известного приказа НКВД Союза ССР № 00447 от 30 июля были арестованы 5 казахов, которые были осуждены в разгар «большого террора». До конца года были арестованы еще 8 казахов. В 4 раза увеличилось количество арестов в 1938 г. (32 ареста) по сравнению со вторым полугодием предыдущего года. В 1940 г. были арестованы 2 чел., в 1941 г., до начала Великой Отечественной войны, – 3 чел., во время войны – 19 чел., с ноября 1945 г. по ноябрь 1951 г. – 7 чел. Итого 90 арестов за период с конца октября 1928 г. по ноябрь 1951 г.

Основная масса арестов (45, или 50% от их общего числа) приходится на 1937–1938 гг. В 1941–1945 гг. число арестов казахов составило 22, или 24,4%. Спад наблюдается лишь в послевоенное время, с ноября 1945 г. по ноябрь 1951 г. – 7 арестов, что составило 7,8% от их общего числа. Таким образом, от провозглашенной правящей партией большевиков победы социализма в отдельно взятой стране, с 1937 г., был дан новый старт беззаконию и нарушению прав человека. До ноября 1951 г. было проведено 75 арестов казахов в Кыргызстане, что составило 83,3% от общего числа их арестов с октября 1928 г.

Казахи – уроженцы Кыргызстана являлись выходцами Нарынской, Иссык-Кульской и Чуйской областей, а также городов Фрунзе (Бишкек) и Нарын. На момент ареста казахи проживали в Нарынской, Баткенской, Иссык-Кульской, Ошской, Таласской, Жалал-Абадской и Чуйской областях и в таких городах, как Бишкек, Баткен, Джалал-Абад, Кара-Балта, Каракол, Кызыл-Кия, Нарын, Ош, Токмок.

На момент ареста в Киргизии большинство казахов были в трудоспособном возрасте. Так, арестованные в возрасте от 16 до 50 лет составляли 80 человек, или 88,9% от общего числа арестованных за период с ноября 1928 г. по ноябрь 1951 г. (табл. 1)

Как свидетельствуют материалы, представленные в новом издании, репрессии в Кыргызстане выражались в смертном приговоре, «коротком» тюремном заключении (три года или меньше) или в длительном сроке (свыше трех лет) (табл. 2).

По гендерному составу среди арестованных и осужденных были 84 мужчин (96,6%) и 3 женщины – уроженки Казахстана (3,4%). Незначительное число женщин было характерно для национальных республик. Очевидно, в политическом смысле их не принимали

всерьез из-за низкого социального статуса в обществе. Кроме того, в ИТЛ нужна была мужская рабочая сила.

Таблица 3 отражает меру наказания с учетом возраста на момент ареста в Кыргызстане.

Таблица 1

Репрессированные казахи в Кыргызстане по возрасту

Возраст на момент ареста	16–20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	61–70 лет	Не указан год рождения арестованного
Кол-во, чел.	4	30	34	12	7	2	1
В % к итогу	4,4	33,3	37,8	13,3	7,8	1,1	1,1

Таблица 2

Приговоры казахам (до пересмотра дел)

Мера наказания	Кол-во осуждений	% от общего числа осуждений
Расстрел (ВМН)	15	16,7
10, 15 лет лишения свободы	18	20,0
5–8 лет лишения свободы	17	18,9
1–3 года лишения свободы	7	7,8
Ссылка	2	2,2
Смерть в тюрьме во время следствия	2	2,2
Не указана мера наказания	4	4,4
Дело прекращено	25	27,8
Всего	90	100

Таблица 3

Мера наказания с учетом возраста

Возраст на момент ареста, лет	Мера наказания						Всего,	
	Расстрел	Лишение свободы	Ссылка	Не указана мера наказания	Дело прекращено	Смерть во время следствия	Чел.	%
16–20	–	3	–	–	1	–	4	4,4
21–30	6	12	–	2	10	–	30	33,3
31–40	6	12	1	1	13	1	34	37,8
41–50	2	7	1	1	1	–	12	13,3
51–60	1	6	–	–	–	–	7	7,8
61–70	–	1	–	–	–	1	2	2,2
Не указан год рождения	–	1	–	–	–	–	1	1,1
Всего, чел.	15	42	2	4	25	2	90	
В %	16,7	46,7	2,2	4,4	27,8	2,2		100

Примечание. Таблицы 1–7 составлены нами по данным, приведенным в [2–11].

Приговоры о лишении свободы на различные сроки были объявлены судебными и несудебными органами ОГПУ–НКВД 42 арестованным. Дважды были репрессированы трое мужчин: уроженцы Кыргызстана, Ак-тубинской и Южно-Казахстанской областей Казахстана. Среди репрессированных преобладали беспартийные, а среди 16 коммунистов – рядовые члены, есть секретарь райкома партии, военком, начальник районного отделения милиции, одна женщина – парторг колхоза. Количественно преобладали осуждения казахов на большие сроки заключения в ИТЛ НКВД, от 5 до 15 лет каторжных работ (табл. 4).

Приведем некоторые факты: рядовой 261-й стрелковой дивизии Кадыров Осман осужден к 15 годам лишения свободы за то, что попал в плен на фронте Великой Отечественной войны [6. С. 38]. Уроженец Павлодарского района Асанов Гапар в 26-летнем возрасте работал начальником отдела кадров Министерства здравоохранения Киргизской ССР и 20 августа 1937 г. был осужден на 8 лет ИТЛ [2. С. 330]. Братья Батамолдаевы Асанджан и Шаршенбек, рядовые колхозники, были осуждены 16 июля 1938 г. на 10 лет ИТЛ [4. С. 143].

Избранная карательными органами мера пресечения – арест, т.е. все обвиняемые во время следствия

и направления их дел в суды, коллегии и тройки НКВД находились в тюрьме под стражей. На момент ареста и исполнения приговора о высшей мере наказания большинство казахов были в трудоспособном возрасте (табл. 5).

Из 87 арестованных казахов выходцами из сельской местности являлись 74 человека, или 85%. В городах родились 13 казахов: 8 человек – в Казахстане, 4 – в Кыргызстане, 1 – в Узбекистане, что составляет соответственно 61,5%, 30,8% и 7,7% от числа арестованных городских казахов. НКВД практиковало групповые аресты. Сведения по социальному положению отражены в табл. 6.

Тройки рассматривали дела заочно, в отсутствие обвиняемых, и приговор был окончательным. Порядок рассмотрения дел Особым совещанием при НКВД СССР–МГБ СССР был аналогичным.

Под пристальным вниманием НКВД находилась сфера образования: ее руководители, педагоги, студенты и курсанты. В числе репрессированной казахской интеллигенции в Кыргызстане – пять работников сферы образования, в том числе директор школы, четыре преподавателя техникумов и школ, что составляет более 71% от числа интеллигенции, приговоренной к высшей мере наказания.

Таблица 4

Осуждения на большие сроки лишения свободы

Мера наказания: лишение свободы	Кол-во осуждений	% от числа осуждений на длительные сроки	% от общего числа осуждений (90 = 100%)
15 лет	2	5,7	2,2
10 лет	16	45,7	17,8
8 лет	5	14,3	5,6
7 лет	4	11,4	4,4
6 лет	1	2,9	1,1
5 лет	7	20,0	7,8
Всего	35	100	38,9

Таблица 5

Приговоренные к высшей мере наказания по возрасту

Возраст на момент ареста	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Всего
Кол-во, чел.	6	6	2	1	15
В % к итогу по данной мере наказания	40,0	40,0	13,3	6,7	100

Таблица 6

Социальное положение казахов, приговоренных к расстрелу

Социальное положение	Всего, чел.	% от числа приговоренных к расстрелу
Интеллигенция	7	46,7
Рабочие	3	20,0
Крестьяне	3	20,0
Муллы	1	6,7
Безработный	1	6,6
Всего	15	100

В один день, 3 февраля 1937 г., состоялись аресты учителей средней школы № 5 г. Фрунзе Шахмурада Айтымова, 1909 г.р. [2. С. 169] и Джангазы Есеманова, 1912 г.р. [5. С. 44]. Оба – уроженцы Чингистауского района Восточно-Казахстанской области. В один день, 20 августа 1937 г., они были осуждены и на следующий день расстреляны. Реабилитация учителей состоялась 10 мая 1957 г. Данные о них отсутствуют на доступном сайте «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР.

21 августа 1937 г. был арестован и затем расстрелян во Фрунзе один из ярких представителей просветительства и образования Казахстана начала XX в., преподаватель землеустроительного техникума Абиkey Зеинович Сатпаев [9. С. 241]. Он был участником национально-освободительного движения Алаш-Орда, кандидатом в Учредительное собрание от Акмолинской и Семипалатинской организаций партии «Алаш» [12. Л. 14], учителем выдающихся ученых и организаторов науки, учредителей Академии наук Казахской ССР Каныша Имантаевича Сатпаева и Алькея Хакановича Маргулана. Делегат Всероссийского мусульманского съезда от Семипалатинской области (1917), член Семипалатинской областной земской управы (1919), председатель губернского отдела народного образования в Семипалатинске (1920–1921), профессиональный преподаватель русского языка и литературы, основатель и первый директор Семипалатинского педагогического техникума (декабрь 1922 г. – 1927), преподаватель Павлодарского русско-казахского училища, Омского рабфака, Семипалатинской учительской семинарии, Фрунзенского землеустроительного техникума – эти вехи биографии Абиkey Зеиновича Сатпаева были хорошо известны ОГПУ–НКВД не только Казахстана.

Как следует из архивной справки Комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по делу А.З. Сатпаева за № 7459, он был приговорен в 1927 г. к 3 годам лишения свободы «за организацию контрреволюционной антисоветской деятельности», но был оправдан в 1928 г. Верховным судом Казахской АССР. 2 февраля 1937 г. арестован НКВД Киргизской ССР «за организацию контрреволюционной националистической организации Алаш-Орда». 20 августа того же года решением тройки приговорен к расстрелу по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 58-10, ст.ст. 58-11 и 182 (изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно хранение огнестрельного (не охотничьего) оружия без надлежащего разрешения) Уголовного кодекса РСФСР. На следующий день, 21 августа 1937 г., приговор был приведен в исполнение.

Данная архивная справка КНБ Кыргызской Республики позволяет уточнить важные моменты биографии А.З. Сатпаева. Так, в Казахской советской энциклопедии год смерти педагога указан неверно – 1939 г. [13], на сайте Павлодарского Дома географии – 1938 г. и реабилитация в 1956 г. [14]. Понятно теперь и утверждение члена-корреспондента НАН РК, доктора филологических наук, профессора Шамшиябану Канышевы Сатпаевой (1930–2002) об Абиkey Зеиновиче: «Его часто преследовали органы НКВД по причине того, что из зажиточной семьи и в одно время состоял членом алашординского движения, за то, что он влиятельный педагог. Из-за преследования А.З. Сатпаев с большой семьей и родственниками вынужден был скитаться из одного места в другое, уехал из Казахстана и обосновался в Киргизии, во Фрунзе. А.З. Сатпаев там работал в пединституте, но и здесь ему не давали спокойно жить и работать, арестовали, затем расстре-

ляли без суда и следствия, неизвестно в какой овраг выбросили его тело, нет на этой земле могилы дяди. Так безвинно трагически погиб один из активных деятелей просвещения, замечательный педагог, один из ярких представителей казахской интеллигенции» [15].

Она продолжает свои воспоминания: «Абикей ага я видела в 1936 г., когда он приезжал с супругой и младшей дочерью для отдыха в аул младшего двоюродного брата – Газиза Имантаевича Сатпаева. Дядя Газиз тщательно готовился к приезду столь для него дорогого гостя летом. Для них поставили новые белые юрты с внутренними убранствами в одном из живописных мест – просторной поляне с душистыми цветами и небольшими лесами со стройными красавицами-березами и задумчивыми лиственниками. Когда на время отлучился Газиз, его помощники стали собирать юрты для хозяйственных нужд, но не понравилось дяде место, и он просил разобрать уйки – деревянные устройства, и согласно его выбору поставили подальше от юрт для гостей, чтобы им не мешали суeta работников и запах дыма и пищи. Детские впечатления долговечны. Помню, слегка седовласый и седобородый, с румяноватым белым лицом, не утративший былой выправки, Абикей Зеинович часто находился в окружении взрослых людей, которые бесконечно вели умные беседы, содержание их ребятишкам, конечно, было непонятно. Он часто гулял во второй половине дня в сопровождении своего младшего брата и его помощника. У Абикей Зеиновича был бежевого цвета костюм с карманными часами на цепочках, которые время от времени он брал аккуратно длинными ухоженными пальцами и заглядывал. Вечерами накидывал на себя голубоватый бархатный шапан свободного покроя, без узоров. Супруга Хамида, с чуть продолговатым смугловатым лицом, с быстросменяющимися взглядами карих глаз, с волосами, аккуратно собранными в небольшой комок на затылке, нередко распоряжалась в хозяйстве и быстро давала указания или советы людям, которые были ответственны за питание и удобства гостей. С тех дней пребывания Абикей ага на отдыхе у брата сохранилась фотография, где он, жена, дочь, Газиз ага и Абсалым ата, – это один из последних их снимков, запечатлевших незабываемую встречу, через год и Газиза Имантаевича, и Абикей Зеиновича арестовали и расстреляли. Долгое время их имена были запрещены, не забывали только близкие и те, которые знали, помнили и ценили их. Мы, младшие, знали их больше через рассказы своих родителей, которые бережно сохранили их не только в сердцах и памяти, но и не выбрасывали их фотографии, материалы, связанные с жизнью и деятельностью известных людей»² [Там же].

Хамида Султанбаева, мать пятерых детей, умерла в 1953 г., так и не дождавшись реабилитации супруга Абикей Зеиновича. 10 мая 1957 г. президиум Фрунзенского областного суда отменил решение тройки НКВД Киргизской ССР и прекратил уголовное дело в отношении А.З. Сатпаева, т.е. реабилитировал. Не уронили честь отца его дети. Райхан Абикеевна (1912–1989) – первая среди женщин-казашек терапевт, доктор медицинских наук (1961), заслуженный деятель науки (1967), заслуженный врач, кавалер орденов Ленина, Отече-

ственной войны II степени, участница Великой Отечественной войны. Ее сын Есен Абикенович Бектуров, уроженец Ташкента 1931 г.р., ныне академик НАН РК, доктор химических наук. Именем зятя Абикей Зеиновича – Абикей Бектурова – назван академический Институт химических наук в Алматы.

Во время ареста Абикей Зеиновича его вторая дочь Раушан была студенткой 3-го курса медицинского института в Ташкенте. Раушан Абикеевна (1916–1986) – хирург-онколог, доктор медицинских наук (1972). После смерти отца ее супругом стал Алькей Хаканович Маргулан (1904–1985). Внучка Абикей Зеиновича – Данель Алькеевна Маргулан – кандидат медицинских наук, возглавляет международный фонд им. академика А.Х. Маргулана. Имя ее отца, основоположника казахстанской школы археологии и этнографии, достойно носит Институт археологии в Алматы.

Авторы данной публикации обратились к лидерам казахской общины в Кыргызстане выйти с ходатайством в мэрию г. Бишкека об увековечении имени А.З. Сатпаева в столице Кыргызстана.

За «контрреволюционную» деятельность был осужден и приговорен 14 ноября 1941 г. к ВМН 27-летний Аймагамбет Дарменов, 1914 г.р., уроженец села Байганкум Чиилийского района Кызыл-Ординской области [16. Л. 4, 14]. В 1936 г. он окончил сельскохозяйственный факультет Средне-Азиатского планово-экономического института им. В.В. Куйбышева в Самарканде по специальности экономист-плановик по сельскому хозяйству. В период с 20 августа 1936 г. по 5 сентября 1937 г. работал директором Финансово-экономического техникума города Турткуль Кара-Калпакской АССР [Там же. Л. 4, 4 об.]. 27 января 1941 г. назначен руководителем кафедры марксизма-ленинизма на кыргызском языке при Учительском институте г. Каракол и 17 февраля того же года – преподавателем кафедры совместительству [Там же. Л. 13, 19]. Последним местом работы Аймагамбета Дарменова перед арестом была должность лектора отдела пропаганды и агитации Иссык-Кульского обкома ВКП (б) [Там же. Л. 21]. Реабилитирован 13 апреля 1965 г. [3. С. 182].

Тройка НКВД также приговорила к расстрелу секретаря Нарынского райкома партии Айтана Мамутовича Калмурзаева, 1906 г.р., уроженца г. Нарына. Он был арестован 7 февраля 1938 г. [6. С. 71] и через 18 дней приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован 21 августа 1956 г.

Справедливо было отмечено Председателем Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлевым: «Наследники Сталина понимали, что рано или поздно, но им придется нести ответственность за злодеяния режима, в том числе и за собственные. Однако признать их открыто не хватало мужества, да и страх перед возмездием висел над их головами» [17. С. 5].

В табл. 7 показатели по реабилитации сгруппированы нами по десятилетиям. В «Книге жертв политических репрессий в Кыргызстане» проставлены годы реабилитации по 63 гражданам казахской национальности. Это без учета прекращенных дел. При этом не указан факт реабилитации по 4 осужденным.

Таблица 7

Динамика реабилитации казахов в Кыргызстане (1954–1997 гг.)

Годы	Всего, чел.	% от числа реабилитированных казахов
1954–1960	19	30,2
1961–1970	7	11,1
1971–1980	1	1,5
1981–1990	18	28,6
1991–1997	18	28,6
Не указан факт реабилитации	4	
Итого	63	100

Фактически до горбачевской «перестройки» речь шла об эпизодических случаях реабилитации жертв политических репрессий. Некоторое исключение составляют лишь 1957, 1958 и 1960 гг. Так, в это время, например, принимается 13 решений о реабилитации казахов в Кыргызстане. За период с 1989 по 1997 гг. приняты положительные решения о реабилитации 36 граждан казахской национальности в республике.

Необходимо учитывать, что в реабилитационном процессе советской практики весомыми были политическая и идеологическая составляющие. Достаточно сказать, что проведенная в конце 50 – начале 60-х гг. прошлого столетия юридическая реабилитация отдельных лидеров и активистов партии «Алаш» и правительства Алаш-Орды не сыграла до конца 1980-х – начала 1990-х гг. свою пролонгированную положительную роль в возвращении народу их творческого наследия и честного имени. До сегодняшнего дня не проведена в Казахстане полная политическая реабилитация Алаш-Орды как национального правительства и партии «Алаш» как цельной организации с собственной политической программой в интересах казахского народа. Принцип отбора кандидатур репрессированных по политическим мотивам на реабилитацию понять сложно как по казахстанской, российской, так и по кыргызстанской практике.

Многим арестованным инкриминировались не только статьи по «контрреволюционным» преступлениям в различном их сочетании, но и другие, вымышленные фантазией следователей преступления (хозяйственные, должностные). Косвенно о фабрикации уголовных дел свидетельствуют решения судебных органов о значительном количестве прекращенных дел (66%) по итогам арестов 1938 г. и освобождении обвиняемых из-под ареста.

Последовавшая реабилитация отражала борьбу мнений по данной проблеме в ЦК и Политбюро ЦК КПСС, силовых структурах и условно, исходя из принятых документов, может быть разделена на три периода: март 1953 – февраль 1956 г. [17], 1956 – начало 1980-х гг. [18] и середина 1980-х гг. – 1991 г. [19].

Хотя «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане» издана уже в 2020 г., но и в ней приведены неполные сведения о репрессированных казахах. Эти данные все еще требуют дальнейшего уточнения и конкретизации по уголовным делам и архивным источникам. На сайте «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР приведены также и другие фамилии лиц казахской национальности, которые на момент ареста проживали в Кыргызстане, но были осуждены органами НКВД другой республики или

вторично подвергнуты аресту после отбытия сроков лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях в других регионах Советского Союза. Например: Бекимов Нияз, 1882 г.р., уроженец Каратюбинского района Западно-Казахстанской области, проживал в г. Фрунзе, работал зав. складом магазина № 2 «Бакалея», беспартийный, арестован 17 октября 1936 г. Осужден на 3 года ИТЛ. Второй арест последовал 22 апреля 1940 г. по ст. 58-6, и он был приговорен к 8 годам лишения свободы. В последнем кыргызстанском издании 2020 г. второй арест не отражен.

Также на сайте «Открытый список» размещена информация под двумя вариантами имени: Ходжамкулов Нашир (Намир) Ходжамкулович (1907). Место рождения: Ташкентская обл., Ташкент. Место проживания: Кыргызстан, Фрунзе. Образование: высшее экономическое. Дата ареста: 17 сентября 1930 г. Другой уточняющей информации, к сожалению, нет. Фамилия репрессированного пропущена в бишкекском издании 2020 г.

В действительности речь должна была идти о привлечении Ходжамкулова Нашира (в других документах Ходжамкулов Насыр) к уголовному делу № 12107, сфабрикованному органами ОГПУ Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана по обвинению видных деятелей интеллигенции в создании «подпольной конфиденциальной казахской националистической организации». Тогда были также арестованы Ауэзов Мухтар, Тынышпаев Мухамеджан, Кеменгеров Кошмухамед, Глеулин Жумагали, Ермаков Алимхан, Досмухамедовы Жиганша и Халел, Кудерин Жумахан, Акбаевы Абдильхамит и Жакуп, Кадырбаев Сейтказы, Сулеев Билял, Мурзин Мухтар, Буралкиев Мустафа, Исхаков Тания, Мунайтпасов Абдрахман Умбетбаев Алдаберген, Омаров Уалихан.

ОГПУ целенаправленно проводило аресты казахов в Кыргызстане, Узбекистане, Казахстане и направляло арестованных в тюрьму крепости Алма-Ата. В один день, 17 сентября 1930 г., были арестованы Ходжамкулов Нашир в Кыргызстане, в Ташкенте – научный сотрудник Среднеазиатского государственного университета Ауэзов Мухтар, аспирант Кеменгеров Кошмухамед и Буралкиев Мустафа. В Узбекистане арестованы на агростанции под Ташкентом Кудерин Жумахан, преподаватель рабфака при Среднеазиатском сельскохозяйственном институте Исхаков Даниал, Байгаскин Есим, врач, ассистент медицинского факультета Кашкынбаев Иса (Гайса).

ОГПУ предъявило им обвинения по ст.ст. 58-7, 58-11 и 59 Уголовного кодекса РСФСР. Как писал арестованный Мухтар Ауэзов, обвинение было предъявлено

только 6 декабря 1930 г. «с формулировкой, будто бы я состою в организации и исполнял ее задачи, пытался своей деятельностью выступить против советского строя всеми средствами: в печати, школе и пр. Никогда в жизни, ни на одной работе, ни в каком-либо государственном или хозяйственном учреждении в контрреволюционной деятельности, относящейся по смыслу пункта 7, не состоял» [20. С.157]. 25 мая 1931 г. заключенный подал заявление прокурору по делам ПП ОГПУ о том, что с момента ареста его вызывали на допрос только один раз, поэтому он просит вызвать на допрос и указать нормативы и акты по репрессивным мерам по отношению к нему.

ОГПУ лишь уведомляло прокурора, наблюдающего за следственным производством, а в Москву подавало «обоснование» о продлении сроков следствия «ввиду необходимости ареста ряда новых лиц, причастных к деятельности вышеуказанной организации, и в связи с выяснением новых обстоятельств». В тюрьме ОГПУ в Алма-Ате к 20 ноября 1930 г. содержалось уже около 40 человек. 16 августа 1931 г. по делу проходило 30 казахов, так как ОГПУ не смогло собрать нужные доказательства, однако 2 марта 1932 г. чекисты направили дело в 5 томах на новое исследование. В последнем обращении в Москву местное ОГПУ указало, что срок следствия и содержание под стражей запланированы до 1 ноября 1932 г., т.е. более двух лет планировались следствие и содержание в тюрьме.

Нашир Ходжамкулов, который до ареста 17 сентября 1930 г. проживал в Киргизии, был осужден 20 апреля 1932 г. вместе с другими представителями национальной интеллигенции. Тройка при ПП ОГПУ в Казахстане приговорила его к высылке на 5 лет.

Вместе с тем в бишкекском издании пропущены биографические сведения о Жумагали Тлеулине (1890–1938), ярком представителе алашской интеллигенции, враче, талантливом переводчике книг по медицине, изданных на казахском языке в Оренбурге и Москве. Он был арестован ОГПУ 5 июня 1930 г. Ему было предъявлено обвинение в вооруженном сопротивлении советской власти в 1918–1920 гг., проведении националистической агитации и пропаганды, связях с зарубежными организациями. Два года он находился под следствием и был приговорен к высылке на 5 лет в Воронежскую область. После возвращения заведовал больницей в селе Новотроицкое (ныне г. Шопоков Сокулукского района Чуйской области Кыргызстана). Здесь был вторично арестован 17 января 1938 г. и через месяц расстрелян по решению тройки НКВД [21. С. 200–202, 205–206].

Также в данном издании пропущено имя Койбагаровой Шафики Ахмедбековны (1906–1994), ираниста и тюрколога. Она родилась в городе Пишпек (ныне – Бишкек) Кыргызстана, в крестьянской казахской семье. Училась в татарской и русской школах. В 1924 г. направлена в Ташкент на учебу в Средне-Азиатский государственный университет, где проучилась один год. После работала в женотделах Чимкентского уездного комитета и Актюбинского губернского комитета ВКП(б). Была участницей нескольких всесоюзных научных экспедиций, в том числе антропологической

экспедиции в Кыргызстан в 1928 г. под руководством С.И. Руденко. Член ВКП(б) с 1928 г. В 1931 г. по направлению Казахстана поступила в аспирантуру Академии наук СССР. В 1934–1936 гг. работала экономистом в Ленинградском областном управлении связи. После ареста в мае 1936 г. супруга Э.Л. Груздева уехала в Кыргызстан, где преподавала историю в Электротехническом институте. 9 октября 1937 г. осуждена Особым совещанием при НКВД СССР как член семьи изменника родины на 5 лет ИТЛ. Отбывала срок в лагерях Томской и Новосибирской областей. 24 сентября 1942 г. Ш.А. Койбагарова освобождена из лагеря, но отправлена в ссылку в Семипалатинскую область. С середины 1950-х гг. проживала в Ленинграде, работала в библиотеке Академии наук [22].

Таким образом, на данный момент имеется ряд территориальных лакун, не все архивные источники по изучаемой теме еще обнаружены и введены в научный оборот. Восстановление биографий людей – задача чрезвычайно трудоемкая, но именно она придает гуманистический смысл выявлению и изучению архивных документов с целью реабилитации безвинно осужденных.

Вместе с тем выявленные в 10-томном издании фамилии репрессированных казахов на территории Кыргызстан, помогли открыть имена трех крупных государственных деятелей республики. Это Искандер Жоломанов, возглавлявший в 1927–1934 гг. наркоматы внутренних дел и юстиции [23. С. 18], Мусабек Таукин, нарком Рабоче-Крестьянской инспекции и юстиции, [24. Л. 1 об.; 25. Л. 197], Санжар Сегизбаев – первый председатель Верховного суда Киргизской ССР в 1937 г. [26. Л. 5].

Указанные деятели внесли большой вклад в работу советских органов Кыргызстана. Однако политические репрессии не обошли стороной и их. Так, Мусабек Таукин был исключен из партии как «контрреволюционный националист» и арестован 17 октября 1937 г. за «антисоветскую» деятельность [24. Л. 31; 26. С. 50]. 19 апреля 1938 г. был опубликован список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР (за подписями Сталина, Молотова, Кагановича и Жданова) по Киргизской ССР. По 1-й категории (к расстрелу) были утверждены 21 человек, под номером 14 стояла фамилия приговоренного М.И. Таукина [27. Л. 92, 101]. Находясь в тюрьме в ожидании исполнения приговора, он скончался [10. С. 50]. 9 февраля 1994 г. реабилитирован посмертно. С.Б. Сегизбаев был снят с должности председателя Верховного суда 23 декабря 1937 г., а незадолго до этого был исключен из партии как «враг народа» [26. Л. 8]. Его арест последовал 11 декабря 1938 г. по обвинению в антисоветской деятельности [9. С. 271]. Дело было прекращено 15 августа 1939 г., и С.Б. Сегизбаев был освобожден из-под стражи. И.Ж. Жоломанов был арестован 31 мая 1950 г. и 19 августа приговорен к ссылке в Красноярский край [5. С. 61]. Лишь 29 ноября 1955 г. дело в отношении И.Ж. Жоломанова было прекращено.

В аналитическом материале Ф.Г. Савинского «Справка о некоторых фактах нарушения социалистической законности и массовых репрессий в Казахстане в 1937–

1938 г.» утверждается, что начало репрессиям было положено убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. и что в Казахстане в 1935 г. и до августа 1936 г. не было массовых арестов [28. Л. 6, 8]. Здесь, на наш взгляд, необходимо сделать уточнение по хронологии репрессий в Казахстане и их особенностям.

С арестов в конце 1928 г. начались репрессии против интеллигенции дореволюционного поколения, сторонников партии «Алаш», и в тюрьму были заключены 44 человека. С июля 1929 г. следствие было передано Москве, и 43 подсудимых (кроме Адилева Д.) были переведены в Бутырскую тюрьму. Осенью 1930 г. началась вторая волна репрессий, о которой сказано выше. Многие, отбыв срок в ИТЛ, в ссылке и высылке, были вновь репрессированы НКВД по сфабрикованным чекистами делам во время «большого террора». На наш взгляд, при изучении истории политических репрессий надо отходить от бывших административных и сегодняшних государственных границ республики, т.е. не ограничиваться ее территориальными рамками.

В деле реабилитации жертв политических репрессий преобладала своего рода кампанейщина как в советское, так и в постсоветское время. Для восстановления исторической справедливости нужна межгосударственная кооперация на постсоветском пространстве не только исследователей, но и работников прокуратуры, МВД и органов госбезопасности, государственных, в том числе ведомственных, архивов. Например, среди репрессированных казахов на территории Кыргызстана были уроженцы собственно этой республики (11 чел., 12,6%), России (3 чел., 3,4 %), Узбекистана (2 чел., 2,3%) и Казахстана. Казахи из России – выходцы из Ростовской, Томской и Чкаловской (Оренбургской) областей. Абсолютное большинство арестован-

ных – уроженцы Казахстана: 71 человек из 87, т.е. 81,6% от общего числа арестованных казахов Кыргызстана за период с октября 1928 г. по ноябрь 1951 г. Среди осужденных – уроженцы 12 областей Казахстана, а также городов Алма-Ата, Акмолинск, Петропавловск и Чимкент. В архивных уголовных делах 13 казахов место рождения в Казахстане указано без расшифровки названия области или района. Уроженцами Джамбульской области являлись 13 человек, Алма-Атинской – 11, Актюбинской – 5, Восточно-Казахстанской 4, Кызыл-Ординской – 4, Кустанайской – 3, Западно-Казахстанской – 2, Семипалатинской – 2, Павлодарской – 2, Южно-Казахстанской – 2, Уральской – 1, Карагандинской области – 1 человек. Но основная численность приходится на приграничный регион Казахстана – 24 человека, что составляет 34% от общего числа уроженцев Казахстана, подвергнутых арестам на территории Киргизии. Эти данные также свидетельствуют о сильном взаимовлиянии приграничных территорий.

Реабилитация жертв политических репрессий является важным моментом в современных взаимоотношениях демократического правового государства и гражданского общества, в преодолении социального страха перед государством и его силовыми органами. Поэтому остается актуальной задача довести работу по рассекретиванию документов по политическим репрессиям до логического завершения.

Таким образом, материалы «Книги жертв политических репрессий в Кыргызстане в 1920–1950-х гг.» обладают большим информационным потенциалом и являются ценным источником по изучению политических репрессий, в том числе казахов за пределами советского Казахстана.

Примечания

¹ В оригинале на кыргызском языке – «Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.).

² Данный текст авторы приводят, чтобы показать трагическую судьбу репрессированных представителей казахской интеллигенции.

Список источников

1. Восстанавливаем историческую справедливость: краткие сведения о лицах, необоснованно подвергшихся репрессиям в 30–50 годах на территории Кыргызстана и реабилитированных в период с 1989 г. по 1995 г. : в 2 вып. / Мин-во нац. безопасности Кыргызской Республики. Бишкек : Учкун, 1996. Вып. 1. 117 с.; 1997. Вып. 2. 101 с.
2. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 1. 424 с. (на кырг. яз.).
3. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 2. 460 с. (на кырг. яз.).
4. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 3. 404 с. (на кырг. яз.).
5. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 4. 292 с. (на кырг. яз.).
6. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 5. 600 с. (на кырг. яз.).
7. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 6. 524 с. (на кырг. яз.).
8. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 7. 412 с. (на кырг. яз.).
9. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 8. 508 с. (на кырг. яз.).
10. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 9. 448 с. (на кырг. яз.).
11. Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920–1953-жж.) : 10 томдук / авт.-түз. Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов. Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 10. 00 с. (на кырг. яз.).
12. Список членов центральных и местных комитетов партии Алаш и активистов этой партии (сост. по запросу Главлит КазССР № 78с от 10 августа 1983 г.). Секретно // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 811 (Институт истории партии при ЦК КП Казахстана). Оп. 23. Д. 438 (Список членов центральных и местных комитетов партии Алаш и активистов этой партии). Л. 1–20.

13. Сәтбаев Әбікей Зейінұлы // Қазақ Совет энциклопедиясы : 12-т / бас ред. М.Қ. Қаратаев. Алматы : Қазақ Совет энциклопедиясы, 1977. Т. 10. С 79. (на каз. яз.).
14. Соколкин Э. К истории Географического общества в Прииртышье. URL: <http://www.pavgeo.kz/ru/k-istorii-geograficheskogo-obshhestva-v-priirtyishe/> (дата обращения: 01.22.2021).
15. Сатпаева Ш. Свет Очага. Алма-Ата : Казахстан, 1999. 184 с. URL: <http://bibliotekar.kz/svet-ochaga-shamshijabanu-satpaeva> (дата обращения: 10.10.2020).
16. Автобиография секретаря по пропаганде и агитации Исык-Кульского обкома комсомола Дарменова Аймагамбета // Центральный Государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ОПД КР). Ф. 56 (Центральный комитет Коммунистической партии большевиков Киргизии). Оп. 6. Д. 2457 (Личное дело Дарменова Аймагамбета). 21 л.
17. Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М. : МФД, 2000. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956. 503 с.
18. Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. М. : МФД, 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. 960 с.
19. Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. М. : МФД, 2004. Т. 3: Середина 80-х годов – 1991. 720 с.
20. Заявление подследственного М. Ауэзова заместителю начальника ПП ОГПУ тов. Волжанскому и тов. Попову от 6/ХП 1930 г. // Движение Алаш : сб. материалов судебных процессов над алашевцами : в 3 т. Алматы : Дегдар, 2016. Т. 2. С. 157–158.
21. Муқанов К.М. Жумағали Тлеулин – деятель «Алаш-Орды» : докум. биография. Алматы : Жибек жолы, 2005. 216 с.
22. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы : библиограф. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. 496 с. URL: <http://memory.pvost.org/pages/kobjogarova.html> (дата обращения: 07.26.2021).
23. Джакишев А.У. Исторический опыт создания, становления и развития органов милиции Кыргызстана (1918 – начало 2000-х гг.) Бишкек : Изд-во КРСУ, 2020. 182 с.
24. Личный листок по учету кадров Мусабек Таукина // ЦГА ОПД КР. Ф. 10 (Кара-киргизский обком ВКП(б)). Оп. 15. Д. 2545 (Личное дело Мусабек Таукина). 5 л.
25. Протокол № 40 Заседания Бюро Киргизского Обкома ВКП(б) от 3 августа 1934 г. // ЦГА ОПД КР. Ф. 10 (Кара-киргизский обком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 561 (Протоколы заседаний бюро Киробкома). 198 л.
26. Выписка из протокола № 257 Заседания Бюро Киргизского Обкома ВКП (б) от 1 февраля 1937 г. // ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2325 (Личное дело Сегизбаева Санжара Бактыбаевича). 8 л.
27. Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР (Вологодская область, Тамбовская область, Тульская область, Киргизская С.С.Р.); Список лиц по Киргизской ССР. 1-я категория // Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 171. Д. 416. Л. 92, 101. URL: <https://stalin.memo.ru/lists/list297/> (дата обращения: 07.27.2021).
28. Справка о некоторых фактах нарушения социалистической законности и массовых репрессий в Казахстане в 1937–1938 гг. // АП РК. Ф. 811. Оп. 38. Д. 24 (Справка Савинского Ф.Г. о некоторых фактах нарушения социалистической законности и массовых репрессиях). Л. 1–60 об.

References

1. Kyrgyzstan. (1997) *Vosstanavlivaem istoricheskuyu spravedlivost': kratkie svedeniya o litsakh, neobosnovanno podvergnutym repressiyam v 30–50 godakh na territorii Kyrgyzstana i reabilitirovannykh v period s 1989 g. po 1995 g.* [Restoring historical justice: brief information about people who were unreasonably subjected to repression in the 1930–50s in Kyrgyzstan and rehabilitated from 1989 to 1995]. Vol. 1. Bishkek: Uchkun.
2. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020a) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 1. Bishkek: Biyiktik plus.
3. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020b) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 2. Bishkek: Biyiktik plus.
4. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020c) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 3. Bishkek: Biyiktik plus.
5. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020d) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 4. Bishkek: Biyiktik plus.
6. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020e) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 5. Bishkek: Biyiktik plus.
7. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020f) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 6. Bishkek: Biyiktik plus.
8. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020g) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 7. Bishkek: Biyiktik plus.
9. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020h) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 8. Bishkek: Biyiktik plus.
10. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020i) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 9. Bishkek: Biyiktik plus.
11. Abdrakhmanov, B.Dzh. & Abdyrakhmanov, T.A. (2020j) *Kyrgyzstandagy sayasiy repressiyanyn kurmandyktary (1920–1953-zhzh.)*. Vol. 10. Bishkek: Biyiktik plus.
12. Kazakhstan. (1983) *Spisok chlenov tsentral'nykh i mestnykh komitetov partii Alash i aktivistov etoy partii (sost. po zaprosu Glavlit KazSSR № 78s ot 10 avgusta 1983 g.)*. Sekretno [List of members of the central and local committees of the Alash party and activists of this party (compiled at the request of Glavlit KazSSR No. 78s dated August 10, 1983). Secret]. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 811 (Institute of Party History under the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan). List 23. File 438 (List of members of the central and local committees of the Alash party and activists of this party). pp. 1–20.
13. Karataev, M.K. (ed.) (1977) *Qazaq Sovet ensiklopediyasy: 12 tomduk*. Vol. 10. Almaty: Qazaq Sovet ensiklopediyasy. p 79.
14. Sokolkin, E. (n.d.) *K istorii Geograficheskogo obshchestva v Priirtysh'e* [On the history of the Geographical Society in the Irtysh region]. [Online] Available from: <http://www.pavgeo.kz/ru/k-istorii-geograficheskogo-obshhestva-v-priirtyishe/> (Accessed: 22nd January 2021).
15. Satpaeva, Sh. (1999) *Svet Ochaga* [Light of the Hearth]. Alma-Ata: Kazakhstan. [Online] Available from: <http://bibliotekar.kz/svet-ochaga-shamshijabanu-satpaeva> (Accessed: 10th October 2020).
16. Darmanov, A. (n.d.) *Avtobiografiya sekretarya po propagande i agitatsii Issyk-Kul'skogo obkoma komsomola Darmenova Aymagambeta* [Autobiography of the secretary for propaganda and agitation of the Issyk-Kul regional committee of the Komsomol Darmanov Aimagambet]. The Central State Archive of Socio-Political Documentation of the Kyrgyz Republic (TSGA OPD KR). Fund 56 (Committee of the Communist Party of the Bolsheviks of Kyrgyzstan). List 6. File 2457. 21 l.
17. Artizov, A.N., Sigachev, Yu.V., Khlopov, V.G. & Shevchuk, I.N. (eds) (1956) *Reabilitatsiya. Kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t.* [Rehabilitation. How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: MFD.

18. Artizov, A.N., Sigachev, Yu.V., Khlopov, V.G. & Shevchuk, I.N. (eds) (2003) *Reabilitatsiya. Kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t.* [Rehabilitation. How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: MFD.
19. Artizov, A.N. et al. (eds) (2004) *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Politbyuro TsK KPSS, stenogrammy zasedaniya Komissii Politbyuro TsK KPSS po dopolnitel'nomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period 30–40-kh i nachala 50-kh gg., i drugie materialy* [Rehabilitation: how it was. Documents of the Politburo of the Central Committee of the CPSU, transcripts of the meeting of the Commission of the Politburo of the Central Committee of the CPSU for additional study of materials related to the repressions that took place in the period of the 1930–40s and early 1950s, and other materials]. Vol. 3. Moscow: MFD.
20. Auevov, M. (2016) *Zayavlenie podsledstvennogo M. Auevova zamestitelyu nachal'nika PP OGPU tov. Volshanskomu i tov. Popovu ot 6/XII 1930 g.* [Statement of the defendant M. Auevov to the deputy head of the PGPU Comrade Volshansky and Comrade Popov dated 6/XII 1930]. In: *Dvizhenie Alash: materialov sudebnykh protsessov nad alashevtsami* [The Alash Movement: Materials of the trials of the Alash people]. Vol. 2. Almaty: Degdar. pp. 157–158.
21. Mukanov, K.M. (2005) *Zhumagali Tleulin – deyatel' "Alash-Ordy"* [Zhumagali Tleulin – the leader of “Alash-Orda”]. Almaty: Zhibek zholy.
22. Vasilkov, Ya.V. & Sorokina, M.Yu. (2003) *Lyudi i sud'by: biobibliogr. slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and destinies: Biobibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <http://memory.pvost.org/pages/kobjogarova.html> (Accessed: 26th July 2021).
23. Dzhakishvili, A.U. (2020) *Istoricheskiy opyt sozdaniya, stanovleniya i razvitiya organov militsii Kyrgyzstana (1918 – nachalo 2000-kh gg.)* [The historical experience of the creation, formation and development of the militia bodies of Kyrgyzstan (1918 – early 2000s)]. Bishkek: KRSU.
24. Taukin, M. (n.d.) *Lichnyy listok po uchetu kadrov Musabeka Taukina* [Personal sheet on personnel records of Musabek Taukin]. The Central State Archive of Socio-Political Documentation of the Kyrgyz Republic (TSGA OPD KR). Fund 10 (Kara-Kyrgyz Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks). List 15. File 2545 (Personal file of Musabek Taukin). 5 l.
25. Kyrgyzstan. (1934) *Protokol № 40 Zasedaniya Byuro Kirgizskogo Obkoma VKP(b) ot 3 avgusta 1934 g.* [Minutes No. 40 of the Meeting of the Bureau of the Kyrgyz Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated August 3, 1934]. The Central State Archive of Socio-Political Documentation of the Kyrgyz Republic (TSGA OPD KR). Fund 10 (Kara-Kyrgyz Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks). List 1. File 561 (Minutes of the meetings of the Bureau of Kirobkom). 198 l.
26. Kyrgyzstan. (1937) *Vypiska iz protokola № 257 Zasedaniya Byuro Kirgizskogo Obkoma VKP (b) ot 1 fevralya 1937 g.* [Extract from the protocol No. 257 of the Meeting of the Bureau of the Kyrgyz Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated February 1, 1937]. The Central State Archive of Socio-Political Documentation of the Kyrgyz Republic (TSGA OPD KR). Fund 10. List 1. File 2325 (Personal file of Segizbaev Sanzhar Baktybaevich). 8 l.
27. Military Collegium of the Supreme Court of the USSR. (n.d.) *Spisok lits, podlezhashchikh sudu Voennoy Kollegii Verkhovnogo Suda Soyuzo SSR (Vologodskaya oblast', Tambovskaya oblast', Tul'skaya oblast', Kirgizskaya S.S.R.); Spisok lits po Kirgizskoy SSR. 1-ya kategoriya* [List of persons subject to trial by the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR (Vologda Oblast, Tambov Oblast, Tula Oblast, Kirghiz S.S.R.); List of persons in the Kirghiz SSR. 1st category]. The Russian State Archive of Contemporary Political History (RGASPI). Fund 17. List 171. File 416. pp. 92, 101. [Online] Available from: <https://stalin.memo.ru/lists/list297/> (Accessed: 07.27.2021).
28. Kazakhstan. (n.d.) *Spravka o nekotorykh faktakh narusheniya sotsialisticheskoy zakonnosti i massovykh repressiy v Kazakhstane v 1937–1938 gg.* [Information about some facts of violation of socialist legality and mass repressions in Kazakhstan in 1937–1938]. AP RK. Fund 811. List 38. File 24 (Certificate given to Savinsky FG about some facts of violation of socialist legality and mass repression). pp. 1–60 ob.

Сведения об авторах:

Балтабаева Кулгазира Нурановна – кандидат исторических наук, исполнительный директор Ассоциации выпускников Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: kulgazira_777@mail.ru

Кабулдинов Зиябек Ермуханович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН Республики Казахстан Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: Kabulzia@rambler.ru

Рыскулов Тимур Азизбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела всемирной истории Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: Timur-Ecehomo-1988@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baltabayeva Kulgazira N. – Candidate of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University Alumni Association, Executive Director (Almaty, Kazakhstan). E-mail: kulgazira_777@mail.ru

Kabuldinov Ziyabek E. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Ch.Ch. Valikhanov History and Ethnology Institute (Almaty, Kazakhstan). E-mail: Kabulzia@rambler.ru

Ryskulov Timur A. – Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov History and Ethnology Institute (Almaty, Kazakhstan). E-mail: Timur-Ecehomo-1988@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 09.08.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 328; 94

doi: 10.17223/19988613/76/13

Закономерности и парадоксы Октябрьской революции 1917 года

Сергей Владимирович Бирюков^{1, 2, 3}, Андрей Владимирович Андреев⁴,
Александр Михайлович Барсуков⁵, Дмитрий Сергеевич Карпов⁶

¹ Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай

^{2, 5, 6} Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

³ Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ ГТРК «Кузбасс», Кемерово, Россия

^{1, 2, 3} birs.07@mail.ru

⁴ andreev@trk.kuzbass.net

⁵ amb2@inbox.ru

⁶ amb2@inbox.ru

Аннотация. Исследуются причины и противоречия, приведшие к Октябрьской революции 1917 года в России, которая рассматривается авторами как закономерное явление российской истории с точки зрения системного подхода. Выявляются и акцентируются присущие Октябрю 1917 г. парадоксы, показаны многомерность и неоднозначность этого явления. Проанализированы комплексные и многообразные политические последствия российской революции XX в. как для развития самой России, так и для мирового социально-политического развития.

Ключевые слова: Октябрьская революция, системный кризис, гражданская война, социальные трансформации, мировое развитие

Для цитирования: Бирюков С.В., Андреев А.В., Барсуков А.М., Карпов Д.С. Закономерности и парадоксы Октябрьской революции 1917 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 111–119. doi: 10.17223/19988613/76/13

Original article

Patterns and paradoxes of the October revolution of 1917

Sergey V. Biryukov^{1, 2, 3}, Andrey V. Andreev⁴, Aleksandr M. Barsukov⁵, Dmitriy S. Karpov⁶

¹ Center for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China

^{2, 5, 6} Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

³ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Kuzbass State Television and Radio Broadcasting Company, Kemerovo, Russian Federation

^{1, 2, 3} birs.07@mail.ru

⁴ andreev@trk.kuzbass.net

⁵ amb2@inbox.ru

⁶ amb2@inbox.ru

Abstract. The question of the historic role and importance of the October Revolution of 1917 is still a subject of both political and ideological discussions and debates within the academic community. The questions of the historical results of the 20th century for Russia, as well as of the specifics, consequences and prospects of the modernization process in our country are inseparably linked to the question of importance of the 1917 Revolution. According to the authors of the article, today we need systemic reflection of the causes and consequences of the October Revolution of 1917 with regard to internal dynamics and contradictions in the Russian political, social and economic systems, and of the revolution as a special way of resolving these contradictions. The 1917 Revolution was a result of the large-scale systemic crisis of Russian society, economy and politics, the preconditions for which had developed by the beginning of the last century, as well as of the failed attempt of modernization “from above” which had been implemented by the authorities of the Russian Empire since the last third of the 19th century. The lack of systemic solutions to the peasant, national and workers “issues” had become a catalytic factor for the revolutionary process in Russia which fundamentally changed the structure and character of Russian society. The Russian revolution had become an attempt of a “modernization leap” to reduce the gap with the leading countries of the world and an attempt to implement the strategy of “alternative modernity” in relation to the capitalist West, which for several decades was an example for a large number of societies and

countries that had chosen a non-capitalist path of development. At the same time, the development potential which was created as a result of such a “leap” was not fully realized in the second half of the 20th century despite a number of significant political, social and economic successes of our country which managed to maintain its sovereign status and the prospect of independent state and political development due to a mobilization scenario and large-scale sacrifices. Ultimately, the defeat of the USSR in the Cold War despite the enormous tension of forces meant a failed attempt to implement its declared alternative to the capitalist path of development. Based on the results of addressing the stated problem, the authors of the article conclude that the potential of such a type of modernization that was implemented by Russia in the 20th century was fully realized, and that our country needs to return to the path of consensual and qualitative evolution which will require an in-depth rethinking of experience of both recent national history and its preceding periods.

Keywords: The October Revolution, systemic crisis, civil war, social transformations, global development

For citation: Biryukov S.V., Andreev A.V., Barsukov A.M., Karpov D.S. (2022) Patterns and paradoxes of the October revolution of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 111–119. doi: 10.17223/19988613/76/13

Дискуссии о месте и роли Октябрьской революции 1917 года приобрели особый масштаб и значимость в год ее столетнего юбилея. При этом спектр исследовательских и экспертных мнений относительно этого крупнейшего события российской и мировой истории оказывается весьма широким.

Для российских либералов характерен известный скепсис в отношении итоговых результатов Октябрьской революции как события, из-за которого Россия сошла с «западного пути» развития, отказалась от капиталистической модернизации и построения общества современного (западного) типа, изолировалась от «остального человечества» и потеряла для себя XX век. Подобной категоричной позиции придерживаются тележурналист и публицист Николай Сванидзе [1] и философ и политолог Александр Ципко [2]. Вместе с тем некоторые исследователи-историки либеральной ориентации говорят о потенциальной многовекторности Октября, допускавшего целый спектр вариантов послереволюционного развития, включая модернизационно-реформаторский, – однако глубина российского кризиса и радикализм большевиков привели к реализации не самого оптимального из сценариев, когда произошли «цивилизационная катастрофа» и «крушение демократической республики» [3]. Можно вспомнить в этой связи и точку зрения известного советского и российского историка Михаила Гелфера, который рассматривал Октябрьскую революцию как трагический процесс, особую форму «катастрофического развития», ставшую реакцией на накопившиеся внутри страны противоречия. По мнению Гелфера, капитализм в царской России явно не создал необходимых условий для перехода к социализму, но перерезал для обычной буржуазной революции. Незрелость капитализма на русской почве породила все перегибы и неудачи как произошедшей революции, так и послереволюционного развития, не позволив последней реализовать весь имеющийся у нее конструктивный потенциал – в том числе и потому, что попытка «термидора» (остановки революции), начатая Лениным, не получила своего логического завершения [4].

В свою очередь, в представлении российских марксистов революция 1917 года выступает как событие, в котором проявилось многовековое стремление русского народа к справедливости и равенству, которое в полной мере не удовлетворено и не исчерпано и се-

годня, но должно использовать более современные и эффективные средства, формы и стратегии. Сама Октябрьская революция рассматривается левыми марксистскими теоретиками как средство решения рабочего, крестьянского и национального вопросов в России, а также как первый прецедент социального освобождения в глазах трудящихся всего мира, – так рассуждает современный российский марксистский философ Александр Бузгалин [5].

С точки зрения видного американского специалиста в области исторической макросоциологии и одного из основоположников клиодинамики Джека Голдстоуна, исследовавшего структуру, причины и результаты различных революций, Октябрьская революция – событие всемирно-исторического значения, которое изменило не только Россию и ее отношения с Европой, но и на столетие вперед определило всю глобальную политику в целом [6. С. 9].

В 1917 г. царский режим, существовавший в Российской империи с XVI в., пал, подточенный низким уровнем запоздалой индустриализации и тяжелыми поражениями в войнах – Русско-японской и Первой мировой. В крупнейших городах империи прошли массовые антиправительственные выступления, в результате которых государственная власть пала неожиданно легко. От поддержки режима отказались армия, интеллигенция, чиновничество. В результате развернувшегося политического кризиса монархический режим уступил место неустойчивой многопартийной парламентской демократии (Временное правительство), на смену которой в октябре 1917 г. пришло первое в истории правительство коммунистов-революционеров, попытавшихся реализовать марксистский проект на российской почве (с поправками на специфику страны).

Целью революционеров являлось создание нового «советского человека» с тем, чтобы на смену традиционному русскому обществу пришел руководствующийся научным мировоззрением человек в структуре потенциально бесклассового общества. На месте распавшейся Российской империи возник Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

Революционные преобразования носили весьма жесткий, а временами – и беспрецедентный характер. Острые политические дискуссии внутри партии времен Ленина сменились масштабными сталинскими «чистками», устранившими внутривнутрипартийную оппозицию.

Однако, несмотря на эксцессы и жесткую политику, страна развивалась ранее невиданными темпами. Советский Союз смог выстоять в тяжелейшей ситуации Второй мировой войны, когда стоял вопрос об историческом выживании страны и народа, в послевоенный период сумел в короткие сроки восстановить и запустить промышленное производство, а также распространить свое влияние на ряд стран Восточной Европы. По результатам Второй Мировой войны Советский Союз стал одной из ведущих мировых держав. СССР первым вывел на орбиту искусственный спутник Земли, создал одну из самых многочисленных и сильных армий, реализовал ядерную программу.

При всей своей неоднозначности Русская революция 1917 года изменила социально-политическое развитие не только России, но и всего мира. Она явила собой пример масштабного социального скачка, совершенного не самой развитой страной капиталистической системы, которая под руководством партии авангардного типа осуществила преобразования, вызвав к жизни мощные революционные движения во многих странах «капиталистической периферии». Китайская коммунистическая партия, получив поддержку Советского Союза на начальном этапе масштабных трансформаций, сумела завоевать власть и создать обновленное китайское государство в 1949 г.

Благодаря влиянию и поддержке СССР революционные и национально-освободительные движения одержали победы в рамках «мировой капиталистической периферии» – в Монголии, на Кубе, в Египте, Анголе, Конго, Вьетнаме, Мозамбике, Югославии, Никарагуа, Камбодже, Лаосе, Северной Корее и Афганистане. Во многих странах Европы и Азии возникли коммунистические движения и партии и происходили масштабные выступления, пусть и не закончившиеся победой этих сил. В странах Западной Европы в результате мощной «левой» волны, начавшейся вскоре после окончания Второй мировой войны, у власти на долгое время оказывались партии социал-демократического и социалистического толка, уступившие свое место после спада «левой волны».

Согласно цитируемому нами выше Дж. Голдстоуну, специфика Русской революции заключается в том, что это была первая и имевшая беспрецедентный характер коммунистическая революция, а также в том, что она повлияла на режимы правления во всем мире.

Русская революция имела много общего с другими революциями всемирного масштаба. Она подтвердила известную невозможность избавиться в процессе послереволюционного развития от целого ряда традиционных национальных черт. Помимо этого, Октябрьская революция показала, что на революции всегда влияет международный контекст. Русская революция 1917 года отчасти была вызвана объективным отставанием царской России от Европы, а также слабостью правящей элиты Российской империи перед лицом масштабных внутренних проблем и внешних вызовов. Не менее ярко Русская революция продемонстрировала, что революции часто выдвигают незаурядных лидеров, встающих у истоков новых государственно-политических проектов. Наконец, она показала, что революции,

следующие идеологии разрушения «старого мира», обычно отличаются беспрецедентными проявлениями социального насилия, которое, продвигая общество вперед, имеет весьма неоднозначные последствия для развития социального и культурного капиталов.

Какие же закономерности позволяет нам выявить анализ революционного процесса второй декады XX в. в России?

Во-первых, Октябрь 1917 года — результат сложного общественно-политического процесса, следствие многолетнего системного кризиса (одновременно политического, экономического, социального и идеологического), охватившего все ключевые сферы жизни Российской Империи – идеологию, культуру, политику, систему государственного управления, экономику, социальную сферу.

Во-вторых, осуществление в Российской империи «усеченной модернизации сверху» на рубеже XIX–XX вв., что означало изменение экономического базиса и социальной структуры без изменений в политической системе и системе государственного управления, не разрешило, но обострило существующие социальные противоречия и углубило общий политический и социально-экономический кризис, который трансформировался в социальную революцию.

В-третьих, конфликт между сословно-иерархической структурой общества, поддерживаемой сверху имперским государством, и нарождающимися социальными классами (возникшими в результате капиталистической модернизации буржуазией и интеллигенцией), желавшими большей мобильности, политического представительства и свобод (включая автономный от государства статус), стал ключевым социальным фактором масштабных общественно-политических изменений, принявших революционную форму.

В-четвертых, ключевой социальной предпосылкой Октября 1917 года стала принципиальная нерешенность национального (об автономии для крупнейших нерусских народов империи – поляков, украинцев, балтийских народов, народов Закавказья), крестьянского (крестьяне, несмотря на проведенную реформу 1861 г., в своей значительной части не получили доступа к земле и возможности вести хозяйство интенсивным путем), рабочего вопросов (условия труда и система социальных гарантий для промышленных рабочих в Российской империи заметно отставали от европейских).

В-пятых, революция в России – как в вертикальном организованном обществе – развертывалась «сверху вниз», от центра к периферии, и одновременно продвигалась вглубь, захватывая все новые социальные слои и классы, сферы жизни общества. Начавшись в Петрограде с относительно бескровного свержения Временного правительства, она охватила крупнейшие индустриальные центры России, распространилась на село, охватила национальные регионы, вызвав повсеместно рост активности самых разных социальных и политических сил – как революционных, так и контрреволюционных. Таким образом, развертывание революции «вглубь и вширь» в условиях России неизбежно вело к гражданской войне – в то время как граждан-

ская война способствовала продвижению революции вглубь.

Отдельного и самостоятельного анализа заслуживает кризис, который предшествовал революционным событиям 1917 г. Россия как сложная система, находившаяся в состоянии неустойчивости и перехода, не смогла разрешить актуальные противоречия (как внутренние, так и внешние), которые были актуализированы и дополнительно обострились вследствие вовлечения России в Первую мировую войну без должного анализа ее возможных последствий.

Первое противоречие – между структурами и механизмами служилого государства и стремившимися к автономии классами и сословиями.

В свое время оригинальное и глубокое толкование этой проблемы предложил видный российский политический мыслитель Борис Николаевич Чичерин (1869–1902) – либеральный консерватор, пытавшийся примирить либеральные свободы с идеей сильной государственности. Чичерин исходил из того, что государственность в истории России является главным фактором не только правовых, но и любых общественных перемен. Подобная роль российского государства, по его мнению, была связана с суровой естественной средой, традиционной слабостью в русском обществе начал самоорганизации и самоуправления, а также с необходимостью обеспечения ускоренного развития промышленности, освоения новых территорий, модернизации армии и т.п. Государство, согласно Чичерину, служило организатором общества, побуждая его членов служить национальным интересам «сверху», – что в корне отличало историю России от истории стран Европы. Русское государство изначально возникло как надсословное и в целях общего выживания наложило на все сословия «тягловые обязанности».

В силу описанного выше основное содержание социально-политической истории России состоит в «укреплении и раскрепощении сословий государством». Таким образом, по мере укрепления государства и преодоления народом «анархических наклонностей» стало возможным постепенное освобождение сословий от «государственного тягла». Сначала Жалованной грамотой было освобождено дворянство, затем настала очередь крестьянства, а после этого пришло время освободить весь народ, даровав ему свободу совести, печати, общественного мнения (гласности). Проводником таких реформ и гарантом этих свобод должна стать конституционная монархия, быть лояльной которой обязаны все слои и классы русского общества.

Таким образом, согласно логике Б.Н. Чичерина, незавершенность процесса «освобождения сословий» стала одной из причин революционных изменений, начавшихся в 1917 г.

Второе противоречие – между потребностями общества в модернизации и необходимостью сохранения в равновесном состоянии политической и социально-экономической систем.

Запоздавшие и незавершенные реформы в истории России всегда усиливали противоречия и порождали неравновесность политической и социальной систем.

В этой связи ряд исследователей вполне обоснованно рассматривают Октябрьскую революцию как следствие срыва капиталистической модернизации в России в начале XX в. (реформы премьер-министров С.Ю. Витте и П.А. Столыпина), вследствие чего Россия осуществила модернизацию отличным от большинства стран Запада, догоняющим и мобилизационным социалистическим путем, создав тем самым альтернативный Западу вариант высокоразвитого индустриального общества (модерна), как считает политолог С.Е. Кургиян [7], или же особую модель, соединяющую ценности традиционного русского общества с идеями Просвещения и прогресса, как полагает социолог С. Г. Карамурза [8].

Третье противоречие – в области культуры, которое существует между европейской цивилизационной «надстройкой», созданной в результате модернизации «сверху», и славянской (славянофилы) или евразийско-идеократической (евразийцы) идентичностью народа.

Данное противоречие особо акцентирует философия евразийства (евразийское течение в русской политической мысли XX в. – от Николая Трубецкого до Александра Дугина). Идеологи евразийства рассматривают Октябрьскую революцию как событие, позволившее России сойти с навязанного ей императором Петром I западного пути развития, который поддерживался насилием и искажал ее культуру. Благодаря Октябрьской революции, по мнению сторонников евразийства, Россия вернулась к более естественному для нее «евразийскому» пути развития и типу культуры, соединяющему в себе славянско-православные и тюркско-мусульманские элементы.

Как полагают евразийцы, все предпринимаемые со времен Петра Великого попытки привить России «чужеродную» российскую культуру породили преимущественно негативные результаты: привели к расколу между европеизированной элитой и основной массой общества, к расходованию впустую творческих сил народа [9]. В силу этого, как полагают евразийцы, началось отторжение «насиленного европеизма» российским обществом, проявившееся в стихийных бунтах Разина и Пугачева. Апогеем этого отрицания «европейского пути» стала Октябрьская революция 1917 года. Последняя разрушила поверхностные и чужеродные для русской «почвы» элементы западной культуры – формы государства, бюрократию, законы, элиту, ее ценности и образ жизни – и, несмотря на явленный ей произвол и насилие, освободила тем самым творческие силы народа [10].

В своем предвосхищении грядущей революции и объяснении ее причин с евразийцами во многом совпадают их традиционные оппоненты в истории русской мысли – славянофилы, представители либерально настроенной дворянской интеллигенции середины и второй половины XIX в., оппонировавшие самодержавной монархии по ряду политических и культурных вопросов. Подтверждением прогностических способностей теоретиков славянофильства является обращение видного идеолога славянофилов К.С. Аксакова (1817–1860) к взошедшему на престол императору Александру Второму с предсказанием неизбежности

революции в случае сохранения «неорганичного правления» («Записка о внутреннем состоянии России», 1855 г.) [11].

По убеждению Аксакова (как и других славянофилов), Россия имеет самобытный путь развития, который предполагает верность «самобытным» учреждениям, и прежде всего крестьянской общине и православной церкви. Помимо этого, по мнению Аксакова, Россия имела свой особый «патриархальный» уклад жизни. При этом все случившиеся в истории смуты были связаны не с изменой власти, а с нарушениями монархией «неписаных прав народа» и покушением на исконный уклад жизни людей. Как полагают славянофильские теоретики, искажения естественного уклада русской жизни произошли из-за реформ Петра I, следствием чего стали введение чужеродного для России крепостного права и создание предпосылок для будущих революционных потрясений. Политическая система абсолютной монархии с ее «немецкой» бюрократией является логическим следствием отрицательных сторон петровских преобразований и «болезненным наростом» на теле страны и народа (славянофилы последовательно осуждали чиновничью бюрократию, царский неправый суд с лихоимством судей, и особенно сильно ополчались на крепостное право). Поэтому, не отказавшись от негативных проявлений «петровского наследия» и не вернувшись на органический путь развития, Россия обречена на «революционные потрясения».

Четвертое противоречие – между привилегированной многонациональной имперской элитой и интересами населявшего империю народа (народов). Российская империя традиционно строилась как империя, управляемая многонациональной элитой, – но не смогла состояться как достаточно гармоничное и устойчивое «сообщество народов».

В этой связи следует вспомнить, что в России никогда не существовало национального государства в европейском смысле, – но именно на рубеже эпохи произошел прямой переход от наднационально-идеократической модели Московского царства к структуре Российской империи. В 1721 г. начинается имперско-бюрократический период развития Российского государства, когда в жертву интересам империи было принесено не только национальное русское начало [12].

Безнациональный характер империи проявлялся во многих моментах. Одна за другой присоединялись к России иноязычные провинции. Их дворянство всемерно привлекалось на государственную службу, и временами, как при Анне Иоанновне, серьезно потесняло и даже вытесняло русскую знать. По мере распространения вольнодумства в высших слоях общества исчезала его последняя живая связь с собственно русской народностью.

Главным принципом государственной идеологии петровской и послепетровской эпох был не этноцентризм (русский национализм), а этатизм, т.е. служение государству, величию Империи. «Русский дух», спаянный православием, хранят только потомки раскольников XVII в, оберегающие старые книги, иконы, обычаи. Таким образом, империя отказалась от выраженного «русского лица» потому, что так было легче

включать в ее состав инациональные и даже иноверные области.

В этой связи известный историк и лидер партии кадетов П.Н. Милюков в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры» отмечал, что «Российская империя, великорусская по происхождению своему, перестала быть таковой по составу своего населения» [13. С. 183–184]. Премьер-министр С.Ю. Витте также писал: «Десятилетиями наша политика строилась на неверном основании: мы не могли осознать, что уже с Петра Великого и с Екатерины Великой нет такого явления, как Россия, но только Российская империя. Когда 35% населения составляют инородцы, а русские разделены на великороссов, белорусов и малороссов, то невозможно осуществлять политику, соответствующую духу XX в., пренебрегая национальными особенностями, религиозным своеобразием, языком... других народов, входящих в Российскую Империю» [14]. Нерешенность национального вопроса и стала одной из причин, приведших к революционным изменениям.

Пятое противоречие – между партийно-политическими амбициями молодой российской буржуазии и ее объективной неготовностью взять на себя ответственность за власть, общество и государство (подобное отмечал в начале XX в. в отношении германской буржуазии М. Вебер).

Напомним, Вебер никогда не скрывал своей ангажированной классовой позиции: «Я член буржуазного класса, чувствую себя таковым и воспитан в его воззрениях и идеалах». В 1895 г. в докладе «Национальное государство и экономическая политика», произнесенном во Фрайбургском университете, Вебер предлагает конкретную политическую программу в этом духе: во имя обеспечения национальных интересов на мировой арене политическое руководство страной должно перейти к буржуазии.

Вебер симпатизировал монархическому принципу, что не помешало ему осуждать внутреннюю и внешнюю политику кайзера. До начала революции в Германии (осень 1918 г.) он считал предпочтительной для своей страны конституционную монархию британского образца, хотя и признавал, что в Германии это нерационально из-за отсутствия согласия в обществе. Вебер писал о парадоксальной ситуации в Германии после ноябрьской революции 1918 г., упразднившей монархию, – когда демократия пришла извне, а поражение в войне снижало шансы Германии на создание эффективного режима, выражающего германские интересы (эти черты сближали Германию с Россией после февраля 1917 г.). Подобная ситуация политической неопределенности сложилась и в России после Февральской революции 1917 г., когда после решения общедемократических задач буржуазная по своему происхождению элита не справилась с решением социально-экономических и политических проблем, уступив инициативу более радикальным политическим силам. Германия на рубеже 1918–1919 гг. также могла пойти по российскому пути, и лишь позиция германских социал-демократов, выступивших в союзе с армией, не позволила свершиться социалистической революции по российскому сценарию.

Шестое противоречие — между нерешенным аграрным вопросом и взятыми на вооружение способами его разрешения.

Реформа Александра II оставила крестьян во временно-обязанном состоянии (выкупные платежи были отменены только после революции 1905 г.) и консервировала сельскую общину, но не смогла остановить процесс ее социального расслоения. Реформа Столыпина — запоздалая попытка демонтажа сельской общины и развития сельского хозяйства по капиталистическому пути, приведшая к усугублению противоречий и социальному взрыву в российской деревне.

В свое время известный английский историк и политический социолог Баррингтон Мур (1913–2005) выдвинул идею о связи между траекторией политического развития страны и избранным ею способом аграрной модернизации. В своей работе «Социальные истоки диктатуры и демократии: помещики и крестьяне в деле сотворения нового мира» (1966) [15], являющейся сравнительным исследованием процесса модернизации в Великобритании, Франции, США, Китае, Японии, России, Германии и Индии, Мур изучал условия социогенеза демократических, фашистских и коммунистических режимов как результат взаимодействия процесса индустриализации и особенностей существующих аграрных режимов. Особое внимание исследователя привлекал процесс трансформации доиндустриальных аграрных общественных отношений в «современные». По результатам проведенных им исследований он выделил так называемые «три пути в современный мир» традиционных обществ — либерально-демократический, фашистский и коммунистический; при этом выбор определенного способа перехода к обществу модерна, избранный той или иной страной, зависел от сроков индустриализации и способов изменения социальной структуры в процессе такого «перехода». Согласно Муру, Россия, избравшая долгий путь трансформации сельского хозяйства с фактическим сохранением земельных владений за дворянами, породила специфический союз между крупным промышленным капиталом и дворянским землевладением, который мог быть преодолен лишь путем коммунистической революции.

Таким образом, в ситуации незавершенной модернизации (перехода к обществу современного типа) правящая элита Российской империи не смогла найти эффективного способа разрешения внутренних противоречий и лишь усугубляла их своей непоследовательностью и целым рядом непродуманных решений, все глубже погружая в кризис политическую, экономическую и социальную сферы. В ситуации масштабного внутреннего напряжения империя включилась в 1914 г. в мировую войну и не смогла успешно и долго функционировать в мобилизационном режиме. Патерналистская имперско-бюрократическая модель не способствовала успешной реализации стратегий антикризисного регулирования (впрочем, с этой задачей в тот период не справились и некоторые другие европейские монархии, в частности германская и австрийская). Та политика, которая в течение многих десятилетий была эффективной в условиях иерархически

организованного и разделенного на категории с помощью сословных перегородок общества, оказалась неэффективной в ситуации, когда иерархические перегородки в результате протекающей модернизации стали размываться и исчезать, а новые социальные слои и классы требовали принятия во внимание своих социальных интересов и политических требований.

Октябрьская революция 1917 года, ставшая особым способом разрешения накопившихся в России как сложной системе внутренних противоречий, сопровождалась целым рядом парадоксов, анализ которых позволяет глубже понять ее природу и сущность. В чем же состояли указанные парадоксы?

Во-первых, Октябрь 1917 года формально явился «нарушением всех исторических законов», поскольку не соответствовал сформулированным 2-м Интернационалом «революционным условиям» (согласно им, пролетариат не должен брать власть, пока не станет большинством в стране). Подобное мнение было тогда распространено среди видных представителей марксистской мысли. Революция 1917 г. была оценена одним из крупнейших российских теоретиков марксизма Г.В. Плехановым отрицательно, поскольку он усмотрел в ней «нарушение всех исторических законов и большевистский волюнтаризм». Такую позицию Плеханов занял в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, когда написал, что «русская история все еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся...» [16].

Оппонент Плеханова, ключевой идеолог и стратег большевизма В.И. Ленин попытался компенсировать отсутствие социально-экономических условий за счет преувеличения роли собственно политического фактора. По мнению Ленина, партия нового типа — тот фактор, который позволит консолидировать пролетариат и совершить успешную революцию в России вне зависимости от наличия социально-экономических предпосылок. Согласно подходу Ленина, социалистическая революция в России должна произойти до создания объективных предпосылок для перехода к социализму: завоевав власть, пролетариат во главе с партией большевиков должен создать предпосылки для такого перехода.

Во-вторых, революция 1917 г. произошла в России — «слабом звене мировой системы капитализма» (В.И. Ленин) — поскольку российские большевики, совершая революцию, рассчитывали на поддержку более развитых капиталистических стран Запада после скорой победы мировой пролетарской революции, которая в итоге не произошла, и России и возникшему позже СССР пришлось реализовать стратегию «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

В-третьих, Советский Союз как проект нового социалистического государства формально являлся реализацией общего политического замысла Ленина, определившего некоторые общие принципы нового общественного устройства, при этом как содержательный проект СССР являлся результатом политики

И.В. Сталина, соединившего частичную консервативную реставрацию («термидор») и глубокую социально-экономическую модернизацию (коллективизация, индустриализация, культурная революция) [17].

В-четвертых, российская революция, ставившая своей целью разрушение государства – Российской империи, привела в итоге к созданию еще более мощного государственного образования – мировой державы СССР. Первоначальный антиэтатизм многих лидеров большевистской партии трансформировался в гиперэтатизм сталинской эпохи, когда государство с его ресурсами и инструментами стало главным инструментом масштабных социально-экономических преобразований.

В-пятых, Октябрь 1917 года, разрушив до основания политическую и социальную структуру Российской империи, привел к воссозданию имперской структуры служилого типа на качественно новой основе в рамках системы государственного управления СССР, в которой проявился ряд черт традиционной империи. Ядром этой служилой структуры стала сформированная Сталиным партийно-хозяйственная номенклатура, которая эволюционировала и трансформировалась в постсталинский период. Таким образом, революция 1917 г., разрушив до основания прежнюю сословно-иерархическую структуру русского общества, привела к созданию новой иерархической системы, поддерживаемой государством.

В-шестых, революция 1917 г., вызванная неудавшаяся модернизацией сверху начала XX в., создала в итоге предпосылки для более глубокой и последовательной модернизации 1930-х гг. (консервативная модернизация Сталина на основе базовой идеи построения социализма в одной отдельно взятой стране, которая не могла осуществляться иначе как мобилизационным путем). Феномен сталинской модернизации, в свою очередь, требует дополнительного анализа.

Для сталинской стратегии модернизации были свойственны такие черты, как этатизм, макиавеллизм, технократизм, державность, демонстративная русофилия, что заметно отличалось от изначального плана социалистических преобразований, выдвинутого Лениным. Так, еще 6 июля 1933 г., принимая делегацию художников, Сталин произнес первый тост за русский народ, в котором сказал: «Самый лучший народ – русский народ, самая советская нация». Еще более укрепила консервативно-имперскую стратегию и пропаганду Великая Отечественная война 1941–1945 гг., в ходе которой утвердилась почти царская армейская форма с золотыми погонами, произошло возвеличивание военачальников и правителей Старой Руси — Кутузова, Нахимова, Суворова, адмирала Ушакова, Дмитрия Донского, Петра Первого, Александра Невского.

Логика инициированных Сталиным преобразований укладывается в жесткую схему: для геополитического выживания России на фоне неизбежно надвигающейся войны необходимо преодоление в краткие сроки социально-экономической отсталости («Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сде-

лаем это, либо нас сомнут»), для чего необходимы мобилизация ресурсов общества в руках государства (свертывание НЭПа) и перераспределение их в пользу тяжелых отраслей промышленности и военного производства (отсюда коллективизация и ограбление деревни – «переход к колхозам является решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»); подобная экономическая мобилизация неизбежно приводит к становлению режима единоличной власти и свертыванию элементов демократии внутри партии и страны, практике репрессий, для оправдания которых используется тезис «о неизбежном обострении классово-вой борьбы по мере продвижения к социализму».

В правление Сталина ценой гигантских человеческих жертв и потерь для страны удалось решить ряд ключевых проблем, не решавшихся в комплексе со времен правления императора-реформатора Петра I: преодоление экономической отсталости от ведущих стран мира, превращение страны из аграрной в индустриальную (по крайней мере в области тяжелой промышленности); развитие высоких технологий (ядерная и космическая программы); осуществление культурной революции, создание развитой науки и системы массового доступного образования; заслуженный статус победителя в войне глобального масштаба, превративший страну в мировую державу и обеспечивший ей международное влияние и безопасность как минимум на 40–50 лет, что позволяло проводить масштабные и качественные социально-экономические преобразования, от которых, к сожалению, отказалось постсталинское руководство СССР, продолжавшее действовать в инерционном и экстенсивном ключе.

После смерти Сталина в 1953 г. созданная им для решения задач ускоренного развития и обороны мобилизационно-этатистская система себя исчерпала, и стала необходима ее постепенная трансформация на рыночных и правовых началах (по примеру реформ в Китае). Однако сменившие И.В. Сталина лидеры либо занимались идеологическими и экстенсивными проектами (Н.С. Хрущев с его экстенсивными экономическими проектами и во многом непродуманными управленческими экспериментами), либо просто «замораживали» систему вместе со всеми ее противоречиями (Л.И. Брежнев и инициированный им «застой»). Лишенная стимулов развития (и силовых, и идеологических), советская система неизбежно деградировала и пришла к своему крушению. В правление М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина страна, не достигнув реальной демократии и экономического процветания, в процессе стихийных и непродуманных трансформаций в значительной степени растратила то, что было создано в сталинские годы ценой колоссальных жертв и потерь, равно как и подвигов и героических свершений – промышленный, военный, научно-технический потенциал, систему безопасности и статус мировой державы. Политические изменения после 2000 г. были вызваны социальным запросом на ревизию подобного политического курса.

Помимо внутривнутриполитической значимости, Октябрь 1917 года породил тектонические изменения в структуре миропорядка. Октябрьская революция изменила

тренды политического развития России и всего мира. Благодаря Октябрю идея социальной справедливости прочно утвердилась в российской политической культуре, идеологии и политическом мировоззрении, – как бы ни оценивали данное обстоятельство представители различных политико-идеологических направлений. Помимо этого, российская революция дала мощный толчок мировому революционному и национально-освободительному движению, выведя его на более высокие уровни и масштабы и позволив превратиться в мощную силу социальных перемен. Одновременно со стимулированием новых политических практик она дала стимул для развития международного «левого» движения и «левой» мысли, что способствовало творческому обновлению многих политических доктрин и учений данного толка.

Помимо этого, следует помнить, что, хотя социальная революция в странах Запада не состоялась, под

влиянием опыта и практики Октября западные страны долгое время оставались в состоянии острого политического и социального напряжения, что побуждало их к социальным реформам в интересах широких слоев населения. Наконец, именно опыт и влияние Октября привели после окончания Второй мировой войны к поляризации мира на две системы и возникновению биполярной конфигурации (разделению мира на два лагеря) – подобное разделение способствовало известной долговременной стабилизации системы международных отношений.

Повторение революций, подобных Октябрю 1917 года, едва ли возможно. Однако изучение истоков, характера, результатов и опыта порожденных российской революцией начала XX в. политических и социально-экономических трансформаций способно существенно обогатить современные общественные и гуманитарные науки.

Список источников

1. «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе – гражданская война // Военная хроника. 2012. URL: https://voenkhronika.ru/publ/grazhdanskaja_vojna_v_rossii/quot_istoricheskie_khroniki_quot_s_nikolaem_svanidze_grazhdanskaja_vojna_rossija_9_serij_2005_2007_god/7-1-0-1133 (дата обращения: 14.07.2021).
2. Ципко А.С. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 173–204.
3. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–28.
4. Павловский Г., Гефтер М. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах // Гефтер.ру. 2016. 2 дек. URL: <http://gefter.ru/archive/20282> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Бузгалин А. Октябрьская революция 1917: как это было. Демифологизация // Комсомольская правда. 2015. 19 нояб. URL: <https://www.kp.kz/radio/26511/3524485/> (дата обращения: 14.07.2021).
6. Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 192 с.
7. Кургинян С.Е. Россия и агония модерна // СССР 2.0. URL: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich/307-analitika-sudby-rossiya-i-agoniya-moderna> (дата обращения: 14.07.2021).
8. Кара-Мурза С.Г. Социализм и коммунизм в России: история и перспективы // Новый социализм – XXI век. URL: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (дата обращения: 14.07.2021).
9. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Наш современник. 1992. № 2. С. 160–163.
10. Сувчинский П.П. К преодолению революции // Наш современник. 1992. № 2. С. 153–159.
11. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России (1855) / Аксаков К.С. Сочинения // Библиотека Максима Мошкова. 2017. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (дата обращения: 14.07.2021).
12. Зубов А.Б. Третий русский национализм // Знамя. 1993. № 1. С. 146–178.
13. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Тип. Александрова, 1909. Ч. 1. 316 с.
14. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–53.
15. Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966. 559 p.
16. Плеханов Г.В. Логика ошибки // Нестор: электронная библиотека. URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (дата обращения: 14.07.2021).
17. Бутенко А.П. Откуда и куда идём? Л.: Лениздат, 1990. 287 с.

References

1. Voenkhronika.ru. (2012) “*Istoricheskie khroniki*” s Nikolaem Svanidze – *grazhdanskaya vojna* [“Historical Chronicles” with Nikolai Svanidze – Civil War]. [Online] Available from: https://voenkhronika.ru/publ/grazhdanskaja_vojna_v_rossii/quot_istoricheskie_khroniki_quot_s_nikolaem_svanidze_grazhdanskaja_vojna_rossija_9_serij_2005_2007_god/7-1-0-1133 (Accessed: 14th July 2021).
2. Tsipko, A.S. (1990) Khoroshi li nashi printsipy? [Are our principles good?]. *Novyy mir*. 4. pp. 173–204.
3. Medushevskiy, A.N. (2007) Prichiny krusheniya demokraticheskoy respubliki v Rossii 1917 goda [Causes of the collapse of the democratic republic in Russia in 1917]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 3–28.
4. Pavlovskiy, G. & Gefter, M. (2016) 1917: *neostanovlennaya revolyutsiya. Sto let v sta fragmentakh* [1917: an unstoppable revolution. A hundred years in a hundred fragments]. 2nd December. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/20282> (Accessed: 14th July 2021).
5. Buzgalin, A. (2015) Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917: kak eto bylo. Demifologizatsiya [The October Revolution of 1917: how it was. Demythologization]. *Komsomol'skaya pravda*. 19th November. [Online] Available from: <https://www.kp.kz/radio/26511/3524485/> (Accessed: 14th July 2021).
6. Goldstone, D.A. (2015) *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.
7. Kurginyan, S.E. (n.d.) *Rossiya i agoniya moderna* [Russia and the Agony of Modernity]. [Online] Available from: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich/307-analitika-sudby-rossiya-i-agoniya-moderna> (Accessed: 14th July 2021).
8. Kara-Murza, S.G. (n.d.) *Sotsializm i kommunizm v Rossii: istoriya i perspektivy* [Socialism and communism in Russia: history and prospects]. [Online] Available from: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (Accessed: 14th July 2021).
9. Trubetskoy, N.S. (1992) My i drugie [We and others]. *Nash sovremennik*. 2. pp. 160–163.
10. Suvchinskij, P.P. (1992) K preodoleniyu revolyutsii [To overcome the revolution]. *Nash sovremennik*. 2. pp. 153–159.
11. Aksakov, K.S. (2017) *Sochineniya* [Works]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (Accessed: 14th July 2021).
12. Zubov, A.B. (1993) Tretiy russkiy natsionalizm [Third Russian nationalism]. *Znamya*. 1. pp. 146–178.
13. Miluykov, P.N. (1909) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. St. Petersburg: Tip. Aleksandrova.
14. Ananich, B.V. & Ganelin, R.Sh. (1990) Sergey Yul'evich Vitte [Sergei Yulievich Witte]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 32–53.

15. Moore, B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
16. Plekhanov, G.V. (n.d.) *Logika oshibki* [The logic of the error]. [Online] Available from: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (Accessed: 14th July 2021).
17. Butenko, A.P. (1990) *Otkuda i kuda idem?* [Where are we from and where are we going?]. Leningrad: Lenizdat.

Сведения об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай); Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия); Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: birs.07@mail.ru

Андреев Андрей Владимирович – кандидат политических наук, директор ГТРК «Кузбасс» (Кемерово, Россия). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Барсуков Александр Михайлович – кандидат политических наук, доцент Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия). E-mail: amb2@inbox.ru

Карпов Дмитрий Сергеевич – аспирант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия). E-mail: Dmitry42k20@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov Sergey V. – Doctor of Political Science, Professor, Center for Russian Studies, East China Normal University (Shanghai, China); Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation); Department of Political Science of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: birs.07@mail.ru

Andreev Andrey V. – Candidate of Political Science, Director of Kuzbass State Television and Radio Broadcasting Company (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Barsukov Aleksandr M. – Candidate of Political Science, Department of State and Municipal Administration of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: amb2@inbox.ru

Karpov Dmitriy S. – graduate student, Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Dmitry42k20@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 22.03.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 930.2, 94(470)
doi: 10.17223/19988613/76/14

Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке

Елена Евгеньевна Тиникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru

Аннотация. Возникшие еще в начале XX в. различные трактовки понятия «урбанизация» привели к многообразию подходов в изучении этого одного из определяющих социальных явлений нашего времени. В статье исследуются взгляды современных российских историков на особенности урбанизации нашей страны. В разработанных учеными концепциях отечественная урбанизация рассматривается как феномен, обладающий рядом уникальных характеристик, набор которых зависит от того подхода, приверженцем которого является исследователь. Анализ современного состояния исторической урбанистики в России позволил автору наметить перспективные исследовательские проблемы в истории урбанизации страны в целом и отдельных ее регионов.

Ключевые слова: историческая урбанистика, урбанизация, методология истории, городская история

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках проекта проведения научных исследований «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», проект № 19-49-190001.

Для цитирования: Тиникова Е.Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 120–127. doi: 10.17223/19988613/76/14

Original article

Approaches to the study of the Russian model of urbanization in the view of modern historical science

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation, lena.tinikova@mail.ru

Abstract. The article discusses the main directions of the development of historical urbanism in Russia in the modern period. A problem of evaluation of the Russian model of urbanization as an integral part of these kinds of researches is still a debatable question. The purpose of the article is to identify main approaches to the study of the Russian model of urbanization in historical science in the Post-Soviet period. Despite the presence of theoretical and methodological pluralism and the increase of the number of publications on the problem of urbanization, historians still do not have a common problem research field. It is mainly due to a large amount of papers with factographic contents and a small amount of papers aimed at theoretical understanding of urbanization. Today we can distinguish some amount of basic vectors in researches development process in the field of Russian historical urbanization. One of these vectors is the use of cross-disciplinary approach in urban researches. The works based on combinations of historical and sociological methods are becoming very popular. That is because only socialists were the first who appealed to a city as an independent research subject within the scope of social-humanitarian science. At the same time historical research based on the use of sociological principles and methods of urban study starts developing from socio-cultural and anthropological theoretical and methodological positions. In authors' opinion, the use of cross-disciplinary approach in research of the Russian urbanization model seems very prospective. First of all, historical urbanization can successfully interact with different socio-humanitarian disciplines (sociology, ecology and economy) and also uses accumulated experience in studying urbanization in other sciences (e.g. geography) on interdisciplinary and transdisciplinary basis. Secondly, if the existent trend of cross-disciplinary urban history researches development will continue, the attention of Russian historians necessarily will be attracted by modern sociological theories of urban development. Adherents of socio-cultural and anthropological urban theories mainly tend to critical evaluation of Russian urbanization model in contrast to supporters of the modernization and macro-historical approaches. This phenomenon can be explained by the content of modernization concept and in general by the Russian historiographical tradition to highlight the specific features of the development of Russia/USSR, based on the identification of "echelons" of modernization, its different stages and characteristics of the process. At present time researchers with rare exceptions bypass problems, related to the history of Post-soviet Russian

urbanization. However, the need for this kind of research is already ripe. In general, the range of the problems that historical urbanization faces now can be solved only by using the integrated approach with the support of urban sociology and geourbanists classics.

Keywords: historical urbanization, urbanization process, methodology of history, urban history

Acknowledgments: The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Khakassia within the framework of the research project "Social problems of single-industry towns of Khakassia: factors, dynamics, search for solutions", project № 19-49-190001.

For citation: Tinikova E.E. (2022) Approaches to the study of the Russian model of urbanization in the view of modern historical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 120–127. doi: 10.17223/19988613/76/14

Смысловая нагрузка термина «урбанизация» весьма многообразна. Это слово, несмотря на относительную молодость (само понятие было введено в научный оборот Л. Виртом в начале XX в. [1]), уже обросло разнообразными теоретико-концептуальными значениями. На протяжении века происходили его темпорализация (появление новых смысловых нагрузок) и демократизация (выход термина за пределы академической науки) [2. С. 27–32]. Можно даже говорить о процессе идеологизации данного понятия, так как в разных странах и культурах, а также историко-политических обстоятельствах оно приобретало диаметрально противоположные коннотации [3. С. 12]: от положительных (например, у сторонников идей социального прогресса) до отрицательных (например, у антиглобалистов).

Цель статьи – выявление основных подходов к изучению отечественной модели урбанизации в исторической науке в постсоветский период. Хронологические рамки обусловлены временем становления российской исторической урбанистики. Дело в том, что вплоть до 1990-х гг. исследования в области городской истории с точки зрения предмета изучения носили локальный или региональный характер, зачастую сводились к краеведческому историописанию, ориентировались на наращивание фактографической эмпирики и не претендовали на обобщение материала и формирование единой концепции отечественной модели урбанизации.

Распад Советского Союза, приведший к отказу от идеологических ограничений в науке и обновлению методологического аппарата, принято считать точкой отчета нового этапа в развитии отечественной исторической науки. Однако в исторической урбанистике хронологически «точка отчета» произошла чуть позже – в 1995 г., когда в свет вышла монография А.С. Сенявского «Российский город в 1960–1980-е годы», явившаяся первым обобщающим трудом по истории советского города [4]. Для отечественных историков важными стали выводы автора о месте города как элементе общественной системы СССР, о влиянии административно-командной системы на развитие советского города, о роли городов в кризисе всей советской системы.

Наличие теоретико-методологического плюрализма, отсутствие идеологических пут, выход в свет первых обобщающих работ об истории отечественного города, накопленный богатый исторический нарратив об истории отдельных городов и регионов, – все это, казалось бы, должно было способствовать формированию нового, прорывного с точки зрения методологии, направления в области исторической урбанистики.

Однако в настоящий момент ситуация в этой сфере характеризуется следующими не очень перспективными трендами. Во-первых, для многих исследований российского города по-прежнему характерны внесоциальность и недостаточность критического осмысления города как исторического феномена. Это приводит к тому, что «производимый исторический продукт представляет собой в этом случае преимущественно лирическое историко-краеведческое значение» [5. С. 102]. Во-вторых, несмотря на рост количества публикаций по городской проблематике, у историков до сих пор отсутствует единое проблемное исследовательское поле; связано это во многом с большим количеством работ фактографического содержания и небольшой долей трудов, направленных на теоретическое осмысление урбанизации.

В 2014 г. в Сургуте состоялась первая в России конференция, целью которой как раз и явилось формирование поля для научного дискурса и диалога между историками-урбанистами и другими учеными, изучающими город и урбанизационные процессы. Организаторы конференции были нацелены на репрезентацию новой методологии и раскрытие теоретических и историографических проблем исторического знания на основе междисциплинарных исследований урбанистики. Однако, по замечанию ответственного редактора сборника, вышедшего по результатам конференции, И.Н. Стась, сложнее всего было собрать материалы именно для первого, наиболее важного раздела «Историческая урбанистика: проблемы теории и историографии», и «связано это с объективными инерционными традициями отечественной исторической науки, в которой теоретические вопросы редко выступают в центре исследований, а транзит новейших методологических достижений препятствуется слабой научной коммуникацией» [6. С. 4]. К сожалению, нереализованными оказались и решения, принятые на состоявшемся в ноябре 2014 г. в Тобольске круглом столе «Историческая урбанистика в России и Сибири», о создании специального отраслевого научного периодического журнала по исторической урбанистике.

Сложившуюся ситуацию в области российской городской истории очень четко описал доктор исторических наук, известный историк в области городоведения С.А. Баканов, отметив, что это направление «продолжает оставаться уделом одиночек-энтузиастов из различных образовательных и научных учреждений, разбросанных по нескольким десяткам городов и регионов России» [7. С. 198], при этом его характерными

чертами являются слабая коммуникация между учеными и отсутствие координации их усилий.

Сегодня можно выделить несколько основных векторов развития исследований в области российской исторической урбанистики. Критерием для их типологизации является методологическая основа, на которой держится вся исследовательская конструкция и которая предопределяет не только содержание основных понятий городской истории, но также и их набор.

Первенство обращения к городу как к отдельному предмету исследования в рамках социально-гуманитарных наук хронологически принадлежит социологам. Именно они разработали понятийно-категориальный аппарат новой области знания и основные концепции урбанизма. Поэтому неудивительно, что одним из важнейших трендов развития современной исторической урбанистики является применение междисциплинарного подхода в исследованиях города. Заимствование концепций урбанизма у социологов влечет за собой рождение новых исследовательских проблем.

Исторически в нашей стране социология города развивалась в рамках господства урбанистической парадигмы (в то время как на Западе в 1970-е гг. против нее выступило новое поколение социологов), в рамках которой социологи изучали город как социальный организм, место формирования особой городской культуры, городского образа жизни. Поэтому исторические исследования, построенные на применении социологических принципов и методов изучения города, стали развиваться с социокультурных и антропологических теоретико-методологических позиций.

Доктором исторических наук Т.А. Булыгиной уже обобщены и показаны существующие основные социокультурные подходы к истории города в категориях микроистории, семиотики, имагологии [8]. В связи с этим перечислим лишь основные перспективные направления городской истории в рамках данного подхода, предлагаемые автором: изучение эволюции структуры городского пространства (например, эволюции городского центра или окраин и их символов), городской среды (как комплекса объектов культурно-интеллектуального, хозяйственно-экономического, общественного пространства города), исследование проблем истории города в контексте истории региона (их взаимовлияние), проблем формирования городского образа жизни (связанных с историей повседневности), проблем роли личности в формировании городской среды и т.д.

На наш взгляд, использование междисциплинарного подхода в исследовании отечественной модели урбанизации весьма перспективно. Во-первых, историческая урбанистика может успешно взаимодействовать с различными социально-гуманитарными областями знания (социологией, экологией и экономикой), а также использовать накопленный опыт изучения урбанизации другими науками (например, географией) на интердисциплинарной и трансдисциплинарной основе. Интердисциплинарное взаимодействие наук предполагает совместную работу ученых, исследующих разные аспекты общей проблемы, при этом каждый из них должен опираться на свою методологическую дисциплинарную базу [9. С. 97]. Примером тем для интер-

дисциплинарного взаимодействия в рамках городской проблематики могут быть вопросы, связанные с адаптацией мигрантов к городским условиям (взаимодействие историков, социологов и психологов), проблемы формирования поликультурного городского пространства (сотрудничество ученых тех же областей знания), особенности городского расселения на уровне страны и ее регионов (совместные исследования географов и историков) и т.д. Характерной чертой трансдисциплинарных исследований является невозможность решения научной проблемы в границах одной из сотрудничающих дисциплин. Такого рода исследования предполагают, что ученые, работающие в области изучения городской проблематики, должны разработать единый концептуальный аппарат, основанный на теориях и подходах отдельных наук. Это могут быть вопросы, связанные с историей миграций в городских поселениях, социально-демографические проблемы городов, особенности городской политики и т.д.

Во-вторых, если существующий тренд развития междисциплинарных исследований городской истории сохранится, то неизбежно внимание отечественных историков будут привлекать современные социологические теории развития урбанизма. Доктор философских наук, ведущий российский специалист в области социологии города Н.Н. Яницкий выделяет следующие тенденции развития современных городов в условиях глобализации: «столице-центризм», изменение функций города (на первый план выходят торгово-развлекательные и туристические функции), перемещение социальной жизни города в виртуальную сферу, ориентация городской молодежи на быстрый карьерный рост и материальное благополучие, снижение кадрового потенциала крупных городов, усиление социально-пространственной дифференциации больших городов, большое влияние мигрантов из республик бывшего СССР на культуру и образ жизни городов, общее повышение рискогенности городской среды, «сжатие» и технизация градостроительной науки, появление закрытых сообществ для определенных имущественных категорий граждан [10. С. 125]. Безусловно, все перечисленные тренды могут выступать в качестве отдельных научных предметов междисциплинарных исследований. Историки, занимающиеся изучением современных урбанизационных процессов, должны учитывать эти особенности.

В зарубежных социологических исследованиях города сегодня популярны идеи развития креативной экономики и поликультурного общества, в котором город выступает как пространство, стимулирующее развитие культуры, аккумулирующее творчество и интеллектуальное развитие, идеи интенсификации социокультурной жизни горожан, базовыми элементами которой должны стать комфортная атмосфера и культура как экономический ресурс и основа планирования города [11]. В условиях трансформации всех сторон жизни общества в результате процессов его глобализации и информатизации в современной западной социологии стали популярны концепции постиндустриальной урбанизации, строящиеся на представлениях о том, что центральными проблемами городов

являются процессы коллективного потребления, надгосударственный характер этих проблем; в целом именно экономическая переменная рассматривается как ключ к пониманию всех процессов, происходящих в городе [12. С. 7].

Интересный тезис об оценке российской урбанизации в трудах отечественных историков выдвигает И.Н. Стась, который в последние годы плотно работает над проблемами институционализации и историографии исторической урбанистики. Он полагает, что приверженцы социокультурных и антропологических теорий города склоны (за редким исключением) к критической оценке российской модели урбанизации в отличие от сторонников модернизационного и макроисторического подходов [13. С. 113]. Объяснить этот феномен можно содержанием концепта модернизации и в целом российской историографической традицией выделять специфические черты развития России / СССР, исходя из выявления «эшелонов» модернизации, ее стадий и особенностей протекания.

Одним из первых стал исследовать урбанизацию в качестве важнейшего элемента масштабного модернизационного процесса страны А.С. Сеньявский. Он рассматривает урбанизацию как урбанизационный переход, т.е. процесс радикального преобразования всего общества на «городских началах», протекавший в России в XIX–XX вв. Ученый подчеркивает, что процесс перехода от общества сельского к городскому – это общемировой закономерный процесс, связанный с индустриальным развитием, который имел специфические особенности в нашей стране. Если западноевропейские города формировались «снизу», исходя из экономических интересов определенных территорий, то российские – «сверху», преследуя интересы власти по мере расширения государственных границ [14. С. 304]. В советский период градообразующий фактор центральной власти еще более гипертрофировался. Исследователь подчеркивает, что определяющим фактором развития советского города стало то, что переход к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной тоталитарной советско-коммунистической модели [15]. При этом советская власть, внося определенные коррективы в развитие урбанизации, в целом не смогла сломить логику протекания этого универсального процесса, характерного для всех стран, вступивших на путь модернизации [16. С. 24].

Согласен с идеей об универсальности процесса урбанизации и А.Ю. Ильин, который на примере развития городского хозяйства дореволюционных губернских центров убедительно показывает вариативность развития советской урбанизации [17]. Например, в таких городах, как Пенза, Рязань, Тамбов, сохранились черты «аграрного» города, замедляющие их урбанизацию. В целом эти города отставали по уровню развития коммунального хозяйства и комфорта от западноевропейских, но, обладая сходными с ними типологическими чертами, имели шанс для осуществления успешной «догоняющей» урбанизации. К ее характерным чертам автор относит незавершенность, переходный, двойственный характер, «ущербность», непоследовательность, противоречие между серьезными коли-

чественными и недостаточными качественными изменениями [18. С. 154].

С позиций теории модернизации исследует урбанизацию системы расселения и Л.Н. Мазур. Она подчеркивает, что урбанизация является пространственным отражением модернизации общества и определяет ее темпы и характер. Ученый также признает большую роль государства в процессах градообразования в нашей стране, но выделяет и следующие специфические черты российской модели урбанизации: высокие темпы, распространение монофункциональных городов, сельский характер городов. Большую роль в длительности протекания урбанизации (автор исходит из стадий урбанизации по схеме Джизбса и стадий эволюции расселения по схеме Ж.А. Зайончковской) сыграло ограничение свободы передвижения в России в течение длительного времени. Исследователь приходит к выводу о незавершенности отечественных урбанизационных процессов, так как в нашем государстве пока не начался переход к стадии дезурбанизации в классическом варианте [19].

Урбанизацию как центральное звено модернизации советского общества рассматривает А.Г. Вишневский. Он отмечает ее двусмысленность, так как, с одной стороны, количественные параметры урбанизации, такие как рост городов и городского населения, развивались по заданной Западом траектории, с другой стороны, в стране советов управление городами строилось с помощью «мичуринских» методов – поддерживая одни свойства и вытравляя другие» [20. С. 80]. Анатолий Григорьевич указал на запаздывающий, неполноценный, «деревенский» характер советской урбанизации, при которой город так и не стал носителем прав своих жителей, так как не был сформирован «средний» городской слой, который экономически бы твердо стоял на ногах и мало зависел от политической конъюнктуры.

В рамках схемы незавершенной модернизации СССР А.Г. Вишневского выстроил свою концепцию форсированной урбанизации (квазиурбанизации) известный в Сибири историк-демограф В.А. Исупов. На материалах Сибири он показал наличие фантастической диспропорции между численностью городского населения и развитием инфраструктуры городских поселений. Справедлив тезис ученого о том, что именно социальная инфраструктура (т.е. жилищно-коммунальное хозяйство, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение) превращает населенный пункт в город [21. С. 467]. Автор в развитии советской модели урбанизации выделяет несколько этапов: до 1950-х гг. – этап квазиурбанизации, и после 1950-х гг. – когда в развитие социальной городской инфраструктуры стали вкладываться ресурсы.

Несмотря на то, что разработанные и актуальные в начале 1990-х гг. среди социологов и философов концепции псевдоурбанизации сейчас малопопулярны [22. С. 68], некоторые исследователи продолжают скептически относиться к российским городам. К числу таких исследований можно отнести работы М.Г. Меевровича, который настаивает на уникальности советской урбанизации как совершенно искусственного продукта социально-политической системы [23. С. 14].

Исследователь предлагает отказаться от «антропокультурного» подхода в изучении советской урбанизации, основанного на ее сопоставлении с западной моделью, так как изначально в основу нашей урбанизации закладывалось исключительно «материально-производственное» содержание. Этим и объясняется главная отличительная черта советской урбанизации, называемая ученым спецификой отечественного градостроительства, основанного на механизме глобального регулирования со стороны тотального государства, т.е. «плановый», насильственный характер урбанизации, целью которого было «опролетаривание» крестьянского населения для достижения высоких показателей индустриализации и милитаризации. Ни о какой «городской культуре» в этих условиях речи не шло, «псевдогородское население» не способно было стать ее носителем. Особое внимание М.Г. Меерович уделяет проблемам уникальности градостроительства в СССР и подчеркивает неприглядность социально-бытовых и жилищных условий, созданных советской властью в городе [24]. Следует, однако, подчеркнуть, что выводы, к которым приходит автор, в большей степени основаны на изучении начального периода урбанизации в СССР, хотя главная мысль ученого о решающей роли государства в этом процессе справедлива в целом для всего периода существования Советского Союза.

Исследуя урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг., М.Н. Болдано пришла к выводам о незавершенности и переходном характере советской модели урбанизации. Доктор исторических наук отмечает, что процесс форсированной индустриализации региона в этот период предопределил вектор развития городов на многие десятилетия. Массовая сельско-городская миграция привела к «крестиянизации» города, маргинализации городского населения, так как в городских поселениях не была сформирована городская социальная инфраструктура. Новые городские жители, порвав со своим сельским прошлым, не имели возможности приобщиться к жизни городской, поэтому возникла типичная маргинальная субкультура. Ученый акцентирует внимание на том, что нельзя совершать подмену понятий «рост городского населения» и «урбанизация», так как последнее определяется не статистическими данными, а такими фундаментальными характеристиками, как урбанистическая культура, качество городской жизни, комфорт городской среды, масштабы социально-информационного разнообразия [25. С. 56]. Важным, на наш взгляд, является тезис историка о влиянии советской модели урбанизации на современные урбанизационные процессы, которое выражается в существующей социальной структуре городского населения, когда помимо современных слоев и групп имеют место «неотрадиционная сословность, клановость и этнонациональный коммунизм» [26. С. 99].

Об условности понятия «городской житель», о слабой адаптации вчерашних сельских жителей в городских условиях пишет и С.А. Рафикова. Разработанная ею новая методика качественных урбанистических исследований, апробированная на основе массовой обработки воспоминаний жителей Красноярска, позволила выделить три категории горожан в 1960-е гг.:

«истинные горожане» (45,8%), «формирующиеся горожане» (19,7%) и «горожане – не горожане» (34,5%) [27. С. 120]. При этом автор подчеркивает, что данная авторская шкала подтверждает тезис о том, что не все вновь прибывшие горожане могут быть отнесены к маргинальным слоям населения, поскольку степень адаптации среди них была различной. Данное исследование в целом является ярким примером применения междисциплинарного подхода при изучении отдельных проблем урбанизации.

Базовой парадигмой одного из последних диссертационных исследований по истории урбанизации отдельных регионов нашей страны стал междисциплинарный синтез. Речь идет о диссертационном исследовании Р.С. Колокольчиковой «Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России» (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) [28]. Исследование построено на основе концепции видного представителя российской школы исторического городоведения 1920-х гг. Н.П. Анциферова, который предлагал рассматривать город путем изучения трех его основных элементов: пространства, социума и культуры. Данный научный труд является ярким примером возможностей междисциплинарного, комплексного подхода при освещении особенностей отечественной модели урбанизации. Однако в целом в российской исторической урбанистике сохраняется дефицит по-настоящему междисциплинарных исследований, в основном историки все же рассматривают город в рамках определенного научного направления, не используя опыт других исследовательских моделей [29. С. 26].

В настоящий момент исследователи за редким исключением обходят стороной проблемы, связанные с историей постсоветской российской урбанизации. Понятно, что это продиктовано хронологической близостью с объектом изучения, и при такого рода анализе сложно выйти на обобщение и конструирование неких моделей. Однако необходимость в подобных исследованиях уже назрела. Один из наиболее крупных представителей современной российской исторической науки в области исторической социологии Б.Н. Миронов, характеризует основные тренды в развитии отечественной урбанизации, позитивно оценил ее влияние на исторические судьбы России в ближайшей перспективе, когда будет построено общество свободных предпринимателей [30. С. 275–276]. Подтверждают ли современные тенденции развития российского общества позицию профессора – один из ключевых вопросов при изучении особенностей урбанизации нашей страны начала XXI в.

Следует также отметить, что сегодня в качестве отдельно направления в исторической урбанистике заявили себя пригородные исследования. В 2017 г. вышел сборник «Что мы знаем о современных российских пригородах?», опубликованный по материалам Всероссийского научно-практического семинара, проходившего в Улан-Удэ [31]. Ответственным редактором коллективного труда выступил А.С. Бреславский, автор нескольких работ по городской истории, в том числе монографии по пригородам Улан-Удэ [32]. Материалы данного сборника позволяют не только озна-

комиться с основными исследовательскими взглядами на феномен российского пригорода, но также заставляют задуматься о том, является ли вектор современной российской урбанизации, при существующей тенденции к росту пригородных зон, схожим с путями развития урбанизации в странах Запада или Востока.

В целом обозначенный круг проблем, которые стоят перед исторической урбанистикой сегодня, может быть решен только при использовании комплексного

подхода и не без опоры на труды классиков социологии города и геоурбанистики. Потому что только в этом случае, как отмечает И.А. Агеев, на смену внешней характеристике города придет тренд на исследования, которые «показывают город изнутри, как социальный и инфраструктурный организм» [33. С. 82]. И таким образом будет преодолен существующий дисбаланс в изучении качественных и количественных параметров отечественной модели урбанизации.

Список источников

1. Wirth L. Urbanism as a Way of life // American Journal of Sociology. 1938. July. P. 1–24.
2. Словарь основных исторических понятий : избр. статьи : в 2 т. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. 736 с.
3. Лейбович О.Л. Современный город в социологическом отражении // Городские миры. Опыт гуманитарного исследования. Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 2006. С. 9–20.
4. Сенинский А.С. Российский город в 1960–1980-е годы. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. 264 с.
5. Бреславский А.С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 102–105.
6. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием (Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган : Курган. Дом печати, 2015. 820 с.
7. Баканов С.А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201.
8. Булыгина Т.А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. The new past. 2017. № 3. С. 82–95.
9. Маслова И.В. Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. 2017. Т. 2, № 1. С. 95–107.
10. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.
11. Петровская О.В. Современные теории развития урбанизма // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 31–36.
12. Савченкова В.М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 12 с.
13. Стась И.Н. Полемика историков о сущности и результатах урбанизации в России / СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 112–116.
14. Сенинский А.С., Братченко Т.М. Российский город в контексте модернизационного процесса (теоретические проблемы исторической урбанистики) // Городская культура и город в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара : Самарская гос. акад. культуры и искусства, 2012. С. 300–308.
15. Сенинский А.С. Урбанизация в России в XX веке: роль в историческом процессе. М. : Наука, 2003. 286 с.
16. Сенинский А.С. Историческая урбанистика в исследовании российских модернизаций // Городская культура и город в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара : Самарская гос. акад. культуры и искусства, 2012. С. 13–34.
17. Ильин А.Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII–XX вв. Тамбов : Мичуринск, 2018. 486 с.
18. Ильин А.Ю. Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона) // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 143–156.
19. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.
20. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
21. Исулов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2012. С. 464–468.
22. Горбачев О.В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 67–71.
23. Меерович М.Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9–16.
24. Меерович М.Г. К вопросу о методологии изучения начального периода урбанизации в СССР // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган : Курганский Дом печати, 2015. С. 114–129.
25. Балдано М.Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 53–56.
26. Балдано М.Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100.
27. Рафикова С.А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1: История. С. 115–122.
28. Колокольчикова Р.С. Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России» (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 47 с.
29. Трофимов А.В. Российская историческая урбанистика: проблемы историографии // Город, социум, среда: история и векторы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Тагил : Нижнетагильский гос. соц.-пед. ин-т (филиал) ФГАОУ ВО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2017. С. 25–29.
30. Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 259–276.
31. Что мы знаем о современных российских пригородах? : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. семинара / под ред. А.С. Бреславского. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.
32. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 193 с.
33. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 358. С. 79–84.

References

- Wirth, L. (1938) Urbanism as a Way of life. *American Journal of Sociology*. July. pp. 1–24.
- Zaretsky, Yu., Levinson, K. & Shirle, I. (eds) (2014) *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [Dictionary of Basic Historical Concepts]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Leibovich, O.L. (2006) Sovremennyy gorod v sotsiologicheskoy otzhenii [A modern city in a sociological reflection]. In: Leibovich, O.L. & Kabatskov, A.N. (eds) *Gorodskie miry. Opyt gumanitarnogo issledovaniya* [Urban Worlds. Experience of Humanitarian Research]. Perm: Perm State Technical University. pp. 9–20.
- Senyavsky, A.S. (1995) *Rossiyskiy gorod v 1960–1980-e gody* [Russian cities in the 1960–1980s.]. Moscow: Institute of Russian History RAS.
- Breslavsky, A.S. (2011) Urban history as a subject of discourse analysis: resources and research program. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1(30). pp. 102–105.
- Zhiromskaya, V.B. & Stas, I.N. (eds) (2015) *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical urbanism: past and present of the city]. Kurgan: Kurgansky Dom pechati.
- Bakanov, S.A. (2016) Istoricheskaya urbanistika v Rossii zavayavlyaet o sebe [Historical urbanism in Russia declares itself]. *Magistra Vitae*. 2. pp. 198–201.
- Bulygina, T.A. (2017) Gorod i ego prostranstvo: popytka istoricheskogo izmereniya [City and its space: an attempt of historical description]. *Novoe Proshloe – The New Past*. 3. pp. 82–95.
- Maslova, I.V. (2017) Conceptual challenges in modern historical research. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*. 2(1). pp. 95–107. (In Russian).
- Janicki, O.N. (2016) A history of urban sociology in XX century Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 117–126. (In Russian).
- Petrovskaya, O.V. (2014) Modern theories of urbanism development. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4. pp. 31–36. (In Russian).
- Savchenkova, V.M. (2005) *Kontseptsii goroda i urbanizatsii v zapadnoy sotsiologii: teoretiko-metodologicheskii analiz* [The concepts of the city and urbanization in Western sociology: theoretical and methodological analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
- Stas, I.N. (2017) Historians' polemics on the nature and results of urbanization in Russia / USSR. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 24(3). pp. 112–116. (In Russian).
- Senyavsky, A.S. & Bratchenko, T.M. Rossiyskiy gorod v kontekste modernizatsionnogo protsess (teoreticheskie problemy istoricheskoy urbanistiki) [Russian city in the context of the modernization process (theoretical problems of historical urbanism)]. *Gorodskaya kultura i gorod v culture* [Urban culture and city in culture]. Proc. of the Conference. Samara. pp. 300–308.
- Senyavsky, A.S. (2003) *Urbanizatsiya v Rossii v XX veke: rol' v istoricheskoy protsesse* [Urbanization in Russia in the twentieth century: The role in the historical process]. Moscow: Nauka.
- Senyavsky, A.S. (2012) Istoricheskaya urbanistika v issledovanii rossiyskikh modernizatsiy [Historical urban studies in the study of Russian modernization]. *Gorodskaya kultura i gorod v culture* [Urban culture and city in culture]. Proc. of the Conference. Samara. pp. 13–34.
- Ilyin, A.Yu. (2018) *Razvitiye gorodskogo khozyaystva regional'nykh tsentrov Rossii v usloviyakh urbanizatsii XVIII–XX vv.* [Development of municipal economy of the regional centers of Russia in terms of urbanization of the 18th – 20th centuries]. Tambov: Michurinsk.
- Ilyin, A.Yu. (2016) Dogonyayushchaya urbanizatsiya i gorodskoe khozyaystvo v istorii Rossii (razmyshleniya po povodu rabot nemetskogo istorika T.M. Bona) [Catching up urbanization and urban economy in the history of Russia (reflections on the works of the German historian T.M. Bon)]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 143–156.
- Mazur, L.N. (2012) *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian village in the context of urbanization: the regional dimension (the second half of the 19th – 20th century)]. Ekaterinburg: Ural State University.
- Vishnevsky, A.G. (1998) *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and the ruble: Conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
- Isupov, V.A. (2012) Kvaziurbanizatsiya v stalinskoj strategii modernizatsii Sibiri: konets 1920-kh – konets 1930-kh gg. [Quasiurbanization in Stalin's strategy for the modernization of Siberia: late 1920s – late 1930s]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. pp. 464–468. (In Russian).
- Gorbachev, O.V. (2012) Russian urbanization in the twentieth century as an interdisciplinary problem. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*. 2-1. pp. 67–71. (In Russian).
- Meerovich, M.G. (2015) Urbanization uniqueness in the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 2. pp. 9–16. (In Russian).
- Meerovich, M.G. (2015) K voprosu o metodologii izucheniya nachal'nogo perioda urbanizatsii v SSSR [On the methodology of studying the initial period of urbanization in the USSR]. In : Stas, I.N. & Ivanov, A.S. (eds) *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical urbanism: the past and present of the city]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati. pp. 114–129.
- Baldano, M.N. (2009) Sovetskaya model' urbanizatsii [Soviet model of urbanization]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 53–56. (In Russian).
- Baldano, M.N. (2011) Urbanizatsionnye protsessy v Buryatii v 1930-e gg. [Urban processes in Buryatia in the 1930s]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2. pp. 93–100.
- Rafikova, S.A. (2014) “Shkala identifikatorov gorozhan” kak metod kachestvennykh urbanisticheskikh issledovaniy [“The Scale of the IDs of citizens” as a method of qualitative urban research]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo univarsiteta. Seria: Istoria, Filologia*. 13(1). pp. 115–122. (In Russian).
- Kolokolchikova, R.S. (2015) *Fenomen industrial'nogo goroda v istorii Evropeyskogo Severa Rossii (vtoraya polovina 1960-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [The phenomenon of the industrial city in the history of the European North of Russia (the second half of the 1960s – the first half of the 1980s). Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
- Trofimov, A.V. (2017) Rossiyskaya istoricheskaya urbanistika: problemy istoriografii [Russian historical urban studies: problems of historiography]. *Gorod, sotsium, sreda: istoriya i vektory razvitiya* [City, Society, Environment: History and Vectors of Development]. Proc. of the Conference. Nizhny Tagil: Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of Federal State Autonomous Educational Institution “Russian State Vocational Pedagogical University”. pp. 25–29.
- Mironov, B.N. (2012) Gorod iz derevni: chetyresta let rossiyskoy urbanizatsii [A city from a village: four hundred years of Russian urbanization]. *Otechestvennye zapiski*. 3. pp. 259–276. (In Russian).
- Breslavskiy, A.S. (ed.) (2017) *Chto my znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh?* [What do we know about modern Russian suburbs?]. Ulan-Ude: SB RAS.
- Breslavsky, A.S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetский period* [Unplanned suburbs: rural-urban migration and growth of Ulan-Ude in the post-Soviet period]. Ulan-Ude: SB RAS.
- Ageev, I.A. (2014) Methodological resource of historical urban studies in modern research of urban spaces. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 79–84. (In Russian).

Сведения об авторе:

Тиникова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела международных и межрегиональных связей Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Information about the author:

Tinikova Elena E. – Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.08.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 22.08.2018; accepted for publication 22.02.2022

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94(571.53).08:296

doi: 10.17223/19988613/76/15

Еврейская община Иркутска в конце XIX – начале XX в.: проявление российского феномена «двойного раввината»

Елена Александровна Берман¹, Елена Сергеевна Генина², Наталья Алексеевна Орехова³

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, lena.berman.amanut@gmail.com

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, elena_genina@mail.ru

³ Независимый исследователь, Красноярск, Россия, orehova.vladimir2010@yandex.ru

Аннотация. Во второй половине XIX в. в Российской империи был издан ряд государственных нормативно-правовых актов, касающихся глав еврейских общин – раввинов, требования к которым у имперской власти и традиционного еврейского общества кардинально различались. В результате данной политики каждая община имела двух раввинов – казенного и духовного. Система «двойного раввината» существовала как в черте, так и за чертой постоянной еврейской оседлости. Коснулась она и сибирских общин, в том числе еврейской общины Иркутска конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: еврейская община, казенный раввин, духовный раввин, органы власти, Иркутск

Для цитирования: Берман Е.А., Генина Е.С., Орехова Н.А. Еврейская община Иркутска в конце XIX – начале XX в.: проявление российского феномена «двойного раввината» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 128–136. doi: 10.17223/19988613/76/15

Original article

The Jewish community of Irkutsk in the late 19th – early 20th century: a case of the Russian phenomenon of “dual rabbinate”

Elena A. Berman¹, Elena S. Genina², Natalia A. Orekhova³

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, lena.berman.amanut@gmail.com

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, elena_genina@mail.ru

³ The independent researcher, Krasnoyarsk, Russian Federation, orehova.vladimir2010@yandex.ru

Abstract. This article aims to reconstruct one of the chapters in the history of the Irkutsk Jewish community of the late 19th – early 20th century associated with the Russian phenomenon of “dual rabbinate”. An analysis of the historiography on this issue showed that the subject of rabbinate in Siberia has not been sufficiently studied in Russia. The purpose of the study is to identify the main features of the case of Russian “dual rabbinate” under conditions of the Jewish community in Irkutsk (late 19th – early 20th centuries). This purpose of the study determined the following research tasks: to identify peculiarities of the institute of the rabbinate in Judaism, to define the nature of the institute of the rabbinate in the Russian Empire, to analyze the conditions for the formation of state and spiritual rabbinates in Siberia, to specify areas and features of the activities of state and spiritual rabbis of Irkutsk. The main sources of the study are the regulatory acts of the Russian Empire and the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), documents of the Russian State Historical Archives (RGIA), the State Archives of the Russian Federation (GARF), the State Archives of the Irkutsk Region (GAIO), the State Archives of Krasnoyarsk Territory (GAKK), the State Archives of Tomsk Region (GATO). The study was based on the principles of historicism, objectivity, integrity, as well as comparative-historical, problematic and chronological, prosopographic research methods, the method of periodization, methods of induction and deduction, analysis and synthesis.

In the 19th century, the authorities of the Russian Empire tried to accelerate the integration of Jews into a multinational society by passing a number of regulatory acts. The state was able to control Jewish communities with the institution of state rabbis, who were officially heads of communities. Under these conditions, in the second half of the 19th century the country developed a system of “dual rabbinate”, i. e. each Jewish community had two rabbis, one of whom was a secular leader, and the other was a spiritual one. In Siberia, there were also two rabbis in large Jewish communities, as well as in the western and central parts of the Russian Empire. The Jewish community of Irkutsk was the largest community in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. This community communicated with local authorities and resolved internal religious affairs through people with various official statuses who either directly or indirectly fell into this system of “dual rabbinate”. The history of the community is associated with the names of six elders of spiritual boards, three learned Jews, two spiritual rabbis and three state rabbis. The activities of spiritual and state rabbis were conditioned by the peculiarities of the relationship between local authorities and the Jewish community of Irkutsk. The best-known rabbi of the Irkutsk Jewish community was the state rabbi S. Kh. Beilin (1901–1921).

Keywords: Jewish community, state rabbi, spiritual rabbi, government authorities, Irkutsk

For citation: Berman E.A., Genina E.S., Orekhova N.A. (2022) The Jewish community of Irkutsk in the late 19th – early 20th century: a case of the Russian phenomenon of “dual rabbinate”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 128–136. doi: 10.17223/19988613/76/15

Введение

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1792, 1795) на территории Российской империи оказалось еврейское население. Невзирая на раннюю имперскую политику по его интеграции, еврейское общество еще долго оставалось абсолютно закрытым, отдаленным от государственного контроля и существовавшим по принципу «государство в государстве». Появление ряда законов, которыми в течение XIX в. пытались регулировать взаимоотношения государства и еврейских общин, а также попытки еврейских просветителей, выступавших за реформирование общин, привели к тому, что к концу XIX в. российские евреи частично были интегрированы в российское общество, а 25% еврейского населения России знало русский язык.

Одним из направлений имперской политики в вопросе еврейской интеграции стал контроль государства за назначением глав еврейских общин – раввинов, по отношению к которым в течение 1820–1850-х гг. был выработан и установлен жесткий образовательный ценз. Но стремление евреев сохранить институт раввинов в неприкосновенности как важнейший институт традиционного еврейского общества привело к появлению в Российской империи уникального феномена «двойного раввината». Его суть заключалась в том, что с середины XIX в. общины обязывались избирать в качестве казенного раввина человека, отвечавшего требованиям государства, но мало сведущего в религиозных вопросах и не выполнявшего в общине религиозных функций. Кандидатура избранного казенного раввина утверждалась властями. Он являлся официальным руководителем общины, его имя фигурировало во всех официальных документах. Однако втайне от властей избирался настоящий – духовный раввин, признанный специалист в религиозном законе, который по молчаливому согласию членов общины решал все религиозные вопросы. Поскольку духовные раввины не участвовали в жизни еврейской общины как ячейки российского общества, сведения о них не фиксировались в официальных документах. Установить их личности, роль и авторитет в той или иной общине представляется весьма затруднительным.

В связи с вышеизложенным большой интерес представляет ситуация, связанная с еврейской общиной дореволюционного Иркутска. Здесь «двойной раввинат» с последнего десятилетия XIX в. и до 1917 г. был абсолютно открытым, а должности казенного и духовного раввинов существовали параллельно.

К теме раввината в Сибири обращались Л.В. Кальмина, Е.А. Берман, А.Г. Кержнер, Н.А. Орехова [1–4]. Анализ историографии проблемы позволил сделать заключение о ее недостаточной изученности. Состояние историографии проблемы обусловило цель исследования, связанную с выявлением основных черт проявления российского феномена «двойного раввината» в условиях существования еврейской общины Иркутска (конец XIX – начало XX в.). Достичь заявленной цели исследования представляется возможным лишь в случае последовательного решения комплекса исследовательских задач: определения специфики института раввината в иудаизме, установления сущности института раввината в Российской империи, анализа условий становления казенного и духовного раввинов в Сибири, выявления направлений и особенностей деятельности казенных и духовных раввинов Иркутска. Основу источниковой базы исследования составили нормативно-правовые акты Российской империи и РСФСР, документы, обнаруженные авторами в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Иркутской области, Государственном архиве Красноярского края, Государственном архиве Томской области. При подготовке исследования авторы прибегали к принципам историзма, объективности, целостности. Были использованы сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы исследования, метод периодизации, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза.

Институт раввината в иудаизме

С разрушением в I в. н.э. Иерусалимского храма и последовавшим за ним расселением евреев в диаспору закончился древний период в истории иудаизма. Отсутствие богослужений в Храме, ритуальных жертвоприношений и многих других древних еврейских об-

рядов сформировало к VI в. у евреев новые правила: храмовая служба была замещена публичным чтением Торы, свитки которой признали средоточием святости, а центры богослужений переместились в синагоги, главной фигурой в которых становился раввин – духовный лидер, религиозный наставник и толкователь священных еврейских текстов. Основной формой иудаизма у евреев с того же времени является так называемый талмудический, или раввинистический, иудаизм, который стал считать себя единственным законным наследником древнего иудаизма.

С VI по XI в. назначение раввинов в еврейские общины происходило центральным институтом еврейской диаспоры того времени – Вавилонским гаонатом. С упадком вавилонских центров в конце X в. местные еврейские общины Европы начали независимо от вавилонских институтов избирать себе духовного руководителя с высокими личными интеллектуальными и моральными качествами. Со временем значение местных раввинов возросло, сложился идеал раввинов как образованнейших законоучителей и харизматических ученых. Позднее обязанности раввинов расширились: они должны были быть членами религиозного суда, заключать браки и совершать разводы, поскольку для этого требовались знание религиозного закона и соблюдение судебной процедуры. Религиозный авторитет раввинов выражался в обращениях к ним с просьбами вынести решение по тому или иному галахическому вопросу. Следует отметить, что в обязанности раввинов никогда не входило отправление функций священнослужителя: раввин не должен был вести синагогальную литургию, благословлять членов конгрегации и т.п.

Первоначально раввины не получали денежного вознаграждения, поскольку считалось, что Тору не следует преподавать за деньги. С XIV в. начался процесс постепенного превращения должности раввина в службу с оплатой его деятельности. Ашкеназские общины стали требовать от кандидатов на должность диплом раввина – удостоверение о получении высшего еврейского религиозного образования в иешиве¹. Тогда же возникла концепция одного раввина для одного места, его авторитету должны были подчиняться все остальные местные ученые. В настоящее время сформировавшаяся в Средние века концепция раввина сохраняется во многих современных ортодоксальных еврейских общинах, и на ней основана религиозная структура Государства Израиль [5].

Институт раввината в Российской империи

Следствием вхождения евреев Речи Посполитой в состав населения Российской империи стал ряд законов, регулировавших взаимоотношения государства и еврейских общин. Поскольку центральное положение в еврейских общинах по-прежнему занимал раввин, многие пункты законов касались непосредственно его функций и обязанностей. Власть стремилась к преобразованию еврейского традиционного общества в соответствии с идеями просвещенного абсолютизма, но далекие от знаний государственных законов и занимающиеся исключительно религиозным просвещением

раввины не соответствовали ее политике. Поэтому на должности раввинов предлагалось избирать людей законопослушных и сведущих в общественных вопросах, кандидатуры которых утверждались губернскими властями. В «Высочайше утвержденном положении о евреях», опубликованном 31 мая 1835 г., раввинам предписывалось «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям» [6. С. 372]. В том же Положении на раввинов возлагалось ведение метрических записей [Там же. С. 359–376], что было делом затруднительным, так как практически все раввины не знали русского языка.

Для подготовки раввинов, соответствовавших требованиям власти, указом 1846 г. были созданы казенные раввинские училища. Здесь предполагалось воспитать новое поколение раввинов, сочетающих определенное знание религиозного закона с общим гимназическим образованием и приверженностью русской культуре. Но евреи не были готовы принять религиозных наставников подобного рода. Ни один из выпускников раввинских училищ так и не стал настоящим раввином. Чтобы каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию, власти издали в 1855 г. закон, в соответствии с которым на должность раввина могли избираться только лица, окончившие курс в раввинских училищах или в высших и средних общих учебных заведениях. Далее, в 1855 г., последовали правила об ограничениях определения в раввины, вводившие для них первый обязательный образовательный ценз. В 1856 г. вышел закон о порядке назначения по одному «ученому еврею» при начальниках губерний [7]. В 1857 г. новое «Положение о порядке избрания раввинов» окончательно утвердило должность казенного раввина при Министерстве Внутренних Дел Российской империи [8. С. 880]. С того времени из коробочного сбора² еврейских общин правительство платило казенным раввинам пособие, однако к 1880-м гг. такое обеспечение было ликвидировано и переложено на еврейские общины [9].

По «Положению о порядке избрания раввинов» 1857 г. община была обязана избирать казенного раввина каждые три года. После выборов кандидатура раввина утверждалась генерал-губернатором, от которого он получал Свидетельство на звание раввина. Казенный раввин³ являлся официальным руководителем общины и ее представителем у различного рода властей. Он регистрировал браки, разводы, рождения и смерти, принимал присягу у евреев-новобранцев, читал патристические проповеди в дни имперских праздников и был гражданским наставником в толковании государственных законов и просветительной деятельности.

В еврейских общинах мнения относительно казенных раввинов имелись различные. Большинство общин черты постоянной еврейской оседлости считало казенных раввинов навязанной правительством обузой и такими же представителями власти, как полицейские и другие казенные чины. Поскольку жалование в таких общинах практически всегда было мизерным, то и кандидаты на должность избирались далекие от соответ-

ствия определению «раввин» [3]. Еврейский писатель и драматург, один из основоположников художественной литературы на идиш Шолом-Алейхем (Соломон Наумович (Шолом Нохумович) Рабинович) в 1881–1883 гг. служил казенным раввином в уездном городе Лубны Лубенского уезда Полтавской губернии. В своем рассказе «Слово за слово» он очень точно, со свойственным ему юмором описал статус казенного раввина еврейской общины [10. С. 503–518].

В некоторых крупных общинах черты и в большинстве общин за чертой оседлости, где сильны были идеи еврейских просветителей, выступавших за реформирование общин, на должность казенного раввина избирались люди, достойные чести быть главой общины. Они могли не быть раввинами как таковыми, но пользовались известностью и уважением в обществе. Среди достойных людей, занимавших этот пост, необходимо отметить общественных деятелей и публицистов Минора Шлома Залмана – казенного раввина Минска (1859–1869), а затем Москвы (1869–1892), Якова Мазе, казенного раввина Москвы (1893–1917); журналиста, д-ра Иегуду-Лейба Кантора – казенного раввина Либавы (1890–1904), Вильны (1905–1908), Риги (1909–1915) и некоторых других, внедрявших светское просвещение в традиционном еврейском обществе [11]. Образованным и уважаемым казенным раввином в Иркутске был Соломон Хаимович Бейлин (1901–1921).

После Октябрьской революции 1917 г. должность казенного раввина была упразднена. Совет Народных Комиссаров РСФСР снял с духовных учреждений функции регистрации браков, разводов, рождений и смертей. Они были переданы специальным гражданским отделам при городских или районных управах Декретом ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. [12. С. 161–163] и Декретом ВЦИК, СНК РСФСР «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. [13. С. 151–152]. В 1918 г. данные функции окончательно закрепились за отделами записей актов гражданского состояния в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г. [14. С. 1045–1074]. Однако в Сибири казенные раввины исполняли свои функции до начала 1920-х гг.

Казенный и духовный раввинаты в Сибири

Становление казенного и духовного раввинатов в Сибири происходило по тем же принципам, что и в западной и центральной частях Российской империи, но с некоторым опозданием. Отсутствие духовных раввинов объясняется в первую очередь тем, что общины были молодыми, состояли из людей, хотя и получивших традиционное воспитание, но «разношерстных» и далеких от звания духовного раввина – учителя и толкователя религиозного закона. Практически ни одна сибирская община не могла позволить себе «выписать» раввина из черты: у нее не было денег его содержать, а у большинства раввинов – жить вне черты [1]. Чаще всего в практике еврейских общин духовного

раввина заменяли шойхеты – забойщики скота или птицы, которые в силу своих знаний и обязанностей находились ближе всего к еврейским религиозным традициям и обрядам. Поэтому, если духовные раввины и существовали, то светские власти они не интересовали, и утверждение их в должности не требовалось.

Тем не менее в Государственном архиве Красноярского края сохранилось дело под названием «Духовный раввин Мовша Клебанов». В 1909–1910 гг. М. Клебанов официально служил резником при Ачинской синагоге, исполняя функции духовного раввина. Он владел древнееврейским языком, хорошо знал еврейские обряды и традиции, а его 15-летний сын учился на звание духовного раввина в Сувалкской губернии (губерния Царства Польского и Российской империи). В архивном деле сохранились документы на древнееврейском языке, в том числе текст патриотической речи, произнесенной М. Клебановым перед солдатами иудейского вероисповедания 29-го сибирского стрелкового полка, дававшими присягу на верность Царю и Отечеству (1 мая 1909 г.). Впоследствии из-за разногласий с хозяйственным правлением Ачинской синагоги М. Клебанову, кирсановскому мещанину Тамбовской губернии, пришлось оставить службу [15. Л. 3–5].

Отсутствие казенных раввинов можно объяснить равнодушием и отсутствием рвения местных чиновников исполнять новый закон 1857 г. вследствие малочисленности евреев и хлопотности нововведений. В большей части сибирских общин функции духовного раввина и казенного раввина совмещало так называемое Духовное правление, где староста отвечал за статистическую подушную отчетность, а «ученый еврей» – за религиозно-духовную составляющую общины.

По-иному дело обстояло с казенными раввинами. Местным органам власти было необходимо контролировать общины и вести учет еврейского населения. В первую очередь – для набора в армию и выявления евреев, незаконно проживавших в Сибири. Поэтому, хотя и медленно, казенные раввины в Сибири появлялись. К началу 1870-х гг. вопрос о применении к сибирским евреям общих правил об устройстве религиозных дел евреев так и не был решен. В 1872 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников сообщил директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий о «неурядицах», существовавших в еврейских обществах Сибири в связи с отсутствием там раввинов: «В Красноярске метрические записи о родившихся и умерших евреях не ведутся, евреи венчаются и разводятся без всяких на это документов» [16. Л. 38].

Когда вопрос о выборе раввина все-таки вставал, главными критериями при отборе кандидатов являлись наличие высшего или среднего образования и право постоянного жительства в Сибири. Так, в Верхнеудинске на должность казенного раввина был избран дипломированный зубной врач Э. Мильштейн, в Иркутске – агроном П. Хоммер [2].

Обнаруживаются и раввины, совмещавшие духовный и казенный статусы. В 1860–1908 гг. в Томске практически пятьдесят лет совмещал обязанности духовного наставника с должностью старосты Томского

еврейского Духовного правления, а затем казенного раввина купец второй гильдии Бер Израилевич Левин, получивший от российского императора в 1881 г. серебряную, а в 1885 г. – золотую медаль «За усердие».

Далеко не всегда и не везде в общинах действовали казенные раввины. Мелкие общины в силу своей бедности не могли содержать вообще никакого раввина. В Томской губернии к 1913 г. было всего два казенных раввина: в Томске – М.Ш. Певзнер, в Мариинске – Я.Ш. Голубчик. Томский казенный раввин М.Ш. Певзнер стал практически единственным раввином Сибири, образование которого полностью соответствовало предъявляемым к казенному раввину требованиям. Он окончил раввинское училище в Санкт-Петербурге, получил звание и документ раввина – раввинскую смиху [17. Л. 12], и занял место главного раввина в Томске. М.Ш. Певзнер оставался в своей должности и с приходом советской власти. В 1930-е гг. он уехал в Москву, работал секретарем в Московской хоральной синагоге, в 1948 г. был арестован, осужден и умер в заключении [18].

Иногда казенные раввины меняли место службы, переезжая из одного сибирского города в другой. Так, казенный раввин Коппель Исаакович Шмеркович с 1879 г. служил в Чите. В 1885 г. по приглашению Енисейского еврейского общества он переехал в Енисейскую губернию (первоначально – в Енисейск, а с 1889 г. – в Красноярск). Он был единственным раввином, который отправлял службу в Енисейской губернии более 35 лет [19. Л. 2].

Казенные и духовные раввины Иркутска

Еврейская община сформировалась в Иркутске к середине XIX в. из бывших каторжан, ссыльнопоселенцев, бывших кантонистов и николаевских солдат, а также из мастеров, ремесленников и некоторых других категорий евреев, которым было дозволено жить повсеместно в Российской империи [20]. В течение второй половины XIX в. община быстро росла. К концу XIX в. она стала самой крупной еврейской общиной Сибири. Так, в 1863 г. еврейское население Иркутска насчитывало 280 человек, в 1873 г. – 560 человек, в 1883 г. – 1 400 человек, в 1893 г. – 3 300 человек, в 1897 г. – 3 600 человек. В 1909 г. численность евреев Иркутска составляла 6 100 (5,6%) из 108 тыс. человек общего населения города [21. С. 56].

Первое руководство молодой общиной взял на себя бывший ссыльный, иркутский купец 1-й гильдии Яков Савельевич Домбровский. Он предоставил общине свой дом для молельни, по собственной инициативе начал вести первые метрические записи. Специального раввинского образования Я.С. Домбровский не имел, его религиозные знания ограничивались десятью годами хедера⁴, а светское образование, в том числе знание русского и английского языков, он получил самостоятельно [21]. Единая община под духовным руководством Я.С. Домбровского просуществовала около двадцати лет, но затем в результате внутреннего конфликта распалась на две – мещанскую и солдатскую. Каждая из них имела свою неофициальную молельню.

Молельня Я.С. Домбровского, как и две последующие молельни, не имела официального статуса. В 1878 г. иркутские евреи получили официальное разрешение на постройку каменной синагоги, которая была возведена в 1879 г., но в том же году сгорела в результате крупного городского пожара и вновь была отстроена уже в 1882 г.

Еще до постройки синагоги, с 1879 г., у общины был незарегистрированный, неофициальный духовный раввин – религиозный авторитет, наставник и толкователь еврейского закона и шойхет Ицхок Ноте Машевицкий. Родился раввин в небольшом городке Новогрудке (Невардеке) Минской губернии, который на протяжении нескольких столетий выполнял функции важнейшего религиозного центра классического ортодоксального иудаизма литвацкого течения. Благодаря И. Машевицкому в городе с 1881 г. существовали Общество псалмопевцов «Хевро-Тилим», Общество любителей древнееврейского языка «Тарбут» и ортодоксальная организация «Агудас-Махазикей-Гадос». В своих записях казенный раввин С.Х. Бейлин называет его «духовный раввин господин Машевицкий» или «раввин Ицхок-Ноте Машевицкий из Новогрудка Минской губернии» [22. Л. 4]. Свои духовные обязанности раввин И. Машевицкий исполнял вплоть до 1914 г., когда в почтенном возрасте умер и был похоронен в Иркутске. После его смерти должность духовного раввина Главной синагоги оставалась вакантной вплоть до 1919 г., пока ее не занял Натан Израилевич (Нота Срулевич) Олевский.

Министр внутренних дел, разрешая в Иркутске постройку молельни, указывал на необходимость избрания казенного раввина и Хозяйственного правления для заведования хозяйственной частью, что было установлено для всех молелен вне черты. Однако все 1880-е гг. благодаря невмешательству местной администрации еврейская община Иркутска пользовалась большой автономией и свободой в делах самоуправления. Государственные ведомства практически не касались ее внутренних дел и формы управления. Единственными нечастыми требованиями были отчетности о рожденных, умерших и бракосочетавшихся, а также полицейские и статистические сведения. Поэтому административной формой еврейского самоуправления общины, подобно самоуправлению в черте постоянной еврейской оседлости, было Духовное правление с избираемым старостой, «ученым евреем» и казначеем [21].

С 1879 по 1895 г. старостами Духовного правления побывали шесть человек: Яков Моисеевич Перцель, Леонтий Осипович Лейбович, Михаил Яковлевич Домбровский, Гдалией Яковлевич Домбровский, Борис Леонтьевич Горфин, Михаил Меерович Шейнис (табл. 1), а «учеными евреями» – только три человека: Моисей Исаевич Шмулевич, Евсей Иосифович Рябкин, Исая Матвеевич Файнберг (табл. 2). Практически все старосты и ученые евреи были купцами. М.М. Шейнис являлся потомственным почетным гражданином Иркутска [23].

Все эти годы община не хотела избирать казенного раввина по финансовой причине: и без дополнительного раввина на ней лежало содержание духовного

раввина, кантора, резников и шамеша⁵. В 1891 г. по приказу генерал-губернатора А.Д. Горемыкина общине пришлось избрать первого казенного раввина. Им стал постоянно проживавший в Иркутске витебский мещанин Дон Хаимов Медведников, бывший учитель еврейского казенного училища Симферополя [24. Л. 1–1 об.]. После второго трехлетнего правления казенного раввина Д.Х. Медведникова на эту должность был избран сын иркутских старожилов – цехового Мордуха (Мартхеля, Марка) Хаимова Хоммера и его супруги Сарры Файвишевой (Павловой), агроном с высшим образованием Файвиш Мордухов (Павел Маркович) Хоммер [21].

В 1901 г. казенным раввином Иркутска стал Соломон Хаимович Бейлин. Именно этот человек вошел в историю еврейской общины Иркутска как один из самых образованных и авторитетнейших. В должности казенного раввина Иркутска Соломон Хаимович оказался неслучайно. Богатой и крупной еврейской общине Иркутска, самой крупной в Сибири, хотелось иметь умного, образованного и авторитетного руководителя, своим авторитетом равнозначного казенным раввинам Санкт-Петербурга и Москвы. На должность казенного раввина Иркутска предложил земляка духовный раввин И. Машевицкий (табл. 3).

Таблица 1

Старосты Духовного правления еврейской общины Иркутска (1879–1895)

Период	Старосты	Основная деятельность
1879–1881	Перцель Яков Моисеевич	Купец 2-й гильдии
1881	Лейбович Леонтий Осипович	Купец 1-й гильдии
1881–1885	Домбровский Михаил Яковлевич	Купец 1-й гильдии
1885–1888	Домбровский Гдалий Яковлевич	Купец 1-й гильдии
1888–1891	Горфин Борис Леонтьевич	Мещанин
1891–1895	Шейнис Михаил Меерович	Купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Иркутска

Составлено по: 21. С. 391; 23. С. 3.

Таблица 2

Ученые евреи Духовного правления еврейской общины Иркутска (1881–1887)

Период	Ученые евреи	Основная деятельность
1881–1882	Шмулевич Моисей Исаевич	Купец
1883	Рябкин Евсей Иосифович	Шойхет (резник)
1884–1887	Файнберг Исай Матвеевич	Купец 1-й гильдии

Составлено по: 21. С. 391; 23. С. 3.

Таблица 3

Духовные и казенные раввины Иркутска (1879–1921)

Период	Духовные раввины	Казенные раввины	Основная деятельность
1879–1914	Машевицкий Ицхок Ноте		Шойхет, раввин
1891–1898		Медведников Дон Хаимов	Еврейский учитель
1898–1901		Хоммер Павел Маркович (Файвиш Мордухов)	Агроном
1901–1921		Бейлин Соломон (Шолем) Хаимович	Еврейский учитель

Составлено по: 21. С. 391; 24. Л. 1–1 об.

Кандидатура С.Х. Бейлина подходила на эту должность идеально. С одной стороны, он был человеком, образованным религиозно, глубоким знатоком Торы и Талмуда, с другой – имел хорошее светское образование и прекрасно владел, кроме родного идиша, ивритом, русским и немецким языками. На нового раввина возлагалась задача достойно возглавлять общину, которая вдали от еврейских религиозных и культурных центров всеми силами пыталась сохранить этнокультурную составляющую.

В феврале 1901 г. община единогласно поддержала кандидатуру нового раввина, его утвердил в должности генерал-губернатор Иркутской губернии А.И. Пантелеев. В мае того же года С.Х. Бейлин с семьей переехал в Иркутск и стал казенным раввином Иркутска с жалованием от общины в 2 400 руб. в год [7]. Занимая указанную должность в течение 20 лет, С.Х. Бейлин зарекомендовал себя яркой личностью и руководителем непререкаемого авторитета, пользовавшимся всеобщим уважением в общине и в городе. Он вошел в историю общины как один из самых образованных и авторитетных руководителей, ярких общественных деятелей,

при котором в первые десятилетия XX в. в Иркутске расцвела еврейская национально-культурная жизнь.

Крупнейший организатор науки в Сибири Г.Н. Потанин написал об избрании раввина: «Иркутское общество евреев самое передовое среди сибирского еврейства; поэтому-то в Иркутске прежде, чем в каком-либо другом сибирском городе, был пригласен на кафедру раввина человек, сделавший свое имя известным занятиями по светской науке. Пригласив на кафедру, иркутское еврейское общество старалось привязать г. Бейлина к Иркутску, оказывая ему всяческое покровительство и содействие в его общественных предприятиях и облегчении занятия наукой» [4]. С.Х. Бейлин занимался регистрацией браков, разводов, рождений и смертей, принятием присяги у еврейских новобранцев и захоронением осужденных по еврейскому обряду. Благотворительность, образование, культура, переписка, издание книг, помощь евреям черты и евреям Палестины – всем этим занимался раввин С.Х. Бейлин.

Первым духовным раввином, возглавившим еврейскую общину Иркутска после Октябрьской революции 1917 г., стал раввин Натан Израилевич (Нота Сруль-

вич) Олевский. Он родился в местечке Словечно Волынской губернии в раввинской семье. Отец был шойхетом и раввином, дед в течение 30 лет возглавлял раввинский суд в Овруче. После окончания иешивы «Рамайлес» в Вильне Н. Олевский прослужил некоторое время раввином в одной из виленских синагог. Свою карьеру в Сибири он начал в 1906 г. в качестве шойхета в небольшой еврейской общине с. Усть-Уда Иркутской губернии. В 1914 г. он переехал ближе к Иркутску, в с. Черемхово, а в 1919 г. – в Иркутск.

В 1919 г. Натан Олевский неофициально занял место духовного раввина Главной синагоги, прослужив в ней до 1930 г. После закрытия в Иркутске кошерной скотобойни в 1930 г. раввин Н. Олевский как служитель религиозного культа в бесправном статусе «лишенца» оказался без средств к существованию. Некоторое время спустя он вместе с семьей выехал к родственникам жены в Москву и поселился там без прописки. С 1944 г. более двадцати лет он прослужил раввином синагоги в Марьиной Роще [25].

Таблица 4

Раввины Иркутска советского периода (1918–1960)

Период	Раввины	Основная деятельность
1919–1930	Олевский Натан Израилевич (Нота Срульевич)	Шойхет, мозль, раввин
1930–1932	Шапкайтц Илья Григорьевич	Иждивенец
1937–1939	Хаэт Лейзер Лейбович	Резник
1946–1955	Резник Лейзер Хаймович	Сторож в синагоге
1955–1957	Шпейзер Тевье Гершович	
1957	Рубанович Израиль Абрамович	
1958–1960	Тизенберг Израиль Гдальевич	Золотошвей Военторга, Иркутск

Составлено по: 25. С. 173; 26. Л. 6; 27. Л. 19, 76; 28. Л. 25, 47, 109; 29. Л. 31, 31 об., 34, 51, 52; 30. С. 380–381; 31. Л. 125; 32. Л. 13, 98.

Отметим, что при советской власти также проводился учет служителей культа. Их имена до начала 1960-х гг. можно установить, обратившись к документам Государственного архива Иркутской области (табл. 4). Еврейская община Иркутска в советское время по-прежнему оставалась крупной, имевшей раввинов, и стремилась в новых условиях соблюдать традиции. Однако уже отсутствовало деление на духовных и казенных раввинов.

Выводы

В связи с тем, что в первой половине XIX в. еврейское население Российской империи не знало русского языка, жило обособленно и имело практически средневековый религиозно-общинный уклад, российские власти с помощью ряда законов пытались ускорить интеграцию евреев в социум многонационального государства. Одной из таких попыток стал ряд положений и постановлений, обязывавших избирать на должность главы еврейской общины человека, отвечавшего светскому образовательному цензу. При помощи казенных раввинов государство получало возможность контролировать еврейские общины и «приводить их в соответствие» с установками имперской политики.

Казенные раввины официально являлись главами общин, представляли их интересы перед органами власти, разъясняли государственные законы, вели учет еврейского населения и являлись переводчиками с идиша на русский и с русского языка на идиш. Однако навязанные властью раввины вызывали отторжение у еврейских общин, так как их образование было свет-

ским, а сами они в глазах своих соплеменников выглядели еще одними представителями государственной власти. В связи с этим во второй половине XIX в. в Российской империи сложилась система «двойного раввината», при которой в каждой еврейской общине существовало по два раввина, один из которых был светским лидером, а второй – духовным.

Некоторые общины в черте постоянной еврейской оседлости и большинство общин, находившихся за чертой, считавшие хаскалу – еврейское просвещение – благом для еврейского народа, стремились избрать на должность раввина людей образованных и выдающихся, которые могли своими знаниями и авторитетом принести благо евреям в делах просвещения и интеграции в российское общество.

Не обошла система «двойного раввината» и Сибирь. Здесь, как и в западной и центральной частях Российской империи, в крупных еврейских общинах существовало два раввина. Поскольку духовные раввины были неофициальными и их регистрации власти не требовали, в настоящее время их выявление представляется во многих сибирских общинах затруднительным. В еврейской общине Иркутска, самой крупной в Сибири, в конце XIX – начале XX в. связь с органами власти и внутренние религиозные дела осуществляли люди с различными официальными статусами, прямо или косвенно попадавшие в данную систему «двойного раввината»: шесть старост духовных правлений, три ученых еврея, один духовный и три казенных раввина. Деятельность духовных и казенных раввинов была обусловлена особенностями взаимоотношений местных органов власти с еврейской общиной Иркутска.

Примечания

¹ Высшее еврейское религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения Торы, Талмуда и других священных книг иудаизма и для подготовки ученых к званию раввина.

² Внутриобщинный налог на кошерное мясо.

³ В начале XX в. казенного, официального раввина начали называть «общественным».

⁴ Начальная школа в традиционной еврейской ашкеназской системе образования.

⁵ Административно-религиозный служитель синагоги.

Список источников

1. Кальмина Л.В. «Блюститель и толкователь еврейского закона»: сибирский вариант // Страницы истории евреев в Сибири в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск : Кларетианум, 2003. С. 49–63.
2. Кальмина Л.В. Институт раввината в Сибири: желаемое или действительное? // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 19. С. 42–48.
3. Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4. С. 131–140. doi: 10.21285/2415-8739-2019-4-131-140
4. Берман Е.А., Орехова Н.А. Письма иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 85–93. doi: 10.17223/19988613/64/11
5. Раввин // Краткая еврейская энциклопедия / под ред. И. Оrena, Н. Прата. Иерусалим : О-во по исслед. еврейских общин, 1994. Т. 7. Стб. 27–31.
6. Высочайше утвержденное положение о евреях, опубликованное 31 мая 1835 г. // Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г. : извлечение из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В.О. Леванда. СПб. : Тип. К.В. Трубникова, 1874.
7. Москаленко Л. Эволюция общественно-правового статуса раввина в Российской Империи в XIX – нач. XX вв. (в контексте формирования законодательной базы) // СХИД. 2016. № 4 (144). С. 62–67.
8. Положение о порядке избрания раввинов // Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г. : извлечение из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В.О. Леванда. СПб. : Тип. К.В. Трубникова, 1874.
9. Буланый Е. Житомир и раввинские училища Российской империи. URL: <https://ujew.com.ua/history/zhitomir-i-ravvinskie-uchilishha-rossijskoj-imperii> (дата обращения: 05.12.2021).
10. Шолом-Алейхем. С ярмарки : рассказы / пер. Д. Волкенштейна. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. 692 с.
11. Казенный раввин // Краткая еврейская энциклопедия / под ред. И. Оrena, Н. Прата. Иерусалим : О-во по исслед. еврейских общин, 1988. Т. 4. Стб. 34.
12. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 18.12.1917 // Собрание узаконений и распоряжений Правительства (СУ РСФСР) за 1917–1918 гг. 1942. № 11. Ст. 160.
13. Декрет о расторжении брака от 19.12.1917 // СУ РСФСР за 1917–1918 гг. 1942. № 10. Ст. 152.
14. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 // СУ РСФСР за 1917–1918 гг. 1942. № 76-77. Ст. 818.
15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 3. Д. 1705.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 13.
18. Кижнер Д.М. История возникновения синагог г. Томска // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : материалы I регион. науч.-практ. конф. (4–5 нояб. 2000 г.) / под ред. Я.М. Кофмана. Томск, 2000. С. 13–15.
19. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5395.
20. О порядке поселения ссыльных евреев в Сибири и о прекращении ссылки их туда на водворение : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 19 июля // Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г. : извлечение из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В.О. Леванда. СПб. : Тип. К. В. Трубникова, 1874.
21. Войтинский В.С., Горнштейн А.А. Евреи в Иркутске. Иркутск : Типо-лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.
22. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. 190. № 166.
23. Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 год. Иркутск : Тип. М.П. Окунева, 1918. 4 с.
24. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 2861.
25. Котлерман Б. Вечная жизнь р. Натана-Неты Олевского (Вильна, Усть-Уда, Черемхово, Иркутск, Москва) // *Judaic-Slavic Journal*. 2021. № 1 (5). С. 173–192.
26. ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 265.
27. ГАИО. Ф. Р-505. Оп. 5. Д. 369.
28. ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Д. 53.
29. ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Д. 54.
30. Генина Е.С. Еврейская община Иркутска в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Научные труды по иудаике : материалы XIX Междунар. ежегод. Конф. по иудаике / отв. ред. В.В. Мочалова. М. : Сэфер, 2012. Т. III. С. 376–390. (Академическая серия; вып. 42)
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684.
32. ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 30.

References

1. Kalmina, L.V. (2003) "Blyustitel' i tolkovatel' evreyskogo zakona": sibirskiy variant ["Guardian and interpreter of the Jewish law": a Siberian version]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Stranitsy istorii evreev v Sibiri v XIX–XX vv.* [Pages of the history of the Jews in Siberia in the 19th–20th centuries]. Krasnoyarsk : Kletarianum. pp. 49–63.
2. Kalmina, L.V. (2017) Institution of the Rabbinate: Factual or Not? *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 19. pp. 42–48. (In Russian).
3. Berman, E.A. & Kerzhner, A.G. (2019) Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 15(4). pp. 131–140. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-131-140
4. Berman, E.A. & Orekhova, N.A. (2020) Letters from the Irkutsk official rabbi S.Kh. Beilin to G.N. Potanin (from the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 85–93. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/11
5. Oren, I. & Prat, N. (eds) (1994a) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 7. Jerusalem: Jewish Communities Research Society. Col. 27–31.
6. Russia. (1874a) Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o evreyakh, opublikovannoe 31 maya 1835 g. [The highest approved regulation on the Jews, published on May 31, 1835]. In: Levand, V.O. (ed.) *Polnyy khronologicheskiy sbornik zakonov i polozheniy, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseye Mikhaylovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1649–1873 g.: izvlechenie iz polnykh sobraniy zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Chronological Collection of Laws and Regulations Relating to Jews, from the Code of Tsar Alexei Mikhailovich to the present, from 1649–1873: extract from the complete collections of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. K.V. Trubnikova.
7. Moskalenko, L. (2016) Evolyutsiya obshchestvenno-pravovogo statusa ravvina v Rossiyskoy Imperii v XIX – nach. XX vv. (v kontekste formirovaniya zakonodatel'noy bazy) [The evolution of the social and legal status of the rabbi in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries (in the context of the formation of the legislative framework)]. *SKhID*. 4(144). pp. 62–67.

8. Russia. (1874b) Polozhenie o poryadke izbraniya ravvinov [Regulations on the procedure for electing rabbis]. In: Levand, V.O. (ed.) *Polnyy khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseye Mikhaylovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1649–1873 g.: izvlechenie iz polnykh sobraniy zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Chronological Collection of Laws and Regulations Relating to Jews, from the Code of Tsar Alexei Mikhailovich to the present, from 1649–1873: extract from the complete collections of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. K.V. Trubnikova.
9. Bulany, E. (n.d.) *Zhitomir i ravvinskie uchilishcha Rossiyskoy imperii* [Zhitomir and rabbinical schools of the Russian Empire]. [Online] Available from: <https://ujew.com.ua/history/zhitomir-i-ravvinskie-uchilishcha-rossijskoj-imperii> (Accessed: 05.12.2021).
10. Sholom Aleichem. (1957) *S yarmarki* [From the Fair]. Translated by D. Volkenshteyn. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.,
11. Oren, I. & Prat, N. (eds) (1988) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 4. Jerusalem: Jewish Communities Research Society. Col. 34.
12. RSFSR. (1942a) Dekret o grazhdanskom brake, o detyakh i o vedenii knig aktov sostoyaniya ot 18.12. 1917 [Decree on civil marriage, on children and on keeping books of acts of state dated December 18, 1917]. In: *Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Pravitel'stva (SU RSFSR) za 1917–1918 gg.* [Collection of Legalizations and Orders of the Government (SU RSFSR) for 1917–1918]. 11. Col. 160.
13. RSFSR. (1942b) Dekret o rastorzhennii braka ot 19.12.1917 [Decree on divorce dated December 19, 1917]. In: *Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Pravitel'stva (SU RSFSR) za 1917–1918 gg.* [Collection of Legalizations and Orders of the Government (SU RSFSR) for 1917–1918]. 10. Col. 152.
14. RSFSR. (1942c) Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeynom i opekunskom prave ot 22.10.1918 [Code of laws on acts of civil status, marriage, family and guardian law of October 22, 1918]. In: *Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Pravitel'stva (SU RSFSR) za 1917–1918 gg.* [Collection of Legalizations and Orders of the Government (SU RSFSR) for 1917–1918]. 76–77. Col. 818.
15. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund 595. List 3. File 1705.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 595. List 3. File 1437.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 430. List 1. File 13.
18. Kizhner, D.M. (2000) *Istoriya vozniknoveniya sinagog g. Tomska* [The history of synagogues in Tomsk]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish Communities of Siberia and the Far East]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–15.
19. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund 595. List 3. File 5395.
20. Russia. (1874c) O poryadke poseleniya ssyl'nykh evreev v Sibiri i o prekrashchenii ssylki ikh tuda na vodvorenii : Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta, raspublikovannoe 19 iyulya [On the procedure for the settlement of exiled Jews in Siberia and on the termination of their exile there for placement: The highest approved opinion of the State Council, published on July 19]. In: Levand, V.O. (ed.) *Polnyy khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseye Mikhaylovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1649–1873 g.: izvlechenie iz polnykh sobraniy zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Chronological Collection of Laws and Regulations Relating to Jews, from the Code of Tsar Alexei Mikhailovich to the present, from 1649–1873: extract from the complete collections of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. K.V. Trubnikova.
21. Voytinskiy, V.S. & Gornshcheyn, A.Ya. (1915) *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: P.I. Makushin & V.M. Posokhin.
22. The Vernadsky Manuscript Institute of the National Library of Ukraine. Fund 190. № 166.
23. Anon. (1918) *Irkutskiy evreyskiy yubileynyy kalendar' na 5679 god* [Irkutsk Jewish jubilee calendar for 5679]. Irkutsk: M.P. Okunev.
24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 70. List 2. File 2861.
25. Kotlerman, B. (2021) Vechnaya zhizn' r. Natana-Nety Olevskogo (Vil'na, Ust'-Uda, Cheremkhovo, Irkutsk, Moskva) [The eternal life of R. Natana-Neta Olevsky (Vilna, Ust'-Uda, Cheremkhovo, Irkutsk, Moscow)]. *Judaic-Slavic Journal*. 1(5). pp. 173–192.
26. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-504. List 5. File 265.
27. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-505. List 5. File 369.
28. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-2951. List 3. File 53.
29. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-2951. List 3. File 54.
30. Genina, E.S. (2012) Evreyskaya obshchina Irkutskaya v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The Jewish community of Irkutsk in the mid-1940s - early 1950s]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Nauchnye trudy po iudaizmu* [Judaica]. Vol. 3. Moscow: Sefer. pp. 376–390.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-6991. List 3. File 684.
32. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-2951. List 1. File 30.

Сведения об авторах:

Берман Елена Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: elena_genina@mail.ru

Орехова Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Красноярск, Россия). E-mail: orehova.vladimir2010@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Berman Elena A. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Jewelry Design and Technology, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Genina Elena S. – Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History at the Institute of History and International Relations, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena_genina@mail.ru

Orehova Natalia A. – Candidate of Historical Sciences, Independent researcher (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: orehova.vladimir2010@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.12.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 31.12.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 94(57); 39
doi: 10.17223/19988613/76/16

Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев^{1, 2}

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{1, 2} vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматривается межнациональное разделение труда в Сибири в конце XIX в. на примере Енисейской губернии. На основе данных переписи 1897 г. доказано, что охота и рыболовство были основными занятиями коренных жителей севера губернии, кочевое скотоводство – тюрок юга губернии, земледелие и промышленность – пришлого населения – русских и других выходцев из Европейской России. Сделан вывод, что межнациональное разделение труда было одним из главных факторов относительно мирного присоединения и освоения Сибири.

Ключевые слова: межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, инородцы

Благодарности: Результаты получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16

Original article

Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the census of 1897

Vasily P. Zinoviev^{1, 2}

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Россия

² Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

^{1, 2} vpz@tsu.ru

Abstract. The article deals with the interethnic division of labor in the Yenisei province. The author, based on the analysis of the data of the First All-Russian Population Census of 1897, shows that hunting and fishing were the main occupation of the indigenous inhabitants of the north of the province, nomadic cattle breeding was typical for the Turks of the south of the province, agriculture and industry were the main occupations of the incoming population - Russians and other immigrants from European Russia. The author seeks to prove that the interethnic division of labor was one of the main factors related to the peaceful annexation and development of Siberia, which made it possible to annex most of the territory of the Angara-Yenisei region without serious conflicts. The census shows that the interethnic division of labor persisted three centuries after the inclusion of the Yenisei lands into the imperial space. Newcomers were employed in all spheres of activity, most of all – in agriculture – 77734 (47.7%), in industry – 31580 (19.4%), in service – 18126 (11.1%). 6457 (4.0%) lived off rent, 6134 (3.8%) were involved in trade, 5010 (3.1%) – in transport and communications, 3237 (2%) – in military service, 2374 (1.46%) – in management, 1898 (1.17 %) – in forestry, 1809 (1.1%) – worked in penitentiary institutions, 1606 (1%) – in fishing and hunting, 1384 (0.85%) – in animal husbandry, 1557 (0.83%) were engaged in education and medicine, 955 (0.59%) were ministers of religious cults, etc. The indigenous inhabitants of Siberia were mainly engaged in animal husbandry – 4225 (34%), agriculture - 3457 (27.8%), fishing and hunting – 2478 (20%), industry – 755 (6.1%), services – 639 (5.1%), lived off rent - 217 (1.7%), transport – 68 (0.54%), trade – 59 (0.5%). Individual representatives of the indigenous peoples of Siberia were employed in some other branches of production, in management, in the sphere of culture.

At the same time, the census data indicate serious consequences of the interaction of Russians and indigenous peoples in the economic sphere. Almost two-fifths of the Yenisei Turks (Khakas) became farmers switching from a nomadic lifestyle to a sedentary one. The ethnic identity recorded in the name of the estate "Siberian native tribes" did not always coincide with the class affiliation of the indigenous inhabitants of Siberia. The author marks their transition to the peasant class. By-products of peasants in terms of the number of employed began to surpass the number of indigenous people

in their main areas of the economy - cattle breeding, hunting and fishing. The author believes that the Russian peasants were already a serious competitor to the indigenous inhabitants of Siberia in their main occupations.

Keywords: interethnic division of labor, economic development, Russians, indigenous inhabitants

Acknowledgments: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia".

For citation: Zinoviev V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16

Присоединение и освоение Сибири не имеет прецедентов в мире. Этот процесс не похож на завоевание колоний греками, римлянами, англосаксами, иберийцами и другими европейцами, так как он шел по модели даннических взаимоотношений восточного мира. В отличие от американского фронта, предполагавшего борьбу с варварами, русская модель завоевания предполагала «замирение» инородцев и включение их в даннические отношения с московским царем, а позднее – с российским императором (подробнее см.: [1]). Русские служилые люди шли в Сибирь не за территориями, а за податными головами, что подразумевало их безусловное сохранение. Это одна из главных причин относительно мирного и бескровного присоединения Сибири.

Но есть и другой, не менее важный, фактор в целом бесконфликтного сожительства русских и других европейских пришельцев с местным населением – это межнациональное разделение труда. На этот аспект сибирской истории обращают меньше внимания, чем на другие. Есть лишь одна диссертация, опубликованная в виде монографии по этой проблеме (Е.В. Карих) [2]. Исследователь ограничила анализ взаимоотношений русских и коренных народов Сибири ее западной частью. По Восточной Сибири есть несколько ее статей на смежные темы [3–6]. Статистический анализ переписи 1897 г. по Восточной Сибири и Дальнему Востоку в отношении межэтнического разделения труда ею был только начат.

Е.В. Карих на материалах Тобольской и Томской губерний доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. В настоящей статье эта работа продолжена. Цель ее – оценить характер межэтнического разделения труда в Енисейской губернии по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. В опубликованных материалах переписи есть погубернские тома, в которых имеется редкая по информации таблица № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка». Анализ материалов таблицы по Енисейской губернии позволяет ответить на вопрос о наличии или отсутствии межэтнического разделения труда в народном хозяйстве региона и отметить особенности такового.

Сведения таблицы № XXII по Енисейской губернии в обобщенном виде представлены в табл. № 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь из-за Урала, начиная с XVII в., и так называемые коренные народы Сибири – енисейские тюрки, якуты, буряты, тунгусы, самоеды, енисейские остяки.

Под енисейскими тюрками составители переписи понимали современных хакасов, под тунгусами – эвенков, под якутами – долган, под самоедами – ненцев, нганасан, энцев, под енисейскими остяками – кетов.

Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» были укрупнены, поскольку для анализа межнационального разделения труда не требуется столь подробного разделения рода занятий населения.

В Енисейской губернии перепись 1897 г. учла всего 570 161 чел., в том числе 175 216 самостоятельных лиц и 394 945 лиц, живущих за счет их средств, выражаясь канцелярским языком – иждивенцев. Из общего числа самостоятельного населения 162 803, или 92,91%, относились к пришлым народам, 12 416 (7,09%) – к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 360 186 (91,20%) относились к пришлым народам, а 34 759, или 8,8%, – к сибирским коренным народам. Поскольку соотношение самостоятельных лиц и иждивенцев практически одинаково у пришлого и коренного населения, можно ограничиться анализом только самостоятельного населения.

Пришлые (завоеватели) были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 77 734 (47,7%), промышленности – 31 580 (19,4%), услужении – 18 126 (11,1%), существовали за счет ренты – 6 457 (4,0%), в торговле – 6 134 (3,8%), на транспорте и связи – 5 010 (3,1%), в военной службе – 3 237 (2%), в управлении – 2 374 (1,46%), занимались лесными промыслами – 1 898 (1,17%), находились в пенитенциарных заведениях – 1 809 (1,1%), были заняты рыболовством и охотой – 1 606 (1%), животноводством – 1 384 (0,85%), в образовании и медицине 1 557 (0,83%), служители религиозных культов – 955 (0,59%) и т.д.

Коренные жители Сибири занимались преимущественно животноводством – 4 225 (34%), земледелием – 3 457 (27,8%), рыболовством и охотой – 2 478 (20%), заняты в промышленности – 755 (6,1%), предоставлении услуг – 639 (5,1%), существовали за счет ренты – 217 (1,7%), работали на транспорте – 68 (0,54%), в торговле – 59 (0,5%). В остальных отраслях производства, в управлении, сфере культуры были заняты единичные представители коренных народов Сибири.

Более точное представление о характере занятий коренного населения Енисейской губернии дает анализ по каждому народу отдельно. Наиболее крупный из них – енисейские тюрки (хакасы) – насчитывал 37 721 чел., из них 9 467 относились к самостоятельному населению, в том числе скотоводами из них были 3 892 (41,1%), земледельцами – 3 437 (36,3%), занима-

лись промышленностью – 699 (7,4%), услугами – 610 (6,4%), рыболовством и охотой – 401 (4,2%), получали ренту – 150 (1,6%), работали на транспорте – 62 (0,65%), в торговле – 56 – (0,6%).

Таблица 1

Распределение населения Енисейской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Губерния		Пришлые народы		Коренные народы Сибири						
		Самоделятельное население	Иждивенцы	Самоделятельное население	Иждивен-цы	Самоделятельное население	Иждивенцы					
1–3	Управление	2 384	3 172	2 374	3 145	10	27					
4	Военнослужащие	3 238	277	3 237	277	1	0					
5–8	Служители культа	973	1 369	955	1 349	17	20					
9–10	Образование, наука, культура	649	514	649	509	4	5					
11–12	Медицина, благотворительность	717	812	708	801	9	11					
13	Прислуга	18 765	10 633	18 126	10 136	639	497					
14–15	Рантье	6 674	2 136	6 457	2 121	217	15					
16	Арестанты	1823	37	1809	37	14	0					
17–18	Земледелие и пчеловодство	81 191	292 105	77 734	280 307	3 457	11 798					
19	Животноводство	5 610	16 640	1 385	2 173	4 225	14 467					
20	Лесные промыслы	1 926	2 536	1 898	2 499	28	37					
21	Рыболовство, охота	4 084	10 339	1 606	3 320	2 478	7 019					
22–40	Промышленность	32 335	35 653	31 580	34 816	755	837					
41–45	Транспорт и связь	5 078	6 537	5 010	6 494	68	43					
46–62	Торговля	6 193	11 319	6 134	11 259	59	60					
63	Неопределенные занятия	2 149	879	2 116	873	33	6					
64	Проституция	118	29	118	29	0	0					
65	Занятия не указаны	1 337	514	1 278	493	59	21					
Итого		175 216	394 945	162 803	360 186	12 413	34 759					
	Енисейские тюрки		Якуты		Буряты		Тунгусы		Самоеды		Енисейские остяки	
	Самоделя-тельное население	Иждивен-цы	Самоделя-тельное население	Ижди-венцы	Самоделя-тельное население	Ижди-венцы	Самоделя-тельное население	Ижди-венцы	Самоделя-тельное население	Ижди-венцы	Самоделя-тельное население	Ижди-венцы
1–3	10	27	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5–8	14	17	0	0	0	0	0	0	1	3	2	0
9–10	4	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
11–12	7	11	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
13	610	487	3	0	8	1	6	2	8	3	4	4
14–15	150	15	18	0	3	0	16	0	24	0	6	0
16	12	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
17–18	3 437	11 738	2	1	4	2	13	29	3	14	1	14
19	3 892	14 053	49	203	0	0	113	135	149	45	22	31
20	22	35	1	0	0	0	3	0	2	2	0	0
21	401	942	524	1 476	0	0	737	1 828	871	2 115	245	658
22–40	699	801	3	1	9	0	29	28	13	5	2	2
41–45	62	42	0	0	2	0	2	0	1	0	0	1
46–62	56	54	0	1	1	0	0	0	2	0	0	3
63	32	6	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
64	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
65	59	21	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	9 467	28 254	620	1 581	30	3	925	2 023	1 085	2 187	286	711

Составлено по: [7. С. 112, 116–121]

Таким образом, на первом месте у енисейских тюрков было скотоводство, на втором, почти на равных, – земледелие, существенными были занятия промышленностью, услугами, охотой и рыболовством. Среди хакасов появились профессиональные управленцы, медики, учителя, служители религиозных культов. Отрицательная сторона цивилизованности проявилась в наличии 12 арестантов, однако занимающихся проституцией еще не отмечено. В целом можно говорить о высокой степени седентаризации бывших кочевников, их адаптации в имперское пространство. Вместе с тем они были слабо втянуты в индустриальные отно-

шения, городскую среду. В городах губернии были учтены всего 190 представителей коренных народов Сибири, или 0,3% всех горожан губернии, в основном это енисейские тюрки (хакасы) – 145 чел. [7. С. 112, 132–133].

Народы, жившие на севере Енисейской губернии, имели единую структуру занятости. В большинстве своем они учтены как рыболовы и охотники: якуты – 524 из 620 (84,5%), самоеды – 871 из 1 085 (80,3%), тунгусы – 727 из 925 (78,6%), енисейские остяки – 245 из 286 (85,7%). Вторым по значению занятием для них было животноводство (оленоводство): якуты – 49 из

620 (7,9%), тунгусы – 113 из 925 (12,2%), самоеды 149 из 1 085 (13,7%), енисейские остяки – 22 из 286 (7,7%). Природные условия диктовали разным по происхождению народам одни и те же способы существования.

Среди пришлого населения некоторую специфику труда можно отметить у евреев – занятие торговлей, у поляков и немцев – городские профессии.

Можно сделать вывод, что Енисейская губерния была регионом классического разделения труда между пришлым населением и коренным. Выходцы из Европы – жители городов и земледельцы, кочевники тюрки – скотоводы, арктические народы – охотники, рыболовы и оленеводы.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус енисейских инородцев, дает представление таблица XXIV переписи «Распределение

населения по родному языку, сословиям и состояниям» На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о енисейских тюрках, бурятах, тунгусах, самоедах, якутах и енисейских остяках. Анализ сведений таблицы показывает, что этническая идентичность начала расходиться с идентичностью сословной: уже 3,2% хакасов (енисейских тюрков) и 5% якутов были крестьянами. Буряты, учтенные в Енисейской губернии переписью, не считались инородцами по сословному признаку. Единичные переходы в крестьяне отмечены и у других арктических народов. Но в итоге можно констатировать, что политика перевода инородцев в крестьяне не привела в Енисейской губернии к серьезным результатам к концу XIX в. Патернализм власти по отношению к коренным жителям Сибири сохранял свою силу и традиции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение инородцев Енисейской губернии по сословиям по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия					
	Дворяне	Мещане	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Прочие
Енисейские тюрки	1	30	1 210	2	33 450	28
Якуты	1	1	114	–	2 065	–
Буряты	–	4	10	1	–	18
Тунгусы	–	–	17	–	2 926	3
Самоеды	–	1	4	–	3 266	1
Енисейские остяки	–	–	4	–	989	–
Итого	2	36	1 359	3	42 696	50

Составлено по: [7. С. 166–167].

Таблица 3

Распределение сельского населения Енисейской губернии по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Занимающихся побочными промыслами	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	92 812	321 620	414 432
В том числе занимающихся побочными промыслами,	24 578	19 035	43 613
Из них: земледелием и садоводством	1 053	1 952	3 005
пчеловодством и шелководством	793	64	857
скотоводством	4 501	356	4 857
лесными промыслами	2 105	699	2 804
рыболовством и морским промыслом	2 031	1 059	3 090
промысловой охотой	4 078	1 900	5 978
горными промыслами	111	39	150
Обрабатывающей промышленностью	3 178	11 850	15 023
строительством	1 590	294	1 884
транспортом	2 834	532	3 366
торговлей и услугами	952	91	1 043
черной и поденной работой	307	228	535
Прочими заработками	52	23	75

Составлено по: [7. С. 156–160].

Надо напомнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако русские и другие европейцы, кроме основных занятий, были рыболовами, охотниками, возчиками кладей, строителями, ремесленниками, рабочими на пароходах и на золотых промыслах, т.е. занимались десятками различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII переписи «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения, в основном русского по этниче-

скому составу. Сжатые сведения включены в табл. 3. Число занятых побочными промыслами крестьян значительно превосходило число самодельного коренного населения по отраслям производства: в животноводстве 4 857 чел. против 4 225, в рыболовстве и охоте 9 068 чел. против 2 478. Они составляли уже серьезную конкуренцию коренным жителям Сибири в их главных промысловых занятиях.

Таким образом к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Енисейской губернии еще сохранялось, но русское население уже активно вторгалось в сферы основных экономических интересов коренного населения.

Список источников

1. Шерстова Л.И. Изучение характера и динамики присоединения Северной Азии к России: фронтир или взаимодействие народов // Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / В.Г. Дацышен, В.П. Зиновьев, Ю.А. Лысенко [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 5–36.
2. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
3. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
4. Карих Е.В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 101–104.
5. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
6. Карих Е.В. Значение Анюйской ярмарки в межэтнической интеграции русских и чукчей // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1(9). С. 124–129.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцию Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Князя В.П. Мещерского, 1904. Т. LXXIII: Енисейская губерния. [4], X, 185 с.

References

1. Sherstova, L.I. (2019) Izuchenie kharaktera i dinamiki prisoedineniya Severnoy Azii k Rossii: frontir ili vzaimodeystvie narodov [Study of the nature and dynamics of the accession of North Asia to Russia: the frontier or the interaction of peoples]. In: Datsyshen, V.G., Zinoviev, V.P., Lysenko, Yu.A. et al. *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoy Azii* [Essays on the History of the Development and Study of North Asia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–36.
2. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Karikh, E.V. (2007) *Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX veka* [Ethnic structure of the population of the Yakutsk region in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.
4. Karikh, E.V. (2008) *Pozemel'nye otnosheniya v Eniseyskoy gubernii mezhdru korennyim i prishlym naseleniem vo vtoroy polovine XIX v.* [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and newcomers in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 317. pp. 101–104.
5. Karikh, E.V. (2009) *Ekonomicheskie svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v.* [Economic relations between Evenks and Russians in the north of the Irkutsk province in the second quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.
6. Karikh, E.V. (2010) *Znachenie Anyuyskoy yarmarki v mezhetnicheskoy integratsii russkikh i chukchey* [The role of the Anyui fair in the interethnic integration of Russians and Chukchi]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 124–129.
7. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.: izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del pod redaktsieyu* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg: Tip. Knyazya V.P. Meshcherskogo.

Сведения об авторе:

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Information about the author:

Zinoviev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russia); Leading Researcher Laboratories of Interdisciplinary Space Research of Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: vpz@tsu.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 18.10.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 398.2(4); 140.8; 159.937 (955)

doi: 10.17223/19988613/76/17

Образы-понятия в восприятии водного пространства нанайского рыбака

Ольга Владимировна Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия, olymals@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена семантической наполняемости пространства носителя промысловой культуры. На примере восприятия и познания нанайским рыбаком своего окружения выводится целый ряд «образов-понятий», ставших культурными кодами нижнемурских народов. Компонент водного пространства присутствует в природной, промысловой лексике, топонимике, представлениях о мире, системе ценностей; он стал основой формирования ярких фольклорных и сакральных образов (в качестве покровителей рыбных ресурсов и водной сферы).

Ключевые слова: нанайцы, рыболовство, образ-понятие, водное пространство

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Для цитирования: Мальцева О.В. Образы-понятия в восприятии водного пространства нанайского рыбака // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 142–150. doi: 10.17223/19988613/76/17

Original article

Images-concepts in the perception of the Nanay fisherman's water space

Olga V. Maltseva

Institute of archeology and ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, olymals@gmail.com

Abstract. The paper is purposed to reveal semantics of water space among the Lower Amur fishing people. The article considers a fisherman's figurative range through his perception of natural environment. In the article, a wide range of information sources were drawn upon, including Nanay lexical (fishery and nature, names of places), folklore and physical (sacred objects related to water sphere) materials. Use of different forms of Nanay people cultural heritage allows to derive information, cultural codes of their social and cultural space. They have appeared as a result of the fisherman's object-sensory perception of his habitat, and through economic and cultural borrowing from neighbors. The cornerstone of the fisherman's primary experience was his associative series based on comprehension of the earthly realities, for the most part presented by the local reservoirs, that was reflected in his vocabulary and names of places. The idea of "water", "fishing" has laid in a whole group of terms, and becomes central to the development of conceptual-figurative series of view of the world, combining a series of the visual images with mnemonic function. They have been fixed in the oral folk art and ritual complex. Some of the images-concepts contain an autochthonous cultural core. They are associated with mythical characters in the form of an old man, an old woman, a multifaceted nature *Temu*, acting as patrons of fish wealth, assistants in navigation and creators of the world. Over time, the composition of the aqueous patrons was supplemented by images of the water bear (*Mue-Duenteni*), entities of marine life, snake (*Simun*), dragon (*Puimur*). They were imported from Siberia, Okhotsk sea coast, South-East Asia. The complexity of ritual-ceremonial complex among the Amur fishermen demonstrates that their values have changed and social and cultural space have extended from the river to the sea basin. In the water pantheon of images-concepts, placing the river ichthyofauna and salmon fish at the bottom of the hierarchy, and the open sea inhabitants at the top shows that the Okhotsk sea and the Pacific became a legendary outskirts, which is typical for communities of peripheral natural and cultural zones.

Keywords: the Nanay people, fishing, image-concept, water space

Acknowledgments: This research has been made under the research project of IAET SB RAS No. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East, 17th–21st centuries".

For citation: Maltseva O.V. (2022) Images-concepts in the perception of the Nanay fisherman's water space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 142–150. doi: 10.17223/19988613/76/17

В настоящее время изучение семантической наполненности пространства промысловых сообществ, в частности с рыболовецким укладом, позволяет постичь скрытые механизмы формирования их идентичности, восприятия мира и линии поведения, что может служить одной из отправных точек для современного человечества в изменении его планетарного сознания и налаживании конструктивного диалога с естественной средой. В обществе охотников, рыболовов и собирателей природное окружение обладает высшей ценностью и разумом, а также выступает устройством человеческого миропорядка. Экологическая составляющая, пронизывающая всю ткань их общества, представленная в многообразии практик освоения природных ландшафтов, дала начало различным информационным кодам и мировоззренческим установкам, определившим формы их культурного наследия.

В данной работе речь идет о коренных народах Нижнего Приамурья, для которых амурская гидросистема, являющаяся частью тихоокеанского бассейна, стала олицетворением водного пространства, наполненного различными образами. Ассоциативный ряд потомственного амурского рыбака сложился в результате предметно-чувственного восприятия им своего природного окружения, а также стал производной эмпирической реальности, созданной многими поколениями. У коренного населения долины Амура на основе первичных ощущений и представлений выстроились корпус знаний о местных водоемах, навыки навигации и приемы рыбной ловли. Они и послужили опорой мировоззренческого каркаса жителей большой реки. Его наполнение, как отмечали многие ученые-антропологи, в какой-то мере обусловлено и стереотипными подходами, применяемыми человеком традиционной культуры в постижении его земных реалий. К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Э. Эванс-Причард в изучении ментальности народов тропического, экваториального поясов подчеркивали, что их мир сконструирован с привлечением некоторых сил «сверхъестественного» порядка, которые выступают в качестве помощников и судей в повседневной жизни, оценивая человеческие мотивации и поступки. «Сверхъестественное» начало присутствует и в их восприятии окружающей реальности, системе оценок, характере поведения, что не соответствует когнитивным стандартам представителя технократического общества [1–4]. Эта взаимосвязь земного, тактильно-осязаемого мира и находящегося вне человеческой природы у представителя традиционной культуры проецируется во всех сферах человеческого бытия и находит воплощение в знаково-символьной форме.

В.А. Аврорин, Н.Б. Киле, Е.П. Лебедева, А.А. Попов, В.Я. Пропп, исследователи фольклора дальневосточных и сибирских народов, в их смысловом пространстве выделили категорию «образ-понятие», которая как раз применима в отношении народов с бесписьменными традициями [5–9]. Согласно мировосприятию общностей с устными традициями, созданные фантазией образы материальны и могут воздействовать на людей. Такую особенность мышления А.А. Попов подметил у долган и нганасан, он назвал ее «вторым видением».

У них существовала практика во время обряда камлания завязывать глаза шаману, этим якобы активизируя его способность видеть невидимое «вторым зрением». В процессе экстаза возникавшие в его голове образы-понятия воспринимались как зрительные образы [10. С. 89–90]. Подобный обычай был распространен у многих народов Севера, и яркой иллюстрацией образного мышления, как считал В.Я. Пропп, являются волшебные сказки [9]. Возникший в среде нанайцев повествовательный жанр *нингма* включает произведения, появившиеся при помощи «второго видения». В эту группу входят легенды о небесных героях *мэргэнах* («небесных богатырях») и *пудин* («небесных невестах»), о создании мира, сказания о животных. Само слово «нингма» в языках тунгусо-маньчжурских народов означает «закрывать, зажмуривать глаза» [5. С. 14–15; 11]. Всех персонажей этого устного творчества можно соотнести с образами-понятиями, обладающими магическими функциями. Отсюда и берет начало искусство сказительства. А. Чаадаева, общаясь с хранителями нанайского фольклора, отмечала, что рассказчик не просто повествует о событиях, старается выстроить сюжетную линию, он мысленно представляет героев, которые говорят своими голосами. При описании картины он использует различные выразительные средства – звукоподражание, пантомиму [12. С. 129–141].

Подобная манера устного изложения указывает на изначальную магическую связь между образом и словом. К. Леви-Стросс, длительное время занимаясь лингвистическим анализом терминов народов тропического пояса, пришел к заключению, что за их образованием стоят когнитивные процессы, типичные для всех первобытных народов. Параметры постижения окружающей реальности соответствуют миру ребенка, когда он еще не может количественно сопоставить характеристики. На раннем этапе становления человека окружающие его предметы и объекты не представлены в упорядоченной взаимосвязи [2. С. 113–327; 3. С. 143–485]. Швейцарский психолог, философ Ж. Пиаже этот вид познания относил к «дооперациональным представлениям» и связывал с началом открытия мира. На этой стадии человек видит последствия своих действий, посредством сенсорно-моторных действий он укрепляет связь с внешним окружением. У него формируется комплекс представлений, или символический ряд, когда один символ может выражаться в разных сущностях [13]. К. Леви-Стросс появление символов видел в контексте мифологического мышления и помещал их между конкретно-чувственными образами и абстрактными понятиями [2, 3]. Э. Гуссерль внес свои коррективы в теорию познания. Согласно его феноменологическому подходу, первичный опыт трактуется не как эмпирический предмет изучения психологии, а как «трансцендентальное» или «чистое смыслообразование». Этот подход позволяет трактовать восприятие пространства представителем промысловой культуры как «переживание пространства» [14]. То есть рыбак, охотник или собиратель в ходе освоения территории выделяет в природном окружении участки, отвечающие его практическим задачам, и вписывает их в свой комплекс представлений о мире, распределяет

их по своей шкале ценностей. В изначальной маркировке заметна градация (или противопоставление) значимых, жизненно важных мест и представляющих опасность. Отношения к ним запечатлеваются в долговременной памяти в форме легенд, преданий, воспроизводимых на протяжении многих поколений. Природная составляющая в них обретает образную форму. Согласно концепциям российских этнологов и этнографов, появление образов-понятий вписывается в коллективную модель познания и коррелирует в соответствии с наработками предшествующих поколений [15. С. 75–76].

У нижнеамурских народов знания, аккумулировавшиеся в коллективном опыте, получили выражение в лексических формах. В их языке выделяется целый корпус терминов, которые можно отнести к производным от понятий «вода», «рыболовство», образованных вследствие визуальных, аудиальных представлений и тактильных ощущений, и в первую очередь они связаны с витальными потребностями как отдельного человека, так и группы людей. На примере лексики нанайцев можно увидеть, что критериями их реальности стали емкость водоемов и наличие рыбных ресурсов. Вокруг познания водной среды выстроилась их трудовая деятельность. Анализ промысловой терминологии и обозначений природного ландшафта показывает детализацию именно водного пространства и, в свою очередь выделение, значимых для рыбака мест. В языке нанайцев амурская гидросистема подразделяется на реки (*мангбо*), речки (*мангбокан*), ручьи (*биран*), проливы (*дяор*), озера (*нярон*), болота (*суку*) [16]. Но, помимо этой общепринятой классификации водоемов, учитывались характер местности, состояние водосборника (во время наводнения, засухи), направление течения. Все эти оттенки, подчеркивающие изменение, природный фон, рельеф, местонахождение относительно какого-то объекта (локативные отношения), закрепились в лексике. Так, отдельными терминами обозначаются исток реки – *дэрэн*, устье реки – *да*, старое русло реки, покрытое наносной землей, песком – *холгосо*, горная река – *они*, порог, пережат на горной реке – *угбэн*, разливаться часто (о реке при наводнении) – *далачи*, тогда как просто наводнение выражается словом *далан* и т.д. В названиях населенных пунктов нанайцев также отразились особенности их рыболовецкой деятельности, в них запечатлена актуализация пространства с учетом повседневной практики. Это заметно в расшифровке наименований селений Нижние Халбы (*халбо* – «место, где притоняют» или «место, где скапливается рыба»), Синда («выход из проруби», «неширокая протока»), Даерга (Даирга) («большая тонь»), Найхин («человек и река»), Тэйсин («место обработки рыбы») [7. Л. 52–54; 17; 18. С. 77].

Буквально «речная» идея заложена в маркировке и зонировании пространства рыбака. Ориентирование на местности, разделение своего сообщества на группы, восприятие соседей выстроены относительно течения реки, видов водоемов. Ряд исследователей Нижнего Приамурья отмечали в среде нанайцев эту особенность социальной дифференциации и познания пространства, закреплённую в терминах. Так, восприятие верха

и низа оформилось в образах-понятиях «против течения» и «по течению». Жители селений непосредственно долины Амура соседское окружение разделяли на проживающих вниз и вверх по течению с применением к ним понятий *гольды*, *солонай* («живущие выше») и *хэдзэни*, *хэдиэнкэн* – («живущие ниже») [19. С. 50]. Очень своеобразное употребление термина *акани* у разных групп нанайцев. Жители селений, расположенных в низовьях (в районе Комсомольска, Хунгари, Экони), этим названием обозначали поселенцев, проживающих выше по течению, в селах Найхин, Муха, Сикачи-Алян, тогда как жители Сикачи-Альяна данный этноним применяли к нанайцам р. Тунгуска. Проживающие в долине Тунгуски словом *акани* называли жителей р. Сунгари [Там же]. В ареале нанайцев социальное пространство в основном маркировалось относительно большой реки и ее притоков. Население непосредственно долины Амура в обозначении обитателей Тунгуски и Сунгари использовало не только термин *акани*, но и *бирани* («речные»), этим обособляя себя от окружения, рассредоточенного по малым рекам и в предгорьях Баджалского, Буреинского и Сихотэ-Алинского хребтов [Там же. С. 50, 51].

В.А. Аврорин и О.П. Суник, занимавшиеся нанайской диалектологией, попытались выявить основные принципы разделения нанайского языка на диалекты. Они классифицировали речевые особенности, беря во внимание самоназвания жителей [20–22]. В их этимологии также заложены локативные отношения относительно реки, показывающие позицию, – выше, ниже, внутри, вне. Кур-урмийская группа нанайцев, освоившая берега р. Тунгуски и ее притоков Кур и Урми, причисляла себя к *биранкан* («речным людям», «людям реки», «жителям реки»), тогда как своих соплеменников на Амуре она назвала *манмункан* («амурцы», «народ нижнего течения реки»). Другое устоявшееся название по отношению к жителям Амура – *солби гуру* («народ верхнего течения реки»). В их родовых этнонимах, являвшихся прежде территориальными названиями, а в начале XX в. перешедших в категорию фамилий, также получило отражение речное пространство. Члены рода Донкан позиционировали себя как «жители среднего, внутреннего пространства, местности, течения реки». Представители старшего поколения рода Удинкан в название своей группы вкладывали смысл «жители верхнего, наружного пространства, местности, течения реки» [22. С. 13–14].

Хозяйственная специализация нанайцев, сложившаяся из практики освоения амурского водного пространства, получила отражение не только в топонимических названиях, гидронимах, промысловых терминах, взаимоназваниях и самоназваниях, – ассоциативный ряд рыбака воплотился в поэтической образности. Разбор лексического, фольклорного материала и ритуально-обрядового комплекса нанайцев указывает, что их образный мир и понятийный аппарат являются далеко не эндогенными образованиями. Понятия-образы, связанные с амурской водной системой, содержат черты, характерные для сибирского региона и Восточной Азии. Культурный синкретизм выстраивался на основе привнесения культурных стереотипов из других при-

родно-климатических зон. Растиражированные пришлыми группами населения, они стали исполнять роль фасада, за которым скрывается автохтонный культурный стержень. К примеру, олицетворение реки Амур и ее притоков с драконом *Пуймуром* имеет южные корни. Также представления о покровителях озер в виде старика или змея *Симун* (*Симин*) можно отнести к привнесенному из Юго-Восточной Азии пласту (ПМА, с. Джунен, Хабаровский край, инф. И.В. Гаер, запись 23.06.2016) [23]. В средней части Нижнего Приамурья, на участке между современными нанайскими селами Найхин и Сикачи-Алян, есть природно-культурные памятники, связанные с образами старика и старухи (*Мана* и *Мама*) как покровителями рыбных богатств и помощниками в навигации на Амуре [24. С. 79–85; 25].

На то, что мы имеем дело с архетипом, возникшим, вероятно, еще в эпоху неолита, указывает его многоликость и переход его в образ-понятие. В бытовавшей у многих групп нанайцев легенде о духе *Хаддо* и трех солнцах есть персонаж *Мямелди*, выступающий женой духа *Хаддо*, убившего, согласно легенде, лишних два солнца, *Мямелди* не просто дублирует старуху *Мама*, она является создательницей мира. Ее образ представлен в шаманской иконографии. В легендах о появлении нанайских родов она также фигурирует в качестве праматери [26. С. 132–134; 27]. Подобное перевоплощение носит социально ориентированный характер, когда покровитель рыбных богатств стоит у основания общества, рода в статусе прародителя. Социальная дифференциация нашла отражение в маркировке водного пространства, что наиболее ярко проявляется в мифологической картине мира. У нанайцев *Тэму* (*Тэмучин*) покровительствует водной сфере. Слово «Тэму» переводится как «плот», но в описании носителей нанайских традиций он предстает в качестве силы или многоликой сущности (в образе кита или ластоногого) [28. С. 55–56; 29. С. 263]. Еще одна версия *Тэму* имеет воплощение «водного медведя» – *Муэ Дуэнтэни*. В систематизированной картине мира он выступает духом-покровителем водной сферы, являясь братом «таежного медведя» – *На Дуэнтэни* (управляющего таежным миром). Эта бинарная оппозиция, выражающаяся в противопоставлении таежного и водного медведя / земного и водного миров, является символическим отражением хозяйственного и гендерного разделения в человеческом обществе, поскольку каждый из этих медведей (*Дуэнтэни*) покровительствует определенным сферам человеческой деятельности. *Муэ Дуэнтэни* занял нишу, отвечающую за рыбные богатства, женский труд и за лечение женских болезней [30. С. 13–24; 31]. Передача эстафеты контроля над речными рыбными ресурсами от фигур *Мама* и *Мана* к таежному хищнику осуществлялась в период тунгусской экспансии на Амуре. Именно с притоком тунгусского населения в амурскую пойму и произошло наложение образа медведя на прежних покровителей водной стихии. Район Нижнего Приамурья находился под сибирским культурным влиянием с древности вплоть до начала XX в. Сформированные до этого образы-понятия утратили прежний смысл и культурную значимость [29].

Изменения заметны в восприятии и отношении к лососю, являющемуся главным элементом жизнеобеспечения амурских народов. У нанайцев лексика, относящаяся к кете (*дава*), разнообразна. К примеру, отдельными терминами обозначаются самец (*омина*) и самка (*онина*), при разделке рыбы на юколу каждая часть имеет свое название (1-й слой со шкурой – *налама*, 2-й слой без шкуры – *макори*, 3-й слой – *огосан*, брюшко – *хуйкэ*, голова и носовой хрящ – *кимбо*) (ПМА, с. Верхний Нерген, Хабаровский край, инф. О.А. Заксор, запись 10.09.2011). Однако этот компонент амурского бассейна не вошел в разряд почитаемых. Одна из причин может быть связана с этическими воззрениями на природу, типичными для большинства народов, живущих за счет потребления даров леса, рек и морей. В одной нанайской *нингма* («О боге рыб»), в которой отразилась специфика рыбного промысла, главный герой отправляется к краю моря в логово Старика, владеющего речными и морскими богатствами. Мотивом обращения к нему является человеческая алчность, приведшая к оскудению рыбных запасов в реке. Он обращается с просьбой вернуть богатый улов. Переговоры с водным божеством заканчиваются успешно, что показывает возвращение рыбы в реку Амур [32. С. 419–421]. Длинное путешествие героя олицетворяет путь, который проделывают кета, горбуша из моря в большую реку, но в самой сказке проходная рыба не имеет какого-либо художественного образа.

В отличие от народов Амура, у североамериканских индейцев отдельный вид рыбы – лосось – удостоился внимания и получил сакральный статус. Множество легенд и мифов посвящено людям-лососям, обладающим разумом и эмоциями (*The theft of light, The greedy father, Origin of the Gnawing beaver, Waklash and the first totem pole*) [33. Р. 169–171, 320–321, 392–395, 423–426]. Почти у всего американского населения тихоокеанского побережья был распространен обряд «Первой пойманной рыбы», «Первых четырех лососей» [34].

У нанайцев все разнообразие местной ихтиофауны (включающей проходную рыбу), играющей столь важную роль в их жизни, не выделялось из окружения и оказалось отеснено на задний план в картине мира. В нанайском фольклоре мир природы больше представлен таежными животными. Каноническое искусство нанайцев также вместило не все образы окружающей среды, но его идейная основа содержит элементы, типичные для рыболовецких народов. Особенно это выражено в женском декоративно-прикладном творчестве, в орнаментации одежды из рыбьей кожи, где выработались каноны в выборе мотива и построения композиции. В деталях криволинейного орнамента, покрывающего спинку халата из рыбьей кожи *амири*, прочитывается образ рыбы (рис. 1). Предельная стилизация указывает на архаический стержень мотива и символичность объекта природы, за которыми скрыта мифологическая основа. В устных традициях в течение многих поколений она была утеряна или трансформирована, но фигурки рыб служат напоминанием, что они были составляющими этой мировоззренческой системы. В данном ключе орнаментика содержит зашифрованную информацию, и ее можно интер-

претировать как мнемоническое средство, когда каждая деталь узора несет образно-понятийную функцию.

Такую же сложную информационную систему представляет культовая скульптура нанайцев, выполняющая не только мнемоническую, но и магическую роль. В ритуале кормления воды, который обычно проводился накануне большой рыбалки, кетовой путины, использовали деревянные фигурки, схематично изображающие рыб, водоплавающих птиц. В ритуально-обрядовый комплекс попали изображения осетра (калуги), сома и карпа. П.П. Шимкевич приводит сведения, что бурханы (термин Шимкевича) с очертаниями калуги *аджи* / осетра *даджифу* (рис. 2) приобретали целенаправленную магическую силу в связке с другими бурханами, имеющими антропоморфный вид. Он упоминает *Чалли-ага* (изображает безрукого человека) и *Калгаму* (фигура с длинными нижними конеч-

ностями и вытянутой зауженной сверху головой). Эти *сэвэны* (современный термин, обозначающий культовую скульптуру нанайцев) помогали в рыбном промысле. В случае неудачного улова шаман клал изображение *даджифу* в сосуд с водой и раскачивал его, приводя в движение фигуру, этим имитируя плавание осетра в реке. Если это прием не помогал, *Чалли-ага* или *Калгаму* оказывались бездейственными, изготавливали *сэвэна Тоома-дуэнтэни* (*Муэ-дуэнтэни*). Его выносили на берег реки и ставили лицевой стороной к воде. После церемонии с подношениями и подготовки ритуальной площадки с воткнутыми палками со стружками на верхних концах рядом с *дуэнтэни* размещали две фигуры большого сома *мукка-хафони* (рис. 3). Состав этого комплекта и его размещение были направлены на привлечение рыбы к снастям и обеспечение хорошего улова [35. С. 51–52].

Рис. 1. Деталь халата из рыбьей кожи *амири* с изображением рыб. Музей с. Верхний Нерген, Хабаровский край

Рис. 2. Ритуальная скульптура осетра *даджифу*. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН (МИНКС). № 2028

В другом обряде кормления воды, совершаемом два раза в год – весной и осенью, задействовали *сэвэнов карпани* (возможно, название, производное от русского слова «каarp» появилось в позднее время). Их использовали в качестве ритуальной посуды, имеющей форму рыбы с овальным или прямоугольным углублением на одной стороне, куда клали жертвен-

ную пищу (кашу, сухую черемшу). Эти фигурки бросали в воду [30. С. 88–91]. Данная группа *сэвэнов* лишь условно передает очертания видов рыб, включенных в пантеон сакральных существ. Особое место в наборе образных передач амурской ихтиофауны занимает комплект *Адо адилтани* («рыбьи отходы»), вмещающий конкретные образы речных видов рыб (рис. 4).

Рис. 3. Ритуальная скульптура сома мукка-хафони. МИНКС. № 2034

Рис. 4. Фигурки комплекта *адо адилтани* «рыбы отходы». МИНКС. № 1864, 1867)

Название имеет двоякую интерпретацию: указывает на принадлежность к комплексу *Адо сэвэни* (объединенная группа «таежного» и «водного медведя»), а также положение в иерархии «водных» *сэвэнов*. В шаманской картине мира нанайцев «рыбы отходы» занимают самую низшую ступень в составе подчиненных *Муэ-дуэнтэни* («водного медведя»). Оттеснение представителей местных водоемов на периферию сакрального мира показывает ценностные установки в восприятии водного пространства рыбаками Амура. Привычная среда и распространенные практики, связанные с повседневными нуждами, оформились в визуальные образы нижнего порядка как легко достижимые [28. С. 29–30; 30. С. 3–4].

В этой связи привлекает внимание другая категория образов, также вошедших в «свиту» *Муэ-дуэнтэни*. Под ними скрываются морские млекопитающие – обитатели Охотского моря, Тихого океана. Фигуры *сэвэнов*, олицетворяющих кита *калима*, морскую косатку *наму качактани*, морскую акулу *наму кумдуни* и моржа *кэн-ги*, заняли места приближенных «водного медведя» [28. С. 40–41; 36]. В ульчском и нанайском фольклоре они являются отдельными персонажами, иногда принимающими человеческий облик.

Проникновение реалий народов, занимающихся звероморским промыслом, в жизнь обитателей речно-

го пространства служит подтверждением глубокой хозяйственной и культурной интеграции народов побережья амурского района. Так в нивхском и нанайском языках можно провести параллели в обозначении морских животных. У нивхов, проживающих в устьевой части Амура, Амурском Лимане и на Сахалине, представители морской фауны стали частью их повседневной жизни. На добыче лахтакта, нерпы, тюленя построен их уклад жизни. Несмотря на существенные культурные и языковые различия двух народов, освоивших берега Амура, некоторые общие термины указывают на соприкосновения их в хозяйственной сфере. Стоит обратить внимание на образы кита и моржа в качестве элементов алгоритма познания мира. У нивхов они включены в ассоциативный ряд окружающей действительности. У нанайцев эти образы не являются составляющими хозяйственного опыта, они были транслированы в их комплекс представлений из соседского окружения, трансформировавшись в сакральной сфере в образы-понятия. Сравнительный анализ терминов в обозначении этих животных показывает метаморфозу. В нивхском словаре кит называется *кен*, небольшой по величине кит имеет название *жалм*, морж – «чугңи» [37. С. 108]. В нанайском языке названия реальных животных перекочевали в терминологию устройства мира. Кит получил название *ка-*

лима, морж – *кэнги* [16. С. 238]. В словообразовании у нивхов можно отметить одну особенность: некоторые слова с разным значением содержат корень *кен*, что указывает на глубокую смысловую связь между ними. Возможно, созвучные солнце (*к'ең*) и кит (*кең*) имеют единый мифологический стержень [37. С. 108, 130]. Нанайское *кэнги* (морж) также восходит к этой

основе. Визуальный образ *кэнги*, закрепленный в культовой скульптуре, не имеет ничего общего с реальным зверем и выдержан в соответствии с канонами нанайского пластического искусства. Переданный в фигуре образ, сочетающий черты медведя и лаконога, содержит закодированную информацию, предназначенную для существ духовного мира (рис. 5).

Рис. 5. Ритуальная скульптура моржа *кэнги*. МИНКС. № 409

По тем же правилам изготовлена другая часть свиты водного медведя. Выбор определенных признаков, присущих обитателям водной стихии, послужил фундаментом конструкции Вселенной, рассматриваемой в качестве антипода земному существованию. В этом мифическом мироздании легендарная периферия ассоциировалась с водами открытых морей, место которых заняли Охотское море и Тихий океан; соответственно, все их представители также были удостоены сакрального статуса. Аналитический разбор культовой скульптуры и терминологии нанайцев, связанной с водной материей, позволяет разглядеть специфику восприятия рыбаком своего природного и социального окружения.

Как видно, для коренного жителя долины Амура, многими поколениями связанного с водной стихией, она оказалось базовым компонентом в его мироустройстве. В топонимике и промысловой терминологии, фольклоре, предметном мире, социальной дифференциации и самоидентификации отчетливо проступает идея реки или водного пространства. Стоит отметить, что на основе восприятия как внешних, так и внутренних водоемов создан многоплановый образный ряд, с течением времени приобретший понятийный смысл.

На примере изучения культурного наследия нанайцев мы можем увидеть трансформацию серии образов, имеющих отношение к водной сфере, что указывает на изменения в восприятии мира вследствие поступательного социального развития или инокультурного влияния. Так, первичные ощущения и характер трудовой деятельности получили отражение в природной и промысловой лексике, топонимике, где акцентируются детали местности, важные с точки зрения рыбака. Другой корпус образов-понятий представлен в устном народном творчестве, культовой скульптуре, декоративно-прикладном творчестве. Он имеет мировоззренческий аспект, социально ориентированный характер и показывает эволюцию взглядов на водный мир. Он связан с покровителями водной сферы в виде многоликой сущности *Тэму* (в образе кита или лаконога) или покровительницей (покровителем) рыбных богатств – с образами старухи (старика). С течением времени, с тунгусским и пришедшим из Восточной Азии культурным влиянием архетипы, совмещавшие функции прародителей рода и владык рыбных ресурсов, оказались замещены образами водного медведя (*Муэ-Дуэнтэни*), змея (*Симун*), дракона (*Пуймур*). В ряде случаев они стали мифологическими персона-

жами или произошла стилизация образов. В ритуальной сфере водный медведь (сохраняющий второе название *Тэму*) мог иметь черты ластоного и свиту, состоящую из представителей морской фауны. В этом комплексе представлений самый важный ресурс для рыболовов Амура – лососевые и речная ихтиофауна – заняли самую низшую ступень. Это демонстрирует сложившуюся иерархию ценностей и позиционирова-

ние рыбака в его окружении, что типично для сообществ периферийных природно-культурных зон. Выстроенное рыболовецким сообществом социальное и культурное пространство оказалось разделено относительно течения реки (с выделением верха – «против течения», низа – «по течению», внутри, вне) с включением легендарной окраины в виде Охотского моря и Тихого океана.

Список источников

1. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-пресс, 1999. 608 с.
2. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М. : Республика, 1994. 384 с.
3. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М. : Академический проект, 2008. 520 с.
4. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры: описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М. : Наука, 1985. 236 с.
5. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л. : Наука, 1986. 255 с.
6. Киле Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л. : Наука, 1973. 189 с.
7. Киле Н.Б. Образные слова в тунгусо-маньчжурских языках (отчет). 1977. 87 л. // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14.
8. Лебедева Е.П. О фольклоре нанайцев // Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л. : Наука, 1986. С. 3–21.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 336 с.
10. Попов А.А. Пережитки древних дореволюционных воззрений долган на природу // Советская этнография. 1958. № 2. С. 77–99.
11. Киле Н.Б., Фетисова Л.Е. Фольклор нанайцев // Нанайский фольклор. Нингман, сиюхор, тэлунгу. Новосибирск : Наука, 1996. С. 10–31.
12. Чаадаева А.Я. Древний свет : сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. Хабаровск : Кн. изд-во, 1990. 240 с.
13. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика / ред. Ю.С. Степанов. М. : Радуга, 1983. С. 133–136
14. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М. : Академический проект, 2010. 229 с.
15. Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб. : Carillon, 2004. 512 с.
16. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М. : Русский язык, 1980. 552 с.
17. Бельды К.М. Водоворот. Тайны древнего Амура. Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей, 2005. 134 с.
18. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922. 371 с.
19. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М. : Наука, 1975. 232 с.
20. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 1. 1959. 283 с.
21. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 2. 1961. 296 с.
22. Суник О.П. Кур-урмийский диалект : исследования по нанайскому языку. Л. : Госучпедиз Минпроса РСФСР, 1958. 207 с.
23. Переверзева О.В. Центрированное и линейное освоение этнокультурного ландшафта (сравнительный анализ случаев Русского Поморья и Нижнего Амура) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. 2. С. 111–116.
24. Бельды Р.А. Памятные места и этнокультурные памятники нанайцев // Записки Гродековского музея. Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей, 2000. Вып. 1. С. 76–91.
25. Мальцева О.В. Контуры современного сакрального пространства амурских нанайцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2015 г. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 523–526
26. Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л. : Наука, 1976. С. 129–160.
27. Шаньшина Е.В. Традиционные представления о происхождении земли и человека у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 28 с.
28. Самар Е.Д. Под сенью родового древа. Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 2003. 211 с.
29. Смоляк А.В. Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов Нижнего Амура // Народы и языки Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. С. 260–266.
30. Ритуальная скульптура нанайцев / сост. Т.А. Кубанова. Комсомольск-на-Амуре : Тип. АПО им. Гагарина, 1992. 187 с.
31. Тимохин В. А. Старое и новое в жизни нанайцев // Известия СО АН СССР. Сер. общественных наук. Новосибирск : Наука, 1966. Вып. 3. С. 126–133.
32. Нанайский фольклор. Нингман, сиюхор, тэлунгу / сост. Н.Б. Киле. Новосибирск : Наука, 1996. 478 с.
33. Erdoes R., Ortiz A. American Indian myths and legends. New York : Pantheon books, 1984. xv, 527 p.
34. Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Молнии, плывущие друг за другом. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. 124 с.
35. Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у ольдов. Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. 133 с. (Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества; т. II, вып. 1).
36. Мальцева О.В. Образ медведя в культовой скульптуре нанайцев // Записки Гродековского музея. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2010. Вып. 22. С. 13–19.
37. Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Нивхско-русский словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1970. 536 с.

References

1. Levy-Bruhl, L. (1999) *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Translated from French. Moscow: Pedagogika-press.
2. Levi-Strauss, C. (1994) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Translated from French. Moscow: Respublika.
3. Levi-Strauss, C. (2008) *Totemizm segodnya. Nepriuruchennaya mysl'* [Totemism today. An untamed thought]. Moscow: Akademicheskii projekt.
4. Evans-Pritchard, E.E. (1985) *Nuery: opisanie sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotских народов* [The Nuer: a description of the livelihoods and political institutions of one of the Nilotic peoples]. Translated from English. Moscow: Nauka.
5. Avrorin, V.A. (1986) *Materialy po nanayskom yazyku i fol'kloru* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka.
6. Kile, N.B. (1973) *Obraznye slova nanayskogo yazyka* [Figurative words of the Nanai language]. Leningrad: Nauka.

7. Kile, N.B. (1977) *Obraznye slova v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh (otchet)* [Figurative words in the Tungus-Manchu languages (report)]. The Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Fund 6. List 1. File 14.
8. Lebedeva, E.P. (1986) O fol'klore nanaytsev [On the folklore of the Nanais]. In: Avrorin, V.A. *Materialy po nanayskom yazyku i fol'kloru* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka. pp. 3–21.
9. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. Moscow: Labirint.
10. Popov, A.A. (1958) Perezhitki drevnikh doreligioznykh vozzreniy dolgan na prirodu [Remnants of the ancient pre-religious views of the Dolgans on nature]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 77–99.
11. Kile, N.B. & Fetisova, L.E. (1996) Fol'klor nanaytsev [Folklore of the Nanais]. In: Kile, N.B. (ed.) *Nanayskiy fol'klor. Ningman, siokhor, telungu* [Nanai folklore. Ningman, Siokhor, Telungu]. Novosibirsk: Nauka. pp. 10–31.
12. Chaadaeva, A.Ya. (1990) *Drevniy svet: skazki, legendy, predaniya narodov Khabarovskogo kraia* [Ancient light: fairy tales, legends, legends of the peoples of the Khabarovsk Territory]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.
13. Piaget, J. (1983) Skhemy deystviya i usvoenie yazyka [Schemes of action and language acquisition]. In: Stepanov, Yu.S. (1983) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 133–136.
14. Husserl, E. (2010) *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt.
15. Girenko, N.M. (2004) *Sotsiologiya plemeni. Stanovlenie sotsiologicheskoy teorii i osnovnye komponenty sotsial'noy dinamiki* [Tribal Sociology. The formation of sociological theory and the main components of social dynamics]. St. Petersburg: Carillon.
16. Onenko, S.N. (1980) *Nanaysko-russkiy slovar'* [Nanai-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Beldy, K.M. (2005) *Vodovorot. Tayny drevnego Amura* [The Whirlpool. Secrets of the Ancient Amur]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum of Local Lore.
18. Lopatin, I.A. (1922) *Gol'dy amurskie, ussuriyskie i sungariyskie* [Amur, Ussuri and Sungari golds]. Vladivostok: [s.n.].
19. Smolyak, A.V. (1975) *Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Ethnic processes among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Moscow: Nauka.
20. Avrorin, V.A. (1959) *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
21. Avrorin, V.A. (1961) *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Sunik, O.P. (1958) *Kur-urmiyskiy dialekt: issledovaniya po nanayskomu yazyku* [Kur-Urmi dialect: studies on the Nanai language]. Leningrad: Gosuchpediz Minprosa RSFSR.
23. Pereverzeva, O.V. (2004) Tsentrirovannoe i lineynoe osvoenie etnokul'turnogo landshafta (sravnitel'nyy analiz sluchaev Russkogo Pomor'ya i Nizhnego Amura) [Centered and linear development of the ethnocultural landscape (comparative analysis of the cases of the Russian Pomerania and the Lower Amur)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 10(2). Novosibirsk: SB RAS. pp. 111–116.
24. Beldy, R.A. (2000) Pamyatnye mesta i etnokul'turnye pamyatniki nanaytsev [Memorable places and ethnocultural monuments of the Nanais]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya*. 1. pp. 76–91.
25. Maltseva, O.V. (2015) Kontury sovremennogo sakral'nogo prostranstva amurskikh nanaytsev [The contours of the modern sacred space of the Amur Nanais]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 22. Novosibirsk: SB RAS. pp. 523–526.
26. Smolyak, A.V. (1976) Predstavleniya nanaytsev o mire [Representations of the Nanais about the world]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Nature and man in the religious ideas of the peoples of Siberia and the North (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka. pp. 129–160.
27. Shanshina, E.V. (1998) *Traditsionnye predstavleniya o proiskhozhdenii zemli i cheloveka u tungusoyazychnykh narodov yuga Dal'nego Vostoka* [Traditional ideas about the origin of the Earth and Man among the Tungus-speaking peoples of the south of the Far East]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
28. Samar, E.D. (2003) *Pod sen'yu rodovogo dreva* [Under the shade of a family tree]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo.
29. Smolyak, A.V. (1980) Sootnoshenie aborigennogo i tungusskogo komponentov v khozyaystve narodov Nizhnego Amura [The ratio of aboriginal and Tungus components in the economy of the peoples of the Lower Amur]. In: *Narody i yazyki Sibiri* [Peoples and Languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 260–266.
30. Kubanova, T.A. (ed.) (1992) *Ritual'naya skul'ptura nanaytsev* [The Nanais Ritual Sculpture]. Komsomolsk-na-Amure: Tip. APO im. Gagarina.
31. Timokhin, V.A. (1966) Staroe i novoe v zhizni nanaytsev [Old and new in the life of the Nanais]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. obshchestvennykh nauk*. 3. pp. 126–133.
32. Kile, N.B.(ed.) (1996) *Nanayskiy fol'klor. Ningman, siokhor, telungu* [Nanai folklore. Ningman, Siokhor, Telungu]. Novosibirsk: Nauka.
33. Erdoes, R. & Ortiz, A. (1984) *American Indian myths and legends*. New York: Pantheon books.
34. Gavrilova, E.A. & Tabarev, A.V. (2006) *Molnii, plyvushchie drug za drugom* [Lightning floating one after another]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
35. Shimkevich, P.P. (1896) *Materialy dlya izucheniya shamanstva u gol'dov* [Materials for the study of shamanism among the Golds]. Khabarovsk: Office of the Amur Governor-General.
36. Maltseva, O.V. (2010) Obraz medvedya v kul'tovoy skul'pture nanaytsev [The image of a bear in the cult sculpture of the Nanais]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya*. 22. pp. 13–19.
37. Savelieva, V.N. & Taksami, Ch.M. (1970) *Nivkhsko-russkiy slovar'* [Nivkh-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya.

Сведения об авторе:

Мальцева Ольга В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: olymals@gmail.com

Information about the author:

Maltseva Olga V. – Ph.D. of Historical Sciences, Senior researcher, Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olymals@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.07.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 24.07.2018; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 394.014
doi: 10.17223/19988613/76/18

От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии

Антон Алексеевич Садырин

Томский государственный университет, Томск, Россия, sadyrin.1994@mail.ru

Аннотация. Предлагается наблюдение за изменением содержания социально-антропологического концепта «жилище» в трудах классиков XX столетия, а также за переходом его основания к концепту «мигрантского дома». Предметом анализа стали работы, выполненные исключительно с помощью качественной методологии, так как размышлять о «мигрантском доме» в парадигме транснационализма без выхода в поле невозможно.

Ключевые слова: жилище, «мигрантский дом», транснационализм

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90020.

Для цитирования: Садырин А.А. От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 151–156. doi: 10.17223/19988613/76/18

Original article

From “home” to “migrant home”: the development of the category of dwelling in sociocultural anthropology

Anton A. Sadyrin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Россия, sadyrin.1994@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the evolution of the category of «home» and «migrant home» in socio-cultural anthropology. The work is divided into three logically related semantic parts. The first part «From «turns» in anthropology to «turns» in the concept of dwelling» creates a context into which the future text of the article is immersed. Particular attention is paid to the research understanding of “house” in the context of functionalism (B. Malinovsky), structuralism (K. Levi-Strauss), constructivist structuralism (P. Bourdieu), works related to the ontological turn in anthropology (F. Descola), feminist and gender studies.

The second part of the article analyzes the history of emergence of the concept of transnationalism. As a starting point for the development of transnationalism, the book by A. Appadurai «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization» was taken. The main provisions of the author's work are highlighted. The same section reveals the foundations of transnationalism, which are reflected in the work of the founders of this theoretical framework (N. Glick-Schiller, K. Blank-Zanton and L. Bash). The transnational paradigm has come to be seen as an optics that visualizes the process of structuring a new reality by mobile subjects, allowing them to simultaneously exist in different social contexts separated by a large geographical distance.

The third part refers to specific cases that reveal the essence of the «migrant home» according to the scientific principles of transnationalism. The analysis of foreign and domestic literature gives grounds to single out the “signs” of the “migrant home”. Firstly, the house is usually temporary, because the logic of transnationalism tells us that the life strategies of a transmigrant are extremely mobile: a labor migrant often changes jobs, acquires new social connections, and does not leave the thought of returning to his homeland. Secondly, the «migrant house» (if we are not talking about second generation migrants and about women migrants) is usually materially and symbolically empty – it makes no sense to acquire something valuable or dimensional if soon you will have to move again ... Third, a «migrant home» which is «here» (in the receiving country) often exists for a home «there» (in the country of origin). The house is subjected to symbolic comprehension, the house is subjected to a value assessment «there», and in this case the majority of labor strategies, and migrations between houses «here» will be made for the construction of a house

«there». Fourthly, transnational family interaction is also very often conducted around some kind of discussion about home «there». Fifth, the «migrant house» «there» is a postponed and imagined state of peace from the burdens of the present life.

Keywords: dwelling, «migrant home», transnationalism

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90020.

For citation: Sadyrin A.A. (2022) From “home” to “migrant home”: the development of the category of dwelling in sociocultural anthropology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 151–156. doi: 10.17223/19988613/76/18

В нашей собственной повседневной жизни «дом» как предмет для рефлексии слабо актуализирован. Для европейца или американца, стремящегося к включению себя в группу «среднего класса», дом (как правило, физически имеющий стены, пол и потолок) является синонимом стабильности, безопасности, эмоционального комфорта. Наверное, единственным весомым основанием мыслей о доме выступает его отсутствие. Дом для нас – это место, насыщенное рутинизированными практиками, место «нормальности». Что же в таком случае может являться домом для туземца?

От «поворотов» в антропологии к «поворотам» в концепте жилища

Вопросы, связанные с исследованием жилья туземцев, возникали в рамках культурной или социальной антропологии, этнографии с момента в целом понимания того, что существует кто-то Другой. Изначально это были вопросы быта, внутреннего убранства, зонирования помещений, связи помещений с ритуальными функциями и т.д.

В отечественной этнографии жилье в связке с «эт-носом» или «этничностью» долгое время осмысливалось как категория материальной культуры. Западные исследователи, в силу возникновения новых антропологических теорий на протяжении XX столетия, стали анализировать «жилище» через вновь возникающие концептуальные коридоры.

Отец британской антропологической мысли – функционалист Б. Малиновский – считал, что жилище направлено на удовлетворение первичной биологической потребности человека в безопасности: «Человеческое тело, даже среди тех народов, у которых нет достойного упоминания одежды, не открыто непосредственно ветру, осадкам и солнцу. Оно предохраняется культурным панцирем, в качестве какового выступает укрытие или жилище...» [1. С. 61]. Ученик и племянник Э. Дюркгейма М. Мосс косвенно изучал вопросы жилища в связке с семьей и домашней группой. В своих выводах он пришел к тому, что жилище суть основа и место единства семьи [2. С. 12].

В 1960 г. свет увидела статья антрополога из Эдинбургского университета Д. Литтлджона, который возглавлял экспедицию в Сьера-Леоне, начавшуюся в мае 1959 г. Основной задачей исследователей департамента социальной антропологии было изучение процессов урбанизации во вновь возникающих промышленных городах страны. Однако главным достижением профессора Д. Литтлджона стало описание дома народа

темне. Впервые была озвучена мысль о связи между домом и телом, между домом и опытом, а также повседневными практиками обитателей этого пространства [3. Р. 2].

П. Бурдьё, исследуя кабийский дом, сравнивает его с книгой, прочитав которую, мы можем понять структуру общества и мира. По мнению французского этнолога, дом есть микрокосм (уменьшенный образ мира), в котором все упорядочено, а тело в доме считывает культурные установки посредством своего движения [4. Р. 277]. Такая структуралистская логика в осмыслении дома стала для Бурдьё прообразом его концепции габитуса. Еще один классик французской этнологической мысли, К. Леви-Стросс, попытался включить дом в свое понимание социальной организации. Занимаясь классической для антропологии темой родства у племени квакиутль, он сделал вывод, что так называемое *house society* является переходной социальной формой между родством и классами. Такой дом в физической форме существует только для основной группы (представители высшего ранга), другие же члены собираются вместе только в особых ритуальных случаях, что делает их случайной родственной группой. В таком случае дом становится не экономической категорией, а социальной – определенная группа с определенным статусом. Как говорит сам К. Леви-Стросс, «...общества “с домами” позволяют увидеть, как образуется система прав и обязанностей... то, что было прежде единым, разделяется, а то, что было прежде порознь, объединяется. Происходит чехарда между теми связями, которые, считается, берут свое начало в культуре, и теми, что мы признаем делом природы...» [5. С. 21].

Автор антропологического бестселлера «Чистота и опасность» М. Дуглас также размышляла над темой дома в антропологии. В своей работе “The Idea of a Home: a Kind of Space” [6] автор пытается отойти от привычного понимания дома как некоего пространства, связывая его с временными структурами, эмоциями людей. Физический дом, по мнению М. Дуглас, есть одновременно воплощение пространственных и временных идей человека. Британский антрополог отказывается от ранее выдвигаемых коллегами утверждений о том, что дом, к примеру, весьма функциональная вещь: забота о теле нивелируется существованием отелей или оздоровительных центров, которые также способны удовлетворить заданную человеческую потребность [6. Р. 288].

Онтологический поворот в антропологии обусловил переход к ранее не поддающимся этнографиче-

ской рефлексии категориям, а именно к так называемым не-человекам (*non-humans*). В описываемую антропологами реальность были включены животные, вещи, насекомые, духи. Французский этнолог Ф. Дескола был одним из первых, кто допускал и в своей концепции постулировал множество миров (четыре онтологии: анимизм, натурализм, тотемизм и аналогизм). Поле Ф. Дескола был Эквадор с проживающим в нем племенем ачуаров, которое, как показалось антропологу в ходе наблюдений, совсем не пользовалось привычной нам структуралистской бинарной оппозицией природа / культура. Природа у ачуаров крайне условна, так как животные и растения наделены социальными (личностными) характеристиками. Природа в данном сообществе есть продолжение человека, где дикий лес – это сад, который попросту возделывается духом; оппозиция дикое / домашнее становится мало применима. Такая онтология позволила поставить вопрос о законченности дома как физического пространства: где границы жилища, если оно в представлении ачуаров (и не только их, Дескола пытается доказать это на протяжении всей работы) текуче, мобильно и не противопоставлено «дикой природе» [7. С. 51–58]?

С ростом гендерных исследований и укреплением позиций феминистских исследований в антропологии концепт дома стал чаще подвергаться осмыслению со стороны представителей данных научных направлений. Дом в произведениях таких авторов приобретает гендерно окрашенные оттенки, зачастую подвергается анализу связка эмоции–дом, которая по-разному могут проявляться для мужчин и для женщин. К примеру, в 1997 г. в свет вышла знаковая статья [8] в духе феминистских исследований профессора Университета Кардиффа К. Герни. Эта работа, выполненная с помощью метода эпизодических этнографий, демонстрирует разницу между мужским и женским восприятием дома как эмоциональной сферы, в которой мы находимся. Каждое из обозначенных направлений, в свою очередь, породило плеяды исследований категории дома.

Возникновение транснационализма и переход к «дому трансмигранта»

Переходя непосредственно к миграционным исследованиям, стоит отметить, что значительное влияние на интерес к процессам миграции вообще и конкретно к жилью мигрантов со стороны антропологов, социологов, экономистов, культурных географов и других социальных ученых оказали нарастающая во второй половине XX в. глобализация и сопряженный с ней транснационализм. Американский культурный антрополог А. Аппадурай был в числе первых, кто заставил переосмыслить существующие подходы к общественным глобальным процессам. В 1986 г. в свет вышла его работа «Социальная жизнь вещей» [9], вдохновленная идеями постмодерниста Ж. Бодрийяра. Аппадурай придерживался позиции, что ценность товаров возникает из-за их обращения / циркуляции внутри не только семьи, города или страны, но и мира. Помимо этого, он ввел концепцию, согласно которой товары могут превращаться в носителей стоимости, когда они

перемещаются между различными «режимами стоимости», или социальными конъюнктурами, в которых объекты оцениваются в разных терминах (например, товар, реликвия, дар, священный объект).

Концепция, изложенная антропологом в «Социальной жизни вещей», в совокупности с тотальным отрицанием современного национального государства позволила Аппадурай приступить к написанию новой работы, посвященной вопросам глобализации [10]. Вслед за А. Бергсоном А. Аппадурай принимает пространственные и временные различия общественной жизни, отдавая предпочтение последним. Для обоснования своих взглядов антрополог использует понятия Ж. Делёза «детерриториализация» и «поток» [11]. Последний термин активно вводился Аппадурай относительно глобализации наряду с М. Кастельсом и У. Ханнерцем. Для Аппадурай наш мир – это «мир потоков», в котором реальность состоит не из вещей и мест, а из постоянного движения людей (мобильность / миграция), товаров, образов и идей – своеобразных потоков. Это, в свою очередь, означает, что якобы традиционная антропологическая концепция культуры и идентичности, основанная и определенная местами, раскрывается как колониальное навязывание пространственной логики национального государства. По мнению Аппадурай, сообщества и идентичности подвергаются детерриториализации – они производятся на транснациональной основе и не могут быть идентифицированы ни с одним конкретным местом или территорией.

Основным и самым радикальным изменением, которое в своей работе выдвинул Аппадурай, является теория трансформации современности. Эта теория говорит нам о том, что электронные посредники серьезно меняют все поле массмедиа и воздействуют на традиционные средства коммуникации. Такими посредниками пронизана вся человеческая повседневность. Помимо массмедиа важна и возрастающая роль различных человеческих мобильностей. При этом миграция становится совмещенной с потоком виртуальных образов и чувств, транслируемых массмедиа. «К примеру, когда турецкие гастарбайтеры смотрят турецкие фильмы, сидя в своих квартирах в Германии, или же когда корейцы, живущие в Филадельфии, смотрят олимпийские игры 1988 г. в Сеуле, движущиеся образы встречаются с детерриториализованными зрителями, образуя транснациональные публичные сферы» [12. С. 57]. Две важные составляющие теории Аппадурай – миграции и масс-медиа, таким образом, реорганизуют работу социального воображения. Мобильность в этом случае становится синхронной – разрушается национальная и территориальная привязка к региональным и локальным пространствам, а воображение становится пространством борьбы. Мигранты пытаются включить все «глобальное» в личный опыт происходящего здесь и сейчас.

Таким образом, Аппадурай создал благоприятное теоретическое поле, в которое с большим энтузиазмом вошли миграциологи. Впервые оформленная теория транснационализма была сформулирована в начале 1990-х гг. коллективом исследователей в лице Н. Глик-Шиллер, К. Бланк-Зантон и Л. Баш [13. С. 14]. В клас-

сических миграционных исследованиях сообщества рассматриваются только в неразрывной связи с «местом», т.е. они, по мнению исследователей, обязательно где-либо локализованы. Связь с «местом» осуществляется посредством особой локальной культуры [14. С. 133]. Транснациональную парадигму стали рассматривать как оптику, визуализирующую процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных большим географическим расстоянием. Границы размываются, что приводит к формированию новой социальной сферы, возникшей в союзе двух обществ. При этом действующим лицом трансграничной миграции становится «трансмигрант», поддерживающий многочисленные отношения в семейной, экономической, социальной, организационной, религиозной и политической сферах вне зависимости от материальности географических границ.

Качественная этнография и создание новых интерпретаций «мигрантского дома»

Новая концептуальная рамка в миграционных исследованиях проникла практически во все предметные области трансмиграции и стала применяться в том числе к анализу жилья трансмигрантов. Одной из ключевых фигур в данной области в настоящий момент является итальянский социолог П. Боккани. Ряд его работ посвящен транснациональному осмыслению дома трудовых мигрантов. П. Боккани на примере эквадорской миграции в Италию удалось показать, что мигрантский дом «здесь» существует лишь для дома «там». Дом мигранта состоит из опыта и смыслов, т.е. это непрерывный процесс пересборки дома посредством воображения [15].

Крайне привлекательной в рамках транснационализма выглядит концептуальная рамка «городского дома» (*urban home*). В своей статье, посвященной положению мужчин-мигрантов (если быть точнее, беженцев и образовательных мигрантов) в ирландском городе Крок, М. Фатхи использует «городской дом» в качестве демонстрации того, как и с помощью чего трансмигранты встраивают свое представление о доме в существующую вокруг них реальность. Особая роль в этом исследовании отводится «пространству заботы» (*space of care*), которое возникает в ходе межличностных интеракций между принимающим сообществом и приезжими. Именно это пространство, по мнению Фатхи, позволяет трансмигранту обрести чувство доверия, безопасности и, собственно, чувство дома, города-дома [16. Р. 11, 12].

Предметом исследований становятся дома не только уязвимой группы низкоквалифицированных трудовых мигрантов или беженцев, но также, к примеру, дома высококвалифицированных специалистов. Так, в своей статье о профессионалах из Австралии в Сингапуре культурный географ М. Бутчер поднимает проблему актуальности понятия гибкости по отношению к мигрантскому дому в рамках транснационализма. Ее работа демонстрирует, что иногда дом определен-

ными группами мобильных субъектов осмысливается в категориях физического пространства комфорта и культурного соответствия. Новое пространство начинает оцениваться с позиции «дом, не похожий на дом», что вызывает чувство дискомфорта и неуверенности [17. Р. 33].

Еще одной выделяющейся работой в парадигме трансмигрантского дома является статья П. Хонданью-Сотело, посвященная общественным садам Лос-Анджелеса как новым домам мигрантов из Латинской Америки. Пространство общественных садов становится гибридным домом для приезжих, одновременно домом прошлого и домом будущего, так как через них трансмигрант может воссоздать свою родину, а также стратегически переориентироваться на будущее. Сады являются местом «домашней сборки» мигрантов из Латинской Америки: здесь готовят пищу, воспитывают детей, лечат больных, проводят досуг [18. Р. 21, 24, 25].

Одна из основателей качественного мобильного исследовательского метода *go along* М. Кузенбах в исследованиях трансмигрантов из Латинской Америки в США придерживается своей мобильной «идеологии» и совершает попытку изучения передвижного дома, в котором проживают трансмигранты. По мнению М. Кузенбах, наличие личного домовладения для большинства европейцев и американцев (в их случае «дом» – это отдельно стоящий дом с передним двором и гаражом) во многом является маркером принадлежности к среднему классу, а также приобретением свободы, независимости и интимности. Потеря дома зачастую стигматизируется, а потерявшие испытывают стыд. М. Кузенбах утверждает, что латиноамериканцы смогли противостоять сложившемуся мейнстриму. Представители этой мигрантской группы в интервью исследователю отмечают, что крайне довольны своим положением в передвижных домах, так как находятся в близости со своими родственниками, наблюдают красоту окружающего мира и т.п. Почти каждый из участников исследования отмечал, что место его нынешнего проживания – нечто иное, чем «дом». Помимо этого, для кого-то передвижной дом обрел смысл убежища, поскольку здесь человека переставали окружать те проблемы, которые встречались в многоквартирном доме, для кого-то символический статус хозяина домовладения явился предметом рефлексии своей социальной мобильности [19. Р. 38].

Стоит отметить, что, хотя для российского научного пространства тема миграции не совсем нова, качественных полевых исследований в парадигме транснационального подхода к процессам человеческой мобильности в сопоставлении с западными исследованиями относительно немного. Особенно мало их в области жилья мигрантов. Одними из первых, кто неожиданно для самих себя (по заверению авторов) задался темой «дома» трансмигранта в России, были О. Бредникова и О. Ткач. «Речевые сбои» в разговорах с информантами заставили исследовательниц задаться вопросом: «дóма» (для мигранта) – это где? Основными участниками исследования были мигрантки, проживавшие на тот момент в Санкт-Петербурге. Коллеги

пришли к выводу, что дом мигранта в силу частой смены трудовых карьер нестабилен и не укоренен, этот дом лаконичен и аскетичен – минимально обустроен, так как, скорее всего, в ближайшее время потребуется новый переезд. Чуть ли не единственным фактором, способствующим обустройству жилья мигрантов, является наличие детей. Приватная жизнь в таком доме весьма проницаема и просматриваема. Главным критерием выбора того или иного пространства в качестве дома Бредникова и Ткач выделяют дешёвизну и близость к месту работы [20].

С.Н. Абашин обращается к дому мигранта как к тому, что находится не только в нарративах, но и в стране исхода. Однако «мигрантский дом» по большому счёту – это дом-обязательство: люди вкладываются в строительство дома на родине, постоянно говорят об этом, планируют вернуться для того, чтобы закрепиться в доме «там», но вновь и вновь возвращаются в «дом» здесь. Дом трансмигрантов из Узбекистана в таком случае, по мнению Абашина, не только и не столько демонстрирует привязанность к семье и родине, сколько является «важным средством перевода экономического капитала в социальный» [21. С. 154, 156].

Социолог А.Л. Рочева, взяв за основу теоретическую рамку в виде «жилищной карьеры» (*housing career*), которая демонстрирует связь смены жилищных условий и этапов жизненного цикла, вводит в миграционное исследовательское поле свое более узкое понятие «карьера квартиросъемщика». На основе анализа собранных интервью, исследователь приходит к выводу, что для московских мигрантов из Узбекистана и Кыр-

гызстана существует три основных позиции квартиросъемщика: рядовой жилец с арендой койко-места в общей квартире, арендатор комнаты, «хозяин» – ответственный квартиросъемщик, отвечающий за заселение / выселение и распределение обязанностей в квартире по отношению к другим мигрантам [22. С. 46].

В какой-то мере (после проведения и анализа качественных полевых исследований) можно заключить, что «мигрантский дом», во-первых, чаще дом временный, так как логика транснационализма говорит нам, что жизненные стратегии трансмигранта крайне мобильны: трудовой мигрант часто меняет места работы, обзаводится новыми социальными связями, не оставляет мысли о возвращении на родину. Во-вторых, «мигрантский дом» (если мы не говорим о мигрантах второго поколения и о женщинах-мигрантках) обычно в материально-символическом плане пуст – не имеет смысла обзаводиться чем-то ценным или габаритным, если в ближайшее время ты вновь совершишь мобильность. В-третьих, «мигрантский дом» «здесь» (в стране приема) часто существует для дома «там» (в стране исхода). Подвергается символическому осмыслению, ценностной оценке дом именно «там», в таком случае большинство трудовых стратегий, а вместе с ними миграций между домами «здесь» будет совершено для строительства дома «там». В-четвертых, транснациональное семейное взаимодействие тоже крайне часто ведется вокруг какого-либо обсуждения дома «там». В-пятых, «мигрантский дом» «там» есть отсроченное и воображаемое состояние покоя от тягот ныне проживаемой жизни.

Список источников

1. Малиновский Б. Избранное : динамика культуры. М. : РОССПЭН, 2004. 959 с.
2. Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23. С. 7–34.
3. Carsten J., Hugh-Jones S. About the House: Levi-Strauss and Beyond. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 300 p.
4. Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge : Polity Press, 1990. 333 p.
5. Леви-Стросс К. Путь масок. М. : Республика, 200. 399 с.
6. Douglas M. The Idea of a Home // Social Research. 1991. Vol. 58, № 1. P. 287–307.
7. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 584.
8. Gurney C. "...Half of Me was Satisfied": Making Sense of Home through Episodic Ethnographies // Women's Studies International Forum. 1997. Vol. 20, № 3. P. 373–386.
9. Appadurai A. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 348 p.
10. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
12. Фурс В. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 57–66.
13. Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслочность. М. : Новое литературное обозрение, 2020. С. 14–29.
14. Бредникова О., Кайзер М. Транснационализм и транслочность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб. : ЦНСИ, 2004. С. 133–146.
15. Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // Housing, Theory and Society. 2014. Vol. 31, № 3. P. 277–293.
16. Fathi M., Ni Laoire C. Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1965471>
17. Butcher M. From "Fish Out of Water" to "Fitting In": The Challenge of Re-placing Home in a Mobile World // Population, Place and Space. 2010. № 16. P. 23–36.
18. Hondagneu-Sotelo P. At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 13–28.
19. Kusenbach M. "Look at My House!" Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida // Journal of Housing and the Built Environment. 2017. № 32. P. 29–47.
20. Бредникова О., Ткач О. Дом для для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
21. Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab. Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
22. Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50.

References

1. Malinovskiy, B. (2004) *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Selected Works: The Dynamics of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
2. Litvintsev, D.B. (2020) The Category of Housing in the Classical Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* – Journal of Sociology and Social Anthropology. 23. pp. 7–34. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1
3. Carsten, J. & Hugh-Jones, S. (1995) *About the House: Levi-Strauss and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Bourdieu, P. (1990) *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity Press.
5. Levi-Strauss, C. (200) *Put' masok* [The Way of Masks]. Translated from French by A.B. Ostrovsky. Moscow: Respublika.
6. Douglas, M. (1991) The Idea of a Hom. *Social Research*. 58(1). pp. 287–307.
7. Descola, Ph. (2012) *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Gurney, C. (1997) "...Half of Me was Satisfied": Making Sense of Home through Episodic Ethnographies. *Women's Studies International Forum*. 20(3). pp. 373–386.
9. Appadurai, A. (1986) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
11. Deleuze, J. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
12. Furs, V. (2003) Ardzhun Appadurai. "Sovremennost'" na prostore: kul'turnye izmereniya globalizatsii [Arjun Appadurai. "Modernity" in the open: cultural dimensions of globalization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(4). pp. 57–66.
13. Kapustina, E. & Borisova, E. (2020) Obzor teoreticheskoy diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A review of the theoretical discussion about the concept of transnationalism]. In: Berdnikova, O. & Abashin, S. (eds) *"Zhit' v dvukh mirakh": pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'* ["Living in two worlds": rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 14–29.
14. Brednikova, O. & Kayzer, M. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (comments on terminology)]. In: *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the National State]. St. Petersburg: TsNSI. pp. 133–146.
15. Boccagni, P. (2014) What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration. *Housing, Theory and Society*. 31(3). pp. 277–293.
16. Fathi, M. & Ni Laoire, C. (2021) Urban Home: Young Male Migrants Constructing Home in the City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1965471>
17. Butcher, M. (2010) From "Fish Out of Water" to "Fitting In": The Challenge of Re-placing Home in a Mobile World. *Population, Place and Space*. 16. pp. 23–36.
18. Hondagneu-Sotelo, P. (2017) At Home in Inner-city Immigrant Community Gardens. *Journal of Housing and the Built Environment*. 32. pp. 13–28.
19. Kusenbach, M. (2017) "Look at My House!" Home and Mobile Home Ownership among Latino/a Immigrants in Florida. *Journal of Housing and the Built Environment*. 32. pp. 29–47.
20. Brednikova, O. & Tkach, O. (2010) Dom dlya nomady [A house for a nomad]. *Laboratorium*. 3. pp. 72–95.
21. Abashin, S.N. (2015) Vozvrashchenie domoy: semeynnye i migratsionnye stsennariy v Uzbekistane [Returning home: family and migration scenarios in Uzbekistan]. *Ab Imperio*. 3. pp. 125–165.
22. Rocheva, A.L. (2015) Issledovanie pozitsiy "kar'ery kvartirov"emshchika i modeley prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Study of "a tenant's career" positions and the models of residence of Kyrgyzstan and Uzbekistan migrants in Moscow]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 21(2). pp. 31–50.

Сведения об авторе:

Садырин Антон Алексеевич – аспирант, ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Information about the author:

Sadyrin Anton A. – Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 30.09.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 9.93/94

doi: 10.17223/19988613/76/19

Трансформация восприятия народов Сибири в историческом контексте русской колонизации XVII – начала XX в.

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, sherstova58@mail.ru

Аннотация. На основе анализа различных видов источников выявляются факторы, определявшие восприятие русскими аборигенных народов Сибири на протяжении XVII – начала XX в. Показано, как под влиянием развития российской государственности, формирования русской идентичности, распространения эволюционных идей трансформировался образ народов Сибири, складывались этнические стереотипы.

Ключевые слова: аборигенная политика в Сибири, сибирские этносы, ясачные, инородцы, славянофильство, модернизационные процессы

Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Для цитирования: Шерстова Л.И. Трансформация восприятия народов Сибири в историческом контексте русской колонизации XVII – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 157–165. doi: 10.17223/19988613/76/19

Original article

Transformation of the Siberian peoples perception in historical context of Russian colonization from XVII Century to the beginning of XX century

Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Россия, sherstova58@mail.ru

Abstract. During the process of Siberia colonization, the aboriginal peoples were being included into socioeconomic structure of the State and were developing into a special Russian tax paying estate, which special feature was the obligation to pay *yasak* – tax in furs. In Siberia the estate membership was the same with ethnic affiliation, not to a separate ethnos, but to all the aboriginal population. In XVII – XVIII centuries the most commonly used term to refer to the aborigines was “people”, “yasak [paying] people” or simply “yasachnye [literally, those who pay yasak]”. This affirmation could not become a basis for any kind of derogative or lordly attitude, thus eliminating any forms of xenophobia. It was the sequence of ambiguity in dichotomy “we-they” in minds of Russian people and authorities. The term “inorodets” [the one who was born somewhere else], or non-Slav was included into judicial practice after the implementation of “Non-Slav governing Statute” (1822). This term manifested non-Slav affiliation of the Siberian peoples, rather than non-Russian, and signalized the implementation of ethnic division in the Russian state judicial practice. But the definition “inorodets” or non-Slav was blurred and meant primarily belonging to the estate. Therefore, some groups of Russian settlers in Siberia were considered as “non-Slavs”. Such interest to the ethnic composition of the Empire was not only determined by the European ideas of nation state as a stage of nation development, or by developing freedom movements in German and Slavic-speaking peoples of Europe, but also by the development of Russian national identity which developed later into Slavophilism. The consequence of Evolutionism ideas proliferation among the educated Russian nobility was the identification of Siberian peoples with the early stages of mankind development. The archaic nature of the way of living of Siberian peoples led to the understanding of their lifestyle as that of at the early stages of development. By the second half of XIX – beginning of XX century the composition of Russian settlers had changed: they did not have any inter-ethnic contacts experience, the culture and lifestyle of Siberian peoples provoke misunderstanding among Russians, and agricultural tensions resulted in conflicts. Eurasian image and Russian mentality features had been gradually blurring, and thus the perception of aboriginal peoples changed from neutral “the peoples” through ambivalent “inorodets” to the image of savages which led to attitude of dislike, lordliness and even disparaging to them.

Keywords: aboriginal policy in Siberia, Siberian ethnos, fur tribute, non-Slavs, Slavophilism, modernization processes

Acknowledgments: The article is made according to State Assignment by Altai State University “Turkic-Mongolian World of the Big Altai: Unity and Diversity in the Past and Present” (Project No. 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

For citation: Sherstova L.I. (2022) Transformation of the Siberian peoples perception in historical context of Russian colonization from XVII Century to the beginning of XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 157–165. doi: 10.17223/19988613/76/19

Проблемы современной национальной политики любого государства невозможно рассматривать вне исторического контекста и понимания наличия различных тенденций в ее осуществлении, их наложения, взаимопроникновения, вследствие чего она как приобретала противоречивый характер, так и содержала в себе синкретичные формы. Изучение направленности и содержания аборигенной политики в Сибири, ее результативности и последствий ее осуществления возможно с учетом тех трансформаций, которые были присущи российскому государству, переживавшему на протяжении XVII – начала XX в. процесс формирования собственной идентичности, связанный с постепенным угасанием Московской государственности, испытывавшей ордынское влияние, и нарастанием европейских элементов в политической, социальной, культурной жизни, приведших к утверждению Российской империи как вполне европейской страны. В этой связи актуализируется проблема восприятия русской властью и европейскими переселенцами аборигенных народов Сибири, так как это обстоятельство существенно влияло на систему сибирского управления и межкультурные коммуникации.

Следует заметить, что каких-то продуманных и идеологически обоснованных действий по отношению к зауральскому населению в ранний период русской колонизации ни у власти, ни у промышленников, осваивавших новые территории, не было. Установка, зафиксированная в «Повести временных лет», о том, что за Уралом «людые есть», ведущие свое происхождение, как и население Древней Руси, от Иафета, сына Ноя [1. С. 10–22], не могла стать основой для пренебрежительного, высокомерного отношения, исключала какие-либо проявления ксенофобии. Отсюда минимальные сведения об особенностях образа жизни и культуре сибирских народов в ранних русских документах, так как граница «свой–чужой» была заметно размыта.

Население древней и средневековой Руси, освоившее лесную, лесостепную и лесотундровую зоны, существенно трансформировало свой образ жизни и основные занятия: переселившиеся к Белому морю, оставив земледелие, занялись зверобойным промыслом и рыболовством. К тому же для новгородцев, а позже и москвичей, издавна контактировавших с неславянским населением Восточно-Европейской равнины, встреча с зауральскими народами, также говорившими на языках уральской и алтайской языковых семей, занимавшихся охотой, рыболовством, скотоводством, не сопровождалась культурным шоком. Уральские горы, вплоть до начала XVIII в. не воспринимавшиеся как граница между Европой и Азией, были просто «Кам-

нем», за которым шли такие же привычные леса и степи и существовали разнообразные культуры.

Уже эти обстоятельства предопределили существенные отличия колонизации Сибири русскими от аналогичных процессов, связанных с освоением Нового Света европейцами, для которых встреча с местными народами стала серьезной ментальной проблемой, когда под сомнение ставилось само наличие у них души, а чтобы признать их равными себе, потребовалось не одно столетие. Океаны, отделявшие Европу от новых земель, выступали зримой границей между ними. Важно также заметить, что, хотя Россия формировалась как централизованное государство, ставшее империей, она изначально была полиэтничной, и само ее существование во многом зависело от социальных, политических и культурных компромиссов как между властью и населением, так и между народами, ее населявшими.

Европейские государства выходили из Средневековья не только как централизованные, но и как моноэтнические и, более того, – национальные государства, т.е. у них культурные, этнические границы совпадали с политическими. Это, конечно, не исключало проживания в них этнических меньшинств, но последние подвергались существенной аккультурации. Выражением процессов формирования государств-наций стал лозунг Великой французской революции: «Один народ, один язык, одно государство». Христианская исключительность европейцев по отношению к народам иных религиозных воззрений по мере секуляризации религии уступала место культурному превосходству, опиравшемуся на идеи эволюционизма, приобретавшему черты европоцентризма и национального превосходства. Не имея опыта повседневных мирных контактов с носителями иных культурных традиций, пронизанные ощущением собственного цивилизационного превосходства, европейские колонисты в основной своей массе несли в Новый Свет дух нетерпимости и ксенофобии. Формирующаяся американская нация для утверждения собственной идентичности, отличной от европейской, тем не менее использовала теорию цивилизационного превосходства и по отношению к аборигенному населению, проводя четкую границу – фронт – между цивилизацией и дикостью, обосновав политику жесткого вмешательства в образ жизни индейских этносов. Поэтому попытки не просто сравнивать, а отождествлять движение русских за Урал и европейскую колонизацию Нового Света или Австралии, их отношение к аборигенному населению не просто бессмысленны, но и методологически необоснованны – перед нами две модели межкультурных коммуникаций, следствие разных цивилизационных линий развития [2. С. 217–219].

Для того чтобы понять, как вырабатывались принципы взаимодействия власти с народами Сибири, как складывались межэтнические и межкультурные отношения, важен контекст как собственно российской, так и аборигенной истории, что позволит установить некие константы, схожие в культуре как пришлого, так и местного населения. Такой подход актуализирует проблему ордынского наследия в московской государственности и дает ответ на вопрос о причинах столь стремительного продвижения к Тихому океану. Понимание того, что на формирующийся менталитет русских, на складывание их государственности серьезное влияние оказал монгольский период их истории, позволяет обозначить черты их евразийского облика, который формировался вследствие усвоения ими ордынского опыта, истоками которого была государственность кочевых империй степей Евразии [2. С. 220–222].

Вместе с тем важно и то, что в Сибири русские столкнулись с тюркоязычными и монголоязычными аборигенными народами, предки которых и образовывали эти империи. И хотя вследствие исторических причин средневековые традиции ранней государственности у них деградировали и были размыты, тем не менее существование Сибирского ханства, княжеств енисейских киргизов, активность якутских тоев и бурятских тайшей, в сферу влияния которых было вовлечено фактически все аборигенное сибирское население, за исключением самого северо-востока, создавало уникальную историческую коллизию – встречу на сибирской территории двух имевших общие черты культурно-цивилизационных общностей – русских и аборигенов.

К этому следует добавить, что сибирские народы с самого начала присоединения Сибири и в ходе последнего тут же включились в социально-экономическую структуру государства через объясачивание и двигались по пути оформления особого российского податного сословия, во многом сходного с прочими, но и с явными отличиями, обусловленными особым характером налогообложения в виде выплаты ясака – дани пушниной. В Сибири складывалась ситуация, при которой сословная принадлежность совпадала с этнической, но не конкретного сибирского народа, а всего ее аборигенного населения. Однако такое совпадение не было универсальным – в XVII и даже в конце XVIII в. некоторые группы русских поселенцев также именовались «ясачными», а позже – «инородцами».

В этой связи показательна ситуация, связанная с сословным определением русских беглецов в Алтайских горах – «каменщиков», которые на выдвинутых ими властям условиях вновь были приняты в российской подданство. В 1792 г. «каменщики» в качестве «ясашных» официально заняли свое место в сословной структуре империи. После образования в 1804 г. Томской губернии Бухтарминская ясачная волость была причислена к Бийскому округу. Согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822), «ясашные», бывшие «каменщики», официально стали именоваться по названию сословия – «инородцами», а Бухтарминская ясачная волость была переименована в Бухтарминскую инородную управу и в 1824 г. насчитывала

275 ревизских душ [3. Л. 62]. Решением Второй ясачной комиссии (1830-е гг.) сословный статус и название органа управления были сохранены. Русские по происхождению бухтарминцы официально считались «инородцами», так как сохранялся вид тягла сибирских аборигенов – ясак. Несмотря на законодательно запрещенную возможность включения в свой состав новых беглецов, в 1849 г. Бухтарминская инородная управа насчитывала уже 411 ревизских душ [4. Л. 1167], а к концу XIX в. – 872 ревизских душ, расселенных в основном в бассейне Бухтармы, в деревнях Сенной, Быковой, Малонарымской, Верх-Бухтарминской, Язвой, Фыкальской и т.д. И только в 1876 г. было восстановлено соответствие сословного состояния этой группы и их этнической принадлежности, когда Бухтарминская инородная управа была преобразована в Верх-Бухтарминскую крестьянскую волость, а «инородцы» Бухтармы официально стали именоваться «крестьянами» и на них были распространены обязанности и виды податей, определенные для русских крестьян Сибири. Этот факт наглядно показывает, что как власть, так и сибирское население в большей степени волновал сословный статус, нежели этническая принадлежность, что является показателем слабо выраженной этнокультурной оппозиции «свой–чужой», размытости русской идентичности как в ранний период русской колонизации, так и в более позднее время.

Взаимоотношения власти и аборигенного социума Сибири развивались в направлении унификации последнего с крестьянской общиной. Это особенно отчетливо проявилось после земской реформы XVIII в., когда на земские уездные суды и земских исправников были возложены административно-контрольные функции по отношению к аборигенам, а процедура выбора должностных лиц в ясачных волостях мало чем отличалась от аналогичных в крестьянских.

Но наиболее важным как для аборигенного общества, так и для государственных органов управления было принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», подготовленного М. Сперанским и Г. Батеньковым. В этом документе излагались основные права и обязанности сибирских народов [5]. В Уставе впервые в качестве официального термина для наименования сибирских аборигенов вводится слово «инородцы». Позднее, в «Своде законов Российской империи», было дано определение этому понятию: «Под именем инородных разумеются все племена нероссийского происхождения, в Сибири обитающие» [6. С. 358].

Появление такой трактовки знаменательно. В XVII–XVIII вв. для обозначения сибирских аборигенов чаще всего употреблялись слова «ясачные люди», либо просто «ясачные», в начале XVIII в. к ним добавились «иноземцы», «иноверцы». Все три термина (особенно первый и наиболее устойчивый) никак не выделяли сибирское коренное население в этническом плане среди прочих народов государства, а отражали либо его податный статус, либо неправославное вероисповедание, либо, наконец, место обитания за пределами Европейской России [1. С. 102–103]. Термин «инородец» обозначил внимание законодателя на национальной – не русской, а инородной – принадлежности

человека и знаменовал собой внесение этнического разделения в юридическую практику Российского государства.

Это было обусловлено не только влиянием европейских идей о национальных государствах как этапе развития государственности или разворачивающимися национальными движениями среди немецкоговорящего и славянского населения Европы, но и внешним проявлением нарождавшегося русского национального самосознания. Последнее наиболее явственно было представлено в славянофильстве и несло в себе положительный эндогенный заряд. Славянофильство отражало поступательный ход консолидационных процессов внутри русского этноса со всей характерной для такого этнического состояния акцентировкой внимания «на народной самости». Однако этническая консолидация русских шла вяло. В их сознании по-прежнему сохранялись некоторые ментальные установки, уходящие в «ордынское наследство» ранней Московской государственности и связанные с постоянным расширением территории и контактов с иноэтничным населением, которые проявились в славянофильстве. Если для классических западных национальных идеологий характерны «замкнутость на себе», стремление противопоставить себя другим народам и сохранить свою «чистоту», то, например, А.С. Хомяков призывал к слиянию нерусских народов с русскими [7. С. 102].

Этот тезис славянофильства определялся всем опытом развития русского этноса и государства и подчеркивал в том числе стремление власти в XVII в. увеличивать численность подданных Москвы в Сибири, отражавшееся в постоянном напоминании воеводам «полнить волости», что соответствовало ордынской (центральноазиатской) политике увеличения улусов путем включения в них различных групп населения – как завоеванных, так и вошедших добровольно.

Русские славянофилы, утверждая идею «слияния», невольно препятствовали завершенности этноконсолидационных процессов самих русских. Такие постулаты, помимо воли их авторов, были направлены на постоянное размывание этнокультурной специфики русских и способствовали сохранению ими аморфной этнической идентичности и в XIX в.

Тем не менее как в российской общественной мысли, так и в Уставе нашло отражение усиление самосознания русских и осмысления ими своего этнокультурного отличия от других народов империи, но оно не могло принять резкую форму неприятия других народов России. Однако оно было симптомом этнического развития самого крупного народа империи и его подсознательного желания как-то отмежеваться в этническом же плане от всех прочих ее обитателей.

Европейское влияние в форме просветительской идеи о прогрессивном, поэтапном развитии человеческого общества в большей мере выразилось в принципе разделения сибирских народов на три разряда, состоящих со степенью их «цивилизованности» или, наоборот, «примитивности». В Уставе этот критерий обозначен так: «Все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различной степени гражданского их образования и по

настоящему образу жизни разделены на три главных разряда. В первый включаются оседлые, т.е. живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места, по временам года переменяемые; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» [5. С. 394].

Существенно, что показателем степени развитости является близость этнической (этносоциальной, территориальной, податной) группы к русскому крестьянскому образу жизни. Поэтому «оседлые инородцы сравниваются с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской». В соответствии с Уставом было произведено распределение конкретных этносов по разрядам. К разряду оседлых были отнесены: «торговые, как-то: подданные бухарцы и ташкентцы и гости из сих народов», «земледельцы, а именно: татары, бухтарминцы, некоторые ясачные Бийского и Кузнецкого края»; «малочисленные роды, обитающие смешанно с россиянами»; «инородцы, издавна на работах у поселян живущие». Ко второму разряду были причислены: «кочующие земледельцы»; «буряты хоринские, селенгинские, аларские; некоторые кацинцы и часть других ясачных Бийского и Кузнецкого ведомств»; «южные скотоводы и промышленники: сагайцы, бийские и кузнецкие ясачные, буряты тункинские, ольхонские буряты и тунгусы нижнеудинские и т.д.»; «северные скотоводы и промышленники: якуты, остяки нарымские, березовские и обские, вогуличи пельмские, тунгусы енисейские». Наконец, к третьему разряду: «самоеды обдорские, инородцы туруханские, карагасы, низовые инородцы Якутской области: коряки, юкагиры, ламуты и т.д.» [Там же].

Таким образом, важным проявлением нового эволюционного мировоззрения стало отождествление аборигенных групп с разными этапами развития человечества. Постепенно на некоторых из них, имевших в прошлом собственные потестарно-государственные структуры или входивших в состав государственных образований Центральной Азии, переносились черты «дикости», а сами они отождествлялись с первобытностью. Поначалу такой взгляд на ясачных в Сибири нашел отражение в трудах участников академических экспедиций XVIII в., которые заострили внимание на том, что отличало сибирские этносы от европейских. Затем эти суждения проникли в образованные слои российского общества и, наконец, распространились в низах, в которых слово «дикарь», перестав быть научным термином, приобрело оценочное содержание.

Между тем современники могли усмотреть для этого внешние основания, так как за 200 лет нахождения в структуре российского государства аборигенное общество заметно изменилось: по сравнению с началом XVII в. оно во многом деградировало. Выразительной чертой дорусской экономики сибирских народов являлся ее комплексный характер. Система комплексного, неспециализированного экологически сбалансированного хозяйства предполагала оптимальное использование всех без исключения природных ресурсов и особенностей этнической территории, с одной стороны, с другой – бережное отношение к окружающему ландшафту, его растительному и животному миру.

Такой подход закреплялся в менталитете и внешне проявлялся в различных промысловых запретах, регулировании занятий земледелием, в обрядах, связанных со скотоводством и т.д. Ткачество, плетение, выделка шкур, деревообработка, гончарное дело были известны многим сибирским народам.

Наибольшей неожиданностью для служилых людей XVII в. оказалось встретить у некоторых народов Сибири развитые горное дело и металлургию. Неслучайно две совершенно разные этнические общности, разделенные сотнями верст, в русских документах получили одинаковые названия: кузнецкие люди, кузнецы, а территория их обитания была известна как «Кузнецкая земля». На севере это кетоязычные этносы, на земле которых возник Енисейск, на юге – тюркоязычные обитатели бассейна Верхней Томи, Горной Шории и Северного Алтая. В документе 1622 г. о последних говорится: «А около Кузнецкого острога на Кондоме и Брасе (Мрассу) реке стоят горы каменные, великие, а в тех горах емлют кузнецкие люди камни, да то камения разжигают на дровах и разбивают молотками, просеив, сыплот понемногу в горн, и в том сливается железо, а в том железе делание панцирей, бехтерцы, шелома, копы, рогатины и сабли и всякое железо, опричь пещали... а кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело» [8. С. 191].

Укрепление русских в Сибири было напрямую связано с их обороноспособностью, чем объяснялась постоянная потребность в железе. В сибирских документах XVII в. часто встречаются указания на просьбы местных воевод о поставках железа либо свидетельства о его отправке в сибирские города и остроги [9. С. 254–255]. Ситуация усугублялась также и нехваткой кузнецов в русских селениях. В отписке за 1639 г. Яков Тухачевский сообщал, что из Тары в Томск для похода против енисейских киргизов прибыли служилые, «но копий у них нет, и железо в Сибири дорого... всего в Томском городе два кузнечиска» [10. С. 91]. И гораздо позже, в 1761 г., население дер. Убинской просило о переводе к ним из дер. Талицкой крестьян Липуновых, знавших кузнечное дело, так как в Убинской и округе не было ни одного кузнеца [11. С. 102–103].

Развитая металлургия некоторых аборигенов Сибири могла бы оказаться существенной поддержкой для первых русских городов и острогов. Поначалу воеводы разрешали кузнецким людям вносить часть ясака железом. Однако в 1626 г. из Москвы поступило указание о запрете брать железо. Это было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, будучи двоюродными, кузнецкие люди выплачивали алман енисейским киргизам и джунгарам железными изделиями, благодаря чему вооружение и доспехи последних не уступали русским [9. С. 92]. В жестком противостоянии их и русских в борьбе за кыштымов сохранение местного кузнечного дела для последних означало усиление обороноспособности их врагов. А во-вторых, и это главное, даже в условиях недостаточной поставки железа из европейской части и отсутствия нужного количества крестьян-кузнецов местные и центральные власти держались за исключительно «пушной» состав

ясака. В результате московская ясачная политика с ее гипертрофированной пушной направленностью вступила в серьезное противоречие с основными видами деятельности комплексного хозяйства коренных народов Северного Алтая, Кузнецкой котловины и части Шории. Среди последних на протяжении всего XVII в. были обычными протестные акции в связи с выплатами ясака, вплоть до бегства к киргизам или джунгарам. С другой стороны, эта политика выразилась в претензиях воевод к кузнецким ясачным, основной мотив которых был однообразен: мало того что те «дают ясак не полный», так еще и «худой», «недобрый» [Там же. С. 421–433], т.е. состоящий из низкосортной пушнины.

Суть же конфликта крылась в том, что в комплексном хозяйстве кузнецких людей горная добыча и металлургия занимали важное место и были органично встроены в общий жизненный ритм. Промысел пушного зверя, как и везде в Сибири дорусского периода, имел подсобный характер. Непосредственно в комплексе жизнеобеспечения ценные шкурки были мало значимы, занимая свое место лишь в торгово-обменных и отчасти в даннических отношениях. Русские же власти фактически не были заинтересованы в существовании горнодобывающего дела, равно как и охоты для пропитания, развитии аборигенного земледелия и различных подсобных промыслов. Им нужна была пушнина. По всей Сибири они целенаправленно изменяли жизненный уклад аборигенов в своих и государственных интересах, формируя из него специализированный, бесперебойно действующий «механизм» по добыче «мягкой рухляди» и сдаче натуральной подати. Следствием этого становилось не только взаимное недовольство русских и аборигенов, но и заметная деградация, например, металлургии, ее упадок до уровня домашнего ремесла не только у народов Северного Алтая, Кузнецкой котловины, но и у нарымских селькупов, прибайкальских бурят, енисейских кетов.

Так, если в XVII в. русские служилые люди постоянно жаловались на плохое качество и скудость пушнины у кузнецких людей, но отмечали их отличные железные изделия, то уже спустя сто лет И. Георги пишет совсем иное: «Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении металла и земледелии. Звериная ловля есть главное их дело» [12. С. 163]. Еще через сто лет В.И. Вербицкий свидетельствует: «Их образ жизни полностью связан со зверопромышленностью, сбором кедрового ореха и земледелием, находящимся в первобытном состоянии... Кроме искусства бегать на лыжах в шорцах в высочайшей степени развит разумный инстинкт на звероловство» [13. С. 32–33]. В 1920-е гг. томский врач А.Н. Аравийский отмечал: «Пушной промысел – основное в жизни их, обуславливающий экономическое состояние семьи, быт и т.д.» [14. С. 124].

Таким образом, к началу XX в. в хозяйственной жизни сибирских народов произошел полный переворот. Разрушилось и переориентировалось традиционное хозяйство, что повлекло изменение всего образа жизни. За ненадобностью из повседневной жизни, менталитета, привычек постепенно исчезали многие этнокультурные традиции, связанные с неохотничьим

ми отраслями, поскольку прекращалась их естественная повторяемость, а значит, и передача навыков следующим поколениям. Из-за гипертрофированного значения обязательного пушного промысла весь образ жизни коренных народов Сибири обрел единообразную «охотничью» окраску. «Ясачная» охота не оставляла ни места для прочих компонентов прежней системы хозяйства, ни времени для занятия иными видами деятельности. В результате традиционная экономика деградировала, а ее продукты все более замещались русскими товарами. Сдав ясак и выменяв часть пушнины на русские хлеб, ткани, орудия и т.д., аборигены только так и могли обеспечивать себе относительно нормальное существование. Все производственные навыки, кроме охотничье-рыболовных и собирательских, забывались, а жизнь ясачных все более делалась зависимой от сибирской администрации, оптовых торговцев, перекупщиков. При сугубо специализированном пушном хозяйстве любая случайность – неудачный промысел, лесной пожар и т.д. – была чревата большой бедой, и прежде всего голодом, так как собственная деградированная экономика не могла заполнить лакуну необходимых предметов, а отсутствие пушнины снижало покупательные возможности. Неслучайно сюжет «частого и всеобщего голода» занимает столь заметное место в фольклоре всех коренных этносов Сибири.

Необратимые изменения всей хозяйственной жизни проходили постепенно и поэтому были малозамечены. Незаметным разрушительным фактором, постоянно действовавшим на протяжении столетий, оказалась привычная выплата ясака, которая разъедала традиционную систему жизнеобеспечения, но не воспринималась как что-то опасное и поэтому даже не отложились в ментальности. Однако хозяйственные изменения повлекли за собой и другие социальные трансформации.

В условиях разрушенной собственной экономики сибирские народы начинали воспроизводить низовые архаичные формы организации социума, которые имели шанс выжить в российской социально-политической системе и существование которых ею в собственных фискальных интересах поощрялось. Коллективная форма выплаты ясака повлекла за собой и укрепление коллективной формы собственности на промысловые угодья, а ею могла стать только всплывшая архаичная родовая собственность. Так, в конце XIX в. А.В. Адрианов писал о шорцах: «Каждый род занимает какой-либо район... у каждого рода – своя тайга» [15. С. 225].

Важно уяснить, с какими видами деятельности связывался институт родовой собственности на землю. Из материалов конца XVIII – конца XIX в. видно, что сначала это были угодья, пригодные для охоты на пушного, реже мясного зверя и кое-где рыбные плесы. С возрастанием во второй половине XIX в. роли торговли кедровым орехом, кедровых откупов и сооружением русскими маслобоен собственность рода стала распространяться и на кедрачи. «Собственность на кедровники также имела родовой характер, – писал Л.П. Потапов. – Каждый сеок (род у южно-сибирских тюрков) имел свое место для сбора орехов... родовые кедровники также охранялись от чужеродцев» [16. С. 135].

Таким образом, два вида хозяйственных занятий – охота и сбор кедрового ореха – входили в сферу родовых отношений, а угодья являлись родовой собственностью. Разные по времени возникновения и минимальному значению в личном хозяйстве, но прямо определяемые внешними факторами – ясаком и торговлей, они функционировали в коллективно-родовых формах и базировались на собственности рода. И если наличие родовой собственности на охотничьи угодья можно объяснить сохранившимися в аборигенном обществе реликтами архаичного общественного устройства, то родовая собственность на кедровники никаких древних предпосылок не имела, так как массовый кедровый промысел и переработка ореха развились не ранее второй половины XIX в. и были прямо связаны с вовлечением народов Сибири в торговые общероссийские отношения, а также с увеличением значимости денежного содержания ясака.

Родовая собственность на охотничьи угодья – явление достаточно позднее, укрепившееся и получившее новый импульс под влиянием основополагающей роли пушной охоты, спровоцированной фискальной политикой государства. В XIX в. то же произошло и с кедровыми массивами, но здесь причина крылась не только в государственных потребностях, но и в общем развитии товарного производства в Сибири. При этом важно отметить, что у сибирских народов существовали и другие формы собственности, но государственная политика на фоне разворачивания товарно-денежных отношений в XIX – начале XX в. провоцировала возрождение в аборигенной среде наиболее архаичных видов хозяйственной деятельности: охоты и собирательства.

В результате происходило и оживление соответствующих им социальных отношений и институтов, одним из которых был род. Аборигенное общество накрывала волна «вторичной первобытности». Неудивительно поэтому, что в XIX в. под влиянием европейского мировоззрения разные сибирские этносы стали отождествляться с ранними этапами развития человечества. В самом «Уставе об управлении инородцев» это нашло отражение не только в выделении трех разрядов (трех ступеней – «дикость», «варварство», «цивилизация» в классических построениях А. Фергюссона и Вольтера), но и в отношении к ним конкретных сибирских народов. В целом же аборигенное население Сибири стало восприниматься образованными слоями как пережиток первобытности.

С вступлением в силу Устава его терминология постепенно входила в практику земских и губернских администраций, укрепляясь в сознании чиновников, служилых сословий и самих инородцев. Спустя несколько десятков лет термин «род», широко использованный в Уставе для характеристики их социальных отношений, перестал восприниматься только как юридическое понятие, искусственно созданное под влиянием определенных общественно-политических идей. К нему стали относиться как к реально существующему социальному институту аборигенного социума, как к свидетельству его «первобытности». При этом совместились два важных явления: объективно шедшая

общая архаизация аборигенных народов и субъективное их восприятие, обусловленное широкой европеизацией, ростом научных знаний, в которых термин «род» – едва ли не главный признак первобытных отношений. С тех пор на сибирские народы, многие из которых имели опыт дорусской государственности, стали переносить черты «эпохи родового строя», а их самих соотносить с первобытностью.

Однако по-прежнему сохранялось евразийское наследие, которое из принципа «полнить волости» трансформировалось в политику увеличения численности русского населения Сибири путем включения в его состав обрусевших инородцев. Между инородцами и другими сословиями не существовало непреодолимых барьеров: в §13 Устава сказано, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». В §57 отмечается, что «позволяется кочующим, если некоторые из них водворяются оседло, по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободой от рекрутства» [5. С. 398].

В этих статьях Устава явственно выступает традиционная двойственность в отношении сибирских аборигенов. Понятие «инородец» (этническое определение) и прежний его аналог «ясачный» (податное состояние) сливаются и, как прежде, обозначают сословную принадлежность народов Сибири. Сословная принадлежность (хотя в ней обозначен этнический маркер) подменяет собой этническую. Возможность перехода из сословия инородцев, например, в сословие мещан так же естественна, как, например, из государственных крестьян в купцы. Таким образом, Устав сохранил прежние условия для перманентного этнического подпитывания русских Сибири: переход «инородцев» в «русские» сословия медленно, но верно должен был сопровождаться изменениями образа жизни, а значит, и всего этнокультурного комплекса, даже если не сопровождался ассимиляцией.

Сибирские аборигены достаточно часто пользовались этим правом. Так, Указом Иркутского губернского правления в 1824 г. в городские общества в Иркутском уезде было перечислено, согласно их желанию, 14 бурят, в Верхнеудинском – 38, в Нерчинском – 16, а всего 68 мужчин. Этот процесс протекал в течение всего XIX в. В 1828 г. были перечислены в иркутские мещане крещенные кудинские буряты (6 человек), жившие в городе и ранее. В 1835 г. пятеро селенгинских бурят были приняты в мещане г. Кяхты и т.д. К 1857 г. число бурят, живших в местном градском обществе, достигло 88 человек [17. С. 150].

Во второй половине XX в. продолжался рост численности переселенцев из Европейской России, увеличивалось число смешанных поселков. С преобладанием денежных выплат все больше сибирских аборигенов становилось в русских деревнях, где они нанимались на разные работы. В результате тесных контактов усиливались аккультурационные процессы, и часть аборигенного населения постепенно переходила на русский язык и русскую культуру, а некоторые меняли и

сословную принадлежность. Так, в Кизильской степной думе (Енисейская губерния) с 1837 по 1850-е гг. в крестьяне Ужурской и Балахтинской волостей Ачинского округа перешло 86 аборигенных семей. С 1833 по 1860 г. крестьянское сословие только одной Ужурской волости пополнилось 113 домохозяевами-инородцами [18. С. 187–189].

Важно отметить что во второй половине XIX – начале XX в. меняется территория расселения новых переселенцев: если в XVII в. и несколько позднее основным полем столкновения интересов русских и аборигенов являлась таежная зона, то теперь оно окончательно переместилось в сибирские степи и лесостепи. Меняется и их этнический состав – из изучения районов их выхода следует, что выходцы из Приуралья и Европейского Севера, в XVII в. составлявшие основную долю всех мигрантов, в начале XX столетия превратились в малозаметный «ручеек»: соответственно 5,6 и 0,5%. Теперь резко преобладают уроженцы Малороссии (24,2%), Черноземья (24%), Новороссии (17,4%) и западных губерний (15,8%) [19. С. 47].

С этнокультурной точки зрения это был новый для Сибири тип, ибо развитие и формирование русских в европейской России определялись несколько иными внутренними и внешними факторами и этническими процессами, нежели в Сибири. В отличие от мигрантов XVII и даже XVIII в., переселенцы начала XX в. испытывали подсознательный страх перед «необъятной неведомой страной», труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду и приспосабливались к ней. Они не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтничным населением, а потому чаще всего относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них «непонятных конкурентов». Новая переселенческая волна не обладала сколько-нибудь заметным следом «евразийского ментального наследия», которое отличало первых русских в Сибири, способствуя скорому установлению прагматичных межэтнических отношений, не оставляя места страху или, напротив, высокомерию в восприятии аборигенов.

В то же время новопоселенцы имели более оформленное этническое самосознание, особенно малороссы с их стремлением к известной внутренней замкнутости и устойчивым этнокультурным стереотипом, что не могло не сказаться как на восприятии аборигенов Сибири, так и на отношении к ним, усиливая этнокультурную оппозицию «свой–чужой». В этой связи, например, новокрещенные инородцы алтайских дючин, жившие в миссионерском селении Онгудай Бийского уезда Томской губернии, так описывали динамику своих взаимоотношений с русскими в общественном приговоре от 28 марта 1899 г.: «...Уже лет 20 назад мы организовали из себя в Онгуде селение с сельскими управами... Тогда жили среди нас 3 двора крестьян Алтайской волости, жили в мире и согласии, не было притеснений и не было различия, как ныне “русский–ясачный”. Впоследствии... понаехали крестьяне-новоселы... из разных мест», и теперь хотят сами организовать в Онгуде сельское общество. Но от этого «враждебность примет широкие размеры: утеснения и захват наших земель усилятся» [20. Л. 8 об.–9].

На возрастание социальной и национальной нетерпимости на юге Енисейской губернии в начале XX в. указывали члены Енисейской духовной миссии [21. С. 13]. В конце XIX в. конокрадство, распространенное в Абаканской степи, спровоцировало массовые погромы инородцев переселенцами.

Впечатляющая картина изменившихся отношений между русскими (прежде всего, переселенцами) и аборигенами развернута в Отчете Алтайской духовной миссии за 1912 г. «Здесь русский смотрит на алтайца как на предмет наживы, — отмечалось в нем. — Он для него мразь, ничтожество, орда дикая, которую не грех обижать и даже убить... Решение переселенческого вопроса принесло Алтаю только вред. Алтай стал заселяться подонками русского общества. Пьянство, воровство, убийство, грабежи — вот плоды “просвещения” переселившихся на Алтай “культуртрегеров-русских”... Притесняются даже старожилы». И далее: «С нескрываемым презрением относятся переселенцы к инородцам, называя их в глаза “собаками”. Такое отношение новоселов к инородцам, недовольных к тому же нарезкой земли, вызвало среди инородцев недоверие к русским вообще» [22. С. 550].

Этнокультурная пестрота Сибири вызывала у переселенцев растерянность, раздражение, увеличивала неприязнь к «не нашим», обостряя любые контакты не только с инородцами, но и с русскими старожилыми. Набиравшая силу межэтническая нестабильность вела не только к распространению ксенофобских, шовинистических настроений в широких слоях русскоязычного населения, но и к организационному их оформлению на местах. К 1916 г. в переселенческих крестьянских волостях образовалась целая сеть отделений Союза Михаила Архангела, что не могло не беспокоить губернские и уездные власти. Члены Союза имелись, например, в Романовской, Черно-Ануйской и других волостях Бийского уезда Томской губернии.

Общая социальная маргинализация населения России и Сибири часто переливалась в ощущение собственного национального превосходства. Такие метаморфозы

общественной психологии вызывали тревогу в образованных и мыслящих кругах Сибири. На состоявшемся в апреле 1916 г. в Иркутске Первом Областном съезде представителей городов была принята специальная резолюция по национальному вопросу, где, в частности, указывалось, что «за последнее время... усиливаются попытки разжигать национальную рознь в России и что вследствие этого и в Сибири, чуждой до сих пор этой национальной розни, замечаются попытки возложить вину за общие расстройства жизни на отдельные национальности» [23]. Вот тогда-то и произошло окончательное переосмысление термина «инородцы» — из нейтрального показателя сословной принадлежности он трансформировался в показатель «иноного», «нерусского» происхождения, наполнился презрением и негативным содержанием.

Распространение и укрепление европейских идей эволюционизма среди российской образованной элиты, тенденции на закрепление русификаторской политики властными структурами во второй половине XIX — начале XX в., вызвавшие ответную реакцию части нерусских народов Российской империи, выразившуюся в политизации их этнического самосознания, обострили оппозицию «свой—чужой» на этнокультурном уровне во всей Российской империи, с одной стороны. С другой стороны, архаизация сибирского аборигенного общества позволяла умозрительно переносить на него ранние стадии развития человечества, к тому же у части переселенцев в Сибирь второй половины XIX — начала XX в. не имевших опыта широких межэтнических контактов, культура и образ жизни сибирских народов вызывали неприятие, что усиливало раскол российского общества. Евразийские черты российской государственности постепенно размывались европейским влиянием, соответственно, трансформировалось и восприятие народов Сибири от «людей», «ясашных людей» через двойственное «инородцы» к образу «дикарей», «собак», к проявлению по отношению к ним неприятия, высокомерия и даже враждебности.

Список источников

1. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. Барнаул ; СПб. : Изд-во Барнаула. пед. ун-та, 1995. 197 с.
2. Шерстова Л.И. Концепция фронта в освоении русскими Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217–222.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
4. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
5. Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XXXVIII. С. 394–416.
6. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1833. Ч. IV, V.
7. Хомяков А.С. О старом и новом. М. : статьи и очерки / сост. Б.Ф. Егорова. М. : Современник, 1988. 462 с.
8. Наказ Евдокиму Баскакову // Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. 579 с.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 1999. Т. 1. С. 697 с.
10. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. / под ред. В.Я. Бутанаева, А. Абдыкалыкова. Абакан : Хакас. гос. ун-т, 1995. 250 с.
11. Кашкин В.И. Железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII–XVIII веках // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. № 9–10. С. 79–110.
12. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1792. Ч. II. 178 с.
13. Вербицкий В. Алтайские инородцы. М. : Скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. XIV, 221 с.
14. Аравийский А.Н. Шория и шорцы // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1927. Т. I. С. 124–138.
15. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества. СПб., 1886. 276 с.
16. Потапов Л.П. Очерки по истории шорцев. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 260 с.
17. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и второй половины XIX века. М. : Наука, 1970. 399 с.
18. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1899. 366 с.
19. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М. : Наука, 1997. 827 с.

20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 244.
21. Енисейские Епархиальные ведомости. 1919. № 9-10.
22. Томские Епархиальные ведомости. 1913. № 14. С. 550–558.
23. Сибирская мысль. Красноярск. 1916. № 12. 19 апр.

References

1. Demin, M.A. (1995) *Korennyye narody Sibiri v ranney russkoy istoriografii* [Siberian indigenous people in early Russian historiography]. Barnaul; St. Petersburg: Barnaul Pedagogical University.
2. Sherstova, L.I. (2018) The concept of the frontier and the Russian development of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 217–222. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/26
3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 54.
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 2. List 2. File-56.
5. Russia. (1830) *Ustav ob upravlenii inorodtsev* [Statute for the governing of Non-Slavs]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Legislature of the Russian Empire]. Vol. 38. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 394–416.
6. Russia. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoy* [The Code of Russian Empire Laws under the reign of Nikolai Pavlovich] (PSZ). St. Petersburg: [s.n.].
7. Khomyakov, A.S. (1988) *O starom i novom: Stati i ocherki* [On the old and the new. Articles and essays]. Moscow: Sovremennik.
8. Khilkov, G.D. (1879) *Sbornik kn. Khilkova* [Prince Khilkov's Collection]. St. Petersburg: Tip. Panteleevykh.
9. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
10. Butanaev, V.YA. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vv.* [Materials on the Khakassia history of the 17th – 18th centuries]. Abakan: Khakassia State University.
11. Kashkin, V.I. (1934) *Zhelezodelatel'naya promyshlennost' Kuznetskogo kraya v XVII–XVIII vekakh* [Kuznetsk regional iron making industry in the 17th – 18th centuries]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 9-10. pp. 79–110.
12. Georgi, I.G. (1792) *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugih dostopamyatnostey* [Description of all peoples living in the Russian state, their customs, traditions, dresses, dwellings, studies, leisurements and other things]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
13. Verbitskiy, V. (1893) *Altayskie inorodtsy* [Altai non-Slavs]. Moscow: Skoropech. A.A. Levenson.
14. Araviyskiy, A.N. (1927) *Shoriya i shortsy* [Shoria and its people]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. I. pp. 124–138.
15. Adrianov, A.V. (1886) *Puteshestvie na Altay za Sayany, sovershennoe v 1881 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Journey to the Altai behind Sayany mountains made in 1881 by order of the Russian Geographical Society]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Potapov, L.P. (1936) *Ocherki po istorii shortsev* [Reports on Shoria people's history]. Moscow: Leningrad: USSR AS.
17. Zalkind, E.M. (1970) *Obshchestvennyy stroy buryat XVIII i vtoroy poloviny XIX veka* [The Buryat social structure in the 18th and the second half of 19th century]. Moscow: Nauka.
18. Yarov, A.A. (1899) *Kizil'tsy i ikh khozyaystvo* [The Kizil peoples and their economy]. Yuriev: K. Mattisen.
19. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) (1997) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
20. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund Z. List 45. File 244.
21. *Eniseyskie Eparkhial'nye vedomosti*. (1919) 9–10.
22. *Tomskie Eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 14. pp. 550–558.
23. *Sibirskaya mysl'* (Krasnoyarsk). (1916) 12. 12th April.

Сведения об авторе:

Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sherstova58@mail.ru

Information about the author:

Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Science in History, Full Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 23.09.2021; accepted for publication 22.02.2022

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 902/904(470.5)

doi: 10.17223/19988613/76/20

Доисторические технологии горного дела: рудник Новотемирский в Южном Зауралье

Полина Сергеевна Анкушева^{1, 2}, Ирина Павловна Алаева³,
Максим Николаевич Анкушев⁴, Наталья Сергеевна Батанина⁵,
Иван Александрович Блинов⁶, Михаил Анатольевич Рассомахин⁷,
Ирина Юрьевна Чикунова⁸, Анатолий Михайлович Юминов⁹

^{1, 3} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

^{2, 4, 6, 7, 9} Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Россия

⁵ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

⁸ Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень, Россия

^{1, 2} polenke@yandex.ru

³ alaevalira@mail.ru

⁴ ankushev_maksim@mail.ru

⁵ bata567@inbox.ru

⁶ ivan_a_blinov@mail.ru

⁷ miha_rassomahin@mail.ru

⁸ chikki@mail.ru

⁹ umin@mineralogy.ru

Аннотация. Освещаются результаты исследования древнего рудника Новотемирский в степной части Южного Зауралья (Чесменский район Челябинской области) в 2018 г. В результате топографической съемки и археологических раскопок исследована структура памятника, выявлены различные типы горных выработок, забутованные в древности. Объектом добычи древних горняков могли служить окисленные и сульфидные руды. Структура отвалов, артефактный набор и радиоуглеродное датирование органических материалов позволяют предположить несколько этапов разработки Новотемирского рудника, разделенных длительными перерывами.

Ключевые слова: древний рудник, Южное Зауралье, бронзовый век, кашинская культура, металлопроизводство

Благодарности: Исследование выполнено в рамках ГЗ ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН № 075-00880-22-00, при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00056. Аналитические работы И.П. Алаевой выполнены в рамках конкурса научно-исследовательских работ в области археологии и полевых археологических исследований ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» № проекта АРХ-001/21. Авторы выражают благодарность Л.Я. Кабановой, В.В. Илюшиной за помощь в исследовании, М.В. Штенбергу за фотосъемку образцов руд.

Для цитирования: Анкушева П.С., Алаева И.П., Анкушев М.Н., Батанина Н.С., Блинов И.А., Рассомахин М.А., Чикунова И.Ю., Юминов А.М. Доисторические технологии горного дела: рудник Новотемирский в Южном Зауралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 166–179. doi: 10.17223/19988613/76/20

Prehistoric technologies of mining: Novotemirsky mine in the Southern Trans-Urals

Polina S. Ankusheva¹, Irina P. Alaeva², Maksim N. Ankushev³, Natalia S. Batanina⁴,
Ivan A. Blinov⁵, Mikhail A. Rassomakhin⁶, Irina Yu. Chikunova⁷, Anatolij M. Yuminov⁸

^{1,3} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

^{2,4,6,7,9} South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Miass, Russian Federation

⁵ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁸ Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

^{1,2} polenke@yandex.ru

³ alaevaira@mail.ru

⁴ ankushev_maksim@mail.ru

⁵ bata567@inbox.ru

⁶ ivan_a_blinov@mail.ru

⁷ miha_rassomakhin@mail.ru

⁸ chikki@mail.ru

⁹ umin@mineralogy.ru

Abstract. Metallurgical production in the Southern Trans-Urals gave a certain originality of the socio-economic component of the inhabitants of the Southern Trans-Urals for many millennia. One of the sites illustrating ancient mining technologies is the Novotemirsky mine (Chesma district, Chelyabinsk region, Russia). Its uniqueness lies in the fact that it was not disturbed by modern developments, as well as in the presence of a cultural layer with artifacts which can be dated. Until now, the ancient metal production in the Southern Trans-Urals was mainly studied only within the settlements, which precluded knowledge of the absolutely necessary and existing stages of mining. The overall aim is the study of the ancient mining technologies of the Southern Trans-Urals on the example of the ancient Novotemirsky mine. The tasks included the reconstruction of ore mining methods by studying the morphology of various objects of the site; mineralogical research of the ores; determination of the stages of field operation.

A detailed plan of the heights of the mine in its current state was created using topographic survey. The mine is a complex of objects: the main quarry, surrounded on three sides with sickle-shaped dumps. Archeological excavations have investigated the structure of the dumps. All of them are composed of various sized rubble of serpentinites, rodingites, brown iron ore and copper minerals and were formed during different periods. The excavations also allowed to reveal the pits buried by the waste rock in antiquity: a vertical shaft with a depth of more than 6 m, a winding manhole in the board of the main quarry, as well as small pits left after depletion of low-power surface ore veins.

The main objects of extraction were oxidized and semi-oxidized ores: malachite, azurite and chrysocolla. Primary ore mineralization has arsenic-nickel-copper specificity, which could give a natural admixture of arsenic in the metal. Massive macro-tools from sandstone, specially brought by the miners, used for splitting large pieces of rock during the primary enrichment. We can assume the seasonal nature of the field development (summer or summer-autumn period) due to the proximity of groundwater. The exploitation of a copper deposit on Novotemirsky mine began in the Late Bronze Age. This is evidenced by a fragment of ceramics found on the buried soil in the mound of the quarry dump. The development of the mine by Sintashta metallurgists is also indicated by the type of host rock, correlated with the slags of fortified settlements, the proximity of morphology and geology with the dated Vorovskaya Yama mine and the typological similarity of stone mining tools. Copper ore mining could be resumed at the turn of the era, as indicated by the vessels of the Kashino culture. Finally, it cannot be ruled out that the final stage of the field development falls on New Time.

Keywords: ancient mine, Southern Trans-Urals, Bronze Age, Kashino culture, metallurgy

Acknowledgments: This research was carried out within the framework of the South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology UB RAS budgetary topic № 075-00880-22-00, as well as with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project #18-39-00056. The Irina P. Alaeva's work was carried out within the framework of the competition of research works in the archeology and field archaeological research of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Project No. ARCH-001/21. The authors are grateful to L.Ya. Kabanova, V.V. Ilyushina for help in the study, M.V. Shtenberg for photography of ore samples.

For citation: Ankusheva P.S., Alaeva I.P., Ankushev M.N., Batanina N.S., Blinov I.A., Rassomakhin M.A., Chikunova I.Yu., Yuminov A.M. (2022) Prehistoric technologies of mining: Novotemirsky mine in the Southern Trans-Urals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 166–179. doi: 10.17223/19988613/76/20

Введение

Минеральные богатства Южного Урала на протяжении многих тысячелетий придавали жизни его обитателей своеобразие, а порой и существенно определяли

хозяйственно-экономический уклад. Наличие здесь многочисленных выходов медной руды создало предпосылки для возникновения крупных металлургических очагов задолго до русской колонизации. Металлургическое производство в Южном Зауралье получило рас-

пространение на рубеже III–II тыс. до н.э., с появлением носителей традиций синташтинской культуры. Согласно мнению специалистов [1; 2; 3. С. 4], именно наличие сырьевой базы для медной металлургии определило систему расселения и экономический облик популяций бронзового века. В раннем железном веке формируется новый очаг медной металлургии, связанный с иткульской культурой горно-лесной и лесостепной полосы Южного Зауралья [4]. Металл иткульского происхождения являлся базовым для лесостепных и степных культур Западной Сибири (от Урала до Ишима) и Приуралья [5. С. 209–210; 6]. Можно сказать, на протяжении II–I тыс. до н.э. металлургия в Южном Зауралье имела характер ключевой, системообразующей отрасли хозяйства.

Горнодобывающие технологии населения Южного Зауралья как в эпоху бронзы, так и в век раннего железа исследованы слабо. Активная промышленная деятельность в Новое и Новейшее время на территории современной Челябинской области кардинально нарушила древний ландшафт и уничтожила большинство доисторических выработок. Поэтому каждый непотроженный современными разработками древний рудник представляет собой уникальный источник информации для изучения металлопроизводства на ранних стадиях его возникновения и тенденций его развития в ходе нескольких тысячелетий.

Одним из таких памятников, содержащим в себе неоспоримые свидетельства разработки в древности, является рудник Новотемирский. В данной статье отражены результаты раскопок 2018 г. и геологических изысканий, освещающие новые аспекты горно-металлургической деятельности бронзового и раннего железного веков в Южном Зауралье.

Методы исследования

При исследовании площадки памятника и вещевого комплекса из культурного слоя был использован комплекс археологических и естественно-научных методов. Топографический план памятника был снят тахеометром TRIMBLE M3 5" DR контекстуальным методом в прямоугольной системе координат, в балтийской системе высот с шагом от 1 до 5 м. За ось Y выбрано направление север–юг (север истинный), ось X – линия запад–восток. За направление на север на местности была принята сетка раскопа. Первичная обработка данных производилась в среде Golden Software Surfer 13. Сетка покрытия формировалась методом триангуляции с линейной интерполяцией. В качестве вспомогательного при построении сетки был использован геостатистический метод Криге. Редактура и подготовка к печати топографических планов осуществлялись с помощью графического редактора Corel Draw X3.

Раскопки культурного слоя памятника производились по методике, рекомендованной для раскопок древних поселений: ручным инструментом по стратиграфическим горизонтам, не превышающим 20 см [7. С. 18–28]. Геологические рекогносцировочные траншеи выполнены ручным способом и при помощи землеройной техники.

Радиоуглеродное датирование образцов выполнено с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в лаборатории Университета Адама Мицкевича (Познань, Польша). Калибровочная программа: OxCal 4.2.3; калибровочная кривая: IntCal 13 atmospheric curve.

Фрагменты керамических сосудов исследованы при помощи технико-технологического анализа, который способствовал получению данных о приспособительных навыках труда гончаров: отборе, добыче и подготовке исходного пластичного сырья, составлении формовочных масс, обработке поверхностей сосудов, обжиге изделий [8. С. 243–244].

Петрографический анализ шлифов каменных орудий проведен на оптическом микроскопе Olympus BX 51 (Институт минералогии УрО РАН, аналитик Л.Я. Кабанова). Состав минералов руд определен на электронном микроскопе Tescan Vega 3 SBU с ЭДС Oxford Instruments X-act (Институт минералогии УрО РАН, аналитик И.А. Блинов).

Общая характеристика рудника Новотемирский и основные археологические объекты

Рудник Новотемирский расположен в 1,5 км от одноименного поселка на юго-западе Чесменского района Челябинской области. Эта территория входит в современную степную ландшафтную зону приподнятого Зауральского пенеппена и представляет собой холмистую равнину, в достаточной мере насыщенную березовыми колками. Новотемирское проявление приурочено к центральной части Куликовского ультрабазитового массива, который, в свою очередь, вместе с Чебаркульским и Казбаевским поясами входит в состав Куликовского комплекса. Массив имеет сложное строение и состоит из тектонически совмещенных блоков апогарибургитовых и аполерцолитовых серпентинитов, габброидов и вмещающих вулканогенно-осадочных пород [9].

Новотемирское проявление находится на контакте апогарибургитовых серпентинитов с родингитами. Серпентиниты образуют брекчированные блоки поперечником 2,5–8 м, отделенные друг от друга тонкорассланцованным материалом мощностью 1–2 м. Породы хлоритизированы и оталькованы. В отдельных местах по трещинам и плоскостям рассланцевания наблюдается выделение вторичных медных минералов. Родингиты представлены мелкозернистыми породами светло-серого цвета. Они имеют однородное строение и разбиты сетью кливажных трещин на небольшие блоки. В составе пород преобладают гранат андрадитового ряда и пироксены, при небольшом содержании хлорита. На поверхности фиксируются выходы бурых железняков, иногда с медной минерализацией [10].

Древняя выработка локализована в 250 м к югу от русла реки Темир-Зингейка (бассейн р. Урал) на высоте около 10 м от уреза воды, в ложбине между двумя всхолмлениями. В ходе первичного обследования были обнаружены археологические объекты, указывающие на разработку месторождения в древности (рис. 1).

Рис. 1. Рудник Новотемирский. Вид с северо-запада на площадку основного карьера

Основной карьер занимает центральное место площадки и представляет собой овальное углубление 40×25 – 30 м глубиной до $2,5$ м в центральной части, окруженное отвалами. Карьер ориентирован по направлению СЗ–ЮВ, что, вероятно, было обусловлено залеганием отработанного рудного тела (рис. 2). В весенне-летний период дно карьера заполнено водой. Периодически вода пересыхает, обнажая уплотненное дно, заполненное илстыми отложениями, глубина которых (по результатам зондирования) в центральной части превышает $1,5$ м.

Карьер с трех сторон окружен четырьмя оплывшими отвалами серповидной формы: северо-восточным, северо-западным, западным и южным. Между собой они разделены узкими проходами, поверхность (особенно внешняя часть) задернована. Длина отвалов от 10 до 30 м, ширина в подошве от 2 – 4 до 8 – 10 м, максимальная высота $1,5$ м. Юго-восточный борт карьера лишен отвалов и хорошо задернован. На нем зафиксировано небольшое понижение овальной формы размером 4×10 м, глубиной до $0,2$ м. При раскопках данного понижения впоследствии выявлен Объект № 1 – шахта.

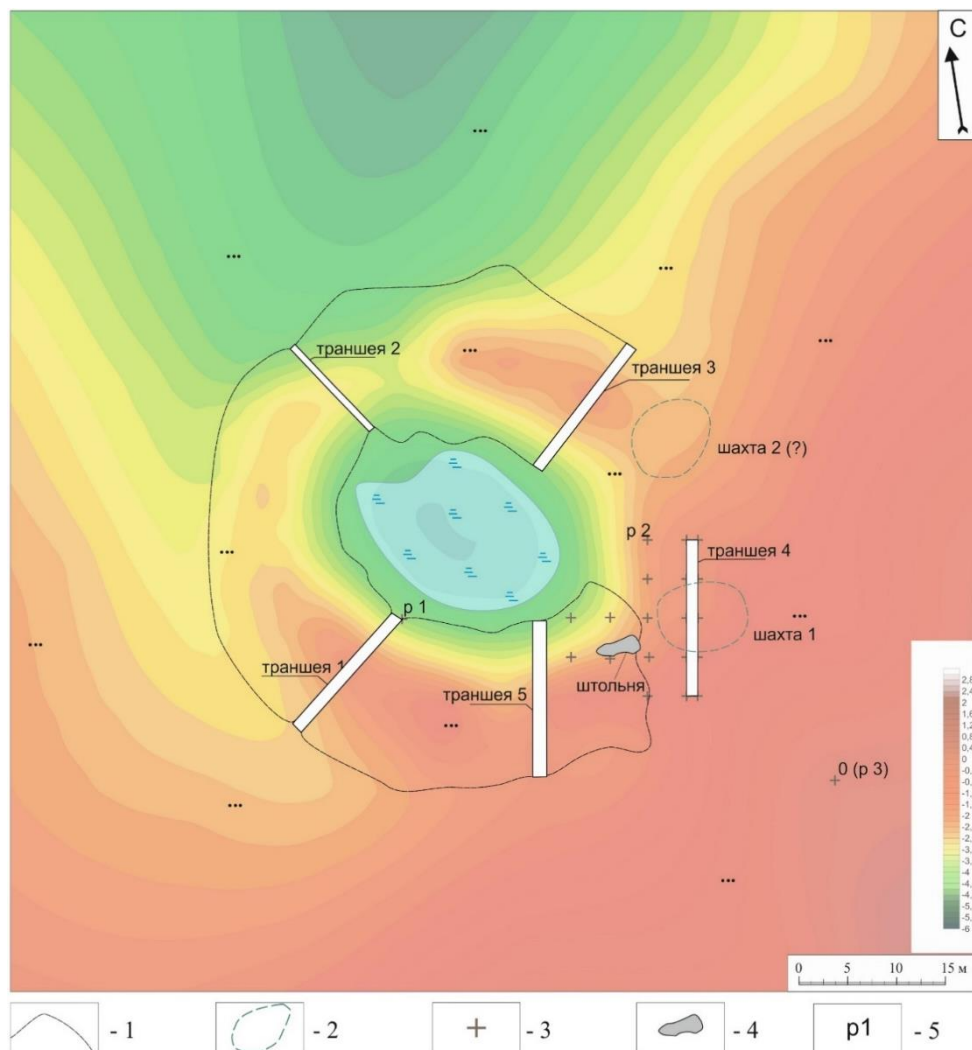

Рис. 2. План высот и объектов рудника: 1 – граница отвалов; 2 – предполагаемые объекты шахт; 3 – пикеты раскопа и точек привязки; 4 – штольня в южном борту карьера; 5 – опорные реперы

Структура отвалов изучена по геологическим траншеям, прорезающим каждый из них до материка: траншея № 1 (юго-западный отвал), траншея № 2 (северо-западный отвал), траншея № 3 (северо-восточный отвал), траншея № 5 (южный отвал). Все отвалы сложены преимущественно из разноразмерного щебня серпентинитов, бурого железняка, родингитов, магнетитовых и медных руд. Отвалы рудника были отсыпаны на уровне древней поверхности (погребенной почвы). Структура отвалов различается гумусированностью слоев, размерностью и составом щебня. В южном, юго-западном и северо-западном отвалах между слоями щебня отмечены прослойки (до 5 см) черного гумуса, которые можно интерпретировать как погребенные почвы. Выделение нескольких прослоек погребенной почвы (от двух до четырех) в стратиграфии отвалов может указывать на длительные временные промежутки в разработке основного карьера. На уровне погребенной почвы в слое отработанной породы бурого оттенка в наиболее ранней части первого пласта отвала обнаружен фрагмент керамики, по совокупности характеристик отнесенный к бронзовому веку (см. ниже).

же). Эта находка говорит о начале разработки карьера в данный период.

Для изучения морфологии шахты (Объекта № 1), вскрытой траншеей № 4 в 2018 г. был заложен раскоп в юго-восточной части памятника общей площадью 64 кв. м. (16 × 4 м) (рис. 3, А). Раскоп охватывал западную половину шахты, а также культурный слой между шахтой и основным карьером.

Стратиграфическую ситуацию на исследованном раскопе участке можно охарактеризовать следующим образом (рис. 3, Б):

- под дерном локализовался черный гумусированный супесчаный грунт, слабо насыщенный мелким серым щебнем серпентинитов (*верхний гумусированный слой*);

- в южной части раскопа (квадраты 3Д, 4Д) на уровне современной поверхности присутствовал незадернованный слой гумусированного супесчаного грунта серо-коричневого оттенка, сильно насыщенного щебнем серпентинитов, родингитов, оксидов и гидроксидов железа. Аналогичен верхнему заполнению южного отвала (*пола южного отвала*);

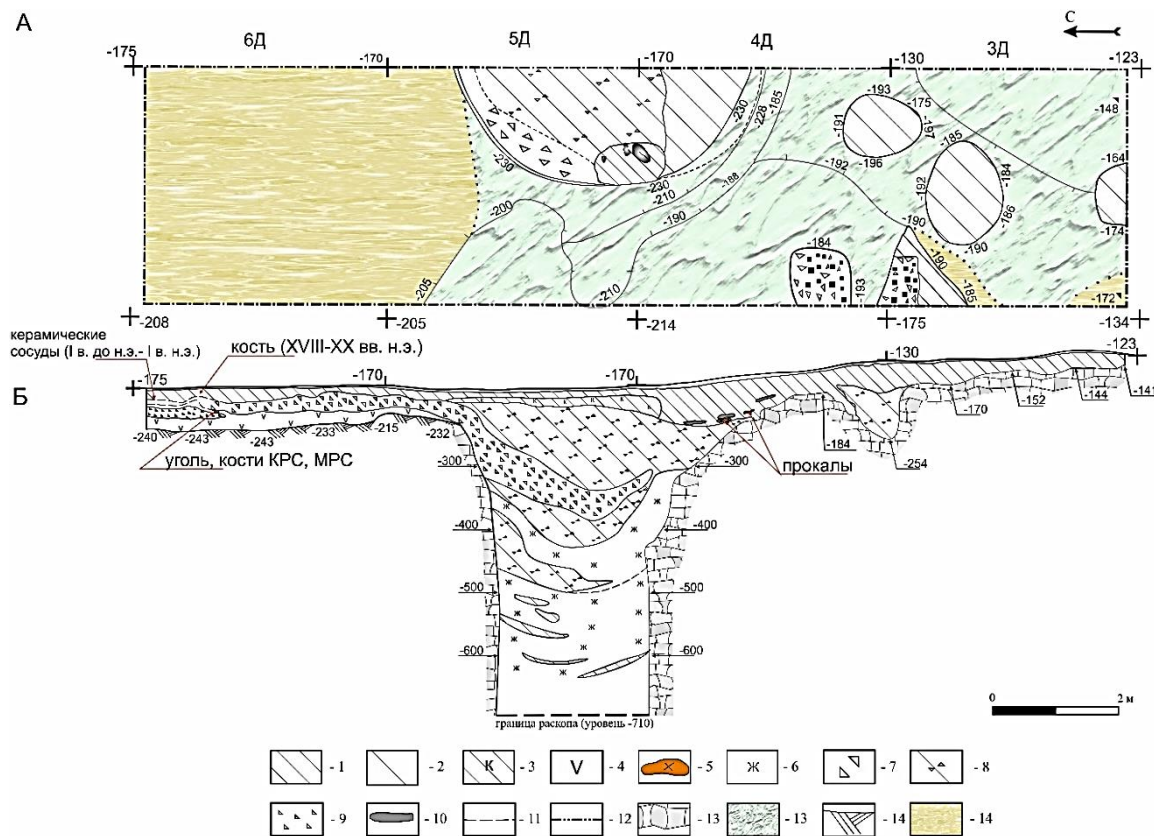

Рис. 3. План раскопа на материке (А); Восточный профиль раскопа (Б):

1 – темно-серая гумусированная супесь; 2 – серая гумусированная супесь; 3 – темно-коричневая гумусированная супесь; 4 – погребенная почва; 5 – участки прокаленного грунта с древесным углем; 6 – желтая супесь с мелким щебнем серпентинитов (1–3 см); 7 – серая гумусированная супесь, обильно насыщенная крупным (в среднем 5–10 см) щебнем серпентинитов (выкид из шахты); 8 – серая гумусированная супесь с мелким (3–5 см) щебнем серпентинитов; 9 – светло-серый мелкий (2–4 см) щебень серпентинитов; 10 – серый песок; 11 – нечеткая граница слоя; 12 – борт раскопа; 13 – материк (светло-серый коренной выход серпентинитов); 14 – материк (желтый песок с мелким щебнем серпентинитов)

- в северной части раскопа (квадрат 6Д, северо-восточный угол квадрата 5Д) под дерном залегал слой серого гумусированного супесчаного грунта с крупным щебнем серпентинитов. Слой лежал на тонкой

прослойке гумуса и «сползал» в заполнение шахты до уровня –370, поэтому получил предварительную интерпретацию как *выкид из шахты*. На нижней границе обнаружено каменное орудие из песчаника (см. ниже),

фрагменты костей животных, древесный уголь и фрагмент керамического изделия (см. ниже);

- в северной части раскопа (северный борт квадрата 6Д), под выкидом из шахты (Объект № 1), отделенный от него тонкой прослойкой гумусированного грунта (погребенной почвы), локализовался лишенный гумуса пласт мелкого светло-серого щебня серпентинитов. Аналогии пласта прослеживаются в верхних горизонтах северо-восточного отвала, поэтому он получил предварительную интерпретацию как *пола восточного отвала*;

- в северной части раскопа (квадрат 6Д) под выкидом и отвалом локализовался слой черного гумусированного грунта с четкой верхней и «фваной», перетекающей в материк, нижней границей (*погребенная почва*);

- в центральной части раскопа оконтурилось заполнение шахты, представленное гумусированным грунтом, на разных глубинах разной размерности и насыщенности щебнем серпентинитов;

- материк имеет различные характеристики: в северной трети раскопа (квадрат 6Д, полоса вдоль северной бровки квадрата 5Д) он имеет вид желтой супеси с мелким серым щебнем серпентинитов; на остальной территории раскопа (большая часть квадрата 5Д, квадраты 4Д и 3Д) материк представлен тонким слоем мелкого щебня светло-серых выветрелых серпентинитов и их коренными выходами, имеющими основное направление по линии СВ–ЮЗ.

На уровне материка были исследованы углубленные объекты – древние горные выработки: шахта и серия ям небольших размеров (см. рис. 3).

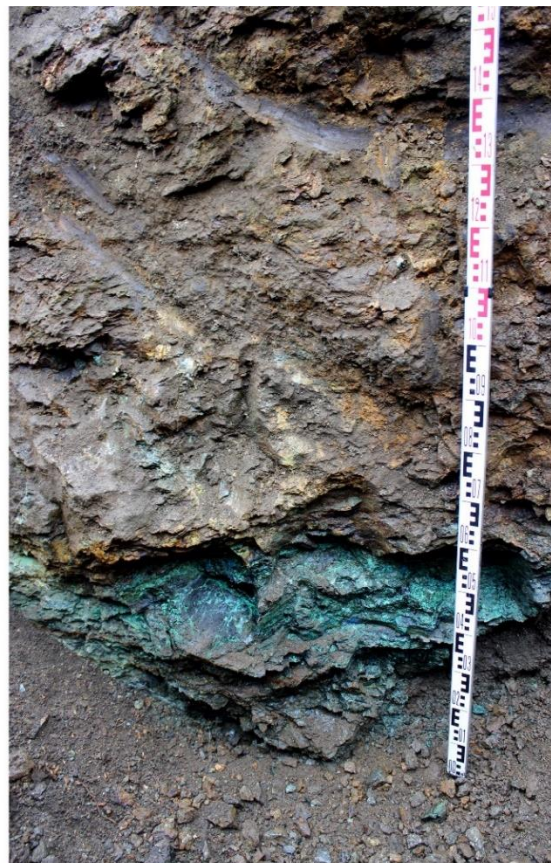
Шахта. Раскопом была вскрыта западная половина шахты (Объект № 1). Шахта представляет собой вертикальную горную выработку, проложенную в древности с поверхности земли по направлению залегания руды. Шахта имеет ширину ствола 2–3 м, в верхней части расширяется в виде воронки вверх до 4 м на уровне материка. Северная стенка шахты практически строго вертикальная, прорубленная в коренных породах серпентинитов. Южная стенка представлена пологим спуском в шахту со слоем образовавшейся осыпи из обломков коры выветривания по серпентинитам. Глубина шахты осталась невыясненной, раскопки остановлены на глубине 6,5 м от современной поверхности (–720 от нулевого репера).

В заполнении шахты можно выделить несколько слоев. Верхний горизонт представлен гумусированным грунтом темно-коричневого цвета со щебнем серпентинитов. Под ним – слой очень рыхлого материала бурого-коричневого цвета, содержащий крупный щебень серпентинитов (5–10 см) и обломки медно-магнетитовой руды. Еще ниже локализовались слои, содержащие более мелкий щебень серпентинитов (1–3 см) и состоящие в значительной степени из материкового песка и суглинка в смеси с гумусом (см. рис. 3, Б).

Характер заполнения шахты свидетельствует о том, что выработка была забутована в древности переотложенным щебнем отработанной породы. На краю шахты на глубине 20 см от современной поверхности в слое темно-серого гумусированного грунта были обнаружены развалы двух керамических сосудов кашинской культуры раннего железного века (см. ниже).

1.

2.

Рис. 4. Штольня в борту карьера: 1 – вид с запада; 2 – медная минерализация в борту карьера

Ямы. Раскопом также были исследовано 5 углублений, сооруженных в коренных выходах серпентинитов глубиной 0,3–0,8 м. Вероятно, это были небольшие выработки, оставшиеся после выборки маломощных поверхностных рудных прожилков. Рядом с ямами фиксируются невыбранные прожилки окисленных медных руд мощностью 1–3 см.

Штольня в борту карьера. К юго-западу от шахты, с внутренней стороны южного отвала, локализовалась яма подпрямоугольной формы, образованная в результате грабительской деятельности любителей нелегального сбора минералов («хитников»). Зачистка бортов этой грабительской современной ямы позволила выявить еще одно древнее горнопроходческое углубление в борту основного карьера (Объект № 7). В коренных породах склона карьера был сооружен петляющий лаз, отражающий, по-видимому, форму залегания выбранного горняками рудного тела. В верхних горизонтах на уровне материка лаз имеет овальную форму шириной 1,2–1,5 м и вертикальное направление. Ниже выработка сужается до 80 см, плавно наклоняясь и приобретая горизонтальный выход шириной 1,2 м, ориентированный в западном направлении (рис. 4). Над выходом оставлен «навес» в виде массивного останца серпентинитов толщиной около 1 м со следами медной минерализации.

С большой долей вероятности можно предположить разновременный характер вышеперечисленных объектов рудника. На это указывают, во-первых, гумусные прослойки в стратиграфии отвалов, представляющие собой, вероятно, слои погребенной почвы,

которые образовались в результате перерывов в разработке рудника. Во-вторых, различны между собой грунты заполнения шахты (Объект № 1), штольни (Объект № 7) и отвалов основного карьера.

Ранее считалось, что для Южного Зауралья в бронзовом веке характерен исключительно карьерный способ добычи [11. С. 192]. Раскопки позволили выявить вертикальные выработки, засыпанные в древности и не фиксируемые с поверхности. Морфология данных объектов, по всей видимости, связана с особенностями залегания медных руд.

Минералогическая характеристика рудной базы

Основными минералами меди Новотемирского проявления являются малахит, азурит и хризоколл (рис. 5). В рудах они встречаются часто совместно, в различных соотношениях. В целом на проявлении можно выделить следующие типы медных руд:

- 1) окисленные (малахитовые и хризоколловые) руды в серпентинитах;
- 2) окисленные медные руды, связанные с родингитами (малахит, азурит, хризоколл);
- 3) медно-магнетитовые руды, встречаются массивные, полосчатые и вкрапленные разновидности, акцессорным минералом является халькопирит.

По данным рентгенофлуоресцентного анализа, содержание меди в рудах может варьировать в пределах 3,61–17,75 %. Среди нерудных минералов распространены минералы группы серпентина, тальк, хлорит, реже – тремолит и андрадит.

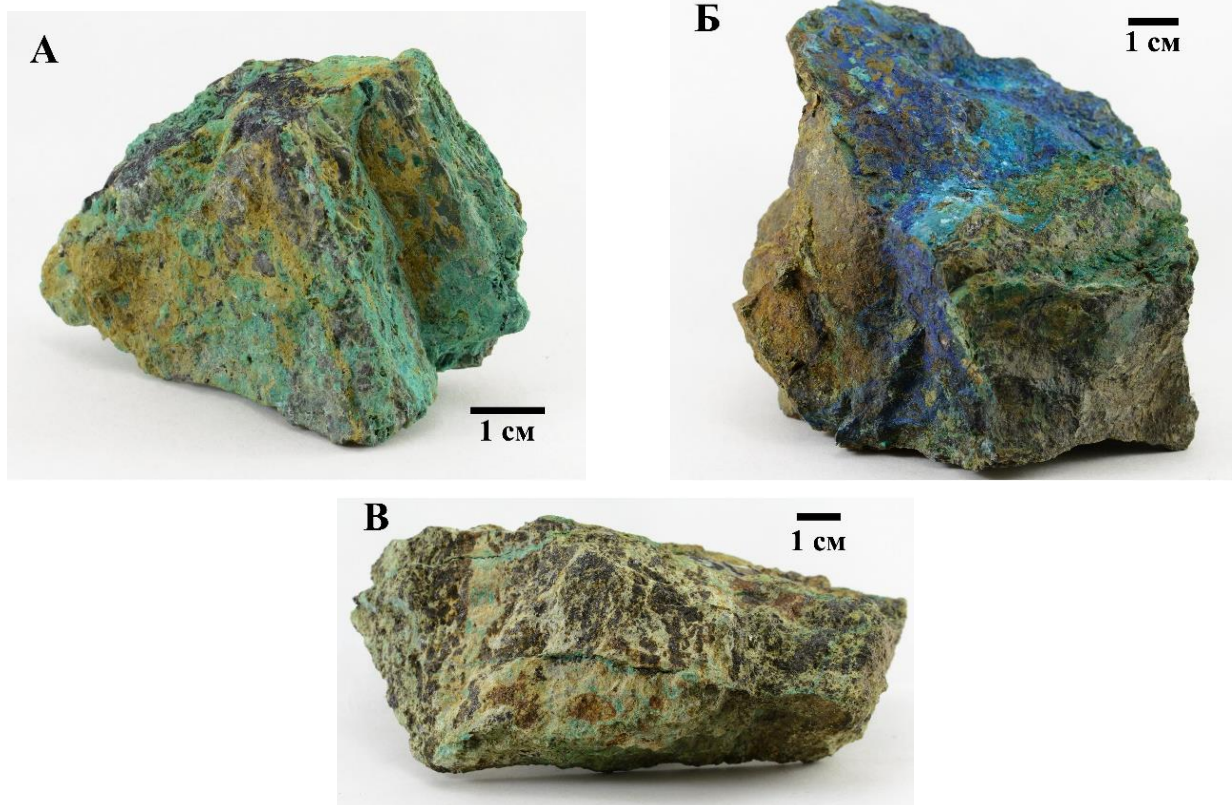

Рис. 5. Типы окисленных медных руд Новотемирского рудника: А – окисленная руда в серпентините (малахит, хризоколл); Б – окисленная руда в серпентините (азурит, малахит, хризоколл), В – медно-магнетитовая руда

Среди вторичных гипергенных рудных минералов меди распространены малахит, азурит и хризоколл. Среди редких оксидов меди отмечается делафоссит. Часто медь сорбируется на гидроксидах железа. Хризоколл и карбонаты меди образуют прожилки, выполняют поры и пустоты. Гипергенные минералы мышьяка крайне редки, выявлены одиночные находки недиагностированных арсенатов размером несколько микрон.

В азурите редко встречаются незначительные вкрапления минералов серебра – акантита и иодаргирита. Вторичные сульфиды меди – халькозин и ковеллин – достаточно редки.

С глубиной появляются первичные сульфидные минералы, представленные халькопиритом, пентландитом. Реже распространены борнит, арсениды никеля, а также сульфоарсениды никеля и кобальта. Судя по остаткам руд, встреченных в отвалах, халькопирит и пентландит входили в состав редковкрапленных руд с прожилками и пятнами вторичных минералов меди.

Судя по характеру первичной минерализации, руды Новотемирского проявления обладают мышьяк-никель-медной спецификой. Руды подвержены гипергенным преобразованиям, но в небольших количествах первичные сульфиды встречаются в качестве реликтовых. В целом гипогенная минерализация представлена сульфидными меди и железа, сульфидными и сульфоарсенидами никеля и кобальта, арсенидами никеля. Из вторичных минералов широко представлены гидроксиды железа, карбонаты меди и хризоколл. По визуальной оценке хризоколл распространена чаще, чем малахит, и является главным гипергенным минералом меди [12].

По технологическим типам обнаруженные руды можно разделить на окисленные и полуокисленные. Окисленные руды распространены в верхней части зоны окисления и были доступны на ранних этапах отработки рудника. Полуокисленные руды обычно располагаются на уровне грунтовых вод [13]. Вместе с этим в сухой период, при отсутствии обводнения центра карьера, при расчистке борта карьера глинистый материал становился влажным, что указывает на близость грунтовых вод. Все это дает основание предполагать, что в более поздние этапы отработка велась уже на уровне колебания грунтовых вод и проводилась сезонно в период межени.

Вещевой комплекс

Исследованная территория памятника содержит немногочисленные, но яркие и информативные остатки человеческой жизнедеятельности прошлых эпох. В северной части раскопа под крупнощебенистым выкидом из шахты были обнаружены фрагментированные кости крупного и мелкого рогатого скота, зуб мелкого рогатого скота (37 экз. общим весом 207 г, определения Л.Л. Гайдученко), а также мелкие фрагменты древесного угля. Фрагменты костей были найдены в верхнем гумусном горизонте в шести метрах к северу от шахты и в насыпи южного отвала. Вещевой ряд памятника представлен керамическими сосудами, фрагментом керамического изделия неясного назначения, целыми и фрагментированными каменными орудиями.

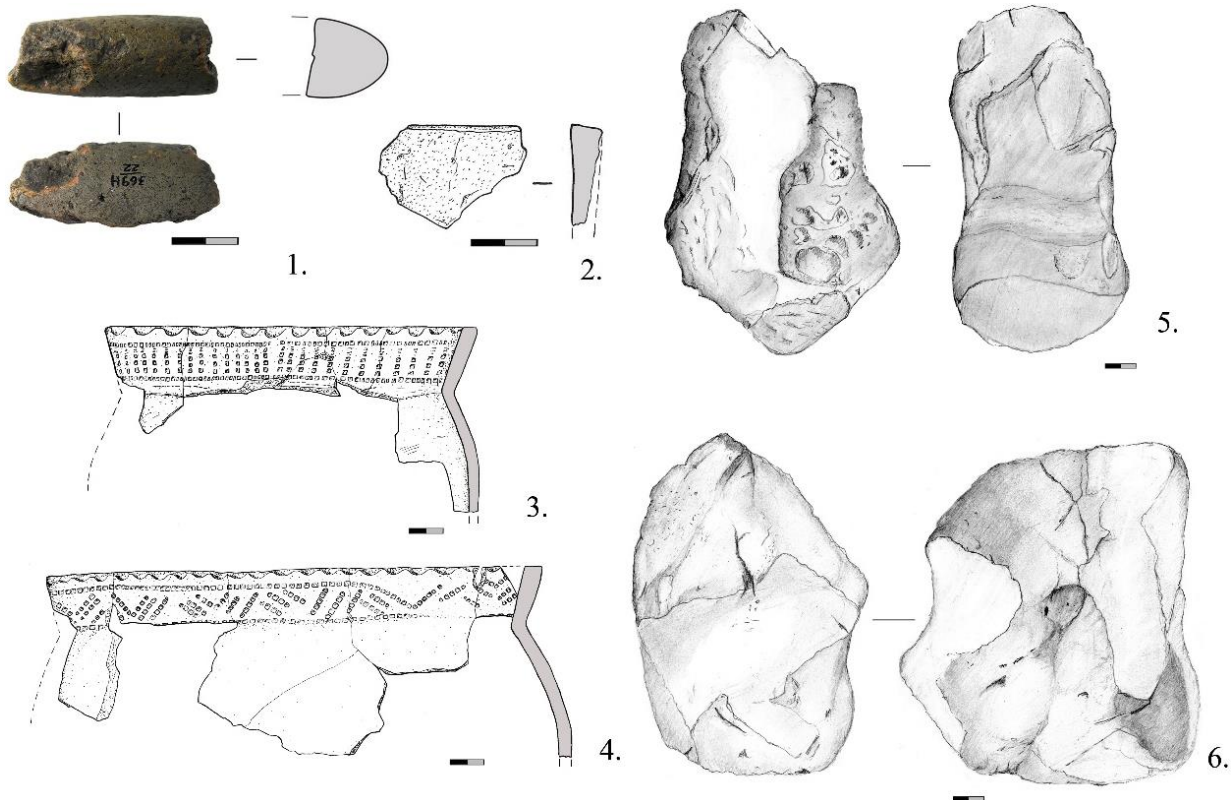

Рис. 6. Артефакты из культурного слоя рудника Новотемирский:
1 – фрагмент изделия (тигель?); 2 – фрагмент сосуда бронзового века; 3–4 – сосуды кашинской культуры;
5–6 – орудия горного дела; 1–4 – керамика; 5–6 – камень (песчаник)

Керамика

При зачистке юго-западной траншеи (№ 1) был найден фрагмент керамики (рис. 6, 2). Шейка лепного керамического сосуда обнаружена в насыпи отвала, близко к внутренней части, на погребенной почве в слое рыжевато-коричневого щебенистого грунта с обломками серпентинитов размером 2–5 см, бурых железняков и медных рудами. Размеры фрагмента $4,2 \times 3$ см, толщина 0,8 мм. Цвет темно-серый, черепок плотный, в формовочной массе примесь талька. Шейка сосуда прямая, венчик прямой, срезан ножом. Внешняя поверхность повреждена, внутренняя хорошо залощена, фиксируются тонкие горизонтальные борозды – следы заглаживания. По совокупности характеристик данный фрагмент керамического сосуда отнесен к бронзовому веку.

У северного края шахты в верхнем черном гумусированном грунте были обнаружены развалы двух сосудов. Сосуд № 1 (рис. 6, 4) – круглодонный, с резко отогнутой шейкой и внутренним «ребром», диаметр шейки сосуда 31 см, высота шейки 4 см. Шейка украшена бугорчатым орнаментом в виде тройного горизонтального зигзага между горизонтальных линий. Орнамент выполнен крупнозубым гребенчатым штампом. По внешнему срезу венчика нанесены неглубокие подтреугольные пальцевые вдавления. Сосуд был разбит в древности, о чем свидетельствует обнаружение его фрагментов без свежих сломов.

Сосуд № 2 (рис. 6, 3) – круглодонный, с резко отогнутой шейкой и внутренним «ребром», диаметр шейки сосуда 22,7 см, высота шейки 4 см. По шейке нанесен бордюрный орнамент в виде разреженных вертикальных отпечатков крупнозубого гребенчатого штампа между горизонтальными линиями, выполненными более мелким гребенчатым штампом. На внутренней стороне тулова сосуда сохранился пригар, по которому методом ^{14}C УМС-датирования получена дата I в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 7).

Для изготовления сосудов № 1 и № 2 использовалась формовочная масса, составленная по сложному рецепту «глина + дресва тальковая + шамот + выжимка». Заглаживание поверхностей сосудов осуществлялось деревянными ножами или шпателями и пальцами. Внешние поверхности изделий после заглаживания и нанесения орнамента подвергались лощению (сосуд № 1) или уплотнению (сосуд № 2) орудиями с твердой гладкой рабочей поверхностью. Сосуды обжигались в условиях окислительной атмосферы, при доступе кислорода, и испытывали воздействие температур каления (не ниже 650°C) в течение достаточно длительного времени, в результате чего прокалились на всю толщину черепка. Анализ орнаментальных композиций и формообразующих признаков позволяет с полной уверенностью отнести эти сосуды к кашинской культуре [14].

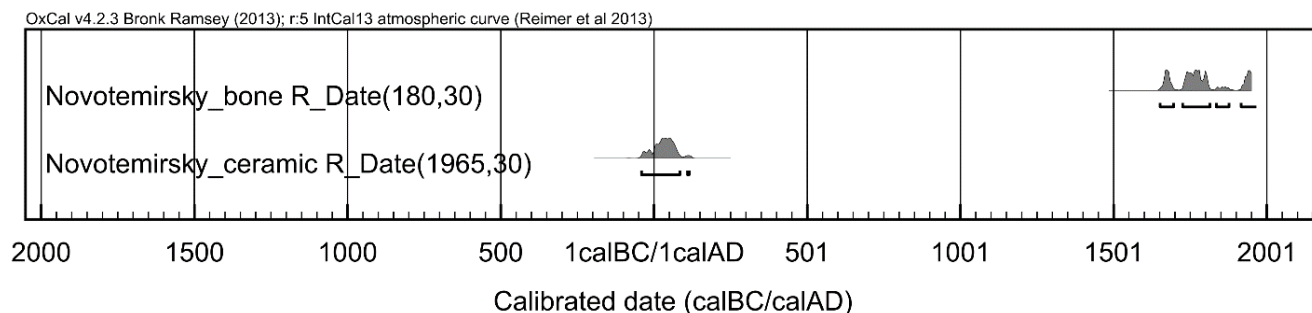

Рис. 7. Вероятностные интервалы калиброванных радиоуглеродных датировок материалов из культурного слоя рудника Новотемирский

Каменные орудия

В насыпи южного отвала при раскопках штольни, а также в раскопе в слое выкида крупного щебня серпентинитов из шахты были обнаружены каменные орудия (3 целых изделия и 16 фрагментов). Два орудия (рис. 6, 5, 6) имеют подпрямоугольную форму, длина 21 и 24 см. В средней части орудий располагается незначительно выраженный желоб, изготовленный при помощи техники пикетажа, с характерной стертой от использования на краях. Рабочая поверхность орудий находится в торцевой части, имеет выбоины. Можно предположить, что функциональное назначение орудий заключалось в раскалывании и дроблении крупных кусков вмещающей породы. Третье орудие имеет округлую форму, его диаметр равен 13 см, вес 1,5 кг. Рабочая поверхность находится в боковой части орудия. Вероятно, изделие также выполняло ударные функции.

Все орудия изготовлены из одинаковой породы. Из обломка первого орудия (рис. 6, 5) изготовлен прозрачный шлиф для изучения в проходящем свете. Изделие

сложено песчаником с опаловым цементом. Обломочный материал составляет 80% от объема образца и представлен в основном кварцем, редкими зернами полевого шпата и единичными зернами рутила и мусковита. Зерна кварца хорошо окатанные, сортировка зерен средняя (размер 50–500 мкм). Зачастую зерна трещиноватые, по трещинам развивается опал. Цемент опаловый составляет 20% от объема образца, окрашен оксидами и гидроксидами железа. Встречаются редкие, частично измененные (серицитизированные) зерна полевого шпата.

Минеральный состав породы, и ее текстурно-структурные особенности, выраженные содержанием зерен кварца в опаловом цементе, обеспечивают высокую твердость и прочность изделий. Это делает возможным успешное многократное использование крупного обломка этой породы в качестве ручного ударного орудия. Можно констатировать приносной характер песчаника, из которого изготовлены данные предметы. Песчаники развиты на некотором отдалении от Ново-

темирского рудника, они входят в состав Сухтелинской и Березинской толщ, расположенных к северу и к востоку от рудника соответственно [15].

Керамическое изделие представляет собой фрагмент краевой части уплощенного предмета с закругленным боковым краем, размером $6,3 \times 2,3 \times 2,5$ см. Цвет красно-коричневый, в формовочной массе примесь талька. Функциональное назначение определить затруднительно, однако можно предположить использование данного предмета в качестве закраины плоской плавильной чашы (тигля), либо керамической литейной формы.

Таким образом, вещевой комплекс памятника служит основным аргументом в пользу длительной и поэтапной разработки Новотемирского месторождения.

Этапы разработки рудника Новотемирский

Исходя из датирующего материала, представленного керамическими сосудами в культурном слое памятника, можно очертить *возможные* хронологические границы эксплуатации месторождения. Нижняя граница находится в бронзовом веке, о чем говорит обнаружение фрагмента керамики на погребенной почве под насыпью западного отвала. Следующий этап – в пределах раннего железного века – начала Средневековья, маркируется находкой керамических сосудов кашинской культуры в верхних гумусных горизонтах. ^{14}C УМС-датирование нагара на внутренней стороне сосуда № 2 показало интервал I в. до н.э. – I в. н.э., что соответствует среднему периоду существования кашинской культуры [16, 17]. Верхней возможной границей разработки рудника можно считать XVII–XIX вв., на что указывают датировки по кости из верхнего гумусного горизонта (см. рис. 7). Впрочем, залегание единичного фрагмента кости могло иметь случайный характер, не связанный с металлургической деятельностью, учитывая близкое к руднику (200 м) расположение руин поселка XIX в.

Начало добычи медной руды на Новотемирском месторождении с большой долей вероятности произошло на рубеже III–II тыс. до н.э. Помимо обнаружения фрагмента сосуда, к сожалению, неопределимого с точки зрения культурной принадлежности, существует ряд косвенных аргументов, уверенно датирующих памятник поздним бронзовым веком. С.А. Григорьев подчеркивает, что основными факторами выбора месторождения в древности были выходы руды на поверхность, удобство руды для плавки, а также близость рудника к поселению [18. С. 362]. Месторождение расположено в самом центре региона локализации синташтинских укрепленных поселений. Горное дело и металлургия играли важную, если не ключевую, роль в синташтинском хозяйстве. Это подтверждается многочисленными свидетельствами выплавки металлов из руд в культурном слое памятников: шлаками, сплесками, обломками руды, медными слитками и заготовками, а также технологической керамикой: соплами, льячками, тиглями и ошлакованной керамикой [19. С. 68; 20. С. 428–446; 21; 22. С. 115–121]. Результаты анализа состава металлургических шлаков, минеральных и расплавных микровключений позволили определить возможный тип

месторождений – источников сырья. Большое количество включений хромитов в шлаках поселений Устье, Родники, Каменный Амбар, Куйсак, Аркаим, Синташта, Левобережное (Синташта II), Кизильское, Аландское, Сарым-Саклы свидетельствуют о поставке сырья для поселений из медных руд в ультрабазитах [11; 18. С. 181; 23; 24]. Таким образом, геоморфологическая характеристика и местоположение рудника указывают на начало добычи руды в позднем бронзовом веке.

Минеральный состав окисленных руд представлен малахитом, азуриком и хризокolloй. По мере углубления выработки или при заложении глубокого шурфа количество первичной минерализации в добываемой руде возрастало, и конечный металл содержал примеси мышьяка и никеля, которые могли давать естественную легирующую примесь в выплавляемых древними сообществами меди и бронзах. Мышьяк является наиболее распространенной лигатурой в металле синташтинской культуры [25. С. 83]. В отвалах карьера также присутствует небольшое количество образцов сульфидных руд (халькопирита)

В пользу разработки Новотемирского рудника в бронзовом веке говорит также существование сходных по морфологии и геологической обстановке памятников горнодобывающей деятельности в Южном Зауралье и Мугоджарах. Ближайшим аналогом является рудник Воровская Яма в Кизильском районе Челябинской области. Данная выработка имеет округлую форму, диаметр 30–40 м и глубину 3–5 м, котловина в северной и юго-западной частях окружена отвалами шириной от 5 до 15 м, высотой 0,8–1,2 м. Как и на Новотемирском руднике, в разрезе отвалов фиксируются слои погребенных почв, а также культурный слой, содержащий кости животных и керамику синташтинской и алакульской культур бронзового века [26]. К сходным памятникам Мугоджарского горно-металлургического центра относятся Дергамышский, Еленовский, Ишкининский медные рудники [11, 27, 28].

Сравнительно-типологическая характеристика каменных макроорудий с рудника позволяет с осторожностью отнести их также к эпохе бронзы. Подобные изделия – массивные, подпрямоугольные в сечении, обработанные в технике грубого скола и зачистую имеющие слабо выраженный желобок – обнаружены на поселениях и рудниках Мугоджарского региона, относящихся к позднему бронзовому веку. Такие изделия, определяемые как молоты, использовались для дробления рудной массы, забивания клиньев в трещины, могли снабжаться рукоятью [27. С. 50. Рис. 4; 29. С. 113].

Дискуссионным остается вопрос об эксплуатации месторождения в раннем железном веке. Обнаружение двух сосудов кашинской культуры в культурном слое наводит на мысль об эксплуатации Новотемирского месторождения также на рубеже эр, но не делает этот вывод бесспорным. Это связано с низкой степенью изученности данного культурного образования.

На сегодняшний день выделено около 50 памятников с материалами кашинской культуры, расположенных на довольно обширной территории от восточных предгорьев Урала до Прииртышья. Северная граница ареала проходит по р. Тавде, южная – в верховьях Тобола.

Хронологические границы кашинских древностей определены в общих чертах: IV–III вв. до н.э. – IV–VI вв. н.э. Следует отметить, что западные кашинские памятники, сосредоточенные в верховьях Тобола (пос. Белый Яр XII) и на Исети (Рафайловский комплекс, Коловское городище, Павлиновское городище и т.д.) несколько старше, чем памятники в основном ядре – междуречье рек Туры и Ницы. Есть данные, что группы кашинского населения вследствие различных обстоятельств двинулись в северном и восточном направлении [16, 17].

Таким образом, основная зона бытования кашинской культуры – лесное и лесостепное Притоболье (среднее течение рек Тура и Исеть) – значительно отдалена от степного Зауралья. Закономерно возникает вопрос о причинах появления кашинских сосудов на отдаленной территории, а также об особенностях металлургической деятельности кашинского населения. Появление сосудов кашинской культуры на территории сарматов могло быть связано с одной из фаз взаимодействия степного и лесостепного населения урало-казахстанских степей и Западной Сибири [30]. Возможно, поход кашинского населения в южноуральские территории связан с необходимостью приобретения металлургических навыков либо добычи сырья на рудниках.

Заключение

Новотемирский рудник является прекрасно сохранившимся материальным свидетельством древнейшей горнодобывающей деятельности в Южном Зауралье. Его уникальность заключается, во-первых, в отсут-

ствии на площадке памятника современных горных выработок, во-вторых, в культурном слое, содержащем датирующий материал бронзового и раннего железного веков.

В результате проведенных работ были выявлены различные типы горных выработок – вертикальная выработка шахтного типа глубиной более 6 м, петляющий лаз в борту основного карьера, а также небольшие ямы, оставшиеся после выборки маломощных поверхностных рудных прожилков. Различная морфология выработок была обусловлена направлением залегания руды. Для раскалывания крупных кусков породы, первичного обогащения использовались массивные макроорудия из песчаника, специально принесенные горняками. Можно предполагать сезонный характер отработки месторождения (летний или летне-осенний период) из-за близости грунтовых вод.

Структура отвалов, артефактный набор и радиоуглеродное датирование органических материалов позволяют предположить несколько этапов разработки Новотемирского рудника, разделенных длительными перерывами. Начало эксплуатации было положено в бронзовом веке. Об этом говорят фрагмент керамики на погребенной почве под отвалом карьера, тип вмещающей породы, соотносимый со шлаками эпохи бронзы, близость морфологии и геологического строения с датированным рудником Воровская Яма и типологическое сходство каменных горнодобывающих орудий. Добыча медной руды могла быть возобновлена на рубеже эр, на что указывают сосуды кашинской культуры. Наконец, нельзя исключать, что заключительный этап разработки месторождения приходится на Новое время.

Список источников

1. Виноградов Н.Б. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Сер. 1. Исторические науки. 1995. № 1. С. 16–26.
2. Виноградов Н.Б. Металлопроизводство и синташтинская проблема // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Сер. 1. Исторические науки. 2005. № 3. С. 5–15.
3. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск : ЮУрГУ, 2002. 170 с.
4. Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга) : сб. науч. тр. / ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2005. С. 162–186.
5. Кузьминых С.В. О металле городища Чича-1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 202–212.
6. Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Цветная металлообработка иткульских изделий (предварительные результаты аналитических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 57–66.
7. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации : утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20.06.2018 № 32. М. : ИА РАН, 2018. 64 с.
8. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
9. Сначёв А.В., Пучков В.Н., Савельев Д.Е., Сначёв В.И. Геология Арамилско-Сухтелинской зоны Урала. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2006. 176 с.
10. Юминов А.М., Анкушев М.Н., Рассомахин М.А. Древний медный рудник Новотемирский (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2015. № 2. С. 78–81.
11. Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1. С. 174–195.
12. Блинов И.А., Анкушев М.Н., Рассомахин М.А., Медведева П.С. Минералы меди, никеля и мышьяка в рудах Новотемирского проявления (Южный Урал) // Минералогия. 2018. Т. 4, № 3. С. 36–45.
13. Смирнов С.С. Зона окисления сульфидных месторождений. 3-е изд. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 332 с.
14. Чикунова И.Ю. Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 9. С. 58–65.
15. Кожевников С.В., Анкушев М.Н. Каменные орудия из отвала древнего рудника Новотемирский (Южное Зауралье) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2018. № 5. С. 80–82.
16. Чикунова И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 82–91.
17. Чикунова И.Ю. Поселение Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 90–100.

18. Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск : Цицеро, 2013. 660 с.
19. Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологические исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. С. 64–74.
20. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н.Б. Виноградов, науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск : Абрис, 2013. 482 с.
21. Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам памятников синташтинской культуры Южного Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (1). С. 3–9.
22. Петров Ф.Н., Анкушев М.Н., Медведева П.С. Материальные свидетельства технологических процессов в культурном слое поселения Левобережное (Синташта II): опыт функционального подхода // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 112–147.
23. Анкушев М.Н., Алаева И.П., Медведева П.С., Чечушков И.В., Шарапов Д.В. Металлургические шлаки поселений бронзового века в долине р. Зингейка (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2016. № 3. С. 116–120.
24. Блинов И.А., Анкушев М.Н. Формы нахождения меди и легирующих компонентов в шлаках поселения бронзового века Устье (Южный Урал) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 2. С. 6–13.
25. Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 2010. 162 с.
26. Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Воровская Яма – новый рудник бронзового века // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск : Центр Аркаим, 2000. С. 112–130.
27. Ткачев В.В. Урало-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // Российская археология. 2011. № 2. С. 43–55.
28. Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Жалмагамбетов Ж.М., Калиева Ж.С. Новые исследования памятников горной археологии в Южных Мугалжарах // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана : Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 264–288.
29. Фомичев А.В. Орудия труда древних горняков и металлургов с поселений алакульской культуры Урало-Мугоджарского региона // Геоархеология и археологическая минералогия. 2016. № 3. С. 113–115.
30. Алаева И.П., Медведева П.С., Анкушев М.Н. Шахта раннего железного века на древнем руднике Новотемирский // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. науч. конф. Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала, 2017. С. 7–13.

References

1. Vinogradov, N.B. (1995) Khronologiya, sodержanie i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov sintashtinskogo tipa bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Chronology, content and cultural identity of the monuments of the Sintashta type of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Ser. 1. Istoricheskie nauki*. 1. pp. 16–26.
2. Vinogradov, N.B. (2005) Metalloproduktstvo i sintashtinskaya problema [Metal production and the Sintashta problem]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Ser. 1. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 5–15.
3. Epimakhov, A.V. (2002) *Yuzhnoe Zaural'e v epokhu sredney bronzy* [Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk: South-Ural State University.
4. Beltikova, G.V. (2005) Sreda formirovaniya i pamyatniki Zaural'skogo (itkul'skogo) ochaga metallurgii [The formation environment and monuments of the Trans-Ural (Itkul) center of metallurgy]. In: Borzunov, V.A. (ed.) *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Fedorovicha Geninga)* [Archeology of the Urals and Western Siberia (to the 80th anniversary of the birth of Vladimir Fedorovich Gening)]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 162–186.
5. Kuzminykh, S.V. (2009) O metalle gorodishcha Chicha-1 [On the metal of the ancient settlement Chicha-1]. In: Molodin, V.I. et al. *Chicha - gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi* [Chicha is a settlement of the transitional time from bronze to iron in the Baraba forest-steppe]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS. pp. 202–212.
6. Kuzminykh, S.V. & Degtyareva, A.D. (2015) Tsvetnaya metalloobrabotka itkul'skikh izdeliy (predvaritel'nye rezul'taty analiticheskikh issledovaniy) [Non-ferrous metalworking of Itkul products (preliminary results of analytical studies)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(31). pp. 57–66.
7. Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences. (2018) *Polozhenie o poryadke provedeniya arkheologicheskikh polevykh rabot i sostavleniya nauchnoy otchetnoy dokumentatsii: utv. postanovleniem Byuro Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy akademii nauk ot 20.06.2018 № 32* [Regulations on the procedure for conducting archaeological field work and compiling scientific reporting documentation: approved by Decree No. 32 of the Bureau of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences dated June 20, 2018]. Moscow: RAS.
8. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka.
9. Snachev, A.V., Puchkov, V.N., Saveliyev, D.E. & Snachev, V.I. (2006) *Geologiya Aramil'sko-Sukhtelinskoy zony Urala* [Geology of the Aramil-Sukhtelinskaya zone of the Urals]. Ufa: DizaynPoligrafServis.
10. Yuminov, A.M., Ankushev, M.N. & Rassomakhin, M.A. (2015) Drevniy mednyy rudnik Novotemirskiy (Yuzhnyy Ural) [The Novotemirsky ancient copper mine (Southern Urals)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*. 2. pp. 78–81.
11. Zaykov, V.V., Yuminov, A.M., Ankushev, M.N., Tkachev, V.V., Noskevich, V.V. & Epimakhov, A.V. (2013) Mining and Metallurgical Centers of the Bronze Age in the Transurals and Mugodzhars. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya – Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 1. pp. 174–195. (In Russian).
12. Blinov, I.A., Ankushev, M.N., Rassomakhin, M.A. & Medvedeva, P.S. (2018) Cu, Ni and as minerals in ores from the Novy Temir iron occurrence (South Urals). *Mineralogiya – Mineralogy*. 4(3). pp. 36–45. (In Russian).
13. Smirnov, S.S. (1955) *Zona okisleniya sulfidnykh mestorozhdeniy* [Zone of oxidation of sulfide deposits]. 3rd ed. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Chikunova, I.Yu. (2007) Keramicheskie komplekсы kashinskoy kul'tury na pamyatnikakh rannego zheleznogo veka Pritobol'ya [Ceramic complexes of the Kashinsky culture on the sites of the early Iron Age of the Tobol region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 9. pp. 58–65.
15. Kozhevnikov, S.V. & Ankushev, M.N. (2018) Kamennye orudiya iz otvala drevnego rudnika Novotemirskiy (Yuzhnoe Zaural'e) [Stone tools from the dump of the ancient Novotemirsky mine (Southern Trans-Urals)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*. 5. pp. 80–82.
16. Chikunova, I.Yu. (2005) Itogi i problemy izucheniya kashinskoy kul'tury [Results and problems of studying the Kashin culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 82–91.
17. Chikunova, I.Yu. (2009) Poselenie Mullashinskoy Yurty 7 [Settlement Mullashinskoy Yurty 7]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 11. pp. 90–100.
18. Grigoriev, S.A. (2013) *Metallurgicheskoe proizvodstvo v Severnoy Evrazii v epokhu bronzy* [Metallurgical production in Northern Eurasia in the Bronze Age]. Chelyabinsk: Tsitsero.
19. Koryakova, L.N., Krauze, R., Epimakhov, A.V., Sharapova, S.V., Panteleeva, S.E., Berseneva, N.A., Fornassier, Y., Kaiser, E., Molchanov, I.V. & Chchushkov, I.V. (2011) Archaeological studies of the Kamenny Ambar (Olgino) fortified settlement. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 64–74.

20. Vinogradov, N.B. & Epimakhov, A.V. (2013) *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Drevnee Ustie: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: Abris.
21. Epimakhov, A.V. & Berseneva, N.A. (2016) Metal-production, mortuary ritual, and social identity: the evidence of Sintashta burials, Southern Urals. *Arkhelogiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 44(1). pp. 3–9. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.065-071
22. Petrov, F.N., Ankushev, M.N. & Medvedeva, P.S. (2018) Material evidence of the technological processes in the cultural layer of the settlement levoberezhnoe (Sintashta II): the experience of the functional approach. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii – Magistra Vitae*: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology. 1. pp. 112–147. (In Russian).
23. Ankushev, M.N., Alaeva, I.P., Medvedeva, P.S., Chechushkov, I.V. & Sharapov, D.V. (2016) Metallurgicheskie shlaki poseleniy bronzovogo veka v doline r. Zingeyka (Yuzhnyy Ural) [Metallurgical slags of Bronze Age settlements in the valley of the Zingeyka River (Southern Urals)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*. 3. pp. 116–120.
24. Blinov, I.A. & Ankushev, M.N. (2018) Formy nakhozhdeniya medi i legiruyushchikh komponentov v shlakakh poseleniya bronzovogo veka Ust'e (Yuzhnyy Ural) [Forms of finding copper and alloying components in the slags of the Bronze Age settlement Ustye (Southern Urals)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 18(2). pp. 6–13.
25. Degtyareva, A.D. (2010) *Istoriya metalloproduktstva Yuzhnogo Zaural'ya v epokhu bronzы* [History of metal production in the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
26. Zaykov, V.V., Zdanovich, G.B. & Yuminov, A.M. (2000) Vorovskaya Yama – novyy rudnik bronzovogo veka [Vorovskaya Yama – a new mine of the Bronze Age]. In: Zdanovich, S.Ya. (ed.) *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy* [The Archaeological Source and Modeling of Ancient Technologies]. Chelyabinsk: Tsentr Arkaim. pp. 112–130.
27. Tkachev, V.V. (2011) The Urals-Mugodzhary mining and metallurgical center (Late Bronze Age). *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 43–55. (In Russian).
28. Tkachev, V.V., Baitleu, D.A., Yuminov, A.M., Ankushev, M.N., Zhalmagambetov, Zh.M. & Kalieva, Zh.S. (2013) Novye issledovaniya pamyatnikov gornoj arkheologii v Yuzhnykh Mugalzharakh [New studies of monuments of mountain archeology in the South Mugalzhar]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*. 2. pp. 264–288.
29. Fomichev, A.V. (2016) Orudiya truda drevnikh gornyakov i metallurgov s poseleniy alakul'skoy kul'tury Uralo-Mugodzharskogo regiona [Tools of labor of ancient miners and metallurgists from the settlements of the Alakul culture of the Ural-Mugodzhary region]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*. 3. pp. 113–115.
30. Alaeva, I.P., Medvedeva, P.S. & Ankushev, M.N. (2017) Shakhta rannego zheleznogo veka na drevnem rudnike Novotemirskiy [Mines of the early Iron Age at the ancient Novotemirsky minery]. In: Tairov, A.D. (ed.) *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie* [Ethnic interactions in the South Urals. Sarmatians and their environment]. Chelyabinsk: The State Historical Museum of the Southern Urals. pp. 7–13.

Сведения об авторах:

Анкушева Полина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия); младший научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (Миасс, Россия). E-mail: polenke@yandex.ru

Алаева Ирина Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: alaevaira@mail.ru

Анкушев Максим Николаевич – кандидат геолого-минералогических наук, младший научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (Миасс, Россия). E-mail: ankushev_maksim@mail.ru

Батанина Наталья Сергеевна – заведующая Учебно-производственным отделом археологии, этнографии, современной и исторической экологии Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: bata567@inbox.ru

Блинов Иван Александрович – кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (Миасс, Россия). E-mail: ivan_a_blinov@mail.ru

Рассомахин Михаил Анатольевич – младший научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (Миасс, Россия). E-mail: miha_rassomahin@mail.ru

Чикунова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: chikki@mail.ru

Юминов Анатолий Михайлович – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (Миасс, Россия). E-mail: umin@mineralogy.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ankusheva Polina S. – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation); junior researcher of South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Miass, Russian Federation). E-mail: polenke@yandex.ru

Alaeva Irina P. – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alaevaira@mail.ru

Ankushev Maksim N. – Candidate of geological-mineralogical sciences, junior researcher of South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Miass, Russian Federation). E-mail: ankushev_maksim@mail.ru

Batanina Natalia S. – Head of Archaeological Department of the Scientific and Educational Center for Research on the Problems of Nature and Man, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: bata567@inbox.ru

Blinov Ivan A. – Candidate of geological-mineralogical sciences, researcher of South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Miass, Russian Federation). E-mail: ivan_a_blinov@mail.ru

Rassomakhin Mikhail A. – junior researcher of South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Miass, Russian Federation). E-mail: miha_rassomahin@mail.ru

Chikunova Irina Yu. – Candidate of Historical Sciences, researcher, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: chikki@mail.ru

Yuminov Anatolij M. – Candidate of geological-mineralogical sciences, senior researcher of South Ural Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Miass, Russian Federation).
E-mail: umin@mineralogy.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.10.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.10.2018; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 902/904

doi: 10.17223/19988613/76/21

Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья

Дмитрий Александрович Бычков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия, bda.nsk@yandex

Аннотация. Работа посвящена основной проблеме ландшафтной археологии – выделению особенностей расположения археологических памятников на изучаемой территории. В ходе работы была составлена база данных, на основе которой выделена генеральная выборка археологических памятников, проанализированная методами статистики, что позволило определить хронологические кластеры, соответствующие историческим периодам, материалы которых представлены на изучаемой территории. Результатом работы стало выявление особенностей пространственного расположения археологических памятников, возникших в определенные исторические периоды.

Ключевые слова: ландшафтная археология, Томско-Нарымское Приобье, пространственный анализ, статистика

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геoarхеологических объектов».

Для цитирования: Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 180–191. doi: 10.17223/19988613/76/21

Original article

Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk-Narym Ob region

Dmitry A. Bychkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia, bda.nsk@yandex.ru

Abstract. The article considers the features of the spatial location of archaeological sites in the Tomsk-Narym Ob region. Any object of the archaeological heritage has chronological and spatial attributes. Understanding the relationship between the time and place of occurrence of an archaeological monument is very important. This gives researchers the opportunity to formulate ideas about how the development of this territory occurred. Archaeological studies of the Tomsk-Narym Ob region have been conducted since the second half of the 19th century. A significant amount of materials and sources was accumulated during this period. Their presence makes it possible to carry out general research of an analytical nature.

The purpose of this work is to highlight the peculiarities of the location of the identified archaeological sites in the landscape conditions of the Tomsk-Narym Ob region. To achieve it, methods of statistical analysis were applied. Analytical procedures were conducted with a data bank that included up-to-date information on 1335 archaeological sites in the region. The source base was formed on the basis of archival and published materials. Most of the work has been carried out with materials that are stored in the M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore and the V. M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University.

The analysis was carried out over the spatial and chronological features of the objects. The main parameters are the type of archaeological site, the period of creation (occurrence), absolute or relative dating of the object, location on the relief form, confinement to the river basin of a stream order. As a result of the spatial analysis, several important details were established. Certain types of archaeological site have the greatest occurrence on characteristic forms of relief. The largest number of objects is located in the basins of the 2nd order rivers. Chronological attribution of sites indicates the variability of their location on the relief forms.

The following conclusions were made on the basis of these results. The development of the Tomsk-Narym Ob region in pre-written historical periods occurred along the main waterway of the region – the Ob river. In the period from

the Upper Paleolithic to the Bronze Age, ancient people preferred the most elevated forms of relief above the water's edge. These were mainly elements of the terrace complex. In the early Iron Age, the cape-shaped ledges and the edges of the terraces were being developed. This preference of the ancient population was due to the fact that fortified settlements located on these areas of the landscape were more defensible. During the transition from the Iron Age to the Middle Ages, areas of low floodplain were actively populated. In the Middle Ages and the New time, the population was moving deeper into the terraces on the watershed plains. This study shows that, in the presence of accumulated materials, it is possible to obtain objective results using modern methods that will be consistent with the knowledge-based representations obtained empirically.

Keywords: landscapes archaeology, Tomsk-Narym Ob region, spatial analysis, statistics

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the research project of the IAET SB RAS FWZG-2022-0007 "Geochronology of cultural and historical processes in the Pleistocene-Holocene of North Asia based on a comprehensive study of geoarchaeological objects".

For citation: Bychkov D.A. (2022) Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk-Narym Ob region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 180–191. doi: 10.17223/19988613/76/21

Освоение человеком определенной территории в разные исторические периоды происходило под влиянием множества факторов. Наиболее значимыми факторами, стимулирующими миграции древнего населения, являлись природно-климатические условия и социально-политическая обстановка. Расселяясь, древние люди оставляли следы своего пребывания на территории, которые в дальнейшем были погребены под формируемыми отложениями. Таким образом сформировались археологические памятники, которые являются объектом изучения археологии. Данные объекты формировались в определенных пространственных и временных условиях. Диагностическими признаками для определения хронологического периода возникновения археологического памятника могут быть обнаруженные на нем характерные предметы материальной культуры, датированные останки фауны и других материалов и др. [1]. Определение пространственных условий формирования археологического памятника возможно посредством применения комплекса естественнонаучных методов, набор которых в настоящее время представляется весьма значительным [2]. В рамках данной работы было проведено определение пространственных условий, в которых находятся археологические памятники, расположенные на изучаемой территории.

В контексте настоящей работы Томско-Нарымское Приобье – это бассейн р. Оби и ее притоков в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, ограниченный по административно-территориальному делению границами Томской области. Данная территория является пограничной между лесостепной и таежной зонами. Согласно физико-географическому зонированию, с севера она ограничена субширотной частью бассейна р. Оби, с востока – водоразделом с бассейном р. Енисей, на юге и юго-востоке – северными отрогами Кузнецкого Алатау и северной частью Барабинской лесостепи, с запада – бассейном р. Васюган [3. С. 65–93].

Археологическое изучение Томско-Нарымского Приобья началось во второй половине XIX в. с открытия в 1863 г. В.В. Радловым в левобережной части долины р. Чулым Чердатского курганного могильника [4]. В истории изучения археологических памятников Томско-Нарымского Приобья можно выделить несколько основных этапов: дореволюционный, довоенный, по-

слевоенный, «кульминационный» и современный. Дореволюционный этап связан с научной деятельностью первых преподавателей Императорского Томского университета: А.В. Адрианова, В.М. Флоринского, Н.Ф. Кашенко, С.М. Чугунова, С.К. Кузнецова, А.Ф. Плотникова [5. С. 16, 18, 27; 6–8]. В период с 1920-х до начала 1940-х гг. инициатива археологического изучения территории переходит к Томскому и Колпашевскому краеведческим музеям и связана с деятельностью П.И. Кутафьева и И.М. Мягкова.

В послевоенное время археологические исследования в основном проводятся группой исследователей из Томского государственного университета: А.П. Дульзон и его учениками В.С. Синяевым, Е.М. Пеняевым. Результатом становится обобщающая работа по описанию выявленных на тот момент археологических памятников [9]. Параллельно с этим проводится активная работа сотрудником Томского краеведческого музея Р.А. Ураевым, в результате которой выходит «дополнение» к работе А.П. Дульзона [10].

«Кульминационный» период приходится на 1960–1980-е гг. и так назван автором потому, что в это время была открыта большая часть археологических памятников Томско-Нарымского Приобья, известных на сегодняшний день. В это время происходит формирование томской археологической школы, складываются научные коллективы и происходит интенсивное накопление материалов. Археологическими исследованиями руководят специалисты, заложившие основу современных представлений об историко-культурном развитии данной территории: В.И. Матющенко, М.Ф. Косарев, Ю.Ф. Кирюшин, В.Т. Петрин, Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнева, О.Б. Беликова, Г.И. Гребнёва, А.И. Боброва. В результате многолетней работы этих исследователей формируется значительная по объему и информационному потенциалу база данных по археологическим памятникам Томско-Нарымского Приобья, которая была опубликована в двух томах под названием «Археологическая карта Томской области» [11, 12].

Современный этап археологического изучения территории отмечен появлением ряда аналитических исследований, в которых обобщаются накопленные ранее материалы. Первые опыты применительно к террито-

рии Томско-Нарымского Приобья были проведены М.Ф. Косаревым, в них автор объясняет особенности региональных исторических процессов через призму природно-климатической обстановки, в которой они происходили [13]. В последующем работы подобного рода были проведены С.И. Рудковским, который обобщил палеогеографические данные для северной части Западной Сибири в контексте изучения древнейшего прошлого ее обитателей [14]. Не менее значимыми явились комплексные исследования локализованной группы археологических памятников на юге Томской области, которые позволили получить необходимые доказательства для их объединения в Шайтанский археологический микрорайон [15].

В ходе многолетнего археологического изучения Томско-Нарымского Приобья был накоплен значительный массив разнообразного материала. Как показывает историография исследований, обобщение полученной информации началось на современном этапе ее осмысления. К настоящему времени констатируется фрагментарность знаний о тех факторах, которые оказывали непосредственное влияние на древнего человека при выборе им места для организации обитаемого пространства. Имеющиеся сведения по большей части основаны на эмпирическом восприятии исследователями условий, в которых был обнаружен тот или иной изучаемый ими объект. Такие обстоятельства не позволяют проводить корреляции с данными, полученными для сопредельных территорий, верифицировать их при помощи современных аналитических процедур. Следовательно, на данном этапе изучения существует проблема дефицита сведений о глобальных процессах освоения территории древним населением в различные исторические периоды, которые основаны на объективных и проверяемых данных.

Одним из возможных решений обозначенной проблемы видится выяснение ландшафтных особенностей расположения археологических памятников на изучаемой территории. Для этого необходимо создание современной цифровой базы данных, актуальность которой неоднократно доказывалась исследователями древностей Томско-Нарымского Приобья [16]. Например, для сопредельных территорий, в частности Барабинской лесостепи, относительно недавно были созданы такие базы данных и на их основе проведены комплексные аналитические работы с использованием ГИС-технологий и натурного мониторинга изучаемых объектов [17, 18]. Одним из результатов данного комплексного исследования стало выделение закономерностей, объясняющих влияние колебаний климата на ландшафтные предпочтения древнего населения в освоении изучаемой территории [19]. Помимо этого опыта новосибирских коллег, стоит упомянуть о том, что на базе Института археологии РАН реализуется проект «Археологическая карта России», в рамках которого создается геоинформационная система федерального масштаба. Результаты работ по данному проекту были представлены в ряде публикаций и сообщениях СМИ [20].

Принципиальное отличие данного подхода от предшествующих аналитических исследований – возмож-

ность конвертирования информации для конкретных научно-исследовательских задач. Одними из новейших в мировой археологической науке являются исследования, направленные на выделение пространственных признаков определенных типов археологических памятников. Сведения такого рода могут эффективно применяться для историко-культурного зонирования территории и выделения перспективных зон выявления памятников археологии. Также картографирование месторасположения археологических памятников может наглядно иллюстрировать процесс освоения территории в разные исторические периоды. В отечественной археологической науке уже имеются примеры подобного рода исследований с положительными результатами. Так, археологическое зонирование территории Саян позволило определить перспективы поиска памятников каменного века [21. С. 155–156]. Изучение ландшафтно-топографических особенностей расположения памятников Гнёздовского комплекса под Смоленском дало возможность установить взаимосвязи между его отдельными элементами и обозначить перспективы поиска на окружающем пространстве [22]. В ХМАО–Югре в настоящее время эффективно действует историко-культурное зонирование территории, включенное в систему охраны объектов культурного наследия. Оно позволяет не только снижать затраты на обследование земельных участков, попадающих под хозяйственное освоение, но и эффективно подходить к выявлению и документированию археологических памятников на изучаемой территории [23].

Цель данной работы – выделение особенностей расположения выявленных археологических памятников в ландшафтных условиях Томско-Нарымского Приобья. Для достижения поставленной цели были сформулированы задачи по систематизации сведений, картографированию месторасположения археологических памятников и их границ, статистическому анализу накопленной базы данных. Систематизация проводилась путем создания многокомпонентного банка данных в формате Microsoft Office Excel. Учитывались такие параметры, как названия памятников по учетным документам и употребляемые в научной литературе, сведения о постановке на государственную охрану, культурно-хронологическая атрибуция и т.д. Картографирование проводилось с использованием программ SAS.Планета, MapInfo и подгружаемых с их помощью снимков аэрофотосъемки, топографических и цифровых карт. Координаты местоположения изучаемых археологических памятников определялись картографическим методом в системе WGS-84. Для определения высотных отметок и геоморфологического контекста расположения археологических памятников, помимо вышеописанных средств, использовалась цифровая модель рельефа SRTM3. Статистический анализ проводился с использованием программы PASW Statistics 18 методами сопряженностей, главных компонент, многомерной статистики и кластеризации.

Источником информации для формирования банка данных послужили опубликованные в научных изданиях результаты археологических исследований,

архивные материалы, учетные данные объектов культурного наследия, предоставленные Комитетом по охране объектов культурного наследия Томской области. Поиск научных изданий, в которых опубликованы результаты археологических исследований изучаемых объектов, осуществлялся с использованием ресурсов Научной библиотеки ТГУ и электронной библиотеки E-library на основе индексируемой базы публикаций РИНЦ. Работа с архивными материалами велась в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ, в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова и в Музее города Северска.

Объем сформированного банка данных на момент отправки статьи в редакцию журнала весной 2018 г. составил 1 335 археологических памятников. Из них 297 объектов имеют статус федерального значения, 870 выявленных и 168 не находящихся на государственной охране. Типологическое разнообразие археологических памятников характеризуется 11 типами: ансамбль, городище, грунтовый могильник, достопримечательное место, западина, культовое место, курганный могильник, местонахождение, поселение, селище, стоянка. Расположение учтенных памятников привязано к природным зонам, бассейнам рек и отдельным формам рельефа (рис. 1).

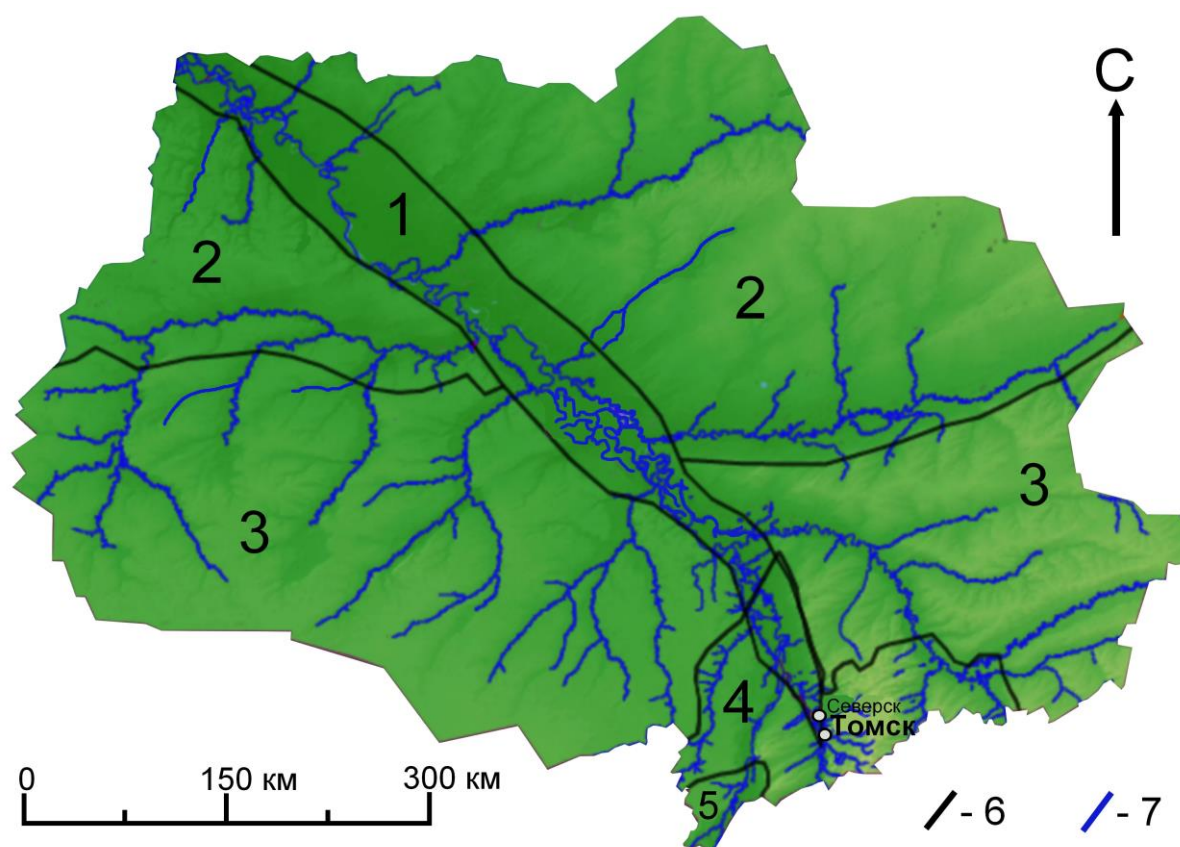

Рис. 1. Схема природного районирования территории Томско-Нарымского Приобья в пределах границ Томской области (по: [24. Рис. 28. С. 136]: 1 – обская пойменная провинция; 2 – зона средней тайги; 3 – зона южной тайги; 4 – зона подтайги или мелколиственных лесов; 5 – зона лесостепи; 6 – границы единиц районирования; 7 – современные русла рек, в бассейнах которых расположены археологические памятники

Сведения о выделяемых на территории Томско-Нарымского Приобья природных зонах и других единицах природного районирования приводятся согласно результатам исследования В.В. Хромых [21]. Местоположение археологических памятников привязано к бассейнам 63 рек. При составлении более ранних баз данных по региону использовался гидрографический принцип описания местоположения археологических памятников, поэтому он стал одним из определяющих методических элементов настоящей работы [11. С. 4]. Согласно этому принципу данные реки разделены по порядку притока на 6 групп. Каждый из объектов расположен в уникальной ландшафтной обстановке, которая в рамках данной работы была охарактеризована

той формой рельефа, на которой расположен археологический памятник. Выделяются формы рельефа пойменных и террасовых комплексов. Принадлежность к той или иной форме рельефа была определена согласно методическим подходам, описанным в современных работах по геоархеологии [2. С. 29–51]. Для более емкого отображения перечисленных выше данных, их восприятия и сравнения были построены гистограммы, отображающие распространение типов археологических памятников в бассейнах рек разного порядка и на разных формах рельефа (рис. 2, 3).

Хронологическая атрибуция изучаемых объектов формирует диапазон от верхнего палеолита до этнографической современности (рис. 4). Определение хро-

нологической привязки каждого объекта проводилось на основе тех сведений, которые были зафиксированы исследователем в отчете о полевых исследованиях и последующих публикациях полученного материала. Активно использовались опубликованные результаты современных исследований тех материалов, которые были получены исследователями предшествующих поколений. Необходимо отдельно отметить высокую

научную значимость таких работ, потому что они позволяют корректировать представления, основанные на материалах, которые были получены на ранних этапах археологического изучения территории. Также следует указать на востребованность работ, в которых публикуются материалы или сведения о полевых исследованиях, ранее не упоминавшихся исследователями [25].

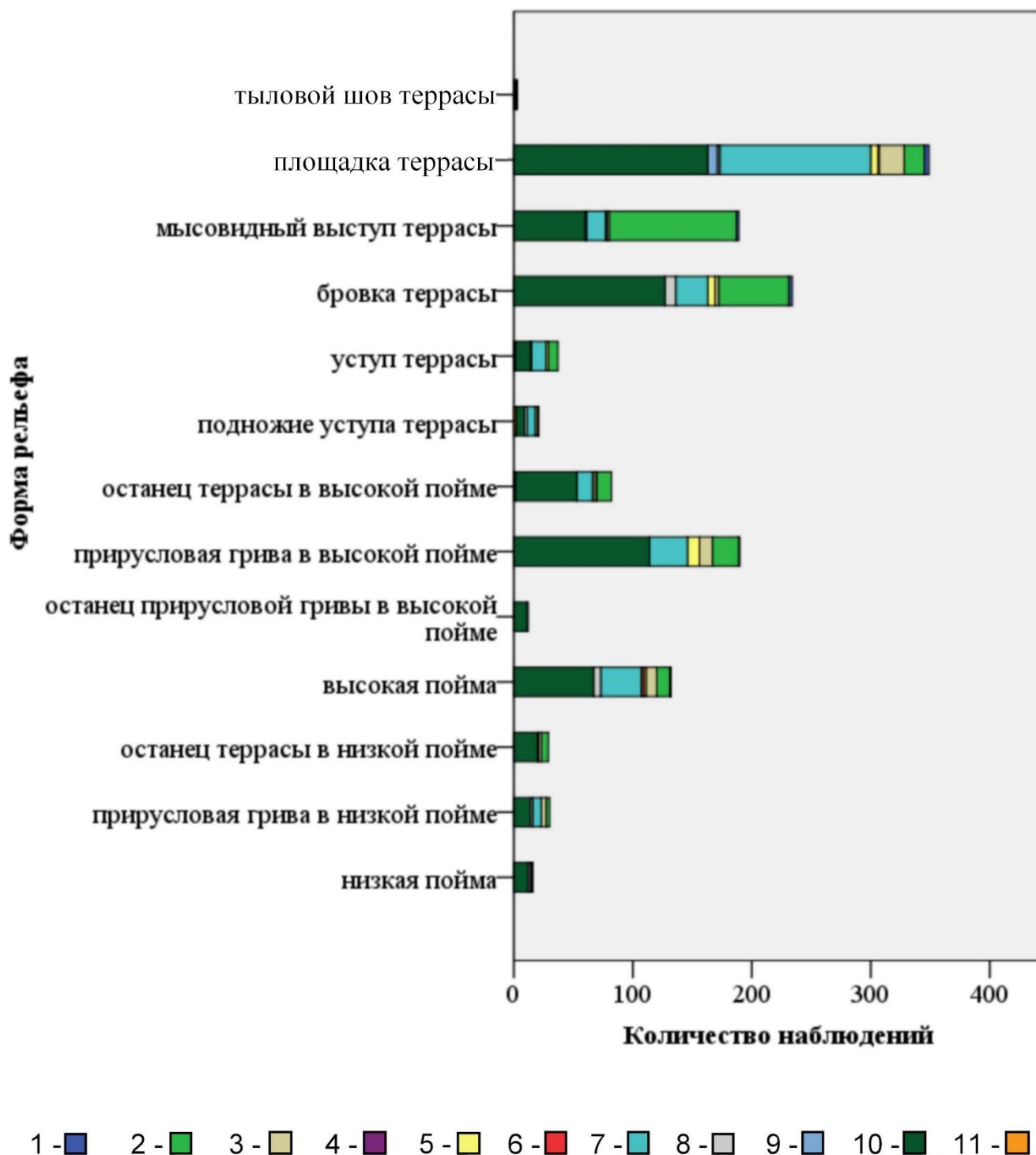

Рис. 2. Приуроченность типов археологических памятников Томско-Нарымского Приобья к отдельным формам рельефа: 1 – ансамбль; 2 – городище; 3 – грунтовый могильник; 4 – достопримечательное место; 5 – одиночная западина; 6 – культовое место; 7 – курганный могильник; 8 – местонахождение; 9 – поселение; 10 – селище; 11 – стоянка

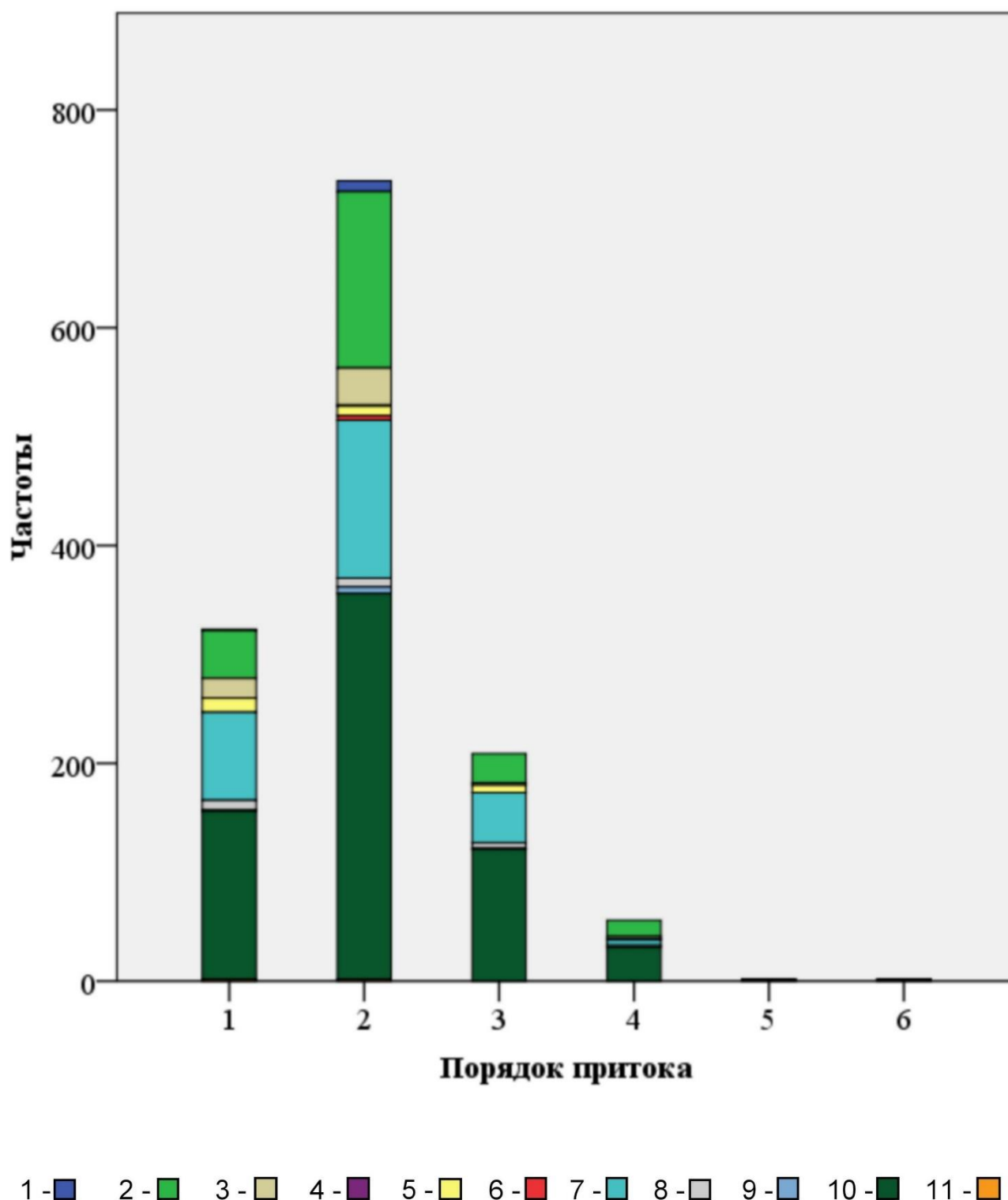

Рис. 3. Приуроченность типов археологических памятников Томско-Нарымского Приобья к бассейнам рек в зависимости от порядка: 1 – ансамбль; 2 – городище; 3 – грунтовый могильник; 4 – достопримечательное место; 5 – одиночная западина; 6 – культовое место; 7 – курганный могильник; 8 – местонахождение; 9 – поселение; 10 – селище; 11 – стоянка.

В первую очередь была проанализирована при-
вязка археологических памятников к бассейнам рек.
Анализ взаимосвязи типологической принадлежности
археологического памятника и его расположения
в бассейне реки определенного порядка выявил сле-
дующие факты. Значительное количество объектов
(735) в наибольшем типологическом многообразии

расположено в бассейнах рек второго порядка. Вдвое
меньше объектов (323) расположено в бассейне
реки первого порядка – р. Оби, которая протекает
по территории Томско-Нарымского Приобья с юго-
востока на северо-запад (см. рис. 1, 1). В бассейнах
рек 3–6-го порядков расположено наименьшее коли-
чество памятников (см. рис. 3).

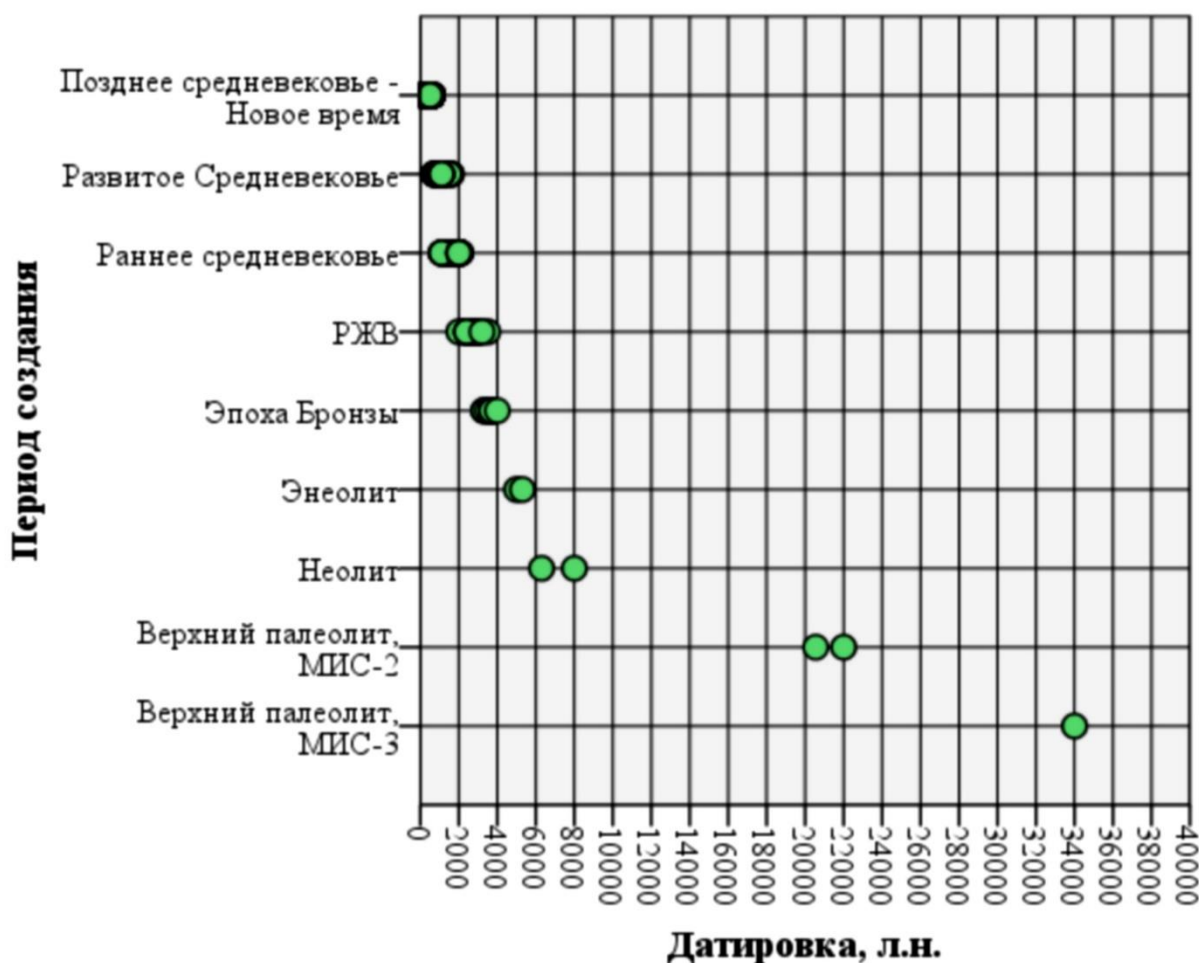

Рис. 4. Хронология археологических памятников Томско-Нарымского Приобья по архивным и опубликованным данным

Анализ приуроченности местоположения объектов к определенным формам рельефа позволил выделить формы, характерные для определенного типа археологических памятников. Для неукрепленных поселенческих комплексов характерно расположение на бровках и площадках террас, а также на прирусловых или эоловых гривах. Первый вариант получил наибольшее распространение в зонах южной тайги и мелколиственных лесов (см. рис. 1, 3, 4). Второй вариант связан в большей степени с зоной средней тайги (см. рис. 1, 2) и ландшафтами заболоченных пойм и наклонных равнин. Значительная часть городищ расположена на бровках и мысовидных выступах террас. Расположение на определенной форме рельефа, вероятно, обуславливало архитектурные особенности отдельного городища. Отсюда проистекает историографическая традиция выделения мысовых, подковообразных и других типов городищ. Погребальные комплексы наиболее часто относятся к площадкам террас и располагаются с напольной стороны поселений. Наименьшее количество памятников расположено на формах рельефа, которые характеризуются наибольшей обводненностью, ограниченным «сухим» пространством.

Собранные сведения о местонахождении и хронологической атрибуции археологических памятников имели разную степень достоверности и проверяемости. Для получения доказательных результатов статисти-

стического анализа было необходимо ограничить объем выборки, тем самым повысив ее качество по данным критериям. Нами были отобраны сведения о 219 археологических памятниках. Данные о местоположении этих объектов получены путем инструментального измерения. Для каждого отобранного объекта проведена полная культурно-хронологическая атрибуция. Сформированная выборка охватывает реки всех порядков и все хронологические периоды, памятники которых встречаются на территории Томско-Нарымского Приобья.

Первоочередной задачей была кластеризация выборки по данным о хронологической привязке объектов. В результате было выделено 11 хронологических кластеров, которые по своим диапазонам соответствуют периодам освоения древним населением Томско-Нарымского Приобья в разные исторические эпохи. Так, первый кластер соответствует верхнему палеолиту, времени существования стоянок Арышевское 1, 2 в период каргинского межледнековья (МИС-3) [26. Табл. 1. С. 65]. Второй кластер соответствует периоду раннего железного века, или VI–I вв. до н.э. [11. С. 35–40]. В диапазон третьего кластера укладываются границы двух периодов – позднего Средневековья и Нового времени. Четвертый кластер соответствует периоду развитого Средневековья. Объекты из пятого кластера относятся к VI–IV тыс. до н.э., что соответствует периоду

неолита на изучаемой территории [27. Рис. 4. С. 195, 196]. Шестой кластер соответствует эпохе поздней бронзы. Объектами из седьмого и восьмого кластеров являются стоянки, существовавшие в последней стадии сартанского оледенения (МИС-2) [26. Табл. 1. С. 65]. Объекты девятого кластера относятся к кулайской и рёлкинской культурам раннего железного века и раннего Средневековья [11. С. 40–48]. Десятый и одиннадцатый кластеры охватывают период палеометалла. На основании результатов кластеризации объекты из выборки были атрибутированы в культурно-хронологическом отношении. Атрибуция изучаемых объектов, проведенная на основе обработки информации мате-

матическими методами, дает возможность взглянуть на динамику культурного развития территории отстраненно от чисто археологического опыта.

Для иллюстрации роли выделяемых кластеров при анализе базы данных был создан график, показывающий расположение кластеров на хронологической шкале выборки (рис. 5). На данном графике выделяются пики встречаемости объектов с определенными хронологическими характеристиками (см. рис. 5, 1). Эти отметки говорят о том, что в отмеченные хронологические периоды происходило возрастание количества мест обитания человека. Имеются в виду не только поселенческие, но и погребальные комплексы.

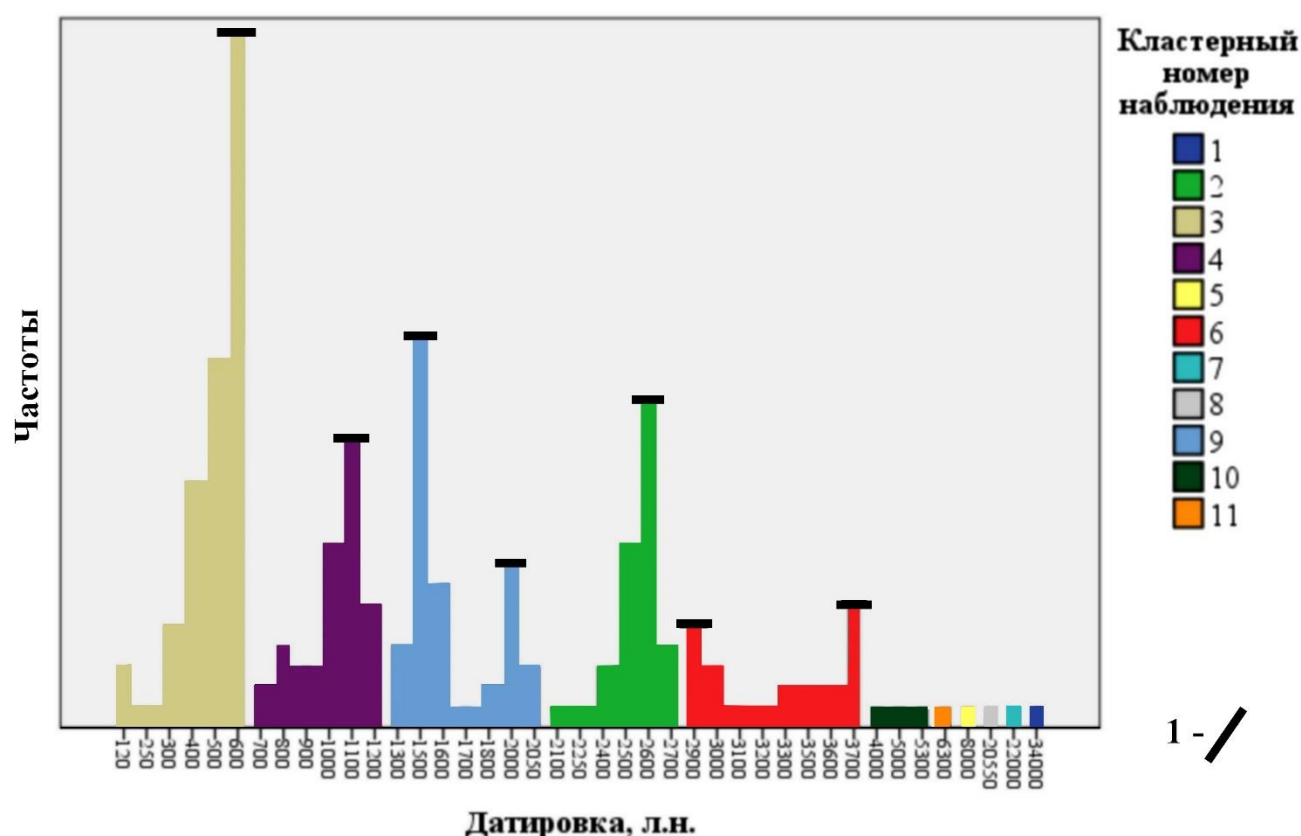

Рис. 5. Расположение кластеров на хронологической шкале выборки: 1 – пиковые значения частоты встречаемости объектов с определенной хронологической характеристикой

Кластеризация объектов из выборки позволила провести анализ взаимосвязи между хронологическим периодом и формой рельефа, на котором возник археологический памятник. Результаты данного анализа были представлены на гистограмме, отображающей частоты распространения разных кластеров внутри отдельных форм рельефа как признаков изучаемых объектов (рис. 6).

На полученной гистограмме видно, что для археологических памятников определенного кластера характерно расположение на определенных формах рельефа. На рис. 6 показано, что свидетельства освоения Томско-Нарымского Приобья в каргинский и сартанский периоды в настоящее время расположены на высоких надпойменных участках. Следующий «скачок» количества относится к археологическим памятникам

периода ранней бронзы, которые менее всего фиксируются сейчас на террасовых комплексах, а значительно чаще выявляются на приусловых и эоловых гривах, расположенных в высокой пойме. Для количественных пиков археологических памятников, относящихся к раннему железному веку, характерно преобладание их диспозиции на мысовидных выступках и бровках террас. К раннему Средневековью это соотношение смещается в сторону площадок террас. Также, применительно к памятникам этой эпохи, значительно увеличивается доля объектов, расположенных в пойменной части бассейнов рек. Памятники позднего Средневековья и Нового времени расположены преимущественно на мысовидных уступах террас. Но вместе с тем относительно в равном соотношении располагаются и на других формах рельефа.

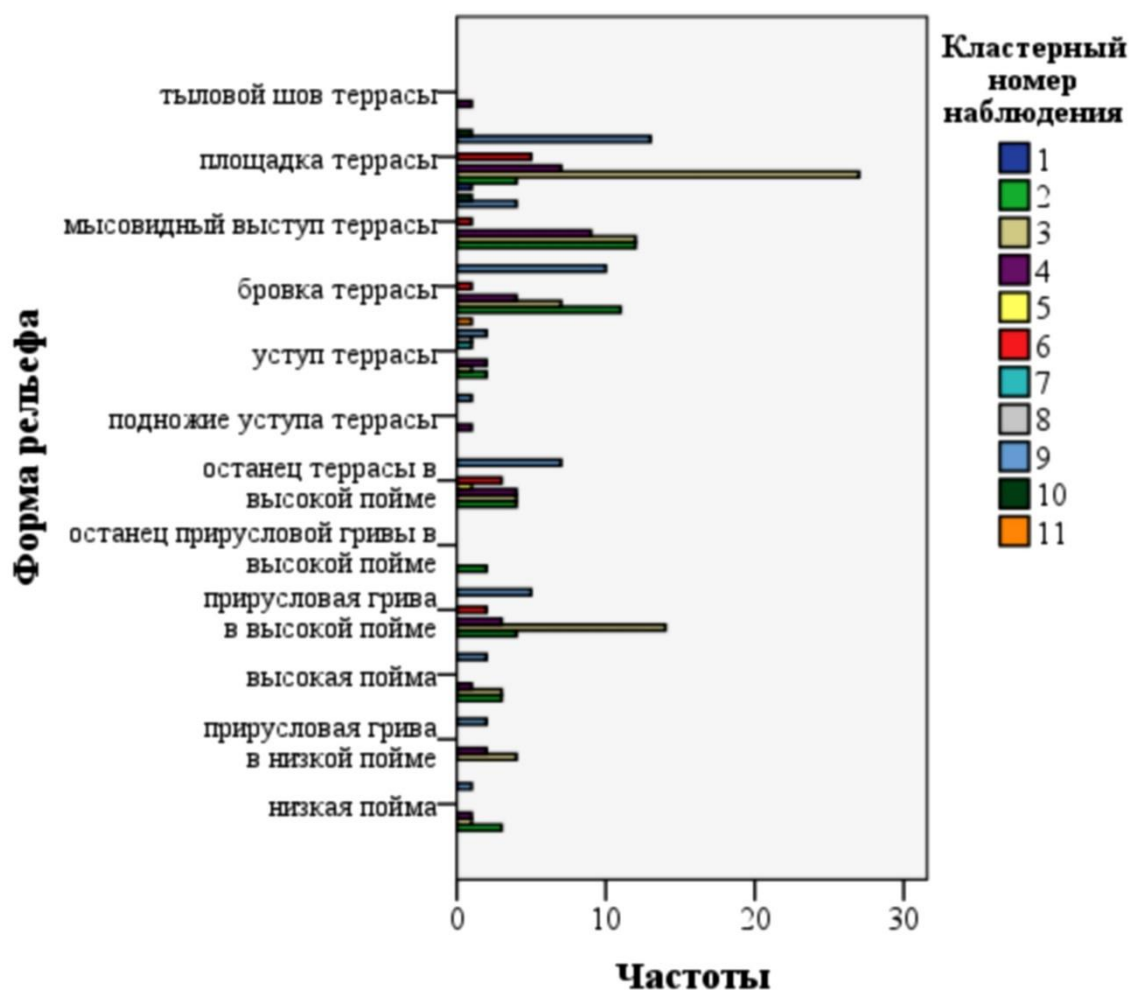

Рис. 6. Гистограмма, показывающая взаимосвязь между признаками формы рельефа и кластерным номером изучаемых объектов

В результате пространственного анализа местоположения археологических памятников был выделен ряд особенностей их ландшафтно-топографического расположения на территории Томско-Нарымского Приобья в разные исторические периоды (рис. 7).

Памятники эпохи камня располагаются на элементах террасовых комплексов – останцах, уступах и площадках террас (см. рис. 7, 1). Преимущественно это стоянки открытого типа, для которых характерны как жилые сооружения, так и их отсутствие. Памятники эпохи бронзы дислоцированы на наименее обводненных участках ландшафта – площадках и бровках террас, останцах террас и гривах в высокой пойме (см. рис. 7, 2). Объекты, относящиеся к раннему железному веку, преимущественно представлены городищами и селищами, которые в большинстве случаев расположены на бровках и мысовидных выступах террас (см. рис. 7, 3). Такое расположение является крайне выгодным с точки зрения обороноспособности поселений. Также необходимо отметить, что в отличие от предшествующих исторических периодов активно осваивается пойменная часть ландшафта – памятники обнаруживаются на останцах террас, гривах, участках высокой поймы (см. рис. 7, 4). Период раннего и развитого Средневековья отличается увеличением доли памятников, располагающихся на формах рельефа

террасового комплекса. Осваиваются площадки, бровки, тыловые швы, уступы и подножия уступов террас (см. рис. 7, 5). Археологические памятники позднего Средневековья и Нового времени встречаются на всех выделяемых формах рельефа. Наибольшую часть составляют объекты, расположенные на площадках террас. Освоение прирусловых ландшафтов, к которым относятся участки низкой поймы и расположенные на них прирусловые гривы и останцы террас, происходило в переходное время от эпохи железа к Средневековью (см. рис. 7, 6).

Критическое рассмотрение результатов данного исследования свидетельствует в первую очередь о том, что современный уровень научных исследований требует от их субъектов, в части заключений, баланса между их собственным «видением» объекта и результатами использования различных методов. С одной стороны, объяснение каких-либо особенностей изучаемых объектов только с позиции собственного исследовательского опыта будет отличаться явным субъективизмом. С другой стороны, применение современных методов анализа приводит к ложному ожиданию быстрых и нужных результатов, которые достигаются «взмахом волшебной палочки». В первую очередь полученные результаты демонстрируют возможность верификации тех представлений о культурно-исто-

рическом развитии территории, которые сформировались на основе исследовательского опыта. Во-вторых, выявленные особенности расположения памятников археологии являются схемой, которая позволяет интерпретировать факты обнаруженных свидетельств жизнедеятельности древнего населения и с определен-

ной долей вероятности предполагать расположение ранее не выявленных объектов археологического наследия на обследуемой территории. Но, как и любая другая, предложенная в настоящей работе схема не может учитывать все индивидуальные черты отдельного археологического памятника.

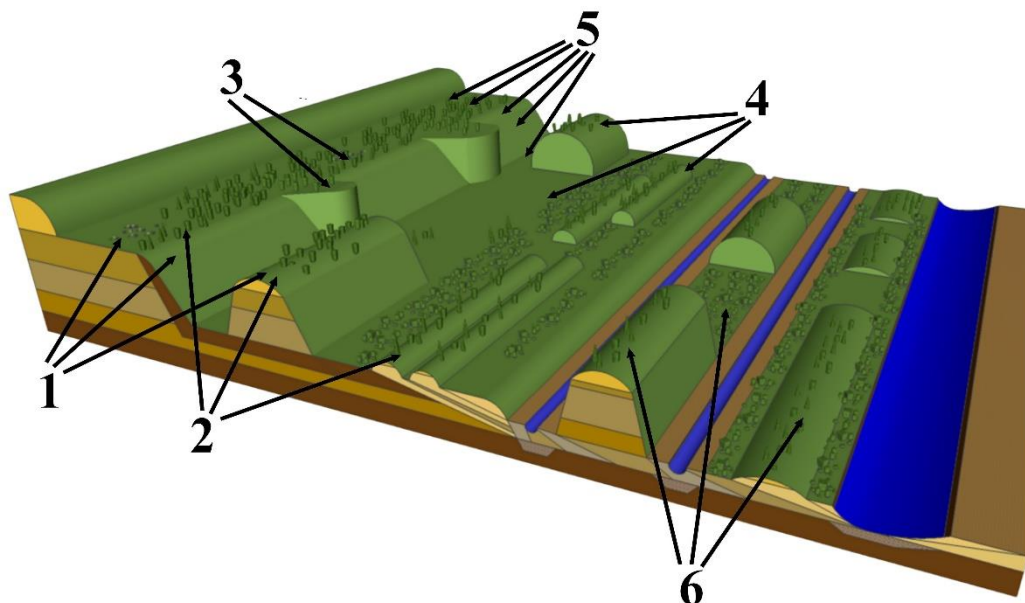

Рис. 7. Модель типовых форм рельефа, выделяемых на территории Томско-Нарымского Приобья, к которым приурочены археологические памятники разных исторических периодов: 1 – расположение памятников плейстоценового возраста на бровках уступах и останцах террас в высокой пойме; 2 – расположение памятников эпохи бронзы на бровках и останцах террас, на гривах в высокой пойме; 3 – памятники эпохи железа расположены на бровках и мысовидных выступах террас; 4 – ландшафты высокой поймы, включающие такие формы рельефа, как останцы террас и гривы; 5 – элементы надпойменной террасы, которые осваивались в эпоху Средневековья; 6 – формы рельефа в низкой пойме

На основании представленных результатов можно сделать вывод, что освоение человеком в древности ландшафтов Томско-Нарымского Приобья происходило в несколько этапов. Данные этапы отмечены на гистограмме, показывающей расположение хронологических кластеров на хронологической шкале и их количественное наполнение (см. рис. 5, 1). Видно, что «всплески» количества памятников приходятся на начало различных периодов в истории региона – эпохи бронзы, раннего железного века, Средневековья и Нового времени. На гистограмме с маркировкой наблюдений, иллюстрирующей встречаемость различных типов памятников в бассейнах рек разного порядка, наблюдается значительное преобладание приуроченности местоположения объектов к рекам 2-го порядка (см. рис. 3). Следовательно, освоение территории происходило по магистральной водной артерии региона – р. Оби – и сопровождалось расселением в ландшафтах обской пойменной провинции (см. рис. 1, 1). Следующим этапом явилось освоение бассейнов рек 2-го порядка, которое происходило, вероятно, в раннем железном веке. На это указывает преобладание среди приуроченных к бассейнам рек 2-го порядка памятников укрепленных поселений и городищ. Завершающим этапом стал переходный период от позднего Средневековья к Новому времени, порядка 600–500 лет назад, когда происходило освоение пространств, удаленных от пойменных ландшафтных структур. Об этом свиде-

тельствуют резкое увеличение количества поселенческих и погребальных комплексов и возрастание доли их приуроченности к площадкам террас.

Обобщение большого массива данных и краткий экскурс в историю археологического исследования территории позволил конкретизировать перспективы изучения археологического наследия Томско-Нарымского Приобья. Одной из актуальных проблем является наличие «пробелов» в хронологической последовательности освоения изучаемой территории (см. рис. 4). Также существует ряд проблем атрибутивного характера, в частности проблема малочисленности опубликованных датировок, полученных естественнонаучными методами. Местоположение порядка 80% всех известных археологических памятников определено без использования инструментальных методов. Для порядка 75% объектов археологического наследия, вошедших в анализируемый банк данных, на момент отправки настоящей статьи в редакцию журнала, весной 2018 г., не были определены и утверждены границы их территории. Обобщение накопленных материалов и выявление «белых» пятен позволяют не только объективно подходить к формулированию научной проблематики и практической значимости создаваемых научно-исследовательских проектов, но и более наглядно представить широкой аудитории современные проблемы изучения археологического наследия.

Список источников

1. Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М. : Техносфера, 2006. 576 с.
2. Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. 396 с.
3. Евсеева Н.С. География Томской области. Природные условия и ресурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 223 с.
4. Радлов В.В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. Западная Сибирь. М., 1884. Т. 11. С. 3–30.
5. Томский университет: 135 лет в истории России (1878–2013 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых, Е.М. Игнатенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 282 с.
6. Плотников А.Ф. Нарымский край // Записки Русского географического общества. СПб., 1901. Т. X, вып. 1. С. 27.
7. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканных в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия Томского университета. 1890. Кн. 11. С. 144–145.
8. Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия Томского университета. 1889. Кн. 1. С. 82–86.
9. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Томского Приобья) // Труды ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 89–116.
10. Ураев Р.А. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области» // Труды Томского краевого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 317–328.
11. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1990. Т. 1. 340 с.
12. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
13. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.
14. Рудковский С.И. Палеогеография севера Западной Сибири в конце II – начале I тысячелетия до н.э. // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 177–182.
15. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии : материалы науч. конф. Омск, 2004. С. 37–39.
16. Ожередов Ю.И., Березин А.Е. Геоинформационное обеспечение деятельности по выявлению, сохранению и охране памятников культуры: возможности и перспективы // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов Всерос. конф. Томск, 2007. С. 102–108.
17. Никулина А.В. Опыт использования ГИС-технологий для пространственного анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (эпоха Бронзы – Средневековье) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных : тез. междунар. конф. молодых ученых. СПб. : Ин-т истории материальной культуры Рос. акад. наук, 2016. С. 341–344.
18. Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Софеев О.В., Ануфриев Д.Е., Деметьев В.Н. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 87–96.
19. Чупина Д.А., Никулина А.В., Картозия А.А. Влияние процессов иссушения / увлажнения на ландшафтные предпочтения человека на территории Барабы в голоцене // Пути эволюционной географии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. А.А. Величко. М., 2016. С. 739–744.
20. Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 7. С. 622–634.
21. Лбова Л.В., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Постнов А.В., Федоренко А.Б. Предварительное археологическое зонирование территорий Восточного Саяна, проблемы и перспективы поиска объектов каменного века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. IX, № 1. С. 150–157.
22. Жуковский М.О. Изучение топографии, структуры и ландшафтного зонирования Гнздовского комплекса археологических памятников с использованием ГИС-технологий // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда. СПб. : Ин-т истории материальной культуры Рос. акад. наук, 2011. С. 379–381.
23. Зайцева Е.А. Методика камерального зонирования территории в системе охраны объектов археологии Ханты-мансийского автономного округа – Югры (некоторые итоги и перспективы) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 120–124.
24. Хромых В.В. Природное районирование // География Томской области. Томск : Том. гос. ун-т, 1988. С. 136–170.
25. Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Полевой дневник В.И. Матющенко (археологическая разведка 1959 г.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 1. С. 116–132.
26. Макаров С.С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, № 3. С. 63–75.
27. Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 189–201.

References

1. Wagner, G.A. (2006) *Nauchnye metody datirovaniya v geologii, arkheologii i istorii* [Scientific methods of dating in geology, archeology and history]. Moscow: Tekhnosfera.
2. Kuzmin, Ya.V. (2017) *Geoarkheologiya: estestvennonauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Geoarchaeology: natural science methods in archaeological research]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Evseeva, N.S. (2001) *Geografiya Tomskoy oblasti. Prirodnye usloviya i resursy* [Geography of Tomsk region. Natural conditions and resources]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Radlov, V.V. (1884) *Drevnie aborigeny Sibiri* [Ancient autochthons of Siberia]. In: Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. *Zhivopisnaya Rossiya. Zapadnaya Sibir'* [Picturesque Russia. Western Siberia]. Vol. 11. Moscow: M.O. Wolf. pp. 3–30.
5. Fominykh, S.F. & Ignatenko, E.M. (eds) (2013) *Tomskiy universitet: 135 let v istorii Rossii (1878–2013 gg.)* [Tomsk University: 135 years in the history of Russia (1878–2013)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray* [The Narym Territory]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 10(1). p. 27.
7. Kuznetsov, S.K. (1890) *Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniykh v okrestnostyakh g. Tomsk, proizvedennykh letom 1889 g.* [Report on the archaeological finds from the vicinity of Tomsk in the summer of 1889]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 11. pp. 144–145.
8. Florinskiy, V.M. (1889) *Kurgany Tomskoy gubernii* [Burial mounds of Tomsk province]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 1. pp. 82–86.
9. Dulzon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkheologicheskoy karte Tomskogo Priob'ya)* [Archaeological monuments of Tomsk Region (materials for the archaeological map of the Tomsk Ob region)]. *Trudy TOKM*. 5. pp. 89–316.
10. Uraev, R.A. (1956) *Dopolnenie k "Arkheologicheskim pamyatnikam Tomskoy oblasti"* [Supplement to the "Archaeological Monuments of Tomsk Region"]. *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya*. 5. pp. 317–328.

11. Chindina, L.A., Yakovlev, Ya.A. & Ozheredov, Yu.I. (1990) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The archaeological map of Tomsk Region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
12. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The archaeological map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
13. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: chelovek i prirodnaya sreda* [Ancient history of Western Siberia: man and natural environment]. Moscow: Nauka.
14. Rudkovskiy, S.I. (2005) Paleogeografiya severa Zapadnoy Sibiri v kontse II – nachale I tysyacheletiya do n.e. [Paleogeography of the north of Western Siberia at the end of the 2nd – early 1st millennium BC]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Zapadnoy Sibiri v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of Western Siberia in the context of interdisciplinary study]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 177–182.
15. Zaytseva, O.V., Barsukov, E.V. & Gusev, A.V. (2004) O vydelenii Shaytanskogo arkheologicheskogo mikrorayona na yuge Tomskoy oblasti [On the allocation of the Shaitan archaeological microdistrict in the south of Tomsk Region]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological microdistricts of Northern Eurasia]. Omsk: Apelsin. pp. 37–39.
16. Ozheredov, Yu.I. & Berezin, A.E. (2007) Geoinformatsionnoe obespechenie deyatel'nosti po vyyavleniyu, sokhraneniyu i okhrane pamyatnikov kul'tury: vozmozhnosti i perspektivy [Geoinformation support for activities to identify, preserve and protect cultural monuments: opportunities and prospects]. *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i okhrany kul'turnogo naslediya pri realizatsii projektov i programm razvitiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of conservation, use and protection of cultural heritage in the implementation of projects and programs for the development of Siberia and the Far East]. Proc. of the Conference. Tomsk. pp. 102–108.
17. Nikulina, A.V. (2016) Opyt ispol'zovaniya GIS-tekhnologiy dlya prostranstvennogo analiza arkheologicheskikh pamyatnikov tsentral'noy chasti Barabinskoy lesostepi (epokha Bronzy – Srednevekov'e) [Experience in the use of GIS technologies for spatial analysis of archaeological sites in the central part of the Baraba forest-steppe (Bronze Age – Middle Ages)]. *Aktual'naya arkheologiya 3. Novye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh* [Actual archeology 3. New interpretations of archaeological data]. Proc. of the Conference. St. Petersburg: Institute of History of Material Culture RAS. pp. 341–344.
18. Kuzmin, Ya.V., Zolnikov, I.D., Novikova, O.I., Glushkova, N.V., Chupina, D.A., Sofeykov, O.V., Anufriev, D.E. & Dementiev, V.N. (2013) Analysis of Spatial Distribution of Archaeological Sites in the Central Baraba Forest Steppe (Vengerovo County, Novosibirsk Province) Based on GIS Technologies. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 12(7). pp. 87–96. (In Russian).
19. Chupina, D.A., Nikulina, A.V. & Kartoziya, A.A. (2016) Vliyanie protsessov issusheniya / uvlazhneniya na landshaftnye predpochteniya cheloveka na territorii Baraby v golotsene [Influence of drying / moistening processes on landscape preferences of a person on the territory of Baraba in the Holocene]. In: Panin, A.V. et al. (eds) *Puti evolyutsionnoy geografii* [Ways of Evolutionary Geography]. Moscow: RAS. pp. 739–744.
20. Makarov, N.A., Zelensova, O.V., Korobov, D.S. & Voroshilov, A.N. (2017) Prostranstvo drevnosti: arkheologicheskie pamyatniki na karte Rossii [The space of antiquity: archaeological sites on the map of Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 87(7). pp. 622–634.
21. Lbova, L.V., Lipnina, E.A., Medvedev, G.I., Novoseltseva, V.M., Postnov, A.V. & Fedorenko, A.B. (2005) Predvaritel'noe arkheologicheskoe zonirovaniye territoriy Vostochnogo Sayana, problemy i perspektivy poiska ob'ektov kamennogo veka [Preliminary archaeological zoning of the territories of the Eastern Sayan, problems and prospects of searching for objects of the Stone Age]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 11(1). pp. 150–157.
22. Zhukovskiy, M.O. (2011) Izucheniye topografii, struktury i landshaftnogo zonirovaniya Gnezdovskogo kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov s ispol'zovaniem GIS-tekhnologiy [Study of the topography, structure and landscape zoning of the Gnezdovsky archaeological complex using GIS technologies]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vseros.s. arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg: Institute of History of Material Culture RAS. pp. 379–381.
23. Zaytseva, E.A. (2010) Metodika kameral'nogo zonirovaniya territorii v sisteme okhrany ob'ektov arkheologii Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (nekotorye itogi i perspektivy) [Methodology of the territory cameral zoning in the system of protection of objects of archeology in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (some results and prospects)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(27). pp. 120–124.
24. Khromykh, V.V. (1988) Prirodnoye rayonirovaniye [Natural zoning]. In: Zemtsov, A.A. (ed.) *Geografiya Tomskoy oblasti* [Geography of Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 136–170.
25. Ivashchenko, S.N. & Tolpeko, I.V. (2015) Polevoy dnevnik V.I. Matyushchenko (arkheologicheskaya razvedka 1959 g.) [V.I. Matyushchenko's field diary (archaeological exploration in 1959)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 1. pp. 116–132.
26. Makarov, S.S. (2009) The cultural dynamic and the colonization of western Siberia plain in the last Pleistocene. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 8(3). pp. 63–75. (In Russian).
27. Marochkin, A.G. & Yurakova, A.Yu. (2014) Neolithic-Eneolithic findings from Dolgaya 1 site (south of Lower Tom' Region). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 13(3). pp. 189–201. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бычков Дмитрий Александрович – младший научный сотрудник отдела спасательных археологических работ Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: bda.nsk@yandex

Information about the author:

Bychkov Dmitry A. – Junior Researcher of the Department of Rescue Archaeological Works, Institute of Archeology of Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 30.05.2018; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья

УДК 902.01

doi: 10.17223/19988613/76/22

Могильник Калистратиха-III в системе Сейминско-турбинских памятников Обь-Иртышья

Сергей Петрович Грушин¹, Ярослав Владимирович Фролов²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ gsp142@mail.ru

² frolov_jar@mail.ru

Аннотация. На территории лесостепного Обь-Иртышья известно несколько десятков предметов сейминско-турбинского типа, большинство из которых представлено случайными находками. Работа посвящена характеристике нового памятника, получившего обозначение Калистратиха-III, в котором обнаружен бронзовый наконечник копья. Особенности погребального обряда и предметного комплекса позволили связать его с населением елунинской культуры. Радиоуглеродные даты, полученные по костям человека, датируют памятник XXI–XIX вв. до н.э. Морфологические особенности обнаруженного бронзового сейминско-турбинского наконечника копья позволяют связать его с так называемым «преображенским» типом, формирование которого, вероятно, происходило в лесостепном Обь-Иртышье.

Ключевые слова: Сейминско-турбинский комплекс, преображенская группа

Для цитирования: Грушин С.П., Фролов Я.В. Могильник Калистратиха-III в системе Сейминско-турбинских памятников Обь-Иртышья // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 192–202. doi: 10.17223/19988613/76/22

Original article

The Kalistraticha III burial site in the system of Ob`-Yrtys Seima-turbino phenomenon sites

Sergey P. Grushin¹, Yaroslav V. Frolov²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ gsp142@mail.ru

² frolov_jar@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the research result of a new Seima-Turbino-type site named «Kalistraticha-III». The aim of the research is to recognize the place of burial rites and material complex in the system of the Seima-Turbino phenomenon from the Ob-Yrtys region. There were some characteristic features of burial rites that could be observed in the Bronze Age burials of the same time: the burials on the tomb field were located in a row, elongated along the N-S line; the dead were buried in shallow pits, positioned on the left side, with their heads turned to the east. The data of the X-ray-fluorescence analysis of the spearhead from Kalistraticha-III site reveals that it was made from bronze mixed with a small amount of lead and zinc. The presence of copper-lead-zinc ores characterizes polymetallic deposits of the Ore Altai.

Morphological analysis of the Seimino-turbino type spearhead from the Kalistraticha-III burial ground showed its difference from the classic spearheads found in the burial complexes of the Rostovka burial ground. This object was assigned to the Seima-Turbino tips group, which received the designation “Preobrazenskaya”. The following characteristic features are distinguished for it: an ellipsoidal feather, with a maximum expansion in the central part; the “fork” of the tip occupies a small part of the pen, its teeth are often not parallel to each other, but converge on the central stiffener.

To the present day, six bronze spearheads with similar morphological features are known. All of them originated from the forest-steppe Ob-Irtysh territory. Perhaps the morphological features of the Preobrazenskaya group of “forked” heads were formed in this territory. At present this group can be associated with the Odintsovo-Elunino antiquities of the second half of the 3rd millennium BC. The tips of the “Preobrazenskaya” group often originated from single burials on the burial sites. Similar situation can be observed on the of Preobrazhenka-6 and Kalistratikh-III sites. Such burials could signify a high social status of a specific person in a team, while classic “Rostovkino” ones could label an entire elite social group. The considered complex at the Kalistratikh-III burial ground replenishes the source fund for Seimino-

turbine topical questions and reflects the local version of Seimino-Turbine bronze-casting traditions on the eastern periphery of their distribution.

Keywords: Seima-Turbino phenomenon, "Preobrazenskaya" Group

For citation: Grushin S.P., Frolov Y.V. (2022) The Kalistraticha III burial site in the system of Ob'-Yrtysh Seima-turbino phenomenon site. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 192–202. doi: 10.17223/19988613/76/22

Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа на территории лесостепного Обь-Иртышья представлены преимущественно случайными находками. Лишенные привязки к археологическим комплексам, такие предметы вооружения не могут быть надежно включены в культурно-хронологический контекст, в связи с чем имеющиеся в научной литературе модели этнокультурного развития, связанные с сейминско-турбинскими бронзами, основываются в основном на типолого-морфологических основаниях. Находки предметов такого типа в закрытых археологических комплексах происходят нечасто, поэтому любой подобный случай приобретает исключительное значение для историко-культурной интерпретации всего сейминско-турбинского феномена и заслуживает отдельного рассмотрения. Работа посвящена характеристике нового некрополя, получившего название Калистратиха-III, в котором обнаружен наконечник копья сейминско-турбинского типа.

Памятник расположен в Калманском районе Алтайского края на северо-восточной окраине с. Калистратиха, в 0,3 км к югу от сельского кладбища (рис. 1, 2). Памятник находится на левом берегу Оби, на северном борту крупного лога, прорезающего верхнюю надпойменную террасу долины реки. При обследовании территории могильника экспедицией Алтайского государственного университета в современной траншее было найдено два обломка бронзового наконечника копья. Для определения характера памятника и поиска объектов, связанных с находкой, на территории мыса был заложен раскоп общей площадью 165 кв. м. В ходе раскопок исследовано пять захоронений, три из которых относятся к бронзовому веку (могилы № 1, 3, 4), два – к монгольскому времени (могилы № 2, 5). Погребения бронзового века располагались в ряд, вытянутый по линии С–Ю с небольшим отклонением по линии ЮВ–СЗ (рис. 2).

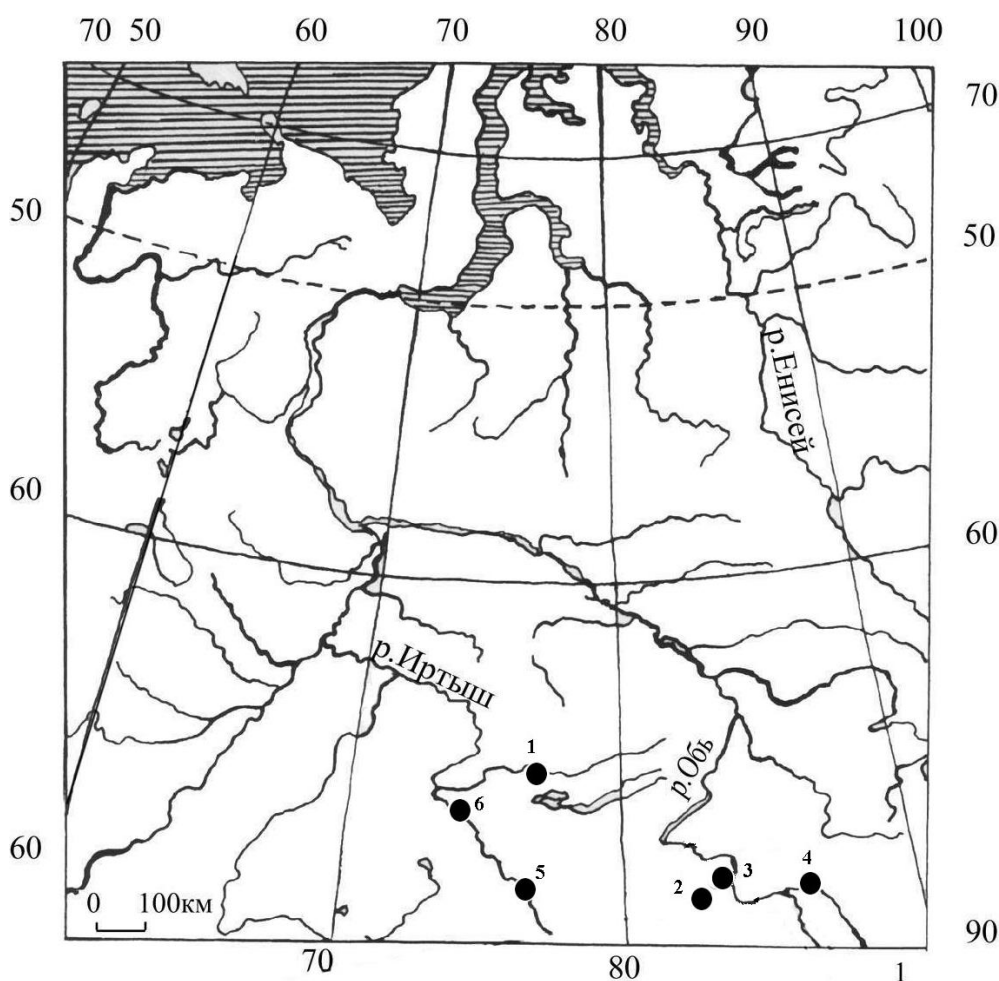

Рис. 1. Распространение сейминско-турбинских наконечников копий «преображенского» типа на карте Западной Сибири: 1 – Преображенка-6; 2 – Чарыш; 3 – Калистратиха-III; 4 – Новиково; 5 – Григорьевка; 6 – Омск

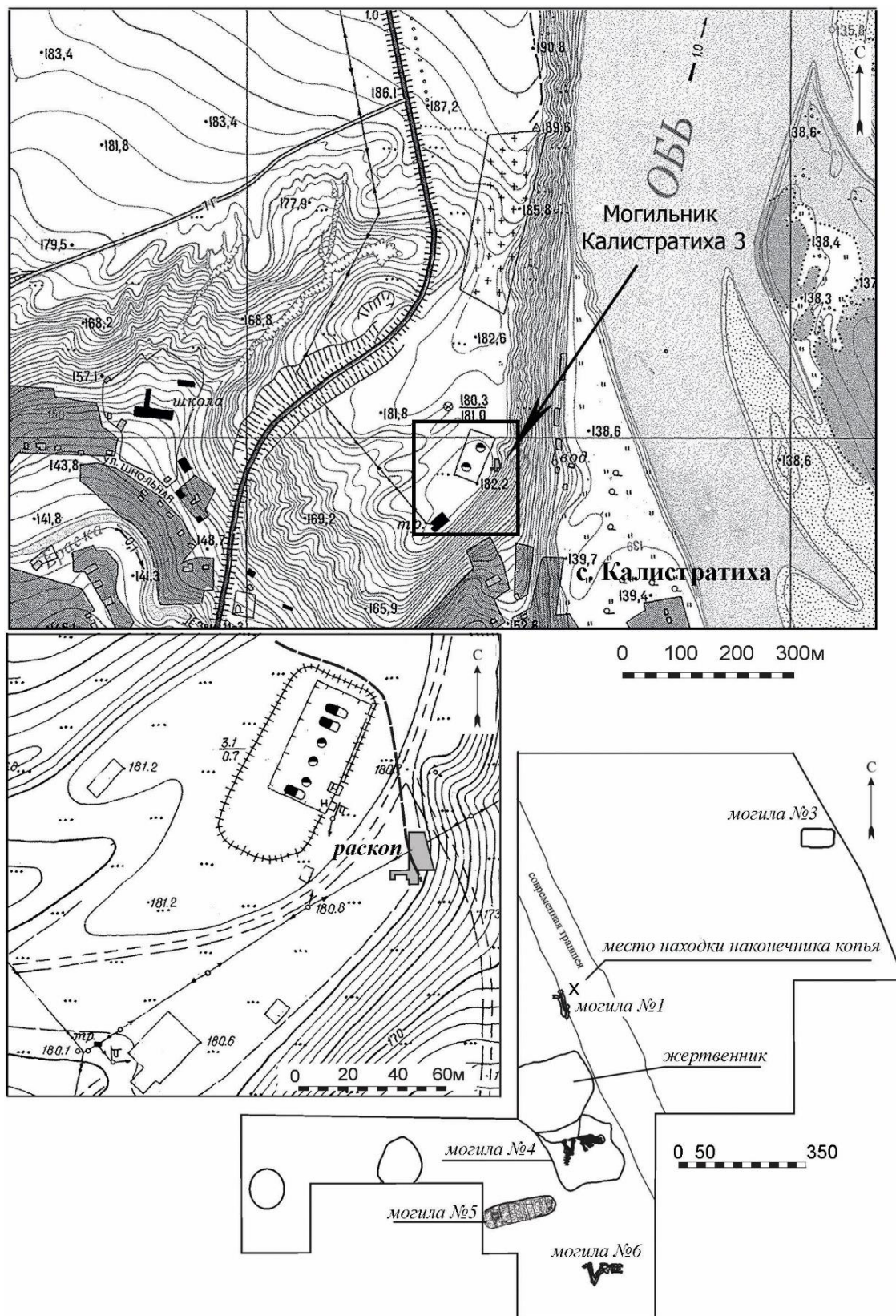

Рис. 2. Месторасположение могильника Калистратиха-III и план раскопа.

Могила № 1 (рис. 3, 1). Часть могилы была разрушена при сооружении современной траншеи. Глубина захоронения от уровня современной поверхности 0,35–0,4 м. Следов могильной ямы и элементов погребальной конструкции зафиксировать не удалось. Остатки

могильной конструкции не зафиксированы. Верхняя часть скелета отсутствовала, сохранились только кости ног. В районе костей стоп погребенного человека обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 4, 2; 5, 2). По определению С.С. Тур, в погребении был захоро-

нен мужчина возрастом 25–30 лет. Положение и ориентировка погребенного были определены по сохранившимся *in situ* костям скелета. Захоронение человека было совершено головой восток, на левом боку, в скорченном положении, ноги согнуты в коленях. Рядом с костями стоп мужчины, а также на дне современной траншеи и в отвале зафиксированы раз-

розненные кости ребенка возрастом 1,5–3 года. Там же, в отвале траншеи, были найдены бронзовый наконечник копья (рис. 4, 1; 5, 1) и обломок костяного наконечника стрелы (рис. 4, 3; 5, 3), аналогичные изделию, найденному в могиле. По всей видимости, эти предметы происходят из разрушенной части захоронения.

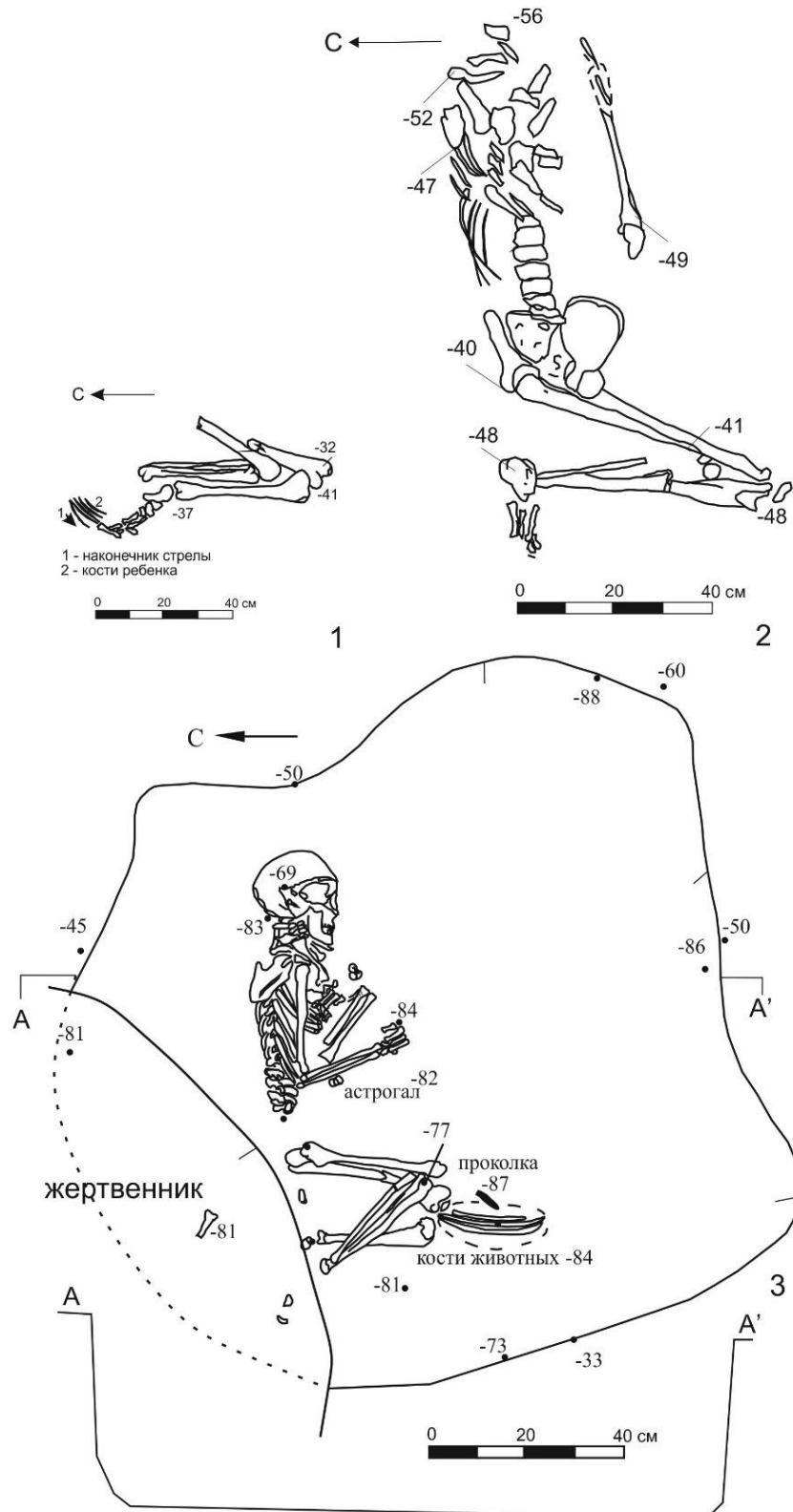

Рис.3. Могильник Калистратиха-III. Планы погребений бронзового века: 1 – могила № 1; 2 – могила № 3; 3 – могила № 4

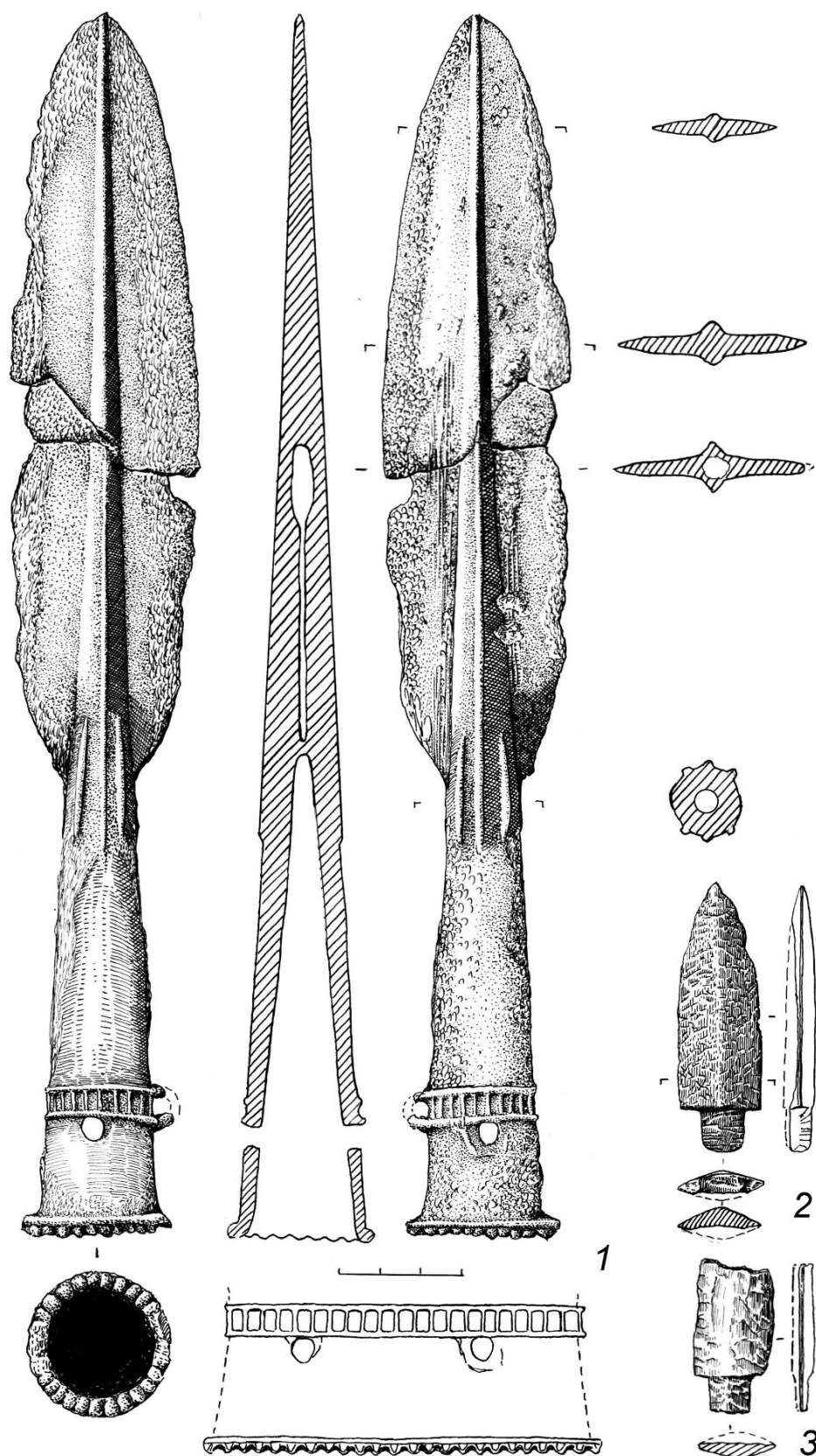

Рис.4. Могильник Калистратиха-III. Находки из могилы № 1: 1 – бронзовый наконечник копья; 2, 3 – костяные наконечники стрел

Могилы № 3 (рис. 3, 2). Погребение находилось на склоне мыса, в результате чего слой почвы над захоронением оказался частично смыт дождевыми потоками, поэтому останки фиксировались непосредственно на современной поверхности. В ходе расчистки был выяв-

лен скелет человека без черепа. Останки принадлежали мужчине в возрасте около 20 лет. Судя по костям, умерший был похоронен на левом боку, в скорченном положении: ноги согнуты в коленях, руки в локтях, головой на восток. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила № 4 (рис. 3, 3). Погребение человека было совершено в аморфной яме размерами 2×2 м, глубиной в материке 0,35 м. Умерший был уложен на левый бок, в скорченном положении: ноги согнуты в коленях, руки в локтях, головой на восток. Кисть левой руки была неестественным образом повернута к ту-

ловищу, возможно, сломана при жизни или в момент погребения. Некоторые кости (фаланги ног, таз) растащены грызунами. В ногах, справа, располагались ребра овцы, здесь же рядом найдена костяная проколка. У локтя погребенного обнаружен астрагал барана.

Рис. 5. Могильник Калистратиха-III. Фото находок из могилы № 1: 1 – бронзовый наконечник копья; 2, 3 – костяные наконечники стрел

Между могилами № 1 и № 4 был исследован жертвенник в виде ямы с костями животного и каменными предметами. Объект имел трапециевидную в плане форму размерами $2,5 \times 3$ м с закругленными углами и углублен в материк на 0,5 м. Северо-восточная сторона была разрушена при сооружении современной траншеи. В заполнении ямы на глубине 0,4 м в центральной части сооружения был зачищен приклад крупных каменных галек различной формы, напоминающих песты и отбойники, без следов использования, а также частично разрушенный череп КРС. Об-

ъект перерезал северо-западный угол могилы № 4, что свидетельствует о более позднем времени его сооружения.

Ниже приведем характеристику обнаруженных находок, связанных с некрополем бронзового века могильника Калистратиха-III.

Наконечники стрел (см. рис. 4, 2, 3; 5, 2, 3). Обнаруженные в могиле № 1 костяные наконечники стрел идентичны по форме и размерам, у одного из них обломано перо в центральной части. Изделия имеют ромбовидное сечение, плоский квадратный черешок,

выраженные прямые плечики и перо вытянутой башневидной формы. Размеры черешка 1×1 см, пера – $5,4 \times 2$ см. На черешке целого наконечника нанесены горизонтальные параллельные нарезки, предназначенные для улучшения крепления наконечника к древку.

Наконечник копья (см. рис. 4, 1; 5, 1). Общая длина изделия 29,3 см, длинна втулки 10,5 см, пера – 18,8 см. Перо имеет форму вытянутого эллипса с максимальным расширением в середине – 4,5 см. По центру пера проходит нервюра – ребро жесткости. По обе стороны от центрального ребра жесткости сделано по одному валику длиной по 2,5 см, что сформировало «вилку пера». Втулка наконечника имеет коническую форму с максимальным расширением у основания, где ее диаметр составляет 3,7 см. Устье втулки оканчивается валиком, ее срез оформлен рифленным орнаментом. В нижней трети втулки имеется пояс в виде горизонтальной «лесенки», под ним – сквозное отверстие диаметром 0,5 см – элемент крепления к древку. С одной стороны пояса оформлено ушко. К моменту обнаружения данная деталь была обломана. Втулка имеет глубину 12 см.

Поскольку перо было сломано по центру, выяснились дополнительные особенности изделия. Так, внутри ребра жесткости по центру пера имеется пустой канал диаметром около 0,2 см длиной 5,8 см, между ним и полостью втулки располагается перегородка шириной 0,5 см. Канал в центральной части пера заканчивался вытянутым вдоль ребра жесткости полым «пузырем» размером $1,5 \times 0,8$ см, являющимся литейным браком. Наличие такой относительно большой полости, вероятнее всего, и привело к тому, что перо было обломано именно в этом месте. С функциональной точки зрения выявленная деталь значительно снижает прочность наконечника копья, что и демонстрирует нам рассматриваемое изделие.

С целью определения состава металла наконечник копья был изучен на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Определение и аналитическое заключение выполнены А.А. Тишкиным. Тестирования осуществлялись на участках слома пера и острия изделия. Снятия поверхностных окислов не производилось. Получено два близких по показателям результата, которые свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве: 1) Cu – 77,5%, Sn – 21,64%, Fe – 0,57%, Pb – 0,29%; 2) Cu – 81,7%, Sn – 17,58%, Fe – 0,5%, Pb – 0,22%. Полученные данные указывают, что копье было отлито из оловянистой бронзы. Малая концентрация такого элемента, как свинец, указывает на то, что он попал в изделие в качестве естественной примеси. Сопутствующие компоненты, зафиксированные в определениях, могут свидетельствовать о сырьевых источниках. В качестве них мог выступать Рудный Алтай с богатыми полиметаллическими месторождениями, содержащими медно-свинцово-цинковые руды [1].

По костям людей из могил № 1, 3, 4 были получены четыре радиоуглеродные даты. Два определения сделано в Аналитическом центре Института монито-

ринга климатических и экологических систем СО РАН (Томск). Определения содержания радиоуглерода осуществлялись жидкостно-сцинтилляционным методом на низкофоновом спектрометре-радиометре Quantulus 1220 Томского центра коллективного пользования СО РАН (аналитик – кандидат технических наук Г.В. Симонова). В радиоуглеродной лаборатории Центра археологической технологии Института археологии Китайской академии общественных наук (Institut of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences) получены заключения по двум образцам. В данной работе принимали участие сотрудники радиоуглеродной лаборатории Института геологии Китайского сейсмического бюро (C14 Laboratory of the Institute of Geology, China Earthquake Administration), а также национальной лаборатории ядерной физики и ядерной технологии Пекинского университета (State Key Laboratory of Nuclear Physics and Nuclear Technology Peking University). Результаты радиоуглеродного датирования погребальных комплексов могильника Калистратиха-III получили подробное освещение в научной литературе [2], что избавляет от необходимости их полного анализа. Отметим, что они демонстрируют хронологический диапазон XXIV–XVIII вв. до н.э. AMS-даты китайской лаборатории с небольшой среднеквадратичной ошибкой укладываются в более узкий период: XXI–XIX вв. до н.э. [2. С. 114].

К настоящему времени на территории лесостепного и степного Обь-Иртышья известно 18 пунктов нахождения сейминско-турбинских бронзовых наконечников копий. Данные изделия представлены втульчатыми наконечниками, которые характеризуются «вилчатым» стержнем пера. То есть они имеют два коротких выступа в основании пера и один длинный, продолжающийся от втулки до вершины пера (ребро жесткости). По низу втулки проходит поясок из рельефных параллельных линий. Часть наконечников происходит из погребальных комплексов, другие представлены случайными находками. Особое место занимает крупный некрополь Ростовка, в котором обнаружено пять предметов интересующего нас типа [3], а также минимум четыре изделия из грабительских раскопок в районе Омска [4]; одна литейная форма для отливки наконечника копья происходит из разрушенного погребения на могильнике Сопка-II [5. Рис. 257].

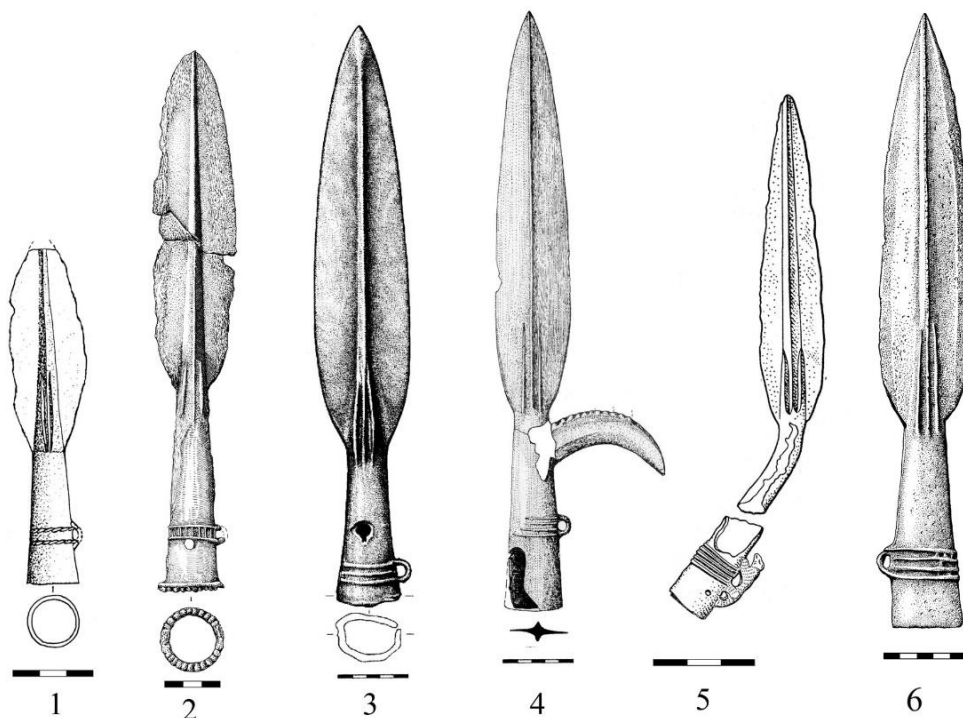
Проведенный морфологический анализ изделий позволил выявить три группы подобных предметов, которые демонстрируют динамику и вариативность развития сейминско-турбинских бронзолитейных традиций, проявившихся в производстве наконечников копий в Обь-Иртышском регионе. Наконечник из могильника Калистратиха-III относится к группе изделий, которая обозначена как «преображенская» [6]. Морфологическая особенность данных изделий – перо эллипсоидной формы с максимальным расширением в центральной части. Показатель отношения длины пера к его максимальной ширине у наконечников преображенского типа составляет 4,1–5,1. Перо подобной формы выглядит узким и длинным. Также морфологическими особенностями предметов данного типа являются расположение и характер «вилки» пера.

У большинства наконечников «вилка» занимает лишь незначительную часть пера (1/6 или 1/8), в отличие от классических – «ростовкинских», у которых она занимает от 1/3 до 1/2 части пера. «Зубья вилки» расположены не параллельно друг другу, а сходятся на центральном ребре жесткости.

Практически все известные предметы преобразенского типа обнаружены в лесостепной зоне Обь-Иртышья (см. рис. 1). Всего к изделиям преобразен-

ского типа на настоящий момент времени можно отнести шесть наконечников копий. К ним относятся, помимо изделия из могильника Калистратиха-III, наконечник из могильника Преображенка-6 [7. Рис. 2], случайные находки с р. Чарыш [8. Рис. 144], из с. Новиково [9. Рис. 1], из с. Григорьевка на р. Иртыш [10. Рис. 1, 5], из г. Омска [11. Рис. 31, 1]. По разработанной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых классификации, близкие изделия относятся к типам КД-10, 12 [11. С. 67].

преобразенский тип

ростовкинский тип

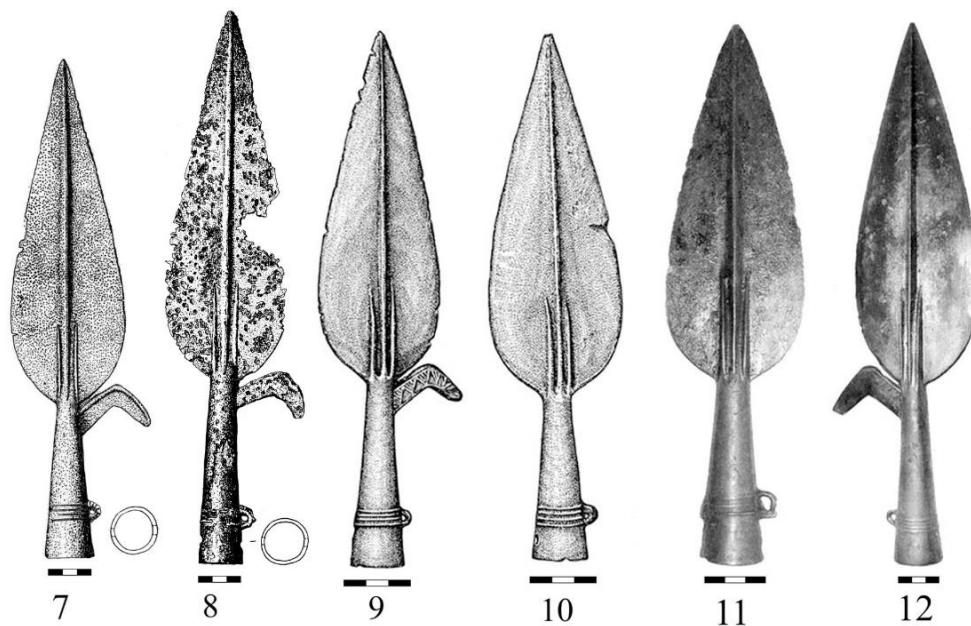

Рис. 6. Бронзовые сейминско-турбинские наконечники копий преобразенского (1–6) и ростовкинского (7–12) типов лесостепного Обь-Иртышья: 1 – Григорьевка [10. Рис. 1, 5]; 2 – Калистратиха-III; 3 – Преображенка-6 [7. Рис. 2]; 4 – р. Чарыш [8. Рис. 1]; 5 – г. Омск [11. Рис. 31, 1]; 6 – Новиково [9. Рис. 1]; 7, 8 – Ростовка [3. Рис. 43, 1; 18, 2]; 9–12 – коллекция из г. Омска [4. Рис. 1, 3, 4, 6].

Отметим, что в настоящее время неизвестны случаи, когда в одном некрополе встречены наконечники классического, ростовкинского, и преображенского типов. Особенностью последних является то обстоятельство, что они, как правило, происходят из единичных погребений на могильнике. Такая картина наблюдается на памятниках Преображенка-6 и Калистратиха-III. Захоронение человека с наконечником копья могло маркировать его высокий социальный статус в коллективе. При этом классические, ростовкинские, встречающиеся в большой серии погребений на одном некрополе, могли маркировать целую элитарную социальную группу. Отличия также наблюдаются и в характере распространения выделенных групп изделий. Классические сейминско-турбинские наконечники бытовали на огромной территории Северной Евразии. Результаты картографирования наконечников преображенского типа демонстрируют более локальный ареал. Большинство таких изделий обнаружено на территории лесостепного Обь-Иртышья. Возможно, именно в этом регионе происходило формирование морфологических особенностей этой группы «вильчатых» наконечников. Это может косвенно указывать на ранний характер таких изделий и полностью согласуется с идеей о формировании сейминско-турбинских племен в лесостепных холмистых предгорьях к северу от Алтая [11. С. 270].

Важной проблемой в изучении рассматриваемой категории изделий является вопрос о культурно-хронологической атрибуции наконечников преображенского типа Обь-Иртышского региона. Погребение на могильнике Преображенка-6, из которого происходит подобное изделие, было отнесено к одиновской культуре, которая сформировалась во 2-й половине III тыс. до н.э. [12. С. 93]. Погребальные обряды, зафиксированные на могильниках Калистратиха-III и Преображенка-6, значительно отличаются. Если в первом некрополе умершие были похоронены скорчено на левом боку с согнутыми в коленях ногами, то в последнем – вытянуто на спине. Погребальный обряд (скорчено на левом боку), зафиксированный на могильнике Калистратиха-III, характерен для захоронений елунинской культуры Обь-Иртышья, существовавшей в XXV–XVIII вв. до н.э. [13; 14; 15. С. 21]. Этому не противоречат и особенности костяных наконечников стрел, обнаруженных на могильнике Калистратиха-III. Аналогии подобным изделиям имеются

в материалах елунинского поселения Березовая Лука [16. Рис. 4, 10; 17. Рис. 35, 9. Фото 8] и могильника Нижняя Суетка [18. Рис. 1, 2; 16. Рис. 4, 4]. Костяной наконечник стрелы из Нижней Суетки морфологически самый близкий калистратихинскому, на обоих изделиях имеются насечки на черешке. Однако полное отсутствие керамики в погребальных комплексах могильника Калистратиха-III не позволяет надежно связать его с елунинской культурой.

Вопрос о соотношении копий преображенского типа и классических – ростовкинских – сейминско-турбинских изделий в настоящее время, остается открытым (рис. 6). Одним из авторов высказывалась идея о том, что копья преображенского типа являются более ранними относительно ростовкинских [19. С. 34]. Имеющиеся радиоуглеродные даты по рассматриваемым комплексам не позволяют судить об этом однозначно. Могильник Преображенка-6 по серии радиоуглеродных данных датируется XXIII–XX вв. до н.э. [20. Р. 601].

Отметим, что дата по погребению 24, из которого происходит наконечник копья, укладывается по 2σ (sigma) в более ранний период XXIV–XXII вв. до н.э. [21. Tabl. 1]. Полученные даты по могильнику Калистратиха-III, как отмечено выше, демонстрируют период XXI–XIX вв. до н.э. Серия радиоуглеродных дат по могильнику Ростовка отражает близкий хронологический период: XXII–XX вв. до н.э. [Ibid]. Таким образом, идея о том, что наконечники копий преображенского типа хронологически занимают более раннее положение относительно классических сейминско-турбинских копий ростовкинского типа в Обь-Иртышском регионе, требует дальнейшей проработки. Возникновение и распространение преображенских наконечников копий можно связать в настоящее время с одиновско-елунинскими древностями второй половины III тыс. до н.э. [6. С. 228–229]. Их носителей можно рассматривать в качестве локальной группы сейминско-турбинских племен на территории лесостепного Обь-Иртышья, в среде которой были сформированы своеобразные морфологические черты в оформлении такой значимой категории оружия, как наконечники копий.

Рассмотренный комплекс на могильнике Калистратиха-III пополняет источниковый фонд по сейминско-турбинской проблематике и отражает локальный вариант сейминско-турбинских бронзолитейных традиций в восточной зоне их распространения.

Список источников

1. Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России : очерки истории Змеиногорска. Барнаул : Изд-во Управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 6–16.
2. Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Серия новых радиоуглеродных дат для памятников периода ранней бронзы Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. Вып. 56. С. 110–117.
3. Матюшенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
4. Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Вып. 3 (43). С. 58–71.
5. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.
6. Грушин С.П. Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древнейшими цивилизациями. СПб. : Периферия, 2012. Кн. 2. С. 224–229.
7. Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 344–359.

8. Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 143–150.
9. Тишкин А.А., Семибратов В.П. Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XIX. С. 252–255.
10. Грушин С.П., Папин Д.В., Мерц В.К., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 4–17.
11. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М : Наука, 1989. 320 с.
12. Корякова Л.Н., Молодин В.И. Изучение культурной изменчивости в археологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История и филология. 2012. Том 11, № 3. С. 82–102.
13. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
14. Грушин С.П., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Солодовников К.Н., Тур С.С., Потемкина Т.М., Бондаренко А.В., Борисов В.А., Косинцев П.А., Гайдученко Л.Л., Вальков И.А., Милыев Г.А., Сатаева Л.Н., Волков П.В., Понаморева Е.А., Воронкин К.И. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.
15. Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III–первой четверти II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 54 с.
16. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 16–32.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. 2. 171 с.
18. Уманский А.П. Находка 1961 г. из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 51–55.
19. Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.
20. Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. 2015. Vol. 57 (4). P. 595–610.
21. Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.A. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (bronze age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 2017. Vol. 59 (5). P. 1381–1397.

References

1. Chekalin, V.M. (1999) Rol' Zmeinogorskogo mestorozhdeniya zoloto-srebro-barito-polimetallicheskikh rud v istorii osnovaniya i razvitiya goroda Zmeinogorsk [The role of the Zmeinogorsk deposit of gold-silver-barite-polymetallic ores in the history of the foundation and development of Zmeinogorsk]. In: Moiseev, V.A. (ed.) *Serebryany venets Rossii : ocherki istorii Zmeinogorska* [The Silver Crown of Russia: Essays on the History of Zmeinogorsk]. Barnaul: Department of Archival Affairs of the Administration of the Altai Territory. pp. 6–16.
2. Grushin, S.P., Tishkin, A.A. & Chzhan, L. (2018) A series of new radiocarbon dates for the sites of the early Bronze Age of the Upper Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 56. pp. 110–117. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/56/14
3. Matyushchenko, V.I. & Sinitsyna, G.V. (1988) *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska* [A burial ground near the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Molodin, V.I. & Neskorov, A.V. (2010) Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 3(43). pp. 58–71. (In Russian).
5. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Monument Sopka-2 on the Om River]. Vol. 4. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Grushin, S.P. (2012) Nakonechniki kopiy seyminsko-turbinskogo tipa Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Spearheads of the Seima-Turiba type of the Ob-Irtysh interfluvium]. In: Alekshin, V.A. et al. (eds) *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevneyshimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations]. Vol. 2. St. Petersburg: Periferiya. pp. 224–229.
7. Molodin, V.I., Chemyakina, M.A. & Pozdnyakova, O.A. (2007) Arkheologo-geofizicheskie issledovaniya pamyatnika Preobrazhenka-6 v Barabinskoy lesostepi [Archaeological and geophysical studies of the Preobrazhenka-6 site in the Baraba forest-steppe]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 13. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 344–359.
8. Umanskiy, A.P. & Demin, M.A. (1983) Nakonechniki kopiy seyminsko-turbinskogo tipa na Altae [Spearheads of the Seima-Turbinsky type in Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Drevnie gorniki i metallurgi Sibiri* [Ancient Miners and Metallurgists of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 143–150.
9. Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (2013) Bronzovyy nakonechnik kop'ya iz Novikovo (Biyskiy rayon Altayskogo kraya) [A bronze spearhead from Novikovo (Biysk district of the Altai Territory)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Vol. 19. Barnaul: Altai State University. pp. 252–255.
10. Grushin, S.P., Papin, D.V., Merts, V.K. & Peresvetov, G.Yu. (2006) Materialy epokhi bronzy iz Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Materials of the Bronze Age from the Pavlodar Irtysh region]. In: Grushin, S.P. (ed.) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 4–17.
11. Chernykh, E.N. & Kuzminykh, S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii* [Ancient metallurgy of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka.
12. Koryakova, L.N. & Molodin, V.I. (2012) Study of cultural variation in archaeology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 11(3). pp. 82–102. (In Russian).
13. Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P. & Tishkin, A.A. (2003) Pogrebal'nyy obryad naseleniya epokhi ranney bronzy Verkhnego Priob'ya (po materialam gruntovogo mogil'nika Teleutskiy Vzvoz-I) [The funeral rite of the population of the Early Bronze Age of the Upper Ob region (based on the materials of the soil burial ground Teleutsky Vzvoz-I)]. Barnaul: Altai State University.
14. Grushin, S.P., Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Kazakov, A.A., Dyadkov, P.G., Pozdnyakova, O.A., Solodovnikov, K.N., Tur, S.S., Potemkina, T.M., Bondarenko, A.V., Borisov, V.A., Kosintsev, P.A., Gayduchenko, L.L., Valkov, I.A., Milyaev, G.A., Sataeva, L.N., Volkov, P.V., Ponomareva, E.A. & Voronkin, K.I. (2016) *Eluninskiy arkheologicheskiy kompleks Teleutskiy Vzvoz-I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [The Eluninsky archaeological complex Teleutsky Vzvoz-I in the Upper Ob region: an interdisciplinary research]. Barnaul: Altai State University.

15. Grushin, S.P. (2013) *Kul'tura zhizneobespecheniya i proizvodstva naseleniya stepnogo i lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya vo vtoroy polovine III–pervoy chetverti II tys. do n.e.* [The culture of life support and production of the population in the steppe and forest-steppe Ob-Irtysh region in the second half of the 3rd – first quarter of the 2nd millennium BC]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.
16. Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. & Grushin, S.P. (2002) Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приоб'я [Classification of arrowheads of the Early Bronze Age of the Upper Ob region]. In: Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (eds) *Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on military archeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 16–32.
17. Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. & Grushin, S.P. (2011) *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi* [Berezovaya Luka – a Bronze Age settlement in the Alei steppe]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University.
18. Umanskiy, A.P. (1995) Nakhodka 1961 g. iz Nizhney Suetki [The finding of 1961 from the Lower Suetka]. In: *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 51–55.
19. Grushin, S.P., Papin, D.V., Pozdnyakova, O.A., Tyurina, E.A., Fedoruk, A.S. & Khavrin, S.V. (2009) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy eneolita i bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Eneolithic and Bronze Ages]. Barnaul: Altai State University.
20. Marchenko, Z.V., Orlova, L.A., Panov, V.S., Zubova, A.V., Molodin, V.I., Pozdnyakova, O.A., Grishin, A.E. & Uslamin, E.A. (2015) Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, western Siberia: preliminary results. *Radiocarbon*. 57(4). pp. 595–610.
21. Marchenko, Z.V., Svyatko, S.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E. & Rykun, M.A. (2017) Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia. *Radiocarbon*. 59(5). pp. 1381–1397.

Сведения об авторах:

Грушин Сергей Петрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: gsp142@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович – кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: frolov_jar@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Grushin Sergey P. – Doctor of History, Professor, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: gsp142@mail.ru;

Frolov Yaroslav V. – Candidate of Historical Sciences, director of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: frolov_jar@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 18.01.2019; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 902/903:930.85
doi: 10.17223/19988613/76/23

О влиянии естественно-исторических законов в степной Евразии в археологические периоды

Анатолий Иванович Мартынов^{1,2}

¹ Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия

² Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия

^{1,2} prof_martynov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема влияния естественно-исторических законов в истории. Сделан вывод о том, что в истории степной Евразии прослеживается действие шести естественно-исторических законов: влияния природной среды; цивилизационного развития; возникновения раннегосударственных структур; распространения новаций; этнического лидерства; передачи и сохранения традиций. Естественно-исторические законы в той или иной степени действуют на протяжении всей истории.

Ключевые слова: археология, развитие, естественно-исторические законы, наука

Для цитирования: Мартынов А.И. О влиянии естественно-исторических законов в степной Евразии в археологические периоды // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 203–208. doi: 10.17223/19988613/76/23

Original article

The effects of natural laws in steppe Eurasia during various archaeological periods

Anatoly I. Martynov

¹ Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation

² Kuzbass Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”, Kemerovo, Russian Federation

^{1,2} prof_martynov@mail.ru

Abstract. The article is the first in the modern historical studies discussion about the impact of natural laws on historical processes in steppe Eurasia during various archaeological periods. The paper presents a historical and methodological study. The study is based on the observations collected by the author during his decades-long work on university textbooks in archaeology; archaeological sources from the Paleolithic to the Middle Ages located on the territory of the Eurasian steppe belt and mountain systems of Eurasia as well as the author’s works that consider the steppe Eurasian belt and mountain valleys as a natural basis for historical and civilizational development starting from the Paleometal age of the 4th–3rd millennium BC.

Employing archaeological sources, Russian and foreign literature, the author substantiates and examines the effects of six natural and historical laws in Eurasia.

The article examines in detail “the law of influence and rational use of the natural environment” known in the world science as “the law of natural determinism”, which has not become widespread in Russia due to its unreasonable application in biology, genetics, and racial theories. Supporters of the common application of this law ignored the fact that it can be applied only to nature and material culture. Biology has its own established natural laws. The other five laws are introduced for the first time. For instance, the operation of the natural law of civilizational development indicates that productive economy is the basis for the civilization process in the steppe Eurasia starting at the end of the 4th millennium BC, in the early Paleometal age, and was associated with the spread of nomadic cattle-breeding in the steppe belt of Eurasia. It triggered the exploration of new territories of Eastern Europe and led to the second stage of the so-called Neolithic revolution (G. Childe). The key event was the separation of productive economy into two main lines: farming and nomadic cattle-breeding as the basis for food production. The article examines the formation of state structures as an effect of natural laws, thus contradicting the established theory of the emergence of states as a result of the formation of classes and class struggle. The spread of discoveries and innovations in ancient history is considered as a basic foundation of historical development. In addition, the author opens the consideration of the natural law of ethnic leadership. Finally, the article discusses the effects of the natural historical law of the tradition transfer and preservation.

The author believes that the paper is polemical since it raises a number of methodological issues of archaeology and Russian historical science in general.

Keywords: archaeology, development, natural laws, science

For citation: Martynov A.I. (2022) The effects of natural laws in steppe Eurasia during various archaeological periods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 203–208. doi: 10.17223/19988613/76/23

Вопрос об объективных, независимых от воли людей и не созданных ими законах, влияющих на историческое развитие, имеет большое значение. Известно, что основные открытия в физике, химии, механике, биологии были сделаны в результате обнаружения действия естественных законов. В отечественной исторической науке исследователей мало интересует или вообще не интересует влияние естественно-исторических законов в процессе исторического развития. Первенство в исторических науках отдается общественным отношениям. Однако на практике в археологии и истории много такого, что не определяется волей людей, обществ или государств. В истории много событий, которые меньше всего зависят от влияния людей, и наоборот – сообщества, испытывая влияние этих законов, используют их действие в своих интересах. Остановимся на основных естественно-исторических законах истории.

Закон влияния и рационального использования природной среды. Этот закон был известен в науке как «закон природного детерминизма» (лат. *Determ*) – всеобщий закон обусловленности всех явлений природы и общества. Однако в прошлом в отечественной науке он не получил должного применения по причине извращения его сущности зарубежной наукой, которая стала использовать данный закон в биологии, антропологии, генетике, не учитывая, что в действительности этот закон определяет влияние природы на хозяйственную деятельность и культуру. В биологии есть свои естественные законы. На наш взгляд, это основной естественный закон жизнеобеспечения во все археологические эпохи. Наблюдая его влияние в разные периоды, мы можем отметить, что вся история антропогена – это история взаимоотношений человека и природной среды в виде макро- и микротерриторий обитания [1]. Природная среда влияла на все стороны деятельности людей – формирование особенностей хозяйственных типов деятельности: особенностей бытовой культуры и системы питания. Его влияние известно в сложившихся в разные периоды системах природопользования: способах охоты, приемах рыбной ловли, собирательстве, переработке продуктов питания, сбережении растительных и животных ресурсов на территории освоения. В свою очередь, это естественно сложившееся отношение человека к природным ресурсам требовало определенных знаний как растительной сферы, так и животного мира, чтобы поддерживать баланс биомассы, способствовать естественному воспроизводству ресурсов, – своего рода древние нормы природопользования. Сущность закона в том, что природа представляла популяциям людей свой ресурс, а человек должен был его использовать как жизненные возможности, знать и способствовать его воспроизводству доступными средствами. Нельзя не учитывать и влияние природного фактора на формирование глобальных основ мировоззрения. Доста-

точно обратить внимание на роль солнца, растительных символов и образы священных животных в мифологии и древнем наскальном искусстве, которые присутствуют в мировой истории [2].

Глобальное влияние природного фактора отслеживается в нижнем палеолите. Расселение *Homo erectus* в Азии и Южной Европе было связано в основном с горными системами Передней Азии, Кавказа, Саяно-Алтая, горами Китая и Ирана (восточное направление), Альпами и Балканами (западное направление). Очевидно, горы были той средой, которая обеспечивала наиболее благоприятные условия жизнеобеспечения: возможность добычи камня, обладающего нужными свойствами для изготовления орудий труда, использование пещер как мест обитания.

В среднем палеолите природная среда способствовала формированию культурных ареалов в Евразии (западноевропейское мутье); особенности памятников мутьерского времени Передней Азии, Кавказа, Центральной Азии и юга Сибири свидетельствуют о влиянии природных различий. Разнообразие сырьевых ресурсов растительного и животного происхождения привело к сложению в среднем палеолите историко-культурного разнообразия в Африке, Европе, Азии, способствовало формированию разных видов и подвидов древнего человека. Однако открытым остается вопрос, насколько разные условия обитания в среднем палеолите могли повлиять на биологические процессы наряду с эволюцией, половым отбором и борьбой за существование.

В позднем палеолите влияние природной среды прослеживается на хозяйственных особенностях, зафиксированных на археологических комплексах. Можно утверждать, что в этот период различия в археологических комплексах определялись в основном влиянием особенностей природной среды, наличием биоресурсов животного происхождения и материалов для изготовления орудий труда, что отразилось на особенностях материальной и духовной культуры позднего палеолита, сложении культур и ареалов: западноевропейского, восточноевропейского и центральноазиатского палеолита в Евразии. Природная среда повлияла на особенности условий жизни, одежды, жилищ, пищи.

Начало голоцена (мезолит, ранний неолит) связано с известными природными изменениями, приведшими к расширению территорий, освоенных человеком, изобретениям и новациям, до возникновения новых технологий демонстрирующим достаточно полную картину прямого влияния природной среды на исторический процесс в регионах Евразии: Восточной Европы, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В неолите Евразии прослеживается влияние природной среды на формирование культурно-исторических общностей в пределах бассейнов Волги, Оби, Енисея, Лены, Амура и крупных природных образований,

например Урала, Сахалина. Влияние географической среды настолько заметно, что в русской археологии укрепились названия – волго-камский, волго-окский, уральский, ленский, амурский, сахалинский неолит, подчеркивая тем самым границы и известные по археологическим материалам особенности той или иной территории в неолитический период, проявившиеся в отличительных чертах орудий из камня и кости, формах наконечников стрел, гарпунов, свойствах керамической посуды и орнаментальных знаках. Надо отметить, что речные системы в неолите выполняли объединяющую роль в рамках территорий бассейнов рек. Реки были значительным фактором, формирующим культурно-историческое единство в рамках природной среды.

Глобальные изменения в использовании природной среды начали происходить в Евразии в конце IV тыс. до н.э., в начале палеометаллической эпохи, также под влиянием закона рационального использования природной среды. Степной пояс Евразии вместе с горными системами и лесной таежный пояс приобретают разное ценностное значение. Лесная территория с ее колоссальной биомассой в позднем неолите представляла базу жизнеобеспечения для традиционного природопользования. Степной пояс с горными долинами с конца IV тыс. до н.э. постепенно становился пространством, где начала распространяться наиболее эффективная в степях форма – производящее хозяйство в виде подвижного скотоводства [3]. Необходимо отметить еще несколько природных факторов, которые в палеометаллическую эпоху стали важными в историческом развитии: начало горного дела, металлургии, формирование новых путей вдоль степного пояса и горных систем, появление колесного транспорта.

В археологии этот процесс впервые отмечен возникновением курганных захоронений в степях предположительно между Волгой и р. Урал, с захоронениями людей в скорченной позе, окрашенных красной охрой. Новые обряды погребения умерших, новая идеология были своего рода символами начала в степной Евразии новой эпохи производящего скотоводства. Конец IV и начало III тыс. до н.э. были временем широкого распространения курганных захоронений в степном евразийском поясе как в западном направлении – на Дон, степное Приднестровье, в степные участки по Дунаю и на север до Вислы, так и на восток – до Центральной Азии [4. Р. 351–401].

В основном природные ландшафтные особенности служили основой сложения естественных границ между племенными образованиями, территориями освоения. Так, в период скифо-сибирского мира I тыс. до н.э. граница четко прослеживается по археологическим памятникам. Например, устойчивые границы пространства скифо-сибирского мира определялись на западе степным Крымом и Приднестровьем, на севере – границей лесной и лесостепной Евразии, на юге – горами Кавказа, Тянь-Шаня, Алтая-Саян. Природный фактор определял границы археологических культур и внутри скифо-сибирского мира.

Закон основ цивилизационного развития. В наше время вопросы цивилизационных ценностей, цивили-

заций, их возникновения и развития вызывают особый интерес как в научных кругах, так и в обществе в целом. Поэтому вопрос о цивилизационном развитии на евразийском пространстве России неслучайно приобретает особую актуальность. Дело в том, что историческая наука в России, образовательный процесс традиционно построены на изучении истории в рамках формационной концепции объяснения истории Л.Г. Морганом [5], которая еще раз была подтверждена в работе Ф. Энгельса [6]. В результате накопления новых материалов возникли иные взгляды на развитие истории. В наши дни все больший интерес вызывает цивилизационная концепция объяснения исторического развития. Формационное и цивилизационное объяснение истории – два принципиально разных методологических подхода. Первый рассматривает исторический процесс как последовательное социальное развитие. Эта схема исторического развития возникла в середине XIX в.: «дикость», «варварство», «цивилизация». Используемая марксистской философией, данная схема демонстрирует исключительно линейное развитие истории. В такой парадигме рассматривала исторический процесс в советская наука XX в., и традиционно продолжает рассматривать современная российская историческая наука: достаточно посмотреть на наши учебники по истории для общего, среднего и профессионального высшего образования. Цивилизационный подход иной, он основан на изучении развития материальной и духовной культуры на разных территориях и в разные периоды. Цивилизации возникали, развивались, формируя свои цивилизационные ценности материальной, духовной культуры, осваивая территорию, создавая собственные материальные и духовные ценности, язык, бытовую культуру, осознавая единство и оказывая влияние на соседние пространства, расширяя их [7].

Принципиально важным является вопрос о начале цивилизационного развития, которое в степной Евразии связывается с распространением в энеолите и последующий бронзовый период производящего хозяйства в форме подвижного скотоводства. Этим было положено начало альтернативному пути цивилизационного развития [Там же].

Альтернативные пути цивилизационного развития предполагают в каждом случае набор собственных цивилизационных ценностей, отвергая стандартный набор ценностей формационной теории европоцентризма, в том числе наличие письменности и поселений городского типа. Каждая цивилизация создает свои, присущие именно ей цивилизационные ценности. При этом три обстоятельства являются общими для всех цивилизаций: территория (степная и горнодолинная Евразия); производящее хозяйство; народ [8].

Относительно населения рассматриваемой территории периода энеолита и ранней бронзы надо отметить его неоднородность: группы потомков палеоазиатов, коренного оседлого населения с неолитическими традициями ведения хозяйства; пришлое скотоводческое население, осваивающее первоначально не занятые степные пространства степного пояса. Во всяком случае присутствие этих двух групп и двух линий раз-

вития отмечено в начале периода палеометалла (IV – начало III тыс. до н.э.). Они заметны в археологии: ямная-афанасьевская группа, окуневская-каракольская. В развитую бронзу отмечается тенденция к глобальным объединениям (андроновская, ирменская). Большое значение в плане цивилизационного развития в это время имело освоение ремесла, добычи руды и металлургического производства, а также строительство первых дорог вдоль степей.

Это была настоящая революция начала распространения производящего хозяйства. В археологии данные изменения связаны с появлением с начала периода палеометалла курганных погребений и их распространением в восточной части Евразии на пространстве от степного Приднепровья, Крыма и Приазовья на западе до степных пространств и горных долин Центральной Азии на востоке [9]. Важно отметить, что начало цивилизационного развития в степном поясе Евразии связано с возникновением в палеометаллическую эпоху древнейших государств в дельте Нила, Месопотамии и Китае.

Закон образования раннегосударственных структур. Возникновение государств в марксистско-ленинской философии трактуется как результат образования классов, антагонизма классовой борьбы, сложения системы господства и подчинения. Государство определялось как «машина угнетения». Классическим образцом такого взгляда на исторический процесс является работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [6], где история излагается исключительно как социальный процесс и не представляется никаких других объективных факторов, объясняющих возникновение древних государств. Вряд ли кто-то сейчас поддерживает эту теорию как научную, но в то же время она продолжает присутствовать в ряде современных отечественных учебников и публикаций.

Надо иметь в виду, что в археологии и древней истории сегодня имеется достаточно примеров, когда раннегосударственные образования возникают как естественная потребность хозяйственного развития значительно раньше, чем складывается классовое общество. Структуры управления возникают в результате необходимости управления общественным продуктом, общественными работами, они связаны с образованием этнического и территориального единства и формированием коллективных представлений о материальных и духовных ценностях, своей территории, единстве хозяйственной основы, а также бытовой культуры и мировоззрения. Для возникновения протогосударственных структур достаточно сформироваться стратам, группам населения, связанным с определенным направлением общественной деятельности. Вероятно, этот сложный процесс требует дальнейшего исследования археологами, учитывая, что в России практически нет науки, изучающей древнюю историю территорий страны, кроме археологии, а единственными источниками являются археологические материалы. Речь идет об альтернативном пути цивилизационного развития в степях и горных долинах Евразии в период так называемого скифо-сибирского мира

I тыс. до н.э., представленного этносами и археологическими культурами на просторах от степного Крыма и Приднепровья на западе, до Центральной Азии на востоке [10].

Закон распространения новаций. Новые технологии, изобретения, новации и их распространение – базисная основа исторического развития. Интересную мысль по этому поводу высказал наш современник, академик, лауреат Нобелевской премии, физик Жорес Алферов, указав, что «каменный век закончился не потому, что камня не стало, а потому что появились новые технологии». И это правильно. Однако надо иметь в виду, что на практике от изобретения до широкого применения любой новации всегда проходит какое-то время, иногда новации не находят своего применения довольно длительный срок. В археологии таких примеров достаточно много. Например, известно, что лук и стрела появились еще в позднем палеолите, а широкое распространение в Евразии это изобретение получило только в мезолите и неолите, когда изменилась природная среда и условия охоты стали другими. Другой пример – появление керамической посуды. Например, в Японии и некоторых других местах керамика появляется в XI–IX тыс. до н.э., а широко распространилась эта новация только в неолите. В практике полевых и лабораторных исследований мы должны это учитывать.

В целом проблема появления и распространения новых технологий является важным направлением в археологических исследованиях. Нельзя сказать, что современная наука этим не занимается. В истории науки широко известны работы по изучению древних технологий, материаловедению, измерениям и реконструкции трудовых процессов. Можно отметить, что на уровне изучения процессов мы имеем определенные достижения. Однако они в большинстве случаев не становятся историческими фактами, оценками уровня развития материальной культуры как базовой основы исторического развития. Надо понимать, что, отдавая первенство в историческом развитии общественным отношениям, мы тем самым подменяем базовые основы исторического процесса.

Закон этнического лидерства. В истории наряду с очевидными событиями, войнами, захватами территорий с их населением прослеживается еще и влияние естественно-исторического закона этнического лидерства. Это важный, на наш взгляд, объективный закон, который постоянно действовал в древности, Средневековье и в последующие периоды истории. Этническое лидерство в ранние периоды истории возникало как естественное стремление к освоению, захвату соседних территорий, расширению пространства обитания. С распространением производящего хозяйства в палеометаллическую эпоху лидерство приобретает новые качества. Оно связано с обладанием местами добычи полиметаллических руд, возникновением горно-металлургических центров и образованием провинций, распространением новых технологий и освоением новых пространств для выпаса скота, а также с распространением новых технологий обработки и хранения молока, молочных продуктов. Владение новациями в то

время могло приводить к естественному лидерству тех групп населения, которые ими владели.

Этническое лидерство проявлялось, когда в силу новационных тенденций развития материальной культуры, экспансии или других событий в полиэтнической среде устанавливалась система лидерства одной этнической группы населения, которая воспринималась как лидер другим населением на определенной территории, иногда очень большом пространстве. В бронзовом веке в степной Евразии лидерство можно проследить на примере объединения групп индоиранского населения, создавшего андроновскую культурно-историческую общность на территории Южной Сибири и Казахстана. Иной характер носило лидерство в раннем железном веке, в I тыс. до н.э., и в последующие периоды истории. В большинстве случаев оно было связано с войнами или захватами мирным путем чужих территорий. В I тыс. до н.э. это греко-персидские войны, которые были первыми в мировой истории межцивилизационными войнами за лидерство. Можно отметить и процесс древнегреческой колонизации побережья Средиземного и Черного морей, Передней Азии.

В степной Евразии с начала I тыс. до н.э. лидерство древних индоиранцев усиливалось, а на рубеже эпох сменилось лидерством хунну в Южной Сибири и Центральной Азии. Позже, в середине I тыс. н.э., лидерство хунну сменилось лидерством тюрков, охвативших своим влиянием большую территорию центральной части евразийского континента, включая западную часть Саяно-Алтая, степные и горные районы Южной Сибири, Средней Азии, Восточной Европы и Передней Азии. Влияние тюрков заметно в северном направлении по р. Лене (Саха-Якутия), в Приомье и Приобье, оно прослеживается по конструкциям погребальных сооружений, обрядам погребения и предметам периода так называемой тюркизации других этнических групп населения Сибири. Такая система лидерства складывается на территории восточной Евразии в период монгольских завоеваний и создания империи Чингисхана. По закону этнического лидерства строились отношения русских княжеств и Золотой орды. Менялись причины возникновения лидерства, но оно продолжало существовать как устойчивое явление в истории, как действие естественно-исторического закона. Оно способствовало изменению бытовой культуры, системы питания, обряда погребения и других элементов культуры.

Закон накопления и передачи культурных ценностей. На наш взгляд, это один из основных естественно-исторических законов, действующих на протяжении всей истории, включая материальную культуру, технологии и духовную культуру. В его действие заложены последовательное накопление и передача накопленных

знаний, открытий, новых технологий, навыков, начиная со способов изготовления первых каменных орудий труда, способов получения новых материалов и использования их свойств (камень, кость, дерево, глина, кожа, волокно ткани, металлы, красители и композиты в материальной культуре). В духовной сфере это формирование и передача рациональных и иррациональных представлений об окружающей среде, ее полезных для жизни свойствах. В области иррационального — формирование образов мифологии, эпоса, изобразительное творчество, обряды, погребальные конструкции, природные святилища, т.е. все то, что является объектом археологического исследования. В то же время в духовных ценностях, созданных и передаваемых последующим поколениям, присутствует много таких достижений, которые трудно исследовать по причине отсутствия их материального подтверждения (например, обряды, танцы, музыка). Эти элементы духовной культуры устойчиво передавались и исследуются этнографией.

В практике археологических исследований мы часто сталкиваемся с присутствием явных элементов культуры прошлого в устройстве курганов, обряде погребения, предметах прошлого. Основная причина в большинстве случаев связана с действием закона передачи традиций. Надо иметь в виду, что при смене лидерства, завоевании территории никогда не происходило полной замены этносов. Большинство населения оставалось на местах своего традиционного обитания и в новых исторических условиях продолжало быть носителем материальной и духовной культуры прошлого. В археологии это хорошо прослеживается в культурах гунно-сарматского периода первых веков нашей эры, в процессах тюркизации в восточной Евразии и т.д. Для истории всех эпох характерен этнический и культурный синкретизм, когда находили место и продолжали сосуществовать элементы предшествующих культур как в материальной, бытовой, так и в нематериальной сфере культуры. Эти закономерности необходимо учитывать, рассматривая действия естественно-исторического закона передачи материальных и духовных ценностей. При этом можно отметить, что устойчиво передавалось последующим поколениям то, что было востребовано, наиболее ценно в хозяйственной деятельности, а в духовной культуре — образы мифологии и эпоса, которые устойчиво существуют в образах природно-исторических святилищ (памятниках наскального искусства).

В настоящей статье мы ставили задачу обратить внимание на естественно-исторические законы в историческом развитии в качестве постановки научной проблемы, не исследуя конкретное действие законов, ограничиваясь только примерами их влияния.

Список источников

1. Мартынов А.И. Макро и микроприродная среда как культуuroобразующий фактор в археологические периоды // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс Томск, 2010. С. 73–75.
2. Kimball J.O., Martynov A.I. Solar rock art and cultures of Central Asia // The Sun: Symbol of power and life. New York : H.N. Abrams, UNESCO, 1993. P. 207–222.
3. Чайлд Т. Прогресс и археология. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1949. 195 с.
4. Gimbutas M. The civilization of the clouds. San Francisco : A Division of Harper Collins Publishers, 1991. 529 p.

5. Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 368 с.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1986. Т. 3. С. 28–178.
7. Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему : тез. докл. / Акад. наук СССР, Отд-ние истории. М., 1974. 291 с.
8. Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М. : Логос, 2000. 368 с.
9. Мартынов А.И. Степи Евразии как пространство цивилизационного развития (вопросы методологии археологии и древней истории) // Степи Северной Евразии : материалы Шестого Междунар. симпозиума и Восьмой Междунар. школы-семинара молодых ученых «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург : Оренбурггазпромсервис, 2012. С. 476–479.
10. Martynov A.I. The “Scytho-Siberian” World of Euroasia as a Steppe Cattle-Breed: nag Civilization of 7th–6th Centuries BC // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli, 1994. P. 643–649.

References

1. Martynov, A.I. (2010) Makro i mikroprirrodnaya sreda kak kul'turoobrazuyushchiy faktor v arkheologicheskie periody [Macro and micronatural environment as a culture-forming factor in archaeological periods]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in a historical context: Experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 73–75.
2. Kimball, J.O. & Martynov, A.I. (1993) Solar rock art and cultures of Central Asia. In: Singh, M. (ed.) *The Sun: Symbol of Power and Life*. New York: H.N. Abrams, UNESCO. pp. 207–222.
3. Child, T. (1949) *Progress i arkheologiya* [Progress and Archeology]. Translated from English. Moscow: Gos. izd-vo inostr. lit.
4. Gimbutas, M. (1991) *The Civilization of the Clouds*. San Francisco: A Division of Harper Collins Publishers.
5. Morgan, L.H. (1935) *Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization]. Translated from English. Leningrad: Institute of Peoples of the North Tsik USSR.
6. Engels, F. (1986) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, Private Property and the State]. In: Marx, K. & Engels, F. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 28–178.
7. USSR AS. (1974) *Formy perekhoda ot prisvaivayushchego khozyaystva k proizvodnyashchemu* [Forms of transition from an appropriating to a producing economy]. Moscow: USSR AS.
8. Kradin, N.N., Korotaev, A.V., Bondarenko, D.M. & Lynshi, V.A. (2000) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Paths to Civilization]. Moscow: Logos.
9. Martynov, A.I. (2012) Stepi Evrazii kak prostranstvo tsivilizatsionnogo razvitiya (voprosy metodologii arkheologii i drevney istorii) [Steppes of Eurasia as a space of civilizational development (questions of methodology of archeology and ancient history)]. In: Chibilev, A.A. (ed.) *Stepi Severnoy Evrazii* [Steppes of Northern Eurasia]. Orenburg: Orenburggazpromservis. pp. 476–479.
10. Martynov, A.I. (1994) The “Scytho-Siberian” World of Euroasia as a Steppe Cattle-Breed: Civilization of the 7th–6th Centuries BC. In: Genito, B. (ed.) *The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies*. Naples: Istituto universitario orientale. pp. 643–649.

Сведения об авторе:

Мартынов Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Государственного автономного учреждения культуры «Кузбасский музей-заповедник “Томская Писаница”» (Кемерово, Россия). E-mail: prof_martynov@mail.ru

Information about the author:

Anatoly I. Martynov – Doctor of Historical Sciences, Full Professor Kemerovo state institute of culture, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher State Autonomous Institution of Culture “Kuzbass Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa” (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: prof_martynov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.01.2022; accepted for publication 22.02.2022

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Научная статья

УДК 9.908

doi: 10.17223/19988613/76/24

Филолого-исторический анализ малоизученных проблем российских регионов начала XX века. Рецензия на книгу: Воронин Д.В., Мартыненко Ю.А. Первая мировая война в судьбах томичей. Томск: Графика, 2019. 128 с.

Татьяна Борисовна Лозбенева¹, Игорь Николаевич Лозбенев²

¹ *Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия*

² *Академическая школа № 1534, Москва, Россия*

¹ *tlozbeneva@mail.ru*

² *igor_1511@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается новая монография двух сибирских историков, которые попытались на основе разнородных источников составить список земляков – участников Первой мировой войны. Проведен анализ источников, статистики, других документов различных типов. Дана разносторонняя оценка различным материалам, представленным в монографии.

Ключевые слова: Томская губерния, Первая мировая война, память о героях войны, филологический анализ документов

Для цитирования: Лозбенева Т.Б., Лозбенев И.Н. Филолого-исторический анализ малоизученных проблем российских регионов начала XX века. Рецензия на книгу: Воронин Д.В., Мартыненко Ю.А. Первая мировая война в судьбах томичей. Томск: Графика, 2019. 128 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 209–212. doi: 10.17223/19988613/76/24

Original article

Philological and historical analysis of the little-studied problems of the Russian regions of the early twentieth century. Review of the book by Voronin D.V. and Martynenko Yu.A. "The First World War in the fate of the tomichi". Tomsk: Grafika, 2019. 128 p.

Tatiana B. Lozbeneva¹, Igor N. Lozbenev²

¹ *Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation*

² *Academic school No. 1534, Moscow, Russian Federation*

¹ *tlozbeneva@mail.ru*

² *igor_1511@mail.ru*

Abstract. The purpose of the work: To familiarize scientists and the public with the new work of Siberian historians dedicated to their fellow countrymen who participated in the First World War. To conduct a historical and philological analysis of the work. To identify the scientific value of the monograph.

Sources: The source for writing the review was the monograph itself by D.V. Voronin and Yu.A. Martynenko. In addition, the work uses scientific publications similar in subject to the peer-reviewed monograph, specialized sites dedicated to the participants of the war.

The monograph by D.V. Voronin and Yu.A. Martynenko "The First World War in the fate of the Tomichi" was published in 2019 in Tomsk, and is devoted to the participation of residents of the Tomsk province in the war. The authors took a "dualistic" approach to the analysis of the material used for scientific work. An extraordinary approach to the analysis of historical material can attract great interest to the work. D.V. Voronina and Yu.A. Martynenko, commenting

on certain historical processes of a century ago, use the facts of later stages of history. By including new facts in the text of the monograph, which make it possible to analyze the problem from modern positions, the authors remain on the principles of historicism, and at the same time can fully express their ideas about the past.

The authors chose not only the activities of Siberians during the First World War as objects of research. The book contains many documents on everyday life of people who lived in the rear. It is interesting to consider the authors' comments about the call for the rear work of the non-Russian population of the region (Kazakhs, Mongols, Chinese) in conditions when this category of the population was not adapted to such activities. The data on the involvement of prisoners of war in the economic life of the Tomsk province, who tried to replace the men who had gone to the front, can be considered valuable.

The philological analysis of business documents is quite interesting. Various documents from the beginning of the twentieth century have been deposited in Tomsk archives. As now, a hundred years ago, the content of business documents was based on law and could serve as the subject of a direct legal assessment of the actions of the subject and object of power.

The work done by the authors and researchers is of great lasting importance. It shows well that historical memory concerns every person, regardless of what he did and what place he occupied in the hierarchy of society. As a wish, we can only invite the authors to continue their noble activities.

Keywords: Tomsk province, the First World War, the memory of the war heroes, philological analysis of documents

For citation: Lozbeneva T.B., Lozbenev I.N. (2022) Philological and historical analysis of the little-studied problems of the Russian regions of the early twentieth century. Review of the book by Voronin D.V. and Martynenko Yu.A. "The First World War in the fate of the tomichi". Tomsk: Grafika, 2019. 128 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 209–212. doi: 10.17223/19988613/76/24

Бурные события Российской истории начала XX в. уже давно привлекают внимание исследователей. Разносторонне, с использованием большого числа различных источников, специалисты изучают аспекты, в том числе и языковые, революций, реформ, войн, в которых участвовала Россия на начальном этапе прошлого века. Безусловно, пристальное внимание историков обращено и к такому важному и крупному военному конфликту, как Первая мировая война. Долгое время внимание к этому событию было ослаблено, что объяснимо объективными обстоятельствами: война на ее завершающем этапе была непопулярна для большей части населения; Россия вышла из нее, подписав унижительные условия Брестского мира; сам мир не принес спокойствия стране, и вскоре после его заключения в стране началась жестокая Гражданская война, продолжавшаяся еще несколько лет. Война формировала и особый язык документов эпохи. Череду событий, необходимость быстро принимать решения и реагировать на ситуацию заставляли участников происходившего использовать краткий деловой язык, что отразилось в документах, приведенных в рецензируемом издании.

Долгое время Первая мировая война была объектом интереса главным образом военных историков, специалистов по экономической истории либо исследований в ракурсе предпосылок Революции 1917 г. и Гражданской войны. Слабый интерес к предмету снижал и внимание филологов к документам эпохи, особенно если они не относились к «высокой» литературе, а были деловой перепиской, приказами, циркулярами, информационными письмами. В результате этих и других причин в течение нескольких десятилетий в нашей стране не появлялись памятники и практически никак не чтилась память погибших воинов страшной войны. Сегодня, когда прошло уже более 100 лет после окончания военных действий, пусть и очень медленно, но память о героях Первой мировой войны возрождается. В последние несколько лет на террито-

рии России и Беларуси установлено более десятка памятников участникам войны, в Интернете создан специальный сайт «Памяти героев Великой войны», где помимо большого объема исторических документов можно найти информацию о своих предках – участниках войны, как это сейчас активно делается в отношении ветеранов Великой Отечественной войны.

Работа Д.В. Воронина и Ю.А. Мартыненко – не первая публикация о сибиряках в период Первой мировой войны [1]. В качестве примера можно указать на монографию В.М. Шиловского «Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь», изданную в 2015 г., где имеется отдельная глава, раскрывающая изучаемую проблему: «Воин-сибиряк: социокультурные особенности» [2]. Определенный интерес представляет и коллективная монография «Западная Сибирь в мировых войнах XX века», изданная в 2014 г., где также затронуты вопросы участия жителей Сибири в Первой мировой войне [3]. В этой связи крайне важной и значимой представляется изданная в Томске в 2019 г. работа двух сибирских историков – профессора Томского государственного университета, доктора исторических наук Дмитрия Васильевича Воронина и историка-краеведа, учителя истории, руководителя краеведческого кружка «Исследователь», поискового отряда «Земляки» Первомайской средней школы Томской области Юрия Анатольевича Мартыненко, под названием «Первая мировая война в судьбах томичей» – о сибиряках – участниках Первой мировой войны,

Работа является сложным по структуре историческим исследованием. В него органично включены аналитические материалы, большой объем статистики, информация об участниках Первой мировой войны, значительное количество иллюстративного материала. Представляется интересным и некий дуалистический подход к анализу материала. Давая те или иные статистические данные, авторы дополняют их комментариями с позиций современности. Включая в текст монографии новые факты, которые позволяют провести

анализ проблемы с современных позиций, авторы остаются на принципах историзма и в то же время полноценно излагают свои представления о прошлом. Подобный подход интересен тем, что позволяет лучше использовать собственно исторические методы исследования. История не останавливается на каком-то эпизоде или событии. То, что современникам казалось чем-то незыблемым и само собой разумеющимся, через сто лет может выглядеть иначе: что-то не прошло оценку жизнью, какие-то предположения не подтвердились.

Основная часть книги состоит из четырех частей. В первой части авторы дают общий обзор развития Томской губернии накануне и в период Первой мировой войны, достаточно подробно анализируют место Томской губернии в экономике Сибири и всей страны, характеризуя ее как один из основных центров хлебного производства восточной части страны, не упуская из внимания тот факт, что продажа хлеба часто проходила за счет снижения потребления, что формировало «продовольственную нужду» у значительной части крестьян губернии.

Особое внимание авторов обращено на ситуацию в регионе уже в ходе Первой мировой войны. Д.В. Воронин и Ю.А. Мартыненко обратили внимание на изменение настроения жителей региона, которое постепенно переходило от патриотического подъема, проявившегося в массовой записи в армию и передаче на нужды воюющей страны различных материальных ресурсов, к недовольству ситуацией в стране и усталости от войны. В этой связи интересно обратить внимание на авторские дополнения, в которых исследователи делают сравнения с периодом Великой Отечественной войны, приводят статистические данные, подтверждающие, что патриотический подъем сопровождал все этапы военных действий в период 1941–1945 гг.

Несомненную ценность имеет та часть книги, где рассматривается процесс национальных и социальных изменений, происходивших в Сибири в целом и в Томской губернии в частности в период Первой мировой войны. Эти явления часто ускользают от внимания исследователей Первой мировой войны, за исключением случаев, когда авторы посвящают им свои работы специально. Очевидно, что разработка этой проблематики только усиливает интерес к книге. Так, авторы поднимают проблему беженцев, переселившихся в Сибирь с оккупированных территорий, указав, что они стали активно включаться в экономику региона. Интересными можно считать замечания авторов о призыве на тыловые работы нерусского населения региона (казахов, монголов, китайцев) в условиях, когда данная категория населения была неадаптирована к подобной деятельности. Результатом стала массовая миграция кочевого населения за пределы России, а также участие представителей нерусской части населения в крупном восстании 1916 г. Ценными являются данные о вовлечении в экономическую жизнь Томской губернии военнопленных, которыми пытались заменить ушедшую на фронт мужскую часть населения. В связи с этим авторы указали на значительную численность военнопленных по отношению ко всему населению

региона. Интересно проявилась в этом вопросе специфика местной экономики. Если в Европейской части России военнопленные преимущественно направлялись на работы в хозяйства помещиков, то в Томской губернии они работали в основном в крестьянских хозяйствах, что вполне объяснимо почти полным отсутствием в регионе помещиков как таковых.

Самой ценной частью книги является список жителей Томской губернии – участников Первой мировой войны. Авторам удалось найти и частично уточнить фамилии 177 участников военных действий, жителей современных Шегарского и Первомайского районов Томской области (в годы войны – Богородской и Ново-Кусковской волостей Томского уезда и губернии) [4]. Опираясь на архивные документы различных ведомств, авторы смогли восстановить не только фамилии земляков – участников войны, но и их боевой путь, характер ранений. Списки органично дополняют фотографии тех лет, на которых запечатлены простые сибиряки, ставшие участниками событий войны.

Достаточно интересным представляется филологический анализ деловых документов. В Томских архивах отложились разнообразные документы начала XX в. Как и сейчас, сто лет назад содержание деловых документов основывалось на праве и могло служить предметом прямой правовой оценки действий субъекта и объекта власти. Правовая сущность официального документа предопределяет характер содержания писем, их стиль и язык. Это касается и «Объявления Томского уездного по воинской повинности присутствия о порядке призыва в действующую армию». Язык этого документа соответствует всем требованиям официально-делового стиля. В нем присутствуют нейтральность языка, надличностный характер изложения, унификация (трафаретизация), типизация речевых средств и стандартизация терминов. Документ ровен ко всем, в нем перечисляются места призывных участков на территории губернии и время прибытия на них призывников, указаны документы, дающие право на отсрочку от призыва. В «Объявлении» заметно сужение диапазона используемых речевых средств (особенно ярко это проявилось во второй части документа, где просто перечисляются нормативные документы, дающие отсрочку от призыва: ст. 180 Устава о воинской повинности (1897) и ст.ст. 386, 389, 390 того же Устава по назначению на службу без жребия). Проявляется и повторяемость отдельных языковых форм на определенных участках текстов документов: призыв, призывной участок, отсрочка от призыва, Устав.

Значительный интерес представляют официальные и полуофициальные документы, отразившие патриотический порыв молодежи, желавшей принять участие в войне. Этой проблеме посвящено Заявление Владимира Петровича Пончковского, в котором указывалось, что его сын Эдуард Пончковский, ученик пятого класса гимназии, бежал на войну. Несмотря на то, что документ подготовлен на грани стилей, он несет многие черты деловой корреспонденции. В документе использованы перечисления, описание внешнего вида учащегося.

В целом можно увидеть, что документы сборника несут черты языка и стилей документов эпохи столетней давности.

Работа, проделанная авторами исследования, имеет непреходящее значение. Она показывает, что истори-

ческая память касается каждого человека, вне зависимости от того, чем он занимался и какое место занимал в иерархии общества. В качестве пожелания можно лишь предложить авторам продолжить свою благородную деятельность.

Список источников

1. Воронин Д.В., Мартыненко Ю.А. Первая мировая война в судьбах томичей. Томск : Графика, 2018. 128 с.
2. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев; Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т истории. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
3. Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д. Западная Сибирь в мировых войнах XX века : в 2 кн. Барнаул : Алт. Дом печати, 2014. Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
4. Поиск героев войны // Памяти героев Великой войны. 1914–1918 гг. URL: <https://gwar.mil.ru/heroes/> (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. Voronin, D.V. & Martynenko, Yu.A. (2018) *Pervaya mirovaya voyna v sud'bakh tomichey* [The First World War in the fate of Tomsk citizens]. Tomsk: Grafika.
2. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 gg. i Sibir'* [World War I in 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
3. Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A. & Rostov, N.D. (2014) *Zapadnaya Sibir' v mirovykh voynakh XX veka* [Western Siberia in the world wars of the twentieth century]. Vol. 1. Barnaul: Alt. Dom pechati.
4. Gwar.mil.ru. (n.d.) *Pamyati geroev Velikoy voyny. 1914–1918 gg.* [In memory of the heroes of the Great War. 1914–1918]. [Online] Available from: <https://gwar.mil.ru/heroes/> (Accessed: 20th December 2021).

Сведения об авторах:

Лозбенева Татьяна Борисовна – преподаватель Московского финансово-юридического университета (Москва, Россия). E-mail: tlozbeneva@mail.ru

Лозбнев Игорь Николаевич – доктор исторических наук, учитель истории Академической школы № 1534 (Москва, Россия). E-mail: igor_1511@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lozbeneva Tatiana B. – Lecturer at the Moscow University of Finance and Law (Moscow, Russian Federation). E-mail: tlozbeneva@mail.ru

Lozbenov Igor N. – Doctor of Historical Sciences, History Teacher of Academic School No. 1534 (Moscow, Russian Federation). E-mail: igor_1511@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 26.12.2021; accepted for publication 22.02.2022

Научная статья
УДК 902/908+91
doi: 10.17223/19988613/76/25

О книге А.Н. Минха «Разбой и клады Низового Поволжья»

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет (филиал в г. Нижневартовске), Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Аннотация. Рецензируется книга видного дореволюционного исследователя, члена Саратовской ученой архивной комиссии А.Н. Минха о разбоях и кладах Низового Поволжья, изданная саратовскими историками-архивистами. Отмечается, что публикация является знаковым событием для российской историографии, специальных исторических дисциплин, этнографии и отечественного краеведения. Она позволяет по-новому взглянуть на культурный мир Поволжья, с давних пор бывшего важным регионом нашей страны. Его многовековая колонизация, рассмотренная сквозь призму народных преданий и разбойного эпоса, дает возможность увидеть историю и культуру поволжского края в контексте общего историко-культурного и политического развития России.

Ключевые слова: А.Н. Минх, Низовое Поволжье, разбой и клады, народные предания, историография, краеведение, научное исследование

Для цитирования: Мауль В.Я. О книге А.Н. Минха «Разбой и клады Низового Поволжья» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 213–219. doi: 10.17223/19988613/76/25

Original article

About the book by A.N. Minkh “Robbery and treasures of the Lower Volga region”

Viktor Ya. Maul

Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, VYMaul@mail.ru

Abstract. The article is a review of a book about robberies and treasures of the Lower Volga region written by a prominent pre-revolutionary researcher, a member of the Saratov Scientific Archival Commission Alexander Nikolaevich Minkh and published by Saratov historians-archivists. Two copies of the manuscript of this book are stored in the funds of the archival repositories of Saratov and St. Petersburg. It is noted that the publication is a landmark event for Russian historiography, special historical disciplines, ethnography and national local history. The materials of the reviewed book, rich in factual information and author's reasoning, allow us to take a fresh look at the cultural world of the Lower Volga region, which has long been an important region of our country. Its centuries-old military-administrative and economic colonization, viewed through the prism of numerous folk legends and robbery epic, makes it possible to see the history and culture of the Volga region in the context of common ways of historical, cultural and political development of Russia. The review corrects the few factual errors made by the author of the book, misspelling of the names of various historical characters and some other inaccuracies. In addition, there is a scientific debate on controversial issues of historical science. Among the topics discussed are the role of the Old Believers in the emergence of the Pugachev rebellion; the authorship of one of the most famous foreign sources on the history of the Moscow riots of the early XVII century; the role of the Don Cossacks in unleashing and spreading imposture, and many others. The opinion is expressed that a number of author's misconceptions are explained by the level of development of historical science in the second half of the XIX - early XX centuries. It is noted that the book by A.N. Minkh is a genuine encyclopedia of folk legends about robbers, their hidden treasures and their search, as well as a monument to the historical thought of his time. The archeographic work of Saratov archivists in cooperation with historians of Saratov State University on preparation and publishing of a fundamental scientific work of famous pre-revolutionary scientist and public figure is positively evaluated. The article concludes about the relevance of the peer-reviewed scientific work and its undoubted value for modern Russian scientists.

Keywords: A.N. Minkh, the Lower Volga region, robberies and treasures, folk legends, historiography, local history, scientific research, GASO

For citation: Maul V.Ya. (2022) About the book by A.N. Minkh “Robbery and treasures of the Lower Volga region”. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History. 76. pp. 213–219. doi: 10.17223/19988613/76/25

Нужная и полезная отечественным исследователям книга историка, краеведа, этнографа и общественного деятеля второй половины XIX – начала XX в. Александра Николаевича Минха «Разбой и клады Низового Поволжья» до сих пор была известна только узкому кругу специалистов исключительно по рукописным экземплярам, хранящимся в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Научного архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге. И вот теперь она, наконец, опубликована и стала доступной широкой читательской аудитории [1].

Издание представляет собой редкий в наше время образец практически безупречной археографической работы, проделанной сотрудниками ГАСО при поддержке коллег из Саратовского государственного университета. Публикацию рукописи предваряет содержательное предисловие, написанное главным архивистом Ю.Г. Степановым [Там же. С. 3–19], в котором акцентируются основные этапы творческого пути А.Н. Минха и дается взвешенная характеристика его научных и общественно-политических взглядов. В соответствии с классическими требованиями правил издания книга содержит развернутые комментарии [Там же. С. 195–258], несущие самостоятельную эвристическую нагрузку, а также поясняющие, уточняющие и дополняющие приводимые А.Н. Минхом сведения по широкому спектру исторических, историографических и других проблем. Удобным путеводителем по ее страницам следует признать именной и географический указатели [Там же. С. 270–313], необходимым подспорьем и живописным украшением – словарь устаревших слов и выражений [Там же. С. 259–269], наряду с коллекцией авторских рисунков к рукописи и фотоиллюстрациями из современного А.Н. Минху альбома «Спутник по Волге и ее притокам Каме и Оке». Изданная в твердом переплете, на качественной бумаге, хорошо сшитая книга, помимо прочего, визуально доставляет эстетическое удовольствие, что вовсе не второстепенная деталь издательского проекта.

Являясь, по сути, итоговым результатом многолетней деятельности видного ученого, сочинение А.Н. Минха представляет большой интерес не только для российской историографии, но также для исторической географии, этнографии, топографии, картографии и краеведения региона, несколько веков игравшего важную роль военно-административного и культурного фронта России. Будучи слабо освоенной и малозаселенной окраиной царства, Поволжье, словно плавильный котел, с давних пор аккумулировало и переваривало в себе взрывоопасный и пассионарный социальный элемент – беглых холопов и крестьян, гулящих людей, дезертиров, беглых рекрутов, каторжников и прочих душегубов всех мастей. Именно им довелось стать «коренными насельниками Поволжья и его первыми подлинными хозяевами» [Там же. С. 5]. Не умея или, скорее, не желая инкорпорироваться в хозяйственную практику государственной и вольнонародной колонизации, они избрали для себя конфронтационную стратегию неадаптивного общественного поведения. Неудивительно, что одним из ключевых маркеров повседневности пестрого социума оказался феномен разбоя и разбой-

ников, до сих пор ждущий полноценной историографической реакции. По справедливой оценке издателей, в «необжитом Поволжье, где почти не чувствовалась рука Москвы, уже в середине XVI в. разбой и воровская вольница стали обыденной реальностью» [Там же. С. 7], сохранив, судя по всему, это свое качество на протяжении следующих двух с половиной столетий.

Конкретизируя предмет изучения, А.Н. Минх указывает на методологически значимую исходную установку, определившую цель, задачи и алгоритм его работы: «В старину предания сохранялись прочнее, в настоящее время многое утрачивается и искажается в народной памяти. Год от года легенда теряет свой первобытный смысл или искалечивается, удержать уцелевшее может только запись» [Там же. С. 114].

В структурном отношении исследование разделяется на четыре части без названий, каждая из которых выполняет собственное познавательное и смысловое предназначение. Вместе они объединяются в логически целостное повествование о специфических сторонах эволюции Поволжья с древности до XIX в. На насыщенном событиями иллюстративном фоне авторский нарратив раз за разом фиксирует наметившиеся культурные тенденции развития края, куда А.Н. Минх попал еще в детском возрасте. Искренние симпатии к ставшей ему родной понизовой земле, беззаветная любовь к местной старине отразились в трогательных аксиологических интонациях, усиливающихся по мере авторского погружения вглубь прошлого. С опорой на народные поверья и красочные легенды изображается не столько история поволжского разбоя, сколько его мифология, тот романтический ореол приключений лихих разбойников и неутомимых кладоискателей, что сродни увлекательным романам Майн Рида, Фенимора Купера или Роберта Стивенсона. Словно бы оттуда в книгу А.Н. Минха проник леденящий кровь рассказ крестьянина Филимона Дьячкина о подвале с пятью скелетами, в котором находится 99 пудов золотых монет разбойника Кудеяра. Или признания безымянного бурлака о находке сокрытого в подземелье клада Стеньки Разина: «Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя железными обручами, возле лежали огромный железный молот и железные прутья. Вдоль стен расставлено множество бочек, насыпанных доверху золотом, серебром и драгоценными самоцветными камнями» [Там же. С. 92, 95]. С этими и подобными им легендами, по словам А.Н. Минха, тесно связываются приметы и суеверия, сродни преданию о чудодейственной «разрыв-траве», поиски коей сопряжены с огромным риском из-за козней нечистой силы [Там же. С. 81–82].

Буквально весь рецензируемый труд изобилует примерами, убеждающими в том, что в далекие времена «не только мирным хлебопашцам, но и ратным людям опасно было в Низовом Поволжье» [Там же. С. 74]. Немало доставалось и купеческой братии, возившей свои товары по Волге. Удалые молодцы шли на грабеж, «не разбирая персидские ли купцы или русские» перед ними, «их грабили одинаково, а при малейшем сопротивлении – убивали» [Там же. С. 50]. При этом А.Н. Минх очень точно подметил имманентную мен-

тальную проекцию своеобразного исторического прошлого региона: «В Саратовской губернии, в особенности же по Волге, — пишет он, — существует масса преданий о разбойниках, которые в старину наполняли этот край. Разбойники, мары и клады составляют характерную черту нашей губернии» [1. С. 99]. Совершенно напрасно публикаторы пытаются принизить значение данного фактора для презентации собственного издания [Там же. С. 16]. Сциентизируя оценку его содержания, они будто стесняются признать, что в доминировании авантюрно-приключенческой тематики коренятся существенные достоинства «Разбоев и кладов», — их открытость для читающей публики и в то же время демонстрация незаурядного авторского мастерства, способного заинтриговать любого обывателя неразгаданными тайнами поволжской земли. Благодаря такому гносеологическому крену книга вовсе не утрачивает высокой научной репутации, но зато ее адресованность перестает замыкаться ограниченным контингентом ученых-интеллектуалов. Она приобретает особое мистериальное очарование в глазах всех, кто интересуется социокультурной историей понизового локуса, его жителей, их повседневными и экстраординарными практиками. При всем том опубликованная рукопись остается фундаментальным исследованием различных сторон колониационного процесса как органичной части общей истории России. Вобрав в себя колоссальный объем полезной информации, она неизбежно будет востребована представителями различных областей знания.

Хотя родственные или смежные материалы автор порой помещает в разные разделы и не всегда соблюдает, как он пишет, «огоульно-хронологическую» последовательность [Там же. С. 114], удобнее всего придерживаться предложенной в книге внутренней логики.

Первая часть опубликованной работы [Там же. С. 21–76] выглядит наименее самостоятельной и носит преимущественно обзорный характер. Начиная изложение с доисторических времен, А.Н. Минх со ссылкой на сообщения летописей и других авторов рассматривает процессы восточнославянского этногенеза и политогенеза, постепенный рост значения понизового Поволжья, его место и роль в тяжелой эпоху ордынского ига, затем — в торгово-хозяйственных и геополитических интересах Московского государства после подчинения ему Казанского и Астраханского ханств. Говоря о продвижении Москвы на восток, А.Н. Минх приводит ценную информацию о строительстве здесь острогов, сторожевых линий и других не всегда успешных действиях по обеспечению безопасности новых границ от нападений кочевых орд и разбойничьих ватаг. Набор правительственных мероприятий в Поволжье, судя по их перечню, носил типовой характер, в целом соответствовавший тому, как решались аналогичные задачи, допустим, на южных рубежах страны [2. С. 13–52, 183–231]. Пристальное внимание уделяется возникновению и функциональному предназначению донского казачества как защитников «восточной границы нашего государства» [1. С. 44]. Не имея возможности постоянно держать там вооруженные силы, власть вынужденно использовала боевые навыки донских умельцев. Одна-

ко с их же деструктивным разгулом автор связывает наличие воровских городков и распространение разбоев по Волге и ее окрестностям. А после появления знаменитого С.Т. Разина с «работничками» «разбои достигли небывалых размеров» [Там же. С. 63], зато «подвиги» и неуязвимость донского атамана породили в фольклоре вереницу сказаний о спрятанных им кладах с несметными богатствами. Кроме того, следуя историографической традиции, А.Н. Минх тем же донцам отводит значительную роль в беспорядках смутного времени начала XVII в. Он считает их чуть ли не главными виновниками развязывания и распространения самозванчества. Однако принятая в дореволюционный период точка зрения не подтверждается результатами новейших исследований. Специально изучивший вопрос О.Г. Усенко пришел к более взвешенному выводу: «...казаки далеко не всегда и не везде оказывали поддержку лицам, публично претендовавшим на статус монарха или члена его семьи», — но даже «поддержав самозванца, казаки не обязательно шли до конца, что между отдельными группами казачества, вовлеченного в самозванческую интригу, бывали противоречия», а потому «весьма сомнительно, что для казаков было нормой выбирать “государя” из своей среды» [3. С. 73]. Попутно позволю себе указать на две незамеченные издателями ошибки — неверное упоминание фамилии донского атамана Ильи Зерщикова (в книге — Зарщикова) [1. С. 68; 4. С. 238, 239, 293, 296, 303, 308, 317, 320] и приписывание авторства известного иностранного источника о Смуте Мартину Бери. В действительности речь идет о «Московской хронике» Конрада Буссова, зятем которого был упомянутый лютеранский пастор [1. С. 52, 222; 5. С. 462]. Впрочем, последнее заблуждение вполне понятно в рамках научных знаний рубежа веков, когда создавалась рукопись. Завершается первый раздел рассмотрением сюжетов о начале раскола в русской православной церкви и новаторских шагах Петра I, породивших эмоциональную реакцию общественных низов в виде массовых ожиданий грядущего конца времен и расхожего отождествления императора-преобразователя с Антихристом [1. С. 72–74]. Не отвлекаясь на излишнее теоретизирование, саратовский ученый совершенно правильно полагал, что и тот и другой культурный взрыв «возбуждали общий ропот и раздражение народа» [Там же. С. 73], закладывая фундамент под грядущие социальные взрывы.

Тематический замысел автора предметнее всего реализуется во второй главе рецензируемой книги [Там же. С. 77–112]. Но этот же раздел в заметной степени основан на материалах, ранее частично введенных в научный оборот самим же А.Н. Минхом. Главным образом имеется в виду монография «Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии» [6. С. 29–45]. Дополненная теперь новыми сведениями, вся совокупность фольклорных записей автора становится репрезентативной базой данных для будущих этнографических и культурологических изысканий. С отсылкой к сохранившимся легендам и преданиям на страницах публикации собран внушительный ономастикон населенных пунк-

тов, гор, рощ, логов и др., названия которых зачастую связаны с именами или делами различных авантюристов. С завидным постоянством в книге приводится географическая, топографическая, гидрографическая, спелеологическая и тому подобная информация, дающая необходимое представление об особенностях исторического развития Поволжья в конкретных пространственно-временных координатах. Исследовательский потенциал всего этого должным образом еще не изученного массива известий трудно переоценить. На обширной и слабо освоенной территории отнюдь не благородные разбойники веками внушали ужас мирному населению невиданными злодеяниями. Но, словно наперекор всему, народная память донесла и приукрасила легенды о «героях» понизовой вольницы и их сокровищах: «Масса курганов, разбросанных по степям этого края, бродившие здесь разбойники и находки денег, зарытых в лесах, дают богатую пищу народному воображению, — отмечал А.Н. Минх. — По убеждению народа, всякий клад зарывался в старину с заклятием, и надо знать слово, способное его разрушить, тогда он “объявится”, иначе исчезнет». Однако, не отступая перед воздвигнутыми препятствиями, «давно уже ищет и роет их русский народ» [1. С. 82, 83].

Согласно рассказам информантов, существенным подспорьем в разбойничьем ремесле считалось знание особых заговоров, благодаря которым кандалы соскальзывали с рук и ног. Еще можно было «надеть свеч из человеческого жира», позволявших «свободно ходить в чужом доме и воровать», оставаясь незамеченным. Совсем неплохо, если удавалось обзавестись «косточкой-невидимкой», а то и волшебной «спрыг-травой». О последней А.Н. Минх приводит любопытное поверье: «Многие разбойники прежних времен вкладывали под ноготь листок прыг-травы и не трогали его до тех пор, пока он сам “не испарится”. Вор, обладатель прыг-травы, подносит палец к замку, и он тотчас же спрыгивает (отпирается)» [Там же. С. 80–82]. Чудодейственная помощь была крайне необходима «работникам ножа и топора» с учетом переменчивых симпатий капризной фортуны. Воспоминания поволжских старожилов, передаваясь из поколения в поколение, увековечили имена знаменитых предводителей, якобы обладавших сверхъестественной силой. Таков, например, некий Голяев, «который заговаривал ружья, сабли и был способен оборачиваться в разных животных, причем нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы — ясного сокола», а схвачен у своей «полюбовницы, что отымает де силу заговора» [Там же. С. 78]. Для понимания психологической атмосферы в Понизовье здорово помогают неоднократно приводимые А.Н. Минхом факты, что правительственные меры по предупреждению грабежей и душегубства лихих людей зачастую не достигали цели из-за готовности жителей с ними мириться, оказывать поддержку и не выдавать властям своей осведомленности. Неписанные правила сосуществования проявлялись в том, что разбойники без особой необходимости также старались не обижать сирых и убогих насельников края, хотя, конечно, такая мирная идиллия была далеко не в каждом случае.

Выше всех других удачливых вожakov народные предания ставят легендарные фигуры атаманов-колдунов Кудеяра и Стеньки Разина. Оба они, успев натворить немало бед, никак не могут упокоиться в мире. Давно превратившийся в седого и древнего старика Кудеяр терзаем по ночам огромной птицей и обречен «века сторожить свои сокровища в горе и несет кару Божию за разбой». Подобно ему, Стенька также жив «по настоящее время» и терпит страшные истязания, когда «змеи сосут его кровь». Встречающимся людям «рассказывает, что все грехи его прощены, кроме одного — самого важного. Этот грех состоит в том, что он ограбил один монастырь, причем зарыл в землю икону Божьей Матери. Эта икона будет томиться в земле до Страшного суда, а он — мучиться в продолжение этого времени на земле» [Там же. С. 92–93, 96, 98].

Сорок лет назад, изучая необычный культурный казус неокончательной смерти, М.Б. Плюханова не была знакома с рукописью А.Н. Минха и обращалась к фольклорным материалам, собранным А.Н. Афанасьевым в книге «Поэтические воззрения славян на природу». На их основании она пришла к фундаментальному выводу: «Смерть, будучи неокончательной, могла повторяться на протяжении биографии одного лица. Эта сюжетная коллизия приобрела важнейший смысл для русской народной эсхатологической картины мира. На ее основе можно было продлевать, переносить, растягивать в принципе однократную и мгновенную ситуацию конца света. То есть неокончательная смерть является фактом сознания такого же порядка, что и неокончательный конец света». Потому-то в русском фольклорно-эсхатологическом сознании Стенька Разин, соединявший в себе сакральные функции избавителя, Мессии и Антихриста, «заклучался в гору, уходил, исчезал, о его близящемся возвращении предупреждали “сынки”, он возвращался под именем Пугачева, возобновляя очищение земли, расправу и суд» [7. С. 192, 196]. Аналогичная культурная природа другого известного А.Н. Минху предания (об «Открывон-граде», за авторством самозванца Тимофея Труженника) [1. С. 93], не так давно была обстоятельно проанализирована Ю.О. Обуховой. Сопоставив рассказ мнимого царевича Алексея с архетипом «Вавилонского царства», историк утверждает, что в легенде об «Открывон-граде» «звучат эсхатологические предощущения конца света, акцентируются мотивы неокончательной смерти, а значит, идея многократного умирания и воскрешения “избавителя”». Кроме того, содержатся хилиастические приметы Страшного суда в конце времен, когда “истинный” царь сможет осуществить свою мессианскую функцию “крайнего судьи”. Наличествуют также в легенде известные фольклору сюжеты о найденных героем сокровищах» [8. С. 400–401]. Выводы обеих исследовательниц позволяют не сомневаться в том, что во всех подобных историях скрытый от поверхностного взгляда глубинный культурный подтекст, пусть на интуитивном уровне, был вполне понятен рассказчикам и их слушателям.

Заканчивая обзор второго раздела, не соглашусь с идентификацией личностей и конфессиональной принадлежности идейных вдохновителей пугачевского

бунта. Сам А.Н. Минх вполне уверен (с ним солидарны издатели книги), что в старообрядческом Средне-Николаевском монастыре Е.И. Пугачев получил от игумена Филарета «первое благословение на самозванство, и жители слободы Мечетной были из первых его укрывателей». К этому же тезису автор возвращается на более поздних страницах [1. С. 110, 168]. Между тем «протокол допроса Пугачева 18 ноября и не зависимые от него следственные показания людей, встречавшихся с ним во время его скитаний в 1772 г.», полностью опровергают распространенный историографический штамп, будто «идея самозванства была внушена местными раскольниками, а позднее одобрена и поддержана их единоверцами на Дону, в Поволжье и Заволжье, на Иргизе и Яике». Да и сам «император казаков» в конце концов признался, что оболгал Филарета, не зная «на кого б друга ему сослаться» [9. С. 128, 129].

В третьем разделе [1. С. 113–164] реальные события, происходившие в Поволжье, опять изображаются сквозь призму их переработки в ментальной лаборатории народного творчества. За основу исторического описания берется более поздний хронологический пласт, преимущественно XVIII столетие, но встречаются экскурсы в обе стороны от него. По своей направленности текст совпадает со второй частью, добавляя некоторые штрихи к прежним авторским суждениям. Значительное место отведено преданиям о возникновении тех или иных поволжских городов и сел. Окружавшие их густые леса, степные, горные и водные окрестности, в том числе Аткарский уезд Саратовской губернии, где проживал и трудился А.Н. Минх, по-прежнему оставались надежным приютом и удобными театральными подмостками, на которых многочисленные разбойные ватаги исполняли свои сольные партии. Их подлинные или переосмысленные дела, как в былые годы, нередко сохранялись за названиями географических объектов и обрастали новыми легендами и мифами, подобно тому как это случилось с Вислым лесом, а «имя его произошло от того, что в нем атаманы вешали ограбленных ими путешественников». Предание еще добавляет, «что в этом лесу зарыты ими клады» [Там же. С. 154]. Подавая утопической иллюзии быстрого обогащения, нередко до умопомешательства, забывая о собственном хозяйстве, крестьяне (и не только они) десятилетиями упорно искали призрачные сокровища.

Постепенно под искусным пером А.Н. Минха романтическая аура разбойного эпоса начинает рассеиваться. Те или иные неприглядные действия злодеев-удальцов нового времени все чаще сопоставляются с пугачевским лихолетьем, будто бы предсказанным разного рода небесными знаменами, о которых проницательный люд заключал, что «все это не к добру» [Там же. С. 166]. Народ, вспоминая старожилы, «сделался как шальной, и бояре (помещики) прятались от Пугачева. Прошел тогда слух, что Пугач хочет освободить народ от помещиков и наделить мужиков земель, сделав их вольными», и, заметим, очень важно, что мужик «верил и шел к нему». Не удовлетворившись аргументами собеседников, А.Н. Минх посчитал необходимым добавить, что «к сонмищам Пугачева»

также приставали участники различных воровских группировок [Там же. С. 144, 160]. С подобным уточнением нельзя не согласиться: действительно, разбойный элемент, но главным образом вовсе не он, был одним из источников формирования рядов восставших. И вот уже между тривиальными бандитами с большой дороги и протестующими пугачевцами, по существу, поставлен знак равенства. По этому поводу Ю.Г. Степанов высказал удивительно точную мысль: «Русский разбой, как и русский бунт, был отчаянной попыткой народа отстоять свою свободу, даже такой ценой» [Там же. С. 15–16]. Но, как кажется, едва ли автор книги захотел бы подписаться под этими словами. Неслучайно он старался подчеркнуть негативный осадок в местных преданиях о Е.И. Пугачеве, особенно в тех губерниях, «где его именем грабили, резали, вешали и истязали помещиков, чиновников и других лиц» [Там же. С. 169].

Повествование о народном мятеже незаметно перетекает в заключительный раздел [Там же. С. 165–194], написанный, как сказали бы сейчас, на языке вражды. По крайней мере ни один из бывлых атаманов или их товарищей, в отличие от всех пугачевцев скопом, не заслужил от А.Н. Минха столь нелюбезных эпитетов: «сволочь», «сброд» и т.п.

Лейтмотивом дальнейшего действия являются многочисленные зверства пугачевщины, творимые руками самого предводителя и его соратников. По отношению к ней А.Н. Минх менее всего проявляет себя беспристрастным ученым-исследователем. Да и как обычный здравомыслящий человек – он представитель дворянского сословия, а отнюдь не ревностный защитник униженных и оскорбленных. Поэтому абстрактные нравственные категории «добра» и «зла», «добродетелей» и «грехов» он не мог воспринимать без гнева и пристрастия, но только в рамках естественных для образованных господ мировоззренческих установок. Они хорошо прослеживаются при знакомстве с записками мирового посредника, обязанности которого в своем уезде ему довелось исполнять после отмены крепостного права. В одном из описанных там случаев он буквально насмехается над «невежеством» землепашцев, твердивших «о „сипации“ (эмансипации) как о существе одушевленном; в особенности много толковали о „сипации“ бабы, называя ее Индейской королевой, которая должна скоро придти». Иначе говоря, по его собственным словам, крестьяне – это грубая и необразованная масса. При соответствующем раскладе их вполне допустимо «по-отечески» поучить, как повсеместно бывало в более или менее отдаленные времена. А.Н. Минх не видел ничего предосудительного, если «доставалось иногда человекам 5–10 попробовать розог». С чувством сопереживания он признает отдельные эксцессы и перегибы, но объясняет их тем, что «помещику, в особенности старику» трудно было в короткое время совершить полный переворот «вековых закоренелых привычек, понятий и убеждений» [10. С. 5]. Отсюда следует, что проблемы недавних крепостников автору книги достаточно близки и понятны, вникнуть же в эмоционально насыщенный мир крестьянских тягот и волнений ему не дано. Не признавая за просто-

людинами равного человеческого достоинства, он не признавал за ними и права на его защиту, вплоть до насилия над теми, кто веками творил бесчеловечный произвол. Полагаю, именно сословные стереотипы предопределили авторский негативизм в отношении к пугачевскому бунту. Искреннее душевное сочувствие к его жертвам оборачивается едва ли не библейским «Аз воздам» по отношению к поверженным бунтовщикам. Впрочем, в таком аксиологическом предубеждении к боровшимся за вольную жизнь крестьянам, казакам, горнозаводским работникам, башкирам, татарам, мордве и прочим повстанцам А.Н. Минх был отнюдь не одинок. Достаточно вспомнить, например, классические монографии дореволюционных историков Н.Ф. Дубровина, А.И. Дмитриева-Мамонова и др. Более того, честь и хвала ему за то, что в отличие от многих современников он не только сумел увидеть и оценить уникальное своеобразие народной культуры, но осознал необходимость сохранения ее богатого наследия. Рецензируемая книга, наряду с более ранними работами, является неоспоримым тому доказательством. Что касается фактических неточностей, можно упомянуть неверное именование двух лжеимператоров, ошибочное предположение, что некий мнимый Иван Антонович гипотетически мог возглавлять народный бунт, а большинство самозванцев, подобно записным живодерам, будто бы без

конца «жгли, грабили, убивали» [1. С. 166–167, 168]. Но в этих заблуждениях нет личной вины А.Н. Минха, они вызваны недостаточной осведомленностью тогдашней историографии о тонких нюансах самозванческих интриг XVIII столетия, к тому же их незначительность неспособна умалить огромный концептуальный и эвристический масштаб «Разбоев и кладов» в отечественной историографии.

Подводя итоги, соглашусь с мнением Ю.Г. Степанова, что труд А.Н. Минха сохраняет высокую актуальность, имеет исключительное значение для российской исторической науки и всегда будет вызывать непреходящий интерес «как у специалистов, так и у всех тех, кто интересуется историей России» [Там же. С. 16]. Знакомство с ним показало, что мы имеем дело с ярким памятником исторической мысли, являющимся, кроме того, подлинной энциклопедией народных преданий и представлений об очень важных и малоизвестных страницах минувших столетий. Титаническая работа, которую пришлось проделать Александру Николаевичу Минху, несомненно, уготовила ему достойное место в ряду доблестных служителей Клио. Поэтому от лица многоликой корпорации ученых хочу выразить глубокую признательность всем саратовским коллегам, приложившим руку к изданию замечательной книги «Разбои и клады Низового Поволжья».

Список источников

1. Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2021. 336 с.
2. Ляпин Д.А. На окраине царства : повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
3. Усенко О.Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения : сб. науч. тр. Н. Новгород : Кварц, 2012. С. 65–77.
4. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) : сб. док. М. : О-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 527 с.
5. Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. 608 с. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX).
6. Минх А.Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии (собраны в 1861–1888 годах). СПб. : В тип. В. Безобразова и ком., 1890. 152 с.
7. Плоханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья : сб. ст. М. : Наука, 1982. С. 184–200.
8. Обухова Ю.А. Социальная утопия самозванца Тимофея Труженника (легенда об «Открывон-граде») // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2014. С. 397–402.
9. Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками : источниковедческое исследование. М. : ИРИ РАН, 1995. 272 с.
10. Минх А.Н. Из записок мирового посредника // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов : Тип. Союза печат. дела, 1911. С. 1–29.

References

1. Minkh, A.N. (2021) *Razboi i klady Nizovogo Povolzh'ya* [Robberies and Treasures of the Lower Volga Region]. Saratov: Saratov State Law Academy.
2. Lyapin, D.A. (2020) *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the outskirts of the kingdom: daily life in the south of Russia in the 17th century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
3. Usenko, O.G. (2012) Kazaki i samozvantsy v period Smuty [Cossacks and impostors during the Time of Troubles]. In: *Mininskie chteniya* [The Minin Readings]. Nizhny Novgorod: Kvarc. pp. 65–77.
4. Kirievsky, I.I. (ed.) (1935) *Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.)* [The Bulavin Uprising (1707–1708)]. Moscow: Society of political prisoners and exiled settlers.
5. Bussov, K., Elassonskiy, A. & Gerkman, E. (1998) *Khroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
6. Minkh, A.N. (1890) *Narodnye obychai, obryady, sueveriya i predrassudki krest'yan Saratovskoy gubernii (sobrany v 1861–1888 godakh)* [Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province (collected in 1861–1888)]. St. Petersburg: V tip. V. Bezobrazova i kom.
7. Plyukhanova, M.B. (1982) O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii XVII v. [On some features of personal consciousness in Russia in the 17th century]. In: Karpushin, V.A. (ed.) *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 184–200.
8. Obukhova, Yu.A. (2014) Sotsial'naya utopiya samozvantsa Timofeya Truzhenika (legenda ob «Otkryvon-grade») [The social utopia of the impostor Timofei Truzhenik (the legend of Otkryvon-grad)]. In: Isaev, D.P. et al. *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshcheyna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoy nauki* [Scientific legacy of Professor A.P. Pronstein and topical problems of the development of historical science]. Rostov on the Don: Fund for Science and Education. pp. 397–402.
9. Ovchinnikov, R.V. (1995) *Sledstvie i sud nad E.I. Pugachevym i ego spodvizhnikami : istochnikovedcheskoe issledovanie* [Investigation and trial of E.I. Pugachev and his associates: a source research]. Moscow: RAS.
10. Minkh, A.N. (1911) Iz zapisok mirovogo posrednika [From the notes of the mirovoy posrednik (conciliator)]. In: *Materialy po krepostnomu pravu. Saratovskaya guberniya* [Materials on serfdom. Saratov Province]. Saratov: Tip. Soyuz pechat. dela. pp. 1–29.

Сведения об авторе:

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске) (Нижневартовск, Россия). E-mail: VYMaul@mail.ru

Information about the author:

Maul Viktor Ya. – Doctor of History, Professor of Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate) (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 22.02.2022

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 76

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 14.05.2022 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 27,8. Усл. печ. л. 25,7. Тираж 50 экз. Заказ № 5014. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.05.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru